

Как Адам Еву нашёл

«Контактовцы» о любви

Сборник повестей и рассказов

Книга вторая

Новокузнецк

2022

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Как Адам Еву нашёл

«Контактовцы» о любви

Сборник повестей и рассказов

Книга вторая

Составитель – Николай Калашников

Новокузнецк
«Ник без Company»
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К16

К16 Как Адам Еву нашёл : «контактовцы» о любви : сборник повестей и рассказов : книга вторая / сост. – Николай Калашников ; Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Ник без Comranі, 2022. – 384 с.
12+

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Карнавал

(НФ)

Наталья КОЛЕСОВА

Самый лучший техник

– Раз-згильдяи!

Камилл обвёл понурившихся подчинённых сощуренными недобрыми глазами. Кое-кто переступил с ноги на ногу. Кто-то вздохнул. Тяжело.

Камилл прошёлся по тесной от людей комнате, резко поворачиваясь на носках. Он был высоким, сухоощавым, гибким, как хлыст, и таким же опасным.

– Волки позорные! Раззявы пустоглазые! – гремел Камилл. – Где я вам возьму сейчас техника? Где? Допрыгались! Доигрались!

– Камилл, – грустно позвал Джереми, воздевая очи горе.

– Молчать! – рявкнул тот. – Молчать и слушать!

Джереми вздохнул и понурил свою громадную рыжую голову. Искося поглядывающие на него сотоварищи молча переминались с ноги на ногу. Перебивать Камилла было небезопасно. Тем более что они были виноваты – разбили вдребезги новёхонький вездеход, а те развалюхи, что остались, вряд ли могли добраться самостоятельно даже до ближайшей базы.

– Камилл... – через несколько минут скорбно повторил Джереми. Хозяин остановился, уставился на него свирепыми чёрными глазами.

– Ну? У тебя ещё хватает наглости мне возражать?

– Упаси боже! – с непритворным ужасом вскричал Джереми. – Я только хотел... Я договорился с торгашами о технике – самом лучшем. Вот.

Играя желваками, Камилл некоторое время смотрел на него. Джереми сопел. Наконец хозяин осведомился ядовито:

– И он будет ремонтировать вездеход ещё полгода?

– Самый опытный, Камилл! – вскричал Джереми. – Самый лучший! Он, надо сказать, собаку съел на этих вездеходах! Все зубы обломал! Какой-то месяц... ну, полтора – и вездеход будет как новенький!

И почтительно увял под пронзительным взглядом Камилла. Тот обвёл глазами понуренные головы, сделал короткий резкий жест кистью руки.

– Вон! Проваливайте! Все!

Сталкиваясь в дверях, провинившиеся вылетели из комнаты, отдуваясь и вытирая лбы. Дождавшись, пока последний почтительно и бережно прикроет тяжёлую дверь, Камилл сел перед видеофоном и сказал совершенно спокойно:

– Сводку мне.

– Камилл! – рявкнул фон. Камилл поморщился. Он всё собирался отрегулировать звук. – Техника привезли! Джереми встречает!

Камилл понёсся по коридору – высокий, стройный, небрежно засунув в карман щеголеватого чёрного комбинезона искалеченную левую руку.

Встречал техника не только Джереми. Встречало чуть ли не всё население базы. Уже почти два месяца, как здесь не появлялся свежий человек, а заодно и почта.

Сочно чмокнула перепонка шлюза. Камилл увидел отвалившуюся челюсть Джереми и стремительно развернулся. Ещё никто ничего не успел понять, а Камилл уже дёргал Джереми за косматую бороду, яростно приговаривая:

– Опытный техник, да? Техник-асс, да?

Джереми хлопал глазами и жалобно помыкивал. Отшвырнув его с дороги, Камилл разъярённо устремился по коридору, предвкушая разговор с торгашами. И услышал сзади робкое:

– А кто здесь Камилл?

Камилл замедлил шаг, глубоко вздохнул и повернулся. Техник стоял у шлюза, нерешительно оглядываясь. На лицах встречавших бродили неопределённые ухмылки. Техник посмотрел на Джереми и, почувствовав доверие к его внушительности, шагнул вперёд. Джереми приосанился, поправил всклокоченную бороду, осклабился и со свистящим:

– Вот-с... – указал на Камилла.

Техник послушно перевёл глаза на мрачного начальника. Камилл встретил вопросительно-приветливый взгляд и в замешательстве потёр щеку. Надо отдать должное – техник не испугался его изуродованного старыми шрамами и ожогами лица. Во всяком случае, ничем не выдал, что испугался.

– Меня зовут Анна, – сказал техник, протягивая ему руку. Глаза Камилла остановились на этой небольшой ухоженной мягкой руке; он фыркнул, как рассерженный кот, и сказал поверх головы техника:

– Джереми! Устрой! На одну ночь!

И чётко, по-военному, развернувшись, стремительно пошагал по коридору. Анна, растерянно улыбаясь, глядела ему вслед. Она редко сталкивалась с откровенной грубостью. За спиной техника вздохнули так глубоко, что у неё шевельнулись волосы на голове. Джереми осторожно похлопал её по плечу.

– Не волнуйтесь, детка, он не всегда в таком настроении. Как, говорите, вас кличут?

Техник снизу доверчиво смотрела на него.

– Анна? А вас?

– Я Джереми. А что до остальных, – он мотнул головой в сторону подтягивающихся обитателей базы, – то с ними порядочной девушке и никаких дел иметь не советую!

– Ах-ах-ах! – громко сказал кто-то. – Можно подумать, он с нами сроду на рудниках не сживал!

– Идёмте, дорогая! – величественно прогромыхал Джереми, поспешно увлекая техника в недра станции.

– Доброе утро, Камилл. Где тут у вас завтракают?

Камилл был вынужден остановиться. Техник стоял посреди коридора, глядя на него с доброжелательным вниманием. Её слабо вьющиеся волосы были забраны в девчоночий хвостик, отчего Анна казалась ещё моложе.

– Первая смена завтракает в бывшей офицерской столовой, – пришёл на помощь Джереми, так как Камилл хранил молчание, разглядывая её с требовательной бесцеремонностью. На технике было очень симпатичное красное платье, длинное сзади, спереди открывающее крепкие круглые колени. Джереми, косо глянув на неопределённо улыбавшегося начальника, протиснулся вперёд, показывая дорогу. Спускаясь по металлическим ступеням, Анна почувствовала, что сзади ей наступили на подол и, повернувшись, выдернула затрещавшую юбку из-под увесистого ботинка Камилла.

– Извините, – на ходу бросил он. – Кстати, комбинезон для техника гораздо практичнее.

– Он у нас такой рассеянный, – пробормотал Джереми, сам не веря своим словам. Анна, чуть не плача, разглядывала испорченный подол. А она так старалась!

Парни были бриты, мыты, и за столом царило оживление. Камилл зорко ловил взгляды, бросаемые на техника, – быстрые, исподлобья, искоса... И мрачнел. Вчерашний разговор с торгашами ничего не дал – если Камилл отсылает лучшего техника, пусть ждёт следующего ещё месяц. А мысли Анны были заняты испорченным платьем и неожиданной неприязнью начальника базы. Она сидела рядом с громадным Джереми, не поднимая глаз, но чувствуя хищный взгляд Камилла, безо всякого аппетита ковырялась в тарелке.

Встав, отодвинула почти нетронутый завтрак.

– Как мне найти ангар?

Чуть ли не вся столовая была готова оказать ей немедленную помощь, но Камилл сказал железно:

– Джереми.

Джереми неохотно оторвался от только что принесённой добавки.

– Только я сначала переоденусь, – сказала Анна, метнув сердитый взгляд в спину уходящего начальства.

Не увидев на ужине ни Джереми, ни техника, Камилл поднял брови. Услышав же, что они до сих пор в ангаре, поднял изломанную бровь ещё выше и отправился к заблудшим.

Войдя, Камилл сразу наткнулся на широкую спину Джереми. Пригорюнившись, тот наблюдал за техником в тёмно-зелёном комбинезоне: напевая, громыхая инструментами и командуя роботами, она с головой ныряла в остатки громадного корпуса.

– Что это? – оторопело спросил Камилл.

– Это вездеход, – объяснил ему Джереми. И подумав, добавил: – Был.

– Да она что, рехнулась? – Камилл рванулся вперёд, но путь ему преградила громадная дюза, и он неистово замахал длинными руками, привлекая внимание. – Техник! Эй, техник! Как там её... Анна!

Техник показала своё испачканное лицо, озабоченно огляделась. Быстро вскарабкавшись на кучу металла, стремительно съехала вниз. Она была оживлена и, оказавшись в своей стихии, забыла о его грубости.

– Ну кто так обращается с вездеходами! – весело воскликнула Анна. – Что один, что другой, что третий...

– Мы вас зачем сюда пригласили? – перебил её Камилл.

– Устранять поломку, – удивилась техник.

– А вы что делаете? – ткнул Камилл пальцем. Анна оглянулась. Удивилась ещё больше.

– Устраняю. Если помудрить ещё с прямотоками, вы его не узнаете. А когда закажу допдетали на централке, возьмусь за другие...

– И за сколько вы собираетесь всё это закончить? – спросил Камилл с таким спокойствием, что Джереми содрогнулся.

– Недели за три, – подумав, сказала Анна. – Да, за три, не меньше.

– За три?!

– Да, – она озабоченно поглядела на Камилла. – А надо быстрее? Я, конечно, постараюсь, но...

– Постарайтесь, – снисходительно порекомендовал Камилл. – Постарайтесь.

Анна кивнула и опять нырнула в недра вездехода.

– Джереми, ужинать сегодня собираетесь?

– Не знаю, – удручённо сознался Джереми, – я не могу оторваться. Видишь – пасутся.

Техник, повернувшись к ним спиной, нагнулась, Джереми крикнул и посмотрел на Камилла. Камилл, недобро сощурившись, глядел через плечо на «волков».

– Ладно. Иди. Только жри быстрее, у меня ещё сеанс с торгашами.

– Милостивец! – взревел Джереми, вскакивая. – Благодетель! Я реактивно!

– Технику хоть сэндвич захвати! – крикнул Камилл вслед пустившемуся тяжёлой рысью Джереми.

Камилл медленно достал сигарету. Тотчас ему поднесли зажигалку, он прикурил и стал смотреть на просачивающихся в ангар «волков». Нерешительно посмеиваясь, они поглядывали то на снующего техника, то на молчащего Камилла, но мало-помалу осмелели.

– Аннет! Вам помочь? – крикнул кудрявый Черныш.

Та на мгновение вынырнула, показав улыбающееся лицо.

– Спасибо, Джекки! Вы мне всё перепутаете!

Джекки. Камилл задумчиво передвинул в угол рта сигарету. Джекки.

– Гладкая девчужка, а, Камилл? – сказал плотный, квадратный Губер, вытянув бычью шею, чтобы увидеть присевшую на корточки Анну. Камилл, продолжая курить, молча согласился. Даже мешковатый комбинезон не мог скрыть её манящего тела.

Лучше бы она была плоской, как доска...

Губер сбоку поглядел на Камилла.

– Оголодал? – нехотя спросил Камилл.

– Есть маленько, – согласился Губер.

– Обломись, – тихо сказал Камилл.

Губер длинно свистнул. Наклонился, не спуская жадных глаз с каменного лица хозяина, протёр ботинки.

– Уже?

– Уже, – подтвердил Камилл.

– Быстрый ты, начальник...

– Быстрый, – согласился тот. – А если ты так оголодал, дуй на централку к девочкам.

– Я-то, положим, дуну, – с достоинством сказал Губер. – И обломлюсь, поскольку тебя уважаю, а что до остальных...

Камилл сонно взглянул на него. Губер немедленно встал.

– Спасибо, конечно, я прямо завтра и поеду, и своих предупрежу, да только...

– Езжай с богом! – мягко напутствовал его Камилл. Он глядел вслед Губеру и его ребятам задумчиво. Эти четверо явились сюда месяца два назад, попросив приюта, и Камилл был уверен, что они отсиживаются после какого-то громкого дельца, но было ему на это глубоко плевать.

...Грохот, рёв и жалобный крик Анны слились воедино:

– Ой, прости, Джекки, я не хотела!

Камилл пружинисто вскочил на кучу металла. Схватившись за ногу, Черныш с проклятиями прыгал на другой. Анна бегала вокруг, сокрушённо всплескивая руками.

– Прости, Джекки! Я не знала, что ты у меня за спиной! Очень больно?

Черныш мычал.

Камилл услышал за собой довольное уханье. Джереми с двумя огромными сэндвичами в лапах неприкрыто веселился:

– Он погладил её по задку, а она уронила ему эту штуку на ногу! Анни! Иди ужинать!

Попритчав ещё над отмахивающимся Чернышом, Анна успокоилась и выбралась на поверхность. С завидным аппетитом вгрызлась в сэндвич. Джереми предупредительно подал ей бутылку колы. Сказала невнятно:

– Хорошо, что напомнили. Уже поздно?

– Поздно, – сказал Джереми, по-отечески убирая ей волосы с глаз.

– А танцы тут у вас бывают?

Джереми посмотрел на Камилла.

– Нет, – сказал сдержанно тот. – На моей базе одни мужчины.

– Одни? – Анна чуть не подавилась. – Но как же вы живёте?

– Плохо, – грустно сознался Джереми.

Камилл встал.

– Ну ладно. У меня ещё сеанс с централкой...

– А можно мне поговорить? – вскинулась Анна.

– Вы же только вчера приехали, – недовольно напомнил Камилл.

Джереми глядел жалобно вверх её русой головы.

– Ну, пусть поболтает, а?

Камилл двинул бровью и молча пошёл из ангара. Джереми подтолкнул техника:

– Беги, а то он опять взбесится!

Подхватившись, Анна припустила вслед по коридору, на ходу дожёвывая сэндвич.

Пока Камилл настраивал связь, Анна нерешительно присела. Когда-то единственная жилая комната на станции совмещала в себе всё – рубку, кабинет, пункт жизнеобеспечения... И здесь был рабочий стол Камилла, постель Камилла и вещи Камилла.

– Здесь Камилл, – объявил хозяин с привычной неприязнью.

Дежурный торговой станции тоже поприветствовал его сдержанно. Камилла недолюбливали, но как с единственным владельцем огромной и ценной территории были вынуждены считаться.

Анна исподволь рассматривала его тонкий профиль – не будь лицо так изуродовано, Камилл был бы, наверное, красив. Чёрные глаза немного восточного разреза, густые изломанные брови, блестящие чёрные длинные волосы...

Камилл взглянул на неё.

– Вы будете говорить?

– Да, конечно!

Он и не подумал выйти, даже не посторонился. Анна опёрлась о старый пульт, стеснённо поглядывая на начальника, вполголоса заговорила с радостно приветствовавшим её дежурным.

– Как там Хью?

Камилл нетерпеливо вскинул взгляд. Приложив ладонь к щеке, Анна рассеянно смотрела в стену, хмурясь и улыбаясь. Как и успокаивал его Джереми, она действительно была не очень симпатичной. Простое округлое лицо, мягкий нос, неяркие губы, обыкновенные серые глаза... Только вот чёртики, прыгавшие в этих глазах, когда Анна смеялась, смущали и беспокоили Камилла. А смеялась женщина часто.

Камилл пощёлкал пальцами, привлекая внимание, показал на часы. Анна быстро закивала.

– Всё-всё... Мишель, время! Да. И я тебя целую. Всем привет.

Она попыталась отключиться, но перепутала кнопки, и Камилл услышал громкий мужской голос:

– ...если эти подонки тебя чем-нибудь обидят...

Анна испуганно оглянулась. Камилл вырвал из её рук микрофон и хватил им о пульт. Техник, спрятав ладони за спину, отступила.

– Наговорились? – рявкнул Камилл. Анна быстро кивнула, нашаривая за спиной дверь.

– Ну и... спокойной ночи.

– Спокойной, – виновато сказала Анна.

Единственного врача базы – шарлатана Старого Козыря – в кабинете не было. Вместо него на кушетке лежал человек. При звуке открываемой

двери он вскинул голову – взметнулись кудрявые русые волосы – и сказал оторопело:

– Ой!

Камилл едва заметно поколебался, но всё же вошёл.

– Где Козырь?

– Кто? – испуганно спросила Анна, проводя его поворотом головы. – Ах, дедушка Вилли? Он побежал за какой-то мазью. У меня, видите ли, поясницу прихватило... профессиональная болезнь техников.

Камилл сел в кресло, положив ногу на ногу, и сказал вполне серьёзно:

– Если не хотите окончательно слечь, не давайте себя ничем мазать.

Анна недоверчиво улыбнулась:

– Ну что вы! Он такой милый!

– Все-то у вас милые, – проворчал Камилл.

Наступило молчание. Смотреть в комнатушке Козыря было не на что. Разве только на светящееся тело женщины: из одежды на ней были только узенькие белые плапочки. Камилл потёр левую руку и поморщился.

– Вы не можете отвернуться на секундочку? – принуждённо спросила техник.

Камилл поднял глаза. Удивился:

– Зачем?

– Ну... я оденусь.

– А... – равнодушно сказал Камилл. Пока женщина шелестела одеждой, он глядел на дверь. В дверь заглянула пьяная голова. Посмотрела на него, на Анну – Камилл, не выдержав, покосился тоже. Анна уже надевала свитер, очень стройная её белая спина была изогнута. Голова почмокала губами, подмигнула Камиллу и исчезла. Усмехнувшись, Камилл подумал: сплетня обеспечена. Ещё подумал и сказал вслух:

– И к лучшему.

Анна обернулась, спросила испуганно:

– Что?

– А что?

Потерявшись, она присела на край кушетки.

– Подожду дедушку Вилли...

Камилл пусто смотрел поверх её головы.

– У вас что, рука болит? – принуждённо спросила Анна через некоторое время. – Если хотите, я могу снять боль и воспаление. Меня курачи научили.

– Кто? – невольно переспросил Камилл. Курачи, жители одноимённой планеты, славились своей необщительностью, а уж чтобы чему-то научить чужака...

– Курачи. Я там немного жила. Если хотите, я попробую.

– Ну, хуже нашего Козыря никто не лечит...

Он сбросил куртку, стянул чёрную рубашку.

– Ой! – испуганно сказала Анна. Приложив ладонь к щеке, она смотрела на его изуродованную руку. Камилл с досадой вскинул глаза.

– Охать будем или лечить?

Мягкие пальцы осторожно коснулись его плеча, скользнули вниз до скрюченного запястья. Потом стало очень больно. Кости хрустели, Камилл кряхтел.

– Ага! – обрадовано крикнули от двери. – Тут-то я вас и застукал!

Анна оглянулась, улыбаясь. Старый Козырь, дёргая себя за седую козлиную бородку, подпрыгивая на ходу, спешил к ним.

– Вы уже друг друга лечить начали? А это я!

– Случай запущенный, – объяснила немного запыхавшаяся Анна. Выпрямившись, вновь внимательно осмотрела руку Камилла. – Думаю, мы можем заставить её работать. Ещё хотя бы десять сеансов...

Не глядя на неё, Камилл потянулся за курткой. Буркнул:

– Боюсь, в вездеходах вы разбираетесь лучше. Мне уже давно предлагают биопротез.

Странный талисман на его шее опять привлёк её внимание: что-то вроде наполненного пузырьками красного шарика на плетёном кожаном шнурке.

– Это вам трикки подарили, да?

Камилл быстро, как стыдливая женщина – грудь, прикрыл ладонью шарик. Сказал неожиданно грубо:

– Не ваше дело!

Анна беспомощно оглянулась на Козыря. Тот захлопотал:

– Теперь ваша очередь, детка!

Увидев, с каким испугом Анна смотрит на приготовления старого шарлатана, Камилл тихо рассмеялся.

У входа в ангар Камилл столкнулся с молодым парнем. При виде хозяина тот слегка смутился, и в то же время на его лице появилось что-то вроде вызова. Камилл посмотрел ему вслед озабоченно.

Анна сидела на борту полусобранного вездехода, вытирала платком низко открытую шею и с удовольствием оглядывалась. Она чувствовала себя среди машин как дома. Как, впрочем, и среди одних мужчин, с раздражением отметил Камилл.

– Как работа?

Анна открыто улыбнулась ему:

– Двигается.

Камилл брюзгливо уставился на железки.

– А быстрее она двигаться не может?

– Я работаю в полную силу, – ответила Анна, перестав улыбаться, но улыбка осталась в уголках губ, в ямочках на щеках, в прямо глядящих на него глазах. Эта неуловимость, неистребимость улыбки тоже бесила Камилла.

– А вам не кажется, что работа будет двигаться гораздо быстрее, если возле вас никто не будет околачиваться?

Анна вспыхнула, хлопнула ладонью по реместолу.

– Кажется! Так что попрошу не мешать мне работать!

Не найдя слов – приличных слов – Камилл резко повернулся. И услышал вслед звенящее:

– Можно подумать, вы хотите от меня побыстрее избавиться!

Камилл дошёл до дверей, закрыл, прислонился к ним спиной и скрестил на груди руки. Сказал совершенно спокойно:

– Так и есть.

– Но почему? – возмутилась она. – Что я вам сделала?

– Дело не в том, что вы сделали, а в том, что вы можете сделать. Когда у меня на базе появляются женщины, начинаются неприятности. Разбитые носы и сломанные челюсти не в счёт. Было и убийство. И визитов полиции мне вот так хватало! Да, мне нужен хороший техник... помолчите... мне нужен хороший техник, но не нужна женщина. Я не хочу отвечать ещё и за вашу безопасность.

– Я могу сама за себя постоять! – высокомерно заявила Анна. – И вообще, я не давала повода...

Камилл мог бы сказать – ты сама ходячий повод. Со всеми твоими улыбками, смехом, «Джекки-Джонни», крепкой грудью и ладными ногами... И что морды бьют и за мнимое предпочтение, оказанное кому-то другому...

– Словом, если хоть у одного парня будет разбит из-за вас нос, вы вылетите отсюда в два счёта!

Он возник как из-под земли. Оглядел растерянную Анну, поднимавшегося с пола парня и зажимающего лицо Лунгстрема – из-под пальцев текла кровь.

– Так, – сказал Камилл. Анне показалось – с удовлетворением. – Техник – в каюту. Вы двое – к Козырю и на рабочие места.

Анна открыла было рот, но пожала плечами и пошла к себе. Лунгстрем направился в противоположную сторону, а парень – как бишь его, Антон? – остался на месте, сверля Камилла злыми глазами.

– Ещё вопросы? – нежно спросил его Камилл.

Парень медленно сдвинулся с места. Но когда Камилл понёсся по коридору, остановился и с ненавистью уставился ему вслед.

Камилл перешагнул порог комнаты техника и остановился, поражённый: эти прохиндеи просто завалили женщину букетами...

Анна поглядела на него и сердито отвернулась. Волосы метнулись по плечам.

– Что это вы делаете?

– Собираю вещи, – неприязненно отозвалась она. – Можете не утруждать себя приказом.

– Я вас предупреждал, – возразил Камилл.

Анна молча впихивала вещи в сумку.

– Что произошло? – небрежно спросил Камилл, вертя в руках фотографию, стоявшую на столе. На ней улыбался беззубо лукавый светленький малыш. Анна вырвала у него снимок.

– Какая разница! Вы же всё наперёд знаете!

– Кто это? – неожиданно спросил Камилл. Удивлённая скорее его спокойствием, чем вопросом, Анна поглядела на снимок и сказала просто:

– Это Хью.

– Хью?

– Ну да! – она вдруг смущённо засмеялась. – А чему вы удивляетесь? Это мой сынок!

– Сын? – через паузу спросил Камилл. – Они взяли вас на базу с ребёнком?

– Ну да, – она простодушно пожалала плечами. – Одна бы я не поехала, а им позарез был нужен хороший ремонтник. Но Хью славный парень и с ним мало хлопот. Он совсем не капризный.

На её лице Камилл подметил ту слабую улыбку, мягкий свет, с которыми люди говорят о своих детях или любимых домашних животных...

– Ну а теперь, – услышала она его неожиданно мягкий голос, – вы расскажете мне, что случилось?

Анна вдруг рассмеялась:

– Вы не поверите – я разбила Лунгстрему нос!

– Вы... что? Что вы сделали?

– Ну да! Он был немного пьян... и немного груб, а Антон решил мне помочь. Лунгстрем ударил его, и Антон упал, и ему было больно, и тогда я просто ударила... вот так, – она двинула рукой снизу вверх. – Мне так жаль, Камилл, я редко выхожу из себя.

Камилл глядел на неё во все глаза.

Звонок слабо тренькнул. Вошёл Антон. Растирая сжатым кулаком скулу, быстро оглядел Анну. Камилла.

– А, защитничек! – приветствовал его начальник с неудовольствием. – Зачем пожаловал?

Парень молчал.

– Он, наверное, к вам?

Анна глядела без улыбки.

– Да нет, по-моему, к вам. Антон, вы помните, что я вам говорила?

Антон опустил напряжённые глаза и молча вышел.

– Что вы ему такое сказали? Почему он на меня зверем смотрит?

– Он, кажется... – Анна огляделась, словно ища что-то, вздохнула. – Он приревновал меня к вам.

– Ко мне?! – Камилл расхохотался так громко, что Анна рассердилась.

– А вы что, не мужчина, что ли?

Камилл вытер набежавшие слёзы. Глаза его искрились смехом.

– Кажется, мужчина, – согласился он. – Хотя, честно говоря, уже не мудрено забыть. И что вы ему на это ответили?

– Положила руку на сердце и объяснила, что вы не только за мной не ухаживаете, но просто мечтаете скорее от меня избавиться. Я правильно сказала?

Камилл машинально кивнул, и Анне сделалось грустно.

– Ну ладно, – сказал Камилл. – Если не возражаете, приду к вам завтра на сеанс.

– А что, я уже остаюсь? – удивилась Анна.

– Ну, ВЫ-то можете разбивать носы сколько угодно, – усмехнулся Камилл.
– Поле деятельности у вас большое.

– Знаешь, что я тебе скажу! – задыхался парень, извиваясь в железных руках Камилла. – Ты из-за того на стенку лезешь, что она тебе не даёт – тебе, козлу уродливому! Вот и выживаешь её отсюда, чтобы никто тебя не опередил! Пользуешься тем, что ты здесь хозяин, а за неё заступиться некому!

Влюбился, хладнокровно думал Камилл, продолжая удерживать его на расстоянии и не давая себя ударить. Бог ты мой, влюбился, суперменчик десантный! Ишь, как глаза тарачит! Щенок.

Он сделал быстрое, лёгкое, даже изящное движение, но парень, охнув, отлетел к стене и закашлялся, глядя исподлобья глазами, полными слёз, боли и злобы.

Камилл постоял над ним, не зная, что сказать или сделать. Этот парень пришёл к нему, потому что его выперли из Десанта, и он взял Антона – он был в отчаянье, и он был щенок, и он мог натворить что угодно...

Камилл помял пальцы и сказал только с жалостью:

– Дурак!

– Камилл! – рявкнул фон. – Полиция!

Анна испуганно отпустила руку Камилла.

– Рейнберг? – спокойно спросил тот.

– Новый. Толстый, с централки. Рыпается, Камилл!

– У нас всё в порядке?

Голос сделал паузу, сказал неуверенно:

– Вроде да.

– Проверь. Пошухери у Майкла.

Он поглядел на Анну. Положив тёплую ладонь на его локоть, она слушала, открыв рот.

– Идите-ка вы к се...

Тяжёлая дверь с грохотом открылась. Полицейские, вернее, один полицейский – широкий, плотный, с гладко бритой головой, – ввалился в комнату. Остальные маячили в коридоре, а чуть поодаль стояла группка тихо переговаривающихся жителей базы.

– Что это ты развёл здесь, Красавчик! – с порога закричал новый шериф.
– Притон! Укрытие для беглых преступников!

Камилл не спеша сел на кушетке и стал внимательно смотреть на блестящий лоб полицейского. Тот медленно наливался краской. Зацепив взглядом испуганно поджавшую ноги Анну, шериф рявкнул:

– Убери отсюда свою шлюху!

Камилл открыл было рот, но Анна стала медленно подниматься, и он с интересом уставился на её лицо – впервые без улыбки. Она шагнула к громадному шерифу, и Камилл очень испугался, что она влепит ему пощёчину. Потому что шериф не из тех, кто терпит от женщин пощёчины. А Камилл не из тех, кто терпит, когда в его доме полицейские бьют кого бы то ни было.

Но Анна, подняв голову, сказала тоном, что был почище пощёчины:

– Я техник торговой компании «Спейс», выполняющая работу по контракту. Анна Каускас. А ВЫ кто такой?

Шериф был вынужден вести себя повежливей: «Спейс» контролировал практически все поселения на планете.

– Прошу прощения, мэм, – сказал он, небрежно махнув рукой возле лба. – Шериф О’Хара. Мне нужно переговорить с этим человеком.

Анна оглянулась вопросительно. Камилл крутил в пальцах свой талисман и нехорошо улыбался. Чувствуя с ним некоторую солидарность, Анна осталась. Камилл опустил глаза и заговорил монотонно:

– Пересечение границ частного владения без предъявления особых полномочий. Проведение обыска на станции без санкции прокурора. Оскорбление служащего торговой компании. Многообещающее начало деятельности, О’Хара!

– Ты зарвался, Красавчик! – рявкнул шериф. – Мало того, что ты занимаешься грабежом и вымогательством. Мало того, что укрываешь преступников и покрываешь наркоту и пьянь. Ты ещё подкупил или запугал Рейнберга! Но со мной этот номер не пройдет, заруби себе на носу, Красавчик, понял?

– Понял, – сказал Камилл, улыбаясь. – А теперь вали отсюда, шериф сраный. И помни – пока ты этого не доказал, закон на моей стороне. Понял?

Он даже не дал себе труда подняться, только поднял улыбавшееся изуродованное лицо. Сейчас он был по-настоящему страшен. Страдая почти физически, Анна отвела глаза и услышала, как шериф пробормотал что-то очень невнятное.

– Ну, смотри... Красавчик, – только и сказал он. Неуклюже повернулся на пороге, поманил Анну толстым пальцем.

– Подите-ка сюда, техник. На минуту.

Приобняв её за плечи в коридоре, О’Хара приблизил к ней багровое потное лицо.

– Надеюсь, моя... ошибка не будет доведена до сведения вашего начальства? Я не ожидал встретить в этом... здесь порядочного человека. Порядочную женщину, вы понимаете? Поэтому советую как можно скорее закончить свою работу и вернуться домой. Скоро здесь может случиться большая заварушка.

Он последний раз сжал её мягкое плечо, кивнул и побрёл по проходу, заложив руки за спину. Обитатели базы с насмешливой почтительностью расступались, козыряя ему вслед. Кто-то свистнул.

– Цыц!

Парней как ветром сдуло. Камилл стоял на пороге комнаты. Смотрел на техника насмешливо.

– Ну что, док? Продолжим сеанс?

Анна неохотно вернулась. Этот эпизод вновь напомнил о рассказах, которыми её пичкали перед поездкой на базу Камилла. Взяв его руку, Анна почувствовала, что мышцы сведены судорогой.

– Расслабьтесь.

Камилл, словно только того и ожидавший, набросился на неё.

– Расслабься! Ни одна собака не пришла сюда, когда я подышал здесь один! Пять лет один! А сегодня, когда эта станция и этот лес, и эти горы – всё, всё это моё – вы приходите и требуете: дай, дай, дай! Сделай то, сделай это! Да, они приходят, и я не гоню их. Они приходят – непризнанные гении и неудачники, наркаши и гангстеры. Приходят и уходят. Приходят и остаются. Кому стало хуже, когда у никому не нужного калеки с рудника появились дом и работа? Кому помешало, что наркаш с тридцатилетним стажем Старый Козырь бросил траву? Кому, я спрашиваю? Я не ангел и не благодетель. Я просто человек, которому однажды пришлось плохо, и я не презираю, как вы, порядочные люди, тех, кому плохо сейчас! И я их вам не отдам! Ни их, ни трикки! Расслабьтесь!

Он выкрикивал всё это, придвинув лицо к лицу Анны – как из-под страшной маски сверкали гневные яркие глаза.

Анна осторожно положила ладонь ему на грудь. Камилл замолчал, с усилием закрыл глаза. И услышал негромкое:

– А теперь – расслабьтесь.

– Камилл, поехали! – Джереми всунул в дверь львиную голову. Камилл зевнул, потянулся гибким длинным телом.

– Ну и на здоровье!

– А ты?

– А я здесь отдохну.

Джереми сморщился. Присел на край кровати.

– Камилл, – сказал грустно, – что с тобой?

– А что такое? – осведомился Камилл не без раздражения.

– Ты совсем перестал ездить на централку. Может, ты...

Камилл смотрел на него с ленивой усмешкой.

– Может, у тебя что-нибудь не в порядке? – наконец сформулировал Джереми.

Камилл похлопал его по огромной пятерне. С его стороны это было высшим проявлением благодушия.

– Всё в порядке, Джереми. Всё у меня работает. Просто надоело, что они боятся смотреть на мою физиономию.

Джереми нерешительно поглядывал на него.

– Камилл... всё хотел спросить... а чего ты операцию не сделаешь? Они могли бы вернуть твоё лицо.

Улыбка Камилла стала напряжённой. Джереми вспомнил ходившую легенду, что Камилл в прошлом – знаменитый гангстер – и завернул:

– Или сделать другое.

– Мне не нужно другое, – сказал хозяин. – ЭТО моё лицо. А ты развлекайся, Джереми. Развлекайся, дорогой.

Джереми поднялся. Камилл из-под ладони смотрел на него. Гигант потоптался нерешительно.

– Камилл, а может, дело в этой девочке?

Ладонь Камилла сжалась в кулак – но и только.

– Хоть ты-то оставь меня в покое, – проворчал он, отворачиваясь.

Слова Джереми неожиданно задели за живое. Другое лицо... Можно было, действительно, сделать другое лицо, но он предпочёл оставить это, бросая вызов всему миру и вызывая ужас в глазах женщин – такой, какой увидел впервые. Странно, что он давно не вспоминал об этом. Он давно не любил ту женщину. Давно не вспоминал её и не жалел об ушедшем. Он вообще ни о чём не жалеет.

– Камилл!

Кажется, он задремал, потому что от звука её голоса его просто подбросило. Камилл сел, проводя рукой по лицу, нетерпеливо откинул назад волосы.

– Что такое? – спросил с раздражением.

Оживление её погасло.

– Извините, я вас разбудила, – Анна повернулась, отыскивая ручку двери.

– Разбудила, – подтвердил Камилл. – Ну, куда вы? Что хотели?

– Я узнала, что вы остались на выходной и... Знакомый почтовик завезёт мне Хью на пару часов, и мы... Я просто хотела позвать вас пообедать с нами. Если вы не против.

Пожалела, сумрачно подумал Камилл. Сидит, сын одинокий, в своей каюте и думу горькую думает. А сын дрыхнет и ни в одном глазу.

Камилл опустил глаза, поглядел на свою одежду. Спросил ворчливо:

– Мне что, переодеться к обеду?

Анна сказала извиняющимся тоном:

– Если можно. Я обещала познакомить Хью с настоящим капитаном.

– А, мундир и все эти побрякушки? Ну, тогда и вам придётся переодеться.

Анна улыbnулась, веселясь:

– Во что прикажете?

– В платье, что было на вас в первый день.

Они поглядели друг на друга и расхохотались, вспомнив судьбу этого платья.

Хью, поддерживаемый рукой Камилла, сидел на его плече. Хью было четыре года, и он был счастлив видеть маму и капитана, с которым только что играл в звёздные войны и охоту на дракона.

Почтовик, отвозивший продукты и аппаратуру соседним связистам, небрежно кивнул Камиллу, быстро отводя глаза от его лица. Камилл, увидев, как по-хозяйски он обнимает женщину за мягкие плечи, наклонился, спуская на пол Хью. Легонько шлёпнул его.

– Беги к маме.

Хью припустил к Анне. Прислонившись к стене, Камилл смотрел, как она наклоняется и целует его светлое улыбающееся лицо. Хью смеётся и, оторвавшись от матери, топаёт крепкими ножками к шлюзу. Почтовик, покосившись на неподвижного Камилла, целует Анну в подставленную щёку и тоже уходит. Люк закрывается с протяжным чмоканьем.

Анна некоторое время постояла, глядя на тусклый металл, обернулась, смахивая слёзы, и улыбнулась виновато:

– Ничего не могу с собой поделаться – всегда плачу. Он ещё такой маленький...

– Не одному ему трудно без вас обходиться, – рассеянно заметил Камилл.

– Это кто такой?

– Это? – Анна поглядела удивлённо. – Это Мартин, водитель с базы.

Добавила, подумав:

– Очень хороший человек. Хью он очень нравится.

– А Хью – ему?

– Тогда зачем бы он стал с ним возиться?

Камилл посмотрел на неё пристально. Она и вправду не понимала. Это, наверное, её и спасало.

– Да чтобы к вам подобраться, – разъяснил грубовато.

В глазах Анны блеснуло сожаление.

– Ну что вы! Он просто любит детей, вот и всё. Вот вам же нравилось играть с Хью, я видела. Я даже не знала, что вы можете быть таким.

– Каким?

– Ну, весёлым... добрым.

– Давайте-ка, вернёмся к нашему обеду, – предложил Камилл. – После военных действий я здорово проголодался.

Анна, мурлыкая, собирала на стол. Закинув руку за спинку кресла, он рассеянно следил за её движениями.

– Любите заниматься домашним хозяйством?

Смеясь, она оглянулась.

– Терпеть не могу! Я и сюда приехала, наверное, потому что здесь всё автоматизировано. Но уже немного соскучилась. И для вас готовить приятно.

И она замурлыкала свою песню дальше, а Камилл двинул бровью и остался недоволен тем, что её слова были ему приятны.

Камилл с аппетитом налёг на еду. Анна отпила вина, засмеялась:

– Какой у вас сосредоточенный вид!

– А отец Хью?

– У него своя жизнь, – подумав, Анна добавила: – И я на него уже не в обиде. Понимаете, ему было со мной скучно...

– Скучно?

– Ну да! Я была такой домоседкой, и очень любила его, и очень... очень доверяла ему. В общем, у нас была слишком спокойная жизнь, и он заскучал. Да и Хью не был ему нужен. Вот так всё и...

Перестав жевать, Камилл поглядел на неё

– Ну а потом?

– Потом? Понимаете, очень трудно встретить человека, чтобы он нравился и мне и Хью, и чтобы он действительно любил мальчика.

Камилл исподлобья глядел на её зажатое в ладонях лицо, улыбающиеся тёплые глаза, улыбающиеся мягкие губы... Осторожно положил вилку, отклонился на спинку кресла.

– Ну вот, – сказала Анна, не меняя позы, – мужу тоже не нравилось, когда я так на него смотрю. А мне было просто приятно смотреть, как он ест, что я ему приготовила.

Не знаю, что там испытывал муж... Камилл с усилием отвёл глаза.

– Неужели вам приятно смотреть на моё лицо?

– Ах, простите! – воскликнула Анна. – Я совсем забыла, что должна его бояться! А если я его просто не замечаю? Что мне прикажете делать? И почему вы всех обманываете?

– Кого – всех? Как?

– Почему притворяетесь не тем, кто вы есть, а гораздо хуже? Зачем? Кому от этого легче? Вам? Мне? Джереми?

– Откуда вы знаете, какой я на самом деле? – начиная раздражаться, спросил Камилл. – Из-за того, что мне понравился малыш, что ли? И кто вы такая, чтобы устраивать мне этот допрос? Какого чёрта?

Отодвинув тарелку, он встал. Поднялась и Анна, глядя на него обиженными круглыми глазами.

– Вы заметили, что ни один разговор у нас не закончился мирно? В жизни ни с кем не ругалась! Не могу понять, почему вы меня так раздражаете!

– Взаимно, – буркнул Камилл.

Говорить, собственно, было уже нечего. Камилл пошёл к двери, бросив на ходу:

– Спасибо за обед!

Не поднимая на него глаз, Анна бесцельно переставляла на столе посуду.

– Что здесь происходит? – наконец рискнула спросить Анна.

Камилл резко оглянулся и опустил автомат. Все примолкли.

– Ах ты, чёрт! – сказал Камилл с большой досадой. – Совсем забыл! Хэм, дай мне этих бездельников!

– Поздно, шеф, – доложил вертлявый Хэм. – Они нас уже глушат.

– Что случилось? – вновь спросила Анна.

– Ничего, – скучно сказал Камилл. – Вам придётся сидеть в моей комнате и регулярно вызывать централку. Когда они отзовутся, объясните, что здесь началась заварушка, и, если они немедленно не придут на помощь, вы погибли...

– Но что это значит? – крикнула Анна.

– Нас пытаются выжать со станции, а мы пытаемся отбиться. Полиция будет соблюдать нейтралитет. Вот и всё.

– Но кто... но почему...

Камилл дёрнул головой, поднял руку. Все тоже прислушались. И услышав то, что не удалось ей, дружно сорвались с места.

– Я могу помочь? – в отчаянье вскричала Анна.

Камилл обернулся.

– Сидите здесь, никого не пускайте и вызывайте своих торгашей... А... да.

И он бросил на стол перед Анной тупо ухнувший предмет. Анна отдёрнула руки:

– Зачем? Я же не умею стрелять!

– Понадобится – научитесь, – хмыкнул Камилл. И не оглядываясь, исчез за дверью. Услышав, как запели замки, Анна подскочила и со скрежетом закрыла массивный засов. Эту дверь трудно было взять даже взрывчаткой.

Ноги Анну не держали – слова Камилла и странные действия обитателей базы перепугали её. Больше всего на свете Анна боялась боли и бессилия, а тут ей было обещано и то и другое. Подняв пальцами бластер, она некоторое время разглядывала его, как неведомое и опасное животное, потом очень осторожно положила на стол. Попыталась связаться с базой. Эфир трещал, пел и завывал, и слушать эти звуки было неприятно. Но после них тишина стала просто невыносимой: как ни старалась Анна вслушаться, ни одного звука не доносилось в эту похожую на сейф комнату. Напевая, Анна прошла по ней туда-обратно. Ну что ж, если две банды взяли друг друга за глотки, благоразумнее всего соблюдать нейтралитет. Она опустила в глубокое кресло, подтянула к груди колени и приготовилась ждать.

Это оказалось очень трудно. Никак не удавалось внушить себе, что ей наплевать, кто победит в этой схватке – лишь бы она осталась цела. Невольно Анна думала о том, что не все ещё вернулись с выходных, и что людей у Камилла мало, и что ей жалко, если что-нибудь случится с дедушкой Вилли и с весёлым Чернышом, и с... немного обидевшим её Лунгстремом и даже... даже с этим богом проклятым Камиллом.

Анна заёрзала. Мысль, которая пришла ей в голову, была не только бесчестной, но и даже нелепой. Ей нет дела до его прошлого. Нет. Ясно же, там не было ничего хорошего.

Но она была одна. И она была в комнате Камилла.

Некоторое время Анна честно боролась с искушением, хотя знала, что ей его не одолеть.

Глубоко вздохнув, Анна встала и подошла к столу. В нём не было ни одного ящика, который бы запирался. Сама точно не зная, что ищет, осторожно проглядела кипы документов – но все они касались того времени, когда Камилл появился на этой планете. Ругая себя, Анна, тем не менее, подошла к шкафу с одеждой и открыла его.

И в это время база в первый раз дрогнула. Уцепившись за дверцу, Анна застыла в испуганном ожидании. Но продолжения не последовало. И, словно боясь не успеть, Анна нырнула в шкаф. Одежды было немного – комбинезоны, рубашки, белье, куртки. Анна поднырнула под неё в надежде обнаружить потайной сейф. Сейфа не было. Выпрямляясь, она уронила куртку. Торопливо подхватила её, встряхнула – и что-то крепко треснуло Анну по коленке. Потирая ногу, вновь нагнулась – за тяжёлой овальной металлической пластиной. Пластина матово блеснула на ладони. Анна вытянула руку и торжественно промаршировала к креслу. Села, с наслаждением уставившись на находку. Она явно была снята с форменной одежды, потому что носила на себе шифр космолота и название корабля.

«Шейх». «Шейх»... «Шейх»? Анна сдвинула брови и с досадой стукнула себя по колену. Не помню!

Станция вновь напомнила о себе, и Анна подхватила связь! Но Центральная опять не ответила, и она решила записать свой вызов на автомат. Изнывая от необходимости что-то предпринять, но, не зная – что – забегала по комнате, машинально сунув в карман медальон с «Шейха». Вновь подошла к пульту, рассеянно пощёлкала кнопками. И очень удивилась, когда на экране началось движение. По коридорам бежали люди. Анна включила ещё несколько мониторов. На всех происходило одно и то же. Станция воевала. Звук. Короткие возгласы и команды были невняты, автоматные очереди – оглушительны. Разобраться, кто есть кто, было невозможно. Но люди умирали. Анне ещё не приходилось такого видеть и, не спуская круглых глаз с экрана, она беспорядочно защёлкала тумблерами, стремясь избавиться от этого ужаса. Она добилась своего – экраны погасли. Но заодно погас свет и на всей базе. Анна, правда, не сразу поняла, что произошло, сжавшись в комок у слабо мерцающего пульта, и ожидая чего-то ещё более ужасного – пока не услышала, что пальба стихает.

Противникам требовалось время, чтобы выработать новую тактику боя. Никто из них ещё не сообразил – не очередной ли это замысел противника? Анна задумчиво почесала нос. Впереди забрезжили неясные перспективы. Она поиграла пальцами над пультом, но решила пока ничего не предпринимать. Несомненно, кто-нибудь из своих или чужих попытается добраться до дубля пульта жизнеобеспечения, а то и до самой каюты Камилла. И несомненно, своим это будет сделать легче, они лучше знают базу...

А если чужие доберутся быстрее? Анне опять стало страшно. Она включила переговорное устройство двери и опять вошла в кресло. На мониторах было темно и тихо, лишь иногда вспыхивали короткие перестрелки, и тогда коридор освещался на мгновение, по полу и стенам плясали чёрные тени.

Потом Анна услышала. И вскочила с ухнувшим сердцем – по коридору шли люди.

– Анна, – негромко сказал динамик. – Анна, откройте... Вы слышите меня? Откройте скорее!

Она бросилась к двери, схватившись за засов – и отдернула руки.

– Кто... кто это?

– Губер. Я Губер. Это Губер. Откройте же! Откройте скорее, пока они не пришли. Нам нужно связаться с полицией.

– Связи нет!

– Вы не умеете обращаться с передатчиком. Меня послал Камилл. Откройте!

– Почему молчат другие?

– Я один.

Анна вновь отшатнулась от двери. Губер – если это был Губер – врал.

– Откройте!

Послышалось невнятное бормотанье, и вдруг на дверь обрушились тяжёлые удары, переговорное устройство заревело:

– Открывай, сука! Открывай, тебе говорят!

Анна, спрятав руки за спину, отскочила от двери. Динамик ревел и ругался, а потом раздалась оглушительная очередь – пули стучали по брони двери, как град. Потом стало тихо. Оглушительно тихо. Только откуда-то доносилось странное шипение.

Динамик кашлянул, и хриплый голос сказал:

– Анна!

– Да. Кто это? Камилл? Это вы, Камилл?!

– Я. У вас всё в порядке?

– Там, у двери был Губер...

– Вижу, – кратко ответил Камилл. – Нет, не открывайте. Это вы вырубили свет?

– Да. Включить?

– Нет. Пока нет. Как централка?

– Молчит.

– Ладно. Не открывайте никому. Кроме меня и людей с базы. Ну... я пошёл.

В голосе его была странная нерешительность. Прильнув всем телом к двери, Анна выдохнула:

– Удачи!

Она услышала короткий смешок и быстро удаляющиеся лёгкие шаги. Анна вновь подошла к пульту и задумалась.

Очень медленно, стараясь ничем не брякнуть, она открыла засов и ряд магнитных замков. Тяжёлая дверь с трудом поддалась – ровно настолько, чтобы можно было протиснуться боком. Что Анна и сделала. И со сдавленным криком ужаса отпрыгнула к стене – её ноги наткнулись на что-то мягкое, лежащее поперёк дороги. Человек не шевелился. Кто это был, Анна так и не решилась проверить. Она двигалась вдоль стены. Вспыхивали и гасли фиолетовые лампы аварийного освещения, и каждый раз Анна с замиранием сердца ожидала увидеть выхваченный из темноты человеческий силуэт... Но ничего не было. Плохо знавшая базу Анна скоро заплутала в бесчисленных, похожих на лабиринт коридорах.

И странные звуки впереди скорее обрадовали, чем испугали её. Ступая медленней и осторожней, она заглянула за угол и застыла на месте.

Кого-то били. Били так увлечённо и сосредоточенно, что даже не заметили её появления.

Анна в отчаянье всплеснула руками. Кнопка бластера оказалась неожиданно податливой, и она вlepила в потолок заряд такой мощности, что сверху закапал расплавленный металл.

Реакция у бандитов оказалась хорошей. Они полегли на пол молча, кучей. Анна растерянно глядела на них, сжимая в руке бластер. Чувствуя себя очень неуютно под её взглядом и под дулом вздрагивающего бластера, никто не

шевелился. Потом тот, что лежал впереди, скользнул гибкой змеей с пола – Анна испуганно шарахнулась. И узнала скорее интонацию, чем голос:

– Значит, вашему мужу было с вами скучно...

Камилл отобрал у неё бластер.

– Лежать! Всем руки за спину!

Он быстро, проворно, умело обыскивал «пленных», когда один из них попытался вскочить. Раздался резкий хлопок, Анна взвизгнула, Камилл прыгнул и оказался каким-то образом верхом на бандите. Что-то хрустнуло, и Камилл поднялся. Ожесточённо толкая покорно заложивших руки за голову бандитов, он загнал их в какое-то помещение и захлопнул дверь. Вновь наклонился к неподвижному человеку.

– Вы его... – голос Анны дрожал. – Вы его совсем... убили?

Переворачивая труп, Камилл взглянул на неё снизу. Лицо его было залито кровью.

– Мне показалось или нет, что он в нас стрелял? А ну... эт-то что такое? Дайте руку!

Голос его был груб. Анна виновато, как испуганная собака – лапу, протянула ему раненую руку. Камилл сморщился. Быстро, больно ошупал запястье, молча достал свой белоснежный платок. Перетянул кисть. Предупредил мрачно:

– Только не вздумайте реветь! Сами виноваты. Сидели бы себе в каюте!

– Не буду, – вздохнула Анна, здоровой рукой быстро смахивая слёзы. Камилл сделал вид, что не заметил. Сосредоточенно проверил языком – целы ли зубы – наклонился и, подхватив убитого под мышки, поволок куда-то...

– Поднимайтесь.

Анна попыталась встать, тяжело царапая ботинками по скользкому полу. Камилл поддержал её. Спросил, пристально разглядывая близкое лицо:

– Как самочувствие?

– Больно, – шепотом пожаловалась Анна, – и пить...

– Ясно. Запомните. Ничего страшного. Рана неопасная. Вы понимаете меня?

– Да. Конечно.

– У вас отсутствующий взгляд. Так. Ещё, – он стащил с себя жилет. – Надевайте. Это бронезжилет. Если уж вам так хочется подставлять себя под пули... Ну, быстро! Вот... Теперь идём!

Идти пришлось недалеко. Пригнувшись, Камилл скользнул в открытый люк. Они оказались в небольшом тёмном квадратном помещении. Сверху вместо потолка была частая решётка.

– Где это мы?

В голосе Камилла послышалась улыбка.

– Моя станция – как старинный замок. В ней куча таинственных помещений, о которых никто ничего не знает. Устраивайтесь поудобнее. Нам нужно отдохнуть и подумать. Вы как?

– Тошнит, – пожаловалась Анна. В темноте вспыхнул фонарик.

– Это скорее от недосыпания, чем от потери крови. Ложитесь, отдохните. А я покурю.

– И мне...

Он дал сигарету, жадно затянулся сам. Дым не задерживался в воздухе, уходил вверх, но Анна все равно ощутила незнакомый сладковатый запах.

– Наркотик?

– Немного, – помолчав, ответил Камилл. – Мне надо успокоиться.

– И часто вы так... успокаиваетесь?

– В последние годы реже, чем раньше... – Камилл с досадой бросил окурок. – Вечно вы всё портите!

Анна улыбнулась в темноте.

– Ну что вы улыбаетесь?

– А как вы увидели?

– Догадался. Знаете, что! Ложитесь-ка вы спать! Мне надо подумать.

Анна послушно улеглась, подстелив под себя куртку, но уснуть не могла ещё долго. Руку дёргало и непрерывно мозжило, Анна то и дело передвигала её по прохладному полу. Открывая воспалённые веки, видела, как разгорается и гаснет огонёк, выхватывая из темноты хмурое лицо Камилла.

Дождавшись, когда Анна уснёт, Камилл бесшумно поднялся, разминая затёкшие ноги. Повесил на плечо автомат и, двинувшись к люку, в нерешительности остановился над спящей женщиной. Присел на корточки. Лицо её было закрыто волосами, он осторожно дотронулся до них и удивился – он всегда думал, что у неё мягкие, как у Хью волосы, но завитки оказались жёсткими, упругими. Такой оказалась и она сама: мягкой на вид, робко-податливой, а на самом деле...

Анна то ли вздохнула, то ли застонала, и Камилл поймал себя на неожиданном желании погладить её по голове, как больного ребёнка... Он коротко вздохнул, поднялся и скользнул к выходу.

Анна проснулась почти сразу – не от какого-то звука, а от смутной тревоги. Подняла голову и стремительно выпрямилась: Камилл! Она осталась одна. Он бросил её! Запер и бросил, потому что она ему мешала. Анна хлопнула ладонью о пол и задела какой-то предмет. Фонарик. Анна осветила раненую руку. Кисть распухла, но не так страшно, как она думала. Рядом же лежал её бластер. Мерси, подумала Анна сердито.

Люк, конечно, был заперт. Анна беспомощно лягнула его и потёрла колено. А! Он же не взял свой бронезилет! Она дрыхла в его бронезилете, и он не стал её будить, боялся, что она за ним увяжется!

Анна задрала голову и взгляделась в решётку.

Огромные двери ангара были приоткрыты. Прислушавшись, Анна скользнула внутрь. Здесь всё было как прежде. Её рука ласково скользнула по борту вездехода. Это был выход, но... Анна вздохнула и побрела обратно – искать «своих».

В ту же секунду жёсткое тело обрушилось на неё сзади. Одна рука запечатала рот, другая обхватила поперёк груди, намертво блокировав её

руки, отчего бластер тупо стукнул о пол. Анна беспомощно обмякла в железных объятьях и застыла, услышав в коридоре топот многих ног. Вот и конец мне пришёл...

Узкий луч света проник в ангар. Заплясал на корпусах вездеходов.

– Да нет там никого! – буркнул недовольный голос. – Мы их всех в склады загнали. Идём!

– А девку из рубки выкурили?

– Да пусть сидит... Ну уж когда выйдет...

Жеребьячье ржание, удаляющийся топот... Анна почти повисла в руках мужчины – шею ей обжог горячий шёпот:

– Ну что вам на месте никак не сидится!

– Камилл!

Изо всех сил прижимая к себе руки Камилла, Анна несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь унять колотившую её дрожь. Некоторое время Камилл стоял неподвижно, потом Анна поняла, что он очень осторожно старается высвободиться. Анна мгновенно разжала руки. Камилл сказал с мягкой усмешкой:

– Ничего не имею против, но лучше в другой обстановке.

Анна вспыхнула, но ладонь Камилла накрыла её губы.

– Тшшш... Считайте, что вы всё уже сказали.

Его жёсткие пальцы скользнули по её губам так ласково, что Анна мгновенно стихла.

– А теперь скажите, что вы ещё натворили, – сказал Камилл тихо.

Анна поколебалась. Совесть её была нечиста. Но она сказала только:

– Ничего. А почему они не охраняют ангар?

– Они же знают, что у нас нет исправных вездеходов... – Камилл замолчал. Сказал негромко. – Анна, вы что, его починили?

– Не совсем. Но мы можем добраться до торговой базы. Или хотя бы до связистов.

Камилл рассмеялся, взъерошил ей волосы и мягко подтолкнул вперёд.

Камилл остановил вездеход, выключил свет в машине. К стёклам прильнула темнота, и лес подступил ближе. Шорохи, вздохи, шёпот дождя...

– Если мы доберёмся до вашей базы, нам окажут помощь?

Анна подумала, вспомнив истории, ходившие о Камилле и его «замке», сказала честно:

– Не знаю.

– Яс-сно... – Камилл постучал тыльной стороной запястий о пульт. – Придётся к ним. Как я не хотел...

– К нам?

– К ним. К трикки. К туземцам.

– Это далеко?

– Близко. Гораздо ближе, чем до вашей базы.

Он вёл вездеход быстро, уверенно, без толчков, как по давно известной дороге.

– Вот. Это здесь. Сейчас они придут.

Вокруг был тот же лес, тот же дождь, тот же серо-зелёный размытый мир.

– Вот они, – Камилл кивнул на колыхнувшуюся пелену тумана перед ними: она словно растаяла, обрисовав высокие белые светящиеся силуэты.

– Но они же просто пришли по воде! – возбуждённо воскликнула Анна.

Камилл усмехнулся:

– Чем не легенда о Христе, а? Вылезайте.

Уцепившись на всякий случай за рукав Камилла, Анна сделала несколько шагов по борту вездехода, поколебавшись, прыгнула следом, погружившись в воду по пояс; почти сразу же ощутила под ногами круто поднимавшийся склон, споткнулась – Камилл молча вытащил её за шиворот наверх, Анна бормотала: «Спасибо, спасибо», пытаясь отжать одежду... Распахнулся невидимый полог – тёплый свет и слабый свежий аромат струились навстречу.

Сделав несколько неслышных длинных шагов, Камилл остановился. Анна глядела во все глаза – в жилище туземцев она была впервые. Стены из какого-то полотна мягко мерцали при свете огня, накрытого чем-то вроде ребристой хрустальной чаши. Камилл молча расстегнул и бросил за спину ремни с оружием, потом куртку, майку, снял тяжёлые ботинки. Стягивая штаны, взглянул на озадаченную Анну.

– Раздевайтесь. Не валяйте дурака! Возьмите вон то покрывало. Вы промокли, а впереди у нас трудная ночь...

Анна со вздохом подчинилась. Камилл уже сидел у огня, согнув лёгкие колени бегуна. Чёрные мокрые его волосы блестели.

Туземцы появились бесшумно – высокие, тонкие, с белыми плоскими лицами. Светло-серые волосы свободно падали вдоль почти обнажённых тел – полупрозрачная ткань служила скорее украшением, чем одеждой. На шеях такие же подвески, как у Камилла. Триkki легко, бесшумно опустились на пол; один, не поднимая глаз, протянул над закованным в хрусталь огнём длинные руки. Камилл коснулся их лёгкими пальцами. Они перебросились несколькими фразами на языке триkki, и Камилл обернулся к Анне:

– Они приглашают нас остаться на ночь. А нашу «рыбу» они покормят.

– Рыбу?

– Ну да. Думаю, они считают вездеход прирученным животным...

– Пусть позаботятся, чтобы он не отравился, – деловито сказала Анна.

– А они не обидятся, если я скажу, что рада их видеть?

– Наоборот.

Анна наклонилась вперёд и старательно произнесла несколько примитивных благожелательных слов. Все, как по команде, повернули к ней лица. Полупрозрачные, обведённые красным веки были опущены, но Анна чувствовала устремлённые на неё пристальные взгляды. Мгновение стояло молчание, потом трое, сидевших у стены, поднялись и исчезли за занавеской.

Камилл недоумённо повёл головой.

– Сейчас они приведут своих женщин. Не понимаю. Они никому их не показывают, я сам видел их всего один раз... Ах ты, чёрт, я не подумал!

Губы его задрожали от сдерживаемого смеха. Анна не успела ничего спросить – вошли женщины. И при первом взгляде на них она поняла, почему их никому не показывают.

Они были прекрасны. Они были красивее женщин всех рас и цивилизаций, которых ей только приходилось видеть.

Они выскользнули из-за полога, и воздух наполнился ароматом и шелестом шёлковых тел, браслетов и подвесок. Они отличались от своих мужчин, как небо от земли, и казались существами иной породы. А может, они и были другими.

Камилл вздохнул и открыл глаза. Они были именно такими, какими он их помнил, и сердцу его стало больно. Они походили на фей, на эльфов, на волшебниц из сказок. Женщины глядели на Камилла разноцветными, дышащими, зыбкими, как туман, глазами. Анна тихонько охнула, и женщины повернули к ней обвитые светлыми волнами волос лица. Глядя, как они мерцающим кольцом окружают Анну, опускаются рядом с ней на колени, трогают лёгкими пальцами её руки, волосы, лицо, слушая их приглушённые, но музыкальные голоса, Камилл с удивлением думал: она опять принесла ему удачу. У него не было жены, но трикки думали, что он её прячет, а, приведя, оказывает им высокое доверие – и поспешили выразить своё. Последний барьер был сломан.

Анна смеялась. Она смеялась так самозабвенно, как смеются только дети, а женщины вторили ей звенящими голосами. Не зная языка друг друга, они беседовали с превеликим удовольствием.

Пальцы одной, с фиалковыми глазами, легко скользнули по круглой руке Анны. Замерли на повязке. Наступила тишина. Потом женщины вновь заговорили – Камилл не понимал ни слова, словно они говорили не на языке мужчин. Анна вскрикнула. Он привстал и увидел, что она машет ему разбинтованной рукой.

– Камилл! Я глазам не верю! Они вылечили меня! Совсем! Сразу!

Камилл, опускаясь обратно, проворчал:

– Давайте-ка и этому научитесь...

Они играли с Анной, как с любимой занятой игрушкой. Расчесали её жёсткие волнистые волосы, так что они ещё больше распушились, и, казалось, даже начали искриться. Ловкие пальцы вставили в кудри слабо светящийся цветок, повесили на гладкую шею поблёскивающее ожерелье, несколькими движениями окутали полупрозрачной, с искрами, тканью. С улыбкой она подставляла лицо: женщины раскрашивали его сосредоточенно, не спеша, обводили лёгкими пастельными мазками. Анна вновь махнула ему обеими руками, показав накрашенные светящиеся пальцы.

Кажется, Камилл понял, почему она нашла общий язык с неконтактными курачами. От неё исходило дружелюбие и приятие, как свет – от трикки. Человек, готовый одинаково принять и понять и подленького Старого Козыря, и прекрасных фей трикки, нужен в любой части вселенной. Таких надо отыскивать и возвращать, чтобы не было в мире трагедий, подобных Кольцу Змей...

Женщина с фиалковыми глазами чертила пальцем в воздухе, точно писала неведомые буквы. Небольшая твёрдая рука Анны опиралась о пол рядом с атласным коленом трикки. Анна быстро взглянула на Камилла, улыбнулась мимолётно.

И он вновь ощутил стеснение в груди – словно надолго задержал дыхание. Серые глаза Анны сияли радостным и ласковым огнём – отражением глаз трикки. И то странное выражение, что подметил Камилл на лицах мужчин, было восхищением...

Анна подошла к нему, опустилась рядом, обняв круглые колени. Счастливо вздохнула.

– Как хорошо, что вы меня взяли с собой!

Она явно забыла, зачем они сюда приехали. Камилл провёл рукой по лицу. Хотя он тоже забыл.

Огонь, заключённый в хрустальную чашу, становился красным, горячие блики ложились на лица мужчин. По кругу двинулась глубокая чаша. Трикки окунали туда руки. Камилл последовал их примеру, поднёс к лицу сладко пахнущие пальцы. И прошептал:

– Ох, чёрт, угораздило же нас!

– Что? – спросила Анна, шевеля в воздухе светящимися пальцами. – Что вы говорите?

– Мы угодили как раз на Праздник Перемен...

– На праздник? Но это же прекрасно!

Камилл сморщился.

– Ну, во-первых, нам теперь придётся остаться до утра... И ещё, дело в том, что...

И он уставился на очутившуюся в его руках вторую чашу. Нерешительно понёс её к губам и остановился. Глянул на Анну. Она смотрела на него в ожидании, приподняв брови и полуоткрыв губы. Лицо её, расцвеченное красками и огнём, было незнакомым, гладкое крепкое тело точно светилось сквозь тонкую ткань.

– Лучше будет, если вы это выпьете, – сказал он резко. Анна заглянула в мерцающую глубину чаши. Напиток оказался густым, освежающим нёбо, точно мята, и очень вкусным.

Железные пальцы сдавили её локоть.

– Не пейте много!

Анна передала чашу дальше, поправила волосы. Камилл глубоко вздохнул. Слава Богу, что он удержался...

Она улыбалась, ела плоды, что ей предлагали, разговаривала, но бросавший на неё длинные взгляды Камилл видел, что улыбка её становилась напряжённой, глаза – отсутствующими. Вот она провела ладонью по лбу и растерянно оглянулась, словно не понимая, как она сюда попала.

Что-то происходило. Анна чувствовала, как обострился слух. Она вдруг услышала шелест дождя и шорох ветра и писк пролетевшей птицы и шуршание её белесых кожаных крыльев, режущих темноту, дождь, туман.

Зрение стало странным – она словно видела сквозь стены на много миль вокруг: станцию с её защитниками и захватчиками; комнату на базе, где крепко спал, положив под щеку ладони, Хью, и она могла разбудить его прикосновением взгляда, но лишь погладила по голове... Она могла проникнуть в недра этой серой планеты и увидеть лучи далёкого солнца и звёзд, вечно скрытых пеленой дождя и бурых туч. А рядом Анна видела всё как сквозь толщу воды. Опасливо протянув руку, прикоснулась к чьему-то теплу.

– Камилл?

Вместо ответа его пальцы крепко сжали её запястье и вовремя – ей уже казалось, что она взлетает. Вместо голосов и слов слышала она сейчас один праздничный музыкальный шум. Кожу обвевала тёплая волна от очага, блики его пламени были физически ощутимы, прикосновение невесомой ткани превратилось в упорную, настойчивую ласку.

– Камилл? – повторила она непослушными губами, и имя эхом отозвалось в её голове, повторяясь бесчисленными голосами: Камилл, Камилл, Ками-и... – Что это? Что со мной?

Анна трянула головой. Тысячи маленьких колокольчиков – каждый на свой лад – пели у неё в ушах. Кончики пальцев онемели. Хватка Камилла ослабла, но она перехватила ускользающую ладонь, провела по ней пальцами, изучая каждую впадинку, шероховатость, шрамик, линию, словно читая забытые письма – снова и снова. Камилл отвернулся, стискивая зубы. У него не было сил высвободиться из этого нежного плена.

Она подняла тяжёлые глаза. Вокруг плыла цветная пелена. Цветной туман, в котором вспыхивали тёплые огни. И в этом тумане была только одна опора – твёрдая, бьющая током ладонь в её пальцах.

– Камилл... я не хочу... не пускай меня... я...

Лицо Камилла было совсем рядом – тяжело дышащее, с затуманенными глазами. Он жадно всматривался в неё, словно пытался понять, узнать, прочесть... Анна потянулась к нему, но перестала воспринимать окружающее прежде, чем Камилл нагнулся к её губам.

Она сидела, с недоумением оглядываясь, на заднем сиденье вездехода. Когда она успела уснуть? Они всё ещё едут к трикки? Внезапно её руки взметнулись. На ней был наглухо застёгнутый комбинезон. Анна растерянно пригладила волосы.

– Доброе утро, – сказал с водительского места Камилл.

– Уже утро? – испугалась Анна. – Я что, уснула?

– Вырубилась, как ребёнок, – усмехнулся он, не оглядываясь.

– А мы... мы уже... мы едем от трикки?

– Да. Почему вы спрашиваете?

– Я думала, мне всё это приснилось. Всё как в тумане... Я помню... что-то со мной творилось... я всё видела и слышала... и чувствовала... как-то не так. Что это было, Камилл?

– Был Праздник Перемен, – нехотя отозвался он, – новое время года...

– Время года? Да здесь же всегда одно и то же!

– Да. Для всех, кроме трикки. Но теперь вы будете замечать перемены. Трикки немного изменили вас... Ну, не пугайтесь, хуже вы от этого не стали. Просто немного обострилось восприятие. Вы пили особо приготовленный напиток. Его подают только близким друзьям.

– А... но... – нерешительно начала Анна.

Камилл дёрнул широкими плечами. Сказал ровно:

– В его состав входят и компоненты, вызывающие сексуальное возбуждение. Вы об этом хотели спросить?

Анна вспыхнула.

– Вы знали? Вы знали про это? Поэтому сами не пили! Почему вы не сказали мне?

Камилл вдруг ухмыльнулся.

– Мне было интересно на вас посмотреть.

– Вы... вы... – она просто не находила слов.

– Ну, не расстраивайтесь, – бодро сказал Камилл, – я не мог отказать им, это бы их обидело...

– Ну и пили бы сами!

Камилл тяжело вздохнул. Сказал просто:

– Я не мог. Боялся не выдержать.

У Анны порозовели уши.

– И ничего страшного не произошло, – небрежно заметил Камилл. – Вы вели себя вполне прилично.

– Правда? Я совсем... я почти ничего не помню...

Камилл промолчал. Ладони его вспотели. Глупо заводить. Глупо – при одном воспоминании о вздрагивающей у тебя под рукой упругой нежной груди, о бархатистости податливой спины, мягких губах... И невидящих глазах, устремлённых *сквозь* него... Этот-то взгляд его и остановил, хотя не остановил бы прежнего Сarti, берущего всё, что ему хотелось. Она любила... она желала не его... просто мужчину, любого мужчину. Не его.

Ему этого оказалось мало.

Хотя, кто знает, не жалеет ли он об этом уже сейчас...

Они были уже недалеко от станции, когда Камилл остановился. Только теперь Анна задумалась, что они будут делать дальше. Получил ли Камилл от трикки какую-нибудь помощь?

Перебираясь на переднее сиденье, она ощутила в кармане что-то твёрдое. Нерешительно достала найденную бляху. Взглянув на её протянутую руку, Камилл быстро вскинул глаза:

– А, так вы знаете...

– Знаю...

Он не уловил в её голосе слабо вопросительной интонации. Сказал нерешительно:

– И что вы об этом всё думаете?

– Не знаю, что и думать! – совершенно искренне ответила Анна.

Камилл откинулся на спинку сиденья, упираясь руками в пульт.

– Всё дело в том, что я всегда был везунчиком – в школе, в драках, у девушек, в Десанте... Я выводил своих парней из такого ада, где никто не мог остаться в живых. А я оставался. И они оставались. Это меня избаловало, и однажды я своё везенье переоценил. Они все... там. Все до единого. А я... ну вы видите. Потом... Я никогда не сомневался в себе. В своих решениях. А когда вышел из больницы, со мной всё было кончено... Я больше не мог быть командиром... и не из-за своего увечья. Я удрал от них. От друзей. Джозефины. Всех. Купил треть этой планеты, тогда она ещё считалась необитаемой, эту станцию. И несколько лет прожил один. А потом появились трикки.

Анна смотрела на него, открыв рот. Камилл коротко усмехнулся.

– Короче, когда меня попытались отсюда выдворить, у меня наготове было официальное, заверенное трикки разрешение жить на их территории и представлять их интересы.

– Как вам это удалось? Ведь с трикки очень трудно договориться.

– Это другим... трудно. И будь я прежним командором Сарти – здоровым, удачливым, знаменитым – я бы даже не попытался их понять. Ну а потом появились Джереми, Козырь, Гамби... Так, прибывались все понемногу.

– Я вспомнила вас! – воскликнула Анна. – Вы тогда гремели. Конечно, помню – такой супермен – высокий, сильный, краси...

Она осеклась.

– Да, конечно. Я и теперь... Красавчик. Нет, не извиняйтесь. Это было мальчишеством – своего рода вызовом людям, судьбе... или мимикрией, защитной окраской... Мне нравилось, что я внушаю страх. Это сейчас стало надоедать.

– А эта... – нерешительно сказала Анна. – Джозефина...

– Моя жена? Ну, вы тоже должны её помнить. Знаменитая актриса. Красавица. Мы подходили друг другу по всем статьям.

– И что она?

– А что она? Была счастлива, что я остался жив... А мне всё казалось, что она любит того... Сарти. А меня, неудачника, – по привычке. И жалеет. Я, видите ли, не привык, чтобы меня жалели. Я привык к восхищению. Ну и... словом, я сбежал.

– Бедная женщина! – тихо сказала Анна.

Камилл покосился недоумённо.

– С чего это?

– Вы исчезли. Никаких вестей. Она, вероятно, считает вас мёртвым. Думает, что не смогла помочь вам, поддержать...

– Эта бедная женщина давно замужем за другим. Нарожала троих детей...

– Вот и молодец! – мстительно сказала Анна. – Вы что думали, она вечно будет соломенной вдовой?

Камилл расхохотался.

– А меня вам не жаль?

– А за что вас жалеть? Вы, я вижу, неплохо устроились, – сердито заявила Анна. – Нагоняете страх на полпланеты, воюете с полицией, портите отношения с торгоша... тьфу, торговыми компаниями, морочите всем головы с трикки. И вообще, вы самый отъявленный лгун и авантюрист, каких я только видела!

– Благодарю, – серьёзно сказал Камилл. – Вы обладаете чудным даром утешения. Человек перед вами открывает душу и получает за это по морде.

– А чего вы хотели? То вам не нравится, что вас жалеют, то требуете жалости. Будьте уж последовательны!

– Будем, – согласился Камилл. – И спросим у правдоискательницы, где она нашла этот медальон?

Анна вспыхнула. Камилл рассмеялся. Поднявшись, застыл в неудобной позе, пристегивая к ремню кобуру бластера.

– Что мы будем делать дальше?

– Мы? – он взглянул на ожидающее лицо Анны. – Вы будете сидеть здесь... Вы будете сидеть здесь? Или мне придётся вас связать?

– Тогда уж лучше пристрелите, – предложила Анна. – А то я перегрызу верёвки.

Камилл некоторое время смотрел на неё сверху. Камень на его растёгнутой груди светился, как раскалённый уголёк. Так же светились и зрачки Камилла. Он протянул руку и толкнул её ладонью в лоб.

– Тогда спи!

Её тормозили бесцеремонно и требовательно.

– Проснитесь! Да проснитесь же!.. Что это с ней... Словно накачали снотворным... Эй, проснитесь! Откуда вы здесь взялись? Анна! Анна! Проснитесь!

Анна замычала. С трудом раскрыла тяжёлые веки. Увидела над собой тускло освещённые лица. Толстяк с бритой блестящей головой приподнял её, прислонил к спинке сиденья.

– А что... – спросила Анна, оглядываясь. – А где Камилл?

– Это мы тоже хотим знать! – недовольно буркнул О'Хара. – Примчались по вашему вызову, кругом разгром, здешние парни забаррикадировались в складе, налётчики перебиты или тоже заперты... рубка заминирована...

– Заминирована? А. Это я... – Анна поднялась, не разбирая дороги, побрела из вездехода по пандусу к огням ангара. – Это я так... пугала...

В ангаре её встречали люди, задерживали, обнимали, задавали вопросы, но Анна, рассеянно улыбаясь, шла вперёд по коридорам базы. Вид базы был ужасен. Она почти прошла мимо нужного люка, вернулась, наклонилась, с усилием открывая его. Свет фонаря скользнул следом, и они увидели лежащего навзничь человека. Всё ещё ощущая ватность ног, Анна прошла вперёд и села рядом, не слыша встревоженных голосов. Только когда люди попытались перевернуть Камилла, серьёзно отвела руки.

– Он спит. Не будите его.

Камилла перенесли в его «заминированную» каюту. Старый Козырь, вздыхая и двигая разбитой челюстью, попытался сделать ему укол, но опять наткнулся на руки Анны. Поглядел в её полужакрытые глаза.

– Да ты с ног валишься, детка, бай-бай, да?

И она вновь нырнула в сон, как в омут...

Стоя к ней спиной, Камилл, запрокинув голову, пил из горлышка бутылки. Мокрые длинные волосы его блестели. Поставив бутылку на стол, он обернулся. Немилосердно вытирая полотенцем волосы, уставился на Анну. Лицо его казалось похudevшим, веки опухли от долгого сна.

– Я уже завтракал, – объявил сварливо, – и ничего вам не оставил.

Придётся идти в столовую.

– Не страшно.

– А по каким это соображениям вы устроились в моей комнате?

Анна огляделась. Сказала задумчиво:

– Откуда я знаю? А что тут было?

– А что тут было? – удивился Камилл очень ненатурально.

– Кто всё это сделал?

– Что?

Они поглядели друг на друга. И Камилл неожиданно сдался. Бормоча: «Берут прямо из постели, тёпленького», – подошёл и сел рядом. Анна завозилась на постели, он легонько толкнул её обратно. Это напомнило ей...

– Как вы меня усыпили?

Камилл хмыкнул.

– Догадалась... И о чём же вы ещё догадались?

Разглядывая её, он рассеянно подкидывал на ладони по-прежнему тусклый камень.

– Вы попросили помощи трикки и вам её дали?

Рука Камилла замерла, сжав талисман.

– Что вы об этом знаете?

– Ничего, Камилл.

– Тогда, действительно, вы слишком догадливы. Все подозревают, что у трикки есть кое-какие секреты. Например, с помощью этого камня они могут передать его носителю ум, силу, энергию многих человек... В общем, сделать его суперменом.

– И вы вчера...

Камилл усмехнулся, почёсывая ладонь.

– Да. Вчера я им был. Не очень-то это приятно, если честно...

– И вы один с ними справились?

– Ну... с теми, кто остался. Но они не смогут связно рассказать, что с ними произошло. И вы не расскажете. Идите в душ и забудьте.

– Уже. Но душ я могу принять и у себя.

– За дверью ждёт шериф.

– Что мне говорить?

– Говорить буду я. Вы будете молчать и кивать в нужном месте. А после шерифа будьте любезны перебраться в свою комнату.

– Да уж не задержусь! – ледяным голосом сказала Анна.

Зеркало в душе было во весь рост. Поворачиваясь под тёплыми струями, Анна придирчиво рассматривала себя. Предыдущие сутки оставили на теле несколько синяков и царапин. Да ещё заживший шрам на руке. Но, в общем и целом... Анна провела рукой по груди и вдруг вспомнила, что вытворял с ней напиток трикки... и ещё она вспомнила сумасшедшие глаза Камилла.

Камилл стоял в это время, упёршись руками по обе стороны узкой двери в душевую. Он знал, что душ не запирается. И очень хорошо представлял себе блестящее мокрое гладкое тело женщины. Он поднял ладонь... глубоко вздохнул и с силой оттолкнулся от стены.

Когда Анна вышла из душа, шериф уже был здесь. Они сидели с Камиллом друг напротив друга и дружно молчали. Взгляд, каким шериф окинул её закутанную в большое полотенце фигуру, Анну рассмешил. С ногами забравшись в кресло, она стала сушить волосы, поглядывая на мужчин с дружелюбной улыбкой.

– Мы как раз говорили... э-э-э... техник Каускас... – начал шериф, хмуро уставившись на её гладкие колени. С ничего не выражавшим лицом Камилл, перегнувшись через подлокотник, подчёркнуто тщательно поправил на её ногах полотенце. Анна поблагодарила его улыбкой. Шериф заспел.

– Мы как раз говорили с вашим... э-э-э... работодателем о том, что произошло вчера. Итак, когда на базу было совершено нападение, вы заперлись в этой каюте?

– Да.

– Что было потом?

– Потом я решила выйти. Но дверь я немного... заминировала. Так, для остротки.

Шериф покосился на Камилла. Камилл в удивлении двигал бровями.

– Затем?

– Затем я пробралась в ангар...

– И никого не встретили?

– Нет. Села в вездеход и решила поехать за помощью. Потом поняла, что заблужусь, и вернулась обратно.

– И что здесь происходило, вы не знаете?

– А что здесь происходило?

Шериф поглядел на Камилла. Камилл рассеянно глядел на дверь.

– Ваши люди утверждают, что вас с ними в эту ночь не было. Где вы находились?

– Партизанил, – серьёзно сказал Камилл. – Спасибо за помощь. Не ожидал.

Его протянутая рука повисла в воздухе. Шериф тяжело поднялся.

– Чёрта с два ты б её получил, если бы не техник! Вы едете со мной?

Анна нерешительно посмотрела на Камилла. Камилл молчал.

- Мне нужно ещё дня два, чтобы закончить ремонт.
- Тогда прощайте. Надеюсь, мы вам больше не понадобится.
- Тяжело ступая, он вышел.
- Какой милый, – сказала Анна.
- Да уж...

Повисла тишина. Анна спустила ноги с кресла.

– Пойду к себе, – сказала осторожно. Камилл молча встал, отошёл к бару. Гладкая панель отражала происходящее за его спиной. Некоторое время Анна смотрела на него, потом поднялась, начала собирать одежду. Аккуратно повесив её на согнутую руку, вновь посмотрела на Камилла. Тот сосредоточенно выбирал бутылку.

– Я ушла.

– Анна!

Вздвигнув, она обернулась. Камилл смотрел на неё беспокойно блестящими глазами.

– Я хочу, чтобы вы забыли о Сарти. Сарти больше нет, вы поняли?

Некоторое время они смотрели друг на друга. Анна спросила негромко:

– О чём ещё я должна забыть?

– Обо всём, – буркнул Камилл, отворачиваясь. Анна вышла почти бесшумно.

После похорон погибших он почти не видел техника. И втайне надеялся, что не увидит до самого отъезда. Однако отъезд задерживался.

На четвёртый день Камилл всё же заглянул в ангар.

– Как дела? – спросил бодро. Анна уронила какой-то инструмент. Когда выпрямилась, лицо её было красным и сердитым.

– Да никак! Вчера закручивала эту гайку, сегодня вон она валяется. И этот блок...

– Может, ваши роботы взбунтовались? – предположил Камилл. – Занялись ремонтом самостоятельно?

Анна шутки не приняла. Присела рядом с вездеходом, озабоченно заглядывая под днище.

– Я их на ночь отключаю...

Камилл молча смотрел на неё. Анна подняла глаза и вспыхнула гневно:

– Вы что, думаете?..

– Ничего я не думаю, – Камилл резко повернулся. За дверями ангара раздался его зычный голос: – Джереми ко мне!

Джереми глядел на него преданными рыжими глазами.

– Что это ещё за идиотские шуточки? Как вам в голову пришло мешать технику работать?

Джереми сопел.

– Ну, это не я, Камилл... ребята. Уж больно не хочется расставаться с девочкой. Вот и тянут, как могут...

– Хватит. Пусть бьют отбой. Навсегда она здесь всё равно не останется.

– А почему нет? Я б сам пошел винтить эту чертову гайку, если бы тебе это помогло...

Камилл уставился на него. Несколько смущённый змеиностью его взгляда, Джереми, тем не менее, продолжал:

– Она хорошая девчонка, Камилл, и, ей-богу, плевала она на твою морду и всё такое... И, ей-богу, любой хотел ей понравиться. Но если уж она выбрала тебя... что ж, мы не против.

– Джереми! – рявкнул Камилл. – Ты что несёшь!

– Слушай. Какие бы мы не были. Мы живем с тобой уже много лет. У тебя никого нет. У нас никого нет. И потому мы здесь какая-никакая, а семья. Если мы тебе желаем добра, мы тебе его желаем. Никакой дурак не отказался бы от этой женщины. Почему ты это делаешь?

Камилл медленно отвёл глаза. Был ли он рассержен или смущён, на лице его ничего не отразилось.

– Иди, Джереми, – негромко сказал он.

– Но...

– Иди!

Анна остановилась у дверей. Сказала несмело:

– Я пришла попроситься.

– Да?

Тон его был раздражённым. Взгляд – злым.

– До свидания, Камилл. Я уезжаю. Ремонт закончен, больше мне здесь делать нечего.

– Конечно.

Анна оторопела. И это всё? Помолчав, Камилл спросил небрежно:

– Кто вас повезёт?

– О, Джекки, Крис, Сергей...

Полстанции.

– До свидания, – сказал Камилл.

Она кивнула, не спуская с него ожидающих глаз. Но так как Камилл молчал, недоумевающе подняв брови, вспыхнула и пошла к двери. Тут замешкалась, спросила сердито:

– Вы, правда, любите детей, Камилл?

– Да, я же гово... – и он осёкся. Метнув гневный взгляд через плечо, Анна сделала попытку хлопнуть дверью, забыв, какая она тяжёлая, и понеслась по коридору, кипя досадой, злобой и обидой...

– Проводили, – неодобрительно сообщил Джереми.

Камилл отсутствующе взглянул на него.

– Джереми, я кретин, да?

– Что есть, то есть, – буркнул Джереми. – И трусоват к тому же.

Камилл был задумчив. Вся база ходила на цыпочках, поскольку не ждала от этой задумчивости ничего хорошего. Джереми пыхтел, ворчал, бурчал, но не выдержал лишь раз – когда застал Камилла перед выключенным экраном.

– Да не позвонит она! У неё тоже гордость имеется!
Не сводя глаз с экрана, Камилл согласился неожиданно мягко:
– Знаю, Джереми...
И от этой мягкости Джереми стало совсем худо.

Спустя месяц был разбит новёхонький вездеход. Причём всмятку. Незадачливая команда, понурив головы, вздыхала и переминалась. Уставившись в живот Камилла, Джереми долго, угрюмо и нудно рассказывал, как произошла авария. Камилл слушал, скрестив на груди руки. Глаза его искрились. Молчание затягивалось.

– Подонки! – сказал Камилл безо всякого гнева. – Я сам вызову техника. Джереми поднял руку и почесал затылок. Сказал задумчиво:
– Так ты это... давай сразу с Хью.
И тогда Камилл, наконец, рассмеялся.

Ольга БЕЛОУСОВА

Падала с неба звезда

Разбился корабль о земные громады,
Все спутники в вечность ушли.
Мне нет возвращенья из этого ада...

А. Богданов

*Отказ тормозной системы. Падение. Страх. Крик. Крики, крики...
Удар, боль, темнота.*

– Мамочка! Смотри! Звезда упала!
– Загадай желание...
– Зачем?
– Загадай, и оно обязательно сбудется. Есть такая примета.

Снова боль. Яркий свет, бьющий в глаза. Существа, чужие и страшные, заполнившие пространство вокруг. Убийцы.

– Извините за внешний вид. Меня подняли из постели. Кто-нибудь уцелел?
– Только один. Состояние нестабильное.
– Жить будет?
– Не знаю. Мы привезли наших лучших хирургов, но они до сих пор новички в этом. Как, впрочем, и все мы.
– Что с кораблём?
– Здесь кругом одни горы. Собираем обломки.
– Под вашу ответственность.
– Как всегда, полковник.
– Ваша ирония несколько неуместна.
– Прошу прощения. День выдался на редкость тяжёлым...

Как хочется вернуть всё назад. Остановить падение. Спасти жизнь. Как хочется, уходя, не испытывать ненависти и страха. И как жаль, что всё-таки нужно уходить.

– Вот это да... Первый раз подобное вижу...

– Ты здесь не один такой. Лучше не болтай. Потеряем этого – они нам не простят.

– Зачем оно им?

– За тем же, за чем и предыдущие. Зажим!

– Оно... Он... какой-то другой. На человека похож.

– Две руки и голова ещё не делают его человеком.

– А ты помнишь первого? С крабовым туловищем?

– Не отвлекайся! Зашивай!

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Нет. И не хочу. Любопытство кошку сгубило. Смотри! Ритмы опять снижаются!

Айя! Айя! Разум сливается с пространством, теряется в нем, и... Огромное зелёное поле, окаймлённое по горизонту тёмным хребтом гор.

– Мы теряем его?

– Не знаю! Разряд!

– Есть! Есть! У-у-уф... Жив...

– **Пока** жив... Ещё два кубика!

– Думаешь, нужно?

– Откуда мне знать!

– Ты же врач!

– Ты, между прочим, тоже!

Айя! Прозрачная, как воздух, тёплая, как жизнь... Цветы – белые, жёлтые, голубые. Высокое чистое небо. Я нашёл. Я хочу остаться здесь.

– В сердце коли, кретин!

– В которое?

– В оба! Быстрее!

Взлёт. Падение. Удар и чернота вокруг. Убийцы.

Надо попытаться ещё раз. У меня получится, я знаю.

– Он выживет?

– Кто знает? Я впервые оперирую инопланетянина, полковник.

– Не несите вздор, доктор. Мы работаем вместе больше десяти лет!

– Только раньше это были трупы.

– Пустой спор... Мне нужно, чтобы он пришёл в сознание.

– Всем нужно... Не злитесь. Мы постараемся, только уберите свою охрану. На нервы действует.

– Это для вашей же безопасности.

– Думаю, вряд ли это существо сумеет причинить мне сейчас большой вред, чем ваши молодчики с автоматами.

– Я бы порекомендовал вам поменьше думать, и побольше работать, доктор. Это – наш последний экземпляр, его нельзя потерять.

Аййя! Аййя! Разум сливается с пространством, теряется в нём, и...

Аййя! Прозрачная, как воздух, тёплая, как жизнь...

Аййя, любимая...

– Как ему это удалось?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Нет, вопрос чисто риторический.

– Он умер?

– Вы меня напугали, полковник.

– Он умер?

– Нет.

– Кома?

– Ну, я бы назвал это несколько иначе.

– Не тяните!

– Он словно здесь, но его здесь нет. Сознание ушло, а тело осталось.

Кажется, у буддистов это называется «нирвана».

– Что-то?

– Nirvana. Полная отрешённость от всего земного.

– Вот именно «земного»! Не делайте из меня идиота! Он-то не землянин!

– Судя по всему, для истинной веры и впрямь не существует понятия «национальная», извините, «планетная» принадлежность.

– Я полагаю, вы шутите?

– Куда там, полковник! Для шуток сегодня слишком неподходящая погода.

Огромное зелёное поле, окаймлённое по горизонту тёмным хребтом гор. Цветы – белые, жёлтые, голубые. Высокое чистое небо.

Она бежит мне навстречу, раскинув руки – прозрачная, как воздух, тёплая, как жизнь. Аййя, любимая...

У меня получилось.

– Смотри! Звезда упала! Я загадаю желание...

Пётр БУРМИН

Мощность звездолёта: две человеческие силы

Из цикла «Истории, рассказанные навигатором ВИС ЛОТОМ»

В ресторане «Волосы Вероники», находящемся неподалеку от космодрома, было, по обыкновению, многолюдно, хотя его кухня не отличалась особой изысканностью, а ампулы с газообразным спиртом тут не стоили дешевле,

чем в прочих заведениях подобного толка. Стало быть, люди приходили в этот ресторанчик по какому-то иному поводу. Вполне возможно, что поводов было несколько. Поэтому мы не берёмся утверждать, что посетителей привлекала сюда перспектива повидать знаменитого космопроходца Вис Лота и послушать его истории, не звавшие себе равных. Тем более что здешняя стряпня всё-таки вполне сносна... Мы уж не говорим о хорошеньких официантках, у которых могли быть поклонники...

Вис Лот ухитрился обмануть само время и пережить своих правнуков и праправнуков, хотя на вид ему было лет пятьдесят, не более. Он невелик ростом, подвижен; его квадратное лицо неизменно излучает добродушие.

– Вот что, ребята, – сказал он, разрезая сосиску на дольки, – больше вы не вытянете из меня ни единого слова... – и надолго умолк... Лишь после того, как содержимое тарелки перекочевало к нему в желудок, он, широко улыбаясь, добавил: – ...кроме, разумеется, вот этой историйки, что я выложу вам сию минуту. Речь пойдет о двух человеческих силах, которые помогли «Мезону» (в нём я летал первым навигатором) добраться до Церы, обитаемой разумными существами планеты, что находится в системе Альдебарана. Дело было так...

– Любопытно, – перебил рассказчика некий Сос Тот, единственный из завсегдатаев «Волос Вероники», кто позволял себе иронизировать над рассказами Вис Лота, за что последний частенько выпроваживал первого из ресторана. – Человеческая сила... что это – единица измерения, подобная лошадиной... или речь идёт о сказочной так называемой «нечистой силе», с помощью которой гоголевский Вакула летал в царские палаты за черевичками для Оксаны?

Обычно Вис Лот игнорировал детали, грозящие увести в сторону его динамичное повествование.

– То и другое, Сос Тот, – на этот раз снизошел он до ответа. – Удовлетворены? А теперь, дружище, пойдите посидите за дверью. Через часок-другой можете вернуться, если эта обжорка ещё не будет закрыта к тому времени. Только, чур, не подслушивать в замочную скважину...

О том, что два столетия назад стартовал «Мезон», вы наверняка читали в учебнике по истории космонавтики, – продолжал он, когда, повинувшись его настоянию, несчастный изгой покинул своё насиженное место в излюбленном ресторане. – В списке его экипажа значится и моё имя... Два столетия, – нерешительно повторил, словно не веря собственным словам. – Однако благодаря парадоксу времени, – тут его голос снова окреп, – о котором догадывался ещё старик Эйнштейн, мы постарели всего лет на двадцать-двадцать пять, не более. Нам удалось побывать на многих, не похожих одна на другую планетах; десятка два из них оказались обитаемыми, некоторые – даже разумными существами, достигшими известных успехов в технологическом отношении.

Когда программа исследований (она представляла собой внушительный перечень догадок и предположений, которые нужно было

проверить в условиях космического полёта, столь протяжённого во времени и пространстве, как наш) была исчерпана, мы повернули обратно. Торопясь домой – должно быть, ностальгия, тоска по родному очагу лишила нас благоразумия, – мы выжимали из «Мезона» всё, что можно было выжать. И даже больше: путём чудовищного расходования топлива нам иногда удавалось разгонять космолёт до существующего в природе предела – скорости света. Это было легкомысленно, хотя и предусматривалось программой.

Запасы горючего между тем таяли. И катастрофически быстрее, чем мы предполагали. Реактор всё реже выплёскивал фотоны...

Наступил момент, когда тяга окончательно заглохла... И если мы ещё как-то двигались, то исключительно за счёт инерции, которая постепенно угасала. Вскоре корабль неподвижно повис в пространстве, не дотянув до упомянутой планеты каких-нибудь десять-пятнадцать миллионов километров. Сушие пустыки, верно?.. Но мы ничего не могли поделать... Даже – воспользоваться радиостанцией, чтобы попросить о помощи, поскольку не имели лишней электроэнергии: какие-то крохи вырабатывали фотоэлементы, но их едва хватало для обогрева центральной рубки, где мы спасались от холода, завладевшего всеми остальными отсеками. Единственное, что нам оставалось, – это пассивное ожидание. Ожидание случайной встречи... которая может состояться слишком поздно.

И встреча состоялась.

Однажды, после трёх-четырёх недель прозябания, мы заметили нечто величиной с булавочную головку. Это нечто заметно перемещалось, и потому как оно росло в размерах, нетрудно было догадаться – в какую сторону. Спустя месяц – столь ничтожной была её скорость – булавочная головка превратилась в искусственное тело, представлявшее собой исполинскую лейку по форме и космический корабль по содержанию.

Аппарат слегка светился. Было высказано предположение, что это явление происходит в результате столкновения частичек пыли вещества с антивеществом, из которого состоит обшивка инопланетянского звездолёта. Консервная банка, которую мы выбросили несколько дней назад и которая тотчас аннигилировала, едва она прикоснулась к чужаку, подтвердила нашу догадку.

От такого гостя лучше держаться подальше. Впрочем, и ему от нас – тоже. Однако, судя по всему, он этого не понимал... Вы догадываетесь, что я хочу сказать?.. Да-да, он двигался прямо на нас, и это здорово действовало нам на нервы...

Прошло ещё некоторое время.

Инопланетянский корабль всё приближался; в то, что он пройдёт мимо, уже никто из нас не верил, похоже, нам с консервной банкой была уготована Провидением одна и та же участь.

Тогда, рискуя окоченеть от холода, мы отключили отопление, настроили радиостанцию и с помощью кослинга – кибернетического толмача при

контактах – обратились к пришельцам. Те тотчас отозвались. Они сказали, что им известно о возможном столкновении аппаратов, равно как и о том, чем это грозит, но воспрепятствовать они не могут, поскольку находятся в положении, аналогичном нашему.

На этом первый сеанс с антимирянами завершился.

Тут рассказчик сделал паузу, и довольно продолжительную. Он потребовал новую порцию горячих сосисок. Официантка долго ждать себя не заставила.

Слушатели последовали его примеру; звон ампул, ножей и вилок свидетельствовали о том, что и они не теряли даром времени. Однако, в отличие от своих сотрапезников, Вис Лот довольствовался чаем, который, к слову сказать, он поглощал в большом количестве.

В конце концов сосиски были съедены, чай выпит, а навигатор всё молчал. Публика заволновалась.

– Вис, вы язык проглотили, что ли? – осведомилось несколько голосов одновременно.

– Может быть, – нелюбезно бросил навигатор, затем поднялся со стула и в развалку, как подобает истинному космическому волку, направился к выходу.

Завсегдатаи ресторана «Волосы Вероники» ещё больше всполошились. Тоже повскакивали с мест.

– Мы вас проводим, Вис, – заявили они хором, дружно устремляясь за звездопроходцем. – Можете по дороге досказать свою историю, если торопитесь по неотложному делу...

– Будьте благоразумны, ребята, – сказал Вис Лот, останавливаясь и укоризненно качая головой. – Я только приглашу изгоя... Сос Тот, – позвал он, распахнув дверь. – Вы ещё здесь, дружище? Прошу тысячу извинений... Заходите. В другой раз я буду гнать взашей это почтенное общество, – кивнул он в сторону зала. – Оно породило вас и на этом основании должно нести ответственность за ваши дурные поступки.

– Итак, – продолжал он, – пространство, лежащее между нашим и антимирянским звездолётами, медленно, но неотвратимо сокращалось. В конце концов нам стало ясно, что столкновения избежать не удастся. До гибели оставалось каких-нибудь сотни полторы метров. Через неделю, а то раньше, всё будет кончено... Как всё-таки тесен космос, если два мира, существующие на его полюсах, не могут сделать и шагу, чтобы не наступить друг другу на пятки!.. Но мы не сошли с ума; по-видимому, нас спасло от помешательства шоковое состояние или легкомыслие.

Наверняка то же самое происходило и с теми, что находились по ту сторону этих роковых метров. Мы снова связались. На этот раз воспользовались видеофоном: прежде чем превратиться в излучение, нам хотелось увидеть, как выглядят наши партнёры по несчастью... Но сперва на меня посмотрите, – с этими словами он вышел из-за стола и потоптался на одном месте, держась за спинку стула. Затем снова сел. – Вот так примерно выглядели антимиряне, которые предстали перед нашими взорами. Я сказал «примерно», потому что они не были моими двойниками.

Мы долго молчали, изучая друг друга. Потом один из антимирян приблизился к экрану.

– Я капитан, – представился он. – Позвольте мне поговорить с коллегой вашей стороны?

– Я вас слушаю, – отозвался Ум Сил, наш капитан, и помахал рукой, чтобы обратить на себя внимание.

Командир антимирянского звездолёта не терял даром времени.

– Надежды, что наши корабли разминутся сами собой, больше не существует, – сообщил он бесстрастно, словно судья приговор осужденному на смерть.

– Это очевидно.

– Стало быть, только вмешательство может предотвратить катастрофу.

– И это очевидно, – повторил Ум Сил и безнадежно развёл руками. – Вам не кажется, что мы переливаем из пустого в порожнее?..

Но капитан антимирянского звездолёта думал иначе.

– Не кажется, – возразил он. – Выше голову, коллега. В качестве топлива для наших кораблей может сойти всё, что угодно... даже, – его глаза впелись в Ум Сила, – даже плоть членов наших экипажей...

– О чём вы?.. – не сразу понял Ум Сил. – Но это... жестоко... и бесчеловечно! – решительно запротестовал он, когда до его сознания дошёл смысл сказанного антимирянином.

Однако руководитель инопланетянского экипажа был неумолим.

– Это единственный выход из создавшейся ситуации, – объяснил он ледяным голосом. – Приняв моё предложение, вы потеряете девятую часть экипажа, отвергнув его, – полностью. Кстати, – продолжал он, – в качестве одного из компонентов топлива я предлагаю себя, вы, коллега, составите мне компанию. Итак, до встречи в аннигиляционной камере вашего звездолёта... Почему – вашего? Хотя бы потому, – сказал он в заключение, – что я располагаю скафандром, противоаннигиляционная защита которого позволит мне осуществить упомянутую акцию. Ведь у вас, если мы правильно информированы, подобного снаряжения не имеется?..

Вис Лот снова помолчал. На этот раз он не заказывал сосисок, будучи противником всяческих излишеств. Всему виной была повывавшая виды деревянная трубка, которую навигатор извлёк откуда-то из-за пазухи и начал сосредоточенно её раскуривать.

Наконец трубка зачадила.

– Капитан с инопланетянского летательного аппарата явился на «Мезон» только через трое условных суток. К тому времени расстояние между кораблями сократилось до нескольких метров; не приди он вовремя, всем нам была бы крышка...

Космонавты с Церы обнаружили нас спустя три месяца. Корабли – наш и антимирянский – получили топливо и – дай бог ноги... Так рады были встрече, что позабыли попрощаться друг с другом... при расставании.

Так мы потеряли нашего славного Ум Сила...

– Я выражаю вам наши запоздалые соболезнования, – посочувствовал Сос Тот. – И заодно – поздравляю. Или вы уже поздравили себя?

Вис Лот озадаченно посмотрел на Сос Тота.

– С чем я должен был себя поздравить? – уточнил он.

– Хотя бы с тем, что в драматический момент своей жизни вы оказались всего лишь навигатором.

Вис Лот ещё раз раскурил погасшую трубку.

– Мне эта мысль не приходила тогда в голову, – сказал он, затягиваясь дымом. – Участь Ум Сила вызывала у меня не сочувствие, как вы подумали, Сос Тот, а зависть. Да-да, обыкновенную человеческую зависть. Больше того – я был бы самым счастливым существом во Вселенной, если бы... оказался на месте своего шефа: капитаном с антимирянского звездолёта была... ошеломляюще красивая женщина, чьи объятия, подобные вспышке сверхновой, стоили жизни здорового молодого мужчины, каким я был в ту пору...

Сергей ЗАГНУХИН

Есть многое на свете...

Грузопассажирский звездолёт «Surprise» Соединённого королевства вынырнул из очередной «кротовой норы» пространства, запустил маршевые двигатели и направился к первой по маршруту планетной системе. Через пару дней очнувшиеся от гиперсна и пришедшие в себя пассажиры, свободные от вахты члены экипажа, а также корабельный кот собрались в кают-компанию отпраздновать это маленькое событие.

Капитан в безупречно чистой и идеально отутюженной форме, будто сошедший с плаката, призывающего послужить в космофлоте, оглядел всех собравшихся, встал из-за стола, снял фуражку, улыбнулся и разразился перед собравшимися четырьмя дюжинами человек небольшой речью:

– Леди и джентльмены! Рад видеть всех в добром здравии и хорошем настроении. Спешу порадовать вас сообщением, что все системы нашего корабля после перехода работают исправно и мы, точно по графику, направляемся к планетам системы Мейдуза.

Все пассажиры, а особенно пассажирки, внимательно слушали капитана, улыбкой прямо излучающего бодрость и оптимизм, экипаж же, сто раз слышавшей всю эту дежурную трепотню, расселся по обычным компаниям и болтал о своём. За одним из столиков, заказав киберу перекусить что-то неопасное для фигуры, собрались три представительницы лучшей половины корабельного человечества. Щебетали они, конечно, о самом важном:

– А что, Стели, твой ботаник опять не явился на общий сбор? – спросила подругу медсестра Корина.

На что Стела, миниатюрная блондинка, отвечавшая на корабле за пассажиров, для своих – просто стюардесса, с лёгкой досадой ответила:

– Ну почему – мой? Просто он показался таким беззащитным и загадочным, со своими всклокоченными волосами... что захотелось узнать о нём побольше.

– Ох уж эти русские, – включилась в разговор третья сотрапезница – сержант безопасности, крупная, высокая брюнетка с грубоватыми чертами лица, – напридумывают себе, а по мне – так обыкновенный неврастеник и неудачник.

– Габи, Габи, – вступилась за подругу Корина, – не такой уж и неудачник, если из-за него одного залетаем на планету... как её там, просто он тебе не понравился, чем-то похож на твоего бывшего.

– Вот ещё! Ничуть не похож.

– Кстати, как там ваша маленькая авантюра? Помнится, перед последним прыжком вы хотели негласно обследовать его каюту, я ещё увела этого Целхидоса в ванну первым из пассажиров?..

Официальная часть обеда между тем закончилась, и к выходу засемила худая, как швабра, мисс Стерворс – стареющая противница обедов, немного ушибленная идеей здорового образа жизни. Не успела она скрыться в коридоре, как оттуда раздался дикий визгливый вопль, почти переходящий в ультразвук. Все присутствующие вскочили, и самые решительные, а это оказались второй пилот и офицер безопасности, кинулись на помощь и буквально через минуту привели повисшую у них на руках мисс.

Кто бы мог подумать, что облик человека может измениться за считанные мгновения: из приличной чопорной женщины – во всклокоченное, растрёпанное существо с безумным лицом, пол которого угадывался только по одежде. Привести её хоть в какой-то коммуникабельный вид удалось с большим трудом, больше всего тут помогла ватка с нашатырём и так ненавидимый пострадавшей коньяк.

– Леди, что же с вами стряслось? – нависая над мисс, в очередной раз пошёл в атаку капитан.

– Призрак!

– Ну, леди, в наш-то просвещённый ХХII век... когда космические корабли бороздят просторы космоса...

Но других версий у мисс не было, даже когда она чуть пришла в себя. По её словам, как только она вышла в коридор, там заморгали и погасли лампы, а в загоревшемся красном аварийном свете навстречу вышла женская окровавленная фигура без головы. Красные пятна и подтёки портили явно старинное белое платье. Свою голову в нелепом чепце этот фантом держал в руках.

Немного успокоив несчастную, мужчины под руководством Корины повели её в медицинский отсек. Естественно, в коридоре, освещённом как обычно, никаких ужасов не наблюдалось.

Капитан обратился ко всем с успокаивающими словами:

– Скорее всего, кто-то неудачно пошутил с голограммой, мы разберёмся и пресечём, такого больше не повторится.

Но он ошибся, служба безопасности не смогла ничего сделать. Самые разнообразные привидения стали появляться по всему звездолёту: в коридорах, каютах, рубках, на смотровой палубе, в ходовом ярусе и грузовом отсеке. Тут были дамы в костюмах разных эпох, рыцари в доспехах, джентльмены без доспехов, но в придворных костюмах, короли с коронами, монахи с тонзурами и монахини с крестами, какой-то голубой младенец, детишки самого зловещего вида – да кого там только не было, один из складов облюбовал даже призрак лошади. И всё это... стонало, рыдало, взывало, невнятно требовало и внятно угрожало. Лошадь, естественно, ржала, как лошадь, а что ей оставалось делать? Их видели все: женщины и мужчины, экипаж и пассажиры, а также корабельный кот, реагировавший в таких случаях очень нервно. Спешно смонтированное видеонаблюдение только позволило зафиксировать всё это безобразие. Никаких голографических проекторов не обнаружили. В конце концов, большинство стало привыкать к этому, так как вреда, кроме психического, от призраков не было. Не смогли приспособиться только мисс Стерворс, пообещавшая сойти на ближайшей остановке, и корабельный кот, правда, его никто особенно и не спрашивал.

Но организованная капитаном комиссия по ЧП лихорадочно продолжала попытки разобраться в феномене. На очередное заседание, где-то через пару недель после начала событий, офицер по безопасности Х. Шерлок и привёл свою подчинённую:

– Господа, сержант по безопасности Габриэлла Черч имеет нечто сообщить нам.

Оказалось, сержант долго думала, анализировала и пришла к выводу, что всё это безобразие началось после одного события:

– Видите ли, господа, моя подруга, менеджер по пассажирам Стела Смирнофф, заинтересовалась одним из них в личном плане. Этим нелюдимым Целхидосом, который ни с кем не общается, никогда не бывает в кают-компании и столовой, не обедает и не завтракает, а ужин заказывает себе в каюту.

– Да мы про него вообще впервые слышим.

– Нет, в списках он есть, а где она-то с ним познакомилась?

– По долгу службы, принимала на борт и размещала на корабле.

Комиссия в недоумении переглянулась – какое это имеет отношение к событиям, и Х. Шерлок кивнул девушке:

– Продолжайте, сержант.

И сержант продолжила: отчаявшись встретить предмет своего интереса в обычных местах, Стела стала следить за каютой и выяснила, что этот чужак в тёмное время корабельных суток бывает на смотровой палубе и в библиотеке. Там она с большим трудом и познакомилась с ним поближе. Но дело шло туго, и ей в голову пришла идея: обследовав каюту этого Целхидоса, выяснить его интересы, просветиться в них и на этой почве продвинуться в дружбе. Поэтому она попросила сержанта Черч, как

работника службы безопасности, имеющую доступ во все помещения, помочь в этом Стеле. Габриэлла долго отказывалась, но...

Тут помощник капитана и непосредственный начальник сержанта Х. Шерлок, грозно нахмурились, но раскрасневшийся капитан махнул в их сторону рукой, мол, потом разберётесь, и велел продолжать.

Габи, пошедшая во время этого рассказа от волнения какими-то бледными пятнами на лице, закончила:

– Перед последним прыжком Стела попросила Корину увести этого Целхидоса пораньше, а мы проникли внутрь и обследовали его каюту.

– И что вы там нашли? – не выдержал капитан.

– Да ничего особенного, из необычного была только довольно большая шкатулка со значком зачёркнутого привидения в красном круге на крышке. Замок на ней считается сложным, но открыть его для специалиста по безопасности...

– Элементарно, – кивнул Х. Шерлок. – И что же там было?

– Там было какое-то внутреннее поле, после отключения которого крышка открылась и... в каюте погас основной свет. При неверном же свете включившегося аварийного... нам показалось, что из шкатулки пополз туман. Я, было, испугалась, но датчик газа не сработал, а потом свет загорелся вновь, туман рассеялся и... нам пора было готовиться к прыжку через «нору».

Все присутствующие недоумённо помолчали, и капитан озвучил всеобщую озадаченность:

– И чем нам это поможет? Что всё это значит?

Желающих ответить сразу не нашлось, но немного погодя Х. Шерлок с запинками озвучил свою мысль:

– Это может означать... что мистические явления – не досужая хрень... а неизвестные пока науке явления природы. Тем более – мы все их видели.

– Что ещё можно ожидать от звездолёта с таким названием? – риторически бросил помощник капитана.

– И что теперь делать?

– Сделать экстренный запрос в Лондон, – предложил Х. Шерлок.

– Вы совсем уже звезданулись?! – немедленно озверел капитан. – Знаете сколько стоит гравитационный инфо-посыл? И что я у них спрошу? Про привидения? Тогда с ближайшей планеты примчатся космосанитары и зафиксируют нас. Нет, это не выход.

Вся комиссия по ЧП задумалась, и первой мысль пришла в голову сержанта безопасности, которую забыли удалить с заседания:

– Можно купить сжатый блок новостей за последнее время, это общая рассылка и стоит значительно дешевле. Может, на Земле что произошло.

Так как ничего умнее никто не придумал, капитан согласился. Инициатива наказуема и в космосе, поэтому этот поиск поручили Габриэлле Черч, под общим руководством Х. Шерлока.

Не прошло и суток после получения информации, как комиссии пришлось вновь собраться на экстренное заседание. Габриэлла имела сообщить нечто:

– Господа, после нашего отлёта в Англии случилась сенсация, конечно, не такая большая как при катастрофе или природном катаклизме, но имеющая к нам непосредственное отношение. Не только в лёгкой прессе, даже «Таймс» отписалась, хоть и с оттенком курьёзности.

– Давайте, сержант, покороче, – нетерпеливо бросил капитан.

И Габи доложила строго по делу, как по протоколу.

Оказалось, что Великобритания – самое густонаселённое привидениями место на земле, и множество организаций пристально следят за всем этим. Первым забило тревогу шотландское общество по исследованию паранормальных явлений, они очень плотно мониторят сообщения по Соединённому Королевству. Так вот, их обеспокоило долгое отсутствие известий о самом, может быть, известном и необычном призраке Англии – Анны Болейн. Эта очень беспокойная при жизни женщина, не захотевшая быть просто любовницей, а мечтавшая стать непременно королевой, для чего пришлось посорить короля с Римом и пустить Англию по колее Реформации, не обрела покоя и после смерти. В отличие от других неуспокоенных душ, она показывается в разных местах Англии. Конечно же, это Тауэр – место, где её обезглавили, чтобы Генрих XVIII смог жениться в третий раз и обзавестись-таки наследником-мальчиком. Там она бродит по коридорам и лестницам, держа отрубленную голову под мышкой, и жалуется на свою судьбу. Ещё чаще её фантом видят в поместье Блинкинг Холл – месте рождения Анны, туда она прибывает в белом, едва светящемся платье на призрачной повозке, управляемой безголовым кучером и влекомой безголовыми лошадьми. Около ворот всё это рассеивается, и дальше она бредёт одна по милым когда-то её сердцу местам. В монастыре Дин Виндзорского графства тоже часто встречаются призрак Анны...

В этом месте капитан потерял терпение и велел Габи оставить все эти подробности для своего дневника, а им доложить голые факты.

Голые факты, добытые дотошными шотландцами и другими обеспокоенными паранормальщиками, оказались таковы: кроме несчастной Болейн, исчез и призрак её кровавого мужа – Генриха XVIII из Хемптон Корт. Оттуда же исчезла и четвёртая жена этого борца за чистоту крови – Екатерина Говард, там её арестовали перед казнью. Пропали все нематериальные обитатели Эдинбургского замка, Данстерского замка, замка Чиллингхэм в Нортумберленде.

Незамковым привидениям тоже не повезло, пропали: «дама в коричневом» поместья Райнхэм Мэнор; «леди в сером» большой лондонской больницы; четырнадцать привидений поместья Сэндфорд Оракс; «чёрная монахиня» Сандра Уайтхед из Английского банка; «человек в сером» театра Друри-лейн, больше никто не видит его, одетого в сюртук, бриджи и треуголку, прогуливающегося по залу или сидящего в одной из лож.

Не миновала эта напасть и самые неаристократические места: деревня Плаксли лишилась всех своих двенадцати призраков.

– Достаточно, сержант! Мы поняли: все призраки Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии исчезли!

– Не все, мой капитан, не все, но многие известные.

– И чем там всё закончилось?

– Обеспокоенная общественность наняла частных детективов, пресса провела свои расследования...

– И!.. – не выдержал и непосредственный начальник сержанта – Х. Шерлок.

– Совместными усилиями они вышли на конторку «Охотников за привидениями», которые признались, что по заказу богатого клиента отловили все, какие успели, знаменитые фантомы Англии. По словесному портрету определили этого заказчика...

– Не тяни! Кто же это?

– Самый эксцентричный миллиардер-анахорет нашего времени, единственный наследник огромного состояния... Целхидос Ананасис! По сведению прессы, он отбыл на арендованную им на сто лет планету в системе Мейдуза...

Тут в командной рубке образовалась немая сцена, которую Стела Смирнофф, будь она тут, с ходу могла бы окрестить – по Гоголю.

Первым пришёл в себя Х. Шерлок, хлебнув чего-то из пластикового графина на столе:

– Надо бы вызвать его для объяснений...

На что очень нервно отреагировал капитан:

– При его возможности сотни раз купить и продать нашу посудину, скорее он может вызвать нас... да и в правилах полётов нет ни слова о неприводе на борту призраков и прочих привидений.

Им на помощь, как и в прошлый раз, пришла Габриэлла:

– Мой капитан, мне кажется, тут нам может помочь Стела... за последнее время она очень подружилась с этим пассажиром.

– Так пригласите её сюда.

Едва попав в рубку, Стела заговорила, даже не дождавшись вопроса:

– Джентльмены, каждому члену экипажа и пассажиру мой Целхи... дос переведёт крупную сумму в космо за причинённые неудобства, сообщите мне только номера счетов. Также вам остаются все не... некроформы. Просто ему было скучно на планете, старая нянька умерла, с людьми он сходитя трудно, вот и хотел населить свои владения этими... Но так как за это время мы подружились... и я согласилась сопровождать его... В общем, вот так. Да, капитан, после той планеты вам понадобится новая стюардесса.

– Это ладно, попросим Корину за двойное жалованье, а вот что нам делать с этими некроформами?

– Господин Ананасис советует вам хорошенько заработать на этом.

– Каким образом?

– Забросить свои грузопассажирские рейсы и переключиться на короткие развлекательные круизы. «Звездолёт с привидениями!» «С призраками по Солнечной системе!» Вам даже на рекламу не придётся тратиться. Вот

попросите Габи быть коммерческим директором, Целхи обещал помочь ей советами.

– Подумаем.

На орбите планеты, арендованной нелюдимым миллиардером, подруги прощались перед расставанием.

– Габи, успеха тебе с нашим бравым капитаном. И Корине подыщи кого-нибудь.

– Тебе, Стели, тоже всего хорошего, я бы не решилась жить вдвоём на целой планете.

– Думаю, мы недолго будем вдвоём, мой Ананас жаждет продолжения своего рода.

– Прямо как Генрих XVIII, ты там смотри – поосторожнее.

Надежда КАРПОВА

Карнавал

– Ну, папа, ты обещал!

– Нет!

– Ну, папа!

– Нет!

– Мама, скажи ему!

– Что сказать, Клео? – (с тяжким вздохом).

– Он действительно мне обещал: если я окончу школу на одни пятёрки, то поеду на Эдемский Карнавал. Он СЛОВО ДАЛ!!!

– Эрвин, ты же в самом деле обещал ей. Два года назад. Помнишь?

– Ты подумай, о чём говоришь, Сэнди! Ты знаешь, что представляют из себя эти ежегодные Карнавалы на Эдеме? Какие там царят нравы? Ты знаешь, сколько детей рождается после этих Карнавалов, обречённые никогда не знать своих отцов? Ты хочешь, чтобы наша дочь поехала **туда**? У неё же и так ветер в голове, а какой она тогда вернётся оттуда?! Ей же ещё учиться надо! Профессию получать.

– Клео не такая. Она умная и сознательная девочка...

Эрвин отрывисто рассмеялся:

– Нет, Сэнди, ты не понимаешь. Ты не знаешь, как пьяняще действует атмосфера Карнавала: похлеще любого самого крепкого спиртного! Эти Карнавалы на то и рассчитаны – чтобы не падала их популярность, чтобы не уменьшался поток туристов. Эдем за неделю Карнавала получает прибыли больше, чем за весь остальной год. Поэтому они делают всё, чтобы туристы с первых же часов Карнавала напрочь теряли голову и забывали обо всём!

– При чём здесь это?

– При том! На Карнавале стираются все моральные и иные запреты! Даже с чисто психологической точки зрения: человек, надев костюм и маску,

раскрепощается и словно превращается в кого-то другого. И я не знаю никого, кто бы этого избежал.

– Если ты всё это знал два года назад, зачем обещал дочери отпустить её на Карнавал?

– Потому что она скатилась на двойки и тройки и ей грозило исключение из школы. Никакие наказания и поощрения не могли заставить её учиться. Ты что, сама не помнишь? Давно смотрела её аттестат за восьмой класс? Где ни одной оценки выше тройки нет?

– Помню я, помню. Но зачем ты **слово** давал?

– Да не верил я, что она и вправду сможет на одни пятёрки школу закончить! Это с троек-то и двоек за два-то года? Я только надеялся, что в выпускном аттестате у неё хотя бы троек не останется, только четвёрки и, возможно, несколько пятёрок.

– Не верил?! – рассердилась Клео.

– Да, не верил! Потому и обещал. Я даже предположить не мог, что ты с таким остервенением бросишься учиться. Не ожидал, что Карнавал окажется для тебя таким сильным стимулом.

– А он оказался! А ты обещал! **Слово дал!**

– Ты действительно слово давал, – тихо и как-то обречённо сказала мама.

– Здесь все об этом знают. Если ты нарушишь своё слово, кто тебе после этого верить будет?

Эрвин тяжело посмотрел на жену, резко развернулся и вышел из комнаты. Она устало опустилась в кресло и прикрыла глаза рукой. А Клео так и осталась стоять посреди комнаты, понуриив голову, и уныло думала, что накрылась её поездка на Карнавал, а она так мечтала об этом два последних года. И зачем ей теперь аттестат с одними пятёрками?

Через несколько минут отец вернулся в комнату осунувшийся и посеревший, словно потухший какой-то. Клео подняла на него взгляд, уже ничего особенно не ожидая.

– Ты поедешь на Карнавал, – безжизненным голосом сказал он. – Но все проблемы, которые ты там поймашь на свою непутёвую голову, будешь решать сама. Помощи потом от меня не жди.

– Я в самом деле могу ехать? – недоверчиво спросила Клео.

– Можешь, – тем же бесцветным голосом подтвердил отец и вышел.

Клео ещё некоторое время переваривала новость, не веря своему счастью. Наконец, осознав это, запоздало закричала: «Ура!» – и, приплясывая, бросилась в свою комнату собирать вещи. Мать проводила её страдальческим взглядом, потому что легкомыслие дочери было налицо, и во что она могла вляпаться на Карнавале с таким ветром в голове, можно было только гадать...

Клео с бьющимся сердцем поднималась на борт пассажирского лайнера. Она всё ещё не могла поверить, что летит на Эдем. Позади остались и таможенный контроль, и прощание с родителями. Она благополучно пропустила мимо ушей все их наставления, поспешно чмокнула на прощание и умчалась садиться на корабль. Мыслями она была уже на Карнавале.

Впрочем, это не мешало ей наслаждаться новыми впечатлениями: она впервые покидала родную планету и ещё никогда не была в космосе.

Когда лайнер оторвался от поверхности и стал стремительно подниматься в небо, Клео прильнула к окну своей одноместной каюты, глядя на удаляющуюся планету. Никаких перегрузок не было: гравикомпенсаторы убирали лишние g – и пассажирам не нужно было пристёгиваться. Когда планета сильно отдалилась, превратившись в разноцветный, быстро уменьшающийся в размерах шарик, Клео ещё немного полюбовалась на бархатную черноту космоса, усыпанную гроздьями звёзд; потом оторвалась от окна и стала распаковывать вещи. До Эдема лететь было неделю, и, чтобы пассажиры не скучали, на лайнере к их услугам была уйма развлечений, такие как: танцы, голотеатр, бильярд, ресторан, бассейн и много всего ещё. Зная всё это, Клео захватила с собой много красивых нарядов на все случаи жизни, чтобы блеснуть перед симпатичными парнями. Ведь должны же и симпатичные парни лететь на Карнавал. Разместив вещи в шкафу и тумбочке, Клео отправилась осматривать лайнер. Она впервые была на корабле, и ей всё было интересно.

Заперев каюту и положив электронный ключ в карман, она бодро зашагала по коридору, с интересом глаза по сторонам. И посмотреть было на что: резные панели на стенах и лепная отделка потолка с позолотой были великолепны.

На повороте она столкнулась с каким-то парнем, выбежавшим навстречу из-за угла. От столкновения они оба чуть не упали, и Клео, отброшенная назад, больно стукнулась локтём о стену. Разглядев, кого сшиб, парень весело воскликнул:

– Ой-ей-ей! Похоже, в рай летит сама Ева!

Клео сердито посмотрела на него, потирая ушибленный локоть.

– Прости, красавица, – посерьёзnel он. – Я, кажется, веду себя, как грубиян. Но я просто очень спешил и не заметил тебя. Прошу, не сердись: хмурое выражение лица совсем не красит твоё прелестное личико, – он молитвенно сложил руки и состроил покаянную мину, но глаза его всё так же весело улыбались.

Клео смягчилась и растаяла от его комплиментов, ещё никто никогда не называл её так. Увидев, что произвёл впечатление, парень ослепительно улыбнулся и изобразил церемонный поклон:

– Позвольте представиться, прекрасная леди, меня зовут Дариан, можно просто Дар. Надеюсь, я не сильно вас сшиб – если так, смиренно прошу прощения.

– Да ладно, ничего, – буркнула Клео, смущаясь и краснея.

– И как тебя зовут, очаровательная незнакомка?

– Клео, – тихо сказала она, опустив голову, чтобы скрыть раскрасневшееся лицо.

– Ты первый раз летишь на Эдем, – уверенно заключил он.

– Я вообще первый раз куда-либо лечу, – ещё больше смутилась Клео.

– Значит, ты первый раз на корабле и ничего тут не знаешь?! – неподдельно обрадовался Дар.

– Что в этом такого радостного? – нахмурилась Клео, готовая обидеться.

– Но это же значит, что я могу устроить тебе экскурсию по кораблю, всё показать и обо всём рассказать! Надеюсь, ты не откажешься от такого гида, как я?

– Нет, не откажусь, – снова улыбнулась Клео, обрадовавшись такому предложению.

– Вот и отлично! Пошли, – Дар подхватил её под руку и стремительно увлёк за собой.

***

Они бродили по кораблю много часов подряд. Клео уже после пятого поворота и третьей лестницы заблудилась окончательно, но Дар, похоже, знал корабль наизусть: он уверенно шагал вперёд и не колебался на развилках, куда идти, уверенно сворачивая в нужную сторону. А ещё он так интересно и увлекательно обо всём рассказывал, что Клео заморожено его слушала, совсем очарованная своим ослепительным и жизнерадостным спутником. Дар же изо всех сил стремился произвести впечатление: галантно себя вёл, лучезарно улыбался ей и говорил комплименты. А проходя мимо некоторых мест на корабле, он принимался рассказывать занимательные и забавные истории, которые происходили здесь с пассажирами в том или ином полёте. Причём рассказывал так живо и весело, что Клео от души смеялась.

Но во время очередного рассказа о каком-то после, её пронзила одна мысль, и она воскликнула:

– Откуда ты всё это знаешь? Ты рассказываешь так, как будто сам всё видел!

– А я и видел.

– Но... то, что ты рассказываешь, происходило в прошлый рейс, и в позапрошлый, и до него... Ты что, каждый рейс на этом корабле летаешь?

– Ну, да. А что?

– Но это же очень дорого! Даже совсем не бедные люди могут позволить себе только один космический перелёт в год. А ты говоришь, что летаешь каждый рейс. Откуда у тебя столько денег?

– Ну, вообще-то... – Дар немного смутился, – я летаю бесплатно.

– Бесплатно?! – не поверила Клео. – Не может этого быть! Один раз я ещё могу поверить, но чтобы каждый рейс?.. У тебя, что, большие связи? Или огромный компромат на капитана корабля?

– Зачем такие сложности? – рассмеялся он. – Всё гораздо проще: я – сын капитана этого корабля.

– Капитаны не таскают своих детей за собой, – нахмурилась Клео. – Уж на что я плохо разбираюсь в космических перелётах, и то знаю, что это запрещено.

– У нас особый случай, – вздохнул Дар, на этот раз без тени улыбки даже в глазах. – Моя мама умерла пять лет назад, и отцу совсем не с кем

было меня оставить. У нас ведь родственников совсем нет: мои папа и мама – оба из интерната, сироты. И близких друзей у папы нет, таких, кому он мог бы меня доверить. Ну, не мог же он меня, тринадцатилетнего мальчишку, оставить дома совсем одного на несколько месяцев, пока он в полёте? И на другую работу он уйти не мог, он же ничего, кроме как управлять кораблём, не умеет. Вот и пришлось ему брать меня с собой. В управлении сначала недовольно поворчали (для виду), а потом стали закрывать на это глаза. Так и получилось, что последние пять лет я, фактически, живу на этом корабле. Если меня кто-то просит помочь, я помогаю. А всё остальное время я волен делать, что хочу. Поэтому я так хорошо знаю корабль, я за пять лет излазил его вдоль и поперёк. И видел многое из того, что здесь происходило: и пьяного посла в трусах, и всё остальное, что я тебе рассказывал.

– А на Эдеме ты был? На Карнавале? Ведь ваш корабль каждый год туда летает?

– Сначала отец мне запрещал туда спускаться: говорил, мал ещё для таких вещей. А в пятнадцать лет я не удержался и всё-таки выбрался туда. Ну, и влетело же мне, когда отец об этом узнал! А потом сказал, что раз я уже там побывал, нет смысла меня дальше удерживать, и стал отпускать. Так что, я уже четвёртый раз на Карнавале буду.

– Как я тебе завидую! – вздохнула Клео, и вдруг глаза её загорелись. – Расскажи мне о Карнавале! Как там?

– О-о-о, Карнавал – это восхитительно! По-другому не скажешь. Эдем обычный и Эдем во время Карнавала – это совсем разные планеты, это два разных мира! Я ведь на Эдеме не только в эти безумные дни бывал, – пояснил он. – Так что я могу сравнивать. А Карнавал... – Дариан сделал паузу и покачал головой. – Нет, будет лучше, если ты сама всё увидишь, иначе первое впечатление от Карнавала будет безнадежно испорчено. В первый раз это обязательно нужно видеть своими глазами. Потерпи недельку.

– Ладно, неделю я как-нибудь вытерплю, – согласилась Клео.

– Тогда пошли дальше, я тебе ещё не весь корабль показал.

– Я устала и есть хочу! – взмолилась Клео. – Дай мне хоть несколько минут посидеть.

– Тогда пошли в ресторан, поедим, и ты спокойно посидишь хоть целый час. А потом я тебе ещё одно место покажу, его ты обязательно должна увидеть. Такой красоты больше нигде нет!

– Ладно, пошли в ресторан, – согласилась Клео.

***

Ресторан был как ресторан, от обычных ничем не отличался, разве что окон не было. Если не знать, что он на космическом корабле, то и не догадаешься.

Когда Клео утолила голод и отдохнула, ей стало неинтересно здесь сидеть, и она согласилась пойти осматривать корабль дальше. Дариан снова повёл её за собой.

– Куда мы идём теперь? – поинтересовалась Клео.

– Сейчас увидишь. Тебе понравится, – загадочно улыбнулся он.

Они шли долго, поднялись на самый верх корабля, и, наконец, Дариан торжественно открыл большую дверь в конце коридора. Войдя внутрь, Клео забыла дышать, настолько потрясающее зрелище ей открылось. Вместо потолка и стен вокруг был огромный прозрачный купол, а за ним простирался во всей красе космос. Это зрелище было величественным и... подавляющим. Кроме чёрного пола, сливающегося по цвету с чернотой космоса, глаз не замечал никакой опоры, и становилось немного жутковато, словно висишь в пустоте. Даже сила гравитации, ощущаемая телом, не снимала полностью это чувство – чувство затерянности среди космоса. Сразу начинаешь чувствовать себя ничтожной песчинкой. Вид из маленького окошка каюты не шёл ни в какое сравнение с этим видом.

– Нравится? – раздался за спиной голос Дариана.

Клео вздрогнула от неожиданности – войдя сюда, она совсем забыла про него. И теперь резко обернулась. Сзади, вместо нижней части купола, была стена с дверью, что немного портило общее впечатление. Но если не оборачиваться, ощущение космоса вокруг было полным. Сейчас в проёме открытой двери стоял Дариан и улыбался, довольный произведённым впечатлением.

– Нравится? – снова спросил он.

– Да, очень.

– Я рад. Мне тоже здесь нравится, но я не люблю слишком часто сюда приходить.

– Почему? – искренне удивилась Клео.

– Начинаешь чувствовать себя слишком ничтожным и незначительным.

Клео снова посмотрела в глубину космоса и тихо сказала:

– Пожалуй...

Дариан подошёл к ней и обнял за плечи. Сердце девушки сбилось с ритма, и она обрадовалась, что здесь темно, и он не видит её покрасневшего лица.

– А хочешь посмотреть на мою коллекцию камней с разных планет? – внезапно спросил Дариан. – Я её пять лет собирал со всех планет, на которые мы летали.

– Хочу, – ответила Клео, желая не столько посмотреть коллекцию, сколько прервать это уединение тет-а-тет в полной темноте, не считая слабого света звёзд.

Пока они шли по коридорам, Клео успела унять сердцебиение и привести свои мысли в порядок. Однако она снова пришла в смятение, когда Дариан привёл её в свою каюту. Хотя ей с самого начала следовало подумать: где ещё он может хранить свою коллекцию, как не в своей каюте? Входя внутрь, Клео не могла отделаться от мысли, что совершает большую ошибку, но сразу же забыла об этом, увидев коллекцию. На неё стоило посмотреть! Две стены в каюте полностью были заняты полками, а на них лежали всевозможные камни: большие и маленькие; гладкие, зернистые и слоистые; с разной структурой и расцветкой; с иллюзорными картинками – да каких тут только не было! Клео с интересом стала их разглядывать, а Дар рассказывал с какой планеты каждый камень.

– Кстати, вот эти два с Эдема, – сказал он, указывая на два небольших, голубовато–серых камушка, самых невзрачных в красочной коллекции.

– Вот эти? – недоверчиво спросила Клео, наклоняясь поближе.

– Да, я понимаю, выглядят не очень. Обычно я стараюсь выбирать камушки покрасивее, но на Эдеме это трудно сделать. Там большая часть суши покрыта плодородной почвой и растительностью, гор там практически нет, так что достать скалистую породу проблематично. Я и эту-то еле нашёл. На Эдеме нет залежей полезных ископаемых, там никогда ничего не добывали, поэтому рядом с единственными двумя маленькими горами никто не живёт. Мне пришлось специально туда летать. Что нашёл, то и взял. Слава Эдема не в камнях, а во фруктах, но они долго не хранятся.

– Понятно, – Клео распрямилась и сделала шаг назад, но налетела на Дара, и они оба чуть не упали. Чтобы устоять, они ухватились друг за друга и оказались так близко... Дариан не удержался и поцеловал её. Клео просто таяла в его объятиях и не сопротивлялась... Первое время. Но когда он не ограничился одним поцелуем и стал снимать с её плеч платье, она попыталась его остановить. Не тут-то было. Дариан не собирался останавливаться.

– Дар, перестань, я не хочу.

– Почему? Разве я тебе не нравлюсь? Разве тебе не хорошо со мной?

– Нравишься, но... я не могу так быстро. Не торопи меня, я не готова.

– Глупости. Тебе понравится. Только расслабься.

– Я не хочу так!.. – воскликнула Клео и попыталась вырваться из его объятий. Бесполезно. Он держал крепко. Тогда она испугалась и стала вырываться изо всех сил.

– Вот дикая кошка! – воскликнул Дар, когда Клео поцарапала ему шею ногтями, и непроизвольно отпрянул от неё. Его лицо исказилось от злости, и он злобно прошипел:

– Изображаешь недотрогу, да? Знаешь сколько я таких, как ты, видел? Все они были недотрогами, пока на Карнавал летели, а потом на Карнавале в первую же ночь отдавались первому встречному. И ты не лучше других! Сейчас не можешь, а на Карнавале будешь раздвигать ножки перед любым желающим.

– Не буду!

– Это ты сейчас так говоришь, потому что не знаешь, что из себя представляет Карнавал. А когда там окажешься, будешь! И я ничем не хуже тех кобелей в масках, – с этими словами Дариан снова схватил её и прижал к полкам. Отчаянно сопротивляясь, Клео схватила с полки первый попавшийся бульжник и стукнула его по голове. Дар упал на пол и больше не шевелился.

– Дурак! Ты всё испортил! – Клео со слезами бросилась вон из каюты, но дверь оказалась заперта. Она оглянулась на Дара и с опаской приблизилась к нему. Он всё так же лежал, не шевелясь. «А если я убила его?» – вдруг испугалась Клео, быстро наклонилась и пощупала шею. «Пульс есть», – с облегчением вздохнула она, вытащила электронный ключ у него из кармана

и снова направилась к двери. Отперев дверь, она кинула ключ обратно в комнату и бросилась вон.

Клео была в таком смятенном состоянии, что не помнила, как добралась до своей каюты. Чудо, что она сумела её найти, и вдвойне чудо, что по пути больше ни на кого не наткнулась. Запершись в своей каюте, она забилась под одеяло и кляла себя на чём свет стоит: «Дура, дура, наивная дура! Как я могла так в нём ошибиться? Растаяла от его комплиментов и улыбок и совсем мозги потеряла! О чём я только думала? Правильно папа говорил, я совсем не знаю жизнь и людей. Так и есть. Что же со мной тогда на Карнавале будет?» И Клео заплакала. Не столько, переживая случившееся, сколько жалея о своей разбитой мечте. Потому что Дар растоптал её мечту полететь на Карнавал. Теперь ей совсем туда не хотелось, но сойти с корабля она не могла: билеты туда и обратно оплачены отцом, а это немалые деньги. Так, кляня и жалея себя, она и уснула.

***

На следующий день Клео долго не решалась выйти из каюты, боясь встретиться с Дарианом. Но после полудня, когда голод стал нестерпим, она отважилась, наконец, пойти поесть. На корабле, кроме двух ресторанов, было ещё небольшое кафе для тех, кому не нужна была романтика и изысканное обслуживание, кто хотел просто поесть. Клео отправилась именно туда – вряд ли Дар, имея доступ ко всем роскошествам и излишествам, ограничится простой кафешкой.

Найти нужное заведение оказалось не так трудно, как она думала вначале. На пересечении коридоров обнаружили указатели, которых Клео вчера не заметила, оставалось только следовать им.

В кафе было тихо и мало народу, в основном люди в возрасте. Клео села за один из пустующих столиков подальше от всех и заказала себе обед. Обед ей принесли, но не успела она приступить к еде, как за соседний столик кто-то сел. Клео испуганно вздрогнула и, с трудом подавив в себе желание сразу сбежать, сначала оглянулась посмотреть, кто это. Это был седой старик с загорелым морщинистым лицом. Клео облегчённо вздохнула, а старик тепло ей улыбнулся и спросил:

– Что такая молодая и красивая девушка делает здесь, среди скучных стариков? В ресторанах, я уверен, нашлось бы немало галантных молодых людей, которые были бы не прочь за тобой поухаживать.

– Я туда не хочу.

– Что я слышу? Какая грусть в голосе и какой настороженный взгляд. Неужели тебя уже кто-то успел обидеть? Уж не Дар ли?

– Откуда вы знаете?! – испуганно вскинулась Клео.

– Тише, тише. Эк тебя напугали. Я просто предположил и угадал. А Дариана кто ж не знает? Большой шалопай и бездельник, с ветром в голове. Рос сам по себе, без должного воспитания, вот и вырос эгоистом, никогда не думает о последствиях своих поступков. Намучается теперь с

ним отец. Говорил я ему: отдай сына в интернат, там строгое воспитание. Если б он послушал, может, теперь из парня было бы больше толку.

– Так вы знаете капитана корабля?

– Конечно, я уже не первый раз на его корабле летаю.

– На Эдемский Карнавал?

– Нет, конечно, – засмеялся старик, – стар я уже для Карнавала. Я живу на Эдеме, у меня там фруктовые плантации. А летаю я, наоборот, с Эдема в гости к моим детям. Они, когда выросли, уехали с Эдема. Сказали, что не хотят заниматься фермерством, а в единственном городе на Эдеме жить невозможно из-за Карнавалов. Он предназначен для туристов, а не для постоянного жилья. Вот мои дети и уехали искать счастья на другие планеты. В этот раз я летал на крестины моей третьей внучки, она полтора месяца назад родилась.

– А сколько у вас всего детей и внуков?

– Детей трое: два сына и дочь. А кроме трёх внучек у меня ещё есть пять внуков.

– Здорово. Наверное, хорошо иметь большую семью?

– Хорошо. Только все они теперь далеко живут, а на Эдеме я один остался. Они и мне предлагали переехать, но я отказался. Эта земля стала моим домом, моей душой, моей судьбой. Там похоронены мои родители и моя жена. Там живут все мои друзья. Как же я уеду? Я другой жизни и не знаю. Нет. Я хочу дожить свой век на моей любимой земле и быть похороненным рядом с моими родителями и женой. А мои дети пусть ищут счастья на других планетах.

– А разве в городе на Эдеме так уж невозможно жить?

– Да дело не только в этом. На Эдеме они не могли получить то, к чему стремились. Моя дочь мечтала заняться наукой, а на Эдеме даже университета нет. Вот она и улетела учиться на Лиен – культурный центр этой части галактики. Сейчас она работает в каком-то исследовательском институте, защитила докторскую диссертацию и вполне довольна своей жизнью. Мой старший сын стал пространственным дизайнером. Как ты понимаешь, и этой профессии на Эдеме не учат. А младший – служит в Звёздном патруле: он с детства об этом мечтал, а на Эдеме даже полиции нет, потому что без надобности. Там в городе живут только служащие космопорта, обслуга отелей и ресторанов и хозяева магазинов, больше там жить некому и незачем. Так что я своих детей понимаю, только сам уезжать оттуда не хочу: я люблю свою землю, наверное, я по натуре фермер. А что это мы за разными столами разговариваем? Так ведь неудобно. Давай я за твой столик сяду. Ты не против?

– Нет, конечно. Садитесь.

Старик пересел к ней, и официантка, подошедшая в этот момент с его обедом, не моргнув глазом, свернула к их столику и поставила поднос перед ним. Потом так же молча ушла.

– Мы ведь даже не познакомились, – спохватился старик. – Позволь представиться, меня зовут Ирвин Ферт, но ты можешь звать меня дедушка Ирвин. А тебя как звать?

– Клео.

– Клео... чудное имя, необычное. Но тебе идёт. Многих парней привлекают красивые девушки с необычными именами.

– Не хочу я сейчас никого привлекать, – буркнула Клео.

– Это ты зря. Не обращай внимания на Дариана. Он большой балбес: сдуру делает то, о чём потом жалеет. Так не все же такие. Парни разные бывают, как и девушки, как и все люди. Все мы отличаемся друг от друга. А ты ещё так молода, у тебя вся жизнь впереди – не спешి ставить на себе крест. Но если ты так боишься встречаться с Даром, то старайся ходить с группами людей или в толпе. При людях он не осмелится тебе даже слово обидное сказать.

– Но здесь так пусто, за вчерашний день я так мало народу здесь видела.

– Это только пока. Корабль ведь не только с твоей планеты людей на Карнавал везёт. По пути будет ещё четыре остановки на других планетах, и там сядет очень много человек. Лайнер рассчитан на тысячу пассажиров, и под конец пути он будет забит под завязку. По коридорам толпы будут шастать. Кстати, первая остановка через пару часов, мы уже подлетаем к планете. Так что к вечеру пассажиров добавится.

Клео промолчала, сомневаясь, что от этого её настроение изменится. Желая перевести разговор на другую тему, она спросила:

– А вы давно живёте на Эдеме?

– Очень давно. С самого его основания. Я был среди первых поселенцев, которые основали колонию на Эдеме. Мы прилетели всей семьёй, вместе с родителями – мне тогда двенадцать лет было. Вот с тех пор я на Эдеме и живу. Он стал моим домом. Я уже и не помню планету, с которой мы на Эдем прилетели. Это была жуткая дыра, кажется, какая-то промышленная планета с кучей шахт и заводов. Там дышать нечем было. Представляешь, каким раем мне Эдем показался? Цветущие деревья, звонкие прозрачные речки, птичьи трели по утрам, большие яркие бабочки, неописуемо прекрасные закаты и восходы.

– Красота, – восхищённо вздохнула Клео, представив всё это.

– Да, красота. И для меня до сих пор Эдем – это прекрасные цветущие сады, а вовсе не Карнавалы. Мой Эдем – это мой дом, который полон стольких счастливых воспоминаний, это моя земля, мои деревья, в которые я вложил столько души.

– Я бы хотела побывать у вас в гостях.

– Заходи, когда захочешь, если время будет. Я буду рад.

– Вы столько прожили на Эдеме. Наверное, вы знаете, с чего начались первые Карнавалы?

– Конечно. Эдем почти сразу после основания колонии стал привлекать туристов. Туда приезжали искупаться в чистом прозрачном море, позагорать

на пляже, посидеть на пикнике среди цветущих деревьев, ведь совсем немного таких красивых зелёных планет, как Эдем. Но спустя лет пятнадцать после основания Эдема, на орбите планеты был бой Звёздного патруля с пиратами, и много сбитых кораблей упало на поверхность. Это вызвало сильные бури в атмосфере, которые повредили почти все сады, и загрязнения в тех местах, куда упали обломки. Было ранено несколько людей. Все туристы были сильно возмущены. Чтобы как-то уменьшить их гнев и сгладить впечатление от испорченного отдыха, было решено организовать праздник, что-то вроде костюмированной вечеринки с танцами. Им понравилось, и на следующий день они потребовали продолжения. Таким образом они и развлекались всё оставшееся время своего пребывания на Эдеме. Упавшие обломки нанесли большой ущерб, но доходы от праздника почти покрыли убытки от потерянных фруктов. На очистку загрязнения и восстановление поврежденных садов потребовалось несколько лет, и чтобы получить на это деньги, такие праздники для туристов стали повторять каждый год. Их популярность росла, они стали традицией и постепенно превратились в недельные Карнавалы, которые проходят сейчас.

– А это правда, что Эдем за неделю Карнавала получает прибыли больше, чем за урожай фруктов за весь год?

– Правда. Потому и сохранили традицию этих праздников, когда сады были восстановлены. Потому что за несколько лет они стали приносить огромный доход.

– А вы сами были на этих праздниках?

– Первое время да. Потом надоело. Я тихий семейный человек, я люблю уют моего дома и мои прекрасные сады и не люблю шумные толпы людей. Да и стар я уже. Карнавал – это развлечение для молодых людей, которые хотят праздника и беззаботного веселья. Ты ведь из таких, да?

Клео покраснела и смущённо потупилась.

– Да не стесняйся ты, – улыбнулся Ирвин. – Ты молода и красива, в молодости надо веселиться. И мой тебе совет, забудь про этого балбеса, который тебя обидел, и наслаждайся праздником. Карнавал сам по себе прекрасен и стоит того, чтобы им наслаждаться.

– Спасибо вам, дедушка Ирвин. За интересный разговор и вообще. Мне сразу лучше стало.

– Я уж вижу, твоё личико от улыбки ещё больше похорошело. А я пойду, пожалуй, вздремну часок после обеда. Мои старые кости уже не так легко переносят полёт, как раньше. Скоро, наверное, совсем не смогу летать. Удачи тебе, внучка, веселись, – с этими словами Ирвин Ферт отодвинул пустые тарелки, встал и вышел из кафе.

Клео, заслушавшаяся его интересных рассказов, едва ли съела половину и теперь принялась быстро доедать свой остывший обед. После разговора с Ирвином у неё на душе стало легче, и поднялось настроение. Теперь Эдем больше не был для неё только местом Карнавала, теперь ей

представлялись прекрасные сады, пляжи у моря, пение птиц и красивые закаты – всё, о чём рассказывал Ирвин.

***

Корабль не стал приземляться на планету. Он причалил к орбитальной станции на час. За это время пассажиры, заранее прибывшие на станцию, погрузились на корабль, и он отчалил. Пока корабль висел на орбите, Клео рассматривала планету в окно своей каюты. На вид она ничем не отличалась от её родной. Такой же пятнистый – голубой с коричневым – шарик, покрытый извилинами белых облаков. Только солнце его освещало другое.

Вечером Клео отправилась ужинать в кафе в надежде встретить там Ирвина, ей хотелось снова с ним поговорить. Но не успела она пройти и нескольких метров по коридору, как из каюты впереди вышел какой-то парень. «Новый пассажир?» – подумала Клео и тут же повернула назад. Она ещё не отошла от встречи с Даром и не хотела сейчас встречаться ни с какими парнями. Но только она свернула за угол, как столкнулась нос к носу с Даром. «Только не это!» – взмолилась Клео, в страхе отступая назад. Но он её заметил и нехорошо улыбнулся.

– Кого я вижу? Опять из-за угла коридора на меня вылетает Ева. Тебе не кажется символичным, что мы снова случайно столкнулись в коридоре? Похоже, это судьба.

– Я так не думаю, – сказала Клео, отступая назад и лихорадочно соображая, что делать. Как назло, коридор был совсем пустым.

– Ах, не думаешь... Ну, я тебя проучу, – зловеще пообещал Дар, наступая следом. – Будешь знать, как бить меня по голове.

Он рванулся вперёд, схватил Клео и прижал её к стене коридора.

– Дар, отпусти! Ты сам был тогда виноват: я же говорила, что не хочу! Отпусти, я кричать буду!

– Кричи сколько хочешь, никто не услышит. Сейчас все пассажиры ужинают в ресторанах, – Дар попытался поцеловать её, с силой прижав руки Клео к стене, но она отчаянно вырывалась, пытаясь пнуть его ногой. Когда это не удалось и Клео поняла, что он гораздо сильнее, её охватил ужас.

– Дар, отпусти! – взмолилась она. – Я прошу тебя!

– И не подумаю, – ухмыльнулся он. – Я не прощаю тех, кто меня бьёт.

– Ты что, не слышал? Девушка просит, – раздался вдруг рядом незнакомый голос.

Клео повернула голову – рядом стоял тот самый парень, который перед ней вышел из каюты. Наверное, он шёл следом.

– Отпусти её! – сказал он, и тон у него был... весьма решительный.

– Не лезь не в своё дело! – огрызнулся Дар. – Тебя это не касается. Вали своей дорогой.

– Не касается, значит? А если я сейчас пойду к капитану корабля и скажу, что здесь происходит?

– Он тебе не поверит!

– Может быть, а может и поверит. Проверим?

– Ах, ты... – Дар выпустил Клео и набросился на парня. Но тот оказался быстрее. Одного удара оказалось достаточно, чтобы Дар отлетел назад и свалился на пол, корчась от боли.

– Пойдём, – парень мягко взял Клео под локоть и повёл назад, в ту сторону, куда она изначально и собиралась.

Она оглянулась на Дара и спросила:

– А он не побежит за нами?

– Вряд ли, – усмехнулся парень. – Но на всякий случай я тебя провожу. Куда тебе нужно?

– Я хотела пойти поесть в кафе.

– Тогда мы правильно идём, кафе в той стороне.

– Откуда ты знаешь? – непроизвольно напряглась Клео, хотя умом понимала, что вряд ли найдётся ещё один сын капитана, который знает корабль, как свои пять пальцев.

– Я летал однажды на корабле такого же класса, а у них у всех одинаковая планировка помещений, разве что убранство отличается. Я ещё не успел всё забыть.

Клео незаметно вздохнула с облегчением и подумала про себя: «Я веду себя глупо, уже боюсь всякой ерунды – а всё из-за этого Дариана, будь он проклят!» Она подсознательно ожидала, что этот парень тоже будет делать ей комплименты и стараться очаровать, но он молча шёл рядом, осторожно поддерживая её под локоть, и кажется, думал о чём-то своём. Только на поворотах поглядывал на указатели.

Когда они подошли к двери кафе, он остановился, отпустил её руку и сказал:

– Вот мы и пришли. Можешь спокойно ужинать.

– А ты? – почти непроизвольно вырвалось у Клео.

– Что я? – удивился парень.

Клео мысленно дала себе подзатыльник – ну кто дёргал её за язык! Ей что, приключений мало? – но было уже поздно, и она постаралась спросить как можно спокойней:

– Ужинать не будешь?

– Буду, – ответил он. – Но я хотел сесть за другой столик. Я подумал, что после всех приключений ты захочешь побыть одна, и не хотел навязываться.

Клео с удивлением посмотрела на него, она впервые видела парня, галантность которого проявлялась не на словах, а в поступках. Видимо на её лице отразилось, о чём она думает, потому что он улыбнулся и сказал:

– Меня зовут Джулиан, можно просто Джул.

– А меня Клео.

– Тогда, если ты не против, пойдём сядем вместе.

Клео оглядела все столики в зале, но дедушку Ирвина не заметила и согласилась. Они сели за столик в углу и первое время молчали, не зная о чём заговорить. Клео исподтишка разглядывала Джулиана. Он не был похож

на Дара и не только внешне. Он был старше, спокойней, серьёзней. И глядя на него, как-то не верилось, что он летит на Карнавал. Хотя, может, и правда не туда летит? Поколебавшись немного, Клео решила спросить:

– А куда ты летишь?

– На Эдемский Карнавал.

– В самом деле? По тебе не скажешь.

– Почему?

– Потому что в тебе не видно ни радости, ни воодушевления.

– Да и в тебе этого тоже не видно.

– Мне Дариан всё настроение испортил.

– Тот парень, который к тебе в коридоре пристал?

– Да.

– Понятно. Но если позволять портить себе настроение каждому мерзавцу, никаких нервов не хватит. Ты же мечтала попасть на Карнавал?

– Да, очень. А последние два года особенно, когда папа пообещал мне, что после школы я поеду на Карнавал.

– Вот и радуйся тому, что твоя мечта скоро исполнится. И не расстраивайся из-за него, он того не стоит. А что касается того, что я не проявляю энтузиазма, – так я просто не выставляю свои чувства напоказ. Уже перерос тот возраст, когда все эмоции бурно проявляются наружу. Если бы мне отец разрешил поехать на Карнавал лет пять назад, сразу после школы, то я бы плясал от радости, насвистывал весёлые песенки и, вообще, был бы просто счастлив. Я с детства очень мечтал попасть на Карнавал. Но отец не разрешил мне лететь туда, пока я не окончу университет. А за эти годы страстное желание непременно туда попасть погасло. Я повзрослел, у меня появилось много других интересов, но мечта попасть на Карнавал осталась. Только мечта, но без прежнего восторженного стремления, понимаешь? Подобные мечты, не исполненные вовремя, перестают вызывать бурные чувства, но остаются тихой занозой в глубине души до тех пор, пока их всё-таки не исполнишь.

– Так случилось и с твоей мечтой попасть на Карнавал?

– Да, наверное. Так что не позволяй никому растоптать твою мечту, пока она горит так ярко.

Клео посмотрела на Джулиана с чувством, которое сама не бралась определить. До сих пор она общалась в основном со сверстниками, а он вёл себя так... по-взрослому. И это было для неё внове. Прислушавшись к своим чувствам, Клео обнаружила, что он, такой немногословный и серьёзный, нравится ей гораздо больше, чем нравился раньше Дариан. И он так по рыцарски себя повёл... Клео помотала головой, заставляя успокоиться разыгравшееся воображение. Ей что – приключений до сих пор было мало? Конечно, Джулиан ведёт себя достойно, но лучше не искушать судьбу.

– Что такое? – спросил он. – У тебя на лице смятение. Что-то не так?

– Ничего, всё в порядке. Я ещё не поблагодарила тебя за то, что ты меня спас.

– Не стоит. Любой настоящий мужчина на моём месте поступил бы так же. А если нет, значит, он вообще не мужчина. Так всегда говорил мой отец, и я с ним согласен.

– А у тебя большая семья?

– Не очень: мои родители, я и младшая сестра. А у тебя?

– Ещё меньше: только родители и я – ни братьев, ни сестёр у меня нет.

– И ты только что окончила школу?

– Да.

– И куда ты собираешься пойти учиться дальше?

– Ещё не знаю. Я пока не решила, кем хочу быть.

– У тебя не так много времени осталось, вступительные экзамены через месяц.

– Я знаю. Но я надеюсь, что Карнавал изменит что-то во мне, и я пойму, чего хочу в этой жизни.

– А если нет?

– Не знаю, я не хочу загадывать наперёд. Но если уж совсем не буду знать, куда идти учиться, пойду, куда скажет отец.

– Но неужели ты совсем-совсем не знаешь, чего хочешь?

– В том-то и дело, что совсем-совсем не знаю, – вздохнула Клео и спросила:

– Это глупо, да?

– Совсем нет. Многие люди полжизни не могут найти своё призвание, и в этом нет ничего глупого. Это скорее грустно.

– А ты нашёл себе профессию по вкусу?

– Кажется, да. Во всяком случае, пока она мне нравится.

– И на кого ты учился?

– В дипломе значится: «Инженер по безопасности информационных технологий». А если перевести на нормальный язык: специалист по системам защиты компьютерных программ от взлома.

– Ничего себе! И как тебя занесло в такие интеллектуальные дебри?

– Всё началось с моего детского увлечения компьютерными играми. Когда мне надоело играть просто так, я начинал взламывать персонажей, секреты и так далее. А в последних классах школы мы с друзьями решили собственную игру создать, но им это быстро надоело и они бросили это дело. А меня это увлекло по настоящему: я игру доделал и построил защиту от таких же, как я, любителей взламывать. Если честно, игра вышла так себе: мне не хватало воображения, чтобы создать интересный сюжет, характеры персонажей и так далее, но я попросил друзей попробовать взломать мою игру в твёрдой уверенности, что им это не удастся. Какова же была моя досада, когда её взломали. Я принялся совершенствовать защиту, и это превратилось в своеобразную игру: я исправлял прорехи в защите и давал друзьям взламывать, они взламывали, я снова исправлял и так далее. Когда друзьям за несколько месяцев так и не удалось взломать защиту в моей игре, я такой триумф испытал! Я гордился собой и понял насколько это увлекательно – делать

такие заслоны, которые никто сломать не сможет. Вот и пошёл учиться туда, где этому учили.

– Здорово, – вздохнула Клео. – Вот бы и мне найти то, что будет мне интересно.

– Найдёшь, – ободряюще улыбнулся Джулиан. – Может, разнообразие впечатлений тебе в этом поможет.

– Надеюсь, – снова вздохнула Клео и невольно улыбнулась в ответ.

К этому времени они доели свой ужин, и Джулиан спросил:

– Ну что, пойдём по каютам? Тебя проводить?

– Если тебе не трудно, – смутилась Клео, ещё не привыкшая к галантному обхождению. Её одноклассники никогда себя этим не утруждали.

– Разве это трудно? – удивился Джулиан. – Нам всё равно в одну сторону идти. Но даже если бы тебе нужно было в противоположный конец корабля, я бы всё равно тебя проводил.

Он встал, помог ей подняться, подал руку и проводил до каюты. Шли они опять молча. Странное дело, Джулиан за весь вечер не сделал ей ни одного комплимента, но с ним Клео было гораздо теплее, чем с Даром. В его присутствии она чувствовала себя свободнее, потому что его галантность была ненавязчива. А Дариан своим напористым поведением вчера и слишком большим количеством комплиментов постоянно её смущал, отчего она чувствовала себя скованно.

Коридоры уже не были пустыми, по пути то и дело встречались группы пассажиров, возвращавшиеся из ресторанов. Они были весёлые и довольные, и по коридорам далеко разносились оживлённые разговоры и смех.

Когда Клео и Джулиан подошли к её каюте, он выпустил руку её и сказал:

– Спокойной ночи, Клео.

– Спокойной ночи, Джулиан. Мы завтра увидимся?

– Наверное. Корабль не так велик, чтобы за пять дней не встретиться случайно снова. А если желать встречи, то тем более найти друг друга не трудно, – с этими словами он развернулся и пошёл к своей каюте. А Клео ясно услышала в его словах скрытый смысл, как будто он хотел сказать: если она захочет увидеть его снова, он будет рад, а если нет, то не станет навязываться. У неё в груди в области сердца разлилось странное тепло, и уже в приподнятом настроении она вошла в свою каюту.

***

И с этого дня как-то так повелось, что они стали проводить время вместе. Вроде бы они и не стремились к этому специально, – выходило само собой. Их каюты были недалеко, и они почти каждое утро сталкивались в коридоре, потом завтракали вместе, а потом вместе бродили по кораблю.

Уже на следующий день после встречи они в столовой встретили Ирвина. Джулиану он понравился, и Джулиан ему тоже. Они сели завтракать втроём, и время незаметно летело за интересным разговором. Причём Клео больше слушала, чем говорила. А Джулиан с Ирвином настолько увлеклись, что их разговор заходил то о политике, то о науке, то ещё о чём-нибудь, о чём

Клео не имела ни малейшего представления, потому что не интересовалась раньше. Причём спорили они на равных, несмотря на разницу в возрасте. И Клео впервые поняла, насколько умён и образован Джулиан, насколько обширны его познания. При этом он не выглядел хлюпиком, который питается только интеллектуальной пищей. Он был высокий и подтянутый, и Клео сама видела, как легко он уложил Дариана одним ударом. Она впервые видела настолько разносторонне развитого человека, и это не могло её не восхищать. Потому что она сама была по натуре лентяйкой и ни к чему не стремилась, предпочитая плыть по течению. Она и учиться-то начала, только получив мощный стимул в виде Карнавала. И сейчас она чувствовала себя перед Джулианом слишком несовершенной, потому что ничем, кроме привлекательной внешности, похвастаться не могла.

После завтрака Клео с Джулианом отправились в голотеатр, потом в бассейн, потом просто бродили по кораблю, разговаривая и смеясь.

А однажды в своих странствиях они вышли к обзорному куполу и вошли в него посмотреть на космос. Клео, у которой уже изгладилось первое впечатление, снова испытала потрясение, почувствовав себя затерянной среди космоса. А Джулиан долго стоял, глядя вверх, и молчал. Клео первой стало совсем не по себе, и она придвинулась к Джулиану, взяв его за руку.

– Здесь чувствуешь себя таким незначительным, – шепнула она.

– Это хорошо, – ответил Джулиан. – Каждому человеку нужно это испытать, чтобы не стать эгоистом. Такой вид хорошо лечит от завышенного самомнения, когда люди считают себя пупом вселенной. Здесь видно, кто есть кто на самом деле. Человек – всего лишь песчинка, затерянная в космосе. А вселенная многообразна и безгранична. В ней великое множество миров. И если один человек умрёт, на вселенной это никак не отразится, подавляющее большинство миров этого просто не заметит. Это нужно понять каждому, чтобы не мнить себя великим и незаменимым. Хорошо, что сделали такие купола, от эгоцентризма лечит здорово.

Клео удивлённо посмотрела на Джулиана – его отношение к виду отсюда в корне отличалось от отношения Дариана – но она не могла не признать, что он сказал очень мудрые вещи. Сама она об этом не думала. А Джулиан добавил:

– Красивый вид. Пробуждает воображение.

– В самом деле? Почему?

– Но ты сама посмотри: сколько звёзд! А ведь почти каждая из них – это солнце со своими планетами. И на многих из них есть жизнь, пусть не разумная, но есть. Ты только представь, какое там разнообразие ландшафтов, растений и животных, а может и цивилизаций. Столько миров! И ни один не похож на другой. Если бы только можно было посмотреть их все! Но на это и ста человеческих жизней не хватит. А там может быть столько интересного!

– Тебе так хочется побывать на всех этих планетах? Почему ты тогда в разведчики космоса не пошёл?

– Да нет, мне просто нравится познавать неизведанное. Всё равно в чём, не только в космосе. Сколько я себя помню, я всегда стремился разгадать какие-нибудь тайны, докопаться до истины, найти истоки, раскопать ответы. Я такой дотошный был. Меня многие учителя в школе не любили, потому что я любил задавать неудобные вопросы, на которые они не сразу могли найти ответы. А мне нравилось, что иногда я знаю больше, чем учителя. Я любил сам докапываться до всего того, о чём они на уроках умалчивали, считая, что детям это знать ещё рано. Ты даже не представляешь, сколько всего интересного можно узнать, если захотеть.

Клео снова почувствовала себя такой ничтожной: её никогда не тянуло к познаниям, а рядом с ним хотелось стать лучше, к чему-то стремиться, чего-то достичь. Знать бы ещё, чего она хочет достичь. Клео вздохнула – угораздило же её встретить такого парня! Рядом с ним всё как-то незаметно менялось, и вот уже ей самой захотелось измениться, чего-то добиться в жизни, чтобы быть достойной его. Достойной его? Боже, о чём она думает?!

Клео покраснела и быстро взглянула на Джулиана, но он по-прежнему смотрел вверх и ничего не заметил. Ну вот, докатилась: уже думает о нём, как о своём парне. Впрочем, не мудрено, они ведь целые дни проводят вместе, и хотя о чувствах ещё не было сказано ни слова, но уже стало возникать ощущение, что они вместе. А в самом деле, что она к нему чувствует? Уж не влюбилась ли? Клео попробовала разобраться в своих эмоциях, но с определённой уверенностью сказать могла только одно: когда Джулиан рядом, у неё в груди разливается странное тепло. А далеко ли это до любви, она не знала. И ещё ей очень не хотелось с ним расставаться, ни сейчас, ни потом.

– Джулиан, – окликнула его Клео.

Он очнулся от задумчивости и повернулся к ней.

– Можешь звать меня просто Джул, а то Джулиан звучит немного... официально.

– А мне не нравится, как звучит Джул: слишком сухо и твёрдо, как удар бича.

– Да? Никогда не обращал внимания. Я с детства привык, что меня друзья так называют. А как, по-твоему, будет звучать не сухо?

– Ну, не знаю... может быть, Лан?

– Лан. Хм... так моё имя ещё никто не сокращал... А что? Мне нравится: стремительно и мелодично, как звонкая стрела. Можешь звать меня Лан. А Клео – это полное имя или сокращение?

– Сокращение.

– А как полное?

– Не скажу.

– Не доверяешь?

– При чём здесь это? Я своё полное имя никому не говорю – я его просто ненавижу! – оно идиотское. Его кроме моих родителей и не знает никто. Я всем говорю, что меня зовут Клео и никак иначе!

– Ладно, Клео так Клео. Необычное имя, звучит как музыкальный аккорд.

– Ты и в музыке разбираешься? – вытаращила глаза Клео.

– Нет, не очень, – улыбнулся Джулиан. – Я просто люблю слушать красивую музыку. Твоё имя звучит так же.

Это прозвучало... как комплимент. И между ними повисла тишина. Они стояли в полной темноте, не считая слабого света звёзд, совсем рядом и смотрели друг на друга. Клео показалось, что он вот-вот её поцелует, но Джулиан сделал шаг назад и сказал:

– Пойдём отсюда, а то мне тоже уже становится не по себе от этого космоса вокруг.

И он вышел. А Клео испытала мгновенную досаду. Почему он её не поцеловал? Она ему что, совсем не нравится? И от космоса ли вокруг ему стало не по себе? Или оттого, что они были вдвоём так близко в темноте? Досадуя и на него, и на себя, что огорчилась из-за этого, Клео пошла следом.

***

После этого между ними не то чтобы пролегла преграда, но повисла какая-то недосказанность. Они по-прежнему проводили время вместе, и им было так же легко общаться друг с другом, но они избегали говорить о чувствах – и Клео недоумевала, почему? До сих пор она легкомысленно относилась к подобным отношениям: встретились, понравились друг другу, пошли на свидание, поцеловались. В школе она пару раз встречалась с одноклассниками, но дальше пары поцелуев дело не пошло. Теперь же всё было так сложно, и она поневоле начинала относиться к их отношениям с Джулианом серьёзно. Только что это были за отношения? И не приятельские, и не дружеские, и флиртом не назовёшь, и на отношения влюблённых не похожи. Что тогда? Эта неопределённость лишала Клео покоя.

Однажды вечером после ужина, когда уже близился конец полёта, Джулиан вдруг спросил:

– Ты умеешь танцевать, Клео?

– Да, – с лёгким удивлением ответила она. – А что?

– Пойдём потанцуем?

– Пойдём, – Клео удивлялась всё больше и больше, такое предложение Джулиана застало её врасплох и о чём-то говорило. Может, она ему всё-таки безразлична?

Они отправились в один из ресторанов. Там был музыкальный автомат, в котором можно было заказать любую мелодию. Обычно молодёжь много времени в полёте проводила в этом ресторане, развлекаясь танцами. Но Клео там ещё ни разу не была, в первый день с Дарианом они обедали в другом.

Когда они с Джулианом вошли в ресторан, там уже развлекалось несколько десятков человек. Несколько пар танцевали какой-то зажигательный танец, остальные группами сидели за столиками у стен, оживлённо разговаривали и смеялись. Клео оглядела зал и застыла, увидев, что душой компании в одной группе является Дариан. Он что-то увлекательно рассказывал, окружающие

его люди весело смеялись, а к нему жались сидящие рядом две девушки с роскошными фигурами, одетые в платья, прикрывающие их по самому минимуму, на грани приличия (и абсолютно ничего не скрывающие при этом).

– Не обращай внимания, – сказал Джулиан, – он того не стоит.

Клео подняла на него взгляд и увидела, что он тоже смотрит в сторону Дариана.

– Может, уйдём? – спросила она.

– Ещё чего! Пусть он уходит, если не хочет находиться с нами в одной комнате, а я не собираюсь подстраивать свою жизнь под какого-то мерзавца. Я хочу с тобой потанцевать, и мы будем танцевать, – с этими словами Джулиан взял Клео за талию и стремительно увлёк к музыкальному автомату выбирать мелодию.

Очереди там не было, наверное, под конец полёта большинство людей уже утомило это развлечение, и они переключились на другие. Джулиан выбрал медленный танец, и, когда мелодия зазвучала, они вышли в центр зала. Остальные танцующие разочарованно ретировались за столики. Поначалу Клео было не по себе, потому что танцевали только они с Джулианом и взгляды всех присутствующих были обращены на них, в том числе и Дариана. Ей было неприятно, что он здесь и смотрит на неё.

– Клее-ео... – окликнул её Джулиан. – А-а-у, я здесь. Перестань глазеть по сторонам.

– Прости, Лан, мне не по себе от того, что все смотрят.

– Забудь про них! Какое тебе до них дело? Слушай музыку.

Клео послушалась, закрыла глаза и стала слушать мелодию: она была красивая и немного грустная. А потом Клео вдруг осознала, что танцует не с кем-нибудь – с Ланом! Он так близко, держит её за талию и... Её сердце сразу сбилось с ритма и учащённо заколотилось. Клео тут же забыла про всех зрителей и посмотрела на Джулиана. Он с улыбкой наблюдал за её душевными терзаниями, и его взгляд был таким... тёплым... нежным.

Клео потеряла счёт времени и не могла сказать, сколько они танцевали: один танец или больше – она вообще утратила связь с реальностью. Ей казалось, что они с Ланом одни во всей вселенной – танцуют в пустоте среди звёзд. Очнулась она только тогда, когда музыка смолкла. Оглядевшись, она увидела, что ресторан опустел. Только несколько людей разговаривали за столиком в углу, все остальные уже ушли, и Дариан тоже.

– Сколько же мы танцевали? – удивилась Клео.

– Танцев пять или шесть, – улыбнулся Джулиан. – А ты не помнишь?

– Не знаю, я потеряла чувство времени: то мне кажется, что мы танцевали миг, то кажется – вечность. Это так странно. Мы ещё не прилетели на Эдем, а сказка уже началась.

– Разве это плохо?

– Это странно. Со мной ничего подобного никогда не было.

– Пойдём, уже поздний вечер. Сегодня надо выспаться, потому что завтра мы прилетаем на Эдем, и будет очень трудный день.

– Уже завтра? – с явным сожалением спросила Клео.

– А ты не хочешь на Карнавал?

– На Карнавал я хочу, но я не хочу, чтобы этот полёт так быстро закончился. Мне так понравилось проводить здесь время – с тобой, – Клео сказала это с такой тоской, словно им предстояло немедленно расстаться, и это было равносильно признанию в любви.

– Но мы и на Карнавале можем проводить время вместе, никто не запрещает.

– А ты этого хочешь?

– Очень хочу, – сказал Лан, и это тоже о многом говорило. Остался один шаг, чтобы сказать главные слова, однако они молча шли по коридору, не решаясь сказать больше. Их чувства стали видны, но недосказанность осталась висеть в воздухе.

Когда подошли к каюте Клео, они некоторое время стояли перед дверью и молча смотрели друг на друга.

– Останешься? – неожиданно для себя предложила она.

– Не думаю, что это будет правильно, – покачал головой Джулиан, взял руку Клео и поцеловал ладошку. Потом развернулся и ушёл в свою каюту. А Клео прижала ладонь к губам, чувствуя горящий след от поцелуя и пытаясь унять сердцебиение. Карнавал, ещё не начавшись, приобретал такую глубину и насыщенность чувств, которые она не ждала. Ещё не ступив на Эдем, она нашла свою любовь. Что теперь делать?

***

На следующий день вечером корабль приземлился на Эдеме. Толпа пассажиров устремилась устраиваться по отелям. Джулиан задержал Клео за руку и подождал, пока все пассажиры уйдут подальше.

– В чём дело? – удивлённо спросила Клео.

– Мои друзья бывали на Карнавалах, и они дали мне несколько полезных советов. Обычно все пассажиры сначала толпой идут в отели устраиваться, а потом на следующее утро такой же толпой ломятся в магазины покупать костюмы. В итоге и там, и там возникает толчея и очереди. А мы лучше сейчас пойдём по магазинам, купим костюмы, пока там пусто и можно не спеша выбирать.

– Но сейчас вечер, разве магазины не закрываются?

– Перед Карнавалом и во время него магазины на Эдеме работают круглые сутки.

– Но я устала, и не оказалась бы поспать.

– Клео, мы на Эдеме! Во время Карнавала здесь ночной образ жизни: ночью все веселятся, а днём отсыпаятся – лучше заранее входить в этот ритм жизни. Большинство пассажиров совершают распространённую ошибку: ночью после полёта отсыпаятся, потом весь день толкуются в магазинах, выбирая костюмы, к вечеру устают и первую ночь Карнавала веселятся вяло и клюют носом. Мы лучше пойдём в отель утром, днём выспимся и Карнавал будем встречать бодрыми и свежими.

– А все места не займут?

– Не займут. Здесь отелей столько, что ещё ни на одном Карнавале они не были забиты полностью. К тому же каждый год их ещё строят несколько. А вот в магазинах завтра будет жуткая толчея и под вечер выбирать костюмы будет уже не из чего, самые лучшие раскупят.

– Ладно, пойдём покупать костюмы, – согласилась Клео, радуясь, что оказалась здесь не одна. О таких прозаических вопросах, как покупка костюма и устройство в отеле, она до сих пор не задумывалась.

Выйдя из космопорта, они отправились вдоль по первой попавшейся улице, заглядывая во все магазины подряд и рассматривая костюмы. Их было такое великое множество и такие разнообразные, что глаза разбегались. И Клео, и Джулиан никак не могли решить, какие же костюмы они хотят, поэтому они бродили по магазинам почти всю ночь, обошли их все, но так ничего и не выбрали. Иногда они встречали в магазинах других людей, наверное, не они одни были такие умные.

Клео уже валилась с ног от усталости, когда под утро они вошли в очередной магазин. Он был в конце улочки в стороне от ярких освещённых магазинов на главных улицах: его не сразу можно было заметить – и как Джулиан углядел? Здесь были совсем уж причудливые костюмы, которые могли выбрать разве что чудаки. Клео, только взглянув на полки, устало опустилась в кресло у входа. А Джулиан обошёл весь магазин, потом подошёл к Клео и задумчиво сказал:

– Я понял, почему мы не можем выбрать костюм – мы сами не знаем, чего хотим. Я тут подумал: Карнавал – это ведь возможность перевоплотиться в кого-то другого, надев костюм и маску. Может быть, имеет смысл перевоплотиться в кого-то, кем в реальной жизни мы никогда не станем? Все эти пираты, принцессы, патрульные и прочие – ими можно стать и в жизни, так что какой смысл надевать эти костюмы?

– А я хотела выбрать костюм принцессы. По-твоему, ею можно стать в жизни?

– Почему бы и нет? Ещё и не такое случается. Жизнь – странная штука, иногда сбываются даже самые причудливые мечты. Я имел в виду, что на Карнавале можно перевоплотиться в того, кто не существует на самом деле: в какого-нибудь мифического персонажа или сказочного. Ими точно стать невозможно, потому что они не существуют в реальности, – с этими словами Джулиан пошёл выбирать себе костюм.

А Клео задумалась над его словами – в них был смысл. Конечно, она не отказалась бы надеть костюм принцессы, но, может, она и вправду ею когда-нибудь станет? Чем чёрт не шутит! А вот кем она точно не сможет быть? Какие там сказочные и мифические персонажи женского пола имеются? Феи, русалки, нимфы, волшебницы...

Клео встала и пошла рассматривать костюмы. Здесь были все, которые она вспомнила, и даже больше. Создавалось впечатление, что этот магазин

специализируется на несуществующих в реальности персонажах. Она остановилась у костюма феи. Он состоял из лёгкого полупрозрачного платица, полупрозрачных же крылышек, блёсток для кожи и кучи всяких блестящих украшений. Клео представила себя в этом костюме. Конечно, она бы выглядела в нём превосходно... но очень уж соблазнительно и вызывающе.

Ещё неделю назад она бы надела такой костюм, не задумываясь. Но за это время прежнее легкомысленное отношение к жизни значительно поветрилось из неё. Теперь Клео представила, что, если она будет в этом костюме, на Карнавале на неё будет смотреть не только Джулиан, но все окружающие мужчины. Их, наверняка, не остановит то, что она не одна. Её будут приглашать танцевать, а может, и попытаются прижать к стенке в тёмном переулке. И Джулиан может не спасти. Нет! После случая с Даром она больше не хотела никаких приключений на свою голову и решительно прошла мимо костюма феи.

Осмотрев все полки и вешалки и отказавшись от всех понравившихся костюмов, она подошла к манекенам в углу. На них тоже были костюмы и весьма своеобразные. Клео рассмотрела один из них, представила, как в нём будет выглядеть, и рассмеялась. Это было бы очень забавное зрелище. А почему бы и нет? Всю жизнь она боялась выглядеть смешной, но это же Карнавал – здесь всё можно. Почему бы и не побыть смешной и забавной? В таком костюме плейбой вроде Дариана на неё точно обращать внимания не будут. Клео сняла костюм с манекена и пошла в примерочную преобразиться.

Когда переделалась, вышла из примерочной показать костюм Джулиану. Интересно, что он скажет? Клео оглядела весь магазин, но Джулиана не заметила. Куда же он делся? Может, тоже переодевается? Клео оглядела все примерочные – они были пусты, а возле одной из них кто-то рассматривал в зеркале костюм, расправляя складки. Клео присмотрелась к нему: неужели Джулиан? Да нет, не может быть. Или всё-таки он? В **таком** костюме узнать даже самого близкого человека было невозможно. Клео подошла к нему и неуверенно окликнула:

– Лан?

Он оглянулся, внимательно оглядел её с ног до головы, весело улыбнулся и сказал:

– Здорово выглядишь, Клео. Особенно с твоими рыжими волосами. Вид незабываемый.

– Издеваешься? – нахмурилась Клео.

– Ничуть. Наоборот, восхищаюсь – мне нравится твой выбор. Наши костюмы подходят друг другу: в них мы будем очень живописно смотреться вместе. Подойди и взгляни в зеркало – сама увидишь.

Клео подошла вплотную к Джулиану и обернулась к зеркалу. Да, вид у них был ещё тот! Очень даже живописный, особенно вместе. Джулиан был одет в длинную тёмно-синюю мантию, расшитую золотыми звёздами,

полумесяцами и какими-то символами. На ногах были причудливые башмаки с загнутыми носами, а на голове синий остроконечный колпак с теми же золотыми звёздами и полумесяцами. А совершенно неузнаваемым его делали седой парик, накладные мохнатые брови, седые усы и длинная борода, да ещё круглые очки. Ни дать ни взять чудаковатый старый волшебник – неудивительно, что Клео его не узнала. Сама же Клео была одета в костюм ведьмы: закрытое чёрное платье с длинными просторными рукавами, чёрную остроконечную широкополую шляпу и широкий длинный плащ, тоже чёрный. На этом тёмном фоне ярко выделялись распущенные рыжие волосы, её собственные. А в руках у неё была метла. И рядом они вместе смотрелись незабываемо. Клео улыбнулась: неизвестно, как будут веселиться они, но другие, глядя на них, точно повеселятся. Ну и пусть! Это ведь Карнавал, и ей всё больше нравился выбранный костюм.

– Будем покупать? – спросил продавец, подходя к ним с плохо скрываемой улыбкой.

– Будем, – ответил Джулиан.

– Вам завернуть или так пойдёте?

– Заверните. Карнавал ведь ещё не начался, зачем раньше времени ошеломлять людей.

– Маски к костюмам брать будете или нет?

– Давайте. А надевать их или нет, мы потом посмотрим.

– Тогда идите и переодевайтесь, – сказал продавец, доставая упаковку для костюмов.

Клео и Джулиан вошли в кабинки и снова надели свою одежду. Продавец завернул их костюмы с масками, они расплатились и пошли устраиваться в отель. Вопреки опасениям Клео свободные номера нашлись уже во втором отеле, в который они зашли. После регистрации они взяли ключи и отправились спать в свои номера. Когда они расставались в коридоре, Джулиан спросил:

– Ну что, готова к Карнавалу?

– Да, готова. Только волнуюсь немного.

– Тогда до вечера?

– До вечера.

Они ещё немного постояли, молча глядя друг на друга, а потом разошлись по своим номерам. Клео уже начинала привыкать, что самые главные слова оставались не сказанными. Это замедляло развитие их отношений, но от этого они приобретали такую глубину, которой Клео раньше не знала. И она начала ясно осознавать, что парни, которые нравились ей раньше, такие как Дариан, никогда не смогли бы вызвать в ней такие глубокие чувства. С мыслями об этом она и уснула.

***

Проснувшись вечером, Клео надела свой костюм, а потом примерила маску – она была под стать костюму, из чёрных птичьих перьев. Клео подумала и решила оставить маску: её юное свежее личико было слишком

невинно и не подходило под выбранный образ – образ ведьмы. Полностью готовая, она спустилась вниз, в холл отеля. Там её уже ждал Джулиан, тоже в костюме, но маску он не стал надевать. Впрочем, и без маски он был неузнаваем: с седой бородой и усами, с накладными кустистыми бровями и в очках.

Вместе они вышли из отеля – и уже не узнали город. Солнце зашло, стремительно темнело, и на улицах зажигалось всё больше огней. Все дома и строения расцветивались причудливой иллюминацией, и постепенно пропадало ощущение реальности. Складывалось впечатление, что ты каким-то неведомым образом попал в иное измерение. Потом вдобавок к феерии цветов зазвучала музыка. Улицы заполнялись толпами людей в разнообразных костюмах. Часто встречались ресторанчики на открытом воздухе, где можно было съесть и выпить всё, что душе угодно. На всех перекрёстках и площадях были организованы импровизированные танцевальные площадки с разнообразнейшей музыкой и световой подсветкой: от зажигательной, пёстрой и яркой до романтической с мягким полусветом. Побродив от одной площадки к другой можно было найти себе музыку по вкусу.

Кое-где были организованы небольшие концерты с популярнейшими певцами и певицами. Конечно, вход в огороженный амфитеатр стоил немало, но фанаты ломались туда, не зная ни на какие цены. Так что все места постоянно были забиты. Те, у кого не хватало денег, стояли за ограждением: конечно, сцену было не видно, но они довольствовались тем, что слышали любимых певцов в живую, а не в записи – и за оградой быстро организовались танцы под любимые песни.

В некоторых местах затевались всевозможные конкурсы типа: «покажи себя», «блесни талантами» – где каждому была предоставлена возможность спеть, что-нибудь сыграть или показать другие свои таланты, потому что у большинства людей в обычной жизни не было такой возможности. Ещё были конкурсы на лучшее вживание в образ, где соревновались, кто лучше и достоверней подаст персонажа, костюм которого выбрал. В общем, каждый быстро находил себе занятие по вкусу, и все были довольны времяпровождением.

Клео и Джулиан не стали сразу кидаться в омут первого попавшегося развлечения, а бродили от одного к другому, немного смотрели со стороны и шли дальше. Возможно, будь они по отдельности, они бы уже давно влились в общую толпу. Но им было хорошо вдвоём, и они не испытывали нужды в обществе. Однако волшебная расслабляющая атмосфера действовала и на них, и постепенно они стали входить в выбранный образ. У Джулиана это получалось лучше, в чём Клео очень скоро убедилась.

Когда они шли по улице (от одной шумной толпы к другой), навстречу им шла весёлая компания. Когда поравнялись, один из парней, разглядев их, воскликнул:

– Смотрите! Старый чудак нашёл чокнутую старушку под стать себе!

И тут неожиданно Джулиан ответил сварливым старческим голосом:

– Не советую распускать твой грязный язык, молодой нахал! А то рискуешь остаться без него. Сейчас как наколдую тебе немоту – до конца жизни ни слова сказать не сможешь!

И всё это было сказано таким уверенным властным тоном, что парень опешил и непроизвольно попятился назад. На лице его был испуг, кажется, неподдельный.

А Клео и Джулиан спокойно пошли дальше. Когда они отошли достаточно далеко, Клео тихо засмеялась:

– Какое у него было выражение лица!

– Да уж, – Джулиан тоже улыбнулся.

С этого момента Клео, не обращавшая раньше внимания на других, стала замечать, какими взглядами их провожают. Но, вспомнив, как живописно они смотрятся вместе, уже не удивлялась этому. Ей даже льстило такое внимание. И она ясно осознала, что если бы она оделась принцессой или нимфой, на неё вряд ли бы обращали столько внимания, потому что девушек в этих костюмах было пруд пруди. А в таком, как у неё, больше не было.

Через несколько часов неспешного гуляния по городу они вышли к сцене, где выступал фокусник-иллюзионист. Здесь они задержались надолго: то, что он вытворял на сцене, казалось настоящим волшебством. И как обычно, не обошлось без помощников из зрителей. Приступая к очередному номеру, фокусник вдруг обратился в сторону Клео и Джулиана:

– Не поможете ли вы мне, коллега?

Клео посмотрела на Джулиана, думая, что просьба обращена к нему, но фокусник с улыбкой сказал:

– Нет, вы, очаровательная дама. Прошу.

Клео ничего не оставалось, как проследовать на сцену, что она и сделала в некоторой растерянности. Однако быстро вошла во вкус и, как ей показалось, даже разгадала секрет некоторых фокусов. Когда иллюзионист совершил очередное «чудо» и раздались аплодисменты, кто-то из зрителей в первых рядах недовольно сказал:

– Не верю я в это! Сплошное надувательство. Как это можно сделать?

– Как-как... – неожиданно для себя сказала Клео немного гнусавым вредным голосом. – Обыкновенная магия, молодой человек! Разве не видно?

Среди зрителей раздались смешки, а спустя мгновение смеялись уже все.

– Благодарю вас, мадам, – улыбнулся иллюзионист и поцеловал ей руку. – Приятно было работать с коллегой.

И Клео под радостные возгласы сошла со сцены.

Скоро представление окончилось, фокусник ушёл передохнуть и промочить горло, а зрители разбрелись в разные стороны веселиться дальше.

Клео и Джулиан решили немного потанцевать и отправились искать танцевальную площадку с подходящей музыкой. На первой, которая попала им по пути, танцевали зажигательные молодёжные танцы, и освещение было в дискотечном стиле – разноцветное и мерцающее. Они

представили, как будут смотреться здесь в своих костюмах, переглянулись, рассмеялись и пошли дальше.

Вскоре они нашли площадку, где танцевали танцы весёлые, но всё же менее энергичные, и освещение было поспокойней, и присоединились к танцующим.

Потом Клео потеряла счёт времени. Они танцевали, перекусывали в рестораниках, гуляли, разговаривали, снова танцевали – в общем, делали то, что им хотелось, и весело проводили время.

Когда Клео после очередного танца выдохлась окончательно, она без сил рухнула на скамейку в сквере рядом с танцевальной площадкой и устало прошептала:

– Пить хочу...

– Сейчас принесу, – сказал Джулиан и отправился до ближайшего рестораника купить что-нибудь прохладительное.

Клео вытянула гудящие ноги, устало закрыла глаза и расслабилась. Она так вымоталась с непривычки и не сразу поняла, что где-то рядом раздаётся знакомый голос и он приближается. Очнуться её заставил громкий смех, прозвучавший уже совсем рядом. Клео открыла глаза и увидела, что по скверу идёт Дариан в костюме космического пирата, а на нём виснут девицы в чём-то невесомом и прозрачном, что можно назвать одеждой только с большой натяжкой, потому что через... **это** абсолютно всё видно. Самой приличной деталью одежды на них были маски, закрывающие пол-лица.

Они были уже совсем рядом с лавкой, на которой сидела Клео, но она не успела ничего предпринять, как они её заметили.

– Смотрите, – засмеялась одна из девиц, – какое пугало сидит.

– Да уж, – сморщила носик вторая. – Это какая же она должна быть страшная, если ей понадобился **такой** костюм.

И все они весело рассмеялись.

– Нет, вы только поглядите, – давилась смехом первая из девиц. – Сидит здесь одна в стороне от всех, как сиротинушка. Такая жалкая. И зачем только на Карнавал прилетела?

– Точно, – согласилась вторая. – Дар, милый, может ты её приласкаешь, что она не чувствовала себя совсем никчемной.

– Нет уж! – воскликнул он. – Такое пугало не в моём вкусе, я даже из жалости на неё не позарюсь.

Клео почувствовала, что закипает. Она и так устала, настроение упало, да ещё они тут... отдохнуть не дают. Её затопила холодная ярость, и она стала вставать с лавки медленно, но страшно, потому что от неё повеяло почти зримой угрозой. Клео двинулась на них и заговорила **таким** голосом: низким и... **страшным** – звенящим, как натянутая струна, и хлётским, как бич:

– Слушайте, вы... ничтожные людишки! Это вы никчемные и жалкие, потому что пользы от вас не больше, чем от паразитов. Это вы пугала, потому что души у вас уродливей жаб, а сердец вообще нет. Мне противно не то что смотреть на вас, а даже находиться с вами под одним небом.

Прочь с глаз моих, жалкие ничтожества! А то сейчас превращу вас в омерзительных тварей, и будете всю оставшуюся жизнь пресмыкаться! Потому что ничего лучшего вы не заслуживаете! Прочь, ничтожные слизняки! – и Клео резко ткнула в лицо Дариана своей метлой. Он инстинктивно отшатнулся и еле удержал равновесие. По мере того, как Клео произносила свою речь, наступая на них, они пятились назад и лица их всё больше и больше вытягивались. Под конец речи в их глазах появился уже неподдельный страх. А когда Клео ткнула в них метлой, девицы взвизгнули и умчались назад, не разбирая дороги. Однако Дариан в бегство не бросился, он разозлился и подумывал скрутить эту ведьму и всыпать ей как следует – это желание явственно читалось на его лице. Тогда Клео резко подалась вперёд и прямо в лицо Дариана выкрикнула:

– Пш-шол вон, урод! – и голос её уже не просто зазвенел, а гулко завибрировал, как будто от клокочущей внутри огромной энергии или ярости. В глазах Дариана плеснул ужас, и, не выдержав, он тоже бросился бежать.

Рядом раздался весёлый смех. Клео вздрогнула от неожиданности, резко обернулась и увидела рядом Джулиана.

– Ты был здесь?!

– Да.

– Тогда почему не помог?! – сердито воскликнула она.

– А тебе помощь была и не нужна, ты сама прекрасно справилась. Я просто любовался тобой: ты была неподражаема, Клео! Честное слово!

Клео увидела в его взгляде неподдельное восхищение и остыла. Если честно, она почувствовала себя уверенней, обратив Дариана в бегство сама, без чьей либо помощи. Настроение снова поднялось.

– На, возьми, – Джулиан протянул ей бутылку с прохладительным напитком. – После такой тирады, наверное, пить ещё больше хочется.

Клео с благодарностью взяла бутылку, снова рухнула на лавку, отвинтила крышку и присосалась к горлышку. Джулиан сел рядом и, пока она пила, молча смотрел на неё. Выпив половину бутылки, Клео почувствовала, что утолила жажду, и тут заметила, что Джулиан с тёплой улыбкой смотрит на неё.

– Что? – спросила она.

– Ты – самая очаровательная ведьма во всём мире, – с той же улыбкой сказал он.

– Ну... – Клео смущённо потупилась. – А ты – самый добрый волшебник во всём мире.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, но если Клео ждала признания, то не дождалась.

– Куда пойдём дальше?

– Я устала, – вздохнула Клео. – Долго ещё до утра?

– Около часа. Но не обязательно ждать рассвета, чтобы пойти спать. Можно пойти сейчас.

– Тогда я пойду. А ты, если хочешь, оставайся.

– Нет, я пойду с тобой.

Джулиан встал, помог ей подняться, и они оправились разыскивать свою гостиницу. При такой иллюминации это было сделать сложновато, но через полчаса они всё же её нашли. Джулиан проводил Клео до номера, поддерживая её, потому что от усталости она уже с трудом двигалась. На пороге комнаты они расстались. «Как всегда», – вздохнула Клео, доплелась до кровати, рухнула на неё и сразу же уснула. Так закончилась первая ночь Карнавала.

***

Последующие ночи мало чем отличались от первой. Только веселье всё больше набирало обороты, а все преграды между людьми всё больше стирались. Клео и Джулиан всё так же проводили время вместе. Теперь Клео часто замечала целующиеся парочки по тёмным углам или уже прямо в толпе. А позже парочки уже не только целовались. Они заходили в гостиницы явно не для того, чтобы спать. А некоторые и не трудились идти до гостиницы. Проходя мимо парков и скверов, можно было услышать недвусмысленный шум в кустах или за деревьями, который вряд ли можно было истолковать неправильно. А одна парочка устроилась прямо на лавке, на виду у всех, ничуть не стесняясь. Заметив их, Клео густо покраснела и отвернулась. Но почти сразу её взгляд наткнулся на парочку, целующуюся на краю танцевальной площадки, прислонившись к стене. И они тоже без всякого стеснения переходили к более активным действиям. Клео от жгучего смущения уже не знала, куда глаза девать, и радовалась, что на ней закрытый костюм и маска, и не видно, что она вся пошла красными пятнами – не только лицо.

Украдкой взглянула на Джулиана – он спокойно шёл дальше с самым невозмутимым выражением лица, как будто ничего такого не заметил (хотя не заметить было невозможно). Клео опустила глаза и долго не поднимала их от земли, чтобы не увидеть ещё какие-нибудь парочки. И так как феерические зрелища Карнавала её не отвлекали, она думала. Думала о том, что не встретить она Джулиана, то сейчас она вполне вероятно так же, как эти парочки, предавалась бы развлечениям без всякого стеснения.

Но она его встретила. И теперь не хотела проводить время ни с кем другим. А Джулиан её даже не поцеловал ни разу. При мысли об этом Клео почувствовала досаду и разочарование. Ну, почему? Неужели она ему совсем не нравится? Да нет, вроде нравится. Чего же он тогда ждёт?

Не в силах найти ответы на мучающие её вопросы, Клео снова взглянула на Джулиана. Теперь он шёл, уставившись под ноги и, похоже, о чём-то напряжённо думал. Клео с надеждой воспрянула – может, он думает о том же, о чём и она? Но Джулиан вдруг остановился, огляделся вокруг и спросил:

– Есть хочешь?

– Да, не отказалась бы.

– Тогда посиди здесь на скамейке, а я схожу куплю чего-нибудь, – с этими словами Джулиан направился к ближайшему ресторанчику. Он ушёл так быстро, что Клео даже не успела предложить пойти вместе. Создавалось

впечатление, что он хотел побыстрее сбежать от неё. С чего бы это? Недоумевая, Клео села на ближайшую скамейку и огляделась. Как ни странно, но этот маленький скверик был пуст, хотя неподалёку была танцплощадка – оттуда доносилась весёлая музыка.

Клео с досадой подумала, что насколько всё было бы проще, не встретить она Джулиана. Но в следующее мгновение испугалась, что и в самом деле могла его не встретить. А потом тяжело вздохнула: она уже устала ломать голову о том, что же между ними происходит. Их странные взаимоотношения с Джулианом ставили её в тупик.

Да, в конце концов, какого чёрта?! За что ей все эти сложности? Почему она не может проводить время легко и свободно – без лишних размышлений? Ведь это же Карнавал!

От тяжких раздумий её отвлёк взрыв смеха. Оглянувшись, Клео увидела, что со стороны танцплощадки идёт группа людей. «Опять?!» – подумала она. Но, приглядевшись, поняла – Дариана среди них нет. В этой группе было несколько парней и одна девчонка. Они что-то оживлённо обсуждали и весело смеялись, совершенно не замечая ничего вокруг. Клео уже стала надеяться, что они так и пройдут мимо, но тут один из парней заметил её.

– Глядите! Какое диво! – в полном восторге воскликнул он.

– И вправду диво... – почему-то с удивлением сказал другой.

– Я хочу с ней сфотографироваться! – снова воскликнул первый, подбегая к Клео. – Позвольте, мадам?

– Отстань, – мрачно сказала она, одарив его хмурым взглядом.

– О, мадам! Позвольте с вами сфотографироваться! Вы такая живописная дама – я потом буду хвастаться своим детям, что стоял рядом с настоящей ведьмой.

– А у вас есть дети? – скептически оглядела его Клео. Как-то трудно было представить такого весельчака и балагура в роли отца.

– Пока нет... – жизнерадостно рассмеялся он. – Но ведь будут когда-нибудь!

Клео невольно улыбнулась, глядя на него:

– Ладно, можете сфотографироваться.

– Отлично! – он непринуждённо взял Клео под руку, помогая ей подняться, и развернулся к своим друзьям. – Щёлкните нас.

Двое парней достали аппараты и сделали снимки.

– Спасибо большое! – улыбнулся он ей и, продолжая держать её под руку, как бы между прочим добавил: – Меня Сэм зовут. А тебя?

– Клео, – ошеломлённо ответила она. Та непринуждённость, с которой он перешёл на «ты» и развивал знакомство, просто обезоруживала.

– Очень приятно. А не согласились бы вы, мадам Клео, потанцевать со мной?

– Я не...

– Пожалуйста, – обезоруживающе улыбнулся он.

– Ну... – Клео заколебалась.

– Всего один танец, – продолжал уговаривать Сэм, а сам уже взял Клео за талию и увлекал в сторону танцплощадки. Ну, как тут отказать? Его друзья шли следом, посмеиваясь.

Танцевал Сэм прекрасно, в чём Клео сразу же убедилась. И при этом не переставая шутил и развлекал её. Его непринуждённые манеры, жизнерадостность и искреннее веселье настолько обезоруживали, что Клео не заметила, как один танец превратился в два, потом в три, а потом... Она потеряла счёт времени и в какой-то момент обнаружила, что Сэм целует её на виду у всех, а смущения в ней нет и в помине. Карнавал кружил голову, пьянил, как крепкое вино, и Клео впервые прочувствовала его силу. Наверное, именно об этом говорил отец. И Дариан тоже.

Эта мысль слегка протрезвила её, но обаяние Сэма и его весёлые шутки действовали так расслабляюще, что не хотелось думать ни о чём неприятном. От волшебства и веселья вокруг кружилась голова: хотелось броситься без оглядки в этот омут и забыться.

Но внутри Клео всё больше зрело чувство, что что-то не так. Как будто на самом деле она хотела совсем не этого. Она попыталась отогнать от себя эти мысли и наслаждаться Карнавалом... Не получилось. Сэм целовал её всё горячее и настойчивей, но Клео нестерпимо хотелось, чтобы на его месте сейчас был Джулиан. Лан... Мысль о нём причинила ей боль. С ним всё было так сложно, совсем не так, как ей хотелось. Но... на месте любого мужчины, который к ней подходил, она теперь видела только его. И поцелуи Сэма не доставляли радости, потому что это был не Лан, который стал для неё центром её мира.

Пока Клео предавалась этим горьким мыслям, Сэм как-то незаметно переместился с площади в тёмный проулок между домами, увлекая её за собой. Но когда он потянулся к застёжке её платья, Клео его оттолкнула.

– Ты чего? – от неожиданности опешил он.

Клео, ничего не объясняя, бросилась бежать прочь. Она почти ничего не видела перед собой – слёзы застилали ей глаза – и то и дело натыкалась на кого-нибудь. Когда люди перестали ей встречаться, она остановилась и огляделась. Ничего себе её занесло! Аж за город к реке. Берег был обрывистый, и поэтому мощёную набережную отделяла от реки невысокая ограда. Клео подошла к ограде, сползла вдоль неё и разревелась в голос, уткнувшись в коленки.

Через несколько минут она почувствовала осторожное прикосновение к плечу и подскочила от неожиданности, потому что никаких шагов не слышала. Резко развернулась – рядом присел Джулиан.

– Лан... – Клео всхлипнула и прижалась к нему. Он молча обнял её, снял с неё шляпу и гладил по волосам, пока она не успокоилась.

Клео подняла руку вытереть заплаканные глаза и наткнулась на маску. Потянулась снять её, но передумала:

– Я сейчас, наверное, ужасно выгляжу: с распухшим носом и красными глазами...

– Не говори глупостей, ты всегда красивая, – Джулиан улыбнулся, сам снял с неё маску и осторожно вытер ей лицо рукавом своей мантии.

Клео избегала смотреть ему в глаза:

– Лан, я...

– Не надо ничего объяснять, я всё видел.

– Видел?.. И не попытался ничего сделать?!

– А зачем? Ты же сама с ним пошла.

– Но... Ты что, даже не ревновал ни капли?.. Или... – Клео внезапно озарило. – Ты меня проверял?!

– Я просто хотел посмотреть, чем это закончится, если вам не мешать.

– Да ты... Да как ты посмел... Да знаешь, кто ты, после этого?.. Ненавижу тебя! – Клео со злостью стукнула кулаками ему по груди. Джулиан даже не попытался защититься, только тихо сказал:

– Ты имеешь право злиться. Но я просто хотел убедиться, что ты не способна предательство. Чтобы быть уверенным, что наши отношения продлятся дольше, чем две недели. Мимолётные романы мне не нужны... даже на Карнавале.

Клео замерла и, не веря своим ушам, уставилась на него. Гнев сразу же улетучился.

– И сколько ты бы хотел, чтобы длились наши отношения? – осторожно спросила она.

– Хотелось бы – всю жизнь, – серьёзно ответил он. – А ты против?

Клео почувствовала слабость во всём теле и вцепилась в ограду, чтобы не упасть. Ответить она не могла, потому что от потрясения просто онемела. Только смотрела на Лана, с трудом веря в реальность происходящего.

– Это сон... – беззвучно шепнула она, и Джулиан скорее угадал, чем услышал, её слова.

– Это не сон, любимая, – сказал он, привлекая её к себе. И так как Клео по-прежнему молчала, продолжил. – Я на собственном опыте убедился, что сомнения и ревность убивают любовь. Когда мы встретились, я видел, что ты легкомысленная девчонка, и прежде, чем связывать себя какими-либо обещаниями, я хотел увидеть, способна ли ты на постоянство чувств, на верность. Я не хотел в тебе сомневаться. Если бы мне приходилось ревновать тебя к каждому мужчине, с которым ты начнёшь флиртовать, я бы не смог тебя долго любить. Ты спросила, не ревновал ли я тебя? Да, ревновал. И за этот час я в полной мере почувствовал, как иссушает душу ревность. Если бы мне пришлось ревновать тебя постоянно, очень скоро я вообще утратил бы способность что-либо чувствовать. Я не хочу такой жизни. Я хочу просто тебе верить... без всяких условий.

– Ну и верил бы... – буркнула Клео.

– Чтобы верить, мне нужно было увидеть, как ты поступишь в подобной ситуации – когда соблазн и искушение почти непреодолимы. Мне нужно было знать, какая ты: на какие поступки способна, а на какие нет. Это было очень важно для меня.

– Ты хотел убедиться, что я не способна на предательство... – вспомнила Клео его слова, и её озарило. – Тебя уже предавали! Девушка? И поэтому, однажды обжегшись, ты не хочешь повторения?

– Да. Но не спрашивай больше ни о чём. Это болезненная тема, и я не хочу об этом вспоминать. Не сейчас.

– И обязательно было устраивать это испытание на Карнавале? Вовсе не о таких страстях я мечтала, когда ехала на Карнавал.

– Я ничего не устраивал. Карнавал сам по себе лучшее испытание для любви.

– А я думала, что лучшее испытание для любви – разлука.

– Разлука – это испытание силы чувств, а Карнавал – это лучшее испытание на верность. Когда такая расслабляющая атмосфера, когда соблазны на каждом шагу, когда снимаются все запреты и всё дозволено... да ещё и не связан никаким обещанием верности – очень трудно избежать искушения.

– Так ты поэтому не признавался мне в своих чувствах? – догадалась Клео.

– Ну, да. Злишься на меня?

– Не знаю. У меня сейчас все чувства, словно под наркозом – я не способна ни злиться, ни радоваться. Нужно время, чтобы прийти в себя. Скажи... а как бы ты поступил, если бы я не прошла испытание на верность?

– Тогда после Карнавала мы бы больше никогда не увиделись.

– И ты смог бы так запросто со мной расстаться?

– Не запросто. Для меня это было бы очень нелегко. Но продолжать отношения и постоянно терзаться сомнениями для меня было бы ещё труднее. Поэтому я выбрал бы меньшее из зол: расстаться сразу и меньше мучиться.

Клео отстранилась от Джулиана, и некоторое время они молча смотрели друг на друга.

– Знаешь... – задумчиво сказала она. – Ещё совсем недавно я бы не прошла испытание. Но после встречи с тобой я изменилась. **Ты** меня изменил, Лан. Теперь я не смогла бы поступить иначе. Я убежала не потому, что думала: это нехорошо, я тебя предаю – я вообще старалась не думать в тот момент. Но я просто не могла поступить иначе – без всяких трезвых рассуждений о морали, нравственности и верности.

Джулиан помолчал немного, потом тихо сказал:

– Я рад этому, потому что я уже успел поверить, что именно тебя я ждал всю мою жизнь. И если бы мне пришлось выдирать любовь к тебе из своего сердца, я смог бы это сделать только с самим сердцем.

У Клео больно защемило в груди, и она поняла, что за эти слова готова простить ему всё. А Джулиан, не тратя больше времени на слова, поцеловал её. Это не был первый поцелуй Клео, но он был самый лучший, потому что целовал её не кто-нибудь, а Лан. Ничего подобного она раньше не испытывала, может быть потому, что к прежним парням она не испытывала таких сильных чувств.

Когда они оторвались друг от друга, Клео вдруг нервно хихикнула.

– Ты чего? – удивился Лан.

– Вообще не так я себе представляла Карнавал. Я думала, что буду веселиться и развлекаться от души, с лёгким сердцем, ни о чём не думая. А получилось, что Карнавал полон сильных переживаний и кипящих страстей. Как будто это вовсе не тот Карнавал, на который я летела.

– Просто ты уже не та, какой садилась на корабль.

– Да, садилась я с лёгким свободным сердцем, а прилетела с сердцем, полным любви. И Карнавал превратился в нелёгкое испытание.

– А ты знаешь, что именно поэтому на Карнавал почти не летают влюблённые пары и супруги? Далеко не все способны пройти такое испытание для любви. Девяносто девять процентов пар, рискнувших приехать вместе на Карнавал, после него расстались. Поэтому в последнее время уже почти никто не рискует проверять свою любовь таким образом. Сейчас на Карнавал летают только одинокие люди, приятели или друзья. Влюблённые – нет.

– Но мы же здесь.

– Потому что мы встретились уже на корабле.

– И что же, мы первые? Неужели раньше не бывало, чтобы люди нашли друг друга на Карнавале?

– В полёте – может быть, на Карнавале – нет. Ты сама видела, какие здесь царят нравы. Как ты думаешь, в такой атмосфере может зародиться что-нибудь, серьёзнее мимолётного романа или лёгкой интрижки?

– Думаю, нет. Но мы же полюбили друг друга.

– Мы полюбили друг друга не на Карнавале, а до него, на корабле. А это совсем не одно и то же.

– Значит, если бы мы встретились на Карнавале, ничего, серьёзнее мимолётного романа, между нами не случилось бы?

– Я думаю, в этом случае между нами вообще ничего не случилось бы. Потому что у меня нет никакого желания заводить романы, даже на Карнавале.

– Неужели одно предательство настолько отбило у тебя охоту встречаться с девушками? Или оно было не одно?

– Встречаться?.. Эх, Клео... Я ведь на пять лет тебя старше. И я уже не раз встречался. И в школе, и в университете. Я уже хлебнул всех развлечений и удовольствий молодости, и больше не вижу в них особой привлекательности. Из приобретённого опыта я сделал для себя выводы. Теперь я не хочу «пробовать» наладить отношения с каждой понравившейся девушкой. Я решил, что снова начну встречаться, только если действительно полюблю свою избранницу, и если эти чувства будут взаимными. И я постараюсь, чтобы эти отношения продлились всю жизнь, потому что больше не хочу ни с кем расставаться – это слишком больно. И мне просто **необходимо** было тебя испытать! Чтобы больше не сомневаться в тебе при любых обстоятельствах. Потому что шаткие отношения, когда не уверен в каждом поступке своей девушки, убивают все чувства. Я просто хочу тебе верить. И теперь буду...

Клео поражённо смотрела на него и думала, что теперь она его наконец-то поняла, поняла до конца. И ещё она ясно осознала, что ей несказанно повезло с Джулианом. Полюби она какого-нибудь другого парня, вроде Дариана, – и разбитое сердце ей было бы обеспечено.

Клео судорожно вздохнула (от переполнявших её чувств снова защемило в груди и стало трудно дышать) и прижалась к Джулиану. Он обнял её и прижался губами к макушке, она ощущала через волосы его тёплое дыхание.

– Ну что, у тебя ещё остались силы? – через некоторое время спросил Джулиан.

– Физические – остались, душевные – нет. А что?

– Я просто хотел знать: мы пойдём дальше на Карнавал или в гостиницу отсыпаться?

– На Карнавал я не хочу – не сегодня, не сейчас, настроения нет. Но и уснуть я сейчас, наверное, тоже не смогу. Давай посидим здесь. Здесь так хорошо... тихо... столько звёзд.

– Да, воздух на Эдеме очень чистый... прозрачный. И небо красивое.

Они сели на набережной, прислонившись к оградке, и долго разговаривали, глядя на звёзды. Клео постепенно начинала верить, что это не сон: что Джулиан любит её так же, как она его, что они вместе. Когда начало светать, они отправились в гостиницу спать. Вопреки ожиданиям Клео, Джулиан не остался в её номере и в свой не позвал – они всё так же расстались в коридоре. Только на этот раз перед расставанием он её крепко поцеловал.

Ложась спать, Клео слегка подсадовала, что Лан не остался. Но, хорошенько подумав, решила, что это и к лучшему: сегодня к дальнейшему развитию событий она была не готова. Слишком много всего произошло, слишком резко всё изменилось – у неё не осталось душевных сил ни на что больше. И с чувством облегчения от того, что всё проявилось, она уснула.

***

Проснулась Клео бодрая, полная сил и в прекрасном настроении. Столкнувшись с Ланом в коридоре, она непринуждённо обхватила его за шею руками и поцеловала.

– Х-м... мне начинает это нравиться, – сказал он, улыбнувшись. – А где твоя метла?

– Не знаю, вчера где-то потеряла. Да и чёрт с ней! Надоело с ней таскаться. Ну что, идём?

– Идём...

...И снова был Карнавал. Вроде всё было как раньше, но что-то изменилось. Прежним остался Карнавал, а изменились Клео и Джулиан и их отношения. Им больше не было дела до других, они никого и ничего вокруг не замечали. Гуляли по городу, танцевали, сидели в ресторанчиках, разговаривали... и целовались. Окружающие их не смущали, потому что никто не обращал на них внимания: все вокруг тоже целовались... и не только. Ночь промелькнула незаметно...

Расставаясь утром в коридоре гостиницы, они задержались... желая и не решаясь остаться вместе. Неизвестно, сколько бы они так простояли, молча глядя друг на друга, но тут из лифта вывалилась шумная компания, состоящая из нескольких парочек. Смеясь и весело болтая, парочки быстро разбрелись по номерам, целуясь и на ходу расстёгивая костюмы. Клео покраснела и быстро влетела в свой номер, захлопнув дверь. Она, конечно, хотела остаться с Джулианом, но не так пошло, как эти...

Этим днём она долго не могла уснуть... Оставалась последняя ночь Карнавала...

***

Карнавал достиг своего апогея. В последнюю ночь все, кто что-то не успел, стремились наверстать упущенное и отрывались вовсю. Ни до каких рамок никому уже не было дела, а слово «стыд» забылось за ненадобностью. На улицах города царил полный разгул...

Не пробыв на Карнавале и часа, Клео и Джулиан почувствовали, что не в силах больше здесь находиться, и стали выбираться из толпы. Выйдя из города на знакомую набережную, они вздохнули с облегчением. Здесь было так тихо и свежо. Шум Карнавала был едва слышен, как отдалённый гул. А иллюминация города делала его похожим на какое-то фантастическое видение.

– Подумать только, – сказала Клео, глядя на город, – если бы ещё две недели назад мне кто-нибудь сказал, что можно устать от Карнавала, – я бы не поверила. А теперь устала... Нет, я конечно рада, что приехала, но не из-за самого Карнавала, а из-за того, что я встретила тебя, Лан. Лан, ты меня слышишь? – Клео оглянулась и – Джулиан смотрел на противоположный берег реки, на фруктовые сады.

– Слышу, – через некоторое время сказал он. – Я только сейчас подумал, что Эдем – это не только Карнавалы. Здесь много прекрасных садов. Но их лучше всего смотреть весной, когда они цветут, или осенью, когда на ветках висят спелые плоды. А сейчас лето... – в голосе Джулиана послышалось лёгкое разочарование.

– Всё равно здесь очень красиво, гораздо красивее, чем на многих планетах. Я хотела бы ещё сюда прилететь, не на Карнавал, а в гости к дедушке Ирвину: побродить по садам, искупаться в море...

– Это может и не получиться.

– Почему? – искренне удивилась Клео.

– Беда всех людей в том, что они строят планы так, как будто имеют абсолютную власть над своей судьбой. На самом-то деле человек только предполагает, а вот кто располагает – это ещё неизвестно. В жизни всякое бывает. Неизвестно, куда нас может забросить через год, через пять лет. Может начаться война. Может... да мало ли что может случиться! К тому же, человек смертен, но постоянно забывает об этом. Мы можем больше никогда не попасть на Эдем. И не увидим мы ни сады, ни море, ни рассветы...

– Тогда пошли сейчас!

– Сейчас?

– Да! Наш корабль улетает только следующим вечером, у нас впереди ещё около двадцати часов. Не будем же мы стоять всё это время здесь?

– Но как перебраться на другой берег?

– А зачем? Можно просто пойти вниз по течению – куда-нибудь да придём... может, и к морю.

Джулиан посмотрел в ту сторону: не так далеко река отворачивала в сторону от города, и в отдалении на этом берегу явственно темнела полоса деревьев.

– Пойдём, – решил он, и они оправились в путь...

Когда достигли деревьев, оказалось, что это не сад, а лес, но он тоже был очень красив. Вот только пробираться по нему было трудно из-за густого подлеска. Впрочем, по самому берегу реки вполне можно было пройти, благо берег здесь был уже не обрывистый, а представлял собой каменистый пляж, усыпанный крупной галькой.

Они потеряли счёт времени и не знали, сколько шли так, любуясь прекрасной природой и с упоением вдыхая чистый воздух, напоенный ароматами лета. И не сразу заметили, что вышли на берег моря. Лес остался позади, а впереди простирался широкий песчаный пляж, на который лениво накатывали волны прибоя. Барашки пены мягко светились в лунном свете, а сами волны слабо мерцали. В сторону луны протянулась ярко бликующая дорожка. В лицо дул тёплый бриз.

– Красота! – выдохнула Клео.

– Пойдём купаться? Вода должна быть тёплая.

– Но у меня нет купальника, – смутилась Клео.

– Ну и что? Кого здесь стесняться? Здесь только мы, и больше ни одной живой души на многие километры вокруг. Или ты меня стесняешься?

– Ну...

– Клео, Клео... – засмеялся Джулиан. – Неужели ты ещё можешь стесняться после всего, что ты повидала на Карнавале?

– Так то на Карнавале, а мы здесь...

– А здесь тем более. Природа не знает, что такое смущение, она проста и естественна.

Клео промолчала, но снять платье не решилась.

– Ладно, ты как хочешь, а я пошёл купаться, если надумаешь, присоединяйся.

Джулиан освободился от костюма, вбежал в воду и нырнул в приливную волну. Клео залюбовалась им: красивый, стройный парень, не сильно мускулистый, но и не хлюпик. Он не был похож на человека, который всё время проводит за компьютером. Его мышцы были не то, чтобы накачанные, но в хорошем тоне, как у человека, который ежедневно делает зарядку или бегает по утрам. Или занимается каким-нибудь единоборством, судя по тому, как он уложил Дариана одним ударом при первой встрече.

Когда он отплыл подальше от берега, Клео разделась и в одном нижнем белье вошла в воду. Вода, действительно, была тёплая и приятно ласкала кожу. Клео поплыла вдоль берега: заплывать глубже она не решалась, потому что не очень хорошо плавала. Но эта предосторожность оказалась излишней, приливные волны сносили её к мелководью.

– Что ты там барахтаешься? – весело крикнул Лан с глубины. – Плыви сюда.

– Я плохо плаваю, – ответила Клео.

– Так ты же не одна, утонуть я тебе не дам. Плыви сюда.

Но Клео не сдвинулась с места – не потому, что боялась глубины – просто она вдруг ясно осознала, что они с Ланом здесь совсем одни, практически голые и... Её так сильно бросило в жар, что вода показалась холодной. Почувствовав, что что-то не так, Джулиан сам к ней подплыл.

– Клео, что с тобой? Ты вдруг так странно застыла...

Клео ничего не ответила, только молча смотрела на него. Джулиан подплыл совсем близко и с беспокойством заглянул ей в глаза:

– Клео...

Она молчала, и Джулиан понял... Он обнял и поцеловал её... Волны прибоя медленно, но упорно выталкивали их на мелководье, и скоро они оказались лежащими на пляже. Единственной – чисто символической – преградой между ними оставалось бельё, но скоро исчезла и она...

***

Клео поёжилась от порыва прохладного ветра и сильнее прижалась к Джулиану. Под утро с берега задул холодный бриз, и лежать на пляже без одежды стало холодно.

– Замёрзла? – спросил Джулиан.

– Да.

– Сейчас... – он потянулся к одежде, которая валялась неподалёку, достал мантию от своего костюма и накрыл их, благо её размеры позволяли укрыться полностью.

– Я тут подумала... – тихо сказала Клео, глядя на медленно светлеющее небо. – Что будет дальше? С нами?

– Прежде всего, мы полетим домой...

– Вместе? Я в том смысле, что обратные билеты у нас до разных планет.

– Да, верно. Значит, мы будем вместе, но не сразу. Я заработаю денег на билет до твоей планеты и прилечу к тебе.

– А может, я сойду вместе с тобой на твоей планете?

– И как на это отреагируют твои родители?

– Отец меня убьёт. Ради этого он, вопреки законам физики, телепортируется через любые пространства.

– Тогда ты должна лететь домой.

– И когда же мы снова увидимся?

– Надеюсь, что скоро. А до тех пор мы будем посылать письма друг другу и звонить.

– Но я не хочу с тобой расставаться! Даже ненадолго. Я буду очень скучать.

– Я тоже. Но что бы ни случилось, помни: я люблю тебя. Теперь ты моя, только моя... И я никому тебя не отдам.

– А мне никто другой и не нужен, только ты...

Они повернулись друг к другу, и на ближайшее время им стало не до разговоров...

Рассвет они встречали на том же пляже, и это был самый прекрасный рассвет в их жизни. Но когда солнце встало, они стали собираться обратно. Карнавал кончился...

***

По дороге в город они разглядывали в солнечном свете те же пейзажи, мимо которых проходили ночью, и поняли, что Эдем действительно очень красивая планета. А Клео вдруг подумала, что многообразие растительности на разных планетах просто огромно. И наверняка есть миры не менее красивые, чем Эдем, но красивые совершенно другой, отличной от здешней, красотой. Ей захотелось увидеть эти миры, но размяться она не успела, потому что они подошли к городу. Улицы были тихи и пустынные, кругом валялись кучи мусора, и волшебство Карнавала померкло.

Обильно позавтракав в ресторане гостиницы, они поднялись в свои номера переодеться в обычную одежду и собрать вещи. Решили отсыпаться на корабле, чтобы вечером не продира́ть глаза и не спешить на посадку перед самым отлётом. Собрав свои сумки, отправились садиться на корабль. Джулиан сразу забрал у Клео её сумку и понёс обе.

Поднимаясь на корабль, они столкнулись с Дарианом. Увидев их вместе, он ухмыльнулся:

– А вот и наши голубки идут. Как провели Карнавал? Получили удовольствие? Или с тобой она тоже строила из себя недотрогу?

Клео со злостью сжала кулаки, но Джулиан спокойно сказал:

– Не обращай на него внимания, он того не стоит. Каждый человек судит о других в меру своей испорченности. То, как он думает о нас, говорит о том, какой он сам. Пойдём.

Клео постаралась успокоиться и пошла за Ланом вглубь корабля. Но Дариан тихо сказал ей в спину, чтобы услышала только она:

– И как твоё намерение «не отдаваться на Карнавале первому встречному»? Ты его выполнила или нарушила?

– Слушай ты, кретин! – Клео резко развернулась и ткнула пальцем в Дариана. – Ты мало в прошлый раз получил? Опять напрашиваешься? Хочешь снова получить метлой в морду?

– Метлой в морду?.. Та ведьма... Так это была ты?!!

– Что, не узнал? – насмешливо улыбнулась Клео и пошла дальше. Потрясённый Дариан остался стоять, открыв рот...

***

В полёте Клео и Джулиан старались не расставаться ни на минуту, потому что им предстояла скорая разлука: пусть и короткая, но всё же разлука. Теперь они не только дни, но и ночи проводили вместе в его каюте или в её.

Часто они замечали, что Дариан за ними наблюдает, но не обращали внимания. Пять дней и шесть ночей промелькнули, как мгновение. На шестой день Джулиан должен был сойти на своей планете. И последнюю ночь перед расставанием они не спали.

– Лан, может, я всё-таки сойду с корабля с тобой? – снова спросила Клео.

– Мы уже это обсуждали. Не думаю, что это разумно. У меня ещё нет работы, нет квартиры, как мы будем жить? Поезжай пока домой, мы ведь ненадолго расstaёмся.

– Надеюсь... – вздохнула Клео. Несмотря на все доводы, ей не хотелось расставаться с Ланом, даже ненадолго.

– Не расстраивайся, мы будем посылать друг другу письма и звонить.

– Но ты до сих пор не дал свой адрес и номер телефона.

– Ты свои тоже. Давай твою записную книжку, я запишу адрес и телефон моих родителей, я пока у них живу.

Клео взяла с тумбочки свою поясную сумочку, достала электронную записную книжку и протянула Джулиану. Он дал ей свою, и они записали свои координаты в электронные книжки друг друга.

– Ну вот, теперь мы точно не потеряемся, – улыбнулся Джулиан, возвращая ей записную книжку с адресом. Клео прижала её к сердцу и глухо сказала:

– Не знаю, у меня плохое предчувствие. Если мы сейчас расстанемся, то встретимся снова ещё очень нескоро... Если вообще встретимся.

– Не паникуй раньше времени. Мы обязательно встретимся и будем вместе. Верь в это! Клео, посмотри на меня... Ты плачешь? Не надо. Я люблю тебя. Всё будет хорошо. – Джулиан начал целовать её, и на ближайшее время Клео забыла про слёзы...

Но за прощальным завтраком слёзы подступили вновь, и Клео едва их сдерживала. Потом она пошла провожать Джулиана, и они долго прощались перед шлюзом, и никак не могли проститься. Но когда уже все улетающие пассажиры погрузились на шаттл, тянуть дольше стало невозможно. Джулиан последний раз поцеловал её и вышел через шлюз. Двери шлюза стали закрываться, и Клео нестерпимо захотелось рвануть туда – следом за ним. Её остановило только то, что все её вещи и документы были в каюте, а сходить на незнакомую планету совсем без ничего – это уже полное безумие. Двери шлюза закрылись и словно отрезали кусок жизни Клео, но изменить ничего уже было нельзя.

Шаттл отстыковался и полетел к планете. Клео долго провожала его взглядом, прильнув к иллюминатору. Из её глаз беззвучно лились слёзы, которые она сдерживала всё утро. А корабль полетел дальше, и планета стала отдаляться.

– Что, улетел твой любовничек? – прозвучал рядом знакомый насмешливый голос.

– Уйди, Дар, – глухо сказала Клео, не оборачиваясь. – Мне не до тебя.

– Ну да, конечно. Я и не сомневался, – зло сказал он. – Ты обошлась со мной, как с тряпкой: вытерла об меня ноги. И ты думала, что я тебе это

спущу? Твой защитник улетел, и теперь я с тобой поквитаюсь! – Дариан резко схватил её за локоть и развернул к себе. Но прежде, чем он успел что-либо сделать, Клео, разозлившись, заехала ему коленкой в промежность. Он задохнулся и сложился пополам.

– Ах ты, тварь... – просипел он и попытался до неё дотянуться, но сумел ухватить только поясную сумку. Клео рванулась назад, и сумка осталась в руках у Дариана.

– Отдай! – воскликнула она, увидев это.

– Значит, она тебе очень нужна? – злорадно спросил он, распрямляясь.
– Тогда подойди и возьми.

Клео попыталась отобрать сумочку, не подходя близко. Не получилось. Дариан поднял её над головой и насмешливо сказал:

– Поцелуй меня, тогда отдам.

– Не буду я тебя целовать! Верни сумку!

– Не будешь? Значит, не получишь. Решай, что тебе важнее, – Дариан потряс сумочкой перед ней, словно дразня. Клео резко рванулась вперёд и почти сумела её схватить, но он проворно отскочил назад.

– Не так быстро, дорогуша. Сначала поцелуй.

– Обойдётся!

– Да? И чем же я хуже твоего драгоценного Лана?

– Всем! Лучше него никого нет!

– Влюбилась, значит? Ну да это неважно. Последний раз спрашиваю, поцелуешь?

– Нет!

– Ну, раз так... – Дариан хлопнул по кнопке открывания внутренней двери шлюза, кинул в появившуюся щель сумочку и хлопнул по кнопке закрывания. Клео рванулась вперёд, но дверь уже захлопнулась. Она принялась стучать по кнопке открывания, но ничего не происходило.

– Не трудись... – рассмеялся Дар. – Здесь генетический замок. Шлюзы могут открывать только члены команды корабля. Я в неё вхожу, ты – нет. Ну что, не надумала быть посговорчивее? Только теперь мне нужно больше, чем один поцелуй.

– Ах ты, мразь, – прошипела Клео в ярости. – Ненавижу тебя!

– Ах, ненавидишь? Ну, тогда... – Дариан нажал кнопку открывания внешней двери шлюза.

– Нет!!! – Клео метнулась к иллюминатору и увидела, как выходящим воздухом сумочку вынесло в открытый космос.

– Нет... – прошептала она, сползая по стене.

– Похоже, там было что-то очень для тебя дорогое, – довольно сказал Дариан. – Значит, теперь мы квиты.

Но торжествовал он недолго, потому что через несколько минут стремительно подошёл мужчина в форме капитана, мрачный, как туча. Завидев их, он сердито воскликнул:

– Дар, паршивец, так и знал, что это ты! Ты что это вытворяешь?! Совсем разум потерял?!

– Папа, я...

– Молчать! Мне надоели твои выходки и твои бездарные оправдания! Уже не один раз пассажиры на тебя жаловались. Я всё терпел, но открывание шлюза ради очередной твоей выходки – это уже чересчур! Моё терпение лопнуло!

– Папа...

– Молчи, я сказал! Я не желаю слушать никаких оправданий. Значит так: либо ты в этом году поступаешь куда-нибудь учиться, всё равно куда, либо я высаживаю тебя на первой же планете – и живи, как хочешь, но денег я тебе давать больше не буду.

– Но я же не готовился. Как я поступлю?

– А мне всё равно! Это твои проблемы – выкручивайся, как хочешь! Содержать такую бестолочь и дармоеда, как ты, я больше не намерен!

Тут капитан заметил Клео, тихо плачущую, скорчившись на полу, и помрачнел ещё больше.

– Что ты ей сделал? – грозно спросил он.

– Ничего... Ничего такого, правда! – не на шутку испуганный Дариан пятился от отца.

Капитан наклонился к Клео и мягче спросил:

– Что случилось? Что мой оболтус тебе сделал?

– Выкинул... сумку... в космос... – ответила Клео, всхлипывая после каждого слова.

– Что в ней было? Документы?

– Нет... документы в каюте... Там была записная книжка...

– Ну, ничего, купишь новую. Они недорого стоят.

– Вы не понимаете... Мне не книжку жалко... Там был адрес... адрес Лана... – и Клео разрыдалась с новой силой.

– Так... – капитан растерялся, с плачущими девушками он редко общался. Мрачно взглянул на сына и рывкнул:

– Ты ещё здесь?! Марш в информаторий и ищи учебную литературу! Ещё раз увижу праздно шатающимся по кораблю, всыплю так, что мало не покажется!

Дар тут же поспешил убраться с глаз долой, он не понаслышке знал, как страшен в гневе отец.

– Пойдём, – сказал капитан, поднимая Клео с пола. – Я провожу тебя до твоей каюты. Какой у тебя номер?

– Триста... семнадцать...

Он довёл её до каюты, хотя точнее было бы сказать донёс, потому что Клео ноги не держали, и она висела на плече у капитана, едва ковыляя. Перед дверью он не выдержал и сказал:

– Ну, хватит уже плакать: это ведь не трагедия?

– Это... не трагедия... это... катастрофа...

– Не надо так драматизировать, ты успокоишься и поймёшь, что всё не так уж плохо.

– Это вы... не понимаете... Адрес нигде больше... не записан... А я его... посмотреть не успела... Всё пропало...

– Может, это и к лучшему. Мало ли, что за парень этот – как его? – Лан. Может, вам лучше больше и не встречаться?

У Клео из груди вырвался стон отчаяния. Она ввалилась в каюту, бросилась на кровать и уткнулась лицом в подушку.

– Ну ладно, ладно. Может, я и не прав. Но если ты ему небезразлична, то он сам тебе напишет. Так что, не надо так убиваться, – капитан закрыл дверь каюты и ушёл.

До Клео не сразу дошли его последние слова, а когда дошли, во мраке отчаяния забрезжил луч надежды. Лан, наверняка, ей напишет или позвонит. Она дожждётся этого и узнает адрес. Ещё не всё потеряно... Обретя надежду, Клео успокоилась, но настроение у неё осталось пасмурным. Ей ничего не хотелось, и остаток пути она провалилась в кровати, не вставая даже для того, чтобы поесть.

В итоге к концу полёта она выглядела бледной и больной. Родители, встречающие её в космопорте, не на шутку встревожились, увидев её.

– Что с тобой? – с беспокойством спросила мама.

– Ничего, – ответила Клео без всякого выражения.

– Как это ничего?! У тебя больной вид! На тебе лица нет! Что случилось?

– Ничего, – ровно повторила Клео.

– Эрвин, скажи что-нибудь!

– Как прошёл Карнавал?

– Нормально.

– «Нормально»? – похоже, такой ответ его очень удивил. – Что-то твой восторженный энтузиазм испарился. С чего бы это? Нашла всё-таки там проблемы на свою голову?

– Эрвин! – одёрнула его жена.

– Что «Эрвин»? Я знал, что так будет! Потому и не хотел её отпускать. Что теперь будем делать?

– Успокойтесь, – сказала Клео. – Делать вам ничего не придётся. Если тебя, папа, прежде всего, волнует, не беременна ли я, то успокойся – я не беременна.

– Ты уверена?

– Уверена. А всё остальное вас не касается. Сама как-нибудь разберусь.

– Клео, но мы же твои родители, – мягко сказала мама.

– Отец говорил, что я сама буду решать свои проблемы. Вот я и буду их решать. Сама.

– Кстати о решениях... ты решила, куда будешь поступать?

– Эрвин, не сейчас. Ты же видишь, ей плохо.

– Нет, сейчас. До вступительных экзаменов осталась неделя. Нет времени ни болеть, ни хандрить! Так куда пойдёшь учиться, Клео?

– Не знаю. Хотя... знаю – на космобиолога.

– На кого?! – снова удивился отец.

– На космобиолога. Буду летать в составе исследовательских экспедиций и исследовать флору и фауну вновь открытых планет.

– Но это же опасно! – испугалась мама.

– Ну и что? Зато это мне интересно. В отличие от всего остального.

– Клео, дочка, может, ты ещё подумаешь? – с мольбой попросила мать.

– Оставь, Сэнди. Пусть идёт, куда хочет – это её выбор. Поехали домой.

...Дома Клео прошлась по своей комнате, не узнавая её. Нет, комната осталась прежней, изменилась она сама. Уезжала она легкомысленной девчонкой с ветром в голове и лёгким сердцем, а вернулась совсем другим человеком – взрослой и умеющей любить. И теперь многое из убранства комнаты – то, что раньше вызывало восторг, – казалось наивным и глупым. Этот Карнавал перевернул всю её жизнь. А впереди ждала полная неизвестность...

Семён АГЕЕВ

Подделка

Почему именно сегодня?!

Я дёргал ручку гермостворки снова и снова, но та и не думала поддаваться. Автоматический механизм открытия, похоже, обесточен, а аварийный – на пневматике – пшикнул и затих. Чтоб его! Сегодня. Не завтра. Не на следующей декаде, не в следующем цикле!

И кто заставлял меня тащиться с этими олухами на окраину станции в такой день? Я поступил в лётное училище! Блестяще сдал экзамен, меня отметил сам Генма – капитан в отставке, командовавший двадцать лет тому назад боевой эскадрильей «Железные волки»! Наверняка, молодые кадеты, удостоившиеся такой чести, будут сидеть во главе стола на банкете в честь открытия первого учебного цикла. А я буду здесь. В этом древнем детском комплексе. До тех самых пор, пока родители вместе со службой гражданской защиты не обыщут полстанции и не допросят Шина и Русю – тех самых олухов, которые затолкали меня в вентиляционный тоннель. Сами ведь ни за что не сознаются.

Пробовал выбраться тем же путём. Все локти себе сбил, пока пытался влезть по шахте, а потом ведь надо ещё и изогнуться в три погибели, исхитриться взобраться на уступ и проскользнуть через решётку. Вниз было куда проще и быстрее. Если не считать ссадины на лбу и недолгого обморока. И ещё нескольких приступов тошноты.

Я с досадой стукнул кулаком по аварийной рукоятке.

Вот бы гравитонную центрифугу остановили! Но так ведь останавливают только раз в десять циклов и предупреждают всю станцию за две декады. В последний раз ускорение пропало, когда мне было восемь, и с того дня внеплановых остановок не было. И даже если вдруг каким-то чудом через

час или два объявят «день без тяготения», мне нужно будет протянуть здесь ещё двадцать. Из еды – только шоколадный батончик. Неизвестно, есть ли здесь вода в умывальниках. А уж про туалет вообще отдельная история: в тот самый день нечистоты расплзутся по парку и размажутся тонким слоем по всем поверхностям. И это при условии, что я не умру от обезвоживания. Слава инженерам, воздух здесь, вроде бы, вполне пригодный.

Закончив мучить дверь, я уселся в угол и развернул голограмму скайлинка, вшитого в правую ладонь. Тринадцать часов и двенадцать минут от начала дня. Заряд батареи выше семидесяти процентов – хватит примерно на девять декад. Связи нет. Что за шутки? Не парк, а бункер! Или тюрьма.

Я вздохнул и поднялся на ноги. Не время сидеть на месте. Ещё два часа до банкета. Успею выбраться! Не зря ведь меня отметили. Капитан боевой эскадрильи никогда не опускает рук. Он, стиснув зубы, решает одну проблему за другой до тех самых пор, пока они не закончатся.

Может быть, получится подать сигнал другим способом?

Я снова выбежал в просторный вестибюль, увешанный пыльными бумажными гирляндами, потускневшими плакатами с рекламой мороженого, потухшими разноцветными фонариками и засыпанный конфетти. Открытый огонь – злейший враг космических кораблей. Если устрою задымление, это непременно заметят.

Собрав как можно больше всякого бумажного хлама, я притащил это всё к проёму воздуховода на дальней стене. Сбегав в отдел с игрушками, вытащил из автомата пригоршню фонариков на липучках. Из другого – горсть пластиковых фигурок. Прикатил из ближайшего кафе доску с остатками намалёванного мелками меню, не забыв захватить столовый нож. И принялся за работу.

Бумагу на станции делают из модифицированного льна. Сама по себе она не слишком дымит и быстро выгорает, но вот если обернуть ей в несколько слоёв кусочек пластика – вот это будет дело. Как-то раз в начальной школе мы подбросили такую шашку в туалет для девочек. Как они визжали, выбегая из едкого облака! И как нас потом ругали...

Одним словом, шашки получились что надо. Я сунул в рот указательный палец, поводит перед воздуховодом. Тянет. Это хорошо. Приготовил послание для управляемых дронов-пожарных, расклеив на доске фонарики так, чтобы получилось слово «помогите». Зажёг одну шашку батарейкой, бросил в шахту и придвинул доску поближе, оставив на всякий случай небольшую щель. И довольный собой принялся ждать.

Долго ждать не пришлось. Уже через минуту послышался вой сирен. А потом через щель между доской и краями вентиляции хлынула вода. Очень много воды! Она разливалась по полу вестибюля, подхватывала золотинки конфетти, кружила их и уносила дальше в парк, словно в плаванье. Из неприметных щелей в стенах сразу же выскочили дроны-уборщики и принялись деловито ликвидировать бедствие. Оторопело выпучив глаза, я

отодвинул доску. Лучше бы не трогал: едкий дым сразу же потёк из шахты в зал. Сирены завывали второй раз.

Из плюсов: от жажды я не умру.

Из минусов: побег откладывается.

* * *

Чуть позже, добравшись-таки до туалетов, я обнаружил, что всё прекрасно работает. Включая систему накопления отходов и очистки воды. Незачем дымить, чтобы напиться, – это радует. В кафе обнаружился целый склад сухих заготовок в герметичных контейнерах. Залил водой, разогрел – и комплексный обед готов. Думаю, пару декад я здесь протяну. Вот только к выходу из положения меня это вовсе не приблизило. Двери по-прежнему не поддавались, а сигналы о задымлении, похоже, никто не замечал. Я продолжал жечь шашки в вентиляции каждые двадцать минут. Для проформы.

Ещё через два часа шатаюсь из стороны в сторону в раздумьях, я заметил в углу вестибюля на потолке глазок видеокамеры. Сперва страшно обрадовался, принялся бегать, махать руками, выкатил на видное место доску. Однако потом до меня дошло: если никто не заметил меня за всё это время, то вряд ли заметит и сейчас. Скорее всего, камера давно не работает, как и гермостворки.

Но вот что странно: на двери и системы жизнеобеспечения энергия подаётся в первую очередь. Если отключается основное питание, в каждом кластере станции есть свой резервный генератор, а в каждом отсеке по аккумулятору, рассчитанному на цикл. Воздух здесь не застаивается, иначе я давно бы уже задохнулся от своих же шашек. Температура тоже комфортная. Даже электроприборы в кафе вроде водонагревателей исправно работают! Почему тогда отказали двери? Может быть, контур повредило? Где искать подстанцию? Получится ли у меня хоть что-то наладить?

Мёртвый дрейф.

Нет, о таком даже думать не стоит. Я не инженер, а всего лишь кадет в лётном училище. Который, более того, даже ни разу ещё не сходил на занятия. Что же мне остаётся? Сидеть и тупо ждать спасения?

По крайней мере, нужно здесь как следует осмотреться. И, пожалуй, перекусить.

Приготовив себе фасолевый суп и сочный бифштекс из сушёных заготовок, я уселся за столик в кафе и принялся изучать снимок большой и подробной карты комплекса. Я сейчас в самом нижнем углу, в помещении, обозначенном, как зона отдыха. Вот кафе, в котором я устроил себе обеденный перерыв, рядом комната с автоматами, подписанная как «Подарки Фредди». Чуть выше игровой зал с батутами, мягкой зоной и верёвочным парком. Ещё выше зал видеоигр и кинотеатр. А дальше уже интереснее: гермостворки в коридоре у вестибюля, которые я пытался вскрыть, вели вовсе не назад к окраине станции. Там располагались некие «жилые помещения». Притом, в несколько этажей. Столовая, прачечная, складские комнаты – всё как в наших общежитиях. Слева от них громоздился больничная секция, сверху

– учебный, а над ним – отдел регистрации и жилой отсек для учителей. Даже свой собственный отдел инженерного и ремонтного персонала!

Нет, это был не парк. И не бункер. Похоже на изолированный учебный отсек. Полигон для практических занятий, спортзал, бассейн и обсерватория прилагаются. Кого здесь учили? Почему его оставили – из-за катастрофы или он просто перестал быть востребованным? Сколько он уже заброшен? Почему его до сих пор не отстыковали и не переоборудовали?

И что важнее, как именно я здесь очутился? Вряд ли пролетев пару метров по вентиляции можно было бы попасть в такое место. Не могу толком вспомнить, как же это произошло. Может быть, дело в том, что я ударился головой при падении? Помню, что отключился, а очнулся уже на полу в вестибюле.

Странно всё это. Очень странно. Нужно пробраться в жилые помещения. Может быть, личные вещи учеников или журналы дежурных что-нибудь подскажут.

Может быть, даже удастся отыскать выход.

* * *

Не найдя в развлекательном комплексе ничего более подходящего, я отправился в игровой зал. Нашёл там бассейн, полный разноцветных поролоновых кубиков, прыгнул в них и устроился поудобнее. Сколько бы я ни пытался вскрыть двери к жилым помещениям, у меня ничего не выходило. Наверное, можно было бы пробраться туда по вентиляции, но я упёрся в ту же проблему, что и в самом начале – непроходимый вертикальный участок. В итоге, до смерти уставший морально и измотанный физически, я отужинал макаронами, сосисками и сладким пирожком, а затем сразу же отправился искать ночлег.

Двадцать два часа от начала дня. Автоматическая система приглушила свет в комплексе, отдавая дань планетарному распорядку. Поставив будильник на семь часов, я вырыл ямку среди кубиков, нагрёб их сверху, чтоб было теплее, закрыл глаза. Распорядок дня кадета лётного училища нарушать не стоит.

Мне понадобятся силы, чтобы выбраться отсюда.

* * *

Два дня я рыскал по всем доступным местам, старался найти хоть одну зацепку, чтоб решить задачу. Парадная форма кадета – строгие шорты до колен, белая рубаша и зелёный галстук – вывозилась в грязь, превратившись в нечто неприглядное. Берет я потерял ещё где-то в вентиляции. А ведь он был так хорошо скроен! Обида на товарищей, вздумавших зло подшутить, поступала к горлу, стоило об этом подумать. Зубы чистить, конечно же, было нечем, не нашлось даже простой жвачки. Вместо этого я грыз мятные леденцы, чтоб, по крайней мере, не пахло изо рта.

Я отыскал служебный вход в зону развлечений – в дальнем конце игрового зала. Осмотрел дверь и электронный замок. Всё было исправным, но не поддавалось: даже для доступа к аварийным рычагам нужно было предъявить пропуск персонала. Гадство!

Чтобы убить время и успокоиться, я составил опись провизии, которую удалось найти. Попытался придумать график, растянуть запасы на как можно более долгий срок. Получились весьма оптимистичные прогнозы: оставшейся еды мне хватит на шесть декад, если урезать рацион до одного комплексного обеда в день. Вот только не ясно до конца – сколько мне предстоит здесь провести. Может быть, ещё пару дней. Может быть, декаду. А что – если всю оставшуюся жизнь?

Я исследовал зал видеоигр и список фильмов в одиночной кабинке кинотеатра, чтобы понять, сколько циклов это место пустует. Самым новым автоматом, насколько я мог судить, оказался «Street Fighter AR», заключённый, как и все остальные игры дополненной реальности в прозрачный плексигласовый короб. Игре было одиннадцать циклов. Одиннадцать! Стоит ли говорить о том, каким старьём было остальное? Если уж у местных завхозов была возможность содержать этот игровой парк, то они наверняка могли позволить себе регулярно обновлять автоматы. Между тем, последним из добавленных интерактивных фильмов был «Вызов чёрной дыре», отснятый шесть циклов назад. А с момента его добавления минуло около трёх с лишним. Однако система могла обновляться автоматически.

Слой пыли на приборах не давал усомниться: место пустовало очень долго.

На третий день я задумался о том, чтобы штурмом взять вентиляционную шахту. Нарисовал небольшую схему и принялся перебирать варианты. Вот бы найти где-нибудь раздвижную стремянку! Но она могла бы отыскаться только в служебном помещении, или если бы её кто-то забыл туда унести. И если уж я не заметил такую важную вещь за два дня обысков, значит, её попросту нет. А потому следовало сосредоточиться на том, что было под рукой.

Такелаж из верёвочного парка. Стулья и столы из кафе. И столовые приборы.

Через два часа после завтрака я был уже готов опробовать первый способ, пришедший мне на ум. Верёвочная лестница. Ножки от столов очень хорошо подходили на роль распорок, так как были металлическими, лёгкими и имели форму буквы «п». Я придал пластиковым наконечникам ножек подходящую форму, чтоб прочно легли на край трубы в том месте, где она изгибается и переходит в горизонтальную. Лестницу, целиком взятую из парка, надёжно привязал к изгибам готовой распорки. После этого оставалось подготовить пару магнитных присосок с блоками. Магниты я взял из тех же фонариков – очень много, чтобы наверняка, а вместо блоков связал пару верёвочных петель. Выстрелю ими из рогатки, подниму распорку с лестницей, зафиксирую, и вперёд – к свободе!

С грозной миной, как последний оставшийся в живых лётчик перед лицом превосходящего противника, я зашёл на цель. Поднял своё оружие: гнутую вилку и жгут из резинки от труссов. Прищурился.

Первый залп!

Бум!

Второй залп!

Бум!

Можно было бы и поровнее, но и так сойдёт.

Медленно и осторожно я начал поднимать ножки. Казалось, магниты вот-вот отлипнут от стенки вентиляции, и металлическая дура упадёт прямиком мне на макушку. Но вот наконечники заскребли по трубе, сорвались с её края и, легонько качнувшись, встали в нужное положение. Стравив немного, я окончательно уложил распорку в трубе. Несколько раз дёрнул за край лестницы. Вроде бы держит. Тогда я поставил ногу на первую ступеньку и надавил уже посильнее.

Сработало! Я чувствовал себя если не конструктором межпланетных космических кораблей, то, по меньшей мере, изобретателем ионного двигателя. Не удержался и исполнил победный танец. Правда, быстро спохватился – шорты сползли, а трусами пришлось пожертвовать. Что ж, прощай, пыльный парк! Прощай, бассейн с кубиками! Здравствуй, лётное училище! Поскорее бы увидеть лица тех двух олухов, когда я буду показывать товарищам по группе видео, которые успел наснимать!

Затянув ремень потуже, сунув в карман столовый нож, я вновь ступил на ступеньку спасительной лестницы. Вперёд. К звёздам! К неизведанным просторам космоса! Я – покоритель лунных равнин! Первый человек на Марсе! Пилот, бросивший вызов чёрной дыре!

Чего?

Стена.

Я пролез через распорку, стоя на последней ступеньке лестницы. Обернулся к тоннелю, ведущему, как мне казалось, обратно к окраинам станции. И наткнулся в полуметре от изгиба вентиляционной трубы на глухую стену. Какого, простите, штопора? Через мгновение до меня дошло, что это автоматическая дверца. А воздух уходит сквозь решётку на противоположной стороне трубы, прямо у меня за спиной. По ту сторону, в трубе гораздо уже, уходящей в непроглядную тьму, обнаружили и датчики задымления, а вода разбрызгивалась из специального венчика, утопленного в обшивку воздуховода над головой. Наверное, при пожаре венчик должен выдвинуться. Но зачем такие сложности?

Я попробовал сунуть нож в щель у края дверцы. Поднатужился. Дверь не поддалась, зато лезвие с треском переломилось. Нет. Этим путём точно не пройти. Чем бы ни была эта шахта, на вентиляционную она, всё-таки, ни капли не похожа.

Может быть, это грузовой лифт? Например, чтобы привозить в кафе еду и посуду. Но почему он расположен в вестибюле? И как тогда я сюда попал?

На секунду я представил, как еду в тесной кабине с одинаковыми полированными стенами, как теряется тяготение, а потом навстречу несётся гладкий пол. Представил ли? Может быть, вспомнил?

Гадство. Тоже мне, первый человек на Марсе, покоритель лунных равнин!

Одно теперь ясно: мне просто необходимо попасть в другие помещения этого странного учебного комплекса. Отыскать какие-нибудь записи, более

подробные планы помещений, где обозначены служебные тоннели. Может быть, они есть в отсеке персонала? Но чтобы туда пробраться следует обзавестись допуском.

Лестницу я решил оставить на месте. Мало ли – вдруг пригодится.

* * *

Спал я беспокойно. Всё время казалось, будто кто-то шуршит у меня над самым ухом, расхаживает по комнате или гремит чем-то за стеной в верёвочном парке. Всякий раз, когда такое повторялось, я пулей выскакивал из бассейна, хватал фонарь и обходил все коридоры. Отсек, разумеется, был пуст. Наверное, просто схожу с ума от одиночества.

По-настоящему насторожился я на пятый день. Пропал один из рационов, отложенный на завтра. А ещё пара сладких батончиков и пригоршня мятных леденцов, оставленных в миске на столе. В зале игровых автоматов тоже нашлись подозрительные признаки: пыль с экрана автомата «Dance like no one sees!» кто-то смёл. На его танцевальной платформе в местах, отмеченных маркерами, виднелись отпечатки босых ступней. Может быть, я не замечал их несколько дней, но всё же! Будь я трижды олух, если кто-то не приходил сюда совсем недавно. А раз сейчас этого кого-то здесь нет, значит, он знает, как выбраться. Или заперся в кабинке женского туалета. Туда я ещё не заходил.

Но даже не смотря на доводы логики, подозрительные находки взбудоражили моё воображение. Может быть, здесь живёт привидение? Дух ребёнка, погибшего от гипоксии за пределами комплекса, так и не нашедший покоя. Или его заперли в туалете сверстники, когда началась эвакуация, и он так же, как я сейчас, одиноко бродил по этим коридорам и игровым зонам, тшась найти выход. Так же, как и я спал в мягком бассейне. Может быть, его останки до сих пор там?

В необъяснимом безумном порыве я принялся «осушать» бассейн. Швырял и швырял наружу поролоновые кубики, пока не достиг дна. Только тогда, вспотевший, бледный и с выпученными глазами, я перевёл дух. И принялся с досадой прибираться бардак.

Всё это выдумки. Быть такого не может. Верить в сказки про призраков – глупо.

Рацион вскоре обнаружился в стопке других контейнеров. Похоже, я его сам переставил и забыл. Бумажки от леденцов – в ближайшем к столику мусорном ведре. В последнее время я завёл привычку грызть их, когда размышляю о чём-нибудь. Что до отпечатков... Я ведь не раз прогуливался по залу, осматривая игровые автоматы, а также заходил в кинотеатр. Наверное, сам и наследил. Тем более что ботинки мне надоели ещё в первый день.

Но полностью подозрения не отступили. На всякий случай я сделал снимок каждого автомата, штабеля провизии и запасов леденцов. Решил делать так перед каждым отбоем, а после завтрака совершать обход.

* * *

– О, великий мастер меча, вы так искусны! Дракон-бедствие, столетиями угрожавшей нашей стране, повержен вашим могучим клинком! Чем же я – скромная принцесса, всего лишь шестая в очереди на престол, могу вас наградить?

– Миледи, вам ни к чему волноваться об этом. Мне достаточно вашей прелестной улыбки.

– Вы искусны не только в фехтовании, но и в комплиментах. Почему бы нам не отужинать вместе сегодня? Только вы и я...

– Вы знаете, мастер меча, я всегда хотела увидеть мир. Вы много повидали в ваших странствиях по далёким королевствам. Может быть, расскажете, как там?

– Я посетил множество разных стран, сразил немало чудиц. Я нашёл верных товарищей и повстречал прекрасных женщин, но наши дороги разошлись...

– Не может быть! Неужели ваше сердце уже отдано какой-нибудь прекрасной даме (с огромным приданым и земельным владением)?

– Вы угадали, миледи.

– О, как печально!

– А что же насчёт вас? Кому отдано ваше трепетное сердце?

– Величайшему герою всех девяноста девяти королевств. Неприкаянному страннику. Победителю множества чудиц...

– Ну же, герой, я желаю знать, всем ли своим оружием вы владеете одинаково хорошо!

– Миледи... Ух!.. Вам не кажется, что вы слишком торопитесь? Йа-а! Может быть, не стоило пить столько вина?

– Не робейте! Когда вы стояли перед драконом-бедствием ваш точёный профиль вызывал благоговейный трепет, а стоило вам попасть в покои к юной красотке, так сразу будто стали ниже ростом.

– Ну раз уж вы наста-А-А-А!.. Якорь мне в дюзу! Бесстыдница!

Я вскочил, разбросав вокруг себя поролоновые кубики. Какой ужасный, кошмарный, мерзкий, развратный... приятный сон! Ещё бы немного – и я вкусил бы запретного вместе с милой, трепетной, хрупкой принцессой-ангелочком под душещипательные звуки фортепиано. Неужели нельзя было проснуться хотя бы чуть-чуть попозже? То есть, пораньше!

Секунду... Музыка. Трогательная мелодия фортепиано продолжала играть в моей голове и казалась смутно знакомой. Не могу вспомнить. Может быть, она из игры? Или из фильма? Или я слышал её в каком-нибудь кафе?

Ещё спустя секунду до меня дошло, где я. Вспомнилось досадное и опасное положение вещей. Не время предаваться фантазиям и истекать слюной. Я глянул на часы. Без четверти час от начала дня. Спать полагается ещё шесть часов. А раз таков порядок...

Музыка. Она играла не в моей голове. Доносилась откуда-то из-за стены зала автоматов. Глухая, почти неслышная. Потому я и не заметил её сразу, а

проснувшись, долго не мог отличить от собственных мыслей. Всё-таки я был прав! Здесь кто-то есть.

Затянув ремень на шортах, я вынул из карманов нож и фонарик и крадучись двинулся на звук. Медленно и осторожно заглянул за угол – в игровой зал. Автоматы всё так же безмолвными истуканами громоздились на каждом свободном клочке. Все, кроме одного. «Dance like no one sees!» был включен, мигал нажимными пластинами левой половины игрового поля, а на правой голографический мачо в старомодном костюме указал на меня пальцем и пустился в пляс. Надпись на экране складывалась в сакраментальное «Нажмите "Старт!"»

На поручне возле игрового поля висела пара больших беспроводных наушников, но музыка шла не от них. Душещипательные звуки рояля уже успели смениться чьими-то незнакомыми голосами. Мужской звучал гулко и низко, отдавался эхом во всём комплексе, а женский был трепетным и высоким.

Кинотеатр!

Ускорив шаг, я миновал ряды автоматов. Медленно и осторожно прошёл через коридор. Пересёк небольшой вестибюль, внимательно прислушиваясь. Звук шёл из общего зала для показа старых двумерных фильмов. Когда я подошёл ближе, герои снова заговорили, но язык был совсем незнакомым. Какая-то космическая тарабарщина! Что там происходит?

Дверь была приоткрыта. Я скользнул внутрь, как кот, стараясь не шуметь, хоть это было и не нужно – звук здесь стоял оглушительный. Вот в моём поле зрения показался экран. Картинка была нарисованной и страшно нечёткой, но я поднялся дальше по лестнице, не обратив на неё внимания. Осторожно заглянул за угол.

Стулья в центре зала были небрежно раздвинуты в стороны. На их месте лежал толстенный надувной шезлонг. А на шезлонге, вальяжно развалившись, расположилось странного вида существо. Маленькое. Чумазое. Босоное. В бесформенной толстовке и коротких шортиках. С торчащими во все стороны тёмными волосами. В одной руке оно держало огромную дымящуюся кружку с подогревом, а во второй шоколадный батончик. Мой шоколадный батончик. Я был просто вне себя.

И пока я старался в себя прийти, существо тоже меня заметило.

– А-А-А! Омаэвамошиндеру! Конаидэ!

Кружка полетела на пол, шезлонг превратился в оборонительное укрепление. Я решил, что лучше всего ответить с не меньшим напором. В случае чего с таким миниатюрным противником я как-нибудь совладаю.

– Отвечай! Зачем воруеть мои вещи?

– Это ты воруеть! – ответствовало существо. – Здесь всё моё! Чего тебе надо?

– Я тут застрял и пытаюсь выбраться! А ты по ночам влезаешь и шумишь здесь, спать не даёшь.

Существо выглянуло из-за шезлонга. Опасливо и настороженно, будто напуганный зверёк. Рассмотреть в темноте толком не удалось, но кажется, это была девочка. С пышной и неухоженной шапкой волос, маленьким носиком и огромными раскосыми глазами.

– Как это – застрял? Как ты вообще тут оказался?

– Это я и пытаюсь понять!

– Орья-а-а-а!

Девочка взмахнула рукой, и картинка с бросившимся в атаку мечником замерла. Секунду...

– Это что «Мастера меча онлайн»?!

Огромные глазищи девочки сделались ещё больше.

– Брат... – выдохнула она. – Товарищ. Единомышленник! Чего же ты там стоишь? Живо сюда!

Она мигом поставила на место шезлонг, подняла с земли кружку-непроливайку. С сожалением посмотрела на неё и на недоеденный батончик.

– Прости уж, у меня больше нет. Но зато есть мяконькая лежанка и уйма аниме! – «существо» изобразило руками фейерверк. – Можно хоть сутками смотреть! Давай, ложись рядышком.

– Во-первых...

– Во-первых, ложись рядышком! – с нажимом проговорила девочка, подвинулась вправо и похлопала ладошкой по тугой плёнке.

Слегка оторопев от её напора, я подошёл ближе и присел на край шезлонга. Потом, медленно сгорая от смущения, улёгся, скособочившись рядом с ней.

– Вот и ладненько, – ухмыльнулась девочка. – Я смотрю в оригинале. Хочешь субтитры или озвучку поискать?

– Давай субтитры, – я неловко пожал плечами.

Сделав одной рукой несколько небрежных жестов, существо запустило видео с начала.

– Подожди-ка. Это какая серия по счёту?

– Десятая. Уже скоро первая сюжетная арка закончится, – пояснила она. И недоверчиво поинтересовалась: – Ты ведь уже его смотрел?

– Ну, вообще-то я только на четвёртой...

Девочка выпучила глаза, потом резко и довольно грубо загородила мне ладонью обзор, и звуковой ряд вновь оборвался. Спустя секунду она, виновато потупившись, сидела передо мной на шезлонге, скрестив лодыжки и теребя верёвочки на толстовке.

– Прости. Надо было сразу спросить. Вот тебе в качестве утешительного приза немного зефирок...

Ни мгновения не колеблясь, она схватила мою пятерню и прислонила к своей груди.

Якорь мне в дюзу!

– Ты что творишь? – воскликнул я, вырывая ладонь из её цепких пальцев.

– А что, разве мальчикам такое не по нраву? – искренне удивилось «существо». – Я в одном аниме видела...

– Это... – я замялся, – весьма спорный вопрос. Но с незнакомцами так лучше не делать. Да и вообще, как можно верить всему, что смотришь?

– Ну... Я вообще-то мальчиков видела только на картинках, – смущённо призналась девочка. – И ещё в книгах читала про отношения полов. Но ведь этого мало, правда?

Вот ведь! Все понимает, а туда же...

– Тебя как звать-то?

– Катлея! Шестнадцать лет, свободна! – воскликнула девочка, вскинув ладонь.

Ни за что бы не поверил, если бы не «зефирки»... Бесстыдница!

– Для друзей – Галли. Хотя кого я обманываю? У меня нет друзей. А тебя как?

– Кадет Маркус Вольфганг Фробишер к вашим услугам, – я вскочил и вытянулся по стойке смирно. – Ну, то есть, Марк, шестнадцать циклов, свободен.

– Ого! – выпучила глаза Катлея. – Кадет, значит? В лётное училище, небось, ходишь?

– Ну, как хожу... Поступил. Занятия должны были начаться позавчера, но я тут застрял.

– То есть, ты... оттуда попал ко мне и не можешь выбраться?

– Ага.

– И сколько ты тут уже?

– Семь дней.

– Кошмар! – девушка взъерошила себе волосы. – Тебе нужно вымыться, переодеться и поесть нормальной еды! Идём со мной.

Она схватила меня за руку и потащила прочь, забыв о шезлонге и поставленной на паузу серии «Мастеров меча онлайн».

– Подожди-подожди, но ведь из зоны развлечений не выйти! Заклинило гермостворки.

– Верно, не выйти. Если только у тебя нет этого.

Девушка ухмыльнулась, подняв брови, и помахала перед моим носом пропуском медперсонала.

Что здесь вообще происходит?

* * *

Никогда бы не подумал, что буду так скучать по душевой кабинке! По свежей одежде и жёсткой койке! Спать в мягком бассейне было по-своему приятно, но после шести с лишним ночей тело начало ныть. А про парадную форму кадета вообще лучше промолчать. Пусть я и пытался как мог содержать её в чистоте при помощи умывальников, выглядела она весьма скверно.

Так что я швырнул её в автоматическую машину для стирки и глаженья, выбрал себе по размеру серую толстовку как у Катлеи, хлопчатобумажные штаны, футболку и главное – трусы. Без них было очень некомфортно.

После того, как я вымылся и переоделся, странная хозяйка учебного комплекса проводила меня в свою комнату в жилом отсеке и угостила едой. У неё был целый холодильник фруктов, овощей и тофу! После сухих рационов они показались самыми вкусными во всей станции.

– Так ведь гораздо лучше, правда? – улыбалась Катля, сидя за столом напротив меня. – Эти сухари, конечно, очень питательные, но они быстро надоедают. И ещё от них можно растолстеть.

– Откуда у тебя это всё? – спросил я с набитым ртом.

– Ну, есть здесь недалеко отсек гидропоники. Полностью автоматический. Там же делают муку и соевые продукты.

– А ключ медперсонала?

– Стащила из больницы, пока прогуливалась там. Примерно пять лет назад.

– То есть, ты здесь уже пять циклов?

– Семь.

– Как так?

– Ну... Вот так вот! – девушка улыбнулась и развела руки в стороны.

Исчерпывающе.

Я взял стакан с чаем и сделал несколько обжигающих глотков.

– А что это за комплекс? Кого здесь тренировали?

– Точно не знаю. Когда я пришла сюда, он уже был заброшен. Я нашла много старых записей – учебные планы, отчёты учителей и всё такое. Похоже, это была школа для неблагополучных детей или вроде того.

– То есть, тюрьма?

– Скорее, изолированный приют. Ты ведь уже заметил, что здесь не ловит сеть?

– Заметил. Ты помнишь, как сюда попала?

Катля как будто потускнела.

– Как-как? На лифте спустилась, конечно же. Помнишь ту дыру в вестибюле? Это шахта лифта на магнитном подвесе.

Вот, значит, как! Теперь я вспомнил. Те двое завистников засунули меня в кабину, крича что-то про отлучение от общества и мерзко ухмыляясь. Выходит, они об этом комплексе что-то знали и решили таким образом избавиться от отличника лётной подготовки, чтоб не мозолил глаза. Вряд ли, конечно, они думали, что я застряну здесь на всю жизнь, но выговор за прогулы мне бы всё равно выписали.

Я с размаху хватил кулаком по столу, заставив Катлю испуганно вздрогнуть.

– Ты чего? – боязливо и немного обиженно спросила она, вжавшись в спинку стула.

– Прости, – я виновато потупился. – Вспылил просто. Кстати, лифт неисправен. Я сильно ударился головой, когда он резко затормозил. Не могу толком вспомнить, как тут оказался.

– Похоже на сотрясение, – задумчиво проговорила девушка и принялась накручивать на палец непослушную прядку волос. – Тебе лежать надо было, и чтоб кто-нибудь тебя с ложечки чаем отпаивал.

– Всё-то ты знаешь! Меня сюда насильно затолкали, чтоб досадить и выставить в плохом свете. Занятия в училище уже вовсю идут. А ты говоришь: «лежать»!

– Ты ведь хочешь пилотом быть? Ну, водить боевой корабль, сбивать с орбит пиратские потрошители...

Я кивнул.

– Тогда тебе в первую очередь о здоровье думать надо! – воскликнула девушка, ткнув меня пальцем в лоб. – Попортишь вестибулярный аппарат – прощайте, перегрузки и скоростные маневры! Дурень ты. Завтра идём в больничной отсек.

– Да всё нормально...

– Никаких «нормально», пока не обследуешься!

В ответ я только вздохнул. Вот ведь упрямая! И какое ей дело до моего вестибулярного аппарата? Лучше бы привела в порядок свои волосы.

Да и вообще, странная у неё внешность. Маленький носик, губки бантиком и эти огромные чёрные глазищи! Сама миниатюрная, низкая – едва мне до подбородка, ноги длинные, лодыжки тоненькие, а босые ступни большие, почти как у меня. В жизни не поверил бы, что она моего возраста, хотя фигура под бесформенной толстовкой, вроде бы, вполне взрослая.

Не менее странным было и её жилище. Все стены, каждый участок свободного пространства, изрисован маркером, увешан плакатами с персонажами из аниме или фильмов. Везде яркие наклейки, ленточки и разноцветные флажки. На полках уйма каких-то фигурок, шитых кукол и блестящих безделушек вперемешку со старыми бумажными книгами с названиями на непонятных языках. Постель не убрана и лежит в беспорядке. На полу рядом с ней яркий коврик, сплетённый, судя по всему из лоскутов от старых футболок. Рядом со шкафом для одежды, украшенным размашистым неразборчивым рисунком, – электронное пианино. И наконец, старый холодильник с кучей магнитиков, пожилая печь для разогрева еды и стол с двумя стульями. Зачем, спрашивается, ей, одиноко живущей в этом заброшенном комплексе, второй стул?

И всё же, находиться здесь было приятно. Да, я скучал по душевой кабинке, по свежей одежде и тёплой постели, но тоска по удобствам не сравнится с тоской по атмосфере обжитого. По общению. По звуку человеческого голоса, даже такому пронзительному. По лицу – кроме моего собственного отражения в зеркале. Даже с такими огромными глазами.

– Чего? – подняла брови Катлея в ответ на мой задумчивый взгляд.

– Ничего, – бросил я в ответ. – Просто немного рад, что ты мне повстречалась.

– Хи-и-и, – щёки девушки порозовели. – А уж я-то как рада тебя встретить! Семь лет одиночества – это вам не шутки! Так и свихнуться можно.

* * *

Я надеялся расспросить девушку о приюте. Подробнее о том, как она попала сюда, о её находках и способах выбраться. Но сразу после еды она

не терпящим возражений тоном отправила меня к умывальнику, вручив тюбик с дента-жвачкой, а потом открыла для меня соседнюю комнату и уложила в постель. «Это, вообще-то, было крыло для девчонок, но ничего, потерплю», – ухмыльнулась она, лукаво прищурившись.

Помогла мне заправить постель новым бельём, пробежалась вместе со мной влажной тряпкой по полкам, а потом упорхнула прочь, пожелав спокойной ночи и что-то напевая себе под нос. Наверное, оставшееся время отбоя будет шуметь и беситься у себя, или смотреть аниме, а днём – спать.

И всё-таки, кто она? Действительно ли живёт здесь совсем одна столько циклов? Почему до сих пор не нашла выход и не выбралась? Почему так погрустнела, когда я спросил её о том, как сюда попала? Может быть, её тоже завистницы сюда сбросили? Нужно будет как следует с ней поговорить. Хотя бы в качестве благодарности за фрукты и комнату. Неизвестно, во что бы я превратился, если бы не Катля.

А теперь – спать. Распорядок дня кадета... Да какая разница? Я просто вымотался.

* * *

Мне снилась какая-то невнятная мешанина из погонь, драк и падений в пустоту. Сперва – два олуха с дубинками наперевес гоняли меня по верёвочному парку. Потом из поролоновых кубиков выбрался грязнуля в кадетской форме, связал меня и принялся разводить костёр. А в самом конце появилась Катля в строгом чёрном платье, на шпильках и с очень вызывающей боевой раскраской. Она откинула со лба непослушные пряди, вздёрнула острый подбородок, глянула из-под полуприкрытых век и каким-то чужим томным голосом проговорила: «Во-первых, ложись рядышком». И хлопнула себя по округлому бедру.

Проснулся я раньше будильника. Отвыкшие от жёсткого матраса мышцы ныли, но я чувствовал себя гораздо лучше, чем в последние дни. Может быть, дело в настоящих овощах и фруктах, выращенных на старой доброй гидропонной ферме. Или в том, что я снова спал в обычной человеческой кровати. Или в живом общении. Умывшись и натянув вчерашний комплект одежды, я сделал зарядку, чтобы окончательно разбудить тело, и двинулся в сторону столовой. Может быть, там найдётся, что перекусить?

Полки, стеллажи и кастрюли были пустыми и пыльными, как и всё вокруг. Автоматическая система раздачи пищи не функционировала. Я пожал плечами и отправился восвояси. Интересно, взъерошенное босоногое существо ещё спит? Разбудить её что ли? Привить ей немного дисциплины?

Но подойдя к своей комнате и открыв дверь, я потонул в воплях, а маленькие ладошки мёртвой хваткой вцепились в ворот моей толстовки.

– Уа-а-а! Маркус Вольфганг Фробишер, болван! – голосила Катля со слезами на огромных глазах. – Я проснулась, пришла тебя будить, а комната пуста! И постель убрана, да ещё так аккуратно, будто машина постаралась! Я думала, ты мне приснился! Потом нашла твою форму и думала, что ты от меня сбежал! Куда тебя, больного, в такую рань понесло?

– Завтракать! – крикнул я, останавливая бесконечный поток слов. – Куда я от тебя денусь? Мы же тут заперты.

Девушка шмыгнула носом, вытерла слезинки и облегчённо улыбнулась.

– Пойдём, я тебя накормлю. В столовой – шаром покати, она давно не работает...

– Да знаю, – буркнул я. – Только что там всё осмотрел.

– Э-э, только сначала умоюсь! – она выпустила меня и умчалась в свою комнату. Вынырнула оттуда через секунду и понеслась к умывальникам. – Подожди меня у себя, я быстро!

То есть, она проснулась, накинула что придётся и сразу пошла меня будить? Может, действительно свихнулась за семь циклов?

Позавтракали мы фруктовым салатом. Катля беззастенчиво пялилась на меня с довольной ухмылкой. Сперва это смущало, потом начало раздражать, но виду я не подавал. Всё-таки, это её комната, её фрукты, она была гостеприимна и добра. И вообще, её можно понять – день за днём, декада за декадой совсем одна в этой железной коробке! Наверное, я на её месте выглядел бы не лучше дикаря с поверхности старушки Земли.

Вымыв посуду в умывальниках, мы отправились в медицинский отсек. Сперва я был против, но потом расценил это как хорошую возможность осмотреться. Мы миновали коридор жилого отсека, спустились на лифте на его первый уровень, прошли мимо вахты, повернув турникет, и перед нами оказалась дверь в больницу.

– Добро пожаловать, пациент Фробишер, медсестра Катля к вашим услугам! – девушка нарядилась в валявшийся на столе у регистратуры пыльный белый халат и поклонилась, грациозно выгнув спину как гимнастка. – Идём к медкапсуле.

Она схватила меня за запястье и потащила прочь от регистратуры. Я хотел протестовать, но опоздал на несколько мгновений. Моя новая знакомая, вообще-то, была права. Пусть вела себя немного по-детски, кривлялась и шумела, но в промежутках была рассудительна. И явно заботилась обо мне. Даже неловко было упираться.

Катля вела меня одной ей известной дорогой между палат, процедурных и отделов для персонала. Атмосфера медицинского отсека, в общем, не отличалась от виденного мной ранее. Много пыли. Аккуратно прибранные столы и кушетки. Потухшие информационные панели на стенах. А сквозь пелену времени проглядывали то тут, то там следы жившего здесь когда-то человека. Брошенная на пол скомканная бумажка. Уголок яркой информационной листовки, торчащий из-под сиденья. Забытая кем-то баночка с таблетками на столе. Тягостное и зябкое чувство давным-давно оставленного жилья.

Девушка открыла пропуском дверь в комнату номер сто двадцать семь и пригласила меня войти.

– Ложитесь в капсулу. Доктор Катля вас осмотрит, – грудным голосом проговорила она, облокотившись о стену, выпятив грудь и вздёрнув подбородок.

А я, между тем, поймал ощущение дежавю. Кажется, мне что-то такое снилось.

– Ты же минуту назад была медсестрой.

– Ну, это – как его? – повышение квалификации. Ложись, говорю.

Я усмехнулся про себя и залез в раскрывшуюся капсулу, устроился на мягкой надувной подстилке. Та сразу же приняла форму спины. Катлея за стеклом вызвала голограмму управления, закрыла прозрачную створку и запустила процесс сканирования.

– Закрой глаза, иначе ослепит.

Знаю я. Не вчера родился.

С минуту лежал без движения, пока аппарат гудел сервомоторами.

– Так. Признаки сотрясения зафиксированы, но негативных последствий для здоровья не выявлено. Кости целы. Постельный режим не обязателен. Даже ушиб на лбу почти прошёл. Можешь вздохнуть спокойно.

– Слава инженерам! – я рассмеялся, выбираясь из капсулы.

Девушка, между тем, шарила по стеллажам.

– Во! Нашла, – она швырнула мне баночку с красной крышкой. – Витамины группы Б. Показаны при ухудшении мозгового кровообращения, хронической усталости и всём таком. Принимай по капсуле в день в течении двух недель.

– «Недель»? Ты что – из планетарной эры? И откуда ты вообще такие вещи знаешь?

– Умные книжки читала, – отмахнулась Катлея. – Итак, раз ты у нас здоров, мы можем посвятить этот день экскурсии по моим владениям, играм и, конечно же, аниме! Будем смотреть, пока не уснём!

– Эй, а как же...

Но она уже тащила меня прочь по безлюдным коридорам. Мимо тех же оставленных кушеток и столов, забытых на них рецептов и потускневших памяток. Только теперь, глядя на запылившийся пол, я замечал тут и там отпечатки босых ступней. Совсем свежие, будто оставленные пять минут назад, и уже едва различимые. Этот отсек был её личной карточкой больного, написанной на полу следами лёгких девичьих ног.

Обнаружил у себя в мыслях эту фразу и сам удивился насколько слащаво и одновременно грустно, тоскливо она прозвучала.

Перед регистратурой Катлея резко затормозила.

– Я на минутку.

И юркнула в неприметную дверь рядом со стойкой. Потом вылетела оттуда уже без халата и, ухмыльнувшись, протянула мне пропуск. Такой же, как свисающий на шнурке с её запястья.

– Добро пожаловать, сосед. Рада, что ты со мной!

Я принял карточку из её тонких пальцев и улыбнулся, глядя в лучащиеся веселостью глаза.

На сердце было тяжко.

Следующие три с половиной часа состояли из непрерывной беготни по отсекам и осмотра их особо интересных мест с точки зрения моей бестолковой и шепутной проводницы. Сдержанно отвечая на словесный поток Катлеи, я отмечал для себя важные вещи, чтобы позже занести в заметки и использовать для побега из приюта.

Во-первых, в комплексе существует пять уровней допуска: ученический, обслуживающий, медицинский, инженерный и директорский. Самый ограниченный из них, соответственно, первый. Как только я попал в комплекс на лифте, система автоматически присвоила мне статус ученика и сделала пропуск, который нашёлся в отделе регистрации. Обслуживающий персонал, прибиравший помещения, не поддававшиеся машинной уборке, имеет чуть больше прав на доступ, который регулируется администрацией отсеков. Медики имеют расширенный допуск в жилые помещения. Инженеры – в служебные тоннели и машинные отделения. Директор вхож везде. Вот бы раздобыть его карточку!

Во-вторых, я выяснил из-за чего гермостворки между вестибюлем и общежитием перестали работать. Катлея рассказала, как однажды ночью проснулась от самого страшного звука на космическом корабле – громкого стука и шипения. Пройдясь по отсекам, девушка обнаружила запертую дверь в бассейн. Сквозь заиндевевшее стекло было видно замерзшую воду и оплавленную пробоину в полу. Должно быть, космическая пылинка прошила огромный зал навывлет и повредила стыковочный рукав, создав между парком и общежитием область вакуума.

По техническим стандартам жилые отсеки отделяются от всех прочих безвоздушными коффердамами для звукоизоляции и предотвращения распространения пожаров. Космический мусор, прошедший под малым углом к таким полостям, отскакивал от бронированных стен и рвал стыковочные рукава в клочья. Стоило пересечься орбитами с каким-нибудь болтом из эры ракетостроения – и целые кондоминиумы вынуждены были ждать, пока инженеры герметизируют все пробоины. С десятков циклов назад коффердамы стали заполнять аэрогелем. Это усилило прочность переборок новых кластеров, но старые всё ещё довольно уязвимы. Я козырнул этим знанием перед босоногой всезнайкой, и она слушала меня с распахнутыми глазами, а в конце уважительно покивала.

В-третьих, отдел инженерного персонала строго охранялся. Пробраться туда с медицинским уровнем допуска Катлее так и не удалось. Что уж говорить об учениках – их наверняка даже близко не подпускали. Раз всё так строго, наверное, там что-то важное. Может быть, стоит попробовать-таки туда попасть?

В-четвёртых, в учебном отсеке обнаружился выход в сеть. Я обрадовался, но Катлея со скучающим видом пояснила: местный брандмауэр строго воспрещает попытки доступа к социальным ресурсам и любые контакты с другими пользователями. Зато теперь ясно, откуда у неё столько аниме.

И, наконец, оказалось, что некоторые занятия в приюте проходили на специальном полигоне снаружи станции. А это значит, что у них есть скафандры для выхода в открытый космос! Вот это уже напоминает план побега. Заметив блеск в моих глазах, девушка пообещала выгулять меня, если буду хорошо себя вести. Я для неё что, питомец?

Помимо этого, мне досталось очень много записей работников комплекса. В основном, отчётов о рутинных проверках и о небольших происшествиях; учебных планов; описей оборудования и инвентаря и тому подобное. Попытавшись разобраться во всем этом на досуге и найти что-то полезное, я увяз в скучном формальном слогое и совершенно бесполезных списках, после чего окончательно решил отложить изучение документов на потом.

Вернувшись в жилой отсек, мы задумались об обеде. Я решил отплатить Катлее за гостеприимство. В её холодильнике нашлось много картофеля с жёлтой кожурой, морковь, перец, томаты и множество пучков душистых трав. Я сгрёб это всё в охапку, строго-настрого запретил ей приближаться к столовой и был таков.

В шкафах поваров нашлось много концентрированных приправ. Перенюхав и перепробовав их все, я собрал букет из более-менее знакомых, и принялся за готовку. Спустя десять минут овощи были вымыты, почищены, сковорода разогрета. Загрузив все ингредиенты в неё, я убавил огонь, залил немного воды, насыпал специй и накрыл будущее рагу крышкой.

Ничего сложного. Мама работала на гидропонной ферме и часто приносила домой свежие овощи. Я знал этот рецепт наизусть с самого детства. Что могло пойти не так?

Всё.

Разгуливая по столовой и погрузившись в записи и мысли о побеге, я напрочь забыл о готовке. Рагу подгорело. Из-за дыма включилась сигнализация. Меня с ног до головы окатило водой. На звук прибежала взволнованная Катлея.

Как же она смеялась! Долго. Громко. И очень заразительно. В конце концов, мы оба бегали под струями воды как под звёздным дождём, роняя стулья и безумно вопя. Разве такое поведение достойно кадета лётного училища? Что сказал бы Генма?

Но после этого коллективного сумасшествия я ощутил лёгкость. Будто груз проблем и ответственности подающего надежды отличника лётной подготовки вдруг рухнул с моих плеч. Будто я снова стал счастливым маленьким сыном добрых и работающих родителей, живущих в кондоминиуме средней руки и довольных своим положением. Будто всё снова было хорошо.

Оказалось, рагу ещё можно было спасти. Презрев опасность, Катлея попробовала его, и её глаза округлились от восторга. Мы переоделись, поделили уцелевшую часть блюда напополам и устроились в её комнате. Порции получились не очень большие, но что уж тут поделывать?

– Катлея.

– Чего?

– Зачем у тебя в комнате два стула?

– Ну, иногда мне хочется сидеть у левой половины стола, а иногда у правой. И чтобы постоянно не переставлять стул, я притащила ещё один.

Ожидал чего-то подобного, но не выдержал и прыснул.

– А если серьёзно, мне просто было одиноко, – девушка взглянула на меня с грустной улыбкой. – Я смотрела на этот несчастный стул и видела в нём себя. Потому и решила, что нужен второй. Так, сидя за столом, я могла представлять, что друг просто ненадолго вышел и скоро снова его займёт. И вот ты здесь!

Я почувствовал, что краснею. И что на неё нашло?

– Для друзей – Галли, – девушка тронула меня за плечо. – Забыл?

– А чем плохо твоё имя? Зачем придумывать прозвище?

– Оно девчачье, – Катлея недовольно насупилась. – Был раньше один род орхидей, в названии которого всего на одну букву «т» больше, чем в моём имени. Знаешь, что орхидея обозначает на языке цветов?

Откуда мне знать? Пилотов такому не учат.

– Любовь, нежность и утончённость!

– Да, если судить по последним дням, это точно не про тебя, – хмыкнул я.

– Вот именно!

Странно. Думал, она разозлится.

– Но знаешь, твоё имя очень мелодичное. Мне нравится, как оно звучит. Так могли бы звать какую-нибудь принцессу-воительницу из фэнтезийного романа или аниме.

– Серьёзно? – изумилась девушка, снова широко распахнув глаза.

– Да. И ещё эта принцесса наверняка была бы из эльфов.

– Уговорил! Зови Катлеей.

До чего же эта девушка иногда напоминает маленькую девочку! Как бы она ни называлась, на принцессу точно тянуть не будет. Что за принцесса станет по космическому кораблю босиком разгуливать?

Мы вымыли посуду, я отнёс сковороду на кухню. А когда вернулся, она встретила меня в дверях своей комнаты, поднялась на носки босых ног и обхватила за шею.

– Спасибо тебе большое! Никто никогда не готовил еду только для меня.

Я снова почувствовал, что краснею.

После обеда мы устроили сончас. Спать, конечно же, никто из нас не лёг: я снова занялся своими записями и строил планы побега. Увлёкшись попытками выяснить в какой стороне находится ось станции, я не сразу услышал звуки фортепиано из-за стены. Конечно, пианино в её комнате наводило на мысль, что Катлея умеет играть, но я благополучно забыл о нём и не вспоминал, пока не услышал. Кроме того, даже если у человека есть инструмент, никто не заставляет его практиковаться каждый день.

Девушка играла очень хорошо. Я отвлекся от размышлений слишком поздно, чтобы как следует её послушать; никто не назвал бы меня любителем музыки, но даже моих скудных познаний хватило, чтобы восхититься её

игрой. Надо же... Смотрит аниме в оригинале, подкована в музыке, знает кое-что о медицине. Сколько же у неё увлечений?

Спустя минуту после того, как я прислушался, резко наступила тишина. Потом послышался шорох, глухие удары, невнятные восклицания, и, наконец, всё стихло. Чем она там занимается?

В дверь постучали.

– Открывай! Комендант пришёл!

Я вздохнул.

Девушка была взъерошена ещё больше обычного. В одной руке у неё был матрас, а в другой – огромная подушка и одеяло.

– Можно я у тебя сегодня с ночёвкой останусь? – поинтересовалась она с лучезарной улыбкой.

– А комендант не против? Я ведь парень.

– Я уже с ним договорилась, не волнуйся.

– Аниме? – усмехнулся я.

– Ага!

– Ну, заходи. Давай помогу.

Вместе мы втащили матрас на середину комнаты, подоткнули простыню и постелили сверху одеяло. С довольным видом увенчав всё это подушкой, любительница древней поп-культуры открыла голограмму своего скайлинка и принялась подключаться к пользовательскому узлу моей комнаты.

Глядя на одноместный матрас, единственные одеяло и подушку, я остолбенел. Что если она скажет своё «во-первых, ложись рядышком»? Кто знает, какие странные мысли у этого ребёнка с телом молодой женщины на уме, а уж я точно всю ночь спать не смогу!

Увидев, как я в спешном порядке спускаю матрас на пол и кладу неподалеку от первого, Катлея довольно ухмыльнулась.

– Мысли мои читаешь, сосед. Аниме нужно смотреть, лёжа на мягком!

И вот мы стянули толстовки, оставшись в футболках и шортах (я неловко отвернулся от бесстыдницы, ожидая худшего), согрели чай, залезли под одеяла и устроили марафон «Мастеров меча онлайн». Начиная с четвёртой серии, на которой я остановился. Развернули голограмму прямо поперёк комнаты, а звук вывели на динамики оповещения.

Девушка утверждала, что смотрит это аниме уже в пятый раз, но всё равно следила за каждым действием персонажей, не отрываясь и с очень одухотворённым лицом. Шмыгала носом во время душещипательных моментов смерти героев второго плана; негодовала из-за бесчестных поступков злодеев; умоляла шёпотом одуматься, когда протагонист на сюжетной развилке должен был свернуть не туда. В конце концов, я заразился её настроением, не отрываясь наблюдая за событиями, вынуждающими простых школьников, работяг или геймеров сражаться за жизнь в выдуманном и очень опасном мире. Сюжет местами казался избитым, местами глупым, герои – излишне пафосными, но для меня это было частью шарма таких вот простых и незамысловатых романтических историй.

Несколько раз мы подогревали чайник. Ходили за вкусностями в соседнюю комнату или отлучались в уборную. А под конец вечера, уже много позже отбоя, я взглянул на Катлею и обнаружил её сладко спящей. Свернулась калачиком, сунув под подушку обе руки. Лицом ко мне. Такая тихая и умиротворённая, словно ангелочек. Не то что днём!

Я выключил свет, убрал с матраса её любимую кружку, смахнул фантики от конфет и крошки печенья. Осторожно укрыл её одеялом. Под конец серии, которую я досматривал на минимальной громкости, она уже всю сопела, вытянув ноги. И тихонько чему-то улыбалась.

* * *

Утром её уже не было. Ни её, ни постели, ни мусора на полу. И как ей удалось незаметно вытащить свой тяжеленный матрас из моей комнаты?

Я быстро оделся, привёл в опрятный вид свою кровать, сходил до умывальников и принялся делать зарядку. Не успел дойти даже до поясницы, как в дверь постучали. И чего ей опять надобно? Игровые автоматы? Догонялки? Гляделки? Аниме?

За дверью стояла незнакомая девушка. В чёрном спортивном топе под горло и чёрных же шортах до колен с ярко-красными полосками по бокам, обтягивающих округлые бёдра. Волосы цвета глубокого космоса были зачёсаны назад, поверх них на лоб незнакомка повязала красную бандану. На шее у неё висело белоснежное полотенце. Жилистая. Подтянутая. Талия, конечно, не осиная, но изящная. Глядя на это всё, я просто остолбенел.

– Утречка, – улыбнулась она и протянула мне свёрток одежды. – Физподготовка через пятнадцать минут.

Но я продолжал молча смотреть в ответ. Босые ступни. Дружелюбная улыбка. Маленький носик. Огромные глаза. Мышцы как тугие канаты! Как такое может быть? Разве Катлея не затворница с дисциплиной кошки и разумом маленькой девочки?

Дружелюбная улыбка медленно сползла с её лица. В глазах появились настороженность и забота. Веки дрогнули. Потом она глянула вниз, на свой наряд. Снова на меня. Щеки порозовели.

– Не пялься!

Свёрток полетел мне в лицо.

Через десять минут я переоделся, как штык стоял возле её двери и стучал кулаком по гулкому металлу.

– Выходи, иначе в спортзал не успеем добежать!

– Ты опять глазеешь будешь! – донеслось из-за двери. – У тебя взгляд был как у... Как... у хищника.

– Да я просто не ожидал от тебя такого! Ходила передо мной в бесформенных балахонах, дурачилась, а тут на тебе: «Физподготовка через пятнадцать минут!»

Дверь открылась, и Катлея уставилась своими широко распахнутыми глазами прямо в мои.

– Ну и как тебе, а? – требовательно спросила она, подступая ближе. – Ну, то, на что ты там пялился. Как тебе?

Я отпрянул, изумлённо подняв брови.

– Ты в хорошей форме.

Несколько мгновений это невозможное существо пыталось сдерживаться, а потом прыснуло и громко рассмеялось.

– Я тебе, значит, тут решила фансервис устроить, а ты!.. – она состроила постную мину и передразнила: – «В хорошей форме».

– А разве большая часть откровенных сцен не должна содержаться серии в шестой? Ну, пляж, купальники, игра с мячом, прогулки по безлюдным местам...

– Уж прости, выходные у меня закончились. Теперь у тебя семь дней подряд по утрам будет фансервис, – девушка заперла дверь и дёрнула меня за запястье. – Идём уже, иначе завтракать будем в обед.

В спортзале было куда меньше пыли, чем во всём остальном комплексе. Видно было, что его регулярно посещают. Катлея привела меня к раздевалкам, достав по пути из обувного шкафчика новенькие кроссовки, потом помогла выбрать обувь и мне.

Начали мы с разминки и растяжки, поработали над каждой связкой. Девушка пояснила, что после длительного перерыва лучше всего разминаться аккуратно, но подробно. Затем была пробежка на стадионе. Не слишком быстрая и не очень долгая. В кадетском корпусе спортивная программа была весьма обширная, так что выносливость у меня до сих пор на высоте. После пробежки, мы переместились в соседний зал. Я принялся работать на тренажёрах и снарядах. Сперва Катлея суетилась вокруг меня, показывала, как правильно обращаться с каждым из них. Вскоре до неё дошло, что я не новичок, и она ушла заниматься гимнастикой в другой конец спортзала. Насколько я мог видеть, растяжка у неё очень хорошая. Она гибко, ловко и грациозно выполняла все стойки и упражнения. Невольно залюбуешься.

Тренеры и врачи следили за состоянием каждого кадета, составляя для нас персональные программы тренировок, чтобы мы были крепкими, широкоплечими, осанистыми, но не слишком тяжёлыми. За диетой, разумеется, тоже строго следили, но здесь это было невозможно: на одних фруктах, овощах, бобовых и тофу далеко не уедешь. Потому я повторял упражнения комплекса, который давно знал наизусть, просто чтобы не потерять форму. Катлея в перерывах между упражнениями наблюдала за моими движениями и уважительно кивала.

Закончив, мы немного отдохнули и вернулись на стадион. Моя спутница глянула на часы и объявила пятнадцатиминутный кросс. Я взял привычный, довольно быстрый темп, но она не отстала. Казалось, даже сдерживается. Впрочем, если вспомнить её беготню по отсекам, удивляться нечему. Вот откуда в маленьком тельце девушки столько энергии.

– Ты меня удивила, – улыбнулся я.

– А что, ты думал, я просто затворница, которая сидит взаперти, гоняет чай и смотрит аниме сезон за сезоном? – Катля коротко рассмеялась. – Только три дня из десяти, а не всегда.

– Зачем же тебе этим заниматься?

– Затем, – девушка снова развела руки в стороны и лучезарно улыбнулась.

– Странная ты, – изумился я. – Мне нужно быть здоровым и крепким, чтобы выдержать перегрузки. Если бы тут были центрифуги, я бы ещё и в них повертелся. Стану пилотом, чтобы приносить пользу обществу. А ты живёшь здесь совсем одна. Общество о тебе не подозревает. Ты свободна! Так зачем поддерживать своё тело в такой форме, если это не нужно?

– Я странная, а ты – несчастный, – грустно улыбнувшись, ответила на это Катля. – Если решил стать летчиком только чтобы приносить пользу, значит, не ты этого хотел, а другие. Будешь трудиться до седьмого пота, не получая удовлетворения, и в конце концов просто угаснешь, как спичка, а на твоё место придёт другой ты. Я понимаю: обществу нужны лётчики. Нужны лаборанты, агрономы, прачки, механики и учителя. Особенно здесь, в космосе, где каждые руки на счету. Но это не повод приносить жизнь в жертву своей профессии. Нужно оставить немного времени и для себя. Для близких. И главное: постараться приносить пользу, получая удовлетворение.

Её слова заставляли задуматься. Я ведь решил стать пилотом не просто так. Меня вдохновляли фильмы про отважных покорителей глубокого космоса. Про защитников станции и яростные сражения с пиратами за пояс Кларка. А ещё меня вдохновляла реальная история Генмы – самого молодого в истории командира боевой эскадрильи. Ему было всего восемнадцать лет, когда он возглавил прожжённых «Железных волков» и в серии битв вытеснил с геостационарной орбиты злейший пиратский клан.

Но поводом, тем самым щелчком пальцев, разделившим жизнь на мечты о знаке отличия и стремление к званию пилота, стала смерть отца. Его задело космической пылинкой, когда он вместе со своей бригадой латал пробоину в реакторном отсеке. Остались только сапоги да рукавицы. Он был инженером-ремонтником. Важнее этого человека в космосе только старший по реактору. И когда отец умер, я решил пойти в кадетский корпус, чтобы матери дали льготы. Чтобы в старости у неё были деньги на сухой паек. Так что же в этом решении от меня, а что – от общества?

– Ты чего такой грустный? – с заботой в голосе спросила Катля.

Я улыбнулся, отгоняя тяжёлые мысли.

– Не обращай внимания. На чём мы остановились? Точно. Ты живёшь здесь совсем одна. Питаешься фруктами, которых вырастает великое множество, овощами, которых так же в достатке, и иногда тофу. Занимаешься спортом. Читаешь умные книжки. Играешь в игры и смотришь аниме. Так скажи, что в этом списке лишнего?

– Всё, кроме аниме! – рассмеялась девушка.

– Именно. Ты могла бы есть всё, что нравится. Не спать после отбоя, а днём валяться в постели. Часами танцевать со старомодным мачо. Но вместо этого ты отрастила кубики пресса на заднице!..

– Чего? – девушка залилась ещё громче.

– ...Играешь на пианино...

– Слышал, значит?

– И смотришь свои аниме в оригинале на полумёртвом языке! Сколько языков знаешь? Признавайся!

– Ну-у... – отшельница-полиглот начала загибать пальцы. – Всеобщий. Английский. Японский. Русский. Немного французского. Пара слов по-немецки. И ещё кэлькайнвортойн эн эсперанто.

– Кошмар! – воскликнул я. – Ужас! Тебе шестнадцать, ты живёшь одна в целом учебном комплексе и при этом можешь подрабатывать синхронным переводчиком в клубе любителей фильмов планетарной эпохи! Зачем? Зачем ты всё это в себя затолкала?

Катлея притормозила. Я удивлённо обернулся, переводя дыхание.

– Зачем, спрашиваешь? – она потупилась, как провинившаяся непоседа, укрывшая конфету. Грустно улыбнулась и уселась прямо на грубое и жёсткое покрытие стадиона, скрестив тонкие лодыжки. – Затем. Я здесь живу семь лет. В огромной одиночной камере. Сколько по уставу станции заключенные могут содержаться в строгой изоляции?

– Два декады.

– Верно, – её голос сделался тихим и ломким. – Конечно, карцер у меня побольше, чем в тюрьме; есть, чем заняться, есть даже связь с внешним миром, пусть и односторонняя... Но даже две декады полного одиночества – пытка. А мне было девять лет.

Голос дрожал, но Катлея продолжала улыбаться, изучая свои маленькие ладошки.

– Я читала книги. Училась. Занималась спортом. Играла в автоматы и на пианино. Смотрела кино и аниме. Затем, Марк. Чтобы не тронуться головой. Чтобы не вспомнить ненароком, что я просто маленькая девочка. Маленькая и одинокая. *Одинокая. Лбунли. Сабшийдэс. Дезёрте. Айнзам. Солёса.*

Из её глаза выкатилась крупная слезинка, пробежала по щеке и свесилась с подбородка.

Вот уж не думал, что это шумное босоногое существо, вечно полное веселья и сладостей, может вот так плакать сквозь улыбку и дрожать всем телом, сидя на жёстком шершавом полу. Что же делать? Что мне ей сказать? Я ведь просто кадет, все силы без остатка вкладывавший в учебу и тренировки.

Сам не зная, что делаю, уселся напротив, коснувшись своими коленями её коленок. Положил руки на вздрагивающие плечи. Глянул в огромные глаза, прикованные к пустоте.

– Да, ты маленькая. Роста в тебе – метр со шлемом... – я вздохнул, вспоминая все душещипательные моменты просмотренных фильмов. – Но ты вовсе не девочка. У тебя взрослое, сильное сердце.

– Ты что, цитируешь Станислава из «Звёздных странников»? – не поднимая глаз, всхлипнула Катлея.

– Ну, да, наверное, – я замялся. – Не подумай, знать пять с лишним языков в шестнадцать лет вовсе не плохо. Это попросту невообразимо. Ты единственная в своем роде.

– А это из «До Каллисто и назад», – девушка шмыгнула носом и улыбнулась чуть шире.

– Помолчи, я тут с мыслями собираюсь.

– Прости.

Я прочистил горло.

– Да и вообще, раз уж у нас тут фансервис, можно, наверное, поиграть в спортивные игры. Теннис. Футбол. Волейбол. Баскетбол. Фрисби. Догонялки, наконец! Теперь у тебя есть я, и ты можешь попробовать что-нибудь новое.

Глаза Катлеи распахнулись шире. Она ответила на мой взгляд, подняв брови.

– А ведь ты прав. Решено! Вызываю тебя на дуэль! Выбери мяч.

* * *

Я выбрал баскетбол. И вовсе не из-за своего преимущества в росте. Просто это была одна из моих любимых спортивных игр. Разумеется, девушка отлично бросала мяч в корзину, но раньше всегда играла без соперника, так что я победил два раза подряд с разгромным счётом. Под конец Катлея начала оказывать мне ощутимое сопротивление и как следует испортила несколько хороших бросков. Скоро она составит мне конкуренцию у кольца – и вот тогда я взвою!

После мы вымылись, переоделись в чистое и пошли готовить завтрак. На часах было девять от начала дня. Мы поджарили на сковороде кусочки сыра тофу, перемешав с приправами и тушёными томатами. Блюдо вышло весьма странным, но очень вкусным и сытным.

Я решил пока не расспрашивать о побеге. После того разговора на стадионе, Катлея прямо лучилась весельем, портить ей настроение снова не хотелось. Не знаю, как она оказалась здесь, почему до сих пор не вернулась на станцию – не смогла, или не захотела – но эта тема для неё очень болезненна. Я глядел в её огромные смеющиеся глаза и задавался вопросом: какой она была до того, как мы встретились? Так же вприпрыжку носилась по коридорам? Так же напевала себе под нос что-то неразборчивое? Или, быть может, она была лишь тенью себя нынешней, с фарфоровой маской вместо лица и потухшими глазами? Об этом известно только ей самой.

После завтрака девушка объявила учебное время, вывалив на пол в своей комнате гору старых книг. Уселась на коврик перед кроватью и принялась их перебирать, раскладывая в стопки. «Война и мир» в оригинале. Учебник математического анализа на русском. «Старик и море». Краткая история планетарной эпохи местного издания. «Властелин колец». Справочник лекарственных растений. Что-то на японском. Шекспир. Сборник этюдов Шопена. У меня волосы дыбом встали от этого набора!

Затем она развернула голограмму с планом на декаду. Волосы встали дыбом снова. Как она всё это успевает? Каждый день не меньше двух часов посвящено математике, физике или астрономии, не меньше трёх – музыке, и не меньше четырёх – чтению и практике языков. Когда эта пытка кончается, дым должен идти из ушей, но потом наступает время «внеклассного» чтения и длится до самого ужина. Правда, немного подумав, Катлея убрала эту строчку из расписания, и размашисто написала на её месте: «Общение!»

– Мы должны проводить время вместе хоть иногда, чтобы не заскучать до следующих выходных, – пояснила она. – Ну, и ещё нужно добить «Мастеров меча онлайн»!

Я решил не сидеть без дела, потому спросил, нет ли в стенах этого комплекса какого-нибудь руководства по взлому электронных замков. Невинное дитя глянуло на меня ангельскими глазами и отправило на мой скайлинк целых шесть книг, описывающих их устройство и прошивку. Говорила, что сама пыталась в них разобраться, но потом нашла в больнице универсальный ключ, и всё благополучно забросила.

И я начал штурм, подхватив знамя из её рук. Кое-какие знания о программировании электронных компонентов у меня уже были – взял предмет факультативом в прошлом цикле. Вот только книги Катлеи были написаны весьма путанным и сложным языком, и каждая начиналась фразой: «Как вы уже, вероятно, знаете...». А дальше находилось нечто совершенно заумное. Чтобы восполнить пробелы в знаниях, я провёл в электронной библиотеке комплекса едва ли меньше времени, чем моя соседка за пианино, а остальное посвятил написанию программного кода и практике взлома.

Если не справлюсь с этим, то что говорить о побеге?

* * *

Час шёл за часом. День за днём. Каждое утро она приветствовала меня фразой: «Фансервис через пятнадцать минут!» И лучезарной улыбкой. Мы шли в спортзал, выматывались до седьмого пота, а потом вместе готовили завтрак. На третий день девушке удалось обыграть меня в баскетбол, и после этого она начала регулярно одерживать верх. В качестве награды за первую победу я погладил её по растрёпанным волосам («Хи-и-и!...»).

Проведя несколько безмолвных часов каждый за своим занятием, мы обедали. Готовили по очереди, стараясь удивить друг друга. Я снова ухитрился «немного передержать» тушёные овощи, после чего за мной закрепилась кличка «Угнетатель Еды». Катлея утверждала, что слово «еды» – это такая редкая фамилия.

Я по-прежнему проводил очень много времени за изучением технических документаций. Пошарив в подсобке общежития, даже нашёл несколько сломанных модулей от замков, изучил их вдоль и поперёк. Иногда желая развеяться после усердной умственной работы, девушка приходила ко мне в комнату, в столовую или подсобку и наблюдала за моими упражнениями. Удивлялась сосредоточенности и предлагала заняться чем-нибудь другим, ведь, по её словам, если часто менять род

деятельности, то не успеешь устать. Но я был целеустремлён и непоколебим. Всегда работал пока не получал какой-нибудь заметный результат. Усталость наваливалась только в конце занятий, когда мы оба могли расслабиться и поболтать.

После каждого ужина Катлея оказывалась у моей двери с матрасом и подушкой, мы грели чай и разворачивали огромный экран нашего маленького кинотеатра. В конце концов, она вообще заявила, что будет теперь спать в моей комнате и отказалась двигать матрас с места. Я пожал плечами: если не смущается меня, пусть себе спит.

Ближе к концу семидневного учебного периода при помощи скайлинка я успешно взломал замок бесхозной комнаты. Программа, рождённая мной в муках изучения всех доступных материалов по теме, сработала быстро. Я чувствовал себя великим и неуловимым хакером, которому нипочём любые фаерволы. Быстренько собрал простую графическую оболочку для приложения и настроил запуск управляющим жестом. А потом на глазах Катлеи разгуливал по общежитию и вскрывал все двери на своём пути небрежным движением руки, достойным самого Оби-Вана Кеноби.

– Кру-у-уто-о... – в конце концов протянула она. – А мне так можно? Сделай мне! Сделай!

Ну как тут было отказать? Довольная соседка тоже вскрыла пару замков, потом с новыми силами вернулась к своим книгам. А я пошёл один разгуливать по комплексу, чтобы как следует наградить себя за труды. А заодно и поискать выход.

Первым делом я направился в жилой отсек учителей и персонала. Разумеется, в мои планы входило найти и обчистить комнату директора, но всё было не так просто. Оказалось, что программа не может справиться с замками ни на двери его жилища, ни на двери кабинета в школе. Похоже на ещё одну странную меру предосторожности вроде усиленной охраны инженерного отсека. Его, кстати, вскрыть тоже не удалось. Здесь нужно было что-то похитрее.

Обшарив в качестве компенсации парочку запылившихся и неубранных комнат учителей и инженеров, я стал обладателем нескольких маленьких фарфоровых статуэток манеки-неко, блестящей заколки для волос и широкого металлического браслета с простым, но красивым геометрическим орнаментом. Кое-кто будет очень рад этим вещам. Даже если они – просто краденые безделушки давно ушедших незнакомых людей.

А ещё мне открылась дверь в зону практических занятий. С медицинским допуском через главный вход было не пройти, но очень хотелось побольше разузнать про открытый полигон. И вот теперь у меня появился шанс.

* * *

Этот отсек, казалось, был покинут куда раньше всех остальных. Воздух застаивался, слипаясь в комнатах вязкими клейкими комьями, проникал в лёгкие, но не приносил свежести. Голова очень скоро набрякла. Но эти трудности были мне вовсе не заметны.

Я искал шлюз. Выход на внешнюю палубу комплекса. Карта у стола администратора подсказывала, что лифт, ведущий к нему, в самом дальнем конце отсека.

Проходил мимо дверей классов, мимо гравированных металлических табличек, поросших пылью и известковым осадком от увлажнителей воздуха будто инеем. Взметал позади себя позёмку из невесомых ворсистых катышков, она опадала и отмечала мой путь в полутьме коридора.

«Электроника»... «Стендовый моделизм»... «Литература»... «Театральная постановка»... Поворот... «Фотография и видеосъемка»... «Домоводство»...

Я замер. Холодно.

Дверь в этот класс была покрыта хлопьями снега.

Мне не хотелось подходить к ней, но ноги сами понесли. Не желал заглядывать, но рука сама потянулась и стёрла иней со стекла иллюминатора. Я знал, что там увижу.

Некоторые лампы уцелели. В их тусклом свете можно было различить непоколебимые ряды кухонных столов. На ближайших сохранились заготовки какой-то стряпни в стеклянных мисках, недорезанные овощи на досках. Одна из печей была приоткрыта. Когда по ушам хлестнул вакуумный удар, дети как ни в чём не бывало готовили какое-то блюдо.

А потом их настигла тишина. Смертный холод. Они остались там, все до единого. Лежали на полу, покрытые мельчайшими кристалликами льда. Нетронутые. Будто спящие. Прямо рядом с гермостворкой лежало окоченевшее тело маленькой девочки.

Из пробоины в потолке рвался в полумрак тонкий и яркий огненный луч, чертя концом по стене.

Жители станции не верили в земного бога. Они полагались только на свою собственную несгибаемую волю. Отпугнули мёртвую тишину и смертный холод, отгородились бронированными стенами отсеков. Потому что по-другому было нельзя. Тщась утолить свою неугасимую жажду, мы убили нашу древнюю всепрощающую защитницу, и тлен от её разлагающегося тела начал медленно пожирать нас. Роняя в ржавую едкую пыль кровавые слёзы, мы проложили дорогу к звёздам.

Космос вечен. Против него прочнейшая броня станции не толще фольги. А человеческая жизнь перед холодной безразличной бесконечностью – как мимолётная тусклая искра.

– Не уходи безропотно во тьму. Будь яростней пред ночью всех ночей... – выдохнул я, и слова инеем осели на стекле.

Мы не отправляем молитвы за упокой, как наши далёкие предки. Но в уплату дани традициям мы хороним павших в сражении с космосом с почестями. И читаем над их телами стихи, написанные давным-давно Диланом Томасом, английским поэтом планетарной эпохи. Как мрачное и пронзительное напутствие от ушедших оставшимся.

* * *

– Ну как, нашёл что-нибудь? – улыбнулась Катля, высовывая нос из-за Шекспира.

– Ничего особенного. Пробился в отсек практических занятий. Бывала там?

– Несколько раз, – её плечи дрогнули как от озноба. – Есть обходной путь по служебному тоннелю через жилой отсек персонала. Видно, детей туда пускать перестали, но взрослые ходили за какими-то учебными материалами. Жутко там. Зябко.

Девушка сгорбилась и подтянула колени к груди.

– Видел их?

– Ага.

– Бедные, бедные дети... Я, когда в первый раз туда заглянула, несколько дней не могла спать. Думала, вот сейчас в стену ударит пылинка. Раз – и всё.

Я присел рядом. Стиснул её плечо.

– Мы все этого боимся. Просто иногда забываем. Не уходи безропотно во тьму...

– ...Будь яростней пред ночью всех ночей, – подхватила Катля. И благодарно улыбнулась.

Я улыбнулся в ответ.

– Закрой глаза и вытяни руку вперёд.

– Чего? – она негромко хмыкнула.

– Ничего. Руку – вытяни. Глаза – закрой.

– Что-то странное задумал?

Я защёлкнул на её запястье замочек браслета.

Катля сразу же уставилась на него.

– Ого, какой блестящий! – заголосила, любуясь игрой света на гравировке орнамента. – Мне ещё такие не попадались! Спасибо.

Руки девушки на мгновение обвили мою шею, а потом она снова принялась изучать браслет.

Вот дурень! Мог бы и догадаться, что эта непоседа уже везде всё обшарила. Тоже мне...

– Чего это ты вдруг?

– Ну, это меньше, чем я могу отплатить за доброту. Если бы не ты, я бы, наверное, уже свихнулся или повесился где-нибудь в верёвочном парке. Так что... Спасибо.

– Хи-и-и... – её щёки порозовели.

– Я вот тут ещё котиков нашел и заколку... – я замялся. – Но у тебя, наверное, уже такие есть.

– Дай посмотреть! Ох, миленькие!..

Вскочив с коврика, Катля пересекла комнату и направилась к подвесным полкам с фигурками и старыми книгами. Встала на носочки босых ступней и потянулась вверх. Несколько раз подпрыгнула.

Ну видно же, что не достанешь. Дурында. Сейчас всё рухнет прямо тебе на голову.

Я подошёл к ней, присел, крепко стиснул её талию между предплечьями и грудной клеткой, а потом легко поднял тоненько пискнувшую девушку под потолок. Она смущённо похихикала, пошуршала чем-то на полках, потом скомандовала:

– Вниз!

А оказавшись на земле, протянула мне бронзовую фигурку, изображающую ботинок космического скафандра.

– За добросовестное исполнение обязанностей правой руки коменданта кадет Маркус Вольфганг Фробишер награждается этим символом... Символом чего? Подожди. Сейчас-сейчас... А, не важно! Считай, что это твой личный знак моего особого к тебе расположения!

– Этот ботинок? – я поднял брови.

– Ага.

– Блестяще.

Мы рассмеялись.

– Во! Придумала. Я, Катля, вручаю этот Ботинок покорителя лунных равнин Маркусу Вольфгангу Фробишеру – первому человеку, оставившему след в моей душе.

Я изумлённо замер, уставившись на подарок в её ладошках. Чувствовал, как краска понемногу начинает жечь мои щёки, а сердце сдавливает железной пятернёй. Эта фраза была достойна по меньшей мере лёгкой и немного грустной мелодрамы, выжимающей своей неизменно счастливой концовкой из девушек нашего возраста ручьи слёз. Слышать её вживую, да ещё от сумасбродной и непоседливой Катлеи было очень непривычно и неожиданно. И что на неё вдруг нашло? Может, в книжках своих вычитала?

– Вручаю в обмен на миленьких манеки-неко, разумеется, – ухмыльнувшись, уточнила она.

Я вздохнул.

– Ладно! Давай сюда свой Ботинок.

– Не мой, а покорителя лунных...

– Да-да-да.

Отвернулся и вышел прочь из её комнаты. Чтобы не увидела, как дрожат мои вспотевшие ладони.

Что же со мной происходит?..

* * *

А потом начались выходные. Первые выходные, которые мы от начала и до конца провели вместе в этом брошенном и забытом приюте.

Катля снова стала прежней собой – босоногой затворницей с растрёпанными волосами, обожающей аниме и бесформенные толстовки. Вернее, стала той собой, которой я её нашёл. Мы целыми днями шатались по зоне отдыха, ели мятные леденцы, играли в автоматы и смотрели кино одни в огромном зале.

За последние семь дней мы досмотрели первую арку «Мастеров меча онлайн» и остановились в паре серий от середины второй. Сезон кончился

в первый же выходной, и мы сразу взялись за следующий. Он мне, откровенно говоря, понравился куда меньше первого. Вместо мучительного и яростного сражения за жизнь режиссер и сценарист предлагали претензию на детектив. Романтике и по-хорошему пафосным моментам отвели от силы полчаса из двадцати с лишним серий по двадцать минут каждая.

Чтобы как-то отвлечь меня от этого, Катлея предложила довольно забавное и интересное научно-фантастическое аниме под названием «Ковбой Бибоп». Охотники за головами на звездолётах гонятся за преступниками по всей солнечной системе, тем самым зарабатывая себе на жизнь. Старушка Земля давно оставлена. Учёные в колониях на Марсе ставят безумные эксперименты. Через Главный пояс космические фуры возят грузы между Венерой и спутниками Юпитера и Сатурна. На Каллисто стоит город с полностью мужским населением. На Ганимеди ловят рыбу! На Плутоне – исправительная колония! И все это в две тысячи семьдесят первом году по планетарному календарю!

Вот бы нам такой технологический прорыв... Не смотря на бегство с поверхности, мы всё ещё не накопили достаточно ресурсов даже для колонизации Марса. Пьём земную воду, дышим очищенным земным воздухом, а станцию достраиваем, поднимая с поверхности металлолом и цепляя с орбиты захоронения отслужившие спутники. Грызёмся в стычках с пиратами за относительно безопасный пояс Кларка, но всё равно регулярно страдаем от пробоев. А между тем, станция завершает свой сто шестьдесят седьмой цикл с того дня, как её металлический скелет по частям подняли с Земли и сварили уже на орбите.

Это было в далёком две тысячи сорок втором году, на закате планетарной эпохи. Мы бросили все силы на спасение человечества, но потерпели слишком много неудач.

Нас осталось слишком мало.

В общем, аниме мне понравилось. Оно было воплощённой на экране мечтой каждого, кто жил и умирал в космосе.

Ещё я в первый раз наблюдал, как Катлея играет в «Dance like no one sees!». Зрелище было то ещё – она с огромной скоростью перебирала босыми пятками, старательно выдерживая ритм, но при этом нисколько не заботилась о том, как это смотрится со стороны. Вот уж и вправду: танцуй, будто никто не видит. Но я не мог не отметить, что даже на самых сложных и скоростных участках девушка ни разу не схватилась за поручень. Никто из моих знакомых не мог похвастаться счётом выше, чем у неё.

Мне самому всегда больше нравились файтинги и лёгкие симуляторы. Я выиграл в стеклянном коробе «Street Fighter AR» несколько стычек с голографическими Гайлом и Рю, надев специальный костюм, облегчающий тело и позволяющий чувствовать удары противника. Катлея следила за мной, прижав свой носик к стеклу и восхищённо сверкая глазами. Да, смотрите на меня, безумные фанаты, грейтесь в лучах моей славы! Завидуйте и преклоняйтесь! Я – мастер единоборств, неоспоримый король

уличной драки! Вне всяких сомнений человечество изобрело «проекторы плотного света» и покорило гравитоны только ради видеоигр. Вот бы ещё без костюма быть способным на такие прыжки.

Спали мы по-прежнему в моей комнате. В метре друг от друга, разделённые полосой холодного пола. Я мог, свесившись с края своего матраса, дотянуться до её плеча. А она в ответ на неуклюжие шутки пихала меня пяткой и тихонько смеялась, уткнувшись в подушку. Катля часто шептала мне в темноте. О понравившихся героях книг и девчачьей манги, которой она несмотря ни на что зачитывалась в свободное время. О том, что яблоки, которые я для неё почистил, были очень вкусными. О том, как сердце выпрыгивало из груди, когда она впервые одержала победу надо мной у кольца. О том, какой я дурень, раз забыл захватить из гидропонного отсека немного редисок на завтрашний салат. Но никогда – о своём прошлом. И никогда – о нашем будущем.

И каждый раз Катля засыпала раньше меня. Я мог видеть её умиротворенное как у ангелочка личико в свете от голограммы скайлинка. Всегда обращённое ко мне. Какие она видит сны? Что заставляет её так улыбаться? Почему делится со мной всеми своими чувствами, если знает: рано или поздно мне придётся уйти?

И почему каждый раз, закрывая глаза, я продолжаю видеть её лицо?

* * *

– О чём задумался?

Я вздрогнул и взглянул на Катлю в фартуке и огромных рукавицах, несущую к столу завёрнутый в полотенце штрудель. Мы успели приготовить множество разных блюд из нашего ограниченного набора продуктов, но это было просто вершиной. Она безоговорочно победила в соревновании по готовке. Запах яблок с корицей стоял просто сногшибательный.

Вторая декада со дня нашего знакомства подходила к концу.

– Мне так и не удалось попасть в ту комнату.

– В какую?

– Ну, для практических занятий. Где скафандры и шлюз к внешней палубе.

Катля глянула на меня потухшими глазами.

– Это особо охраняемая зона. Туда не пройти без допуска инструктора, а его карточка, наверное, в кабинете директора.

Вот так новости.

– Тогда как ты собиралась меня выгуливать за хорошее поведение?

– Ну, я соврала. У меня самой ни разу не получилось туда попасть, – девушка опустил голову, уткнулась взглядом в пол. – Прости.

– Это всего лишь означает, что мне нужно придумать программу похитрее, – я улыбнулся, тронув её за предплечье. – Не бери в голову.

Улыбнувшись, Катля принялась резать пирог. Я сбегал в кухню и через несколько минут вернулся к столику в столовой с полным чайником свежего чая. Мы принялись за еду.

Словами невозможно описать, как это было вкусно. Пять слоев джема из тёртых яблок с корицей перемешались тончайшим мягким тестом. Даже не смотря на полное отсутствие животных продуктов, оно получилось достойным какого-нибудь ресторана в дорогом кондоминиуме. Не скажу, что хоть раз там бывал, но на похвалу всё же не поспешил.

– Хи-и-и... – зарделась девушка. – Это тебе мой подарок. Я очень-очень тебя ценю!

– Я тебя – тоже. Можно просьбу?

– М?

– Пожалуйста, больше не лги мне, Катлея. Ладно? – я взглянул в её огромные глаза и положил сжатый кулак на грудь. – Обещаю, что всегда буду честен с тобой и расскажу о себе всё, что спросишь. Слово кадета.

Её улыбка угасла. Во взгляде распахнутых грустно-удивлённых глаз сквозило отчаяние. Эта непоседливая девочка-ракета, обычно занимающая собой чуть больше, чем может вместить любая комната, вдруг сделалась маленькой. Будто загнанной в угол. Я уже пожалел, что попросил, и хотел было обратить всё в шутку, но она тихим, почти неслышным голосом ответила:

– Хорошо. Но прежде чем я принесу тебе клятву, ты должен кое-о-чём узнать.

Короткий жест маленькой ладошкой. Мой скайлинк зажгёт иконку входящего сообщения.

«Срочные новости! Отличник лётной подготовки, кадет Фробишер пропал без вести! Куда с космической станции исчезают дети?»

«Пропавший кадет Фробишер до сих пор не найден! Мать безутешна. Подозреваемыми по делу о похищении проходят два студента лётного училища».

«Делу о похищении Фробишера дали ход! Подозреваемые так и не признали свою вину».

«Неоперившийся птенец: откровение матери погибшего кадета. "Он так хотел летать!.."»

Будто ведро ледяной воды обрушилось на плечи. Сердце сдавило раскалёнными клещами. Горло проржавело.

Мать погибшего кадета безутешна. Я – погибший!

В глазах Катлеи застыли слёзы.

– Ты знала обо мне, верно? Знала, кто я. Первая статья вышла на пятый день после моей пропажи. Кадетов ведь готовят не только в лётчики. Думал, ты просто угадала про училище.

– Знала, – всхлипнула она, не отводя глаз.

Во мне будто внутри перегревшегося парового котла закипал гнев.

– Скажи мне, отсюда есть выход?

Девушка тряхнула головой, глотая слёзы.

– В инженерном отсеке. Сброс отходов в перерабатывающую систему станции. Служебный вход в приют для персонала. Запись учителя Анны Михеевны Пасечко номер тридцать два. Там всё написано.

– И ты молчала, зная обо всём?

Её плечи задрожали.

– Что ты хотела делать со мной? Как представляла себе будущее? Мы что, должны были до старости нарезать круги по стадиону, готовить бесчисленное множество блюд из овощей и смотреть аниме по вечерам?

– Я не знаю! – в отчаянии воскликнула Катля, обхватив себя руками.
– Может быть... мне бы этого хотелось.

Уплотнительный болт паропровода сорвало с резьбы.

– Моя мать думает, что я умер! Все считают меня погибшим! А я здесь, трачу с тобой своё время!

Об пол грохнул стул. Катля съёжилась, обхватив голову руками. Это зрелище заставило меня опомниться. Наверное, я был страшен. Особенно в глазах маленькой и одинокой девочки.

– Я нужен ей, понимаешь? Кроме меня у неё никого не осталось. Заболеет – будет лежать дома одна. Постареет – нечего будет есть.

– Но ведь я здесь тоже совсем одна! – взмолилась девушка, снова взглянув мне в глаза. – Я одна целых семь лет! Мучилась от болезней совсем одна! Плакала от голода совсем одна! Тряслась от страха в уголке совсем одна! А потом пришёл ты, и нас стало двое! – она схватила меня за ворот и яростно затрясла. – Ты мне нужен! Ты должен остаться!

Прежде чем мысль успела за движениями тела, руки сами оттолкнули её прочь. Катля взглянула на меня глазами, полными кромешного, глухого отчаяния.

– Я должен выбраться отсюда. Идём со мной.

Но она будто не слышала. Её слёзы остановились, рыдания стихли. Словно кукла на ниточке, девушка распрямилась. Её взгляд был пустым и мутным, как запылившееся стекло иллюминатора.

– Игровой автомат номер двести тридцать два: «Карута ста поэтов». Сыграешь матч без единой отданной карты – получишь билет Леонова. С ним можно без инструктора. Удачи. И прощай.

* * *

Нет, она не исчезла без следа. Не лишила себя жизни. Просто перестала меня замечать. Перестала будить по утрам с лучезарной улыбкой. Перестала стучаться вечером, чтобы устроиться на ночлег рядом со мной. И это было худшим, что могло случиться.

Молча, как бестелесный фантом, Катля ходила по коридорам, следуя своему распорядку. Когда мы сталкивались у умывальников или в столовой она сторонилась, уступая мне дорогу. Никогда не старалась избегать, просто не обращала внимания. Несколько раз я пытался заговорить с ней, но ответом было молчание.

Что же я наделал?.. Правильно говорили в кадетском корпусе: «Горячая голова – враг навигатора». И пилота. И инженера. И всех твоих близких друзей. Я понимал, почему она хотела держать всё в тайне, почему грустила

каждый раз, когда речь заходила о побеге. Понимал самого себя, но простить не мог. Не понимал, почему Катля до сих пор не сбежала отсюда, если знала, как. И ещё: зачем же она рассказала мне о тех статьях? И обо всём остальном? Знала ведь, что я на неё разозлюсь. Хотя, скорее всего, поступив так, она была права: рано или поздно я бы узнал, а держать меня здесь насильно ей, наверное, казалось неправильным.

Я пытался читать, что журналисты писали обо мне, маме и тех двоих, что затолкали меня в этот комплекс. Не получалось. Уже на втором предложении тянуло бежать отсюда со всех ног, царапать ногтями дверь в инженерный отсек или на полигон практических занятий. Или на худой конец штурмовать автомат для игры в каруту.

Интересно, почему именно этот реликт планетарной эпохи сделали тем единственным, что позволял лучшему игроку выйти в открытый космос? Игра карточками с японскими стихотворениями была настолько древней, что на станции её истоков, наверное, уже никто и не вспомнит. По правилам противники садятся на татами друг напротив друга и раскладывают перед собой пятьдесят из ста стихотворений – по двадцать пять на стороне каждого. Автоматический чтец в случайном порядке и с равными интервалами читает все сто стихотворений. В режиме одиночной игры противником служит специальный андроид в голографической оболочке, изображающей миниатюрную красавицу в длиннополом кимоно. Играют только одной рукой: система строго следит за нарушениями и штрафует бесчестного. Взял стих со своей половины, игра продолжается после возвращения на места остальных карточек. Выбил с чужой – одну из своих отдаёшь взамен. Ошибся – получи от противника карту. Первую игру против девушки-андроида я именно так и проиграл – все стихи за исключением взятых машиной оказались на моём поле.

Задача усложнялась тем, что первую строфу читали на японском. И карточки, где вторая – тоже были написаны иероглифами. Даже учебная колода, где согласно инструкции для новичков, помечены первые слоги каждой поэмы, была практически бесполезна. А ещё нужно было запомнить раскладку на поле. А если противник по ходу игры что-нибудь передвигал, нужно было всё забыть и запомнить снова! А ведь чтобы получить заветный билет я не должен отдать противнику ни карты! Это значит, всегда первый без единой ошибки!

За простотой правил скрывалась невероятная сложность игры. От неё скрипели зубы и вскипали мозги. Сохранять предельную концентрацию в течение полутора часов пока идёт чтение, максимально быстро реагировать на звук отличительного слога и безошибочно выбивать, полагаясь на память, – настоящая пытка для рассудка. А от непривычной позы ныли стопы, колени и спина. Задача казалась невыполнимой.

Чтобы отдохнуть от заучивания стихов и карт (их запоминал как картинки), я совершенствовал свои программы. Пытался взломать двери в инженерный отсек. Нашёл кое-какие инструменты, забытые ремонтниками

в подсобках и каждый день резал, скрёб и ломал обшивку гермовторок. Старался добраться до управляющих контуров. Безрезультатно. Металл был настолько толстым и прочным, что не давался даже алмазной циркулярной пиле, а чего-то более мощного под рукой попросту не было.

Зато поддалась ремонту заклинившая дверь в обсерваторию. Огромное круглое помещение находилось в том же отсеке практических занятий, в самой его середине, и занимало собой большую часть пространства. Я надеялся рассмотреть получше окрестности приюта, наметить заранее, как идти по внешней палубе, когда добуду тот злополучный билет. Но прочный купол, окружённый по периметру гравитонными отбойниками для отражения космических пылинок, был направлен совсем в другую сторону. Если распахнуть защитный кожух, над головой ярко сияла безжизненными просторами пустынь и ржавыми океанами старушка Земля, окружённая бесконечным и безразличным ко всему звёздным простором.

Маленькая и одинокая.

* * *

Дни комкались в плотный вязкий студень. Я учил стихи, играл, снова учил, снова играл, а когда выбивался из сил – падал на брошенный тут же матрас, спал тяжёлым сном, оставляющим после себя усталость. И всё повторялось. Взломать автомат не вышло – он попросту был слишком древний. Будто какие-то сумасшедшие приверженцы традиций подняли его когда-то прямиком с поверхности старушки Земли.

Сердце захлёбывалось, пропускало удары. Тело сделалось тяжёлым и негнущимся, будто его накачали ртутью. Иногда я на мгновение терял равновесие на ровном месте, будто вестибулярный аппарат переставал отвечать на запросы. Глазомер тоже стал подводить: параллельные линии казались выгнутыми или перекошенными, прямые углы – неровными. Текст перестал отпечатываться в голове. Всё из-за этих стихов. Всё из-за них. Из-за каруты. Девушка-андроид в кимоно продолжала приветливо улыбаться и кланяться. Безумно хотелось её разбить. Разломать в мелкую ржавую труху.

Мне по-прежнему снилась Катлея. Каждый раз, как я отключался, видел её лицо, перекошенное и мокрое от слёз. Её глаза, полные холодного и безмолвного отчаяния. Будто сам космос смотрел на меня из их глубины. Так хотелось, чтобы она была рядом! Глядеть на неё, смеяться вместе с ней, готовить странные блюда... А потом в нашем маленьком клочке темноты, отнятом у Вселенной металлическими стенами медленно отходить ко сну под её негромкое сопение.

Я не встречал её уже декаду. Или две? Сбился со счёта. Чем она занимается? Хорошо ли ест? Вдоволь ли спит? Не болеет ли? Очень хотелось пойти в жилой отсек и увидеть её снова, но я знал: если передо мной вновь предстанет её бледная тень, станет только хуже. Я чувствовал, что истончаюсь. Тону в кипящем котле. Непокколебимая уверенность в собственных силах, привитая в кадетском корпусе, становилась всё эфемернее, уже готова была проломиться.

Семь лет! Она выдержала здесь семь лет совсем одна. Какой же я дурень! Бессердечный эгоистичный слабак!

Я вернулся в свою комнату. Когда вошёл – уже не мог вспомнить зачем. Память тоже понемногу отказывала. Здесь было пыльно. Пусто. Проведя рукой по полкам, невольно вспомнил, как мы вдвоём прибирались после отбоя в первые часы нашего знакомства. Как Катля суетилась вокруг меня, как это смущало. Снова вспомнил, хоть никогда и не забывал, такие близкие, но такие далёкие вечера, когда мы разворачивали здесь свой личный киноэкран. Как пили чай и негромко болтали в промежутках между сериями аниме, как молчали после самых пронзительных из них.

В этом молчании было нечто неопишваемое. Нечто значимое. Мы оба не могли этого осознать и выразить внятными словами, даже Катля с её познаниями в языках. Но оба понимали. И знали, что понимаем одинаково.

Рука наткнулась на холодную угловатую тяжесть. Фигурка. Взял её и повертел в руках. «Я, Катля, вручаю этот Ботинок покорителя лунных равнин Маркусу Вольфгангу Фробишеру – первому человеку, оставившему след в моей душе». Помню слово в слово. Каждое движение её ресниц в тот сокровенный момент. Как ужасно смутился из-за этих слов, но не понимал до конца почему.

Что-то горячее текло по губам и подбородку. Солёное и едкое. Кровь. Похоже, усталость окончательно добила меня. Тяжёлые красные капли барабанили по полу, чертили по толстовке багровые дорожки, щетинящиеся алой бахромой по краям.

Оказавшись в туалете, я принялся умываться. Снова и снова нырял в пригоршни ледяной воды, она окрашивалась алым и, журча, исчезала в сливе. Кровь не останавливалась.

Катля говорила, что ценит меня. Заботилась обо мне. Следила, чтобы я правильно питался, был всегда одет в чистое и вовремя ложился спать. Конечно же, дисциплина кадета не давала ей поводов придраться, но она честно старалась быть внимательной. Готовила такую вкусную еду! И всё ради того, чтобы сегодня, в этот самый день я, разбитый и уставший, потерявший голову от одиночества, тоски и сожалений, смывал кровь со своей бледной физиономии в эту раковину. Чтобы мои потускневшие глаза с красной сеткой сосудов глядели в это пыльное зеркало. Чтобы я сорвал ногти до локтей, пытаюсь вскрыть двери в инженерный отсек. Чтобы через несколько дней помер от истощения возле того автомата прямо на глазах у железной девицы! Какая глупость! Дрянная, дурацкая шутка! Как же я ненавижу это место! Ненавижу каруту! Ненавижу космос! Ненавижу, презираю себя!..

Глаза застилала едкая пелена. Голова кружилась. Моя дрожащая рука потянулась к зеркалу и вывела на нём в пыли одно единственное слово.

«Прощай».

Сквозь сон я почувствовал, как кто-то потряс меня за плечо. Это не может быть правдой. Мне померещилось. Ведь я здесь совсем один. Сжался в комок, стараясь закрыть глаза от света.

Что-то сильное сбросило меня с матраса. Голова больно стукнулась о твёрдый пол. Я вскочил на четвереньки, готовясь отразить нападение.

Катлея. Сразу узнал её, хотя глаза почти ничего не различали.

Очень злая. С дорожками слёз на выпачканных щеках и в перемазанной чёрной пылью футболке.

– Проснулся, наконец? – бросила она.

Я вперил в её живот невидящий взгляд. Этого не может быть. Мне мерещится. Наверное, это просто сон.

Но она подошла ко мне, рывком вздёрула меня на ноги и, как следует размахнувшись, врезала мне по щеке. Я снова рухнул на пол.

– Дурень! – голосила Катлея, стоя надо мной. – Какое ещё «прощай»?! Помирать собрался? Когда ты исчез, я думала, у тебя получилось! Была так за тебя рада, что аж разрыдалась! А потом эти кровавые следы на полу возле твоей комнаты и эта надпись на зеркале! Как увидела, бросилась тебя искать по всему приюту, облазила каждую щель, а ты здесь лежишь и дрыхнешь! Бледный, худой, грязный и с огромными синяками под глазами! Во что, во имя звёзд, ты себя превратил?!

Мне наконец удалось подняться. После оплеухи в ухе звенело. Голова кружилась. Она глядела мне в лицо снизу-вверх и тяжело дышала. Злая. Вымотанная. Вымазанная в пыли и саже. Какая же прекрасная!

Я уже открыл рот, выпуская эти слова наружу, но девушка не дала мне издать и звука.

– Ты же кадет, Маркус Вольфганг Фробишер! Ты отличник лётной подготовки! Ты силён, умён и дисциплинирован и прямо как герой манги никогда-никогда не сдаёшься! Сам Генма выбрал тебя своим преемником! Как ты посмел стать этим?!

Она бросилась ко мне на шею и уткнулась носом в грудь. Я с трудом устоял, опершись о стену, и гладил её по спине. Вдыхал запах её волос. Наслаждался её близостью, теплом её миниатюрного тела. А она всё плакала и плакала. Моя грязная, заскорузлая от крови и пота толстовка насквозь попилталась слезами.

– Прости... – выдохнул я в её спутанные пыльные космы.

– Молчи, – всхлипнула Катлея. – Мы оба хороши. Оба эгоистичные олухи. Беспросветные, безнадёжные дуралеи. Я ведь знала, что ты хочешь уйти, но молчала. А ты, бессердечный, улыбался мне и всё прощал. Мне было так совестно! Но так хорошо! Но так совестно! Потому, когда ты попросил меня быть честной и поклялся, я просто не смогла больше держать это всё в себе...

Она отпустила меня и медленно отошла, глядя в пол. Огромные глаза припухли, губы были искусаны. Щёки всё ещё блестели от слёз. Я спустил один рукав толстовки на ладонь и вытер её лицо. Но она снова расплакалась.

– Почему у нас всё так сложно? Не могли родиться на поверхности и ходить в одну школу, как все нормальные герои аниме? Обязательно нужно было появиться на свет в космосе и встретиться в заброшенном изолированном приюте, откуда не выбраться! Автор, что с тобой не так?!

Теперь уже я прижал её к себе, а она обхватила меня поперёк груди. Мы стояли так, пока слёзы Катлеи не иссякли. Очень долго. Но мне всё равно показалось мало. Я бы простоял так всю жизнь. Отстранившись второй раз, она утёрла слёзы тыльной стороной руки, шмыгнула носом и улыбнулась. Не так, как всегда. Благодарно и очень тепло.

– Я знала, что языки и стихи – не твоё. Взламывать – вот это по тебе. Отпирать замки. Чинить электронику. Мастерить безделушки. Драться. Носить тяжести. Доставать вещи с верхних полок. Водить космический корабль. Остальное оставь мне, ладно?

– Ладно, – я счастливо улыбнулся ей в ответ.

– А теперь давай покажем этой девчонке! У тебя есть клейкая лента?

– Зачем это?

Улыбка Катлеи сделалась ещё шире.

– Увидишь.

Клейкая лента нашлась среди инструментов в подсобке общежития. Прежде чем возвращаться в игровой зал, девушка переделалась в спортивную форму («Небольшой незапланированный фансервис, не обращай внимания!»), затем на мгновение заскочила в прачечную и взяла оттуда самую просторную и длинную толстовку, которая только там нашлась. Всё это время я старательно умывался. Тело вдруг осознало, сколько на нём грязи – сразу же захотелось как следует отскрестись мочалкой, но Катлея решила, что это подождёт. Затем мы вернулись к автомату каруты, и началось странное.

– Возьми и ничему не удивляйся, – девушка протянула мне огромную толстовку, усадив на матрас. Вздохнула, собираясь с мыслями. – Я сама вне себя от смущения, так что хотя бы ты виду не подавай, хорошо?

Я молча пожал плечами.

– Фух... Ладно.

Катлея уселась позади меня, придвинулась ближе, и очень скоро я обнаружил её лодыжки скрещёнными на моем животе. Чего?..

– Этот автомат не разрешает играть вдвоём, – смущенно проговорила она. – А если я выиграю одна, то билет выпишут на мой регистрационный номер. Я ведь тоже числюсь здесь учеником.

– А если у тебя будет моя карточка?

– Не выйдет. Я смотрела записи с камер видеонаблюдения. Автомат как-то понимает, что перед ним другой человек, – Катлея просунула руку у меня подмышкой и указала на андроида, терпеливо ждущего своего часа. – Один из учеников попросил другого так сделать, у них не вышло.

– Но, судя по всему, обмануть его всё-таки можно, верно?

– Ага. Те двое нашли способ.

– И ты собираешься за ними повторить?

– Да. Свяжи мне ноги. Хорошенько свяжи, будто... – девушка промычала что-то и смущенно затихла.

– Что-что?

– Будто хочешь, чтоб я так всю жизнь провисела! – крикнула она мне в самое ухо. – Дурень.

Катлея влезла повыше, обхватила руками мои плечи. Я тем временем обматывал клейкой лентой её лодыжки, тихонько посмеиваясь. Через несколько минут всё было готово: связывать людей так, чтобы не сбежали, в кадетском корпусе тоже учили. Подвигав ногами, заказчица удовлетворилась результатом.

– Теперь несколько раз вокруг грудной клетки. Давай сюда, я сама.

Держась на мне одними коленями, она пропустила клейкую ленту у себя за спиной и несколько раз обвязала поверх своего топа и моей футболки. Что-то мягкое прижалось к моей спине. Вернее, я точно знал, что именно, но решил не заострять на этом внимания.

– Готово. Теперь надевай толстовку. Ай! Аккуратнее! На меня тоже надень.

Я набросил огромный бесформенный балахон. Катлея просунула голову в ворот и глядела из-за моего плеча.

– Слушай внимательно, Марк. Ты будешь моими ногами, торсом и левой рукой. Я – твоими глазами, ушами и правой рукой, – девушка высунула ладошку из рукава толстовки и принялась его закатывать, помогая из-под подола второй. Я понял её замысел, сделал то же самое с другой стороны. – Придерживай меня за коленку, чтобы я не упала в самый ответственный момент. За картами бегай осторожно, иначе не удержишься. Вместе у нас получится. Главное – стать одним.

– А это из какого фильма? – не удержался я.

Катлея хмыкнула.

– Из «Падшего ангела». Там инопланетяне напали на Землю, а люди дрались с ними, в парах управляя огромными роботами...

– Да знаю. Готова?

– Ага. Не забудь накинуть капюшон, когда андроид поклонится. Только не слишком глубоко, иначе я не смогу видеть всё поле.

Я осторожно встал, просунув локоть под правой коленкой Катлеи. Та обхватила меня левой рукой за плечо. Потоптался на месте, прошёлся пружинящей походкой, проверяя свои возможности.

– Я тяжёлая?

– Нет, нисколько. Ты миниатюрная.

Катлея вздрогнула.

– Скажи ещё раз.

– Что? Миниатюрная?

– Хи-и-и...

Странная она. Комплимент ведь весьма сомнительный.

– Не отвлекайся, – попросил я.

И вот, объединившись в теле гиганта, прямо как в том пресловутом «Падшем ангеле», мы шли на битву с врагом всего живого. Вот только вместо боевого робота у нас была безразмерная толстовка, а «враг всего живого» был всего лишь миниатюрной голографической девушкой, облачённой в традиционные одежды планетарной Японии.

Я уселся в знакомую позу, взглянул в глаза голографической красавице. Катлея дышала мне в затылок. Фальшивая японка окинула меня взглядом раскосых глаз, задержала его на моём лице. Значит, вот так она распознаёт игроков? По лицам? Удовлетворившись проверкой, андроид коснулась кончиками пальцев татами и поклонилась, достав лбом до костяшек. Я левой рукой натянул капюшон и поспешно последовал её примеру. Когда мы оба распрямились, девушка улыбнулась мне всё той же лёгкой полуулыбкой и извлекла из складок кимоно колоду карт. Изящным движением перемешала и разделила на две равные стопки. После повторила то же самое с одной из них.

Мы с Катлеей молча наблюдали за ней из-под капюшона.

Наконец мерцающая ладонь подвинула в нашу сторону одну из стопок. Я подался вперёд, и девушка сгребла её пятерней, пододвигая к себе.

– Наклонись ниже, я не достаю, – шепнула она мне на ухо.

Сделано.

Катлея принялась раскладывать карты, отсчитывая полосы на татами. Даже если в её действиях и была система, я её не замечал. Надеюсь, она знает, что делает.

На противоположной стороне поля машина в человеческой оболочке не спеша раскладывала свою часть колоды.

Как только все карты заняли свои места, прозвучал сигнал к началу запоминания. Я боялся даже сглотнуть, не то, что пошевелиться. Чувствовал напряжённое внимание своей напарницы, прямо слышал, как гудит в её голове охлаждение для процессора, как попискивает зуммер, подавая сигналы азбукой Морзе.

Наконец, громкоговоритель возвестил о начале игры. Андроид снова коснулась пальцами татами и поклонилась. Я согнул спину одновременно с ней и проговорил скороговоркой: «Йорошикуонигайщимас!» Это, видимо, значило: «Хорошей игры!»

– Нанивадзуни-исакуяконо-ояна-а фуюгимори-иимаво-охарубето-осакуяконо-охана-а!.. – произнёс нараспев сильный и мягкий женский голос. Первый стих – вводный стих. – Имаво-охарубето-осакуяконо-охана-а!..

Пауза казалась вечной.

– Му...

Молния промелькнула перед моими глазами, разметав стройные ряды карточек. Спустя секунду до меня дошло. Это была карта, берущаяся с первого слога. Катлея... Ты просто монстр.

– ...расаменоую-у момадахину-у маки но ха ни-и...

Даже девушка-андроид подняла тонкие брови и в изумлении изящно прикрыла рот кончиками пальцев.

Пока я бегал за карточкой, чтец закончил стих, дважды повторив последнюю строфу. Вернувшись на место, принялся собирать левой рукой остальные карты, чтобы потом моей второй половине проще было их разложить. Взятую карту она положила справа, неподалеку.

– Пригнись ниже. Сядь чуть левее. Вот так, хорошо. Продолжаем!

Я послушно следовал её подсказкам. Теперь, когда на моих глазах Катля показывала своё мастерство, мне не на что было жаловаться. Наверное, если бы я смотрел поединки между двумя миниатюрными девушками из-за стекла, то был бы похож на неё саму, восхищённо прижимающуюся носом к коробу автомата «Street Fighter AR».

Она выбивала карту за картой. Даже многосложные, блестяще выполняя блоки ладонью. А уж на первый слог всегда брала молниеносно пусть и сидела у меня на спине. Почему же эта игра ей так нравится? Наверняка ведь потратила на каругу уйму времени, чтобы добиться такого мастерства.

– Юра но то о-о ватаруфунабито-о каджи о таэ-э...

Ещё одна карта наша.

Катля шмыгнула носом и потянулась утереть слезинку.

– Что случилось?

– Прости... – всхлинула она. – Этот стих такой жизненный!

Дело в смысле! Я пытался механически заучить последовательность звуков, предшествующие взятию, а сами карты запоминал как картинки. Потому ничего и не выходило. За таким способом стоял пустой и необъяснимый рефлекс. Но для её трепетного сердца каждый стих был особенным. Легко запомнить карты, привязывая их к переживаниям. Поэтому она не ошибается. Ну, и ещё у Катлеи тренированные руки. В особенности пальцы. Всё-таки каруга – очень странная игра. У неё две стороны. Одна – чувственная, изящная и возвышенная, заключённая в строки и строфы; другая – механическая, инстинктивная, постигаемая через кровотокающие мозоли на стопах и правой руке.

Время шло. Поле пустело. Слогов в игре становилось меньше, и темп увеличился. Мы приближались к развязке. Путь нам подпортило прочтение многосложной карты, которую девушка с превеликим трудом вырвала из-под защиты железных пальцев, чуть было не соскользнув с моей взмокшей спины. Сил на эту атаку в дальний левый угол поля противника было потрачено немало. Коленки саднило. Мышцы поясницы и в районе лопаток звенели от напряжения. Левое плечо горело как под раскалённым железным прутом. И всё же. На нашей стороне осталось всего три карты. Остальные по большей части были взяты, а те, что не были, – переданы. Победа так близко! Всего лишь в трёх метких ударах!

Сможем ли мы её вырвать?

– Ашибикино-о ямадорино-о ношидарионо-о...

Катля снова всхлинула.

Две карты.

– Ама но хара-а фуресакимиреба-а Касуга нару-у...

Одна карта. Последняя. Всё решится в течение нескольких минут.

– Цукимиреба-а чиджинимонокосо-о канашикере-е...

Катлея дёрнулась, но притормозила, так и не нанесла удар. Девушка-андроид не шевельнулась.

Мёртвая карта.

Стих отзвучал, оставив после себя тягостные, бесконечные секунды тишины.

– Мичинокуно-ошинобумочидзури-итареюэни-и...

Ещё одна! Вот пакость! Всё может решиться в любой момент, а тут такое!

Левая рука Катлеи и её коленки уже давно дрожали. Она истратила почти все силы на эти бешеные рывки.

Пожалуйста, прочти уже, наконец, односложную!

– Чи...

Молния рассекла поле от угла к углу. Карточки разлетелись в разные стороны. Конец скоростного замаха пришёлся прямоком на левый верхний угол, в карту, которую – я помнил! – Катлея несколько стихов назад передала противнице твёрдой, решительной рукой. Передала, а потом приложила стиснутый кулак к губам, будто мысленно взывала к кому-то.

– ...хаябуру-у камиёмокиказу-у тацутагава-а...

– Спасибо тебе, Чихая... – прошептала Катлея у меня над ухом. – Спасибо тебе огромное!..

– Кто?

– Потом расскажу. И покажу, если понравится.

Опять какое-то аниме?

Поединок был окончен. Победа за нами! Девушка всхлипнула от восторга и прижалась ко мне щекой. Крепко обняла обеими руками. Наверняка, со стороны это смотрелось очень странно и смешно, но разве мне было дело до мнения какого-то андроида? Ведь рядом настоящая, живая, тёплая и счастливо смеющаяся девушка, которая вцепилась в меня железной хваткой.

Мы вернулись к нашему месту на татами и поклонились, передав противнице последнюю карту. Распрямившись, японская красавица одарила нас широкой улыбкой. Она и не подозревала, что её жестоко надули. Так тебе и надо, жестянка!

Мерцающие пальцы скользнули в складки кимоно. Из-под них как в замедленной съемке показался позолоченный прямоугольник пластика. Девушка-андроид в глубоком поклоне преподнесла его нам на раскрытых ладонях. Я подошёл ближе и взял билет. Повертел перед глазами. С одной стороны было изображено улыбающееся лицо первого космонавта, один на один сошедшегося с мерцающей бездной, что окружала нас сейчас. С другой автомат выбил номер из шести цифр.

Мой идентификационный номер.

– Твой билет домой, Марк, – шепнула Катля, несмело дотронувшись до моих пальцев своими, тонкими и холодными.

Всё благодаря тебе.

Я хотел сказать ей то, что пришло на ум во время нашей встречи после долгой разлуки. Хотел похвалить, осыпать тысячей комплементов. Но язык будто опух, а в горле застрял шершавый комок скрипучих чешуек ржавчины. Пульс стучал в ушах неровно и рвано.

И всем, что я смог сказать этому несуразному, но прекрасному босоногому существу, этой единственной в своём роде девушке с сердцем героя эпического фэнтези, стала пустая и безвкусная фраза, произнесённая осипшим голосом.

– Ты лучшая.

Дурень! Олух! Тряпка! Бесхребетная размазня!

Катля в ответ только вздохнула.

Я уселся на матрас. Через наши головы стянул толстовку. Пошарил вокруг в поисках ножа и разрезал ленту, стягивающую ноги девушки, а затем перевязь на груди. Она медленно отлепилась от меня – пока играли, мы вымокли до нитки. Пошевелила пальцами на ногах, размяла затекшие ступни. Осторожно встала и взглянула на меня с грустной улыбкой.

– Пошли, что ли, домой, потерянный, – отвернулась к выходу. Немного помолчала и прибавила, усмехнувшись: – Такой момент испортил, режиссёр бы с тебя три шкуры спустил...

Вспыхнув где-то около солнечного сплетения и устремившись к кончикам пальцев, по моему телу пробежал электрический разряд. Я вскочил, не отрывая взгляда от её затылка. Схватил за плечо. Развернул. И прежде чем мысль успела за порывом, прижал её губы к своим. Запустил пятерню в растрёпанные волосы. Её невесомое тело обмякло в моих руках, дыхание сделалось частым. И когда я отстранился, стиснув её плечики, когда взглянул горящими глазами в её широко распахнутые от потрясения, усилием воли заставил высохшие связки звучать твердо:

– Вот тебе твой момент. Довольна?

Катля глядела на меня, глотая вдохи. Я глядел на неё, чувствуя, как горят щёки и лоб. Это всё же случилось. И как теперь быть?

Её маленькие и тонкие губы, которые несколько мгновений назад я целовал в безумном порыве, медленно и несмело растянулись в улыбке. В глазах зажглись тёплые искорки. Она глупо и негромко хихикнула. Потом чуть громче.

Мы счастливо смеялись, соприкоснувшись лбами. Я гладил её волосы, ерошил их ещё больше. Катля стиснула в кулаки футболку у меня на спине. Вскоре наши ноги подкосились, и мы рухнули на колени, держась за плечи друг друга. Обнимали, прижимая как самое сокровенное. И смеялись, смеялись, смеялись!

А когда совсем сбили дыхание, эта яркая и норовистая девушка-кошка оседлала мои бёдра и целовала, прильнув всем миниатюрным телом. Глотая

воздух, громко шмыгая носом, но не отрываясь. Да мне и не хотелось её отпускать. Не отпустил бы ни за что во Вселенной!

Твои вечно растрёпанные волосы. Твои босые ступни. Твой маленький носик. Твой переливчатый смех. Твои детские капризы и выходки. Твои взрослые знания и навыки. Твои огромные искристые глаза, эти глухие и бездонные омуты далёкого космоса. Я больше не смогу прожить ни дня без всего этого! Ни единого часа! Ни одной заваливающей минуты!

– Ты – мой воздух.

* * *

Я наконец-то вымыл слипшиеся в сосульки волосы. Отскрёб кожу жёсткой мочалкой. Насухо вытерся душистым полотенцем. Переоделся в свежую после стирки одежду. Снова человек. Снова среди живых. Живее, чем когда-либо!

Ведь перед дверью в мою комнату меня ждала босоногая девушка с мокрыми волосами. В мягком махровом банном халате. Такая же воспрянувшая и посвежевшая, будто молодой росток на гидропонной ферме, омытый нежными каплями влаги.

Она обняла меня крепко-крепко, ткнулась носом в волосы и тихо шепнула:

– С возвращением.

Всё благодаря тебе.

Катлея без умолку рассказывала о переживаниях героев девчачьей манги, о недавно открытой звезде в секторе Большого Пса, о том, как сложно решать дифференциальные уравнения – обо всякой чепухе, не прерываясь ни на миг. А я слушал музыку её резкого голоса, держа в руках дымящуюся кружку, и счастливо улыбался. Её плечико касалось моего. Голова лежала на моём плече. И через эти прикосновения, через сплетённые ладони в меня понемногу проникало её тепло. Оно было пряным и терпким, как глоток вечернего чая. Пронзительным и глубоким, как японская поэзия.

Две с половиной декады. Вот сколько я провёл в исступлённых попытках выбраться. Всё это время мы могли бы провести вот так. Сидя на её постели плечом к плечу. Слушая долгие рассказы друг друга вовсе не для того, чтобы что-то понять, а ради музыки голосов. Наслаждаясь нашим общим теплом и медленно сливаясь воедино.

Было далеко за отбой. Чай остыл. Все слова были сказаны, оставив после себя тёплое, значимое молчание. Древние в фильмах заполняли его потрескиванием камина, когда у них ещё были деревья, или шипением грампластинок, пока они ещё были в моде. Наше молчание заполнял шёпот вентиляционных люков. Гул холодильной камеры. Гудение и перещёлкивания дронов-уборщиков за стеной. Мы были детьми глухого, замороженного космоса. Но детьми живыми. Чувственными. Такими же, как рождённые под ласковым солнечным светом на груди у всепрощающей защитницы.

Наконец сон начал брать своё. Пусть мы и хотели подольше оттягивать этот момент. Мы вымотались после поединка с голографической девушкой, после всех потрясений последних дней. Но когда я поднялся, пожелав Катлее

спокойной ночи, подражая её манере, и уже собирался двинуться к себе, она схватила меня за рукав. Посмотрела с мольбой и тоской в глубине огромных глаз и тихим голосом попросила:

– Ложись рядышком.

Как тут было отказать?

Я быстро сбегал за одеялом и подушкой. Когда вернулся, девушка уже забралась под своё, укуталась с ног до подбородка. Банный халат висел на спинке стула. Это будоражило воображение. Выключив свет, я быстро разделся и лёг рядом, кое-как уместившись на краешке кровати. Укрылся и принялся смотреть в потолок.

А потом, удивляясь собственной смелости, подвинулся ближе. Повернулся на бок – лицом к ней – и обнял лежащую ко мне спиной Катлею, положив голову на её подушку.

– Хи-и-и. . .

Высунув ладошку из-под одеяла, она снова сплела наши пальцы.

И когда я лежал вот так рядом с ней, погружившись в омут мыслей и пряный запах её волос, ощущая тепло маленькой и хрупкой пятерни под своей, моё безумное, неистовое желание выбраться, чуть было не выдавившее жизнь из меня самого, наконец дало трещину. Жить здесь вместе с ней. Держать её за руку. Впитывать её, вдыхать и растворяться в ней каждый день. Какими бы несбыточными и по-детски наивными ни казались эти чаяния, они были так прекрасны! Это разрывало меня на две половины.

Снова и снова в голове проносилось стихотворение, процитированное Катлеей в переводе на всеобщий. Проносилось, пока всё вокруг не окутала теплая пелена дремоты.

По стремнинам Юра
Правит лодку свою перевозчик.
Сломалось весло.
О, дороги моей любви!
Плыву, не знаю куда...

* * *

– Проснись, соня, – ласковый шёпот над ухом. – Уже полдень. Долго же ты спишь!

Я шумно вздохнул и открыл глаза.

Катлея. Какое наслаждение видеть утром её улыбающееся лицо! Не медля ни секунды, она поцеловала меня очень нежно и ласково. Отстранившись, отошла на середину комнаты и показала мне целиком.

Свободное и лёгкое платье глубокого и чуть холодноватого зелёного оттенка. Шею обхватывал изящный тонкий обруч, к которому ткань крепилась спереди, скрывая зону декольте, но оставляя открытыми плечи и спину до поясницы. На правом запястье красовался браслет, который я, казалось, давным-давно ей подарил. Волосы! Они были аккуратно подстрижены и

убраны металлическим ободком поверх идеально ровной чёлки. Каре обрамляло лицо девушки, подчёркивало линию высоких скул.

И когда только успела?.. Впрочем, я ведь спал до полудня.

– Ну, как тебе? – казалось, даже её голос сделался мягче и мелодичнее. Катля повертелась передо мной, взметнув подол платья.

– Ты прекрасна.

– Хи-и-и... – она спрятала лицо в ладошки и потупилась, но даже так был заметен румянец.

Кое-что всё же осталось неизменным. Она по-прежнему ходила босиком.

– Зачем же такой наряд? – спросил я, садясь на кровати. – Есть повод?

– Конечно, есть, – ответила моя красавица. – Первый день наших с тобой отношений! Приказом коменданта объявлен выходной. Самое время позвать девушку на свидание, тебе не кажется?

Я рассмеялся.

– Что, прямо из-под одеяла? Дай хотя бы одеться...

Её взгляд, задержавшийся где-то в районе моего солнечного сплетения, почти ощутимо кольнул кожу. Не мигая, Катля коснулась приоткрытых губ костяшкой указательного пальца.

– Не пялься.

Девушка вздрогнула, испуганно посмотрела мне в глаза и отвернулась, спрятав лицо в ладонях. Её плечи затряслись в беззвучном смехе.

Я поспешил надеть футболку и хлопковые штаны. Подошёл к ней, нежно и осторожно обнял. Она прижалась ухом к моей груди и погладила по спине.

– Ну и как тебе? Ну, то, на что ты там пялилась, – усмехнулся я, отстранившись и взяв её за ладошки.

Катля смущённо улыбнулась и снова покраснела.

– А... Можно потрогать? – и протянула руки к моим бокам и животу.

– Нет.

Она взглянула на меня грустно-удивлённо, почти жалобно. А потом смутилась ещё больше.

– Ну... Может быть, позже, – тоже чувствуя себя ужасно неловко, пробубнил я.

– Ага, – кивнула она, пряча улыбку в прядях искристых волос.

Я умылся и привёл в порядок волосы, глядя в пыльное зеркало в туалете. Совсем неподалеку, в двух шагах от меня виднелась та самая надпись, сделанная дрожащей рукой. Последнее послание отчаявшегося, выбившегося из сил человека. Недолго думая, я сунул полотенце под кран и стёр его. Принёс туалетной бумаги и насухо отполировал стекло. В моей жизни больше нет места унынию. Только не рядом с ней.

После я заглянул в свою комнату, пошарил в шкафу для одежды и озадаченно уставился на свою парадную форму. Она была заботливо заштопана и отглажена, словно ждала моего возвращения. Туфли стояли здесь же, немного потёртые, но чистые. Лучшей одежды для свидания у меня всё равно нет, а идти рядом с Катлеей в толстовке и хлопковых

штанах – даже просто в ту же столовую – не позволяла совесть. Она ведь так старалась выгнать не как всегда – растрёпанной и взъерошенной. Даже подстриглась.

Жаль, нет больше моего берета!

Так что девушка, ждавшая меня у дверей своей комнаты, увидела выпускника кадетского корпуса в увольнении домой, без погон и форменного головного убора. Зато при изумрудном галстуке, который по цвету очень подходил к её изящному платью.

– Ну, как тебе? – снова ухмыльнулся я, повторив её слова.

– Все девушки без ума от военной формы, – рассмеялась Катля. – Даже если это всего лишь кадетский выходной костюм.

– Спасибо, что позаботилась о нём.

– Так я коротала вечера, когда думала, что ты ушёл, – девушка потупилась с грустной улыбкой. – Чтобы потом положить форму в твой шкаф и иногда заходить в комнату протереть пыль. И немного повспоминать.

– Ну что ж, я снова здесь. Давай сделаем себе ещё немного воспоминаний.

– А, это из... подожди-ка... – Катля задумалась. – Да практически из любого аниме, где есть романтика или школа! Ты превзошёл себя, эта фраза – самая заезженная из всех, что я слышала.

– Тогда вот тебе ещё одна: «Куда леди хочет пойти?» Ты не дала мне времени составить какой-нибудь план, потому давай думать на ходу.

– «Леди», хи-и-и... Ну, сперва давай пообедаем. То есть, позавтракаем, – она ткнула меня локтем в бок и ухмыльнулась. – Платишь ты.

Мы медленно двинулись в сторону столовой.

– У меня нет денег, – притворно возмутился я. – Почему бы тебе не отработать мытьём посуды?

– Каков нахал! – подыграла Катля. – Сам позвал, а отработывать мне!

– Тебе ещё повезло, – буркнул я.

И мы оба весело рассмеялись.

– А если серьёзно, я никогда не водил девушку на свидание, – смущённо потупился и признался, наконец. – Даже не знаю, что нужно делать.

– Да расслабься! Мы с тобой столько времени вместе прожили, засыпали рядом, успели поссориться, помириться... Считай, что это самый обычный выходной. Только мы как два идиота вырядились в лучшее, что у нас есть.

– Ну уж нет, так дело не пойдёт, – я решительно помотал головой и потянул Катлю за локоть, прочь от двери в столовую. – Я был идиотом слишком долго. Пора исправляться. Идём в жилой отсек учителей. Ты достойна лучшего, чем эта помойка.

– Хи-и-и... Ладно.

***

Столовая для персонала тоже не отличалась фешенебельностью, но, по крайней мере, здесь было просторнее. Вместо жёстких стульев с прямыми спинками и скамеек вдоль стен, рядом с круглыми столиками стояли

небольшие креслица. На дальней стене висел огромный экран, изображающий множество разноцветных деревьев. Земля была усыпана опавшими, высохшими листьями.

Удивившись такому, я задался вопросом: зачем было вешать в столовой картину давнего техногенного катаклизма, уничтожившего зелень на старушке Земле. Но Катляя, рассмеявшись, пояснила: раньше кроны деревьев желтели и осыпались каждый год. Это время называлось *осенью*. А скопление деревьев, как на картине, – *лесом*. Во всеобщем не было таких слов, потому Катляя произносила на русском. Я знал обо всём из детских книжек и по маминим рассказам, но забыл, постепенно взрослея.

Мобилизовав все свои познания, почерпнутые из фильмов, я старался вести себя как старомодный джентльмен. Отодвинул для девушки сиденье. Помог сесть, мягко придерживая за локоть. А потом в гордом одиночестве ушёл на кухню греметь посудой. Среди запасов обнаружилось несколько сухих комплексных обедов весьма экзотического содержания: спагетти карбонара, борщ, бефстроганов, том ям, лапша по-флотски, плов и лагман. Было даже несколько известных десертов. Быстренько составив меню, я вернулся в зал, перекинув через локоть сложенное полотенце.

– Карбонару, тирамису и зелёный чай, – улыбнулась зардевшаяся Катляя. – И не забудьте про «комплимент от шефа».

– Ваши глаза бездонны и глубоки как великое звёздное море, – смущённо пробормотал я.

Она тарачилась на меня, обомлев и постепенно всё больше краснея, а потом громко рассмеялась. Я что-то сделал не так? Смутился ещё больше и в задумчивости побрёл на кухню.

Позже, когда мы оба, вымазавшись в соусе, уплетали карбонару, «леди» объяснила мне, что такое «комплимент от шефа». Посмеялись уже вместе.

– Но знаешь, – тихо проговорила Катляя, смущённо улыбаясь, – эти слова были самыми прекрасными, что я слышала за свою короткую жизнь.

Я был ужасно доволен собой.

Помимо прочего в кладовой обнаружилось несколько бутылок вина. Ничего не понимаю в алкоголе, но пометку в уме всё же сделал. Ближе к отбою нужно обязательно предложить девушке выпить. Это наверняка будет отличным завершением дня.

После обеда мы немного прогулялись по коридорам общежития, любуясь репродукциями картин на голографических экранах. Леса. Водоёмы. Маленькие деревянные домики. Высокие горы, покрытые белой коркой ледников, обласканные лучами солнца. Города, сверкающе стеклянными гранями, зубчатыми профилями вонзающиеся в лазурь. Эти пейзажи, наверняка вызывавшие у первых жителей станции слёзы тоски и отчаянной ностальгии, казались мне фантастическими. Будто никогда и не было на старушке Земле таких зелёных просторов. Будто небо никогда не отливало синевой, а океаны – ультрамарином. Будто деревьев никогда не росло столько, чтобы можно было выстроить дом.

Я невольно вспомнил слова Катлеи. Что было бы, родись мы там, среди всего этого богатства и благоденствия? Кем бы мы стали? Повстречались бы? Полюбили бы друг друга?

– Марк, – позвала девушка, тронув меня за ладонь. – Расскажи мне побольше о себе.

– Я мало могу рассказать. Только про дурацкие выходки в школе. Как забросали дымовыми шашками туалет для девочек. Потом, кажется, была петарда на уроке у сонного учителя музыки. Ещё мы случайно порвали поваренную книгу в кабинете домоводства. И разбили уйму пробирок на химии... А на физике учитель по моей вине схлопотал электрический разряд. У него волосы встали дыбом прямо как в мультиках.

– Ты был тем ещё хулиганом, – рассмеялась Катлея. – Что же с тобой стало?

– Отец умер.

Её ладошка еле заметно дёрнулась в моей.

– Прости.

– Ничего. Я тоскую о нём, но очень горжусь. Он ушёл как герой, а его бригада спасла станцию от неминуемой катастрофы. Та авария восемь циклов назад. Помнишь?

– Так твой папа Вольфганг Фробишер – тот самый Вольфганг Фробишер? Ничего себе! Ему ведь Орден Героя посмертно присвоили! О нём слышал каждый ребёнок. Ты – сын легенды.

Я вздохнул.

– Прости. Ты, наверное, подумал: «И что с того?»

– Если чтобы стать легендой обязательно нужно погибнуть, то лучше бы отец был рядом с матерью.

– Понимаю, – Катлея грустно улыбнулась и обняла меня, ткнувшись головой в плечо. – А твоя мама? Кто она?

– Агроном. Её зовут Алиса Уткина, и она выращивает деревья в космосе. Знает о них больше всех на станции и любит всем сердцем. Её работа тоже очень важна. Без озеленительных кластеров кислород иссяк бы за несколько дней.

– Как же они с твоим папой познакомились?

– Ну, по рассказам, он пришёл в такой кластер вместе со своей бригадой чинить водопровод. В процессе ремонта сломали какое-то высокоточное оборудование. Мать на него накричала. А на следующий день их видели в ресторане в соседнем кондоминиуме мило болтающими.

– Надо же, прямо как в кино! – восхитилась Катлея, смахнув слезинку.

– По-моему, у нас всё вышло более неуклюже, но куда интереснее, – я улыбнулся и погладил её по щеке.

Мы немного помолчали, прогуливаясь по коридору. Выставка картин кончилась. Вместо этого на противоположной стороне открылось голографическое окно в космос. Млечный путь перечёркивал его сияющим звёздным облаком. Ярко сверкали альфы созвездий, складывались в знакомые

с детства фигуры. Старушка Земля, повернувшись к Солнцу каменистой щекой, грелась в его лучах. А вдалеке, немного выше и левее, жёлтым пятнышком виднелась Луна.

– А кем были твои родители, Катля? – спросил я. – В кого ты такая? Наверное, твоя мать играла на пианино. А отец был потомком древнего японского дома, последним хранителем традиций. Я угадал?

Она снова потупилась. Улыбнулась и шмыгнула носом.

– Прости, Марк. Сама иногда гадаю, кем же они были... Я росла в приюте, похожем на этот, только нам разрешали выходить и гулять по станции.

Вот дурень! Расстраивался здесь и горевал о том, как мне одиноко!

– Это я должен просить прощения...

– Нет, – Катля поднесла к моим губам указательный палец. – Не вздумай. Твоя боль – такая же, как и у всех. У тебя есть право горевать об ушедших, а если кто-то скажет, что ты легко отделался, он просто бесчувственный.

Я молчал, не зная, что на это ответить. Девушка отвела взгляд и продолжала, ловя глазами звёздный свет.

– Мы жили недалеко отсюда, почти на самой окраине. Только девочки, из нас, никому не нужных, хотели воспитать прислугу для кондоминиумов. Я была несуразной, странно говорила, а за мои глаза и ступни меня дразнили «Голлумом». Никто не знал, кто это, но всем казалось очень обидным. Я носила огромные шерстяные носки и очень длинную чёлку, почти ничего не видела. Тогда стали обзывать «гномом». Но худшее было впереди...

Её плечи задрожали. Голос сделался ломким от слёз на щеках, но слова не останавливались. Я смотрел на неё, не в силах пошевелиться, потому что от следующей части рассказа волосы на загривке встали дыбом. От термоядерной ярости.

– ...К директрисе приходили странные люди. Они прятали лица и носили одинаковые чёрные плащи. Обычно приходили по ночам. А уходя, забирали с собой несколько девочек постарше. Они возвращались. Некоторые – с дорогими подарками. Другие – со следами побоев. Одной девочке так сильно покалечили руки, что она неделю не могла есть ложкой. Я была слишком маленькой и не понимала, что происходит, но мне было жутко. Стали сниться кошмары, как люди в плащах с длинными руками-щупальцами вытаскивают меня из постели и забирают в непроглядную тьму. Днём кошмары происходили наяву. Меня били. Обливали краской. Резали на мне одежду. Подбрасывали в обувь битое стекло. Я стала объектом вымещения злобы для тех девочек, кто пострадал от рук неизвестных. И не могла понять, почему же меня так ненавидят. А потом, когда я уже почти перестала разговаривать и пугалась каждого шороха, один из людей в плащах указал на меня пальцем, проходя мимо. Директриса оценивающе осмотрела меня и покивала. Я подумала: моя жизнь кончена. Что-то во мне отказывалось это принять, гнало меня прочь, пока была возможность. Ускользнула, пока никто не видел. Долго плутала по тоннелям и коридорам, пока не наткнулась на тот лифт. И оказалась здесь. Одна.

Совсем, как раньше, только страшнее. Но одиночество меня больше не пугало. Я решила, что теперь буду жить здесь. Кому сдался этот большой мир, если в нём так тоскливо? Перестала носить обувь и шерстяные носки. Перестала прятать глаза. Училась. Занималась спортом. Смотрела кино, читала книги и удивлялась – оказывается, в мире существуют мальчики. Оказывается, дружба с ними может кончиться чем-то большим. Чем-то прекрасным. Мне всегда хотелось ощутить подобное, окунуться в тот мир, что рисовали авторы книг, но я никогда не верила им до конца. А потом пришёл ты...

Я обнял её, прижал к себе крепко-крепко. Обхватил за талию и поднял над полом. Моя маленькая и прекрасная босоногая сладкоежка. Моё сокровище. Мой воздух! Как же жизнь была к тебе несправедлива...

– Идём со мной, – шепнул я ей в самое ухо. – Ты больше не одинока. Никогда не будешь одинока. Давай вернёмся вместе! Моя мать всегда хотела дочку, ты ей понравишься.

– Но я не хочу быть твоей сестрой, – всхлипнула Катля.

– Только на бумаге! Мы будем жить в одной комнате. Спать рядышком. Мать поймёт. Пожурит, но точно поймёт. Я буду ходить в лётное училище, получу свой знак и смогу нас обеспечить. Ты можешь подрабатывать переводчиком древних памятников культуры. Уже сейчас ведь всем этим очкарикам фору дашь в языках!

– Хи-и-и...

– А в промежутках между работой будешь играть на пианино в ресторанах.

– Всегда мечтала сыграть на концерте!

– Или озвучивать старые аниме. У тебя ведь такой голос!

– Я – сейю? – изумилась девушка.

– Кто?

– Японский актёр озвучки.

– Да. Будешь сейю. Если захочешь. Идём со мной!

Я опустил её на пол и взглянул в заплаканные глаза. Утёр слёзы своим носовым платком.

– То, что ты говоришь, прекрасно, Марк, – всхлипнула Катля, глядя в ответ. – Я мечтала о том, что вернусь с тобой, каждый день, пока мы были вместе. Сама не понимала, о чём думаю, а когда вдруг поняла, ты пропал... Ну, помнишь, что тогда случилось, – она потупилась и шмыгнула носом. – Но я боюсь большого мира. Боюсь людей. Я прожила здесь семь лет, можно сказать, выросла. Как бы мне ни хотелось пойти с тобой, я не могу решиться. Дай мне время, чтобы ещё раз всё обдумать.

– Хорошо. Как скажешь, – я нежно коснулся её тонкой шеи. – Только не думай слишком долго. Ладно? Я тебя здесь не оставляю, но хотелось бы поскорее навестить мать. Наверное, ей сейчас очень тоскливо и одиноко.

– Ладно, – Катля снова всхлипнула и улыбнулась сквозь слезы. – Ты – мой самый-самый дорогой человек в этом мире!

В итоге свидание закончилось тем же, чем и все остальные выходные – мы развернули голографический экран и стали смотреть аниме. Я даже не успел предложить Катлее вина. Ну и ладно. Не велика потеря.

Куда важнее события, предшествовавшие финалу. В конце нашей пешей прогулки мы вернулись к себе и переоделись в домашнее. Девушка выбрала себе толстовку по фигуре и обтягивающие хлопковые лосины. Браслет и ободок, впрочем, остались на местах. Как и шикарная причёска. По достоинству оценив её новый гардероб, я, наконец, поинтересовался, зачем же было так стараться.

– Ну, а вдруг ты встретишь другую, и она тебя у меня уведёт? – как будто объясняя великому учёному таблицу умножения, ответила она.

– Кто? Та железная девица? – прыснул я. – Тебе не о чем волноваться. Помнишь, в каком виде мы были, когда целовались в первый раз? Вряд ли что-то с этим сравнится! – смущённо насупил и продолжал: – Тем более что твоя, ну... обычная внешность всегда казалась мне очень милой.

– Хи-и-и...

Потом мы поужинали. Нормальной едой, приготовленной плечом к плечу, совсем как раньше. Да, это был всего лишь поджаренный с томатами сыр тофу, но он был приготовлен её руками. И потому был в тысячу раз лучше любых ресторанных блюд.

Вернувшись к себе в комнату, Катлея как обычно принялась сгрести в кучу матрас и одеяло, но я попросил её оставить всё как есть. Сбегал до подсобки за инструментами. Разобрал свою кровать, перенёс по частям в её комнату и собрал уже там, вплотную придвинув к её кровати. Поняв, что я задумал, девушка кинулась ко мне и заключила в крепкие объятья. А потом запрыгнула на огромную постель и развалилась там звездой. Так же в комнату вернулся «Ботинок покорителя женских сердец», как я в шутку окрестил его про себя. Теперь он гордо стоял на тумбочке поверх билета Леонова.

И только после всего этого мы согрели чая, принесли миску со сладостями, забрались под одеяла и включили первую серию «Вайолет Эваргарден». самого милого и одновременно с этим самого пронзительного аниме из коллекции Катлеи. Наблюдали за тем, как голубоглазая красавица с роскошным шлейфом белокурых волос и механическими протезами вместо рук медленно постигает тайны человеческих эмоций. Как превращается из бездушного орудия войны в милую и добрую девушку с трепетным сердцем.

Правда, меня всё подмывало спросить: как же она такими руками заплетает себе косы? Наверняка волосы застревают в шарнирах.

А ещё в этом аниме была пышногрудая и фигуристая тёзка моей миниатюрной и ласковой возлюбленной. Меня подмывало отпустить на эту тему несколько шуточек, но настоящая обладательница самого милого мне имени и без того дулась, с завистью глядя на нарисованную. Потому я просто крепче обнял её и уложил голову на своё плечо.

Катля снова уснула раньше меня. Так же как и вчера, отвернувшись к стенке. И так же, как прошлой ночью, я обнял её и положил голову на её подушку. Зачем, спрашивается, было перевозить кровать из соседней комнаты, если спим мы всё равно на одной половине?

Затем.

Улыбнувшись этой мысли, я провалился в сон, утопая в аромате её волос.

* * *

После продолжительного фансервиса и завтрака я нашёл в подсобке швабру-пылесос, налил в её резервуар чистой воды и отправился в отсек практических занятий. Пыли здесь было очень много – работы не меньше, чем на четыре часа. Начал я с коридора. Не слишком углубляясь в погоню за каждым катышком, ведь потом предстоит отмыть ещё и классы. И главное – обсерваторию. Это гигантское помещение с подмостками и десятками раскладных кресел.

Каждый день до обеда я занимался уборкой. Комнату за комнатой. Метр за метром. Упорно. Зачем? Была у меня одна идея.

После обеда и сончас Катля снова погружалась в учёбу и чтение, а я развёртывал купол обсерватории и наблюдал Землю. Старался выверить идеальное время, когда она зависала над станцией во всей своей красе. Рисовал эскизы. Смотрел старые голографические записи, копируя некоторые фрагменты и объединяя вместе. Потом шёл в школу и шарил в сети.

Подготовку к побегу было решено ненадолго отложить. Билет был бессрочным, так что время не поджимало. Нужно было ещё много чего успеть, пока мы здесь. И главный мой замысел скрывался за повседневной уборкой, наблюдениями и рисованием. Это был мой сюрприз.

Катля тоже что-то от меня прятала. Мы хитро поглядывали друг на друга во время общих часов, болтали и попутно пытались вывести друг друга на чистую воду. Пока что мне удалось выведать, что в первой половине дня девушка пропадает в общежитии для учителей. А она как-то раз застучала меня за уборкой. Но ни то, ни другое не позволило нам продвинуться в наших расследованиях достаточно далеко. Было очень весело оберегать друг от друга тайны, которые в конце концов предстояло открыть в подходящий момент. И попутно пытаться разгадать тайну партнёра, подловить, заставить проговориться. Пожалуй, лучшим временем, что мы провели вдвоём в брошенном приюте, были именно эти дни.

В конце концов, моя подготовка была закончена. Оставался только самый последний этап. Самый сложный и опасный. Сразу после завтрака я отправился на поиски гравитонной платформы для перевозки тяжестей. Глупо было надеяться, что кто-то из персонала просто оставил её на самом видном месте. Я осмотрел каждый служебный тоннель. Каждую подсобку. Каждую комнату, где её могли бросить попользовавшись. Наблюдая за мной, бегающим по всему комплексу, Катля только пожимала плечами. В конце концов, платформа отыскалась в спортзале, в кладовке с тренажёрами. Изобразив победный жест, я покатил её в отсек практических занятий.

А если быть точнее, то в музыкальный класс.

Катлея уже взяла кое-что из этой комнаты, заставленной стульями и пыльными футлярами с инструментами, шкафами со старыми нотными сборниками и увешанной портретами великих композиторов планетарной эпохи. Её электронное пианино. И теперь я пришёл сюда за тем же самым. Только в несколько большем масштабе.

Огромный чёрный лакированный монстр на трёх ногах. Концертный рояль.

Вкатив под него платформу, я включил её и принялся настраивать. Автоматическая система распознала груз и включила «генератор невесомости» – инструмент оторвал колёсики ножек от пола и медленно, почти незаметно поплыл вверх. Когда он оказался на высоте нескольких сантиметров, я зафиксировал его гравитонным захватом. Настежь распахнул гермошторки и покатил платформу с роялем к выходу.

Управляться с такой тяжестью в одиночку было непросто. Даже несмотря на то, что большую часть работы выполняла платформа. Рояль весил немало, и, чтобы придать ему ускорение, нужно было приложить большое усилие. Но у меня в запасе было несколько часов времени, так что я катил его медленно и аккуратно, чтобы не поцарапать о косяки.

Наконец, приблизилась заветная цель: двери в обсерваторию. Осторожно провёз рояль внутрь. Поднял на подмости по пандусу, выкатил на их середину. Отошёл подальше и, удовлетворившись результатом, вернулся назад, чтобы выключить платформу.

Оставалось только настроить инструмент. Давние экземпляры планетарной эпохи имели деревянный корпус с металлической рамой, в котором были укреплены ряды колков. Настройщики вертели их при помощи длинных четырёхгранных ключей, ориентировались при настройке на свой острый слух. В моём арсенале не было таких мощных средств. Но и рояль был уже не тот, что делали раньше.

Корпус из углепластика. Колковая механика управляется электронной начинкой. Рама осталась металлической, но немного изменила форму. Помимо прочего добавились ещё магнитные присоски в ножках на случай пропажи тяготения. Включались они автоматически.

В общем, я запустил программу настройки. Рояль быстро пошевелил клавишами, исторг мощный восходящий поток звука и успокоился. Полагаю, он готов. Всё готово.

Я вышел на середину зала. В последний раз проверил все голографические проекторы. Развернул купол и глянул на время. То, что нужно.

Задрав обсерваторию и завесив дверь куском ткани, я пружинящей походкой довольного собой человека направился в сторону общежития. Было сложно, но в срок я уложился.

Завтра раскрою все свои карты. Лучший подарок для Катлеи, на который я только способен.

Вернее, два лучших подарка.

Вечер восьмого дня декады. Первого из трёх предстоящих выходных.

Я очень волновался перед зеркалом в своей бывшей комнате. Отглаженная парадная форма сидела идеально, но мне постоянно что-то не нравилось. Сгиб воротника рубашки, узел на галстуке, бантик на шнурках левого ботинка. И моя причёска. Это было самым худшим. Дважды пожалел, что не сходил в автоматическую парикмахерскую на первом этаже общежития. Катля ведь именно там подстриглась. Но было уже поздно.

Готовился к этому событию целых семь дней. И вот теперь у меня совсем не осталось времени.

Ну что ж, хуже уже всё равно не будет.

Я открыл дверь и вышел в коридор. Глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. И вошёл в нашу комнату.

– Надевай лучший костюм. Сегодня у нас очень знамена...

Кимоно. Настоящее шёлковое японское кимоно с длинными рукавами. С фигурным бантом на поясе. Ткань была алой и как будто переливалась. А когда Катля повернулась, чтобы я, отвесивший челюсть от глубочайшего удивления, всё как следует рассмотрел, на спине чуть ниже ворота обнаружилась маленькая аккуратная вышивка – цветок орхидеи.

Так вот чем она занималась всё это время! Кимоно сидело идеально, подчёркивало изящную талию и грудь девушки. Сил в него явно было вложено очень много.

– У меня нет слов, – только и смог промямлить я. – Ты в нём как будто светишься.

– Хи-и-и... Даже удивительно, какую красоту можно сшить из обычных штор всего за неделю.

– Но почему именно кимоно?

– Вспомнила вот, как ты назвал меня дочерью потомка японского дома, – улыбнулась Катля. – Решила тебя удивить. Это тоже в некотором роде фансервис. Наслаждайся.

– Уже наслаждаюсь, – рассмеялся я и нежно поцеловал её, погладив по щеке.

Мягко ответив на поцелуй, девушка обняла меня за шею.

– Так что ты там говорил? Что-то про лучший наряд?

– Точно. Ты мне доверяешь?

– Конечно! – не задумываясь, ответила она.

– Тогда завяжи глаза и идём со мной, – я протянул ей специально подготовленную для этого плотную ленту ткани.

– Что-то странное задумал? – игриво поинтересовалась Катля.

– Увидишь. Только в обморок не падай. И не сбегай без предупреждения.

Она смущённо хихикнула.

– Ладно, постараюсь.

Я вёл её по приюту медленно и осторожно, предупреждая обо всех порогах, лестницах и лифтах. Её босые ступни должны быть в безопасности.

Некоторое время я раздумывал над тем, не понести ли её на руках, но потом решил, что время для этого ещё найдётся. Нехорошо будет, если она попортит причёску и свой наряд.

Мы вошли в отсек практических занятий. В молчании прошагали по коридору. Повернули за угол. И наконец оказались перед дверью в обсерваторию.

– Можешь открывать глаза.

– Хорошо. Марк, что ты всё-таки задумал? Где мы?

– Хочешь узнать? Загляни за штору.

Катля заинтересованно отодвинула полосу ткани, которой я заранее завесил дверной проём. Сунула внутрь носик. Раздались громогласные аплодисменты и овации, в них потонуло всё вокруг. Девушка юркнула назад в коридор и прижалась спиной к стене. Её глаза округлились. Дыхание сделалось частым. На лбу проступила испарина.

– Что? Что происходит? – немедленно поинтересовалась она.

– А на что это похоже? – улыбнулся я в ответ.

– Ну, там очень много людей. Они держат в руках плакаты. На плакатах написано моё имя. И нарисованы сердечки.

– Так, а ещё?

– Ещё там рояль из музыкального класса. Над ним микрофон на стойке. Купол развёрнут, и старушка Земля так ярко сверкает!.. А над роялем по бокам сцены длинные красные гербовые флаги с орхидеями... – Катля взглянула на меня. – Марк... Это... Это... Что это?..

Вместо ответа я ухмыльнулся и выбежал на подмости. Выдернул микрофон из держателя и обернулся к толпе.

– Дорогие друзья! Свершилось! Я с гордостью объявляю вам, что прямо сейчас за кулисами звезда этого вечера собирается с духом. Вы знаете её, как прелестный дикий цветок чистого и страстного пламени, выросший на окраине станции. Вы любите её всем сердцем! Так поприветствуйте же от всей души нашу звезду на её первом сольном концерте! Встречайте: Катля!

С широкой улыбкой я указал ладонью на вход в обсерваторию. Толпа обернулась к нему. А в следующее мгновение шустрая алая молния взлетела на сцену и радостно раскинула руки, словно хотела обнять сразу всех зрителей. Мы потонули в овациях.

– Ты сумасшедший, – шепнула она, дёрнув меня за рукав, и счастливо рассмеялась. – Как ты это всё сделал? Когда?

Вместо ответа я ухмыльнулся и дважды стукнул указательным пальцем по лбу. Многозначительно поднял брови.

А потом вернул микрофон на место и нырнул в толпу, заняв единственное в зале свободное место. Прямо перед её банкеткой, чтобы видеть каждое движение ловких пальцев.

Катля прижала руки к груди и поклонилась залу в пояс. С широкой улыбкой и прямой спиной пересекла сцену. Овации стихли. Прямо сейчас сотня голографических человек и я – единственный настоящий – не

отрываясь и боясь даже вздохнуть, следили за ней во все глаза. Вот она села за рояль, настроила высоту сиденья. Подвинула микрофон поближе к губам. Положила пальцы на клавиши.

Из-под них полились чистые и прозрачные звуки. Сперва еле слышные, но громкость постепенно нарастала. Мелодия становилась всё отчётливее, всё резче и твёрже, в ней слышались отголоски далёкого грома. Я сразу узнал мелодию. Композиция «Дождь» из альбома «Утраченное» современного музыканта Фёдора МАРЬИНА. В переложении для фортепиано. Рояль под пальцами Катлеи урчал и раскатывался, свистел в ушах и звенел искристыми каплями влаги. Гремел и ревел бурей звуков. На несколько минут обсерваторию объяла земная гроза из далёкого прошлого. Метущаяся. Яростная. Вызывающая трепет перед неистовой силой стихии.

А когда она ушла, отгремев вихрями нот, зал наполнила душистая свежесть. В последнем звуке слышалось далёкое забытое пение птиц.

Несколько мгновений зал молчал в потрясении. А потом взревел, возбуждённо аплодируя.

Широко улыбаясь, Катлея махала мне рукой. Мне одному.

Следующим был этюд Шопена. Опус двадцать пять, номер пять. Осколок давно потерянной классической музыки, оставившей след в сердцах людей по всей планете. Затем душещипательный отрывок из музыки к фильму «До Каллисто и обратно». Потом, похоже, Бах. Девушка в кимоно с подвязанными рукавами играла великолепно. Страстно. Чувственно. Светло и мрачно. Яростно, будто гремя железом о железо и мягко, словно поглаживая поверхность воды. Завораживала. Её звук рассказывал историю. Показывал отрывки чужих воспоминаний, застрявшие в нотах. Взывал к самому сокровенному.

Но главное было впереди.

Исполнив шесть инструментальных композиций, взмокнув, но счастливо улыбаясь, Катлея отдышалась, сыграла коротенькое вступление и запела. Мягко и тихо, осторожно касаясь голосом каждого слова. Так же, как касалась клавиш пальцами. Я узнал мелодию и обомлел. Вступительная песня из «Вайолет Эвергарден». На японском. Голос был чистым и высоким, таким красивым и мелодичным, что я невольно засомневался, та ли это Катлея. Когда мы впервые повстречались, её крик казался раздражающим и неприятным, как скрип ногтя по стеклу. Но не теперь. Эта девушка совсем другая. Та же, но не та. Мы оба изменились до неузнаваемости за декады, что провели вместе.

Мощный и упругий припев с немного грустным и пронзительным мотивом пробирал до мурашек. Я не верил своим ушам.

Звезда сегодняшнего вечера исполнила ещё две знакомые, но очень красивые песни на японском. Одну на французском. Две на английском. Одну на русском. И ещё одну на всеобщем – романтическую песню из титров «Падшего ангела». Зрители были в восторге. Казалось, даже старушка Земля

над её головой тихонько улыбается, морщина каменистые щёки. С глубокой гордостью за дитя космоса, возродившее на один вечер воспоминания, чаяния и мечты давно почивших детей планетарной эпохи. Как же жаль, что кроме меня этого великолепия никто не слышит!

Но это был ещё не конец.

– А теперь я сыграю для вас, дорогие друзья, песню, которую написала совсем недавно, – проговорила Катлея. – Как-то раз я глядела в окно на космос и на наш потерянный дом. Думала о том, как же там жилось. Что чувствовали люди, покидая поверхность. И что чувствовали те, кому было суждено остаться. Как глядели на рвущиеся в небесах ракеты тех, кто не смог спастись, на покорёженные обломки металла, падающие в океан... Старушка Земля всегда казалась мне очень грустной. Грустной и одинокой. Об этом моя последняя на сегодня песня.

Всё началось с единственного тихого и тусклого звука. Следом пришло ещё два. Следующие сложились в тоскливую мелодию, механически повторяющуюся, будто её играла сломанная машина.

Голос был тихим, будто шёпот.

Я немного понимал английский. Его преподавали в кадетском корпусе, потому что большинство древних приборов использовало этот язык в качестве основного. Потому слова Катлеи были для меня ясны.

Они оставляли внутри необъяснимое чувство пустоты.

Я видела окна в огне,
сжигающем папки
поблекших воспоминаний.
Я видела уставшие ветряки.
Ничто не совладеет
с песком и ветром.

Я видела опустевшие города.
Когда никого нет вокруг,
они живут своей жизнью.

Наши братья рассчитали бессердечные
мили, которые свет лишь пересекает.
Снарядили плаваньё в небеса.
Люди ушли.

На последний слог она яростно ударила по клавишам. Мелодия из вступления повторилась, сделалась тяжёлой, сыгранной будто в исступлении. Волосы на моей голове встали дыбом. Ярость и одиночество. Отчаяние. Глухое и тёмное, будто космос.

Катлея продолжала, чеканя каждое слово:

Я видела, как они оставляют города,
как пакует сумки забытых вещей.

Я видела, как они чертят по небу
Огненными хвостами.

Помню тот день.

Я видела, как металл падает вниз,
чтоб утопить в одночасье
все надежды и веру.

Наши братья оставили мёртвых позади,
Чтоб приручить для себя дикую силу звёзд.
Люди ушли.

И снова та же мелодия. Она делалась всё пронзительней и грубее с каждым повторением, и теперь напоминала яростные и отчаянные удары кулаками по двери, за которой ждёт спасение от неминуемой гибели. Но дверь так и не открылась.

Вместо этого мелодия разрешилась светлым и печальным аккордом.

И вот мы смотрим на звёзды,
живём в грязи,
молим о помощи
холодные небесные огни.
Наш дом погиб,
и мы – всё, что осталось
от старых добрых времён.

Наступила тишина. Отгорал последний звук. А потом, когда казалось, что песня уже окончилась, мелодия заиграла вновь. Катля вторила жалобным вокализмом. Будто плач. Последний плач древней всепрощающей защитницы о покинувших её детях.

О нас.

Песня завершилась мрачным и низким аккордом, гремевшим в гулкой тишине, пока пальцы не соскользнули с клавиш.

Я отключил голограммы зрителей. Овации после такого неуместны. Это был реквием по планетарной эпохе, написанный маленькой девочкой. Маленькой и одинокой. Как сама Земля.

* * *

– Когда это ты успела сочинить такую тоскливую песню?

Катля поправила чёлку и, улыбнувшись, пожала плечами, лежа у меня на руках. Я нёс её назад к нам домой через весь комплекс. Миниатюрное девичье тело под алым шёлком дышало жаром и влагой. Какие же девушки всё-таки мягкие и нежные на ощупь! Даже такие жилистые.

– Тогда, – просто ответила она. И на этот раз я всё понял.

– Прости.

– Прекрати, – попросила Катля, уложив голову ко мне на плечо. – Мы оба прекрасно всё понимаем, и нам обоим есть за что просить друг у друга прощения. Если бы я тебе всё рассказала с самого начала, ты бы не задержался

здесь так надолго. Мы бы не узнали друг друга так хорошо. Не поссорились бы. Не помирились бы. И эта песня так никогда бы и не прозвучала. А если бы ты не накричал на меня, я бы чувствовала свою вину всю оставшуюся жизнь. И никогда бы тебе не смогла открыться.

Я пронёс Катлею через гермовторки общежития и направился к лифту.

– Когда это ты успела так повзрослеть?

Она мелодично хихикнула, прикрыв ладошкой игривую улыбку.

– Девочки быстро растут, ты не знал? Кстати, какой сегодня день?

– Триста пятьдесят восьмой от начала цикла, – ответил я, немного подумав. – А что?

– Согласно записям из моего приюта, я родилась за пять дней до начала цикла. Катлея, семнадцать лет, есть парень. Приятно познакомиться!

– Так ты ещё и старше меня?!

Девушка громко и победоносно рассмеялась, вскинув руки. Я насупился и вышел из лифта. Эта полутораметровая малявка, сладкоежка, девочка-ракета и любительница аниме старше меня на целых полцикла! Якорь мне в дюзу! Это не может быть правдой.

– И вообще, почему не сказала? Мы бы отпраздновали твой День Рождения как следует. Я бы приготовил тебе подарок...

– Но ведь ты и так приготовил, – улыбнулась Катлея, нежно коснувшись моей щеки. – И я тебе очень благодарна. Это был лучший подарок из всех!

– Рад, что тебе понравилось, – я в очередной раз ощутил, как краснею. – Если честно, думал, что ты очень испугаешься и просто сбежишь.

– Я и правда очень испугалась! Представь себя на моём месте! Ты живёшь семь лет совсем один, а потом сразу попадаешь в огромную толпу людей. Так и свихнуться можно!

– Наверное.

Двери лифта раскрылись, выпуская нас в коридор. Наша комната была совсем близко. А значит, время для второго подарка – тоже. Я старался не подавать вида, но был очень взволнован.

– Потом я вспомнила, где мы с тобой живём, и поразила твоей изобретательности. Ты ведь всё это устроил всего за неделю!

– Так же, как и ты с кимоно. Оно получилось очень красивым.

– Хи-и-и...

– Но знаешь, ты прекрасна в любом наряде, – я улыбнулся, проходя за порог. – Потому что ты – это ты.

– Ты опять бьёшь все рекорды! – рассмеялась Катлея. – Эта фраза – неотъемлемая часть лёгких романтических комедий.

– Клянусь, я выучу все заезженные реплики из всех фильмов и в твоём присутствии буду говорить только ими!

– Интересно было бы на это посмотреть!

Смех сделался ещё громче. Я пересёк комнату и усадил её на кровать. Отошёл в сторонку, собираясь с мыслями. Как же волнуюсь! Сосредоточиться

совсем не выходит. Я сунул руку в карман. Стиснул носовой платок и маленький кусочек металла, завёрнутый в него. Сейчас или никогда.

Тонкие ладошки поднырнули под моими локтями и сцепились на животе. Округлый лоб упёрся в спину между лопаток.

– Девочки очень быстро взрослеют, – тихо повторила хозяйка ладошек с улыбкой. – Особенно когда рядом есть тот, кто их вдохновляет. Ты ворвался в мой замкнутый мир, Марк, и разрушил его стены. Расширил границы. За это я тебе очень благодарна.

Я обернулся к ней. Взъерошил волосы.

– Чего это ты вдруг, Катля?

Вместо ответа она взмахнула рукой. Свет в комнате погас. Включенным остался только фигурный торшер на тумбочке рядом с кроватью, служивший нам ночником. Рядом с ним я разглядел аккуратно сложенное полотенце. Разве оно было там утром?

– Мне семнадцать. По меркам древних я уже почти совсем взрослая, – в её огромных глазах мелькнула незнакомая искра. – И раз уж речь зашла о моём Дне Рождения, у меня есть желание. Без торта и свечей, просто так.

– Катля...

– Нет, подожди! Я тут вообще-то с мыслями собираюсь.

– Ладно.

– Я оделась сегодня так не просто потому, что вспомнила твои слова. После того, как посмотрела уйму романтических аниме с грустным концом, мечтала о том, чтобы кто-нибудь нёс меня в через весь комплекс так, как ты сегодня, – Катля опустила голову и стиснула своими похолодевшими от волнения пальцами мои ладони. – Никогда не думала, что этот день правда настанет. И подумать не могла, что буду такой смелой с тобой, Марк.

Она снова подняла голову. Я заглянул в её глаза, отражающие приглушённый желтоватый свет торшера. Делаящиеся в этом свете такими глубокими и тёплыми. В этих широко распахнутых омутах космоса таилась бездонная тьма, готовая поглотить меня без остатка. Пылал яростный и жаркий огонь тысячи звёзд.

Увидев всё это, я на мгновение замер. Сердце знало: мы вступили в неизведанное. Оно уже вокруг нас. Внутри нас. В воздухе, который мы вдыхаем. В наших венах колким жаром разливается под кожей. Страх перед новым сковал меня ледяными цепями. Но лишь на мгновение.

А в следующее я поцеловал Катлю, запустив в её волосы растопыренную пятерню. Металлический ободок тихо стукнул о коврик. Она ответила на мой порыв с неистовой страстью. Не успел осознать или хотя бы заметить, как моя ладонь, миновав запахнутые внахлест полы, коснулась нежной бархатной кожи на её спине. Прелестная дева похоти шумно вздохнула, отстранилась и обнажила плечико. Потом руку целиком. А ещё через мгновение весь верх кимоно вместе с рукавами потянулся к земле, повиснув на туго затянутом поясе.

Кусая губы, страстно-голодным взглядом девушка-кошка следила, как я расстёгиваю пуговицы на вороте. Не стерпев, стянула с меня галстук и рубашку через голову. И снова прильнула ко мне, повисла на шее, наслаждаясь близостью наших тел. Её нежная кожа обжигала. Катля не отпускала меня, пока я на ощупь распутывал узел на её поясе. Продолжала целовать, помогая мне свободной рукой. А когда он наконец сдался, упал на пол вместе с алым шёлком, открыв её изящную талию, плоский живот и крепкие округлые бёдра во всем их незабываемом великолепии, она обхватила мои плечи, скрестила лодыжки за моей спиной.

Нужно остановиться, пока ещё не поздно.

Не отпуская сладострастную бесстыдницу, я потянулся к тумбочке. К тайному запасу, который хранил среди носков последнюю декаду. На который давным-давно наткнулся в комнате одного из учителей и с пылающими щеками сунул в карман.

Но Катля меня остановила.

– Будь со мной в этот раз без остатка, – шепнула она, глотая вдохи. – Доверься мне. Прошу тебя.

И я пропал. Рухнул в её жаркие объятия. Мы стали единым целым, слились, растворились друг в друге без остатка, и...

Да двадцать раз мы растворились! Такое жаркое, страстное, срывающее тепловые заслонки начало и такое невятное, неуклюжее продолжение! Знаете что, любители посудачить о запретном и неизведанном в общезнании после занятий? Знаете? Горите вы все в термоядерном огне! Пусть ваш прах послужит станции топливом! Хоть какая-то польза будет. Тоже мне, самое знаменательное событие. Тоже мне, врата во взрослую жизнь!

Створки тех самых врат скрипнули на несмазанных петлях, так и не отворившись как следует.

И когда эта паника в темноте наконец закончилась, я уселся на край кровати и в пылающем сотней раскалённых иголок смущении взъерошил себе волосы. Уставился на ворох алого шёлка, лежащий у моих ног.

Это сложнее, чем пилотировать космический дрон. Те, кто считает иначе, – олухи толстокожие. Ведь игра стоит жетона только если любимая тает в твоих объятиях.

Катля тихонько поднялась с постели и обняла меня, прильнув к моей спине и положив подбородок на плечо. Ткнулась носиком в ухо. Шумно выдохнула.

– Дурень, – шепнула она. – Чего расстроился? Я люблю тебя и ни капельки не жалею.

– Не в этом дело...

– Сегодня восьмой день декады, – улыбнулась она. – Впереди ещё целых два дня. Наверстаем.

Я нежно поцеловал припухшие губы. Какая же ты красивая в этом желтоватом свете!

Мы наверстали. На следующий же день. Катля объявила праздник хождения нагишом, запретив прикрываться даже полотенцем. Такие радикальные меры требовали радикальной работы над собой, но вызов я принял, гордо расправив спину. Даже заключил с ней пари. Оба выиграли. И оба получили награду.

Раньше я не замечал, но под правой ключицей у неё небольшой шрам. В форме ключика. Мне было очень интересно, откуда он взялся, но я так и не решился спросить.

Я учился. Внимательно следил за ней, слушал дыхание, её хриплый голос, гладил подёргивающуюся мурашками кожу. Впитывал. Осваивал управление. Учёба медленно приносила плоды.

Прямо говорить об этом мы пока не могли, но я видел всё в бездонных глазах. Замечал, как они подёргиваются сладостной пеленой. Слышал в ритме дыхания. Ощущал в её прикосновениях. В том, как она выгибает спину. В том, как сплетаются наши пальцы.

И ещё в том, как заплетался её язык во время недолгих разговоров. Катля путала местами слова и буквы, временами переходила на японский или русский. Когда это случалось, я запускал пятерню в её волосы, и она замолкала совсем, подставляясь под руку, как кошка. И, кажется, даже негромко мурлыкала.

На второй день мы решили, что неплохо было бы сходить в душ. Спорю, этот приют ещё не видел такого бесстыдства. Чтоб двое учеников разного пола тёрли друг другу спины под струёй воды, а потом забыв обо всем набросились друг на друга, вымазавшись в мыле!.. Да ни в жизнь! Но это было только начало. Мы исследовали общежитие вдоль и поперек. Потом – мягкую зону в парке. Игровые автоматы. Кинотеатр. На школьном отсеке мои запасы подошли к концу, и мы отправились в общежитие для учителей на поиски новых.

Нашли и отправились в обсерваторию. Главное – случайно не включить голограммы с концерта. Это уже будет чересчур.

И мы лежали на принесённом мной матрасе прямо посреди огромного зала. Над нами раскинулся космос во всём своём тёмном и мерцающем великолепии. Глаза любимой были глубже. Ярче. Она положила голову мне на плечо и тихо сопела, её плечики золотились в сиянии старушки Земли.

Она была так прекрасна.

– Знаешь, Марк, – шепнула Катля, поглаживая пальцами мою грудь. – Я решила, что пойду с тобой. Ну, то есть, я знала, что соглашусь, в ту же секунду, как ты мне предложил, но окончательно поняла, что пора, только недавно.

– Вот как? – улыбнулся я,

– Ага, – девушка тоненько и мелодично хихикнула. – Ты смотрел фильм «Синее пятнышко»?

Я помотал головой.

– Это очень старый фильм. Ему лет семьдесят! Если вкратце, пассажирский космический лайнер терпит крушение в глубоком-преглубоком космосе.

Вроде бы на астероид налетают. Капитан и навигатор замечают недалеко крохотную синюю пла... *планету* и решают взять курс на неё. *Бух!* В результате лайнер сгорает *наполовину* и падает в океан. Выживают трое: маленький мальчик, маленькая девочка и... горничная с палубы первого класса. Но она оказывается андроидом. Так вот, к чему это я... – Катля сладко зевнула. – *Все троём попадают на необитаемый остров. Горничная вскоре ломается, и дети остаются одни. Они вырастут там, учатся ловить рыбу, делать одежду из листьев, строят дом...*

– Милая, ты опять.

– *Правда?* Тьфу ты!.. Прости, о чём мы?.. Они вырастут, учатся ловить рыбу, одеваться, строят дом... А потом – как мы последние три дня.

– И чем же всё закончилось?

– У них родился сын. Они нашли среди обломков лайнера работающий челнок и отбыли с планеты. В нём и погибли от кислородного голодания.

– Блестяще.

– Так вот, – продолжала Катля, улыбнувшись. – Представь, что будет с нами. Мы здесь совсем одни. *Jeuneetamoureux*, как говорится. Рано или поздно я захочу от тебя ребёнка. Или у нас просто закончатся *запасы*. Выношу прелестного младенца, который будет красив как я и умен... Тоже как я...

Мы рассмеялись.

– Вот... И нам ведь нужно будет вырастить его в любви и заботе, верно? Сделать сильным, как ты, и решительным, как ты, и добрым, и немногословным, и рукастым – тоже как ты, – она нежно меня поцеловала. – Представь, что будет, когда наше с тобой драгоценное дитя выйдет отсюда в большой мир, никогда не видев людей, кроме матери и отца. Понимаешь, о чём я? По сравнению с его страхом и беззащитностью перед опасностями человеческого общества мои – будто свеча против костра.

Голос Катлеи дрогнул, по щеке пробежала слезинка. Я крепче обнял её и погладил по волосам.

– Мы должны вернуться вместе, – заключила она. – Вырастить наше дитя в любви и заботе. Помочь ему стать частью общества. И научить быть счастливым, будучи этой частью. А прежде мы сами должны этому научиться. Всё ради него.

– Катля...

– Чего?

– Как же я рад, что повстречал тебя!

– Хи-и-и... А уж я-то как рада! Давай всегда-всегда будем вместе и никогда-никогда больше не расстанемся!

– Слово кадета.

– Слова любимого мне достаточно.

* * *

Мы собрали все важные и памятные вещи, упаковали их в матерчатую сумку, ремень которой я перекинул через плечо. На всякий случай, я захватил

с собой немного инструментов. Катля плакала, обнимая свои книги. Свой торшер. В последний раз стёрла пыль с фигурок и флажков. Нежно дотронулась до каждого плаката. Я долго гладил её по волосам и шептал слова утешения. Оставлять эту комнату, эту скромную и укромную обитель, видевшую наше первое чаепитие, наше медленное, незаметное сближение и наши страстные ласки, было очень тоскливо. Мы посмотрели заключительную серию «Вайолет Эвергарден», в последний раз вскипятив чай. Несколько минут стояли, обнявшись, на мягком коврике, обводили взглядом каждый угол. А потом написали прямо на столе несмыаемыми маркерами послание для будущих жителей комплекса. Подробно изложили, как именно собирались его покинуть. А в качестве заключения написали короткую фразу: «В этой маленькой, но уютной комнате счастливо жили Катля и Марк. Пожалуйста, протрите пыль. Удачи вам». И оставили рядом два отпечатка ладоней. Мой, широкий и длинный, тёмно-синий, а рядом – маленькая алая пятерня любимой.

Прощай, наш первый общий дом. Мы навсегда сохраним тебя в своём сердце. Навсегда запоем дни, проведённые здесь. Дни, которые подарили нам друг друга.

И вот наступил тот самый час. Час нашего побега. Если присмотреться к созвездиям в обсерватории, то становилось понятно: мы находимся где-то в районе главной дюзы – в хвосте станции, который в конце цикла смотрит точно от Солнца. Однако как нам добраться по поверхности до ближайшего шлюза – всё ещё большой вопрос. Сеть внутри не ловила, а брандмауэр школьного отсека не разрешал пользоваться картами. Оставалось надеяться, что когда мы окажемся на внешней палубе, скайлинк поймает сигнал, и карты заработают. Потому мы оба немного волновались. Но держа за ладонь своё сокровище, я невольно становился увереннее. Мы выберемся отсюда. Ради друг друга. Вместе справимся с любыми препятствиями.

Мы поднялись на лифте к заветному выходу. Подойдя к гермоворке, ведущей в шлюзовую, я вставил в приёмник турникета билет Леонова. Толкнул стальную дверцу, покрытую обожжёнными шрамами. И она легко поддалась. Впервые за столько дней. Катля последовала за мной, вставив свой билет.

Она выиграла его в каруту пару дней назад. Рассказывала, что раньше были и другие автоматы, раздававшие такие пропуска. Например, очень реалистичный симулятор гравитационных маневров. Или викторина по литературе планетарной эпохи. Но ещё до того, как сама девушка оказалась здесь, запас билетов в таких автоматах закончился. Видимо, время, проведённое в невесомости в открытом космосе, считалось здесь особым видом поощрения, и дети из кожи вон лезли, чтобы получить дополнительные часы. Или, может быть, они тоже пытались сбежать отсюда по поверхности станции?

Мы оказались в заветной комнате. С одной стороны – шкафчики для личных вещей. С другой – стройные ряды пыльных бесформенных комбинезонов, развешанных на хранение вдоль длинных рельс на

потолке. Костюмы защиты от экстремальных температур. Неподалеку у стены стояли круглые кабины около метра в диаметре, очень напоминающие душевые. На их стеклянных дверцах красовались цифры «1» и «2». Шлюз был задраен. Как только я приблизился, чтобы глянуть в иллюминатор, перед гермовторкой высветилась голограмма-предупреждение: «Без скафандра вход воспрещён».

– Знаешь, как этим всем пользоваться? – я обернулся к Катлее и обвёл рукой ряды костюмов.

Та в ответ пожала плечами.

Значит, проведём краткий инструктаж.

– Сперва нужно переодеться в термокомбинезон. Выбери себе по росту, надень на голое тело. Потом становись вон в ту кабину, – я указал пальцем на «душевую» номер один. – Машина подгонит комбинезон по размеру.

Девушка послушно нырнула в гирлянду серебристой ткани. Сбросив с плеча сумку, я присоединился к ней. Мы нашли себе по костюму и в нерешительности замерли посреди комнаты. Где отдельные зоны для переодевания? Почему во время планировки не предусмотрели хотя бы перегородку?

– Отвернись, – попросила Катля, порозовев щеками.

Сама ведь недавно устраивала день хождения голышом, чтобы побороть смущение. До чего же девушки странные! Хотя, я её отчасти понимал. Даже те достопамятные выходные не смогли полностью выправить из меня смущение. К тому же, одно дело – дома, и совсем другое – на пороге шлюза в открытый космос.

Я разделся, стоя к любимой спиной, и принялся натягивать комбинезон. После чистки и мойки они принимают исходную форму, делаются очень просторными. Ткань висела на мне мешком. По крайней мере, перчатки и подошвы были по размеру.

– Готова, – подала голос Катля. – Только немного тесно в груди. И ещё подошвы маловаты.

Этого следовало ожидать.

Она осмотрела меня и рассмеялась.

– Ты выглядишь, как будто сбросил килограммов шестьдесят!

– А ты – как будто попыталась влезть в форму из начальной школы. Заходи в аппарат и стой спокойно. Не бойся.

– Я уже не маленькая, – насупилась девушка.

– Знаю-знаю... Но всё равно, стой спокойно. Ноги пошире расставь, и руки держи как можно дальше от тела. Вон на полу отметки, видишь?

Она находилась в кабине за закрытой стеклянной дверцей всего несколько секунд. Множество роботизированных конечностей подгоняло ткань по фигуре, мелькая так быстро, что уследить за какой-то одной было очень сложно. Комбинезон на глазах поменял форму. Прорезиненные наколенники и подкладки на локтях заняли свои места. Подошвы немного вытянулись. Перчатки – наоборот, съёжились, чтобы не стеснять движений пальцев.

Катля покинула машину, сверкая металлизированными нитями, словно её обернули матовой фольгой. Прошлась, осматривая себя со всех сторон. Встала на идеальный мостик, оторвала левую ногу от пола и вытянула её вертикально. Оттолкнулась правой – и несколько мгновений продержавшись на руках с идеальным шпагатом, снова встала на ноги.

Пожалуй, этот наряд выглядит на любимой ещё откровеннее, чем если бы она была без него. Вот пакость! Не думал, что такое возможно. Лучше сосредоточиться на лице. Скажем, на переносице.

– Я сохранила костюмчик, – шепнула девушка с игривой улыбкой, встав на носочки и ткнувшись носом мне в ухо.

– Хватит.

Мелодично хихикнув, она упорхнула прочь – собирать в сумку нашу одежду. Бесстыдница! А ведь только что сама краснела и просила отвернуться. Без одежды, значит, смотреть нельзя, а в обтягивающей и сверкающей – можно. Всё-таки девушки и вправду странные. Я пожал плечами и залез в кабину.

Несколько секунд превратили меня из резко похудевшего сладкоежки обратно в себя. Только в формате «Стардаст». Прямо как какой-нибудь эпатажный артист.

– Ладно. Следующий аппарат проверю первым. Отойди подальше.

– Зачем это? – насторожилась Катля.

– Ну, бывает, искрит немного, – соврал я. – Не волнуйся.

Не хотелось вспоминать, как неисправный автомат по сборке скаффандра сломал на моих глазах одному кадету обе руки.

Я вошёл в кабину и поставил ступни на жёлтые отметины. Стеклопанель дверца опустилась. На глазах девушки механические манипуляторы надели на меня титановые сапоги. Затем – перчатки. Следом был защитный нагрудник. Потом всё это обернули гибким и эластичным композитом со специальными прочными складками в местах сгиба конечностей. Подогнали по фигуре, спеленали углеволокном в качестве силового барьера и прикрыли тканью-хамелеоном. Накрепко спаяли за спиной и зашнуровали. Нацепили на это место ранец с запасом воздуха, аварийным маяком и батареей. Последним был металлический шлем, полностью скрывающий голову. Перед глазами зажглись окуляры. Картинка несколько раз мигнула, линзы подстроились под мои глаза.

Готово.

Автомат провёл несколько тестов на герметичность, результат отобразился на экране внутри шлема. Никаких отклонений не выявлено. И всё же риск есть каждый раз.

– Ого! – протянула Катля, восхищённо выпучив глаза. – Кажется, теперь я понимаю, почему мальчикам нравятся такие штуки.

Через несколько минут мы уже стояли посреди шлюза. А там, за иллюминатором гермостворки открывался вечный простор. Бездонный, глухой и холодный. Нестерпимо ярко светило Солнце. Давление в шлюзе

понемногу убывало: работали насосы. Ни грамма драгоценного газа космосу! «Протокол работы шлюзовых запоров», принятый десять циклов назад, привёл к огромным энергетическим затратам на откачку воздуха, зато существенно снизил его непосредственный расход. В итоге это оказалось дешевле, чем поднимать сжиженный газ или химикаты с поверхности.

Потому мы ждали. Гигант с титановыми ступнями, внутри которого находилась теперь Катля, нетерпеливо переминался с ноги на ногу. До чего эти скафандры тяжёлые, а она всё равно не может не шевелиться.

– Ты раньше бывал в открытом космосе? – проговорил голосом девушки динамик в правом ухе.

– Каждую неделю, – ответил я, припоминая расписание. – Нас готовили для разных профессий. Кто-то после корпуса становится инженером-ремонтником. Или строителем. Или прокладчиком трубопровода. Даже пилотам не повредит такая практика. К скафандру лучше всего привыкать с детства. Тогда, случись что, не будешь дрожать от страха, а чётко и быстро примешь меры, чтобы сохранить свою жизнь.

– Я люблю тебя, – выпалила Катля.

– Я тебя тоже люблю, – удивлённо-обрадованно ответил немедля. – Но чего это ты вдруг?

– Ну, ты выглядишь так круто в этом скафандре, прямо как герой из фильма про космос! А говоришь такие неопишуемые вещи таким будничным тоном! Как будто реплика из сценария, но ведь это всё взаправду! Я просто сражена!..

– То есть, раньше я казался тебе обычным скучным парнем из кондоминиума средней руки? – я рассмеялся. – И ты всё равно в меня влюбилась. Дурында!

– Сам ты дурень, если, будучи таким незаурядным, полюбил простую серую мышь, обнимающуюся с пыльными книгами!

– Какая же ты мышь? Скорее кошка. И притом вовсе не простая. Это ведь благодаря тебе мы оба здесь, в конце концов! Ты самая симпатичная, страстная и гибкая книжная кошка во всей станции.

– Хи-и-и... «Книжная кошка». Звучит странно, но принимается, – растаяла Катля. – Надо будет потом изучить архивы на предмет аниме...

– Процесс декомпрессии завершён, – сообщил женский голос в динамиках. – Приготовьтесь к открытию шлюза.

В полной тишине гермостворка медленно отворилась. Я вышел вперёд. Звуки шагов глухим эхом отдавались в костюме, словно где-то очень далеко по бронированной обшивке станции стучали молотком. Ботинок стукнул о внешнюю палубу. Сработали магнитные присоски. Осторожно пригнувшись, насколько позволяла гибкость костюма, я пролез через створку. Пристегнул к поясу страховочный трос.

Даже здесь, в космосе, люди, презревшие планетарного бога, продолжали верить в приметы. «Перешагивай порог с правой ноги. Пристёгивай страховку левой рукой». Я слышал это столько раз, что следование маленьким ритуалам вошло в привычку. А ещё такие высказывания всегда сопровождались

нагоняющими жути байками инструктора. «Вот, помню, была бригада Карлсона, обслуживающая главную дюзу, так там один новичок перешагнул порог шлюза левой ногой. В тот же день всех унесло в открытый космос...» И тому подобные истории. Никто, впрочем, в такое особо не верил, но на всякий случай перешагивал правой и пристёгивал левой. Мало ли что.

– Па-а-а-а... Па-а-а-а... Па-а-а-а!.. ТА-ДА-А-А-А!!! – захрипели динамики.
– Это маленький шаг для человека, но огромный – для всего человечества!

Катля! Мы же не на Луне, в конце концов.

Я помог ей выбраться из шлюза и прицепить страховочный трос. Катушек было восемь. Вероятно, шесть – для учеников и две – для инструкторов. И ещё, насколько можно было судить по обстановке шлюзовой, мальчики ходили сюда отдельно от девочек.

– Отрегулируй теплообмен. Пока мы на теневой стороне, снаружи лютый холод. Наверное, придётся включить обогрев термокостюма, пока осматриваемся.

– Ясно, – протянула девушка. – А как открыть меню?

– Так же, как и у скайлинка.

Я отошёл на несколько шагов. Над головой сверкающего тканью-хамелеоном гиганта появился маркер: «Ученик #223748. Катля. Статус: в безопасности. Температура поверхности тела: 36,6°C↓. Дыхательная смесь: 4 часа». Привычным жестом я свернул окошко состояния. Теперь на экране было написано зелёными буквами: «Катля (4 ч.)».

– Так, вроде бы разобралась, – она сделала несколько жестов правой рукой. – Всё, готово. Совсем как в играх. Что дальше? Ох, божечки-кошечки!..

– Что? В чём дело? – всполошился я.

Вместо ответа девушка подбежала ко мне и указала вдаль.

Космос.

Прямо перед нами расстилалась сверкающая плоскость палубы. Бортовые фонари освещали её мертвенным сиянием, звёзды отражались в ней, и делалось похоже, будто мы стоим на невидимом мосту, протянувшемся напрямиком к соседнему рукаву Млечного Пути. Огней было столько, что всем словам в книгах Катлеи не охватить их разом. Но сколько бы ни было света в этом царстве вечности, каким бы великолепием оно ни сверкало, вокруг был только холод. Космос тянул свои невидимые пальцы к скафандру – последнему защитному барьеру между вечностью и трепетной искрой жизни. Опутывал руки вязким и гулким безмолвием. Сковывал. Придавливал своей громадой. Его немое послание вычерчивалось прямо в сердце.

Здесь царит ничто. Всякий огонь со временем отгорит. Даже молодые звёзды охладят и обратятся в тёмные глыбы. И к тому мигу, когда последний луч во Вселенной угаснет, ты уже будешь забыт. Миллиарды миллиардов миллиардов лет тому назад.

Любимая невольно стиснула мою металлическую ладонь.

Палуба вокруг нас была изрисована светящейся разметкой. Чуть вдалеке от выхода из шлюза возвышался какой-то флагшток с мерцающим на

верхушке красным клотиком. Кажется, там, наверху, тоже катушки страховочных тросов. На противоположной стороне палубы обнаружился вход в безвоздушное хранилище. Неужели спортивный инвентарь? Они здесь что – в мяч играли? Обернувшись кругом, я поискал объективами камер купол обсерватории. Вон он. Закрытый защитным кожухом и почти незаметный. А позади него открывался бездонный провал, опоясанный тянущейся в обе стороны от нас зубчатой кромкой отсеков. Главная дюза.

На самом деле, если смотреть прямо вниз, стоя на кромке, можно разглядеть, что она делится на множество маленьких секций, каждая из которых включает несколько сопел. Огромный двигатель для межпланетных перелётов никогда не работал. Инженеры в машинном кластере каждые четыре декады проводили полную диагностику, поддерживали его в рабочем состоянии. Постоянно что-то налаживали, дорабатывали, ремонтировали, как изнутри, так и снаружи. Зачем? Может быть, у учёных и навигаторов назрела какая-то идея? В чём же она заключается? Как её воспримут люди? Никто не знал ответа. А может быть, все его знали, но рассказать детям никто не посчитал нужным. И этот колоссальный потомок смрадных ракетных двигателей продолжал оттягивать дни своей кончины. В него вдыхали жизнь, но, когда требовалось сменить орбиту, всегда пользовались вспомогательными и маневровыми.

Приглядевшись к знакомым рисункам альфа и бет, я заметил в них некую необъяснимую странность. Млечный Путь тоже выглядел необычно. Я принялся по одному выискивать созвездия, сверять с картами, опечатавшимися в моей голове. Чтобы дело пошло быстрее, подключил базу данных скайлинка в режиме дополненной реальности.

– Что тебя беспокоит? – с заботой спросила Катлея.

– Не могу понять. Все звёзды на своих местах. Да как они вообще могут на них не быть? Это же космос, в конце концов! Даже если в созвездиях что-то меняется, с первого взгляда не заметить.

Я продолжал смотреть и отмечать про себя каждое созвездие. Большой Пёс, Орион, Близнецы... Рак, Лев, Гидра... Телец, Возничий... Секунду. Альфа Большого Пса. Сириус. Одна из самых ярких видимых звёзд. Вон там, прямо у него на груди, как серебряная медаль... Почему такая тусклая?

Просигналив жестом дать увеличение, я уставился на Сириус не отрываясь. Что-то чёрное вдалеке загораживало его! Космический мусор? Обломки какого-нибудь старого спутника на орбите захоронения? Но ведь тогда они должны ярко сверкать в солнечном свете.

Я зашагал в сторону, по-прежнему наблюдая Сириус. Трос медленно разматывался, тянулся за мной змеиным хвостом. Так вот же она, потерянная альфа. На своём законном месте. Не сделал и десяти шагов.

Странно это всё.

А потом над кромкой палубы, прямо за зубчатым абрисом кормового кластера станции с бездонным провалом главной дюзы посередине показала свою светлую щёку старушка Земля. Поймав за хвост неожиданно

промелькнувшую догадку, я глянул на неё, увеличив изображение насколько возможно. Попробовал вручную настроить резкость. И спустя несколько долгих секунд поймал перед камерой дрожащую картинку.

Расплывшаяся перед глазами поверхность планеты делилась на шестиугольные ячейки. Дальномер показывал двести с лишним метров. Столько же было до края палубы. Нетерпеливым, обеспокоенным жестом я вызвал голограмму скайлинка. Связи нет.

Сердце стиснула железная пятерня.

– Мы под куполом, – мрачно проговорил я. – Похоже, нам не оставили шансов.

* * *

Но мы отказались признать поражение. Игровое поле было огромным, и мы принялись прочёсывать его в поисках каких-нибудь зацепок. Может быть, удастся найти вход в инженерный отсек. Или потайную дверь, ведущую за пределы купола. Хоть что-то! Разве зря мы так старались сюда попасть? Зря прощались с нашим домом? Зря писали то послание на столе?

Мы должны выбраться!

Я пошёл осматривать склад. В нём и вправду оказались мячи. С электронной начинкой, гироскопами и магнитными колёсами. Наверное, чтобы не искать их потом по всему полю. Помимо них были ещё складные круглые корзины, забранные сеткой из металлических тросов. Какие правила были у этой игры? Зачем было тренировать детей таким способом?

Помимо инвентаря в помещении нашлась панель управления подвижными частями поля. Похоже, некоторые блоки обшивки можно было выдвинуть и устроить нечто вроде лабиринта. Но меня это мало интересовало. Куда полезнее был рубильник освещения. Я дёрнул его, и расположенные в рёбрах купола лампы зажглись, затмив собой звёзды и старушку Землю. Теперь всё пространство вокруг нас было забрано сверкающими шестиугольниками.

Катлея вскарабкалась на флагшток и принялась оглядывать окрестности. Я пошёл обходить периметр. Изредка мы переговаривались, чтобы не потерять друг друга. И чтобы не было так одиноко и тихо в эфире.

– Вижу пробойну, – доложила любимая спустя полчаса. – Похоже, та самая...

Я вспомнил погибших детей в кабинете домоводства. Верно. Мы ведь находимся снаружи отсека практических занятий.

– Поставь маркер. Пойду посмотрю.

Дождавшись наводки, я пометил место у стены, на котором остановился, и двинулся прочь. Плыл над палубой, отталкиваясь подошвами ботинок. Страхочный трос, закреплённый у верхушки флагштока, сматывался в катушку, чертя в пространстве причудливые изгибы. Глянув вверх, на клотик, я разглядел в свете ламп сверкающий панцирь Катлеи. Девушка висела вниз головой и махала мне руками. Маркер подтверждал: всё в порядке.

Приблизившись к дыре в обшивке с неровными, оплавленными краями, я заглянул внутрь. Темно. Включил фонарь и в его свете разглядел вторую –

в полу отсека. Внешняя броня станции была в толщину не меньше полуметра. Строительство велось прямо на орбите – можно было развернуться, не опасаясь сделаться слишком тяжёлыми, чтобы оторваться от земли. Пылинка размером не больше яблока прошила её насквозь и пробила пол, застряв где-то на нижнем уровне. Чудовищный, страшный удар.

Искусственный интеллект костюма построил траекторию и указал точку на куполе.

– Сейчас проверю, что там, Марк, – сразу отозвалась Катля. – Не уходи далеко.

– Хорошо. Осторожней там.

Я отключил отображение траектории и увеличил масштаб, наблюдал за тем, как девушка ловко переворачивается в воздухе, отталкивается от флагштока и плывёт к месту пробоя. Она грациозно вытянулась стрелой и была похожа на воздушную гимнастку. Ну, насколько это было возможно в огромном, тяжёлом и негнущемся космическом скафандре. Спустя несколько минут сверкающий гигант достиг маркера и принялся обследовать поверхность.

– Одно ребро сломано, – доложила Катля. – Купол немного промят. Но пролезть не удастся. Слишком узко.

– Якорь мне в дюзу! – не сдержался я. – Это был очень хороший шанс.

– Подожди-ка... – взволнованно перебила она. – Там снаружи человек! Его трос запутался вокруг разломанного ребра. Марк! Лети сюда, срочно!

Не помня себя, я примерился и прыгнул, выключив магнитные присоски. Человек! Первый человек кроме Катлеи за четыре с лишним декады! Может быть, ему удастся позвать на помощь! Или он сам поможет нам выбраться, расширив пробоину! Вперёд, нужно скорее с ним поговорить!

Минуты, проведённые в невесомости без всякой опоры, показались мне вечностью. Но, в конце концов, я достиг купола, ловко развернулся, оттолкнувшись руками, и встал на него подошвами, намертво прилипнув. Подбежал к размахивающей рукой девушке.

Там и вправду был человек. Его скафандр мерцал в отражённом от палубы свете ламп и далёких бортовых огней. От пробоины к нему тянулся обрывок троса, застрявший в щели между разбитой кварцевой пластиной и металлическим ребром, на которое пришёлся удар пылинки. Фигура медленно поворачивалась вокруг пупка и плыла куда-то вправо, но трос не давал ей отдалиться. На животе скафандра и ранце с запасом воздуха можно было разглядеть знак инженера – зубчатую шестерню, заключённую в круг. Запросив у компьютера статус его аварийного маяка, я не получил ничего. Здесь, возле пробоины, сигнал должен был проходить!

– Внимание, инженер! Говорит кадет Маркус Вольфганг Фробишер! Сигнал с вашего скафандра не поступает! Доложите статус! Повторяю: кадет Маркус Вольфганг Фробишер неизвестному инженеру! Доложите статус!

Тишина. Глухая и гулкая.

Схватившись за трос, мы изо всех сил дёрнули и потянули. Инженер развернулся и поплыл к нам. Я понемногу выбирал трос, а Катля уже

готовилась схватить несчастного через пробойну. Он не шевелился. Просто беспорядочно вертелся, раскинув негнущиеся руки.

Я уже знал, что человек внутри этой тонкой скорлупки окоченел. Угас давным-давно, может быть, годы назад. А запутавшийся трос никак не позволял ему молча раствориться в вечности.

Катлея дрожащими руками стиснула карабин на его поясе. Я поймал его правую руку, открыл на перчатке неприметную крышку. Сунул внутрь отверстия указательный палец и надавил. Перед глазами появился отчёт.

«Инженер-ремонтник третьего класса Артур Азимов. Статус: мёртв. Причина смерти: гипоксия. Время смерти: 22:26:44, 127.156».

Одиннадцать с половиной циклов назад.

Никто не знает, что за череда трагических событий привела к такому исходу. Может быть, маяк несчастного вышел из строя задолго до того, как кончилась дыхательная смесь. Поэтому он никак не мог позвать на помощь; медленно холодел и задыхался здесь, пока замороженные пальцы космоса не вытянули из него жизнь без остатка. А может, разом отказали все системы жизнеобеспечения, мгновенно убив инженера. Так или иначе, его пропажу никто не заметил. И он остался здесь на долгих одиннадцать оборотов вокруг солнца, ещё одним онемевшим напоминанием об опасностях мира, в котором мы теперь живём. О жутком в своей безмятежности лике Вселенной.

Мы с любимой взяли за руки. Сделали один на двоих глубокий судорожный вдох.

Не уходи безропотно во тьму,
Будь яростней пред ночью всех ночей,
Не дай погаснуть свету своему!
Хоть мудрый знает – не осилишь тьму,
Во мгле словами не зажжёшь лучей –
Не уходи безропотно во тьму,
Хоть добрый видит: не сберечь ему
Живую зелень юности своей,
Не дай погаснуть свету своему.
А ты, хватавший солнце на лету,
Воспевший свет, узнай к закату дней,
Что не уйдёшь безропотно во тьму!
Суровый видит: смерть идёт к нему
Метеоритным отсветом огней,
Не дай погаснуть свету своему!
Отец, с высот проклятий и скорбей
Благослови всей яростью твоей –
Не уходи безропотно во тьму!
Не дай погаснуть свету своему!

Он остался здесь немым напоминанием о том, в каком мире мы теперь живём. О том, что окружает нас каждое мгновение каждого дня. О том, чему остатки человечества сияются противостоять, терпя поражение за поражением, и каждый раз вновь поднимаясь с колен. Космос вечен. Все огни пред ликом Вселенной слабы и бессильны развеять вечную тьму. Всякая жизнь хрупка и эфемерна в её ладонях. Но даже зная, что рано или поздно будем повергнуты, раздавлены, иссохнем и обратимся в прах; с сердцами, объятами первобытным ужасом перед глухой и гулкой бездной, мы продолжаем драться. Яростно. Отчаянно. Отказываемся верить в неизбежное.

Он остался здесь напомнить, что нас ждёт, если опустим руки.

И сохранил для нас ключ к свободе.

– Прощай, инженер-ремонтник третьего класса Артур Азимов, – проговорили мы дрожащими голосами. – Твой бой окончен. Уходи теперь в объятия Вселенной.

Катлея выпустила заклинивший карабин. Я перекусил трос силовым болторезом. Мы вместе оттолкнули тело почившего прочь. И молча наблюдали, как он, медленно вращаясь, уплывает по млечному пути в далёкий космос.

Наблюдали, пока его мерцающий во тьме скафандр не растворился среди огней.

* * *

Мы покинули купол через неприметную дверь в его фундаменте. Допуск Артура Азимова открыл её для нас. Сменили точку крепления и двинулись к следующей на пути в инженерный отсек. Впору было чувствовать себя теми самыми покорителями лунных равнин, первыми людьми на Марсе, но мы ощущали лишь облегчение. Мы выбрались! Мы снаружи! Всё же – игра стоила жетона.

Скайлинк поймал чёткий сигнал сети. Я сразу же вошёл в свой аккаунт в «Лицах» и написал короткий пост с единственной фразой: «Мы живы!» Прикрепил координаты и множество фотографий себя и Катлеи, сделанных в комплексе. Первые двадцать минут сеть молчала, но потом на меня обрушился шквал сообщений. Я даже не успевал их читать.

Вскоре с сигналом пришлось распрощаться – воздух заканчивался. Мы слишком долго искали выход из-под купола, и теперь следовало посетить станцию обслуживания. Ближайшая находилась в инженерном отсеке, шлюз которого находился в пятидесяти метрах ближе к оси станции. Мы преодолели расстояние в несколько длинных прыжков. Я предъявил на входе цифровую подпись инженера третьего класса. Шлюз медленно отворился, пропуская нас внутрь.

Что ж, путешествие к окраинам станции временно откладывается. Но теперь люди знают, где нас искать, и даже если что-то пойдет не так...

– Декомпрессия завершена. Приготовьтесь к открытию шлюза.

В нос ударил резкий запах химикатов. Машинного масла. Металлической стружки. Похоже, все инженерные отсеки на станции пахнут одинаково. Перед нами открылась точно такая же шлюзовая, как в отсеке практических

занятий с одной лишь разницей. Она была немного просторней и в её левой части всё же предусмотрели перегородку.

– Как же тут пыльно... – протянула Катля.

– Как и везде, – я пожал плечами. Скафандр при этом не шелохнулся. – Вот, удержи.

Девушка взяла у меня ремень сумки. Внутри шлюзовой она снова сделалась тяжёлой, как и наши панцири. Двигаться было трудно.

– Я первый, проверю машину. Потом переоденем тебя – и в путь.

– Ага, – ответила она с улыбкой. – Даже не верится – скоро я вернусь в большой мир! Да ещё вместе с тобой!

Я улыбнулся в ответ. И вправду. Конец этой странной, местами жуткой, но всё же полной живой теплоты и нежности главы нашей истории уже совсем близко. Там, на станции, мне снова придётся ходить на занятия. Учиться водить боевые корабли. Командовать экипажем. Рассчитывать длительные гравитационные маневры. Катля наверняка станет знаменитой благодаря своему голосу. Множество людей будет видеть её нежным и прекрасным цветком, и только я буду знать, что на самом деле она сумасбродная босоногая сладкоежка. Никто больше не посмеет обзывать или издеваться. А если всё же рискнут, будут иметь дело со мной. Мы видели такое, что им и не снилось. Выбрались из смертельной ловушки. Вместе пережили столько всего!

– Внимание! Обнаружены ученики! Доступ в инженерный отсек закрыт! Что за?!..

Механические руки вцепились в предплечья будто клещи. Стекло дверца кабины мгновенно опустилась. Катля по ту сторону испуганно пригнулась в свете аварийных красных огней. Я с огромным трудом вывернулся из захвата. В манипуляторах остался оторванный клочок композита и ткани-хамелеона. «Тревога! Нарушение герметичности. Выход в открытый космос невозможен». Дурень! Но сокрушаться уже поздно. Изо всех сил я ударил по дверце титановой подошвой ботинка. Она разлетелась вдребезги. Вывалился обратно в шлюзовую в вихре мелких осколков.

– Внимание! Обнаружены ученики! Произвожу задержание.

Пол ушёл из-под ног. Меня закрутило и приложило о потолок. А потом в ушах раздался протяжный и мерзкий низкий гул, и тело перестало меня слушаться. Рядом в окружении мерцающего как звёзды стеклянного крошева повисли сумка с пожитками и обездвиженная Катля. Костюмы на вешалках замерли, причудливо изогнувшись, как будто кто-то поставил видео на паузу. Неподалеку висела одинокая резиновая перчатка.

– Задействована гравитонная ловушка. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Дежурный по шлюзовой и служба безопасности оповещены. Дождитесь прибытия конвоя.

Ага. Дождёмся. Вряд ли сюда кто-нибудь заглянет, даже чтоб прибрать останки. И надо мне было повести нас именно сюда! Могли бы вернуться в отсек практических занятий! Голова моя чугунная...

– Не могу двинуться... – простонала Катля. – Марк! Что нам теперь делать?

– Я думаю!

Взломать терминал. Обесточить гравитонные платформы. Отключить питание в шлюзовой. Что-нибудь из этого должно нас спасти. Нужно собраться. Мои программы достаточно хороши. Я потратил целых две декады на усовершенствование их алгоритмов! Замки дверей по-прежнему не поддавались – ими по защищённому каналу управлял удалённо центр безопасности. Но если ударить прямой наводкой в узел охранных систем, должно сработать. Нужно только отдать приказ.

Я выдохнул и изо всех сил напряг мышцы правой руки. Заскрипел зубами от напряжения. Связки заныли, воздуха не хватало. Но понемногу, сантиметр за сантиметром перчатка поползла в нужную сторону. Я нашёл помутневшим от натуги взглядом компьютерный щиток на стене. Ещё немного! Мой указательный палец уже почти занял нужную позицию.

– Не шевелитесь! – гремели динамики.

Я не обращал внимания.

Наконец металлическая пятерня заняла правильное положение. Переведя дух, я стиснул кулак. Оттопырил указательный палец. Вздёрнул вверх большой, взвёл невидимый курок. А потом стукнул его титановым концом по фаланге среднего. С указательного сорвалась тоненькая голографическая трасса. Её конец ударил точно в терминал.

– Пр-проток-колы бе-безопасности переписаны. Кадет Маркус Вольфганг Фробишер получил права первого уровня.

– Объявляю охранные протоколы недействительными! – закричал я сквозь забрало. – Отключи все гравитонные платформы! Открой доступ к обслуживающей станции шлюзовой!

– Выполняю, – равнодушно ответил компьютер.

Сковывающие пути пропали. Мы облегчённо выдохнули. Любимая сразу же схватила ремень сумки, подплыла ко мне и крепко обняла.

– Ошибка. Обслуживающая станция повреждена. Сборка скафандров невозможна.

– Якорь мне в дюзу! – я стукнул себя по забралу. – Катля, ты говорила, что в инженерном отсеке есть выход, верно?

– Да! Здесь располагается стыковочный рукав, ведущий к станции. Через него новый персонал прибывает.

– Отлично. Компьютер! Открыть все межблочные двери! Подсветить путь к стыковочному рукаву!

– Выполняю.

Дверь в лифтовую шахту отворилась. Прямо перед нами в воздухе возникла сверкающая белая линия. Стрелки отмечали направление.

Оставалось только одно.

– Замри, – попросил я Катлю.

Я развернул гиганта спиной к себе. Пошарил на ранце сбоку и подцепил пальцами незаметную рукоятку. Дёрнул. Скафандр немедленно

распался на составные части. Нагрудник разъединился на две половинки. Девушка вынырнула из него, сбросила бесполезные ботинки и перчатки, грациозно изогнувшись и замерла у стены, держась рукой за рельсы для термокостюмов. Сняла шлем и запустила его в полёт. Тепло мне улыгнулась.

Проделав с собой ту же операцию, я подплыл к ней и крепко обнял. Она тоненько пискнула, прижавшись щекой к моей. Вот так гораздо лучше. Без всяких шлемов и толстого композита. Её нежная кожа под тканью термокостюма. Её ароматные волосы, висящие в невесомости круглой шапкой!

– Испугалась?

– Немного. Я знала: ты что-нибудь придумаешь.

– А вот у меня чуть сердце не остановилось! – воскликнул я, глядя в её огромные глаза. – Если бы мои программы не сработали, мы бы тут навсегда остались!

– Но ведь не остались, верно? – хихикнула Катля. – Мы всё ещё можем выбраться. Теперь выход даже ближе! Да и к тому же, ты ведь отправил то сообщение. Нас бы нашли.

– Точно, – смутился я. – Совсем об этом забыл!

Мы ещё немного покружились в объятьях друг друга. Любимая положила голову мне на плечо, ткнулась носом в шею. Обнимать её в невесомости было так приятно! В моей голове сами собой рождались разные мысли, от которых перехватывало дыхание, а под ложечкой рождался электрический разряд. Но я сразу отгонял их, ведь дело ещё не сделано. Для них будет время, когда мы сбежим отсюда.

– Всё-таки ты – настоящий герой космоса, – ворковала Катля у меня на плече. – А в этом костюме такой статный! Так бы и набросилась на тебя прямо здесь!

– И ты туда же?! Всё, хватит обниматься. Пошли уже к выходу!

– Как скажешь, – сладко пропела она. – Но не думай, что тебе удастся так просто отделаться, когда мы пересечём тот стыковочный рукав.

* * *

Мы плыли мимо длинных рядов нумерованных дверей. Мимо окон, за которыми располагались ремонтные конвейеры. Механические руки, вооружённые инструментами, давно замерли, никому больше не нужные. Мы проплыли насквозь огромный зал столовой, мимо двери к реакторному отсеку, где дремало потухшее термоядерное пламя, мимо множества складских помещений, доверху забитых инструментами, материалами и деталями систем комплекса. Здесь хватило бы ресурсов, чтобы содержать этот приют ещё не один десяток циклов. Почему же всё это просто бросили? Неужели и впрямь забыли? Или попросту не смогли сюда пробиться?

Вряд ли. Наверное, на то была другая причина.

Теперь, когда мы уже приблизились к самому концу главы нашей жизни, под названием «Великий исход», я начал ощущать в обстановке комплекса

некую странность. Задумывался над этим и раньше, но забыл или отбросил, как несущественное. Почему лифт для новоприбывших вмещал только одного человека? Зачем люди, уходя из комплекса, оставили работающим отсек гидропоники? Почему не отключили электроэнергию и переработку отходов? Такое ощущение, будто все в одночасье просто испарились одиннадцать с лишним циклов назад. Что же стало тому причиной?

И ещё мне не давал покоя тот мёртвый инженер. Будь я на его месте, первым делом залатал бы пробоину в палубе, чтобы герметизировать кабинет домоводства. И тогда, если бы у меня в скафандре возникли неполадки, приведшие в конце концов к смерти, меня бы нашли внутри купола, а не снаружи. Может быть, пылинка ударила в тот момент, когда он что-то налаживал снаружи купола? Это объяснило бы положение тела. Хоть вероятность для человека попасть под космический мусор крайне мала, такое всё же случается. Но ведь его скафандр остался целым! Неужели метеоритом просто перебило трос? Вот уж совпадение из совпадений!

Все эти крохотные детали, многие из которых позволили маленькой и одинокой девочке дожить до нашей судьбоносной встречи, были совершенно необъяснимыми и складывались в картину сомнительной правдивости. Всё это время я был слишком занят. Сперва попытками выбраться. Потом – Катлеей. И теперь, когда выход был в двух шагах, инженерный отсек был под моим контролем, а любимая – в безопасности, они снова поднялись из глубин бессознательного, чтобы заявить о себе.

Что же здесь, всё-таки, происходит? Действительно ли то, чем оно кажется?

Мы пересекли отдел регистрации персонала. Прошли через контрольный пункт. Не спеша проплыли через дверь, ведущую к стыковочному блоку.

Окна. Огромные окна, защищённые автоматическими гермоставнями. Сквозь них лился звёздный свет. И мерцание бортовых огней соседнего отсека. Обжитого. Населённого. Пусть и окраинного. Остатки человечества там, за этой бронированной стеной. Примут ли нас?

Я подошёл к терминалу и вызвал стыковочный рукав. В глубокой и напряжённой тишине цилиндр с остеклёнными стенками начал выдвигаться навстречу устью комплекса. Неужели это всё взаправду? Неужели выход действительно прямо перед нами?

Верно.

Прошло несколько долгих секунд. Затем раздался глухой удар. Шипение насосов.

– Декомпрессия завершена. Подтвердите открытие диафрагмы.

Я надавил на дисплей. Пластинчатая створка стыковочного рукава раскрылась. Дрогнула. И молниеносно захлопнулась обратно. Гермоставни на окнах медленно опустились.

Катлея испуганно вскрикнула.

– Ошибка! – безразлично объявил компьютер. – Сбой стыковочного терминала. Требуется ручное управление.

– Да что за день сегодня!

Глубокий вздох. Ладно. Это ещё не конец. Аварийные рычаги никогда не отказывают.

Сорвав защитный кожух, я дёрнул рычаг. Диафрагма снова открылась.

– Катля! Заходи внутрь и сделай, как я. Ты должна держать диафрагму открытой, чтобы впустить меня, иначе не выйдет.

– Но я не знаю, что делать, Марк! – в замешательстве воскликнула она.
– Я ни разу не пользовалась даже стыковочным терминалом!

– Ты справишься! Справа от диафрагмы дверца с надписью «ручное управление»! Открой её и потяни на себя красный рычаг. Быстрее, пока ещё что-нибудь не сломалось!

Несколько мгновений она колебалась, в смятении глядя на меня. Но потом в глубине её глаз вспыхнула решимость.

– Ладно. Подожди немного, любимый!

Всё-таки я в ней не ошибся.

Девушка, вытянувшись, вплыла в стыковочный рукав. Громыкнула дверца.

С громким скрежетом и шипением диафрагма захлопнулась. Послышался громкий глухой удар.

Внутри что-то оборвалось.

– Катля! – я стучал кулаками по створке. – Катле-е-я-а!!!

Я дёргал ручку гермостворки снова и снова, но та и не думала поддаваться.

Любимая не оставит меня, я знал это. Она позовёт на помощь, приведёт инженеров, и вместе с ними вытащит отсюда титановой хваткой перчаток скафандра. А потом крепко обнимет, обзовёт дурнем и разрыдается.

Но что если нет? Что если прямо сейчас рукав рвётся на куски, испуская последние глотки воздуха в пустоту? А она висит в вихре стеклянных звёзд и угасает. Холодеет в объёмах космоса. Меня найдут. Спасут. Может, не сразу. Через день. На следующей декаде. Или ещё чуть-чуть позже. Ведь я отправил то сообщение. Но она будет там, медленно уплывая в бесконечную мерцающую бездну.

Маленькая и одинокая.

Почему ставни опустились? Почему именно сейчас?!

Вдруг раздался глухой удар. Громко зашипела пневматика.

– Марк! Быстрее заходи!

Поднял взгляд. Диафрагма была распахнута, а из-за неё высунулась Катля. Целая и невредимая. С дорожками слёз на щеках. Живая. Тёплая! Я сразу же стиснул её так, что рёбра затрещали. Беспорядочно вращаясь, мы вместе влетели в рукав. Моя спина упёрлась в его закруглённую стену.

– Что случилось?

– Рукав отстыковался и начал задвигаться назад, но я ему не позволила, – гордо ответила любимая. – Я никому не позволю так с тобой поступить! Пусть только попробуют!

– Как же я за тебя испугался!.. – голос дрогнул.

– Дурень! – счастливо рассмеялась она. – Лучше бы за себя боялся.

Мы держали друг друга в объятьях ещё несколько минут. Словно виделись в последний раз не минуту назад, а целую вечность. С этого дня мы всегда будем вместе. Каждый день. Каждую ночь. Никому не разлучить нас. Если уж мы сумели сбежать из этого приюта, то справимся теперь с любыми трудностями! Я верил в это. Как и Катля.

Взявшись за руки, мы пересекли стыковочный рукав. Мост через великое звёздное море. Только вёл он не в дальние неизведанные глубины космоса, а назад. Домой. К братьям и сёстрам.

Створка открылась. Мы ступили внутрь станции. И потонули в слепящих огнях. Потонули в возбуждённых криках множества голосов. Ослепли. Оглохли на несколько мгновений. Крепче стиснули руки друг друга.

– Это он! Это Фробишер!

– Маркус! Пожалуйста, посмотрите сюда! Делаю снимок!

– А кто это с ним? Что за девушка? Какая-то актриса?

– Мисс! Позвольте несколько вопросов! Для ежедекадной сводки!

– Каково это было – жить в изоляции? Всего пару слов!

Чья-то рука легла мне на плечо. Я обернулся. Рядом со мной стоял человек в идеально отглаженном костюме с галстуком. На лацкане был прикреплён миниатюрный микрофон. Его расчерченное морщинами лицо, очки и идеально уложенные волосы, чуть тронутые сединой, невозможно было не узнать. Ведущий вечерних шоу по выходным. Видел его голограмму каждую декаду, только в этот раз он был настоящим. Никак не мог запомнить его имя.

– Здравствуй, Маркус! – поставленным голосом проговорил ведущий.

– Меня зовут Михаил Давидович Леттерман. Я счастлив сообщить: ты – знаменитость! Целых шесть декад вся станция наблюдала за тобой через наши трансляции. Все очень переживали за тебя и поддерживали! Ты стал героем шоу «Выжить в космосе»! Вместе с твоей очаровательной спутницей Катлей, конечно же. Ей удалось прожить в изоляции целых семь циклов, никем не замеченной – мы никак не ожидали такого поворота! Ваша встреча поистине была предначертана самой Вселенной!

Чего?..

Я остолбенел, вперив невидящий взгляд в толпу репортёров и летающих над их головами дронов трехмерной видеосъемки.

– Понимаю, ты озадачен и потрясён. Но тебе не о чем волноваться! – продолжал Леттерман, сверкая белозубой улыбкой. – Тебе дали увольнение длиной в цикл. Со следующего ты сможешь восстановиться в лётном училище и стать пилотом. А твоего гонорара за участие в шоу хватит, чтобы покрыть стоимость обучения целиком четыре раза! Недурно, да? – широкая ладонь несколько раз хлопнула меня по плечу, но я не чувствовал. – Ну же, Маркус! Не молчи! Тебя сейчас видит вся станция. Хочешь что-нибудь сказать людям, которые смотрели на тебя, переживали и поддерживали все это время?

Я снова обвёл взглядом стыковочный блок. Репортёров. Дроны. Леттермана. Взглянул на Катлю, потрясённо распахнувшую глаза. Жмущуюся ко мне в ужасе, не знающую, куда деться от всех этих вспышек. От беспокойных

папарацци и бесконечных вопросов. Её плечи дрожали. Бережно обхватив их, я уложил голову любимой к себе на плечо. Глянул на поднесённый микрофон. Потом в лучащиеся добротой и снисхождением глаза ведущего.

– Нелюди. Уроды бессердечные.

* * *

Мне задавали много вопросов. Глупых. Однотипных. Раздражающих. Повторяющихся. Проводили разные тесты, а на ночь клали в одноместную палату с мягкими стенами. Доброжелательная женщина-врач успокаивающим голосом объясняла, что это просто формальность на пару дней. Тем не менее, ни мать, ни Катлею сюда не пускали. Когда я спрашивал о любимой, мне лишь говорили, что она тоже обследуется. Что ей нужно пройти углублённую диагностику, чтобы психиатры смогли понять, как сказалось на её здоровье взросление вдали от общества.

Лично мне Катлея казалась гораздо более здоровой, чем те, кто выдумал шоу «Выжить в космосе». И те, кто без задней мысли его смотрел.

Один из организаторов посетил меня лично. Крепко сколоченный приземистый мужчина за сорок в строгом деловом костюме. Он несколько раз представлялся, но имени я так и не запомнил. Поздравил меня с завершением путешествия. Осведомился о самочувствии, хотя, наверняка и без меня всё знал. Простая, формальная вежливость, за которой не стоит ни доброго расположения, ни заинтересованности.

Я задал ему несколько вопросов, волновавших меня больше всего.

Конечно же, те статьи, из-за которых мы с Катлеей поссорились, были написаны специально для того, чтобы мотивировать меня к действию. Интервью были чистейшей воды выдумкой. Всё, что попадалось нам в сети пока мы были в комплексе, тщательно отфильтровывалось перенастроенным брандмауэром, чтобы мы случайно не прознали про шоу с нами самими в роли главных героев. А тех двоих подговорили засунуть меня в лифт, пообещав заплатить.

Однако это не объясняло ровным счётом ничего. Если даже организатор ничего не знал о Катлее, а её история – не выдумка, то всё произошедшее сводится к череде необъяснимых, невозможных совпадений. Сперва из-за непонятной поломки весь персонал покидает комплекс, оставив рабочими почти все системы. Потом данные о комплексе теряются. Спустя четыре цикла исчезает сама любимая, бывшая в то время маленькой замкнутой сиротой. Камеры и трекер скайлинка наверняка отследили её путь до самого лифта. Но никто, ни единая душа на всей станции, и пальцем не пошевелили, чтобы отыскать девочку. Ни служба энергоснабжения, ни служба переработки отходов не замечают утечек в течение одиннадцати циклов. А ведь они трясутся над каждым киловатт-часом, над каждым граммом биологического сырья!

Разве всё это не выглядит надуманно? Разве не похоже на первый писательский опыт помешанного на девушках подростка? Со мной и Катлеей в качестве главных героев.

Что-то здесь явно не так.

Я примеривался к загадке то с той, то с другой стороны, но распутать её не получалось. Если братья, исходя из строгости и неукоснительности исполнения протоколов автономного существования, получалось, что любимая и организатор говорили неправду. Если же принимать за истину их слова, выходит, на окраинах полно таких вот заброшенных комплексов, в каждом по маленькой девочке-отшельнице, и никто этого не замечает!

Мёртвый дрейф.

На третий день мне пришло сообщением видео от матери. Самому связываться с кем-либо мне не разрешали, зато передавали послания извне. Она плакала и просила прощения. Говорила, ей не объяснили, что всё будет взаправду, обещали помощь, если моей жизни будет угрожать опасность. Я её не винил. Перспектива обеспечить себя на долгие циклы вперёд мне самому казалась огромной удачей. Но если бы мне предложили пройти через такое только ради денег – отказал бы, не раздумывая. Я снял для неё короткое видео и отослал в почтовый ящик больницы. Доктор обещала, что его непременно передадут по адресу.

Катля писала каждый час. Говорила, что строчила бы каждую минуту, но не разрешают. Рассказывала о странных вопросах тестов. О докторгах и о консультанте с глазами дохлой рыбы. Говорила, что он её пугает. О проверке координации, вестибулярного аппарата и общего физического здоровья. К ней приходили журналисты, но их не пустили даже на порог. Скорее бы увидеть её! Скорее бы снова обнять!

После отбоя я смотрел в окно. Конечно же, оно не было настоящим, но голограмма звёзд передавалась сюда прямым с камер снаружи. Созвездие Большого Пса сияло прямо посередине чёрного прямоугольника. Прямо перед его носом что-то мерцало. То ярко и чисто, то снова тускнело и терялось среди холодных огней. Помню, как любимая рассказывала мне о новой звезде, открытой совсем недавно в этом секторе.

Я ощущал нечто необъяснимое, когда глядел на неё. Интересно, видит ли Катля? Может быть, мы смотрим на звёзды в один и тот же миг?

В такие часы я слышал невнятный шёпот. Где-то на границе слуха и мыслей. Тихий-тихий. Он шептал мне незнакомые слова.

Если бы я мог писать стихи, какими бы они были? Понравилась бы любимой?

Я вижу твои глаза в сверкающих небесах.

Я знаю, твоё сердце полно тёплых огоньков.

Не молчи, позволь услышать твой шёпот в темноте.

Слова медленно складывались в строки. Строки сходились в строфы. Открыв словарь со всеобщего на английский, я искал рифмы. Глупо, да? Кто станет так делать?

Катля говорила, что песни на всеобщем – скучные. Песни на русском – пронзительные и душевные. На японском – странные, но очень красивые. На французском – страстные и нежные. А на английском – мелодичные и

складные. Сама она писала только на английском, потому что кроме всеобщего это был единственный язык, который на станции знают многие.

Как ей это удаётся? Голова уже перегревается!

«Возьми мою руку и отведи в свой дом...»

Как дальше?

Я взглянул на Сириус. Снова нашёл взглядом то мерцающее пятнышко у носа Пса.

Возьми мою руку и отведи в свой дом.

Зажги звезду, чтоб указать путь среди теней.

Не стесняйся. Я вернусь к тебе, чтобы снова услышать твои песни.

Как же хочется снова её обнять!

* * *

– Здравствуй, Марк.

В палату вошёл высокий и шуплый блондин с короткой стрижкой. Его глаза из-за стёкол круглых очков глядели доброжелательно, но, казалось, пронизывали насквозь. Наверное, дело было в их цвете. Светло-серые, будто серебристые, а по краям радужек тёмные кольца. Именно они, кстати, и напоминали о карасях, которых отец так ловко разделявал и жарил на сковородке.

Носил этот тип настоящие кеды, как в кино. Со звёздами на бортах. Будто бы их подняли прямым с поверхности далёкого прошлого. А под расстёгнутым халатом можно было разглядеть футболку с пиксельным инопланетянином.

– Это вы – тот самый консультант с глазами дохлой рыбы? – поинтересовался я.

– Чего? – рассмеялся блондин. – Неужто Катлея тебе рассказала? Да, я тот самый. Меня зовут Василий Кубкин. И я здесь психоаналитиком от компании «Яблоко». Но ты называй меня дохлой рыбой, если тебе так удобнее! Выписываешься?

– Выписываюсь, – я продолжил деловито собирать пожитки, не обратив никакого внимания на шутку.

Их было не так много. Всего-то: тюбик с дента-жвачкой от матери, пара исписанных листов бумаги да Ботинок. Тот самый.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Простите, Василий, но у меня нет времени. Катлея уже выписалась и ждёт встречи. Меня обещали проводить.

– Так я здесь как раз за этим, – поднял брови аналитик. – Доставлю тебя прямым в её объятия. А по пути немного расспрошу, если ты не против.

Я вздохнул. Как же мне всё это надоело!

– Как хотите.

– Ну тогда идём, если ты уже готов. Прошу за мной.

Мы пересекли коридор и спустились на лифте на первый этаж больницы. Все вокруг не сводили с меня глаз. Это уже порядком надоело. У стойки регистратуры медсестра попросила снимок со мной. Я вяло

улыбнулся в глазок камеры. Чтоб им в спальни пылинка ударила! Если уж так охота было снимать шоу, пусть бы лучше сами в нём участвовали!

– Раздражает, верно? – поинтересовался Василий, когда мы отошли подальше. – Почему бы нам не прокатиться на вагонетке? Ни одного лишнего человека. Никто не станет тыкать пальцем и просить снять твою физиономию.

– Я думал, Катлея лежит в этой больнице, – насторожился я.

– Ты был неправ, – пожал плечами аналитик. – Она на другой стороне станции. В психиатрической клинике «Росток». Под моим крылом. С ней всё в порядке, я лично навещал её этим утром. Она ждёт тебя с большим нетерпением.

Выйдя из больницы, мы пересекли высоченный многоярусный зал с подвесными террасами. На некоторых вольготно разместились раскидистые дубы. С перил других свисали вьющиеся растения. А посередине, между висячих улиц, бил огромный фонтан. Сколько же стоит жить в таком месте? И сколько уходит на обслуживание? Где же меня держали?..

Нижняя площадь была полна людей. Я набросил капюшон толстовки. Слава инженерам, все слишком заняты своими делами, чтобы глазеть по сторонам. Деловой кластер в самом центре станции, не иначе. Остановка монорельса в двух шагах. Вон указатель.

Но Василий повёл меня другой дорогой. Спустившись вниз, к тоннелю, с потоком людей, мы незаметно свернули и юркнули в боковой коридор. Дверь нам открыл рослый и крепкий охранник. А когда мы прошли мимо, запер её за моей спиной.

– Не пугайся, – улыбнулся Василий. – Просто у меня есть некоторые привилегии. Грех не пользоваться.

Странный тип. Не вызывает доверия, как бы ни старался.

Вскоре мы вышли на небольшую платформу. Автоматическая вагонетка уже дожидалась нас. Как только мы вошли внутрь, мой провожатый сразу же рухнул на мягкий диванчик с обивкой глубокого синего оттенка. Я присел неподалеку, на красный.

Вагонетка тронулась и начала набирать скорость. Бесшумно, но ощутимо.

– Ты интересный парень, Марк, – заметил аналитик, разглядывая подошву ботинка. – Любой на твоём месте был бы несказанно рад свалившимся на голову деньгам и славе.

– Какой с них прок? – я неприязненно поморщился. – Эти проклятые деятели довели мать до слёз, а Катлею до панической атаки. Даже если они и вправду о ней не знали, то могли бы по крайней мере отнестись с пониманием.

– Тут они дали маху, ты прав, – вздохнул Василий. – Резкие изменения в окружении всегда вызывают сильный стресс.

– А ещё они сделали всеобщим достоянием нашу жизнь, – внутри начал закипать гнев. – Каждую секунду! Как мы вместе пили чай в её комнате. Наши занятия спортом. Ссору. То, как мы помирились. Даже те три дня! – меня начало трясти. – Скажите, если знаете, сколько за это видео без цензуры заплатили хозяева нелегальных порнографических хостингов?

– Точно не знаю, – пожал плечами мой собеседник. – Я всегда был против его продажи.

– А причем тут вы? Там ведь моё лицо! И лицо моей любимой девушки, которую теперь наверняка вожделеет каждый малолетка! Как ей теперь вообще из дома выходить?

– Успокойся. Эту проблему уже решают взрослые и мудрые люди. Не чета нам с тобой, в общем. Со временем вы с Катлеей сможете стать полноценной ячейкой общества и приносить пользу. В конце концов, у вас ведь столько талантов... Ну, помимо...

– Не продолжайте, – железным голосом оборвал я.

– Прости. Не удержался.

– Так, о чём вы хотели поговорить? – нужно было срочно сменить тему.

– Ты знаешь, почему вода в океанах на Земле цвета ржавчины?

Я поднял брови. Он отвлёкся от работы только ради гипотез и умозрительных экспериментов?

– Учитель из корпуса, которого я об этом спросил, не вдавался в подробности. Ответил лишь, что из-за каких-то бактерий.

– Верно, – кивнул аналитик. – Но бактерии эти непростые. Их люди вывели в специальной лаборатории.

– Зачем было выводить нечто настолько опасное, что оно уничтожило жизнь на Земле? – изумился я.

– Ну, замысел, как всегда бывает, заключался совсем в другом, – он пожал плечами. – Наверное, даже в противоположном. В давние времена океаны были очень грязными. Вымирали целые виды рыб и моллюсков, огромные млекопитающие, одноклеточные водоросли, а всё из-за того, что кое-кто сбрасывал в море слишком много отходов. Думал, оно бездонное, и продукты переработки нефти и прочий органический мусор будут в нём лишь каплей, – Василий ухмыльнулся удачной фигуре речи.

Я молча ждал продолжения.

– Так вот. Давным-давно, когда океаны были цвета ультрамарин, а равнины и холмы сплошь покрывали травы, названия которых уже никто и не вспомнит, один учёный вывел в своей лаборатории хитрых бактерий. Они были способны разлагать нефть и пластик до простых соединений. Грубо говоря, питались ими. А когда пища заканчивалась, быстренько вымирали. Бактерий выпустили для пробы в залив, где сел на мель танкер. Уже через месяц от загрязнения не осталось и следа. Все были страшно рады!

– А потом что-то пошло не так, – понял я. – Как в старых фильмах про конец света.

– Именно, – рассмеялся мой странный собеседник. – Под воздействием внешних факторов – до их пор не известно – каких именно, – штамм мутировал. И новые бактерии начали пожирать всю органику. Белки. Целлюлозу. Хитин. Другими словами, тех самых рыб, которых учёные хотели спасти. Моллюсков. Одноклеточные водоросли. Огромных млекопитающих.

Людей, рискнувших поплескаться в море. А потом они добрались до лесов. До лугов. Выкосили под корень всю зелень на планете. Антибиотики вскоре стали бесполезны. Ничто не смогло их остановить, даже купола и шлюзы. Даже ядерные взрывы. Мы вымирали из-за собственной глупости. Из-за того, что решили поиграть в богов. По правде говоря, на поверхности теперь даже машинам приходится туго: для микробов смазка на основе нефтепродуктов как деликатес. Но эта проблема уже решена. Мы сбежали в космос, оставив Землю нашим детям. Они расплодились в океанах, заняли собой всю доступную площадь. И принялись эволюционировать. Совсем как миллиарды лет назад. А мы теперь вынуждены искать себе новый дом. Но с этим дело обстоит весьма скверно. Что ты знаешь о колонизации Марса? – улыбнулся Василий, поправив очки.

– То, что с текущими средствами она не представляется возможной. Нам не хватит воды для двигателей. Не хватит металла для колонии. И главное – нам не хватит рабочих рук.

– Верно подмечено, – покивал аналитик. – Но лишь на треть.

– То есть?

– Воду можно поднять с поверхности Земли. У нас есть гравитонные захваты. Поднимем её, заморозим – благо, те бактерии в космическом холоде не выживают – и на привязи доставим к Марсу. Ты об этом не думал? – он добродушно усмехнулся. – С металлом сложнее. Его придётся выплавлять прямо здесь, на станции и только потом прессовать и выбрасывать в космос для транспортировки. Но, в конце концов, проблема решается тем же путём, а там можно будет и добычу наладить. Со временем. А вот вопрос рабочих рук так просто не решить. Нас слишком мало. Станция огромна. В этом одновременно и плюс и минус. Мы не сможем поддерживать её в рабочем состоянии, если хотя бы треть специалистов отправится строить город на Марсе. Вариант с демонтажем части отсеков в носовом кластере и спуском с геостационарной орбиты тоже рассматривался. Но в этом случае если миссия колонизации провалится, нам будет уже не выжить. Мы будем вертеться вокруг красной планетки, пока не кончится воздух. Потому что, как ты справедливо заметил, нам не хватит воды, чтобы вернуться назад. И рук, чтобы поднять её с полярных шапок Марса. Замкнутый круг.

Вагонетка начала замедляться.

Я думал над его словами. Вспомнил, как рассказывал Катлее о главной дюзе. Её поддерживают в рабочем состоянии – уж не за этим ли? Мы и вправду собираемся на Марс?

– Прошу на выход, – Василий поднялся с дивана и театральным жестом указал на дверь.

Остановка вагонетки располагалась прямо под зданием больницы. Странно? Действительно. Сколько бы ни ломал голову, никак не мог понять, зачем. Тем не менее, мы вошли в кабину лифта. Аналитик нажал кнопку на голограмме. Кабина тронулась.

– Ты знаешь, чем занимается компания «Яблоко»?

– В первый раз слышу о ней, – ответил я.

– Как печально, – вздохнул Василий. – Ну так слушай. Мы пытаемся решить проблему номер три. Рабочие руки. Они ведь не растут на деревьях! Да и деревья в космосе попробуй, вырасти!..

– Вы хотите меня завербовать? – предположил я.

– Ну, в каком-то смысле, – он покивал, глядя куда-то мимо меня.

Кабина лифта замерла. Дверцы отворились. Положив руку мне на плечо, мой провожатый обвёл рукой просторное помещение, в котором мы оказались.

– Вот моя обитель. Добро пожаловать, Марк. Смотри, любуйся!

– Вы ведь обещали отвести меня к Катлее, – настороженность перерастала в тревогу.

– Именно это я и сделал, – улыбнулся Василий. – Проходи.

С левой стороны комнаты было широкое и высокое окно в космос. Смотрело оно в сторону от Солнца. Огромный чешуйчатый бок станции золотился в его свете, нестерпимо хлеща по глазам бликами на стенах бронированных отсеков. Шпиль, возвышавшийся над ними, отбрасывал длинную чёрную тень. Внутри него мы сейчас и находились. Старушка Земля взирала на меня из-за хвостового кластера. Медленно проплывала мимо.

– Видишь ли, Марк, я немного солгал тебе, – продолжал между тем Василий с добродушной улыбкой. – Я никакой не психоаналитик. Я – профессор, глава учёной группы передовых разработок. Вот такой вот, щуплый любитель старья, очкарик с глазами дохлой рыбы. Забота моей команды – решить «Проблему номер три». И знаешь, мне кажется, мы уже держим решение за жабры. Посмотри сюда.

Я обернулся. У другой стены стояли стеклянные цилиндры. На их постаментах были выбиты номера от одного до семи. От лифта вглубь зала, справа налево. Я подошёл ближе к колбе-хранилищу, на которую указал «профессор». По щелчку его пальцев зажгётся свет.

Внутри была молодая женщина. На вид лет двадцать пять, не больше. Слишком низкая для своего возраста. Её бережно завернули в тунику из синтетического шёлка, белую, как нежная и гладкая кожа. Под рёбра и основание черепа её поддерживали металлические обручи, прикреплённые к потолку хранилища. Маленькие ладони. Ступни чуть длиннее, чем следовало бы. И лицо. Взглянув в него, я замер, не в силах пошевелиться. Внутренности будто скрутило узлом.

Это лицо. Эти огромные глаза. Они принадлежали Катлее. Только повзрослевшей. Такой она была бы через десяток циклов.

Что здесь происходит?!

– Не пугайся, это всего лишь муляж, – успокаивающим тоном попросил Василий. – Очень реалистичный. Образец номер пять. Я сам моделировал. Правда, красавица?

– Что это все значит? – только и смог выдавить из себя я. Связки мгновенно высохли.

– Мы – то есть, «Яблоко» – занимаемся созданием синтетических людей. Вот и всё, – улыбнулся «профессор». – Катля – наше дитя. Моё, если быть точным.

Что за чушь?

– То есть, вы хотите сказать, что семь лет назад...

– Не-е-ет, – расстроено помотал головой Василий. – Я думал, ты сам догадаешься. Неужели тебе не казалось странным, что люди вот так просто взяли и оставили целый комплекс? Это был наш комплекс, подвергшийся бомбардировке космической пылью десять декад назад. Дети, погибшие в кабинете домоводства – наши синтетические люди. Очень жаль их... Но они послужили другой цели. А как же то, что маленькая девочка девяти лет от роду, выросшая в приюте и не знавшая толком, что такое «книга», превратилась за семь лет в такую всезнайку без всякого постороннего вмешательства? Ты ведь наверняка задумывался, каким бы стал, если бы прожил столько один в замкнутом пространстве. Всё было бы совсем наоборот.

Но вернёмся к главному. Комплекс устроен так, чтобы держать объекты наших экспериментов взаперти. Чтобы о них никто не узнал, пока мы сами не сдёрнем покрывало, но чтобы объекты при этом получали знания о «большом мире». Мы спускали туда подопытных по одному в бронированной кабине лифта через бронированную же шахту, которая, как ты мог заметить, надёжно блокировалась после этого специальной дверью. А единственный вход для персонала располагался в инженерном отсеке. Самом защищённом отсеке комплекса с самыми современными биометрическими сканерами на каждом шагу. Разумеется, мы несколько ослабили защиту, чтобы совсем уж не усложнять вам задачу. И оставили ключ на теле бедняги-инженера. Внутри скафандра, кстати, был муляж, но парень, который его носил, умер на том же самом месте. Ещё одна печальная история.

Затем, мы обставили окружение так, словно комплекс пустует уже одиннадцать циклов. Подобрали обстановку соответственно сроку. Игровые автоматы. Мебель. Записи учителей и дежурных. Мёртвый инженер над куполом. Всё, вплоть до мельчайших деталей! Над комнатой Катлеи пришлось потрудиться больше всего. Она ведь любит безделушки. И ленточки. И яркие наклейки, и плакаты, и флажки. Создавать атмосферу обжитого всегда сложно, но она сама нам очень помогла. Мы вырастили её тело, в тайне от всех – даже от организаторов – загрузили воспоминания, поместили в комнату и оставили жить там две декады. А потом появился ты.

– Вранье, – выдохнул я, судорожно сглотнув. – Разве такое возможно?..

– Я жила в приюте, – с улыбкой проговорил Василий. Его глаза были холодны. – Таким же, как этот, только нам было разрешено выходить. Меня не любили. Постоянно обзывали «Голлумом». Никто не знал, кто это, но все считали обидным. Я носила большие шерстяные носки и длинную чёлку. Тогда начали дразнить гномом. У меня не было своих

игрушек. Только маленькая подвеска в форме ключика. Один раз я поскользнулась в душе, и ключик впечатался мне в грудь, оставив шрам. Помнишь его, Марк?

Мне стало ещё холоднее. К горлу медленно подступала тошнота. Сердце пустилось в галоп.

Этот шрам был самой милой её чертой. Я никогда не спрашивал о нём. Только иногда касался кончиком пальца, пока любимая тихо засыпала у меня на плече.

Он не мог об этом знать.

– Я написал её биографию, – наблюдая за моей реакцией, продолжал «профессор». – Всегда хотел быть писателем. Но так даже интереснее. Ты спросишь – зачем было втягивать в эту игру тебя, простого кадета, и утраивать глупое шоу? Ответ прост. Чувства.

Он принялся прогуливаться взад-вперёд, на ходу жестикулируя.

– Изначально мы планировали строить машины, чтобы они работали в сложных условиях за нас. Прокормить множество людей не так просто. Их нужно одеть. Им нужно место, чтобы жить. А чтобы работать, нужна идея. Или хотя бы стимул. Но если сделать всё как следует, плоть оказывается прочнее металла. Я в это верю. И моя вера подтверждается прямо сейчас.

Мы должны были найти лучших из нас, проанализировать каждый аспект их характера, каждую мелочь вплоть до цвета шнурков, а потом попытаться воспроизвести всё это внутри искусственно выращенного человеческого мозга. Неудача за неудачей. Дети сходили с ума. Теряли контакт с реальностью. Даже пытаюсь вырастить их вместе, чтобы у них было «нормальное детство», как говорится, мы терпели крах. Да ещё эти ускорители роста! Взросление идёт быстрее, чем накапливается опыт, и в итоге мы получаем того же ребёнка, но в теле, например, мужчины.

В конце концов, мы собрали все крохи данных, полученные в ходе бесчисленных моделирований и экспериментов и вложили их в мозг одной-единственной маленькой девочки. Грудного ребенка. Попытались её «настроить» на определённую модель развития. Она росла совсем одна в огромном комплексе. Мы не подпускали к ней других детей, ограничили контакты с лаборантами, насколько было возможно. Только вызвали в ней желание познавать. Неуёмное. Ненасытное. Она черпала знания отовсюду, понемногу взрослея. Набивала шишки. Получала желанную награду за успех. И знаешь, каким-то чудом она выросла и стала той Катлеей, которую ты знаешь. Ну, почти той. Можно сказать, это была наша первая дочь. И пока я наблюдал за ней, заносил в журнал каждое событие, меня осенило! – Василий восторженно всплеснул руками. – Детали. Хронология. Эмоциональные временные вехи. Вот что важно. Нельзя просто взять и вырастить тело, наполнить его мозг воспоминаниями и отправить колонизировать Марс. Воспоминания не приживутся. Мозг человека, как журнал исследователя, должен заполняться постепенно. Самые яркие моменты сохраняются и становятся частью характера. Любая

деталь из детства накладывается на последующий опыт и оказывает огромное влияние в будущем. Этаким эффектом бабочки.

Мы поменяли подход. Углубили. Теперь каждый из синтетических людей с самого раннего возраста получает порции воспоминаний, пока его тело растёт в банке с питательным бульоном. Если у ребёнка был неудачный опыт поездки на велосипеде, мы наносим ему травму и заживляем. Если он в воспоминаниях носил часы всегда на левом запястье, мы учитываем это при стимуляции мышц. Они спят, смотрят вещие сны и взрослеют много быстрее обычного. Результат потрясает. Люди приходят в себя и даже подумать не могут о том, что они – подделки! У них есть любимая еда. Любимые фильмы и книги. Есть сердца. Есть чувства. Они влюбляются. Ненавидят. Добиваются своих желаний.

Но как думаешь, станут ли люди, рождённые традиционным способом, считать их равными себе? Ни за что. Они будут унижать их. Бояться. Ненавидеть за то, что, например, отняли рабочее место. Или женщину. Или элементарно купили последний пакет печенья. И чтобы этого не произошло, мы устроили глупое шоу «Выжить в космосе». Чтобы показать другим: подделка не хуже оригинала! Обычный парень вроде тебя может полюбить подделку, а она будет отвечать ему взаимностью.

А напоследок как в дешёвом фильме планетарной эпохи, у меня есть для тебя загадка.

«Профессор» снова щёлкнул пальцами.

В дальнем конце зала открылась дверь. На пороге стояла Катлея. В изящном белом платье. С убранными металлическим ободком волосами. От её красоты захватило бы дух, будь она одна.

Но их было пятнадцать. Совершенно одинаковых. В совершенно одинаковой одежде. С совершенно одинаковой походкой. С совершенно одинаковым грустно-подавленным выражением на лицах. В их глазах застыло отчаяние. И трепетная искорка надежды.

Они все смотрели на меня. И от этого сердце пропускало удары. Спина ощущала холодные пальцы космоса.

– Вот, видишь? – добродушно улыбнулся Василий. – Я не солгал. Они все – Катлея. Каждая помнит всё, что произошло в том приюте. Каждая любит тебя. Безумно. До сумасшествия. И каждая надеется, что выберут её. Так сделай же свой выбор, Марк. Не мучай их. Только одна девушка действительно была с тобой всё это время. Мы не подменяли её во время шоу. Найди её. И я вас отпущу, не смея больше занимать ни секунды времени. Вы будете вместе до конца ваших дней. Даю слово. Вот только о счастливой семье придётся забыть: все подделки бесплодны, – он грустно развёл руками. – Мы так и не смогли решить эту проблему.

Я глядел на него и на Катлей, снова и снова переводил взгляд с одной на другую. Всё происходящее и сказанное настолько потрясло, внушало такой ужас и отвращение, что эмоциональный процессор будто перестал отвечать на запросы мозга.

Как можно было додуматься до такого бесчеловечного поступка?!

– Я понимаю, – проговорил между тем учёный. – Ты напуган. Тебе противна сама мысль о выборе. Всё происходящее вызывает отвращение. Но ты должен выбрать. Если не можешь сделать это прямо здесь и сейчас, у нас есть для тебя уединённая комната. Ты можешь осмотреть каждую из этих девушек, вместе или по отдельности. Оценить их всеми доступными способами. Или ты можешь выбрать всех. Но тогда, боюсь, тебе придётся туго, – он глупо усмехнулся и сунул руку в карман джинсов.

Пистолет.

Старый, сверкающий потёртостями на выступающих углах. Без сомнения, всё ещё смертельно опасный.

– А если ты не станешь выбирать, так и останешься на месте, мне придётся тебя мотивировать.

Дуло упёрлось в висок ближайшей Катлеи. Её плечи задрожали, она пригнула голову и зажмурилась, закусив губу. По щекам побежали струйки слёз.

– Каждые две минуты я буду убивать одну девушку, – всё с той же доброжелательной улыбкой объявил этот умалишённый профессор. – Последняя оставшаяся в живых – твоя. Сможешь выдержать смерть любимой полтора десятка раз? Время пошло.

Как до этого дошло? Что здесь происходит?! Хотелось кричать, рвать на себе волосы и бежать отсюда как можно дальше. Но я не мог. Их взгляды не давали мне. Если верить словам Василия, одна из них – настоящая. А есть ли разница? Если они все помнят наши дни в приюте, все любят меня и готовы пожертвовать жизнью... Если у каждой её нос, её глаза, её ладони, её ступни... Её привычки... Её голос... Её шрам в форме ключика под правой ключицей...

Да ни в жизнь! Нет! Увольте!

У первой нос смотрит чуть вправо.

У второй родинка на подбородке.

У пятой щербинка на нижней губе.

У двенадцатой совсем другой разрез глаз.

Кто знает, сколько ещё отличий можно найти, если осмотреть каждую внимательнее? Какая же из них? Рассматривая лица девушек, я окончательно запутался. Черты смешались перед глазами. У Катлеи точно не было родинки на подбородке. Это заметно с первого взгляда. И глаза у неё не такой формы. И нос смотрит прямо. И губы совсем другие. Но какие? Какие у неё глаза? Какой нос?

Фотографии должны помочь. Но даже если сравнивать со снимком, сделанным в комплексе, как две капли воды на него похожи по меньшей мере девять из пятнадцати девушек.

Я отвернулся и глянул в окно. На Сириус. На маленькую точку у носа Пса, всё так же мерцающую и переливающуюся среди огней. Судорожно вдохнул и выдохнул, стараясь успокоиться.

Снова подошёл к шеренге белых платьев.

– Сколько языков знаешь?

– Семь, – ответила первая Катлея дрогнувшим голосом.

– Когда я спросил тебя об этом в первый раз? – поинтересовался, подойдя ко второй.

– В спортзале на третий день, – не задумываясь сказала она.

– Какое аниме твоё любимое? – спросил у третьей.

– Я люблю их все одинаково...

– Из-за чего мы поссорились?

– Я пыталась тебя присвоить и не пустить домой, – четвёртая.

– Как мы помирились?

– Играли в каруту... – пятая.

– Потом целовались... – шестая.

– А потом пили чай, болтали о звёздах и легли спать... – седьмая.

– Ты обнимал меня той ночью... – восьмая.

– Мне было так тепло! – девятая.

Мёртвый дрейф. От того, как они говорили, перебивая друг друга, холодело нутро. Каждая тщилась показать, что помнит больше остальных. Что она – та самая, а остальные – подделки. Но даже так, каждая из них не верила сама себе.

Они тоже висели сейчас посреди бескрайней мерцающей бездны. В холодной и гулкой тишине, выгибающей наружу барабанные перепонки.

– Ты говорила, мы болтали о звёздах, – продолжал я, с трудом прочистив горло.

– Да, – ответила десятая. – Я рассказывала тебе о недавно открытой звезде в нескольких градусах южнее альфы Большого Пса.

Я остановился как вкопанный.

– Южнее?

– Да, – подтвердила одиннадцатая. – Между передними и задними лапами. Её не видно невооруженным глазом.

Я снова глянул в окно. Развернул звёздную карту. На голограмме действительно значилась новая звезда, прямо посередине пустого пространства между Сириусом и Адарой. А что же тогда за мерцающая точка прямо возле его носа? Я ткнул в неё пальцем. «Космический мусор».

Внезапно меня пронзила догадка.

Василий уверял, что Катлею не подменяли в приюте. Клялся, что все эти девушки помнят меня, как своего возлюбленного. И просил найти настоящую. Он ни разу прямо не сказал, что она в этой комнате. И пообещал убить любимую полтора десятка раз. Именно так. Не четырнадцать.

Ответ в вопросе. Прямо как на экзамене по логике.

Глянул в окно снова. «Зажги звезду, чтоб указать путь среди теней». Готов поклясться: когда смотрел на Сириус из-под купола в приюте, этой точки там не было и в помине. Как же странно, смешно и грустно все совпало!

– Ну что? Есть мысли? – поинтересовался профессор, по-прежнему держа пистолет у виска пятнадцатой Катлеи. – У меня, знаешь ли, уже рука устала так стоять.

– Я выбрал.

– О? И кого же?

Я бросил последний взгляд на холодные огни, медленно пятясь к лифту.

– Звезду.

– Звезду? – брови Василия поползли вверх. Улыбка медленно сползала с лица.

Он набрал в лёгкие воздуха, чтобы что-то крикнуть, но дверцы лифта закрылись и заглушили его слова.

– Скайлинк! – я поднёс правую ладонь ко рту. – Проложи маршрут к ближайшему стыковочному шлюзу со стороны хвостового кластера!

Передо мной всплыло оповещение: «Выполнено!»

Лифт тронулся и почти мгновенно спустился ниже на восемнадцать этажей. Я выбежал из кабины и ринулся вперёд по коридору. Указатель мелькал впереди. Не пробежав и двадцати шагов, налетел на охранников. Прорвался мимо, пока те не опомнились, и побежал дальше, чувствуя спиной их взгляды.

Угораздило же в такой момент!..

– Эй, ты! – крикнул один, заставив меня прибавить темп. – А ну стоять!

– Ты что? – осадил товарища второй. – Профессор велел его не трогать!..

Обрывок фразы потонул в гомоне где-то за углом.

Почему это меня нельзя трогать?

Не важно. Так даже лучше.

Мимо меня пронеслись коридоры, залы, какие-то комнаты, огромные офисные помещения... Навстречу мне попалось очень много людей. Они носили белые халаты и отглаженные костюмы, строгие платья или рубашки, заправленные в классические длинные юбки. Я не успел как следует рассмотреть ни одного из них, проносясь мимо на предельной скорости. Вперёд! Пока чокнутый хозяин лавочки не догнал и не пустил пулю в затылок!

Я должен вызволить Катлею! Ведь этого он от меня хочет, верно? Потому и запретил охране останавливать.

Я толкнул дверь к аварийной лестнице. Вниз на семь пролётов. Налево, в служебный тоннель. Направо, мимо подсобки. Вдоль по коридору.

«Вы прибыли в пункт назначения».

Снова окна с автоматическими гермоставнями. Снова диафрагма. Новенький стыковочный терминал. Я подбежал к нему и несколькими движениями вызвал окно дальномера. Направил голографический указатель на мерцающую точку. Два километра. За три дня она улетела от станции на два километра. Ещё немного, и дроны до неё бы уже не добрались.

Всё верно. Они подменили любимую именно в тот злополучный момент, когда вышел из строя терминал. Больше не было возможностей. Катлея

находилась в стыковочном рукаве. Формально, уже не внутри приюта. И это был единственный раз, когда я потерял её из виду, пока мы вместе искали выход. На станцию вместе со мной поднялась одна из тех пятнадцати девушек, что показал мне Василий. Или, может быть, ещё одна. И что самое смешное, для этого им даже не потребовалось сильно напрягаться. Ведь стыковочные блоки устроены как барабан револьвера. Чтобы каждый раз при пробое не латать рукава. Нажал кнопку – повреждённый отстреливается, а его место занимает новый.

Я выслал дронов, и по бокам окон раздалось шесть выстрелов. Сверкающие огнями дюзы машины направились в сторону фальшивой звезды.

Пусть подделка. Пусть выращенная в колбе. Пусть вся её история – плод больных фантазий. Тёплая. Живая. Настоящая! Вот моя рука. Забрать любимую космосу – не позволю!

Машины достигли цели. Передо мной появилась голограмма, изображающая сигарообразный объект. Беспилотники заняли позиции с торцов и с четырёх сторон цилиндра посередине. Погасили беспорядочное вращение. Затем включилась тяга. Медленно, но верно объект приобретал ускорение, корректируя курс при помощи боковых двигателей. Минуты шли. Я вглядывался во тьму, наблюдал, как растёт среди звёзд длинный остеклённый цилиндр. Как дрон на его переднем конце гасит скорость. Как герметизированный диафрагмами с двух сторон стыковочный рукав подходит вплотную к шлюзу. Сквозь его окна я разглядел блеск и переливы термокомбинезона.

Дрожащие руки легли на рычаг и кнопку тяги. Как на экзамене. Сложнейшей процедурой среди всех в космосе считается именно стыковка. Тогда, шесть декад назад, я провёл её идеально. Но это была всего лишь симуляция. А сейчас от крепости моих рук и точности глазомера зависит жизнь любимой.

Я справлюсь.

Повинуясь жесту, дрон на передней диафрагме отцепился и вернулся в гнездо слева от окна. Я медленно покачал рычаг, проверяя вес рукава. Дюзы машин давали короткие импульсы, легко подстраиваясь под мои движения. Глядя на экран внешней камеры, я примеривался для захода. На лбу появилась испарина. Закушенная губа отозвалась резкой болью, но я не обращал внимания. Медленно и осторожно подходил все ближе и ближе, корректируя положение рукава. Осталась всего пара сантиметров. Нажал кнопку тяги.

Глухой и гулкий удар.

– Стыковка прошла успешно, – равнодушно проговорил компьютер. – Выравниваю давление... Готово. Открываю шлюз.

Я бросил рукоятку и ринулся к раскрывшейся диафрагме.

Вот она. Висит, неподвижная, прямо посреди рукава. На лице – кислородная маска. Не видя ничего кроме её побледневшего лица, я втащил Катлюю внутрь станции. Бережно придержал, когда на её неподвижное тело подействовало тяготение. Прижал палец к жилке на горле.

Слабое биение.

Живая!

Стиснул её, прижал к себе изо всех сил.

Катля вздохнула и закашлялась. Я отпустил её и усадил к себе на колени. Голову уложил на плечо. Аккуратно снял не нужную больше кислородную маску. Веки огромных глаз дрогнули и приподнялись.

– Дурень, – шепнула она, глядя мою руку. – У тебя мог бы быть целый гарем из... меня! Сколько захочешь. А ты взял и спас единственную, самую невезучую.

– Откуда узнала про других тебя? – удивлённо спросил я.

– Увидела в окно, пока прочь уносило. Из отсека выдвинулся такой же рукав, а внутри – я. Как будто спящая. Тогда и поняла. А потом со мной связался какой-то тип, назвался Василием, рассказал, что может ввести меня в губернацию и посоветовал надеть маску. Мол, у него есть на меня планы, и если ты не дурень, то обо всём догадаешься. Вот только он неправ. Дурень ты! Такой шанс упустил!..

– Молчи! Сама дурында! Если бы я так поступил, всю жизнь бы себя ненавидел! Пусть они все – как ты, пусть память у них одинаковая, но только с одной тобой мы и правда пережили всё, о чём вспоминаем...

– «Любовь в открытом космосе», – улыбнулась Катля. – Фильм девятый.

– ...И тогда, когда мы с тобой впервые увиделись, я уже выбрал себе девушку. И теперь она должна выбрать меня.

– «Аватар» Джеймса Кэмерона.

– Кончай выдумывать названия! – вспыхнул я.

Любимая беззвучно рассмеялась.

– Знаешь, что мне сказала другая ты, когда открыла диафрагму? Что никогда никому не позволит оставить меня позади. Так вот, теперь я тебе это говорю! Ведь если другая ты так чувствуешь, то ты настоящая – и давно!

– Какая я, оказывается, романтичная и смелая, – восхитилась Катля.

Я улыбнулся, сглотнув комок ржавчины, застрявший в горле.

– Знаешь, я написал для тебя стихи на английском.

– Ты шутишь.

– Шучу, – конечно же, у меня ничего не вышло. – Я думал сложить текст песни, чтобы ты сочинила музыку. Но дальше первого куплета и припева дело так и не зашло. Но вот что забавно. Лучшую строчку я написал, глядя на тебя. Когда ты летела над станцией в этом рукаве. Я тогда не знал, что это ты. Думал, звезда. Новая, незнакомая. Ты – моя звезда.

– Хи-и-и... Вместе допишем, – пообещала Катля с широкой улыбкой. – Впервые кто-то написал для меня стихи. Я так тронута!

Как же стыдно будет их тебе показывать!

А потом я вспомнил ещё кое-что. Сунул руку в карман и достал носовой платок.

– Хотел отдать тебе в тот вечер после твоего концерта. Знаешь, его посмотрел весь большой мир! Ты – настоящая поп-дива.

– Правда? – изумилась девушка.

– Правда, – нос заложило. Глаза уже были на мокром месте, но я мужественно терпел. – Ты – самая лучшая, самая весёлая, самая сумасбродная и прекрасная на всей этой станции! И я хочу подарить тебе это, потому что считаю достойной.

– Что? Свой носовой платок?

– Да нет же!

В складках платка хранилось самое дорогое, что у меня было. Кольцо. Я выточил его из гайки, чтобы вручить Катлее в тот самый день. Но она опередила меня и преподнесла мне себя. С тех пор я так и не смог выбрать подходящий момент. А потом настал этот день.

Увидев полированный кружок металла в моих руках, Катлея выпучила глаза и залилась румянцем, насколько это было возможно при её бледности. Поднесла к губам сжатые кулачки, потеряв дар речи.

– Я не имею в виду, что ты должна выйти за меня во что бы то ни стало. Или что мы должны пожениться как можно скорее. Просто мне хочется, тебе сказать: я считаю, ты была бы лучшей женой из всех... Эй!

Не говоря больше ни слова, любимая выхватила кольцо из платка и сразу же надела на безымянный палец.

– Я люблю тебя! Сильно-сильно люблю! Дурень! Если бы могла, бросилась бы к тебе на шею!

– Я тебя тоже очень люблю, Катлея!

Я склонился над ней и поцеловал. Нежно и осторожно. Запустил пятерню в её волосы. Теперь мы никогда больше не расстанемся. Больше этого не позволю! Не отпущу от себя ни за что на свете! Мы привяжем себя друг к другу всеми возможными путями, скуем вместе мою ладонь и её ладошку. Плевать, что подделка. Плевать, что выращена в колбе. Настоящая. Живая. Тёплая!

Моя. А я – её. Навсегда.

* * *

Василий Кубкин смотрел на голограмму и довольно ухмылялся. Он ни секунды не сомневался в том, что перспективный подопытный обо всём догадается. Вопрос был лишь в том, насколько быстро. И результат превзошёл все его ожидания. Эта часть шоу «Выжить в космосе» вышла наиболее удачной.

А потом процедура стыковки. Сложнейшая из всех, ведь объект был таким лёгким! Почти невесомым по сравнению с моделью космического корабля на экзаменах. Самая блистательная ручная стыковка в истории космонавтики! Даже Генма не справился бы лучше.

Но ликование Василия Кубкина было самым неподобающим образом прервано.

– Что за цирк ты тут устроил, чёртов учёный импотент?! – ревел от дверей начальник. Двое широкоплечих и совершенно одинаковых на вид охранников семенили следом. – Пятнадцать девчонок! Пятнадцать! Ты что совсем из ума выжил? Я согласился на это идиотское шоу только из-

за того, что оно принесло бы нам немного денег! А ты потратил столько на бесполезных марионеток! Да ещё этот твой кадет! Ты говорил, что он запутается, чем ещё раз подтвердит качество технологии, а он обвёл тебя вокруг пальца! Взять этого паршивца. Вышвырнуть его прочь!

Василий Кубкин в ответ грустно вздохнул. Молча поднялся навстречу охранникам. Воздел к потолку правую руку. В свете ламп блеснуло золотое кольцо на указательном пальце.

– Ащназгдурбатулук, – произнёс он.

Охранники замерли, испуганно отступив. Один из них схватился за переносицу.

– Ащназггѣмбатул.

Коленки широкоплечих детей затряслись. Они судорожно хватили ртом воздух.

– Ащназгтракатулук, агбузрум-ищѣкрѣмпатул!

Они перестали дрожать. Выпрямились. Развернулись и молча надвинулись на своего бывшего хозяина.

– Вы знаете, Виктор Харитонович, от чего умер изобретатель первых в мире боевых роботов? – с доброжелательной улыбкой поинтересовался Василий Кубкин. – Не знаете. Вижу по глазам. Отравился суши. Но он был бы трижды олухом, если бы не предусмотрел в программе своих детишек лазейку для себя. Никто на этой станции не говорит на чёрном наречии! Уж я об этом позаботился.

– Что ты несёшь? – выдохнул начальник, съезжая по стене.

– Присядьте на пол и выслушайте. Когда я закончу, вам всё станет ясно. Видите ли, шоу нужно было для того, чтобы показать истинную любовь. Двое подростков встречаются в опустевшем учебном комплексе. Живут вместе. Постепенно становятся ближе. Чем не сюжет для мелодрамы? Станция смотрела на них не отрываясь, потому что видела: всё по-настоящему. И станция обманулась. Всех людей обвёл вокруг пальца мой перспективный подопытный. И не только их. Он сумел надуть даже вас.

– Этот парень? Но разве ты не нашёл его во время своей программы поиска кандидатов?

– Нет. Я провёл её для отвода глаз. Чтобы все решили, будто парень настоящий. Будто я его нашёл. И это подтверждалось его поступками. Тем, как он стремился выбраться, выучиться и обеспечить свою мать. Катля нужна была лишь для того, чтобы посеять в его душе зерно сомнения. Ну, и для того, чтобы подогреть интерес публики любовной интрижкой. Но даже тогда мой перспективный подопытный не ударил в грязь лицом. Он склонил девочку на свою сторону, и, в конце концов, они вместе покинули комплекс. Пользуясь знаниями моего перспективного подопытного. И навыками Катлеи тоже. И в итоге мы убили двух зайцев! Посмотрите сами: станция её обожает!

– А как же фарс в конце? Пятнадцать подделок! Мои деньги!

– Последняя проверка. Мы создавали перспективного подопытного по образу и подобию одного героя, бывшего шестнадцатилетним юнцом всего

каких-то тридцать циклов назад. Геннадий Маринин. Генма. Он известен тем, что даже в самой жаркой битве, даже в самых ужасных условиях сохранял трезвый рассудок и принимал правильные решения. А ещё тем, что был лишён тяги к продолжению рода. Что поделаться?.. Такие пилоты рождаются раз в двести циклов. Если не реже. Но мы хотели не просто воссоздать его в этом юноше. Мы хотели вырастить лучшего человека в истории! – Василий Кубкин воздел к потолку руки в одухотворённом жесте. – Мне нужно было показать ему часть правды. Надавить на него так, чтобы наружу вылезли все изъяны. Я хотел убедиться. Поэтому вырастил шестнадцать Катлей, наделив общими воспоминаниями и незначительными различиями во внешности. Родинка на подбородке. Щербинка на губе. Сразу и не заметишь. Они будут казаться одинаковыми, но если присмотришься – поймёшь, что это не так. И окончательно запутаешься, пытаясь вспомнить, с которой из них целовался. Будь их три или четыре – куда ни шло, но их было пятнадцать. Целая толпа близняшек! Мы отправили одну из девушек в наш старый комплекс, транслировали её воспоминания пятнадцати другим. А потом подстроили поломку стыковочного терминала. Фокус с подменой! Ловкость рук и никакого обмана. Разве что самую малость. Этот, как вы говорите, фарс вызвал смятение. Заставил на несколько мгновений перестать верить самому себе. Но даже всё это, в конце концов, не сломило моего перспективного подопытного. Только подстегнуло.

Василий Кубкин снова взглянул на голограмму. Довольно улыбнулся.

– Скажите, может ли подделка превзойти оригинал, Виктор Харитонович? Я думаю, может. Возьмём для примера песню "Hurt" группы "Nine Inch Nails". Слова и музыка принадлежат им. Песню любили, любили и группу. А потом появился Джонни Кэш. Поменял аранжировку. Немного подправил мелодию. Записал на студии, а через несколько дней – скончался. Если брать в расчёт текст, пропитанный глубочайшими сожалениями, и фигуру самого Кэша, эффект был колоссальным! Все просто сошли с ума! Проходит несколько лет, и песню уже считают целиком и полностью его детищем, а про "Nine Inch Nails" никто и не вспоминает.

Так о чём это мы? Верно: о Генме, великом герое. Чтобы вырастить Генму, нужны мать Генмы и отец Генмы. А ещё – товарищи Генмы. Учителя Генмы. Книги, которые он читал. Фильмы, которые ему нравились. Каждая мелочь важна. Мы собрали их по кусочку и вложили в сосуд. Чуть-чуть дополнили. Знаете, почему мой перспективный подопытный превзойдёт Генму? Потому что кроме матери Генмы и отца Генмы, кроме его товарищей, учителей и книжек у него есть вот эта девчонка. Нечто настолько иррационально важное, что в сравнении с этим меркнет даже сама жизнь. Вот почему.

С минуту в комнате стояла гробовая тишина. Довольный эффектом Василий Кубкин снова расплылся в дружелюбной улыбке. Подал руку начальнику и поднял его с пола. Отряхнул спинку костюма и предложил кресло.

– А как же мать кадета?..

– Наняли актрису. Пожизненно. Под подписку о неразглашении.

Начальник всплеснул руками.

– Как же я ненавижу твой характер! – проворчал он, потирая вспотевший лоб. – Мнишь себя богом. Соришь моими деньгами. А всё ради чего? Ради двух сопливых юнцов! Клянусь, если бы не твои успехи и мои прибыли, давно бы уже тебя отправил к звёздам в плавание! Да и вообще, если ты говоришь правду, им обоим осталось не больше половины цикла!

– О, это ненадолго.

Василий Кубкин развернулся обратно к своему столу. Вызвал голограмму скайлинка и позвонил своим лаборантам.

– Эксперимент прошёл успешно. Снимите ограничители. И откройте шампанское.

Константин ШАБАЛДИН

Кимберлитовая кикимора

1

Все космические корабли одинаково прекрасны, все подземные корабли уродливы каждый по-своему. Форма корпуса, обвесы частотных генераторов, схема расположения шнековых движителей – всё это komponуется в зависимости от характеристик грунта, в котором предстоит работать геоходу и без каких-либо уступок требованиям эстетики. Предельная целесообразность, экономичность и эффективность. А внешний вид вообще не колышет. Потому как любоваться на подземные лодки некому. Потому что под землёй. Ну и платят космонавтам значительно больше чем подземникам. Что, конечно, совсем несправедливо.

Поэтому я, быстро закончив нудное тестирование, убрал с монитора изображение нашего «Соляриса», и открыл файл с недельной отчётностью. Фиговая была отчётность. Превышение лимитов по топливу, электричеству, пищевым запасам. В смету мы не укладывались. Значит опять без премии, опять капитан урежет и без того не обильный паёк и добавит по вахте на рыло. Гоните проходку, скажет, дармоеды, ищите алмазы. Но алмазов не было, план горел ко всем чертям.

– Экипажу «Соляриса» собраться в кают-компанию, – прошелестел динамик Наташкиным голосом. Очень приятным. Но я однажды слышал, как она визжала в бухгалтерии, когда ей сверхурочных недосчитали.

Кают-компанией тесную конуру со столиком на четверых называл только капитан. Ну и мы при нём старались не говорить «кладовка». Он обижался.

– Привет, Наташенька, – сказал я, усаживаясь. – Ты сегодня не только прекрасно выглядишь, но и отменно пахнешь.

– Ой, Пухлик...

Наташка томно закатила глазки, а Урляев сразу набычился. Ревновал, балбес. «Шанелью» от нашей дамы пёрло так, что непременно ей капитан разнос устроит. Я же пока делал вид ароматами оглушённого, красотой сражённого влюблённого юноши. Самое интересное, что Наташенька меня не интересовала. Эта манерная выдерга была совершенно не в моём вкусе. Но, чтобы позлить Урляева я при нём всегда на Наташеньку делал стойку и тщательно имитировал гормональный выброс.

Как я и ожидал, Маусс сразу взял быка за рога. Или вернее козу за молочную железу:

– Штурман Потехина – три дежурства на камбузе вне очереди, – сказал он, снимая фуражку и упираясь могучими ручищами в хлипкий столик.

Наташенька попыталась издать звук, и капитан рывкнул:

– Повякай мне ещё, дармоедка! Я кому говорил «никакого парфюма»?! Ты у меня весь перерасход кислорода за сегодня по коммерческой цене оплачивать будешь. Ты у меня вентиляционные фильтры маникюром своим чистить будешь. Благоухать изволишь?

Наташенька побелела, потом покраснела, а Маусс поправил галстук, величественно сел за стол и совершенно спокойно сказал мне:

– Шкипер, доложите обстановку.

Я и доложил. Доклад мой был краток.

– Обстановка на грани банкротства, – сказал я. – Рублей по двадцать пять каждому в этот месяц набежит.

Маусс посопел сердито и выдал:

– Значит так. Будем забуриваться вглубь. До границы Мохоровичича не полезем, но и по верхам шнырять, смысла больше нет. Пустой участок, бедная порода. Знаю, что опасно, знаю, что против инструкции. Но другого выхода у нас нет.

И поняли все, что решение это он уже давно принял и мнения наши лучше оставить при себе. И ему не хуже нашего известно о неприемлемости использования геоходов класса «Солярис» на больших глубинах. И плевать он на это хотел.

– А теперь давайте обедать, – сказал Маусс. – Что там у нас сегодня? Опять лапша? Ну, давай лапшу.

2

И началась самая увлекательная из охот – охота за богатством под страхом смерти.

Я сутками сидел за управлением, пайку мне прямо в рубку приносили. Но из-за недосыпа жрать не тянуло, один чифирь хлебал. Шуровали мы три метра в секунду, спиралью набирая глубину в границах нашего участка. По правилам надо было меняться каждые двенадцать часов, но на таких скоростях лучше меня с бандурой «Соляриса» никто бы не управился. Наташенька скидывала мне на комп проложенный маршрут и вертелась на камбузе, Маусс пропадал у себя в каюте, а вот Урляева капитан, к моей вящей радости, назначил бессменно драить галбюн.

И все ждали, когда скорлупу «Соляриса» раздавит километрами горных пород у нас над головой. Чёртову кучи энергии приходилось отводить на охлаждение, реактор не справлялся, скорость падала и вся затея теряла смысл. Мы рисковали завязнуть на глубине, и тогда придётся заказывать аварийную телепортацию. И тогда рассчитываться с нашими кредитами мы будем на социальных работах. До пенсии. Но это при условии, что ещё раньше корпус лодки не схлопнется давлением.

Надо было остановиться, как следует зарядить аккумуляторы и выжечь промежуточный купол над геоходом. Поэтому я застопорил ход, перевёл всю энергию на охлаждение корпуса и с наслаждением потянулся. Сразу же по сетевой болталке прилетело сообщение от капитана: «Почему стоим?». Я на секунду задумался и отстучал: «Профилактика частотных контуров». И сразу услышал топот в коридоре.

– Какая, на фиг, профилактика, Паскаль? – спросил Маусс, вваливаясь в рубку. – А ну вперёд!

От него сильно шибало перегаром, узел галстука был распущен и стало понятно, чем занимался капитан последние пару дней.

– Юрий Генрихович, я уже два дня Богу не молился, не правильно это, – пошёл я в наступление, сбивая с капитана спесь.

– Богу не молился? – пришёл в замешательство Маусс. – Ах, как не хорошо. Что же ты, Боря? Сходи, я тебе не препятствую. Тебя боцман подменит.

Вот так. Ещё бы ты препятствовал. Если Конфессиально-Гносеологическая Безопасность прознает о неотправлении культа на рабочем месте – виновному до двух лет. Но сильно борзеть я не собирался, мне деньги нужны, а не почётная грамота от епархии.

– Я, Юрий Генрихович, плазму активировал, – говорю. – Пока купол выжигается, я и сбегаю быстренько. А потом наружу можно будет выйти, образцов набрать, пробы на биологическую активность.

Понимает отлично капитан, что все пробы и образцы можно не выходя из лодки набрать, но кивает важно, одобряет. Вот и ладушки. Побрёл я в молельню, спотыкаясь, в коридоре издевательски подмигнул Сашке Урляеву, он как раз коврик там пылесосил. Сашка пылесос бросил, кулаки сжал, но я же не дурак с боксёром драться. Сказал только:

– Топай в рубку, боцман. Тебе капитан с перепою решил управление доверить, – и прошмыгнул в молельню, заперся, да и свернулся пухлым калачиком на узкой лавке прямо под иконой Единого Бога.

3

Лучше всего спать там, откуда некуда падать. Это я понял, свалившись с лавки всеми своими ста десятью килограммами и треснувшись башкой об алтарь. Во сне я видел незнакомую девушку с распущенными волосами и в позолоченном скафандре. К деньгам сие или к убыткам? Я потянулся и вышел в коридор. Сильно пахло жареной селёдкой, Наташенька решила устроить рыбный день.

В рубке на экране сканера внешнего обзора светились три зелёные отметки, коллеги ушли на прогулку без меня. Я врубил канал связи.

– ...такое количество самоцветов. Гранаты, рубины, сапфиры!

– Плазма, высокое давление, вот тебе и самоцветы.

– ...какая-то дыра, смотрите, – это Наташенька.

– Карст, капитан! – голос Урляева вибрирует, разволновался боцман.

– Что за чушь? Не может быть на такой глубине, – капитан как всегда категоричен.

Наташенька: «Точно, карст. И огромный. Луч фонаря теряется».

Урляев: «Ништяк! От Академии Научной Теологии может премию дадут».

Маусс: «Команда, ё-моё. Сказано кимберлит искать, они за каким-то хреном карст находят. Как бы нам тут на кикимор не нарваться».

Капитан любил рассуждать о кикиморах. Это его экспедиция в семьдесят седьмом открыла «терроформированный биологический вид».

Наташенька: «А почему вы назвали их кикиморами?».

Маусс: «Я не знаю. Кто-то сдуру ляпнул – и вот прижилось».

Я отключил связь и пошёл на камбуз, жрать хотелось катастрофически. Подумал, что обнаружить кикимор было бы как раз неплохо, обычно их поселения располагаются у основания кимберлитовых трубков.

Когда я зашёл в камбуз, на меня сразу накинулась гигантская селёдка. Размером она была с акулу, а из распластанного брюха у неё вываливались омерзительные потроха. На этих сизых кишках, белёсых молоках, расплзающихся фиолетовых жабрах чудовище скользило по кафельному полу и тянуло ко мне смердящую пасть с миллионом загнутых зубов. С чавкающим звуком тварь дёрнулась на собственных внутренностях, я вылетел в коридор и побежал, путаясь ногами в ковровой дорожке, которую давеча столь тщательно пылесосил Урляев.

Сказать, что я перепугался, так это ничего не сказать. Волосы натурально дыбом встали. И не только на голове. Я не помню, как оказался в молельне и опаньки – уже Святому Владимиру Обручеву свечку ставлю. И руки у меня трясутся. Весь трясусь, ни одной молитвы вспомнить не могу. Тут мне сзади Наташенька руку на плечо нежно так положила, по голове погладила. Сразу хорошо мне стало, спокойно. Повернулся – а это не Наташка. Девка это из сна, но без скафандра, даже совсем наоборот, совершенно голая. И рот у неё сильно большой, непропорциональный и зрачки без радужки. Худая, плоская, костлявая. Да это же кикимора!

– Ну, пусечка, – сказала кикимора, – ну, что ты так перепугался, лапочка?

– Ты как в лодке оказалась? – спросил я. Зубы у меня уже не стучали.

– Ты про телепортацию не слыхал что ли? – удивилась кикимора.

– Слыхал немного, – сказал я, и во рту стало сухо. Технология телепортации строжайше засекречена и применение гражданским населением пространственных переходов жёстко лимитировано и

регламентировано. А культура кикимор вообще считается не технологической, а психокинетической.

– Да успокойся ты, – кикимора снова попыталась дотронуться до меня, но я отпрянул. – Я же тебя готовила, во сне специально приснилась. Не узнал?

Она тряхнула гривой роскошных волос, кокетливо улыбнулась и встала в позу манекенщицы из глянцевого журнала, которыми у Сашки Урляева вся каюта завалена. Нет, красавицей кикимору не назвать, но была она очень обаятельна.

– Тебя же Боря зовут? – спросила кикимора.

– Ага, – ответил я. Кикимора мне нравилась, и я с трудом сдерживался, чтобы не рассматривать её слишком уж откровенно. – Боря Паскаль.

– А я Маша.

– Так-таки и Маша?

– Ну, моё настоящее имя ты всё равно не произнесёшь, даже не услышишь. Мы, *люди тени*, на ультразвуке общаемся.

– А по-русски разговаривать, где так наблатыкалась?

– Меня специально готовили.

– К чему?

– К диверсионно-подрывной деятельности.

Мне становилось всё интересней.

– И кого ты подрывать собираешься? – спросил я, но мне это было уже как-то и не интересно.

– А кого прикажут. Мы слишком долго жили в тени, пора бабахнуть.

– Маша, а галлюцинацию с рыбой тоже ты навела? Зачем?

– Это не я, – надулась Маша. – Я совсем наоборот, блок поставила, а то бы у тебя и твоих друзей уже от глюков крыша поехала. Пойдём к тебе в каюту, ты меня допросишь, и я тебе всё-всё расскажу.

Мы пошли в каюту, и я её допросил, и она мне всё рассказала.

4

– Короче, получается, Маша у нас политического убежища просит, – сказал я, подводя итог.

Экипаж «Соляриса» сидел за столом в кают-компании и пялился на кикимору. Они только что сняли скафандры и собирались сортировать образцы минералов, которые набрали под куполом, а тут я с Машей. В моей джинсовой рубашке и волосами, собранными на затылке в «конский хвост», она была неотразима.

– То есть, она типа Мата Хари, – брякнул Урляев. – Решила нам своих же продать.

– Она типа Колобок, – сказала Наташенька. Кикимора ей явно не нравилась.

– Я никого не продаю! – возмутилась Маша. – Вы сами запёрлись на территорию моего народа, старейшины приказали страже мозги вам выжечь, а я блок поставила. Меня теперь сильно накажут.

– А с чего ты добрая такая? – спросил Маусс.

– У меня свой интерес.

– А с чего ты откровенная такая?

– *Люди тени* не могут лгать, – сказала Маша.

– И в чём твой интерес?

– У нас война с людьми... – она произнесла что-то на пределе слышимости, но у нас заложило уши. – Ну, с другим племенем. Мы проигрываем, а наш род старше и лишь мы достойны греть разум в тепле дыхания Матери Недр. Дайте нам оружие, мы победим, а вы спокойно уйдёте. А меня не накажут.

– Им нужны частотные генераторы, – пояснил я. – Они с их помощью смогут провести ментальную атаку на своих противников.

– А мы сможем? – быстро спросил Маусс. – Провести атаку.

– Сможете, – сказала Маша. – Но я не скажу, какие для этого нужны частотные характеристики.

– И где нам поблизости алмазами разжиться, тоже не скажешь?

Маша энергично отрицательно помотала головой, и «конский хвост» хлестнул по её хрупким плечам.

– Нельзя вам здесь ничем разжиться, – сказала она. – Сунетесь дальше – конец вам, даже я не помогу.

– Мы посоветуемся с коллективом и вынесем решение, – утробно произнёс Маусс.

Вот это мне не понравилось. Он должен был крыть матом, грохать кулаками по столу и брызгать слюной. Должен был торговаться, требовать алмазы в обмен на генераторы. Требовать беспрепятственный проход по маршруту для нашей экспедиции. Экспедиции Центрального Геологического Управления Академии Научной Теологии, между прочим. Потому что вообще на наших глазах создавался прецедент – никогда ещё кикиморы не вмешивались в работу геологов. Вместо этого капитан попросту выпроваживал нас с Машей из кладовки. Что-то нехорошее задумал Маусс.

– Пойдём отсюда, Маша, – сказал я. – Никто тебе здесь не поможет.

Мы вернулись ко мне в каюту, и я сразу начал стягивать с кикиморы рубашку, но она вырвалась и строго сказала:

– Не сейчас.

– А когда?

– Как только ты добудешь оружие для моего народа.

– Но ты пойми, не могу же я с геохода промышленные генераторы снять.

– А ты придумай что-нибудь, – капризно сказала Маша. – Нам очень нужны эти излучатели, очень. На тебя вся надежда. Я тебя специально выбрала.

– Да? А почему именно меня? Не капитана, не Урляева, не Наташку, в конце концов, а именно меня?

– Ты самый красивый, – застенчиво сказала Маша.

– Скажешь тоже, – совершенно искренне возмутился я. Красавцем я себя никогда не считал. Умный – это про меня, да. Мужественный, конечно. Специалист классный. Но уж точно не красавец.

Но кикимора сказала:

– Ты же толстый.

– Ну и что? – обиделся я.

– Значит, ты добрый, – как тупому пояснила Маша. Как будто это было нечто само собой разумеющееся.

– Погоди, что-то я запутался. Добрый, потому что красивый, или добрый, потому что толстый?

– Толстый значит красивый, красивый значит добрый.

Мне всё стало понятно.

– Ну, предположим, – сказал я. – Но чем я смогу тебе помочь, всё равно ума не приложу.

– В обмен на алмазы твой командир согласится отдать нам излучатели?

– А сколько алмазов? – как можно равнодушнее спросил я.

– Мешок. Большой мешок. Вот такой.

– Лучше бы конечно месторождение, но и мешок сгодится.

– Тогда пойдём со мной, к нам. Ты на алтаре Матери Недр поклянёшься, что не обманешь.

Принести клятву языческому идолу за всего лишь безбедную старость?! Да легко. Уже в кессоне, натягивая скафандр, я спросил:

– Маша, а ты-то как у нас без скафандра обходишься? Ведь для тебя атмосфера «Соляриса» как для меня открытый космос.

– У нас скафандров не бывает. Меня закрывает... ну, типа энергетическое поле.

Мне снова всё стало понятно. Типа.

5

Когда мы пролезли в дыру, обнаруженную Наташенькой, то оказались под куполом гораздо большим, чем грот, выжженный плазмой «Соляриса». Это было гигантское пространство, ограниченное сверху хрустальным сводом, и даже через шлем скафандра я слышал мелодичный небесный звон. Густой воздух слоился радугой, переливался оттенками красного. Мы шли не спеша к источнику мягкого багрового сияния в центре этого волшебного места.

– Это алтарь Матери Недр, – сказала Маша, указывая на мерцающее пирамидальное возвышение из розового алмаза. – А это пастбища *людей тени*.

Маша повела рукой, обводя бескрайние поля бледно-багровой травы, на которых паслись стада рыжих слепых коров. Линия горизонта загибалась к хрустальному своду и терялась в розовой дымке. Постукивала водяная мельница на ручье из жидкого олова. Курилась дымком небольшая кузница. Жужжали медные пчёлы, собирая янтарный мёд. Неподальёку гончар шустро разминал свинцовый ком. Жнецы вязали снопы рубиновых злаков, пастухи

дудели в асбестовые флейты и пощёлкивали бичами, доярки гремели слюдяными вёдрами, дети выстраивались в очередь за парным молоком.

– Молоко, творог и сыр. Мёд. Немного пшеницы, – сказала Маша. – Это наша основная еда. Всегда её не хватало, теперь совсем стало мало, поэтому война за пастбища.

– Точно как у нас, – ответил я. – Просто вместо молока счёт в банке, а вместо войны доносы в КоГноБез.

А к нам уже топала по красноватой травке делегация кикимор. Или кикиморов? Короче, кикиморских мужиков. Голые, худющие – умора, одним словом. Первый кикимор подойдя, поднял в приветствии тощую руку. Другие остановились поодаль, настороженно посматривая.

– Это Вася, – представила Маша. – Наш Верховный Стратег.

– Боря, – сказал я и тоже помахал ручкой. – Очень приятно.

Но Вася, не обращая на меня внимания, сразу зашептал на ухо Маше что-то едва слышное, шипящее и булькающее.

– Меня хотят казнить, – сказала Маша.

– Чего ж сразу и казнить? – удивился я. Строго тут у них оказывается.

– Да твой визит ещё на меня повесить решили, а это по совокупности – кирдык! Но Вася мне поможет, потянет время.

– Почему?

– Он же умный, стратег. Он понимает, что победа на войне важнее наказания одной еретички.

– А я подумал, он тебя любит.

– Ну, – смутилась Маша, – мы единомышленники.

К нам тем временем приблизился ещё один кикимор, постарше, с козлиной бородкой и дикарскими татуировками по всему телу. Земляне себя так в двадцать первом веке уродовали. Начал этот бородач на Васю наезжать, даже за руку схватил. Бормотал по-ихнему, по-кикиморски, но и без перевода было понятно, что не одобряет он меня, Машу и Васино с Машей сюсюканье.

– Коля, самый главный у нас, – пояснила Маша. – Типа генеральный директор акционерного общества. Очень строгий.

– И контрольный пакет акций у него? – спросил я.

– У него, – вздохнула Маша.

– Видно, что ушлый, – сказал я.

Коля между тем продолжал чего-то сердито шипеть, руками размахивать, Вася пытался возражать, а я украдкой озирался.

Свободные от дискуссии кикиморы на нас внимания почти не обращали, занимались своими делами. Жали, сеяли, возделывали в поте лица своего. Двигались степенно, без суеты, детвора не шалила, бабы не скандалили, пьяных было не видеть. Складывалось впечатление благолепия и гармонии.

– Расклад такой, – снова заговорила Маша. – Меня казнить не будут, пока ты оборудование не предоставишь. Твоим друзьям временно ничего

не будет, но уйти не смогут, путь вашей лодке стражей везде перекрыт. Тебе большой мешок алмазов будет, как я обещала. Давай скорей на алтаре клянись, что генераторы припрёшь.

И тут Коля сам ко мне обратился:

– Клянись, чито нэ обманыш. Своим богом клянись ы Матырью нэдров тоже поклянись. А эсли обманэш – и над зымлёй тыба найду ы показню.

Ну, поклялся я, короче. А что было делать?

7

Когда я вернулся, мои друзья устанавливали вокруг «Соляриса» фугасные заряды.

– На всякий случай, – жёстко сказал Маусс.

– Очень своевременная предосторожность, – одобрил я.

– Ты где был? – подозрительно спросил Урляев.

– Гулять ходил, – ответил я.

– А где кикимора? – спросила Наташенька.

– В каюте у меня сидит, – зачем-то соврал я.

Экипаж закончил работу и отправился ужинать, селёдку с лапшой доедать, а я полез в Сеть, выискивая всю имеющуюся информацию о кикиморах. Её было мало. Первое поселение обнаружил Маусс, случайно, в ходе обычной проходки на предмет касситерита. От предложения разместить у них нашу миссию кикиморы уклонились, от культурного обмена отказались категорически. Этнографическую экспедицию не пустили на порог. Выражали протест по поводу работы подземных лодок в ареале обитания. Да кто же их, низкотехнологичных, слушать будет? И тут я наткнулся на забавный текст за авторством некоего Ораториева.

Ораториев, как выяснилось, являлся фигурой знаковой, для некоторых был кумиром, для большинства – эдаким интеллектуальным скоморохом. Его эссе «Нужны ли они им?», «Догонит ли улитка черепаху?» и «Обречены ли города на геостационарной орбите?» стали культовыми в определённых кругах. Имел статус легального диссидента, регулярно выплачивал штраф за антирелигиозные высказывания в публичных местах, пропагандировал эвтаназию. Наверняка был сексотом КоГноБеза, ну а кто им не был в наше время?

Тезисы его меморандума сводились к необходимости самого пристального внимания к проблеме изучения кикимор. Он ратовал за скорейшее установление дипломатических и культурных связей, торговых отношений и глобального внедрения агентуры. После этого переходил к неожиданному выводу о неизбежности войны с кикиморами, а после и вовсе призывал к тотальному геноциду. Собственно его сочинение и называлось: «Мы их или они нас?».

В дверь каюты постучали. Странно, капитан обычно вламывался без стука, Наташенька тихонько скребла ногтями, если навещалась с визитом, а Урляев ко мне не заходил. Я открыл. На пороге в полном составе застыл экипаж «Соляриса». Маусс держал в руке пистолет, а

Урляев сжимал разделочный нож. Наташенька изящно придерживала на плече бухту полимерного буксировочного троса.

– Где твоя красавица? – спросил Сашка.

– Вы что задумали? – ответил я вопросом, шагнув назад.

– Не психуй, Пухлик, – проворковала Наташенька. – Мы её не больно нарежем.

– Шли бы вы карстом, – сказал я.

– А с чего ты так завёлся? Она же не человек и даже не животное. Не поймёшь чё! За неё срок не дадут, а бабла срубим немеряно, все кредиты закроем, – сказал Урляев.

– Ты представляешь, сколько за её потроха Анатомический Музей отвалит? – сказал Маусс.

– Да вы, друзья, обалдели, – сказал я и захлопнул дверь каюты.

Я заклинил замок, для верности привалил дверь ящиками с образцами и заказал экстренную аварийную телепортацию.

8

Ораториев потчевал меня чёрной икрой, какими-то хитрыми тефтелями, жульеном из марсианских грибов и красным чаем с натуральным мёдом. Нехило живут легальные диссиденты. Мёд нынче двенадцать рублей кило, а про грибы я даже не знаю, где и за какие деньги их купить можно.

– Так вы прочитали мою статью? – спросил Ораториев.

– Да. Мне показалось, что вы единственный кто уделяет проблеме кикимор должное внимание.

– Я предпочитаю называть их *люди тени*. Как они сами себя называют.

Он смотрел на меня чуть насмешливо, говорил уважительно и ждал когда я уйду. Надо было его как-то зацепить, и я попробовал:

– Странно с ними всё.

– Что странно?

– Ну, человечество готовилось к встрече с инопланетянами. Искало инопланетян и боялось инопланетян. Написали кучу книжек и наснимали кучу фильмов. А разумная жизнь обнаружилась в недрах планеты. Новая раса, самобытная культура, использующая психокинетику и экстрасенсорику. И всем по фигу!

– Вы зрите в корень, мой юный друг! – высокопарно воскликнул Ораториев, и я подумал, что он всё же на редкость неприятный тип. – Феноменальное равнодушие нашей цивилизации само по себе заслуживает отдельного исследования.

– В чём, по-вашему, причина? – подыграл я.

– Их несколько, – сказал Ораториев, окончательно переходя на менторский тон. – Это и обилие сорной информации. Мы активно заселяем Систему, общаемся в Сети, информационные каналы перегружены. Курсы валют, погода, гороскопы, эпидемии, стихийные бедствия, техногенные аварии... А ещё флешмобы, новые гаджеты, цифровые импланты, порнуха в диком количестве! Мы собираемся к звёздам. Мы размножаемся, нас уже пятьдесят

миллиардов, и мы нашли жизнь на Марсе. Пусть пока только растительную, но, тем не менее, тем не менее... Потом это и тяжёлая экономическая ситуация. Многим трудно прокормить семью, какое им дело до подземных человечков, им на работу ходить приходится. И, разумеется, это и влияние Церкви Единого Бога, нежелающей признавать *людей тени* разумными существами. Собственно, они даже для себя не могут решить – объявить ли *людей тени* божьими тварями или же порождением дьявола.

А самое главное – слишком давно не было глобальных войн. После кровопролития Великой Религиозной смуты, почти сто лет мирного существования. Люди разучились бояться за свою жизнь, все боятся только за свой кошелёк. Люди культурно деградируют. Каждый год новый наркотик, нелепая мода, педерастия, нелепые развлечения. Вы знаете хит сезона? Анатомический Музей!

– Я знаю, знаю, – сказал я, но он меня не слушал.

– По всей планете возят законсервированные в формалине разделанные туши редких животных и толпы прохвостов с извращённым любопытством разглядывают эту мерзость.

– Я знаю, – повторил я, и он соизволил обратить на меня внимание.

А мне припомнились витрины Анатомического Музея, который я посетил по глупости в прошлый отпуск, и съеденные грибочки запросились наружу.

– Я лишь одно не могу понять в этой истории – почему *люди тени* обратились именно к вам? – спросил Ораториев.

– Они говорят я толстый, значит красивый, – пришлось мне признаться.

– Ну, конечно, – вновь глубокомысленно прищурился Ораториев. – В обществе с дефицитом продовольствия упитанный человек выглядит образцом телесного стандарта.

– А раз красивый, то по-ихнему выходит ещё и добрый, – я счёл нужным объяснить все нюансы.

– Понятно, понятно, – сказал Ораториев. Ему опять становилось скучно. – А какой у вас там интерес? Почему бы вам не обойти этот, как его, кимберлит?

– Контракт с Управлением предусматривает, что найденные на маршруте алмазы становятся призом команды судна.

Он понимающе кивнул и вновь спросил:

– А вы точно запомнили, она так и сказала – «мы слишком долго жили в тени»?

– Да, я запомнил.

– Тогда дело гораздо серьёзней, чем я нафантазировал в своём меморандуме. Раз у них есть высокие технологии – а об этом свидетельствует факт телепортации вашей знакомой и пусть не врёт про психокинетику – и раз у них есть парапсихологические способности – а об этом свидетельствует факт наведённого сновидения и наведённая галлюцинация – у человечества крайне мало шансов выйти победителем из конфликта с *людьми тени*.

– Но, вы считаете, конфликт всё же неизбежен?

Тогда Ораториев взглянул на меня печально и сказал:

– Обязательно попробуйте потофё из телятины с лунных ферм. Это восхитительно.

9

В геоцентре имени Давида Губермана я приобрёл в кредит четыре промышленных генератора «ИЖ/м – 196» и там же оплатил обратную телепортацию. Только перед отправлением надел скафандр и попросил оператора сместить координаты точки возврата на пятьсот метров вперёд по курсу «Соляриса», прямо к алтарю Магушки Недр. Эти операторы телепортационных станций ребята дотошные, все как один сексоты КоГноБеза, и простоватый с виду паренёк что-то заподозрил.

– Вы уверены, что хотите вернуться именно в это место? – спросил он.

– Да, – как можно увереннее ответил я. – Пока меня не было, наша подземная лодка значительно продвинулась по маршруту. Сами понимаете – план, нельзя допускать простоя.

– Как знаете. Но если вы просчитались, то окажетесь замурованы. Генераторы берёте с собой?

– Да. Их прямо со склада перемещайте в указанную точку.

– Это обойдётся вам в тысячу триста рублей восемьдесят пять копеек новыми.

– Гулять, так гулять, – пошутил я и через секунду услышал вопль Верховного Стратега, которому двухсоткилограммовый генератор брякнулся на левую ногу.

Они тут, оказывается, ждали меня. Всем кагалом не расходились. Маша бросилась мне на грудь, прижалась лицом к броне скафандра. Кикиморы оживлённо чего-то верещали, оказывали первую помощь Васе, снимали упаковку с приборов. Подошёл Коля и бросил к моим ногам мешок.

– Вот алмазы, – сказал он. – Как договарывались. Падыземная лодка тута останеца, друзья тываи пусть убегают, их тута не надо.

Ишь раскомандовался, падло большеротое, ценностями швыряется. И как это мои «друзья» сбегут, если лимит телепортации на этот месяц теперь мной исчерпан? Ничего, будет для тебя ещё сюрпризик, господин директор. Я открыл мешок. В глазах у меня помутилось.

– Хорошие, – у меня даже дыхание спёрло.

– Но зачем они тебе теперь? – спросила Маша.

– В хозяйстве пригодится, – ответил я, почуввав неладное.

– В каком ещё хозяйстве? – засмеялась Маша. – У нас не бывает хозяйств, всё же общее. Тебе скорее надо адаптацию проходить, это целый ритуал. И тогда Мать Недр окутает твоё тело энергетической оболочкой. Как у меня. Как у всех *людей тени*.

– А это обязательно?

– Ну не в скафандре же ты со мной потомство делать собираешься?

Тут я признаться, припух. Оказывается, на меня строят планы.

– В скафандре неудобно будет, – сказал я.

– Ещё как неудобно, – легко согласилась Маша. – А как пройдёшь адаптацию, поженимся, нам отдельную пещеру выделят, меня реабилитируют. Врагов с новым оружием быстро всех разгоним. Еды теперь будет вдоволь, даже тебя с твоей комплекцией легко прокормим.

Упоминание комплекции в таком контексте мне не понравилось, и я озвучил то, о чём начал догадываться ещё в первую нашу встречу, когда Маша плела свою наивную легенду.

– Слушай, а ведь ты врала про людей из другого племени. С которыми якобы у вас война.

– *Люди тени* не могут врать, – строго сказала Маша. – Я просто на нашем языке говорила «земляне». Вы своими геходами разрушали наши пастбища, излучением генераторов дробили хрусталь куполов, Матушка Недр была очень недовольна. У нас коровы доиться перестали! А сейчас вы к нам уже сунуться не сможете, такой ментальный заслон с этими усилителями поставим, что мозги из ушей вытекут. И для *людей тени* снова наступит благоденствие. А так-то войн у нас вообще не бывает. Ни войн, ни убийств, ни воровства.

– Убийств не бывает?! – возмутился я. – А кого тут недавно казнить собирались?

– У нас казнь это не убийство, – мягко улыбнулась Маша. – Это что-то вроде бойкота. С тобой никто не общается, не разговаривает, тебя не зовут в хоровод. Это очень страшное наказание.

– Прямо таки рай под землёй, – усмехнулся я.

– Рай? – переспросила Маша. – Для тебя может быть и да. Если считать раем место, где нет как у вас злобы, мстительности и зависти, насилия и лжи. Где живут в гармонии с природой и стремятся не к богатству, а к добру и любви. Мы поэтому и пришли в ужас, когда вас получше узнали. Поэтому Вася и сказал, что мы теперь в состоянии войны с землянами. А до этого *люди тени* не ведали войн, понятия такого не было. Мы пытались вас образумить, объясняли, что вы своим вторжением разрушаете наш мир. Но вы не слушали.

Вот только пропаганды мне не надо! Агитирует она... Но хрустальный свод мелодично позванивал над нашими головами, сердце моё стонало от нежности к этой наивной девочке, кикиморы припадочно дёргались возле генераторов, радовались, и я спросил у Маши:

– Мне просто интересно, а электричество у вас есть? Чтоб генераторы активировать.

– Вихревые токи магнитного поля Земли подключим, – небрежно ответила моя любимая кикимора. – Так ты остаёшься?

– Конечно! – восторженно восклицаю я и вру дальше: – И даже знаешь что? Я схожу, алмазы ребятам отдам. Мне они, получается, без надобности, а им хоть какая-то компенсация за потерянный геход будет. Да и телепортация у нас ох как дорого стоит.

И бегу к «Солярису» пока эти лохи пещерные не прочухали, что из генераторов я циркониевые резонаторы вытащил. Ещё на складе. А без циркониевых резонаторов генератор как лазер без рубина – гудит, но не излучает. Это каждый школьник знает.

Я оглянулся напоследок. Маша осталась ждать в сиянии купола, в радужном мерцании самоцветов, кикиморы вокруг алтаря радостно собирались в хоровод. Ну, пусть попляшут, дурачки, скоро не до веселья будет. Ещё не поздно было вернуться. Устроиться пасечником. Пить молоко и мёд. Жить в покое и умиротворении. Плодить кикиморское отродье. Молиться куску алмаза. Слушаться Колю и Васю. Нет, ну уж дудки. «Брошу всё, уеду на Меркурий, там опытные подземники всегда нужны», – подумал я и полез в дыру.

10

– Вот чего я с Машки поимел, – говорю я и бросаю под ноги ребятам мешок с алмазами. Так же как Коля недавно швырял этот мешок мне. – А вы её выпотрошить хотели. Это было бы, по меньшей мере, нерентабельно!

– Тут миллионов на полтораста, – шепчет Урляев, заглядывая в мешок.

– Поделим на всех поровну, – благоразумно сообщаю я.

– Да что толку с твоей рухляди, если мы уйти не можем? – злится капитан. – Куда ни сунемся, сразу глюки дикие начинаются. Обложили они нас по кругу, везде оцепление.

– Вот именно, что по кругу. А почему бы не набирать глубину, поставив лодку вертикально? Ведь по сути «Солярис» это бур. Так какого хрена мы бурим вдоль, а не поперёк? – спросил я.

– В рот парход, в задницу подземную лодку! – сказал Маусс и поправил галстук.

– Никто не додумался. Инерция мышления, – глубокомысленно изрёк Урляев.

– Опасно. Упрёмся в границу Мохоровичича, – забоялась Наташенька.

– Значит, мы будем первыми, кто её пересечёт, – сказал я.

– Но почему вниз, а не вверх?! – продолжала истерить Наташенька. – Давлением же раздавит!

– У нас подземная лодка, а не летучий корабль. Над нами двадцать метров выжженного грунта. А запас прочности «Соляриса» позволяет забуриться ещё метров на пятьсот.

Я говорил спокойно, веско, и она утомилась.

– А мозги нам не поджарят? – подозрительно спросил Маусс.

– Теперь не поджарят, – весело сказал я, подбрасывая на раскрытой ладони четыре циркониевых резонатора.

А Сашка Урляев положил мне руку на плечо и душевно произнёс, дыхнув перегаром:

– Я думал ты ушлёпок, а ты нормальный пацан оказался.

Хмыкнув, я активировал кормовые домкраты и начал забуриваться, постоянно увеличивая крен. Геоход вставал вертикально, и мне пришлось

упереться локтями в экран монитора. Переборка позади меня стала потолком, и с неё сорвалась рамочка с портретом Президента. Экипаж «Соляриса» пребывал на четвереньках, осваиваясь в новой геометрии внутреннего пространства. Мы уходили от кикимор всё глубже и глубже.

– А теперь давайте взорвём фугасы, – злобно прошипела Наташенька. – Долбанёт так, что вся их пещерка сплошным кимберлитом станет. Высокотемпературным.

– Не надо ничего взрывать, – сказал Маусс. – Ни к чему это теперь.

– Ты же сам хотел кикимору на органы, – удивилась Наташенька. – С чего жалеешь?

– Я же хотел за деньги, – сказал Маусс. – А за просто так зачем убивать?

Маусс был прав, но лишь отчасти. Разумеется, не «за просто так», но всё ещё будет. Будут ещё убийства, взрывы, газовые атаки и спровоцированные эпидемии. Чуть позже. И даже не богатства недр станут для этого причиной. Просто не потерпит человечество у себя под боком вот такую цивилизацию. Гармоничную. Без «злости, мстительности и зависти, насилия и лжи». Стыдно нам будет у себя под боком такое терпеть. Очень стыдно. Потому что мы не сумели.

Я гнал «Солярис» к центру планеты, а в памяти маячили поля багровой травы и тучные стада под звенящим хрустальным куполом. Рай под землёй. Не в небесах, не после смерти и не в награду за праведную жизнь. А здесь и сейчас, для всех нас грешников. Очень большой соблазн. Но ничего у вас не выйдет, *люди тени*.

Купить хотели, граждане подземелья? Нас не купишь! Подавитесь своими подачками. Нам не требуется малое, когда можно отнять всё. Мы всегда так делали. Мы будем вас убивать, глушить ультразвуком, травить газом и взрывать термоядерными зарядами. Мы загоним вас в резервации и сами возьмём ваши алмазы. Мы не будем больше давиться лапшой, мы обожрёмся марсианскими грибочками. Я знал, что теперь делать, и это наполняло меня спокойной уверенностью.

Только вот одно чувство беспокоило меня в этой ситуации, царапало изнутри острыми коготками прямо по сердцу. Я любил Машу и ничего не мог с этим поделать. Я очень сильно её любил, мою кимберлитовую кикимору.

11

Спустя два месяца.

Из служебной записки Ораториева для Конфессиально–Гносеологической Безопасности: «Боря Паскаль человек, безусловно, сильно глуповатый, жадноватый и безответственный. Я с ним встречался лично и с уверенностью могу сказать, что *люди тени* выбрали для сотрудничества совсем не того персонажа. Он мог стать первым резидентом в логове опаснейшего потенциально противника, а вместо этого предпочёл хапнуть куш и сорвать едва наметившийся контакт. Именно по вине этого утырка мы потеряли из вида цивилизацию *людей тени*, чьи психоментальные

способности могли пойти на пользу всему человечеству. На сегодняшний день *люди тени* скрылись из доступного для нас пространства, и неизвестно когда и с какой целью объявятся вновь. Возможно, они и действительно, как принято считать, ушли за границу Мохоровичича и обитают в мантии. Но я полагаю, что для них не стало бы проблемой покинуть не только доступные нам области земной коры, но и совсем покинуть нашу планету, а может быть и Систему. В ближайшем же будущем встреча с ними станет для землян проблемой номер один, и я не вижу способов её оптимального разрешения».

12

Уже через неделю флотилия подземных лодок на Меркурии была атакована кикиморами и полностью уничтожена. Центральное Геологическое Управление Академии Научной Теологии потребовало начала полномасштабной войсковой операции. Началась Первая Кикиморская война.

Приворот (Почти не фантастика)

Александр ГОЛОВКОВ

Блондинка

Владислав Игоревич спал нагишом, укрывшись мягким тёплым одеялом, на широкой кровати. Он любил телесный комфорт, и душа от этого у него была мягкой, молчаливой. Будильник он заводил на без четверти шесть. В шесть часов начинались передачи местного радио, от которых он просыпался окончательно. А меж тем он дремал и нежился в постели.

– На работу проспидь, – слышался ему женский голос.

Приснилось. В его комнате никогда не было женщин. Он избегал страстей, и страсти его избегали.

– Вставай, будильник прозвенел давно, – повторился голос уже с нотками раздражения.

За окном серел рассвет. Он подумал, что это слышались голоса соседей за стенкой, протянул руку в изголовье и включил свет.

Одеяло свесилось на пол. Простыня сбилась с постели и лежала рядом, раздражая вялыми складками. Он хотел поправить её.

– Отстань, – недовольно буркнула она.

Серьёзным людям в жизни не везёт. А Владислав Игоревич был серьёзным.

Или считал себя таковым. Какую ошибку он совершил в жизни?

В динамике зашипело, потом грянул первый аккорд и хор подхватил гимн: «Союз нерушимый республик свободных...»

Простыня у него была одна. Старая. Жалко её было выбрасывать. Когда к вещам относишься тепло, вещи оживают.

– Началась постельная лирика, – не узнавая своего голоса, произнёс Безуглов.

Вот за что он и не любил фантастику – потому что там придумывали чепуху вроде той, которая с ним приключилась.

Больше Владислав Безуглов решил пока ничего не говорить. Он подошёл к окну, чтобы определить, какое теперь время года. Вчера была весна. Если бы сегодня наступила осень... Он раздвинул гардины. Была весна. Весна, природа пробуждается. Поэтому всё может быть.

– Будешь на работе, подумай, как нам жить дальше, – сказала за спиной у него простыня.

– Что ты имеешь в виду? – он обернулся, надеясь, что ответа не услышит.

– Ты не находишь, что мы разные. Мы потеряли интерес друг к другу.

– Ну, – согласился Безуглов.

– Я так жить не могу, – продолжала простыня. – Давай расстанемся.

По-хорошему.

– Это как?

– Не валяй дурака, ты прекрасно знаешь, что я говорю о разводе.

– Да?

– Мне нужен документ.

– Разве мы супруги?

– Но ты со мной спишь. Сколько лет!..

– Не с тобой, а на тебе.

– Какая разница?

– Я не могу дать развод, потому что ни на ком не женат.

– Ах, так?! Тогда женись!

– Чтобы жениться, нужна женщина, – без претензии на оригинальность сказал Безуглов.

– А я, по-твоему, кто? – спросила простыня. – Что ты строишь удивлённые глазки? Ты со мной спишь. Почему ты думаешь, что на мне не надо жениться?

– Я прожил тридцать лет и три года, – овладев собой, ответил Владислав Игоревич. – И не слышал, чтобы вещи говорили. Да притом всякую чепуху.

– Значит, я для тебя вещь, – обиделась простыня. – Почему же ты со мной спишь?

Владислав Игоревич не стал обсуждать положение. Он собрался, выпил чаю и ушёл, надеясь, что как всё началось, так всё и образуется. Сказано уже, что был он человеком серьёзным, нелепости его не занимали. Подумаешь, какая-то тряпка впала в амбицию. Выходя за дверь, он ещё помнил о ней. Но, придя на завод, он уже думал о другом. Его ждала работа.

Работа – это один из способов уединения. Агрегатные станки, токарные полуавтоматы... Все требовали к себе его внимания. На девушек, работавших за станками, он никакого внимания не обращал. За исключением, разве, нормировщицы Светочки. К ней он относился дружелюбно, как к хорошей соседке. Об этом все знали в женском коллективе. Но это ему было безразлично.

У него был свой кабинет – мастерская с табличкой на двери: «Наладчик», где он работал и отдыхал. Там стояли верстак, три небольших станочка и мягкий диван. Там он пил чай со своим единственным другом электриком Гудимовым.

В нашей разнообразной жизни Безуглова не могли сбить с его пути ни увеселительные заведения, ни общественные нагрузки, ни спорт. Понимающие люди сказали бы, что он аскет. Дом, работа... Третьего ему было не дано. Но йогой он не занимался. А с работы возвращался домой всегда почти в одно и то же время.

Он прошёл мимо разговорчивых соседок на кухне к своей комнате и отпер дверь ключом. Простыня лежала на кровати и смотрела телевизор. Программа посвящалась перестройке.

Кто станет указывать, как развлекаться нечистой силой?

Владислав понял, что придётся менять привычный образ жизни. По крайней мере, ту часть, которая называлась досугом. С детства Безуглов не ходил гулять на улицу. В этот вечер он ушёл.

Он бродил по улицам и удивлялся, что за глупость с ним приключилась. Какая-то жутко сексуальная история. И с чего! Не был он Нарциссом. А женщин не любил, потому что... Ну, не находил он, что можно в них любить. Ничего смешного тут нет. Если с кем другим такое случилось, можно было бы посмеяться. А ему что теперь делать?! И как это он до сих пор не догадался завести собаку? Или котёнка, по крайней мере?

Вернулся он поздно. Простыня читала книгу или делала вид, что читает.

Безуглов достал пакет супа и приготовил ужин. Приглашать к столу бессовестную вещь он, естественно, не стал.

– Ты обо мне не заботишься, – сказала простыня, когда он вымыл посуду.

– Я о тебе позаботился, – возразил Владислав. – Я тебя вчера использовал по назначению. Я постелил тебя на кровать. А утром ты...

– Что я? – дерзнула простыня. – Ты, оказывается, любишь семейные скандалы!

– О какой семье ты говоришь?

– Может быть, ты меня ещё в шкаф собираешься засунуть?

– Если будешь плохо себя вести, я тебя выброшу!

– Оставь мечты, романтик! Да, я простыня. Но я не бездушное животное, с которым можно обращаться, как попало. Я не виновата, что меня назвали Простыней. А если меня назвали Простыней, это не значит, что на мне можно валяться всем, кому вздумается. Женись сначала!

– Да кто ты такая?

– Ты сам меня сюда притащил, я не напрашивалась.

– Но я же тебя взял в магазине. Не тебя, так другую...

– А зачем брал?

От бессмысленных разговоров Безуглову захотелось спать.

– Почему ты не даёшь мне денег? – продолжала Простыня.

– Зачем тебе деньги?

– Мне нужно купить кое-что из вещей.

– Косметику тебе не надо?

– Я вижу, ты норовишь всем распоряжаться. Ты приходишь домой и начинаешь копать в вещах так, как в своей душе не копался. Ты считаешь, что вещи должны тебе служить. Кто ты такой?

– Не знаю, вещь ты или нет, – решил положить конец недоразумениям Славик. – Но я точно знаю, что ты не человек: у тебя паспорта нет.

– Есть.

– Ярлык?

– А что? Там чёрным по белому написано всё, что нужно. Вот, я в шкафу нашла, – она предъявила ярлык.

В ярлыке указывалось: «Простыня. Хлопчатобумажная. Фабрика...»

Был ОСТ. Номер. Цена первого сорта. Ярлык подлинный.

– Но это не паспорт, – возразил Славик. – А даже если и паспорт... Это технический паспорт. Он не даёт никакого права на замужество.

– Он даёт право на существование. А тот, кто живёт, имеет право выходить замуж. И вообще, Пигмалион на твоём месте почёл бы за честь... А ты права качаешь.

По радио прозвучал гимн. Полночь. Пора было спать. Владислав шагнул к кровати.

Ложиться в постель без простыни – выглядело варварством. Ложиться на простыню... Что-то его смутило. Рассудок подсказывал: все нормальные люди спят на простынях. А чувства... Больше всего ему хотелось раздеться, лечь и заснуть.

Он откинул одеяло, посмотрел на простыню и указал на матрац:

– Ложись.

Увы, его магическому заклинанию предмет не поддался.

– Ты в публичный дом пришёл? – грубо высказала Простыня. – Я тебе не шлюха!

Безуглову надоели капризы природы. Он хотел расстелить простыню, но она увернулась.

– Ну и чёрт с тобой. Завтра другую куплю.

Подушку и одеяло он убрал – от греха подальше. Он лёг, не раздеваясь, точно турист на привале. Свет погас. Впервые он спал по-спартански. Простыня легла рядом и отвернулась. Утром он не слышал будильника, соскочил с кровати, когда уже пропели гимн.

– Ключи от комнаты оставь, – попросила Простыня.

Он усмехнулся и ушёл. Он починил сверлильный станок, отремонтировал шлифовальный, настроил фрезерный...

В этот день ему позвонили на работу. Валентина Николаевна из техотдела пришла и позвала его к телефону. Бывало, Безуглову звонили родители – отец или мать.

В техотделе работали только женщины. Они были наряднее и лукавее цеховских.

– Кто это тебе звонит, Славик?

– Такой тоненький голосок...

– Неужели у нашего Славика завелась зазноба?

Не обращая внимания на смешки, Безуглов взял трубку.

– Алло... Какая простыня?

Что ему говорили, не было слышно. Но по виду его все поняли – что-то оскорбительное. Он злобно покраснел. Затем он сказал буквально следующее:

– Ты с ума сошла! Не валяй дурака, лежи дома!

Женщины в отделе прыснули смехом. Но Безуглову и в лучшие времена было не до них. Он пыхтел в трубку:

– Где ты взяла ключи?

– Где ты взяла деньги?

Потом он будто спохватился, что ведет себя неприлично, сказал сухо:

– Надеюсь, ты будешь благоразумной.

И ушёл в свою мастерскую.

После работы он торопился домой. Разговорчивые соседки на кухне приумолкли, когда он вошёл. По-видимому, они хотели что-то спросить. Но ему было не до них. Он прошёл к своей комнате, достал ключи. Но дверь оказалась не запертой. Простыня сидела за столом и что-то писала. Она успела наутюжиться. От неё пахло духами.

От этого запаха или от её вида Безуглову стало тошно.

– Где ты была?

– Ходила гулять.

– А что ты пишешь?

– Готовлю сведения, чтобы привлечь тебя к товарищескому суду.

Владислав присел на кровать. Он представил, как его самозванная невеста будет ходить по судам и женсоветам и жаловаться: «Он мне зарплату не отдаёт. Он меня избивает...» У неё хватит ума и на работу заявить...

– Не примут у тебя заявления, – не очень уверенно сказал он.

– Почему?

– Потому что паспорта нет.

– Не волнуйся, я получу паспорт.

– Какой дурак тебе его выдаст?

– Я уже всё выяснила. Я получу паспорт и пропишусь здесь. Посмотрим, как ты потом заговоришь.

Этим вечером Славик лёг спать пораньше, с головой завернувшись в одеяло, но всё равно до полуночи заснуть не мог.

На работе весь цех обсуждал вчерашний его разговор по телефону. Это невозможно было не заметить. Но он старался не замечать.

– Витя, ты мой самый лучший друг, – за чаем сказал электрику Гудимову.

– Мне нужен твой совет. Ты только не перебивай... Не подумай, что я шучу... Дело в том, что ко мне тут простыня одна прилипла. И собирается замуж...

– Симпатичная?

– Да обыкновенная. Белая.

– Ну, так женись. Пора тебе, – не подумав, сказал Витя.

– Но ведь она – никто, простыня.

– Тряпка, что ли?

– Тряпка.

– Тогда не женись.

– Вот и я ей говорю: не регистрируют. А она – своё.

– У неё и паспорта, наверно, ещё нет?

– Нету. Но она ничего не хочет слушать.

– Тогда порви.

– Порвать?

Гудимов задумался.

– Вообще-то, жениться тебе надо, – откровенно сказал он Безуглову. – Ты посмотри, сколько женщин в цехе... И диван у тебя такой мягкий...

Гудимов покачался на диване.

Этим вечером Безуглов шёл домой с определённой целью.

Он взял ножницы, схватил Простыню и перекинул её через руку. Вид его выражал решимость.

– Ополоумел?! – взвизгнула Простыня. – Тебя судить будут!

– За что? Не велик грех, если я выкрою из тебя дюжину носовых платочков.

– Поздно! – злорадно выкрикнула она. – Я тебе не вещь! Я сегодня паспорт получила! – она вырвалась и помахала перед ним красной книжечкой с тиснёными гербом и буквами. – Что смотришь? Хочешь удостовериться?

По его глазам она поняла, что Славик ей уже не опасен.

– На. Не порви и не испачкай. Это документ!

Смотреть там оказалось нечего. Это был паспорт. Настоящий. С фотокарточкой, на которой запечатлелась помятая физиономия Простыни.

Славику хотелось решительно прервать ход событий, но применять грубую физическую силу, действительно, было уже поздно.

– Как же так? – промямлил он.

– Не скрою, это оказалось непросто, – самодовольно улыбнулась Простыня.

– Я ходила к паспортистке. Я предъявила ей ярлык. Я объяснила, что у меня нет другого документа. Я не виновата, что мне такой выдали. Вас не устраивает этот документ? Меня тоже не устраивает. Выдайте, какой надо. Вы женщина, вы должны меня понять, сказала я. Меня послали в исполком. Мне сказали, если будет постановление выдавать паспорта простыням... Им всё равно. Они всех паспортизируют. Но в исполкоме сидел какой-то... клерк. Он сказал: «Мы не можем». Он на меня даже не взглянул. Я предложила ему посмотреть на меня. Он посмотрел. «У вас лица нет». Я объяснила ему, что это от волнения. «Мы не можем. Вы фабричной выделки». Я фабричной выделки? Да если хотите знать, меня на фабрике на руках носили! «Это не меняет никакого дела. На вас цена стоит». И никто меня не выделял! «Всё равно. Серийное производство. А таким запрещено. Чем другие хуже вас?» А я чем хуже других? Он сказал: «Но вы же...» Я вскрикнула: «Что? На что вы намекаете, нахал!...» Словом, кое-какими принципами пришлось поступиться.

– И ты собираешься теперь подавать заявление в ЗАГС? – осведомился Славик.

– И в ЗАГС, и в суд!

Теперь он понял, в какую историю вляпался. Попалась ему...

Или он попался? Спал на простыне? Спал. Оправдывайся теперь, доказывай... Ах, но почему он до сих пор не завёл собаку?! Простыня будет добиваться своего. Методично, настойчиво. Понесёт заявления в суд. Там справки заставят собирать. Пойдёт за справками. Чушь! Дадут ей справки... Ну неужели у нас все бюрократы вывелись? Не может быть!

Выбора у Славика уже не было, но у него оставалась надежда. Нет, у него ещё был шанс. Жениться. Надо жениться на ком-нибудь, только не на Простыне! Ещё можно успеть...

Он спрятался в своей мастерской на работе и ничего не делал. Ему попала газета. Он стал читать какую-то статью о жёнах – страданицах, натерпевшихся от мужей. Строчки прыгали у него перед глазами, поткатился со лба. Он достал платочек. За этим занятием его застала Светочка.

– Что с тобой, Славик, Тебе плохо? – она интересовалась его здоровьем.

Он взглянул на неё, ища поддержки. Раньше он ни за что бы не принял помощи от Светочки. Но теперь он рассчитывал именно на неё.

– Я, кажется, получил серьёзный стресс, – признался он.

– Стресс? – удивилась Светочка. – От кого?

– Это не производственное, – с усилием улыбался Владислав. – Но ты мне можешь помочь. Обещаешь?

Светочка ничего не обещала, но желала знать, что случилось.

– Я ничего объяснять не буду. Я хотел попросить тебя об одном... – сердце его болезненно билось.

– О чём? – с опаской спросила Светочка.

– Я прошу тебя об одном, – серьёзно повторил он. – Выходи за меня замуж.

...Все видели, как из мастерской наладчика выходила возмущённая Светочка.

После работы ему впервые в жизни не хотелось идти домой. Он прошёл парк сначала вдоль, затем поперёк, обошёл кругом цирк, постоял у театральной афиши.

Наконец он вернулся в магазин. За прилавком стояла грустная продавщица.

– Я как-то у вас простыню покупал...

– И что?

– Она бракованная попала.

– Что с ней?

– Вы не подумайте, дыр на ней нет. Внешне всё в порядке. Но, – Славик наклонился к продавщице, – Вы знаете, она всё норовит выйти замуж.

Продавщица отвернулась.

– Постельное бельё обмена не подлежит.

Безуглов и не надеялся обменять простыню. Даже если бы она и подлежала обмену, она бы этому воспротивилась. Характер у неё таков. Безуглов постоял у прилавка. Он хотел купить другую простыню, но...

Возможно, если бы он притащил домой ещё одну простыню или несколько, всё вышло бы по-другому. Но он не притащил. Побоялся. Или не смог: нравственные устои не позволили.

Соседки посмеивались на кухне.

Простыня сидела перед зеркалом, держала новенькую косметичку. Она была ещё сырая.

– Ванну изволили принимать, – желчно усмехнулся он.

– Да. А что?

Вид у неё был благоухающий, удовлетворённый.

– Ты во многом преуспела, – удручённо сказал Славик. – Тебе удалось получить паспорт. Ты, наверное, хочешь теперь прописаться? Так вот, не

надейся. Для прописки нужно заявление квартирьёщика. То есть, моё. Но я такого заявления не подпишу!

– Обойдёмся без твоего заявления, – усмехнулась она.

По этой уверенной усмешке Славик понял, она добьётся своего. Почему – он не мог объяснить. Он чувствовал, пути стягиваются. Неужели придётся жениться? Ни за что! Но где же выход? Бежать? Куда?

Он приехал к родителям. Не справившись об их здоровье, он прошёл в квартиру, сел посреди комнаты на табурет.

– Мама, я, кажется, попал в беду, – уныло пожаловался он.

Отец повёл усами. Мать погладила его по голове, как в детстве.

– Ну что ты, сынок, что случилось, успокойся, расскажи...

Он рассказал.

– Что ж ты, так и будешь бобылём жить? – спросил отец.

– Женись, мой тебе совет, – сказала мать.

– Но она – простыня! – закричал он.

– Ну и что? Бери, какая есть. Что ж выбирать? Свою любовь ты должен сам взлелеять, выпестовать... Что дано тебе... Неспроста, неспроста...

– Ты думаешь, твоя мать принцессой была, когда я на ней женился? – добавил отец. – А вот всю жизнь прожили вместе, и не жалею...

– Мама, надо мной смеяться будут!

– Ну и что? Что ты раскис, как тряпка? Будь мужчиной! Любовь вершит над людьми чудеса, Любовь всесильна. Полюби, сумей сделать из неё человека!

– Нет! Я лучше повешусь!

...Весеннее солнце грело, и, глядя на расцветающую зелень, он понял, что не повесится. Повеситься у него не хватит воли. Так неужели жениться?

– Женись, будете жить долго и счастливо, – сказал ему чей-то чужой и далёкий голос, точно с небес. – Этой простыней тебя и накроют перед тем, как понести.

Владислав поднял голову и посмотрел в яркое весеннее небо.

Жить с простыней? Ходить по улицам и звать её:

– Простыня!

А что? Простыня не самое худшее имя. Бывают Домны, Электры... Ходить повсюду и водить за собой свою постельную принадлежность... Бывает, и хуже живут люди... Жениться? А что? Заведу собаку и буду её любить. Жить с Простыней, а любить собаку...

Возле дома его встретила управляющая – растрёпанная пенсионерка с задушевными глазами.

– А-я-яй, – качала она головой. – А на вид такой тихий. Ты или женись, или не крути ей голову.

– Не крутил я ей голову, – недовольно буркнул Владислав.

– А-я-яй, – качала она головой. – А какая она у тебя худая, бледная... Пожалей ты её, смотри, из-за тебя на что она стала похожа...

– На себя она похожа!

– А-я-яй, – качала она головой. – Женсовет заступится.

Владислав Игоревич махнул рукой. Дома у него Простыня наводила порядок.

– Ты извини, что не прибрано, – сказала она. – Приходил знакомый пододеяльник, мы с ним поболтали немножко.

Владислав не ответил и лёг на кровать.

– Ты очень огорчился? Не огорчайся, милый. А впрочем, чёрт с тобой...

Ночью ему снился кошмарный сон. Будто его заперли в тесной комнате без окон, без дверей. Всю ночь до самого рассвета в темноте перед ним летала дикая простыня, норовя обнять... Утром он понял, что женится, что ничего другого с его характером ему не остаётся.

– А я замуж выхожу, – за чаем сообщила Простыня.

– Да, дорогая, – ответил он.

– Ты не рад?

– Рад, дорогая.

– Я всегда знала, что ты хочешь от меня отделаться, – сказала она.

– Не понимаю. Ты же добилась своего, ты выходишь замуж. Я готов.

– Ты? – Она засмеялась. – А при чём здесь ты?

Светлана БЕРЗИНА

Парк орхидей

В Сингапуре, в государственном ботаническом саду, утро было в самом разгаре. Огромный сад давно проснулся и гомонил на все лады: птицы шумно чистились, взбивали воду и гонялись друг за другом, в кронах деревьев кто-то шумно возился и пел утренние песни – в общем, шла обычная повседневная жизнь зелёного оазиса. Служители развозили корма, убрали мусор, мыли скамейки и делали всё необходимое, чтобы посетителям сада было комфортно. Место это было любимым для сингапурцев и малайцев, но особенно много было приезжих туристов и, хотя посещение было платным и дорогим, сад никогда не пустовал.

В Парке орхидей тоже всё шло своим чередом. В первой зоне – «Орхидеи Сингапура», так называлось это отделение парка, – были собраны орхидеи со всех концов острова, каждая зона ещё подразделялась на 4 подзоны, соответствующие временам года. Растения приняли эти условные подразделения и даже были довольны этим – такой порядок расставлял всё на свои места.

Орхидеи этой зоны были заняты утренним туалетом: поправляли листья и листочки, отряхивали вчерашнюю пыль, припудривались собственной пылью, пили водичку и делали небольшую утреннюю гимнастику – наклонялись-выпрямлялись, чтобы весь жаркий день стоять грациозно и красиво. После этого – самое главное событие утра: растения прихорашивались перед зеркалом! У них оно было одно на всех,

небольшое, на длинной ручке, кто-то из туристов его давно потерял, а растения подобрали и воспользовались для извечной привычки женского пола – красоваться перед зеркалом! У них сложился даже собственный порядок, потому что уже два летних сезона красавицы рассматривали себя в зеркало. Садовники зеркало не отбирали, понимая всю важность женских туалетов и ужимок. Обряд начинался с первой красавицы, Белоснежки, вообще-то на табличке у неё было написано «Принцесса Диана», она была названа так в честь знаменитой английской принцессы; её привезли недавно, и она, своей красотой, незлобивым характером и скромным поведением, сразу заслужила это звание и несла пальму первенства тихо и достойно.

Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи –
Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее

хором декламировали растения тоненькими стройными голосами, которые больше походили на шёпот игривого ветерка. Заклинание это знали только они и их садовник, маленький малаец, который понимал язык растений и нежно их обожал.

Белоснежка элегантно взяла зеркальце, посмотрелась в него, взмахнула длинными ресничками, поправила подъюбки и юбочки, ещё раз подкрасила щёчки пыльцой, совсем немножечко повертелась, рассматривая свою прелестную спинку, и передала зеркальце дальше. Что только красавицы ни вытворяли! Надували щёчки, вытягивали губки, поправляли причёски и прихорашивались, а одна из них даже умудрилась присесть в низком реверансе, чем заслужила искренние аплодисменты своих подруг!

Оставим их в покое... и пойдём дальше по парку, потому что обряд зеркала будет продолжаться ровно до обеда. Растения знали и чувствовали время, вернее, его человеческие мерки, и придерживались их. Так сложился распорядок всего ботанического сада и жизни всех его обитателей.

Вторая зона называлась «Vip-орхидеи», и сюда были свезены всевозможные орхидеи всей Юго-Восточной Азии. Здесь господствовал розовый, сиреневый, алый, малиновый, красный цвет – буйство красок и форм поражало всякое воображение.

Цветы сначала активно занималась утренней гимнастикой, потом цигуном – вдыхали и выдыхали воздух и поворачивались вправо и влево, разминая и укрепляя волокна, потому что день обещал быть очень жарким.

Затем начались коллективные занятия английским языком. Все орхидеи понимали малайский язык хорошо и решили, что нужно знать немного и английский, чтобы понимать высказывания и похвалы, произнесённые в их честь. Они уже выучили несколько слов: «Fine, beautiful, flower, green, stay, water». Сегодня они заучивали слова «Present, garden» и всё время отвлекались, потому что их смешил кот, красивый рыжий кот, который пришёл из центрального офиса и рассказывал свежие новости, прервав их урок английского.

– Открылся новый ботанический сад с галереей орхидей на китайском острове Хайнане, кроме того, там живёт в пруду огромная черепаха, которая гадает и предсказывает судьбу всем людям за тридцать юаней.

– В Испании, в городе Барселона, ботаники вывели новый сорт газона, который меняет цвет под цвет маек их футбольного клуба. На разработку этой программы было затрачено столько средств, сколько шло на содержание самого клуба за год. «А это огромные евры!» – добавил кот, проявляя свою большую эрудицию. Растения знали, что такое юань, сингапурский доллар, американский доллар, потому что большинство из них было куплено за эти деньги, но что ещё за евры? «Ладно, при случае спросим», – сказала Диана, и орхидеи согласно закивали верхними листочками.

– В Гонконге объявлен Международный конкурс красоты орхидей в возрасте 3-5 лет, принимаются предварительные заявки по паспортам растений и видеороликам.

– Ах, мне бы в Гонконг! – тихо прошептала сиреневая красавица, которой в голову теперь не шли никакие новости. И все цветы расслышали это, а насмешник кот выгнул спину, расправил усы и подставил ей лапу: «Пойдёмте, я провожу вас в офис! Оформлять документы!» Сирень застеснялась и решила посоветоваться сначала со своим садовником – как это лучше сделать? Ведь ходить она не могла... Замолчали и остальные цветы, видимо обдумывая эту ситуацию. Урок английского был успешно сорван, и офисный джентльмен куда-то смылся.

В умах и нервных системах красавиц теперь была полная неразбериха: большинство ломало голову над тем, как попасть на конкурс в Гонконг? Скромные и не такие броские на вид орхидеи размышляли: что такое футбольный клуб, так как мяч футбольный они видели – дети играли в мяч на дорожках, но их тут же выпроваживали, потому что стоимость каждого растения составляла четырёхзначную цифру в сингапурских долларах.

Оставим нервных красавиц... и пойдём с вами дальше, в третью зону, которая называлась «Холодный павильон» и собрала орхидеи северных стран. Эти растения не могли расти в жарком климате и находились в огромном стеклянном павильоне, здесь поддерживался особый температурный режим и влажность.

А тут был полный переполох. С утра пришёл гусь Чарльз, сам себя он именовал «сэр Чарльз», так как был назван в честь первого губернатора Сингапура, англичанина Чарльза Риффлза, который и основал этот ботанический сад. Необыкновенно нарядный, в белом смокинге и с красивой красной бабочкой на шее, которая гармонировала с его лапами, да и можно ли было ЭТО назвать лапами? На взгляд цветов, это были настоящие мужские туфли отличной красной кожи, которые даже поскрипывали, а что форма расширена – то это цветам определённо нравилось даже... Чарльз служил старшим смотрителем на Лебедином озере и очень часто приходил к растениям, восхищался ими, говорил комплименты, нежно целовал некоторых

своим широким клювом. Сегодня он был в особенном ударе, приятно пах мужским одеколоном «Хуго Босс», а из нагрудного карманчика элегантно торчал красный носовой платочек.

Орхидеи изо всех сил приподнимались, вытягивались, расправляли листочки, одна из них умудрилась даже чихнуть, чтобы привлечь внимание кавалера. А он был любезен и готов перецеловать всех осенних красавиц, но особенно заглядывался на орхидею, которая называлась официально «Королева Елизавета», названная в честь английской королевы, между собой цветы называли её Лиза. Она смущалась и краснела, опускала застенчиво ресницы и только от этого хорошела. Это заметили подруги, ну а сэр Чарльз достал откуда-то атласную ленточку красного цвета и повязал её вокруг шейки растения. Орхидеи дружно заоплодировали, хотя каждая в душе тихонько надеялась на особенное внимание этого галантного кавалера.

Комплиментаж был в полном разгаре, когда дверь павильона тихонько открылась и вошёл один из садовников. Растения отлично знали, зачем он пришёл – сейчас начнёт готовить кислородные коктейли и угощать ими растения. И внимание орхидей с птицы переключилось на человека – маленький малаец разводил коктейли, проворно наклонялся над каждым растением, приподнимал нижние листочки и травинки и неспешно выливал коктейль в гнездо растения. Это было так приятно, слышалось причмокивание и откровенное сопение при всасывании: все были довольны – цветы, садовник и даже гусь сэр Чарльз, потому что в закрытой оранжерее разливался сладостный и пряный аромат, который кружил голову и навевал сладострастные мысли... Но вдруг Чарльза срочно вызвали на Лебединое озеро исполнять свои обязанности. Оказывается, у него был собственный сотовый телефон, маленький и красненький, и растения решили, что обязательно рассмотрят его в следующий раз.

Давайте и мы с вами пойдём дальше, в последнюю зону парка...

Она называлась «Сад бромелиевых», здесь были собраны орхидеи Центральной и Южной Америки. Дорожки парка причудливо извивались, выложенные красивыми плитками, малые скульптурные формы – цапли, утки, лягушки – красиво размещены в небольших фонтанчиках и озерцах. Всё дышало красотой и покоем, и шумы огромного города совсем не проникали сюда, можно было подумать, что парк орхидей и есть библейский райский сад и что вот-вот за очередным поворотом покажется сам разомлевший Господь...

От центральной площади с фонтаном веером расходились аллеи, которые были оборудованы арками, увитыми яркими жёлтыми орхидеями. На фоне зелёной листвы, огромных пальмовых листьев, мостиков и переходов, арки с жёлтыми орхидеями казались пространственными тоннелями, уводящими в другие земли и времена. Ботанический сад был одним из самых старых садов мира, создан 150 лет назад, а парк орхидей организован только в 1995 году, занимал площадь 3 гектара, а орхидея, как цветок, был признан

официальным символом Сингапура. Растения осознали это вполне и гордились этим.

Около центральной площади, как раз на повороте, стояли два дерева, увитые испанским мхом, по ботаническому названию Тилландсия. Мох свисал с веток, весь закрученный-перекрученный очень красиво, и тихо покачивался. В этом-то мхе и была вся загвоздка и интрига. Обладая страстным испанским характером, будучи по природе своей пылким рыцарем и поклонником всего прекрасного, мох тянулся прямо к самому красивому цветку «Жоакин», которая пылала алой серединой и белоснежными округлёнными листьями и казалась испанцу настоящей Кармен... Его хозяин, серебристо-седое дерево, был недоволен стремлением своего подопечного к орхидеям, а вот подхозяин – огромная красивая ветка, не только старалась расти в сторону Жоакин, но ещё и низко наклонялась прямо к растению, так что наш идальго, с голубовато-зелёными кудрями, алым поясом на талии, производил неотразимое впечатление. Он жил и рос в воздушной стихии, любил играть с лёгким ветерком и покачаться на подхозяине, как на качелях, но как и почему его тянуло к наземному растению, он не совсем понимал, наверное, его ослепила красота Жоакин...

В этот день он был неудержим. У него созрела мысль станцевать перед цветами фламенко, древний танец испанцев, но как его танцевать, он, конечно же, не знал, но надеялся на свой темперамент и интуицию. И едва внутри него зазвучали ритмы, он ринулся вниз, вскинул верхние листья как руки, стал перебирать нижними листочками как ногами, а его покровитель, подхозяин, неожиданно включился в танец и стал подстукивать мелкими ветками, сучками, чешуйками – получились настоящие кастаньеты, – танец стал более осязаемым, выпуклым и неистовым. Цветы стояли зачарованные и ошеломлённые одновременно, так красиво и так необыкновенно танцевал их идальго! Даже всегда бдительный хозяин и тот заворожено смотрел на этот бешеный танец, не говоря уж об остальных обитателях дерева, мхах и насекомых. Жарко стало всем, особенно танцору, никакого ветерка в полдень на площади не было. И вот в одном из порывистых поворотов, танцор оторвался от ветки, полетел вниз по касательной... и упал к ногам Жоакин!

– Ах! – закричали цветы.

– Ох, – вскрикнул подхозяин.

– Ой-ой-ой, – застонало дерево.

И только Жоакин была по-настоящему счастлива – её любимый рыцарь, во всём своём великолепии, лежал у её ног! Он ещё не осознал, что это конец, разглядывал так близко свою избранницу и осязал её аромат! Они были счастливы, эти двое, и совсем не понимали, почему так горестно все кричали. Время пролетело как одно мгновение, и Тилли стал увядать, закрылись устьица-глаза, поникли хватательные корешки, и листья на тридцатиградусной жаре стали засыхать. Жоакин ничего не могла поделать, и только роса, а может быть и слёзы, катились по бедному растению... Плакали и остальные орхидеи, тихонько-тихонько...

Дорогие друзья, пойдёмте на выход. Нам нужно ещё успеть осмотреть другие достопримечательности этого волшебного города, заселиться в гостиницу, а утром – на фуникулёр и остров Сентозу!

Ночью снились орхидеи, их божественный аромат наполнял сон, а грусть по Тилли была светлой. В небе огромными зелёными буквами было написано:

«ВСЯ ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ ЗАВИСИТ ОТ РАСТЕНИЙ».

Константин ЕГОРОВ

Как Адам Еву нашёл

(Версия современного исследователя)

Жил-был Адам. Жил вполне обычно, в своих тропических райских куцах. По утрам просыпался от треска кокоса, ухнувшего о скалу, насыщал голодный желудок, а потом совершал пробежку по родным джунглям. По пути Адам преодолевал горные потоки с оружием в зубах, испытывал новейшие средства защиты от вреднейших насекомых, спасался от голода в различных экстремальных ситуациях... В общем, готовился к будущей бурной и сложной жизни.

А ещё была у него мечта. С детства Адам рос один-одинёшенек, как во поле берёзка. Поэтому мечтал обрести друга, с которым можно хоть в огонь, хоть в воду.

Однажды Адам совершал свой обычный утренний моцион, постигая лечебные свойства трав и других многолетних растений, проникаясь знаниями из области медицины из всего, увиденного на бегу.

И потому нисколько не растерялся, увидев удава, бьющегося в судорогах. Дело в том, что громадный змей как-то неловко заглотнул кролика, тем самым причинив себе жесточайшие мучения. Адам, взявши тяжёлое змеиное тело в нужном месте, тряханул его так, что вмиг принёс необыкновенное облегчение страдальцу. Незадачливый едок распахнул свои бледные очи и благодарно посмотрел в глаза юноше.

– О нет! – вскричал испуганный взглядом Адам. – Только прикоснись ко мне, тут же все кишки выпущу.

Змей отвернулся, явно обиженный, и произнёс человеческим голосом:

– Подумаешь, недотрога какой. А я ведь только поблагодарить хотел.

Впервые в жизни смутился Адам неожиданным поворотом событий.

– Да брось ты, – говорит, – не нужно мне от тебя ничего. Давай лучше дружить.

Согласился змей. Много ли у самого-то друзей?

Стали они вместе жить-поживать. Поскольку у Адама всё же не поднималась рука на зверей, удав по утрам подбрасывал юноше на завтрак чего-нибудь мясного. Потом вместе занимались физподготовкой. Тут уж, конечно, змею было чем поделиться с человеком.

Между тем удав всё думал о том, как ему отблагодарить человека. И придумал.

Как-то раз на тренировке Адам, как и подобает настоящему командос, вымазал всё своё лицо грязью. Но не обычным чернозёмом и не болотной тиной, как прежде, а глиной. Вязкая глина, высыхая на лице, доставляла весьма неприятные ощущения. Потом отвалилась, прямо кусками. Противно, фу! Но странное свойство этого материала озадачило Адама.

Вернувшись с тренировки, он занялся лепкой. С первого раза решительно ничего не получилось; птицы выходили неуклюжими, звери – чересчур страшными. Пальцы-то не привыкли.

Попробовал вылепить своё подобие. Но бёдра у глиняного человечка оказались чересчур широкими, грудь осталась толком неоформленной, голова – то же самое. Испортив себе настроение, Адам бросил собственную работу в огонь, – гори оно синим пламенем. Лёг на бок и безмятежно уснул. Ничего удивительного; намаялся на тренировке, устал.

А проснулся от взгляда, настигшего, кажется, самую его душу. Даже змей не умел ТАК смотреть. Адам обернулся туда, откуда преследовал его чужой взгляд. Там, возле костра, сидела ОНА. Кто – она? Почему – она? Мысли Адама вконец запутались. Хотел позвать друга, но того не оказалось поблизости.

Тогда Адам стал разглядывать девушку. Догадавшись, что это создание его рук, юноша не нашёл на этот раз ничего безобразного в её облике. Всё, кажется, было на своём месте: руки, ноги, голова.

Даже более того, новое создание было невыразимо прелестно.

– Ты – кто? Наверное, Ева? – неожиданно для самого себя спросил Адам. И откуда, в конце концов, взялось это имя? Бог весть.

– Да хоть горшком назови, – весело взмахнула кудряшками красавица, – только в костёр больше не бросай. Жарко там всё-таки.

Звучание её голоса совершенно пронзило первочеловека. Он почувствовал себя парящим высоко-высоко в небе. Так высоко, что было страшно пошевелиться.

– Это – мой дар тебе, – раздался вдруг тихий голос откуда-то сверху. Эти слова произнёс удав, свесивший голову с ветки яблони.

Змей поступил достаточно мудро, скрыв свои слова от девушки. А та уже никого и не слушала, занявшись затухавшим было костром.

Надо ли и говорить о том, что ждало их впереди. Роскошнейший медовый месяц, самый чудесный праздник из всех, что были на земле, плавно перетекавший из ночи – в утро, изо дня – в вечер. И первым людям на земле решительно некуда было спешить, постигая глубину и таинство создавшего их мира.

А потом Адам с Евой поняли, что у них будет ребёнок. Ева сначала испугалась: «Господи, а что мы будем делать?» Сами-то они были закалёнными людьми, постигшими огонь и воду. Привыкли обходиться малым.

Но Адам успокоил жену: «Ничего, построю дом, стану добывать пищу. Как-нибудь всё образуется». И, правда, после того, как родился ребёнок, зажили они лучше прежнего.

А что, спросите, со змеем стало? Он как-то внезапно пропал. Ушёл в джунгли.

Может быть, вернётся.

Сергей ТАРАКАНОВ

Грехопадение Адама

(Подлинная запись древнего события, с примечаниями)

Играй, гормон любимого.

(русское народное)

Ева проснулась на рассвете от знакомых звуков. «У, храпун», – проворчала она в темноту, и Адам послушно замолчал, перевернувшись на бок. Раздражение молодой жены было вполне понятно: вот уже почти месяц отношения между супругами были довольно странными. Позднее их назовут, по имени выдуманного их древнего грека, платоническими. Сухая любовь, сказали бы у нас на Руси. Напрасно несчастная Ева напоминала мужу слова Бога о том, что «прилепится муж к жене и будут единая плоть».

– Прилепайся, Адам, – требовала она, барабаня кулачками по его широкой груди. В ответ Адам бормотал что-то вроде того, что он уже прилепился к ней всеми фибрами своей души.

– Не надо фибрами, – настаивала Ева и напоминала, что Бог велел им «плодиться и размножаться и наполнять землю».

– Адамчик, дорогой, ну, пожалуйста, давай начнём плодиться и размножаться, и наполнять, – ласково начинала умолять она.

– Сексуальные отношения возможны для меня, когда моя эндокринная система начнёт вырабатывать гормон тестостерон (и откуда он только слова такие противные берёт!). Это станет возможным после съедения плода Древа познания добра и зла¹.

На предложение Евы пойти и съесть оный плод Адам заученно повторял, что мы тогда «смертью умрём», и поспешно убежал, потому что разгневанная Ева выбирала плоды поувесистее и часто попадала. Словом, это была не жизнь, а ад, тогда, впрочем, ещё не существовавший... Сама она в первый день своего рождения, пока Адам находился в «наведённом сне» или анабиозе, как он любил говорить в последнее время, перекусала все самые большие плоды Сада, включая и плод Древа познания. Зная о запрете, она при встрече с Богом скромно опускала глаза, теребя подол несуществующего платья. Несколько раз она ловила Его сочувствующий взгляд, а раз Он ей даже подмигнул. Впрочем, возможно, что это ей показалось ...

Между тем начиналось райское утро. Запели райские птицы, распускались цветы. «Доблое утло», – проблеял ягнёнок, которого осторожно нёс в

пасти тигр. Тигр прорычал что-то вроде «з-д-р-р» и приветственно махнул лапой. На водопой пошли... Проснулся и Адам, виновато поцеловал жену в лоб, и они сели завтракать загадочным блюдом, названным позднее в Библии «травной зеленью». После завтрака Адам занялся своим любимым делом – давать всему имена. В последнее время он увлёкся бабочками и сейчас с восторгом выкрикивал: «Тип членистоногие, класс насекомые, отряд чешуекрылые – бабочки!».

– Аристотель! – ругнула его Ева неизвестно откуда пришедшим словом. Сама она, съевшая все плоды, также умела давать всему названия. Недавно, любуясь текучей водой, она сказала «дао» и долго любовалась переливами дао-вода...²

– Боже, какая бабочка, – закричал вдруг Адам.

Как крыльями махает он.

Пускай он будет махаон, –

вылезли из него дурные стихи, и, воинственно взмахнув сачком, он бросился к махаону.

– Помогите, – заверещала несчастная бабочка, – он мне всю пыльцу с крылышек собьёт, – спасаясь летом. Адам устремился в погоню.

– Не махает, а машет, – прошептала Ева. – И вообще, это народная этимология³.

Ева направилась к ближайшим кустам и села в тень, обхватив руками колени. Появившийся рядом суслик начал долго и нудно рассказывать ей, что у него принцип: на Бога надейся, а сам не плошай, и хотя они в Раю, он собрал у себя в норке запас орехов и плодов. Ева слушала плохо, занятая своими мыслями.

– Кто пустил в Рай змею, – пискнул вдруг суслик, мгновенно ныряя в норку. В кустах действительно ползло что-то жёлто-зелёное. Внезапно прямо из травы перед ней показалась голова, а затем всё остальное: до пояса неизвестное существо явно было женщиной. Со странной смесью восхищения и зависти Ева рассматривала незнакомку во все глаза. У последней были зелёные глаза, а волосы такие роскошные, что захотелось их потрогать, но что-то Еву удержало...⁴

– Какая грудастая, – мелькнуло у неё в голове.

– Захочу и ногастая буду, – огрызнулась эта полузмея, видимо, без труда прочитав мысли Евы. Ей вспомнилась загадочная фраза Бога: «Да будет одна женщина для другой прозрачна как стекло», и пикироваться она не стала. Не собиралось и таинственное создание.

– Я Лилит, первая жена Адама, – представилась она.

Имя Лилит было известно Еве. О её красоте журчала вода, шептала трава, напевал пролетающий ветер. Какая-то драма разыгралась в саду ещё до рождения Евы, но больше она не знала.

– Мой Адам в разводе, – пролепетала она, и ревность кольнула её в сердце. Действительно, Бог запретил всем об этом рассказывать, дабы не омрачать молодой жене её медовый месяц.

– Пришла узнать, как ваша семейная жизнь, скоро ли крестины? – продолжала первая жена. Не издёвка ли это, – вгляделась Ева. Нет, глаза у Лилит были серьёзные, и была в них какая-то затаённая печаль. И тут неожиданно для себя Ева разревелась и стала рассказывать бывшей жене о своей беде, проклятом гормоне и всё, всё, всё...

– Прямо не жена, а какая-то вдова соломенная, – всхлипывала она. Лилит слушала сочувственно, потрясая обильными волосами.

– Да, – задумчиво протянула она, – дела... Может, это потому, что тебя клонировали...

Лилит, как и Адам, похоже, тоже любила разные умные слова!

– А как у тебя было, Лилиточка? – с надеждой спросила Ева.

– Мы всё время спорили о любви. Ушла от него через месяц ко всем чертям, – коротко пояснила Лилит, явно подруга по несчастью⁵. – Да, меня хоть обнимать пытался... Обжёгшись на молоке, дует на воду, – продолжала она.

– А ты прокисла в простоквашу, – вспыхнула Ева неожиданно.

– Извини, Евушка.

– Извиняю, Лилиточка.

– Подружки из Индравати говорят, что у него дремлет хасара-чакра. Слабая кундалини, нужна сильная шакти, чтобы её поднять. Индравати – это Эдем индийский, – пояснила она в ответ на недоумённый взгляд Евы. Остальное пояснять не стала, хотя глаза её подозрительно заблестели. Ева не стала переспрашивать, и так понятно, что сахара-чакра и есть пресловутый гормон, с шактей же разберёмся и кундалиню сами поднимем!⁶

– А у тебя есть дети? – полнобопытствовала Ева.

– От сатаны нарожала, – буркнула Лилит. Видимо, тема для неё была неприятной. – Надоели мне черти... до чёртиков, – скаламбурила она. – Мохнатые, пахнут серой... – Лилит понесло, и она стала делиться подробностями о рогах и копытах, ни нам, ни Еве явно не нужными. Ева закрыла уши. Лилит замолчала.

– Где, кстати, Адам? – спросила Лилит через некоторое время.

– К бабочкам прилепился, – махнула в сторону Ева.

Жёны расхохотались, ибо разделённое несчастье – несчастье наполовину. Ева и Лилит развеселились и дружно стали перемывать косточки Адаму, припомнив «духовный брак», «похоть очей» и прочие Адамовы благоглупости.

– У меня есть план, – поделилась мыслью Лилит.

– Зачем ты хочешь мне помочь, – спросила подозрительно Ева, – что тебе надо?

– Хочу, чтобы Адам ко мне вернулся, – честно призналась Лилит. – Хочу девочку от Адама. Нет, нет! – поспешно вскричала она, увидев, как исказилось лицо Евы. – Ты законная жена, а я так, лёгкая подруга. Но пусть он ко мне приходит... Хоть иногда... Ну, пожалуйста, – жалобно шептала Лилит, на изумрудных глазах которой показались слёзы. – Люблю его... Зачем ушла... Дура была гордая!

Ева вспомнила другую загадочную фразу Бога: «Да пребудет всегда у женщин союз против мужчины» и больше не колебалась.

– Я согласна, – сказала она.

– И пусть твои сыновья ходят к моим дочерям и так будет во веки веков, – добавила Лилит, и заговорщицы торжественно пожали друг другу ладошки.

В Раю говорили все, поэтому Лилит наклонилась и зашептала что-то ей в розовое ушко. Довольная улыбка тронула губы Евы.

– Понимаю, – вывела она, – над подсознанием его поработаем... Психотерапия!

– Ну, тогда я поползла, – отвечала не менее довольная Лилит.

– Кстати, – поинтересовалась Ева, – зачем тебе такой облик?

Лилит пожала точёными плечами.

– Змей в Рай не пускают, сигнализация срабатывает. И меня в прежнем облике, – тоже, говорят, ангелов с ума свожу. Я что, виновата, – раздражилась она, – что часть их тогда со мной ушла...⁷ Меня Бог такой создал! А в таком виде получилось. Ну, прощай, лапочка, – они расцеловались, и Лилит исчезла в траве.

Через часа два Ева пошла искать Адама. Он к этому времени уже изловил несчастного махаона и, придавив его камешками, переносил рисунок крыльев себе в альбом. Махаон ворчал и ругался. В руках Ева несла большой поднос с плодами.

– Вот, набрала, ты, наверное, проголодался, – сюсюкая и фальшиво улыбаясь, протянула она мужу. Голос при этом у неё дрогнул, но Адам, толстокожий, как и все мужчины, на это внимания не обратил и с удовольствием вонзился зубами в большое яблоко.

– Адамушка, милый, – заголосила вдруг Ева, – ты ешь плод Древа познания! – Адам подавился, Ева с готовностью постучала ему по спине, но, как известно, кусочек плода так и остался у него в горле.

– Не виноватая я, – рыдала Ева, – не срывала... подобрала... хотела показать... ты изучаешь! Ну, хочешь, я тоже съем, – и она ловко проглотила оставшуюся половину. Затем она обняла застывшего в горе мужчину и крепко к нему прижалась... По телу Адама бродили незнакомые ощущения, вероятно, стал поступать в кровь гормон тестостерон. Он обнял жену за талию, затем руки скользнули ниже, и, не помня себя, Адам понёс Еву под ближайший куст.

– Травушка-муравушка, – шептала счастливая Ева, закрывая глаза, – траушки-потраушки...

Так произошло грехопадение. Дальнейшее известно всем... Был суд, изгнание из Раю, и встал у его дверей ангел с «огненным мечом, обращающимся». Довольно поглаживал седую бороду Господь – Адам стал мужчиной и идёт превращать вековой работой Землю в сад, притворно рыдала Ева, зная, что гнев Бога ненастоящий...

Началась жизнь в трудах и заботах. Адам был примерным мужем и только иногда начинал вздыхать и собираться подышать свежим

воздухом. «К Лилит, налево», – ворчала Ева в спину уходящему мужу, но договор, как известно, дороже денег. Где и как встречался Адам со своей первой женой, история умалчивает. Соблюдают договор и их дочери. Собирается, например, муж на рыбалку, а жена ему снасти помогает укладывать, мысленно ругая хитрую щуку, так его умело заглотившую. И только иногда, одевшись на скачки, муж неожиданно слышит:

– Сегодня не ходи, я твоей кобылке морду набила!

Но мы не сказали главного! Живёт Адам, как знающий добро и зло, но не ел он плода Древа познания. Ева подсунула ему обычное яблоко, и остался Адам большим ребёнком. Воюет, бизнесом занимается, сейчас вот компьютером увлётся. Себя он считает умнее женщины, потому что много навывдумывал за эти тысячелетия. Но знает правду Бог и все женщины, и выдает её наш язык. Как хорошо звучит, например, умница-разумница, но попробуйте сказать: умник-разумник! Вот так-то...

Примечания.

¹ Гормон тестостерон считается общепризнанным гормоном любви. Но наш биофак разделился на два лагеря, есть версия серотонина со ссылкой на книгу М. Лейбовича «Химия любви».

² В 20-м веке синолог Е. Торчинов написал исследование «О вечно женственном в даосизме» (Мысль о сходстве слов «дао» и «вода» принадлежит автору, чем он, автор, очень доволен.)

³ Название махаон пришло из греческой мифологии. Это сын или племянник бога Асклепия, погибший на Троянской войне.

⁴ Волосы Лилит таят какую-то неведомую опасность. «Это Лилит, первая жена Адама, – говорит Мефистофель Фаусту. – Бойся притронуться к её волосам».

⁵ Лилит лукавит. Они спорили не о любви, а о способах любви. Воспитание автора не позволяет изложить суть спора. Тонкий намёк: кто сверху...

⁶ Лилит плохо разобралась в восточной эзотерике. Кундалини – энергетический столб, проходящий вдоль позвоночника, а не то, что она подумала. Сахасрара-чакра связана с космосом, за половую сферу отвечает муладхара.

⁷ Ангелы, ушедшие с Лилит, не участвуют в борьбе Бога и Сатаны. Вероятно, к ним относится «Демон» Лермонтова.

Наталья ЖИЛЯНИНА

Письмо незнакомке

Я знаю, что это всё выглядит очень странно. Получить письмо без обратного адреса, да ещё и лично в руки. И Вы можете его выбросить, не читая, можете бегло проглядеть несколько строчек, можете показать знакомым и вместе с ними посмеяться над тем, какие сумасшедшие люди, оказывается, ходят по улицам. Вы можете также испугаться, поэтому

спешу Вас успокоить. У меня нет даже тени намерения Вас преследовать или навязывать Вам своё общество. Единственное, о чём я Вас прошу, – прочитайте до конца это единственное в своём роде письмо. До самой последней строчки. А там выбор будет только за Вами.

Всю прошедшую ночь я мучительно думал, как написать Вам, какими словами, чтобы Вы поверили хоть на минуту, что всё написанное здесь – истинная правда. Как объяснить то, что не поддаётся никаким логическим объяснениям и в чём я сам разобрался до конца лишь вчера?

Единственный выход для меня – это поведать Вам свою историю с самого начала и надеяться на промысел и милость Того, Чей замысел обо мне я понял лишь теперь.

Уже двадцать лет прошло, а я помню каждую подробность тех удивительных событий, перевернувших всю мою жизнь. Мне было десять лет, когда погибли родители. Они были прекрасными людьми, добрыми, шумными, любили тратить всё, что зарабатывали, не заботясь о завтрашнем дне. Жизнь с ними была бесконечным праздником. И дело не только в том, что я получал всё, что хотел. Просто больше я не встречал таких жизнерадостных людей, весёлых, лёгких и никогда не унывающих. У меня не было с ними проблем. Впрочем, и у них со мной тоже. И вот ясным осенним вечером этот праздник закончился. Они не вернулись из ресторана. Пьяный отморозок на грузовике просто размазал их маленькую машину по бетонному забору.

Я остался один. Из маленького провинциального городка приехала бабка и забрала меня к себе. Я не буду утомлять Вас описанием моей безотрадной юности, скажу лишь, что бабка воспитала во мне веру в Бога. И глубочайшую ненависть к Нему. Бесконечные богослужения, одинаково тягостные как в посты, так и в праздники, заповеди и молитвы наизусть, многочасовые нравоучительные беседы после любой оплошности с моей стороны. Потрясённый смертью родителей, сначала я не мог сопротивляться, потом не хотел. Бабка была непробиваемая, как бетонная стена, в которую врезалась машина моих мамы и отца. На любой случай у неё был готовый рецепт. Разбитая коленка и насморк объяснялись Промыслом Божиим, а малейшая попытка возразить ей каралась цитированием пятой заповеди.

Однажды я прямо заявил ей, что она мне не мать, поэтому, не почитая её, я не совершаю никакого греха. После этого она перестала со мной разговаривать. На целый месяц. Сначала я обрадовался, потом заскучал, потом испугался, мне было всего двенадцать лет тогда. Кончилось это тем, что я бился в истерике, вымаливая у неё прощение и хотя бы слово в ответ. Она сказала: «Бог простит, ты меня прости». И ушла на кухню пить чай. Больше я не пытался ей перечить.

А в пятнадцать лет я впервые влюбился. Надо ли пояснять, как больше всего я боялся, что она узнает об этом. И она, конечно, узнала. Последовала лекция о блуде, адских муках и дьяволе. Пока бабка проповедовала против меня, я старательно молчал, но когда начала последними словами поливать

мою избранницу, я выскочил из дома, хлопнув дверь. И пошёл в храм. Самым удивительным было то, что сгорая от отчаяния и злобы, я ни разу не усомнился в том, что этот Бог действительно существует. Возможно, потому, что не мог представить себя умершим, несуществующим. С самого раннего детства я ощущал бессмертие своей души как объективную реальность, поэтому если есть бессмертное творение, то и Творец у него тоже должен быть. Элементарная логика.

И вот я пришёл в храм, чтобы всё высказать Ему. Горькой была эта молитва. Внешне спокойный, тихий и благочестивый, в душе я кричал Ему: «Ты знаешь всё и видишь, поэтому Тебе легко! А мне трудно! Я не знаю и не вижу Твоего Промысла! Ты отнял у меня самых родных, Ты отнял у меня спокойную жизнь и радость! Тебе легко там, с высоты своей святости и вседозволения смотреть на нас, несчастных бледных червей, копошащихся у Твоих ног. И как смеешь Ты после этого называться абсолютной Любовью? Как можно обрушивать на нас эту тяжкую ношу под названием жизнь и требовать исполнения законов, в которых мы не можем увидеть ни малейшего смысла?» Я много чего тогда наговорил Ему, такого же пафосного и глупого. Вернулся домой уже ночью, измученный и опустошённый.

На следующий день в школе всё и случилось. Гардеробщица Татьяна Ивановна улыбнулась, принимая у меня куртку, а я застыл перед ней, как громом поражённый. Я увидел, что она собирается утопить котят, которых ночью принесла ей кошка. Я видел, что она приходит домой, наливает в ведро воды и бросает туда маленькие серые комочки, а кошка отчаянно воеет и трётся об ноги своей хозяйки. Я видел, как тьма заполняет её душу, как что-то яркое и прекрасное уходит из её жизни. «Не надо, – закричал я Татьяне Ивановне, – не делайте этого! Оставьте их всех, не убивайте! У вас их разберут! Чёрный котёнок достанется маленькой девочке, и она будет любить его больше всех, потому что родители её не любят!» Татьяна Ивановна как-то дико посмотрела на меня, соображая, не ослышалась ли она. Я замолчал на полуслове и бросился бежать по коридору, сгорая от стыда и пытаюсь понять, что со мной только что было. Навстречу попадались люди, давно знакомые, но узнавал я их с большим трудом, потому что видел их как-то иначе, чем раньше. Я уже потом понял, что именно я вижу, а тогда метался, как загнанный за флажки волк. Директор, Павел Степанович, добрейший и умнейший человек, собирался ехать летом в Турцию по путевке, а жене сказать, что будет лечиться в санатории. Я видел, как он напивается в отеле до поросычьего состояния, в пьяном угаре идет купаться и тонет в море. Моя одноклассница думала о том, что должна пойти в больницу и убить своего нерождённого ребенка, потому что так хотят её мама и бабушка, чтобы никто не узнал, чтобы не портить жизнь.

Я видел человека и видел его выбор в этот момент. Это люди думают, что у них неограниченный выбор возможностей. На самом деле это не

так. У них всегда только два варианта: или свет, или тьма. Но они не всегда видят, что принесёт тьму в их души. А я вижу. Вижу до сих пор. Мне исполнилось тридцать лет.

До сих пор удивляюсь, как меня тогда не сдали в психушку, после того «концерта по заявкам». Я пытался достучаться до них, но выглядело это всё на редкость глупо. Позвонили бабке. Она пришла, сказала, что это нервный срыв, и забрала меня домой. Через неделю я уже не бросался на встречах, а старался прошмыгнуть мимо них, старательно отводя глаза, почти зажмурившись. Это не помогало. Каким-то неведомым зрением – как сканером – я чувствовал любого человека, рядом с которым находился. Я стал много времени проводить в храме. Там было больше света и чище мысли у людей. Но всё равно я невыносимо страдал. Теперь-то я знаю, почему, но тогда пребывал в полном унынии и отчаянии. Потому что ничего не мог изменить. Они сами делали этот выбор, а я видел, что по большей части люди выбирали зло, и это зло затапливало их, душило и ослепляло.

Тем временем жизнь шла своим чередом. Я окончил школу и стал более-менее привыкать к своей странной способности. Поступил в университет. Пытался казаться как все. Разумеется, даже в своих мечтах я не мог никому из друзей рассказать о том, что происходит со мной. Пытался рассказывать на исповеди: сначала мне сказали, что я одержим дьяволом, что нужно причащаться, и это пройдёт. Я следовал любым советам. Ничего не помогало. Ездил по монастырям. Убедился, что и монахи тоже, как ни странно, постоянно находятся перед выбором, только выбор у них не такой явный и более сложный. Я успокоился, когда один очень старый священник, выслушав меня, сказал: «Не смущайся и не бойся. Делай добро по мере сил. Когда-нибудь Господь откроет тебе, зачем он послал тебе это всё». После этих слов я перестал искать способ исцелиться и попытался просто жить. Получалось плохо. Среди знакомых я приобрёл репутацию законченного циника и скептика. Окончил институт, нашёл работу. Отношения с людьми не складывались. Я не мог беззаботно веселиться на вечеринках и праздниках, потому что видел, как этот образ жизни разрушает моих знакомых и коллег. Видел, что моему соседу не нужно встречаться с девушкой из соседнего отдела, потому что их отношения закончатся через год взаимной ненавистью и оскорблениями. Я пытался ему об этом сказать. Но разве он меня слушал?

А ещё, наблюдая за людьми, я заметил странную особенность. Даже совершив выбор, который вёл их прямо к смерти, они всё равно оставались перед выбором. Как будто светлый лучик, узкая тропинка к свету существовала всегда. Пока был жив человек, у него оставалась эта почти призрачная возможность повернуть обратно.

Однажды на улице я встретил преступника. Невзрачная одежда, шуплое тело, давно не мытые волосы, заношенный спортивный костюм. Волосы встали дыбом, когда я увидел его жизненный путь. Он шёл за худеньким

подростком. Его выбор был очень простым: или он сейчас развернётся и пойдёт в другую сторону, или продолжит слезку, дожждётся удобного момента, затащит мальчишку в подвал и... Я не стал смотреть дальше, бросился вперёд, догнал ребёнка и начал ему что-то говорить о его родителях, о том, что его ждут дома, о Боге. Он удивлённо огрызнулся, но я не отставал, вцепившись в него, как клещ. Кажется, он принял меня за сектанта, потому что грязно выругался, сел в первый попавшийся автобус и уехал. Я оглянулся – мужчина в спортивном костюме озадаченно поглядел по сторонам и пошёл своей дорогой... искать следующую жертву.

Подобных случаев за прошедшие годы было немало. Но я не хвальнось этим. Каждый раз всё выходило ужасно глупо, и я чувствовал, что моё вмешательство в выбор людей – это лишь отсрочка, они не понимают, почему поступают так или иначе, их ведут импульсы, и чаще всего их намерения темны.

Хотя были и приятные моменты. На днях я встретил одинокую женщину, которая живёт в одной квартире со старой матерью и собирается от неё переехать в другой город, потому что не может больше терпеть постоянные придирки и старческое хамство. Но если она уедет, старуха умрёт через неделю, она споткнётся о провод, ударится головой об угол стола и не сможет доползти до телефона, чтобы позвать на помощь. Я видел, что, несмотря на обиды, женщина любит свою старую маму и не хочет уезжать, потому что беспокоится за неё. Нет. Вероятнее, что она всё же останется. От этого мне даже легче на душе.

Одно время я даже думал о том, чтобы стать кем-то вроде экстрасенса или целителя. Но и здесь проблема: нет никакой возможности доказать людям, что я не обманываю их. Даже если кто-то будет настолько доверчив, что послушает моего совета, это мало что изменит. Он решит одну задачу, перед ним сразу же встанет следующая, а вести кого-то всю жизнь за руку как слепого и указывать на ямы и канавы у него на пути – такая жизнь мне не по силам. Да никто бы и не согласился. Все предпочитают совершать собственные ошибки. И я ничем не могу им помочь.

Когда-то, пятнадцатилетнему, мне казалось, что достаточно всё видеть, всё понимать и знать, чтобы поступать правильно. И вот я вижу то, чего не может видеть ни один человек на свете, и этой муке нет конца. А самое странное – я никогда не видел собственного выбора, куда он меня ведёт. Моя дорога до вчерашнего дня оставалась тёмной и неизвестной.

Сказать, что я раскаялся в своих опрометчивых словах – это ничего не сказать. Долгими ночами я молил Создателя забрать у меня этот странный дар или снять проклятье. Каждый вечер я бродил по улицам в надежде, что наконец-то пойму Его замысел обо мне или перестану ежеминутно видеть, как люди сознательно травят и губят всё лучшее в себе самих.

И вот вчера вечером, блуждая без цели по улицам, я увидел весёлую компанию, вышедшую только что из бара. Они отмечали чей-то день рождения. Одна из девушек посмотрела на меня. И в её глазах я уже привычно

увидел выбор: на одной стороне этого выбора было беспросветное и не осознающее себя одиночество, а на другой – меня затопила волна света и тепла – я увидел целую картину: уютный большой дом, маленькая золотоволосая девочка играет в мяч, довольный карапуз обнимает за шею огромную собаку, косые лучи солнца освещают цветущий сад, в воздухе разлит аромат сирени и проснувшейся земли. Поражённый, я присмотрелся внимательнее, сердце как будто остановилось на миг, и я увидел там себя. Я увидел Ваш выбор, Ваше одиночество, Ваше смятение и это, ещё не написанное тогда письмо.

А теперь Вы должны решить, верить этому или нет. Завтра вечером я увижу этот выбор в Ваших глазах.

Ольга ИСАКОВА

В её жизни появился Он!

Правда, по началу, не совсем в жизни. Но всё по порядку.

Публика в танцевальном зале городского центра культуры кружилась, извивалась или просто дёргалась в конвульсиях. Полумрак позволял не опасаться косых взглядов. Каждый двигался так, как хотелось ему данный момент.

Алёна, конвоируемая своими родителями, вошла в колеблющуюся толпу. Девушку давно доставало это стареющее общество. Внимание обветшалых мужичков ей удовольствия не приносило.

Вдруг на пороге появился молодой человек. Ряды одиноких женщин приняли охотничью стойку и бросились на новую жертву. Парнишка с лёгкостью отбивал атаки изголодавшихся самок. Да, полакомиться «сладеньким» им не удалось.

Алёна с улыбкой следила за этой сценой: «Нечасто увидишь мужчину с таким самообладанием». Перехватив девичий взгляд, молодой человек устремил свои очи на более привлекательный объект, нежели «девушки» бальзаковского возраста. Тёмно-карие глаза на огромном расстоянии сверлили Алёнину фигуру, но парень стоял в ожидании.

«Захочешь – сам подойдёшь!» – решила Алена и стала ждать, рассеянно рассматривая танцующее окружение.

Но не кривляющиеся фигуры привлекали внимание девушки. У стенок рядом с колонной стоял маленький мальчик с огромными, широко распахнутыми глазами. Он стоял в одиночестве и внимательно, не по-детски пристально всматривался в массовое скопление людей. Ни одного взрослого, опекающего ребёнка, рядом не было.

Его появление явно не вписывалось в логику вечеров «кому за ...» А может, он пришёл с кем-то, но потерялся? Решительным шагом Алёна направилась к мальчугану.

– Ты чей? Ты с кем пришёл?

– Я – твой! – ничуть не стесняясь, ответил мальчишка. В его глазах мелькнула мелкая хитринка.

– Нет, ты не мой! – испуганно отшатнулась Алёна. Ей ещё доставало, чтоб к ней привязался какой-то приبلудный пацан.

– Твой-твой, – во весь рот улыбаясь, ответил мальчик.

Схватив ребёнка за руку, девушка вывела его в фойе.

– Ты вообще-то кто?

– Я твой Интерес, – глядя в Алёнины глаза, парировал мальчуган. Неморгающий взгляд ребёнка вводил в столбняк. Мозги отказывались принимать поступающую информацию.

– Какой это интерес?

– Твой интерес к тому парню.

– Но ведь ты же... – договорить фразу Алёна не смогла. Она ошарашено смотрела на мальчишку.

– Я родился 15 минут назад.

– Для новорожденного ты слегка великоват, – сквозь зубы процедила девушка.

– Я очень быстро расту, чересчур быстро...

...Кто-то коснулся Алёниного плеча. Оглянувшись, Алёна увидела свою подругу Наталью.

– Ну, дорогая, ты уже совсем! Стоишь тут одна и сама с собой разговариваешь. Пойдём танцевать.

Озираясь по сторонам, Алёнка в сопровождении подружки вошла в танцевальный зал. Прямо у входа стоял высокий темноволосый парень, сверкая карими глазами, и заразительно улыбался.

Прозвучали первые аккорды какого-то медляка, а брюнет всё стоял на месте и пристально смотрел на Алёну. Ну, «если гора не идёт к Магомету, то...» Через секунду она сама уже приглашала его на танец. Спротивления не последовало.

Танец первый, второй, третий. Всё это время девушка пыталась рассмотреть партнёра, определить по его внешности, кто он, чем живёт, почему оказался здесь. А у стеночки тем временем, стоял здоровенный юнец с огромными широко распахнутыми глазами: интерес рос и креп.

Время бежало незаметно. Через час они передвигались по залу, крепко держа друг друга за руки: куда она, туда и он. Общество перестало быть раздражающим месивом. Хотелось улыбаться, смеяться и танцевать.

Вдруг парнишка исчез. Он просто испарился. Только сейчас Алёна вспомнила, что до сих пор не знает даже его имени. Да, она спрашивала; да, она получила ответ, но при грохоте музыки расслышать его оказалось просто невозможно. Брюнет с горящими тёмно-кариими глазами всё ещё оставался для Алёны прекрасным незнакомцем.

В полном неведении промчалось целых 2 недели. Девушка, закрутившаяся в своих повседневных делах, даже не вспоминала о мимолётной встрече и уж тем более не ждала хоть какого-то продолжения.

Опять суббота, в центре культуры танцевальный вечер, и он опять появился, возник в день её рождения. Такой же высокий и красивый,

такой же интересный и привлекательный. Парнишка подошёл к Алёне и пригласил её на танец.

Музыка играла не очень громко, или девушка её не слышала, но Алёна отчётливо различала каждое слово. Очаровательный брюнет засыпал комплиментами и восхищениями, похвалами. А где-то в девичьей голове плавилась мозги, которые уже не могли разделить правду и лесть.

«Имя, а как же его имя?» – молнией блеснуло в затуманенной голове.

– Как тебя зовут?

– Шовайс.

– Как?

– Шовайс, но все называют меня Саней, так что не забивай свои мозги, – парень засмеялся. – И не надо делать такое напряжённое лицо – тебе не идёт.

Не зная, как реагировать на подобные речи, Алёна предпочла промолчать. «Лучше не обижаться – иначе всё испорчу», – решила девушка.

В дверном проёме показалась фигура мужчины гигантского размера. Но не размер привлекал взор к этому титану, а огромные глаза, изумлённо наблюдающие за танцующей парой – брюнетистого Сашки и белокурой Алёнки. Никто не обратил внимания на появление гиганта, никто, кроме Алёны. Лишь она знала о его существовании.

Время неумолимо бежало вперёд. В бешеной гонке пролетали дни, недели. Прошёл незаметно целый месяц. Ночи напролёт Алёна проводила с Сашкой. Когда он был рядом, юную деву как будто уносило на невидимых волнах туда, где вечные неги и наслаждение.

Те редкие дни, когда Алёна оставалась одна, были заполнены мечтами о её знакомом. И по выработавшейся уже привычке по ночам почему-то не спалось, даже когда Саня был вынужден решать свои проблемы.

Именно в такую ночь девушка лежала на своём любимом диване, думала о Сашке. Вдруг скрипнула спинка под чьим-то, пусть маленьком, но весом. Алёна стала всматриваться в темноту комнаты.

На диванной спинке уютно устроилась симпатичная девчушка. Милое личико излучало столько тепла и нежности, что её хотелось прижать к себе и держать, не отпуская. Уже ничему не удивляясь, Алёна спросила:

– Кто ты, солнышко?

– Я – Любовь.

– Моя, к тому парню? – уже с лёгкой усмешкой спросила Алёна.

– Твоя к Шовайсу.

Пытаясь заглянуть в свою душу и понять, что же на самом деле она чувствует, Алёна замолчала. Глядя на это, Любовь громко рассмеялась:

– Ну уж, если я здесь, то точно любишь.

– Тихо, тихо! – беспокойным шёпотом прервала этот звон Алёна, – родителей разбудишь.

– Они меня не слышат. Это доступно только тебе.

– Ты хочешь сказать, что даже Сашка не в состоянии тебя ни увидеть, ни услышать?

– У него свои чувства. Только их он и способен заметить. Правда, вы так сильно любите друг друга, что окружающие улавливают неясные тени, следующие за вами.

– Какие такие тени? – впервые за всё время разговора появилось некоторое волнение.

– Это я вместе с его Любовью к тебе прогуливаемся ряжом с вами.

– Понятно, – чуть слышно произнесла Алёна, – только я никак не привыкну, что в последнее время я вижу. Странно как-то получается: у всех чувства, как чувства, а мои предстают предо мной в человеческом облики.

– Ну, скажем, не только тебе. Просто люди вряд ли признаются в этом – слыть сумасшедшим никому не хочется.

– То есть, так происходит со всеми?

– Нет, только с теми, кто пытался бороться с нахлынувшими на них чувствами. Это свободный способ самозащиты: легко уничтожить ощущение и восприятие, но не каждый способен убить человека, ну или то, что напоминает человека.

– И ты постоянно находишься рядом со мной?

– Конечно, пока ты любишь, я буду с тобой!

И теперь Любовь ни на секунду не оставляла Алёну. Она была постоянной спутницей: по дороге домой или на работу, присутствовала где-то поблизости во время рабочего дня, сидела рядом на диванчике, когда девушка спала.

Но теперь ни работа, ни ежедневные заботы не волновали Алёну. Она как будто существовала в каком-то своём параллельном мире. Она перестала замечать окружающих; она их просто не видела, оставаясь глухой к чужим просьбам и замечаниям. Нет, не со зла – она просто не слышала, когда к ней кто-то обращался.

Алёна жила только своей любовью. Но рядом с милой девочкой по имени «Любовь» стало появляться другое существо. Алёна долго не могла разглядеть его очертания. Она почувствовала лишь какое-то беспокойство.

Так в её душе зародился Страх потерять то, что имеешь: свою любовь, Сашку и весь тот мир, в котором Алёна пребывала в последние месяца два. Он походил на маленькое забитое животное, вечно трясущееся и прячущееся в угол. Человеческих очертаний его тельце не имело. Да и Страх старался, чтоб его никто не видел.

Его бы уничтожить, убить, но это жалкое существо постоянно растворялось в вихре других чувств, других эмоций. И, несмотря на неуловимость Алёниного Страха, его присутствие серьёзно изменило поведение девушки.

Всё чаще она набрасывалась с претензиями на Сашку, всё чаще устраивала ему сцены ревности.

– Где ты был? Почему вчера не приехал? У тебя другая? Да? Ты меня избегаешь?

Мысль о той, другой, существование которой рисовало разгорячённое воображение, не давала покоя. Всякий раз, когда молодой человек не появлялся в Алёнином доме, девушка носилась по квартире с яростными криками:

– Я знаю, что он у неё. Он опять с ней!

А когда он опять предстал перед девичьими глазами, Алёна умоляла:

– Поклянись, что я у тебя одна! Ну, скажи, что кроме меня, у тебя никого нет.

В эти мгновения Страх рос, и краешек его трясущегося тельца был виден из-за ближайшего угла. Он уже не в состоянии был укрыться от Алёниных глаз. Он был чересчур очевиден.

Но Сашка, как всегда, белозубо улыбаясь, прижимал белокурую головку девушки к своей крепкой уютной груди и шептал:

– Я тебя люблю, дурочка ты моя!

И Страх постепенно прятался, и вот его уже почти не видно. Он не умирал, конечно, он только впадал в лёгкую дрему.

Но вот случилось страшное! Горячо любимому Шовайсу пришлось надолго уехать из города. О, это было не просто страшно, это было ужасно! И потянулись долгие дни ожидания.

А Страх уже не помещался в маленькой квартире Алёны. Он заполнял каждый уголок родительской «двушки», которая была пропитана мыслями о Сане. Страх выпячивался и давил, он постоянно не давал покоя. Он стал настолько велик, что просто перекрывал кислород, отгородив Алёну от всего окружающего мира.

Через месяц мучений появилась весточка: любимый возвращался. Встреча была бурная. Издали увидев Сашку, Алёна бросилась к нему наперерез. Цепкие руки обвили его шею, он лишь ласково ей улыбался и гладил её по голове, как маленького котёнка.

– Я так ждала, я так ждала! Ну почему ты так долго. Я чуть совсем с ума не сошла!

– А есть куда? – нежно усмехнулся Сашка.

– Ну что? Может, пойдём погуляем? Я соскучилась, очень соскучилась! Мне так много хочется тебе рассказать!

– Подожди. Я сейчас не могу. Мы потом, – вдруг растерянно начал бормотать Саня. – Мне нужно решить кое-какие проблемы.

Сашка развернулся и растворился в толпе. Он исчез надолго, навсегда.

Вместе с ним исчез и Страх – бояться было уже нечего. На смену ему пришла Боль. Она – безобразная особа в ярких лохмотьях – носилась вокруг Алёны и кричала. От её постоянного ора хотелось бежать, бежать без оглядки.

– Ааа, – вопила Боль.

– Ааа, – вторила ей Алёна. Когда-то милую девочку было не узнать. Она крепко сжимала руками свою белокурую головку и на вид выглядела совершенно невменяемой.

– Саня-а, – кричала девушка, – Саня!!!

Мир разорвался на две половинки: до исчезновения Шовайса он был яркий и цветной; после – серый и безликий. Алёна ненавидела первый за то, что его уже нет, что он исчез, умер, она ненавидела и второй, потому что в нём не могла жить, не умела.

Боль выматывала, изводила. Прежние радости казались глупыми и нелепыми. Жизнь потеряла свою основу – смысл. Всё чаще стали рождаться мысли: «А, может, ну это все и...» Но Алёна смотрела на страдающую вместе с дочерью мать, осунувшегося отца, и мысли о сведении счётов с жизнью отступали.

Но вдруг всё стихло. Однажды проснувшись утром, Алёна поняла, что не слышит более душераздирающих криков Боли, не чувствует присутствия Любви. Но то, что она увидела, было гораздо опаснее: в её душе поселилась Пустота, обосновавшись здесь капитально и надолго. В Пустоте проплывали какие-то картинки из Алёниной памяти, но всё было уже неважно. Жизнь превращалась в серую череду безликих дней и ночей. Только серость и Пустота.

Ольга ДУДАРЕНКО

Прилетит летающая тарелка...

...Прилетит летающая тарелка и заберёт меня отсюда к ... матери...

Тим Костенко (Дивов О. «Стальное сердце»)

Странная – это ничего не сказать. Есть такие «городские сумасшедшие», про которых сразу ясно, что к чему, а тут два года недомолвок, постоянно отрубленный телефон и любовь.

Любовь носила джинсы, очки и откликалась на имя Света. Ещё она обожала кататься с Игорем по ночному городу, но не приглашала к себе.

Никогда. Словно у неё там выводок вурдалаков под кроватью прятался или героин в кладовке лежал. Кого другого бы Игорь давно послал, но Светкины отговорки терпел, хоть и злился, а в животе урчало и ворочалось задетое самолюбие.

– Ну, хорошо, – не выдержал Игорь на одной из прогулок. – Свет, давай так: мы сейчас едем ко мне, а потом ты у меня остаёшься.

Не чуя подвоха, Светка кивнула.

– Жить, – закончил Игорь.

– Твою ж мать... – вздохнула женщина.

Её лицо в полумраке салона казалось мучнисто-бледным: похожего цвета крылья ночных мотыльков.

– Оно тебе надо? – спросила она тоскливо. – Ты хорошо подумай.

Но вместо ответа Игорь отстегнул ремень безопасности, чтобы удобнее было целовать Светку в мягкие тёплые губы. А также в шею.

Или он её сегодня убедит, или... Игорь осторожно прикусил краешек уха, от чего женщина вздрогнула и немного расслабилась.

Или не убедит. Что в этом случае делать, Игорь не представлял: может, связать и похитить? Верёвка – в багажнике, даже мешок из-под сахара есть... До конца праздников женщины не хватятся, так что ровно три дня можно будет спорить и выяснять отношения. Выяснять и выяснять... Игорь так замечтался, что не сразу расслышал Светкин голос, хриплый от простуды.

– Поехали ко мне. Только ты никому ничего не расскажешь.

– Никому, – пообещал Игорь тоном пионера на линейке.

– А звезду с неба? – прищурившись, потребовала Светка.

– Которую? – преданно уточнил он.

Женщина вздохнула: она подозревала, что прежде, чем требовать от мужчин обещания, нужно прикинуться этакой классной дамой. Из тех, знаете, пересушенных дев, в платьях-мешках под самое горло. У Светки глухих блузок не было лет с пятнадцати.

– Ты понимаешь, – она споткнулась. – Я... – споткнулась ещё раз и сдалась.

– Кафе на Мичурина знаешь? Там за стоянкой пустырь... Вот туда.

Светка странно, по-подростковому, вжалась в кресло и опустила голову.

Может, стоило переехать к Игорю? Всё при нём: карьера, квартира, машина, жизнь распланирована лет на десять вперёд и, что приятно, в этих планах семья. Настоящая семья, какую Светка всегда хотела...

Наверное.

Игорь был, в хорошем смысле, приземлённым, даже внешне походил на обстоятельного, довольного жизнью медведя.

Светка сглотнула, вжимаясь ещё глубже: и как она ему скажет?

Ну вот как?

Сколько раз она репетировала этот разговор...

– Ты в летающие тарелки веришь? – прощупала Светка почву, пока Игорь парковался, выкручивая руль.

Когда человек занят не тобой, а корявым асфальтом, говорить значительно легче.

– Не верю.

– Зря, – лягнула Светка. – Я в такой живу.

И замерла, ожидая то ли смеха, то ли грома с небес, но раздался только щелчок ремня безопасности.

Как холостой выстрел.

– Пойдём? – Игорь потянулся к дверце.

– Я живу в летающей тарелке.

– А я – в самолёте, – сказал мужчина чистую правду: дом на Фрунзе так и называли.

– Я в настоящей, как у марсиан.

– Ты меня пригласила? Или нет? – по-деловому уточнил Игорь.

Светка решила.

– Я быстро, жди.

Она выбралась из машины и, отойдя на пару шагов, запрокинула голову.

Высматривала что-то, потом махнула рукой, будто сигналив: вот она я, здесь.

– В грузовой заедешь? – обернулась она к машине.

– Что? – Игорь потянулся к дверце.

– Она контейнер спустит, – наклонившись к окну, разъяснила Светка. – Грузовой. Лифт грузовой, нужно машину туда загнать.

– Свет, – Игорь потёр лоб. – Я устал – хуже собаки, давай ты в другой раз меня разыграешь?

– Давай, – тихо-тихо согласилась женщина. – Мы на месте, дальше не проедем.

Лифт, вернее – громадный рыжий контейнер, тарелка всё-таки спустила, перегородив выезд с пустыря. Заботливо развернула к машине, чтобы той удобнее было въезжать задним ходом, даже подсветила дорогу.

– Это... – Игорь всё-таки вышел. – Это... Поехали отсюда, Свет, – велел он твёрдо.

– Нет. Это моя летающая тарелка.

То, что висело над головой, закрывая полнеба, тарелкой не было. Ну никак... словно Эверест потерял вес и взлетел, сохранив массу. А лифт-контейнер приглашающе обнажил кислотно-оранжевое нутро.

Впервые за несколько лет Игорь не знал, что сделать: самым верным казалось взвалить женщину на плечо и унести от космических тарелок в свою комфортабельную и обыденную берлогу.

Или просто уйти из-под нависшей над пустырём глыбы. И, заодно, от Светки? По всему выходило, что так: лицо у неё было, как у партизана перед допросом. Или как у парашютиста перед первым прыжком.

– Свет, послушай... поехали ко мне. Потом вернёмся, если захочешь, и поднимемся. Не сейчас.

– Почему?

Слов у Игоря не нашлось. Пока он соображал, как тут можно ответить, Светка тоже что-то надумала, кивнула сама себе и, подхватив сумку с капота, пошла к этому «лифту» дикой расцветки.

– Пока.

Похоже, она торопилась уйти: даже походка у неё сделалась резкая, от бедра.

Сзади джинсы были... особенно убедительны.

– Стой. Свет, – лифт уже закрывался, и Игорю пришлось поднырнуть под опускающуюся дверь. – А на чём эта махина летает?

– Да чёрт её знает. Тебе-то какое дело? – женщина зло нажала на кнопку, отчего дверь застыла, а потом поползла вверх, открывая выход.

– Так. Думаю. – Игорь одной рукой притянул Светку, а другой нажал на ту самую кнопку, разрешая лифту закрыться и унести их в самое брюхо взлетевшего Эвереста. – Вдруг заправлять придётся...

Александра ЕРОФЕЕВА

Приворот

Всё действие должно было произойти на высокой горе, вполне справедливо именуемой местной деревушкой Горой Смерти. Нет, случайно забредшие путники здесь не умирали (ну, только чрезмерно впечатлительные), – сюда перебирались *уже* мёртвыми.

Погодка подвела. Дождь безжалостно размазывал по лицу остатки чёрной туши, а ветер так и норовил сдуть нашу окоченевшую компанию (по совместительству магов-неудачников) куда подальше.

Машка, будто исполняя модный танец коренного населения Америки, перепрыгивала с ноги на ногу с толстой чёрной свечой в руках. Иринка стояла по другую сторону могилы с таким же мрачным атрибутом. Светка стояла смирно. Столбиком. И сквозь стиснутые зубы доказывала свои превосходные познания в области русского языка с обильным использованием ненормативной лексики.

Я же находилась прямо перед заветным мраморным камнем с высеченным на нём портретом молодого человека и красивой надписью: «Комедия завершена, но не спешите ко мне за кулисы».

Заледеневшие руки уже отваливались. Да, погода сильно подвела. Нам ещё предстояло зажечь свечи и постараться сделать так, чтобы подлый ветрина не затушил их до конца сеанса. Однако зажигалка в моих руках уже испустила дух. Оба больших пальца поцарапаны. И не только у меня. Спички кончились. Осталось, наверное, лишь произнести заклинание на вызов молнии. Вообще, я не самоубийца и в данный момент приступа суицида, как назло, ни у кого из здесь присутствующих не было. Поэтому идея с молнией быстро отменялась.

Я нервно пошарила в кармане пальто и с удивлением обнаружила там ещё одну зажигалку. Что ж, на тебя вся надежда.

До двенадцати оставалась четверть часа. Если я за это время не зажгу четыре массивных свечи, то следующий раз получится лишь через полгода.

Пока израненные пальцы спешно чиркали, я ударилась в воспоминания.

Восемь месяцев назад. Безответная любовь. Такая высокая, симпатичная и... туповатая. Что ж, чего-то же создатель должен был лишить. Его – обделил интеллектом. Меня – видно, тоже, раз влюбилась в дегенерата. Ну, хоть в одной вещи мы были схожи. В общем, ежедневные слёзы, не прекращающиеся даже во сне, шоколад в неограниченных количествах и, как ни странно, спортзал, чтоб всё съеденное за сутки не превращало несчастную меня в бесформенную массу.

А ОН... импотент несчастный, не обращал на меня никакого внимания. Вскоре (а точнее спустя около двух лет бессмысленных попыток) мне всё надоело. Нет, мысли о нём остались в голове, но к ним присоединилась одна совсем уж безумная. Захотелось сделать приворот. И не простой (типа «Втюрься в меня, раб божий, не ешь, не пей, не спи, сохни по мне да не сдохни совсем, глючь, мечтай и, в общем, приходи»), а самый настоящий! Вот так я и связалась с магией. И подружек за собой потащила... Сначала мы направились к гадалке.

Темноволосая женщина в приличном возрасте с кривыми, давно нечищеными зубами и противной улыбкой встретила меня, как родную.

– Заходи, – говорит и крепко обнимает, – дитя моё. Вижу, порча на тебе. Подруга тебя подвела лучшая. Парня у тебя отбила.

– Простите, Импотенция – это не моя подруга, – объясняю я.

Гадалка озадачилась.

– Мы и это лечим, – тихо призналась она.

– Но я ещё не определилась, что конкретно мешает ему, – я задумалась.

– Может, это и не Импотенция вовсе, а Нетрадиционная Ориентация...

Женщина, гремя монетками на длинной юбке, дошла до соседнего столика, схватила стакан с прозрачной жидкостью и сразу же его осушила.

– Безответная любовь, значит, – вдруг смекнула она.

– Именно так, бабуся. Мне нужно *что-то*, чтобы это неприятное обстоятельство исправить.... Я понятно объясняюсь? Сколько?

Старушка наклонилась к моему уху и назвала цену. У меня чуть челюсть не отпала. Я схватила второй стакан с прозрачной жидкостью и разом хапнула. Выходит, учиться мне нужно месяцев десять без всяких затрат, чтобы стипендию скопить на это дело.

– Это серьёзный приворот! – восклицает гадалка. – Он может натворить бед! Выбирай, дитя. Это я ещё и принизила цену.

– Знаю я, как вы цены принижаете! Я подумаю.

Думать было нечего. Денег нет. А учиться десять месяцев (вместо оставшихся трех) неохота. Пойду к другой гадалке!

Другая, сообразив, что собственно от неё требуется, сразу послала подальше. Они, наверное, сговорились! И я, поняв данный прискорбный момент, обиделась и пошла на крайние меры. Зашла в гости к третьей гадалке. И пока та, повернувшись ко мне своим шикарным, увешанным звенящими монетками, задним местом, рылась в картах, я, повернувшись к ней тем же местом, замылила первую попавшуюся магическую книгу. Потом прилежно выслушала заезженный монолог о том, что на мне большая порча, – и бегом отправилась домой.

Тем не менее, открыв заветный фолиант, я вспомнила всё красочное разнообразие российской нецензуры. Оказалось, что страницы исписаны странными закорючками, никак мне не напоминающими русский язык. НО! Интернет – местами великая вещь. Я ударились в кропотливые поиски, которые, к счастью, навели на давно вымерший язык – латынь.

Правда, книжечка выходила страниц на тысячу, но... чего у меня действительно в избытке, – так это времени. Жаль, что в тот самый час не оказалось рядом умного человека, который посоветовал бы отнести книгу к тому, кто знает этот язык. И я начала переводить сама.

Спустя два месяца тяжелейших рысканий в глубинах языка древних римлян, я нашла нужный приворот. Для ритуала требовалось почему-то четыре человека. Женщины. Мне суждено было стоять перед надгробным камнем (любым, какой больше понравится) с чёрной свечой в руках и наизусть читать древнее заклинание, а подругам в этот момент – важно расхаживать вокруг могилы с теми же свечками, рассыпая перед собой смесь различных трав, и в отдельные моменты вставлять латинское

«Аминь». Все действие следовало проводить ночью. Вот мы и провели. Сделали всё как нельзя точно.

А после ритуала, когда я в предвкушении счастья прибежала домой, меня (в моей же квартире) встретил неизвестный молодой человек. Он сидел на кухне за столом и пристально смотрел в глаза. Его суровая (и безумно красивая) физиономия говорила о том, что он *не рад* меня видеть. Я попыталась ответить на это своим взглядом (типа, раз не рад, катись отсюда), но неожиданно вспомнила один очень занимательный факт: этого молодого человека я видела нарисованным на надгробном камне....

После осознания произошедшего, я не нашла ничего умнее, чем дружелюбно улыбнуться гостю и отважно хлопнуться в обморок.

В чувство меня привел неприятный запах нашатырного спирта, разлитого на полу. Оказывается молодой человек, по нынешней своей природе будучи нематериальным, каким-то чудесным образом открыл дверцу шкафа и сдул оттуда бутылёк с заветной жидкостью.

Когда я вновь узрела хмурый лик непрошенного гостя, появилось непреодолимое желание опять потерять сознание.

– Вот только не надо снова падать, – каким-то угрожающим тоном попросил парень.

На этом месте я взбесилась. Приходит тут, видите ли, какой-то мрачный, высокий, черноволосый и кареглазый красавец с отменной фигурой, без вопросов заседает в моей кухне, пачкает нашатырем мой красивый деревянный пол, смотрит на меня, как будто я его убила, и ещё какие-то грубые советы даёт. Хам!

– А вот возьму и упаду! – испуганно рявкнула я и вскочила на ноги. – Как тебе *такой* вариант развития событий?!

Незнакомец посмотрел в мою сторону со странной жалостью.

– Ну... если, конечно, хотите, падайте, сколько влезет. А я пока посижу тут и подожду, когда закончатся ваши припадки.

Я выпучила глаза и со всей злостью начала фыркать в попытке отыскать хоть один достойный ответ. Когда поняла, что ничего у меня не выйдет, без сил опустилась на табурет.

– Что ты здесь делаешь?! – пискнул я.

– Вы меня вызвали, – невозмутимо ответил он. – Кстати, меня Марк зовут.

– Да плевать мне, как тебя зовут! – тихо призналась я, после чего опять сорвалась на вопль. – Что, не видишь, что я до сих пор под впечатлением?! И никого я не звала! Он мне тут ещё врать будет!!! Какого чёрта припёрся, и почему твой портрет на надгробном камне очутился?! И вообще, с какой целью ты мне пол вымазал?! А ну-ка тряпку в зубы и за дело! И даже не говори мне, что ты гость, поэтому тебе не положено пол мыть, – всё равно будешь мыть, понятно?!

Он, как настоящий джентльмен, подождал, пока дама выскажет все наболевшие грубости, после чего предложил выпить чаю. Я согласилась.

– Правда, я уже давно ничего не пью, – признался он. – Мне, знаете ли, это не нужно. Так что, угощаться вам придётся самой.

– Да ты – сама галантность! – произнесла я, включая чайник.

Спустя час мирной беседы (точнее был в основном *мой* истеричный монолог), я поняла, что в латынь мне больше лезть не следует. Допустив несколько ошибок в переводе, я выбрала не приворот, а заклинание на вызов покойного, который, не по своей воле спустившись с небес, должен исполнить заветное желание своего «вызывателя». После выяснения правды, до меня, наконец, дошло, почему этот тип так мрачно пялился в мою сторону. Я бы тоже не благодарила за то, что из рая на землю вернули.

Когда покойный Марк узнал, что ему нужно влюбить в меня какого-то парня, мне показалось, что он засветился красным цветом, а из ноздрей пошёл пар. Но делать нечего – придётся исполнять. Ведь только это вернёт его обратно.

– Я надеюсь, что это не какая-нибудь суперзвезда с экрана телевизора? – парень посмотрел на меня жалобными глазами.

– Нет, это обычный слепой идиот, – пояснила я.

– Так, может, в таком случае его сначала к окулисту сводим? – невесело предложил Марк.

– Ты такой юморист. А, может, я тебя себе оставлю? До конца дней?

С этого момента началось настоящее веселье.

Мой возлюбленный Серёжка (или как я ласково его называла – козёл, дурак, болван и просто гад) учился со мной в одном институте. Так что видела его я каждый день. Это очень странное создание. Подруги с самого начала твердили мне, что выбрала я, мягко говоря, не того. Да, симпатичный, да, фигура хорошая, пусть даже блондин (они почему-то недолго любили блондинов), но он же на девушек практически не смотрит! А всё потому, что перед глазами у него только монитор с бегающими внутри монстрами, которых нужно срочно убить, чтобы спасти Вселенную. Порой хотелось разбить его вездесущий ноутбук, дать ему в ухо, чтоб мозг вправить, снять очки и плюнуть в глаз, но коварная любовь не позволяла совершать подобные поступки.

В общем, мой личный призрак Маркуша пустил всё своё (пусть и скудное) воображение, а также силы на привораживание блондинистого ботаника.

Первой хорошей идеей он посчитал присниться Серёжке во сне и рассказать о том, какая я замечательная. Если б я только сама это видела, то прекратила бы всё немедленно. Оказалось, что бедняга увидел во сне вот этого сумрачного типа. В чёрном балахоне и с косой в руках. «А ну люби её! – повелевал он. – Она болтливая, но хорошая! Люби, я сказал! А то быстро к праотцам отправишься, скотина тупая!»

Несчастливая жертва сновидения на следующий день в институте появилась в очень бледном цвете и с трясущимися конечностями. Он опасливо поглядывал в мою сторону и начал избегать даже взглядов.

Следующий пробный шаг оказался небольшой помехой в сокровенной игре. Теперь напарником главного героя оказалась девушка, удивительно похожая на меня. Она постоянно говорила о том, как сильно любит героя, защищающего мир от ночных тварей, а так же часто задавалась вопросом: «Ну, ты женишься на мне собираешься, или мне заложить монстрам твоё местоположение?» Серёжа был в ауте.

Потом Марк сотворил нечто, с помощью которого моё милое лицо мерещилось суженному во всех отражающих предметах. До меня только потом дошло, что Серёжа отныне видит меня даже в воде, плескающейся унитазе.

Так прошла неделя. Я слегла с небольшим недомоганием из-за осознания того, что благодаря подобным попыткам заветная цель с высокой скоростью отдаляется. Мой бесплотный сосед по квартире по вечерам смотрел телевизор в попытке вызвать вдохновение. Искал он его почему-то в фильмах ужасов.

– А может, ему случайно разрезать вены, а ты вломишься, как спасительница, и залечишь раны?.. Если, конечно, успеешь? Как тебе, а?

– Ага, или столкнуть его с огромной скалы, а я типа случайно подложу на землю матрас, – поддерживала обессиленная я.

– Знаешь, а в тебе что-то есть... – серьёзно подумав, сообщил призрак.

В итоге, на два дня он устроил себе каникулы, после которых с новыми силами принялся за чёрное дело. Создал мой фантом, который преследовал несчастного везде, даже в туалете. Вообще, если бы таким же образом доставали меня, я бы, пожалуй, не задумываясь, свихнулась. А Серёжка держался! Правда, уже не так уверенно, но держался. Молодец! Хотя... что это я? Скотина! Как ты можешь? Его уже полторы недели преследуют мои призраки, а он влюбиться не хочет. Говорила же – гей!

Спустя ещё три недели попыток, Марк устало опустился в кресло и сказал, что лучше будет жить со мной (такой горластой, вредной, наглой и почти не умеющей готовить смертной) до конца моих дней, чем совершит ещё хоть что-нибудь для осуществления поставленной цели. Я, как ни странно, не расстроилась, – просто сил не было. Я легко откупорила одну из четырёх бутылок виски, оставшихся с новогодних праздников, и предложила выпить с горя. Призрак с удовольствием согласился.

– Ты же говорил, что не можешь пить! – напомнила я.

– Я говорил, что *давно не пил*. Но пить по-прежнему могу.

Я так и не поняла, как в бесплотное тело вливалась алкогольная жидкость, но пить с ним было весело. Он рассказал немного о своей земной жизни и о причине смерти в двадцать девять лет. Оказалось, что его уколошила возлюбленная жена, которая в обожаемую курятину заботливо добавила лошадиную дозу яда. Выяснить все обстоятельства на месте он, конечно же, не успел. Но потом узнал о них сверху. Получилось так, что дражайшая супруга, нарушив седьмую заповедь (о прелюбодеянии) положила глаз (и не только) на лучшего друга мужа своего. Друг вовсе не был против. В результате, они решают хлопнуть помеху к совместному счастью

(Марка, то есть). Но Лилечка (супруга), как выяснилось, не подозревала о большой страсти своего нового суженого к спиртному. И через три года она травит и второго мужа, после чего благополучно отправляется в тюрьму. Печально. А ведь Марк её очень любил. И друга любил.

– Так ты мученик, получается? – спрашиваю я, прежде чем погрузиться в сон.

С утра меня разбудил звонок в дверь.

Оторвав голову от подушки, я взвыла – полуночная пьянка в компании умершего десять лет назад парня не дала о себе забыть.

Я медленно прошлёпала до двери и глянула в глазок. На лестничной площадке стоял Серёжка. Я протёрла глаза и ещё раз глянула. Потом сбежала в кухню, быстро глотнула рассола и, перекрестившись, открыла дверь.

– Привет, – застенчиво произнёс объект моей двухлетней страсти. – Извини, что так рано. Я решил проводить тебя до института. Всё равно нам по пути.

Я вытаращила глаза.

– А откуда ты мой адрес знаешь? – прохрипела я.

Мой дорогой опустил наивные глазки и покраснел.

– Он мне во сне приснился. Раз десять.

Я довольно гоготнула и пригласила гостя в квартиру.

– Проходи на кухню. Я сейчас, быстро помоюсь, оденусь, и пойдём! – крикнула я, скрываясь за дверью ванной комнаты. – Можешь себе чаю сделать, печенье на столе лежит.

С тупой улыбкой до затылка, я напялила на себя любимую чёрную кофточку и не менее любимые джинсы и предстала перед Серёжей во всей красе.

– Ну как? – спрашиваю.

– Супер! – восклицает он.

– А где же твой ноутбук?

– Сегодня ночью он сох, – разочарованно протянул парень. – Что-то в этом странное было...

– Что же? – я насторожилась.

– Мне приснился какой-то мужик, который уже три недели снится, и мрачно сказал «Хана твоему компьютеру! Достал ты меня уже!»

У меня начал вырываться приступ яростного смеха, и я, пытаясь его сдержать, случайно начала хрюкать.

– Я серьёзно! – обиженно воскликнул Серёжа. – Здесь какая-то нечистая сила. Ты мне веришь?

– Верю.

Я подошла к возлюбленному и погладила его по голове. А он посмотрел на меня таким обожающим взглядом, что я чуть не задохнулась, не веря своему счастью.

Выходя из квартиры, я обнаружила заметно погрузневшего Марка у окна. Он пытался радостно улыбнуться, но улыбка выходила полной отчаяния.

Я замешкалась в дверях, потом попросила Серёжу подождать меня у лифта.
– Значит, ты уходишь?
– Да. Получается, я всё-таки выполнил твоё желание.
– Спасибо.
– Пожалуйста, – он усмехнулся, начиная растворяться в воздухе. – Только больше не лезь в магию. А ту книгу я сжёг...

Спустя месяц с Серёжей я рассталась. Сама. И дело было не в том, что я потеряла интерес после того, как получила желаемое. Просто поняла, что в моей жизни появился другой. Который действительно меня ценил. Которому не нужно было показывать смерть с косой или фантомов, чтоб обратить на меня внимание. Да. Который умер десять лет назад. И всё же... снова страдать я вовсе не собиралась. Ведь с помощью Марка я наконец-то поняла, кто я такая и чего заслуживаю...

Кроме того, тот самый ритуал (который я по ошибке совершила), можно проводить лишь два раза в год (весной или осенью), а сейчас как раз подоспел нужный месяц.

Он сжёг книгу! Ха! Меня так просто не проведёшь! Я ведь выучила все нужные слова! И все действия я прекрасно помню.

– ТЫ ЗАЖГЛА ЕЁ!!! – радостно завопила Иринка, тыкая пальцем в зажжённую чёрную свечку и выводя меня из воспоминаний, пронёсшихся в несколько секунд.

– Так, девочки, по местам! – скомандовала я. – Теперь всё получится!

«В лепешку разобьёшься, милый Марк, – подумала я, попутно произнося заклинание, – а исполнишь моё желание: *Живи!*»

Семён АГЕЕВ

Детская книжка

– Посмотри вниз, Кайо, – шепнул Маркес. – Посмотри, кто здесь, сынок.

Кайо глотнул слюну и нехотя глянул вниз.

Дворец Единства помнил три десятка лорд-мэров, две королевские династии и, если память мальчику не изменяла, четырёх князей. Конечно, он не всегда был «Дворцом Единства», не всегда был одет серым безмолвным гранитом, сталью и паутиной проводов, но во все времена, которые городу Левенхардт довелось пережить, народ собирался на Площади перед массивной лестницей, перед колоннами, подпирающими балкон, и слушал, что скажут господа.

Кайо было двенадцать. Совсем немного. Всего восемь лет прошло с того дня, когда он впервые произнёс имя отца. Мама рассказывала, что из-за этого всегда по-доброму завидовала мужу. Ведь маленький Кайо первым признал не её, носившую дитя под сердцем, ласково покачивавшую колыбель беспокойной дождливой ночью и напевавшую тихие тёплые песни. Не

мать, подарившую ему имя и львиную долю крови. А отца. Доброго, но вечно заваленного работой. С грубым хриплым голосом, синяками под глазами и колючей щетиной на щеках.

В первый раз Кайо ступил на гранитную лестницу шесть лет назад. Он помнил Площадь широкой, чисто подметённой дворниками в смешных жёлтых шапках, вымытой летним дождём. Её окружали пестрые клумбы и безупречно подстриженные газоны – самые зелёные во всём городе – а в дальнем углу стоял киоск мороженщика. Вокруг площади по дорогам сновали машины – яркие, блестящие и шумные. Дети скакали по лужам на тротуаре, стоило молодым мамашам глянуть в другую сторону.

Дворец казался ему великаном, одетым в каменную броню. Украшенным пёстрыми флагами. Каких они были цветов – Кайо не помнил. Его это совсем не волновало, ведь в руке таяло на солнце мороженое. А за другую держала мама. Из её сумки пахло печёной картошкой и свежими мясными тефтелями.

Четыре года назад семья Кайо переехала в покои Дворца. Как говорил отец, для безопасности. Он искренне заботится о них с мамой. Радовался, что наконец-то может быть рядом с женой и подрастающим сыном. Обещал сводить в парк покататься на всех каруселях и недавно открытых «Головокружительных виражах». И много мороженого.

Кайо глядел в его глаза – серые, усталые и грустные, рассматривал монокль в позолоченной оправе, делающий отца похожим на седую неясность, а в груди больно кольнуло. Он не сказал про учителя из школы, последние несколько месяцев слишком часто приходящего в гости. Только глянул в ответ маминими – миндалевидными, голубыми и немного испуганными. Кивнул и несмело улыбнулся.

Невыполненное обещание Маркеса его маленькому сыну пополнило список невыполненных им обещаний. И отпечаталось обидой в сердце Кайо. Рядом с тоской по друзьям из школы и прежним беззаботным дням. Рядом с тоской по усталому отцу. С грубым и хриплым голосом, седеющей колючей щетиной. С мягкой улыбкой и добрыми серыми глазами.

Три года назад студёной сентябрьской ночью маму вынесли из покоев на носилках под белым покрывалом. Обсуждая вполголоса случившееся, врачи много раз упомянули незнакомое слово «аневризма». Кайо не знал, что это такое, но врачам не верил ни секунды. Тем вечером он, заткнув уши, сжался под одеялом в своей кровати. Снова. Сбился со счета, в который раз.

На маминой руке, свесившейся с носилок, мягкой, тонкой, ухоженной, не раз ерошившей его, Кайо, непослушные волосы, только бледной, холодной и безжизненной, чернели три синяка. Когда он увидел маму в последний раз – в дубовом гробу, в белом платье, с фарфоровой маской вместо лица, синяков на руке не было.

Каждый раз, когда комья земли стучали по крышке гроба, сердце мальчика пропускало удар. На отца, стоявшего рядом, он не глядел.

Следующий год шёл точно по часам. В восемь утра – пробудка и завтрак. В восемь тридцать – физподготовка. В десять тридцать – закаливание. С одиннадцати до часу – математика. Потом обед. В час тридцать – история Левенхардта. Каллиграфия. Классическая литература. Экономика. Учение о Настоящем Человеке. С семи до десяти вечера – свободное время, занятое, как правило, чтением или уборкой комнаты. Каждую минуту этого года мальчик был под неусыпным надзором. Тренера по физподготовке. Учителя. Личного отцовского врача. И молчаливого гвардейца в военной форме, бронежилете, красном берете и с заряженным пистолетом у пояса.

Кайо объясняли новые, сложные понятия. Внешняя политика. Машиностроение. Протекторат. Инакомыслие. И другие слова. Взрослые. Колочие. Безвкусные. Он заучивал их наизусть, впитывал всё, что ему преподавали, ведь каждый вечер отец вызывал его к себе и задавал вопросы. Если Кайо не знал, что ответить, получал наказание.

Заучивал. Впитывал. Но понимать отказывался.

Каждую ночь перед его глазами вставала одна и та же картина. Носилки в руках двух безликих белых халатов. Рука мамы, свесившаяся из-под покрывала. А на ней – три синяка. Один из них – точный оттиск орнамента на рукоятке отцовской трости. Лица мамы вспомнить он не мог.

Когда Кайо исполнилось десять, отец пригласил для него другого учителя. Прежний был в глазах мальчика лишь продолжением тяжёлой руки отца. Как трость, с которой он никогда не расставался. Как его широкий армейский ремень. С первого взгляда уроки шли как обычно. Те же книги с колючими взрослыми словами. Но как-то раз вечером учитель зашел к Кайо в комнату и предложил ему новую. Не приказал прочесть к концу недели. Просто положил на тумбочку у кровати и ушёл, пожелав спокойной ночи.

Открыв книгу, Кайо очутился выше облаков.

Он командовал дирижаблем, бороздившим небесный простор. Сражался с безграничной и безраздельной властью небесной стихии. С пиратами и захватчиками. Не ради славы или процветания родного парящего города. Ради защиты людей от самих себя. Ради их объединения. Искал среди шумных разноязыких и многоликих улиц одну-единственную девушку, которую не мог забыть, с мыслью о которой шёл в бой. Искал, чтобы найти, обнять и отпустить. Обрато в счастливую жизнь с любящим мужем и дочерью. Чтобы, бороздя бескрайние небесные просторы, вспоминать её и грустно улыбаться в седеющую бороду.

Последний абзац отзвучал в голове мальчика в четыре утра.

«Парящие твердыни». Автор – Огюстэн Форд. Имя нового учителя Кайо крепко запомнил. Предложив сыну лорда-мэра Маркеса Райта книгу, которую написал для своей любимой дочери, Форд стал его единственным другом. А книга – их первым секретом. Кайо хранил её в подушке, в самой глубине, отчего между страниц набивались пёстрые гусиные перья. Перечитывал снова и снова. Сбился со счёта, сколько раз.

Всем, что Кайо запомнил о следующих двадцати трёх месяцах, были поездки. На фабрики, где производили одежду и обувь для шахтёров. На открывающиеся металлургические заводы. В оснащённые по последнему слову сборочные цехи, производящие для солдат города новые броневики и экзоскелеты. В ангар планеров и дирижаблей. Вовсе не поражающие воображение масштабы и сложность производства, не передовые оружейные технологии запали мальчику в душу. А недолгие ужины дома у Форда. Далеко не такие богатые, как в доме Кайо, когда мама ещё была жива. Но такие же тёплые. Пусть и в присутствии всё того же гвардейца в красном берете, бдительно следящего за улицей из окна. Форд и его приглашал за стол, но тот всегда отказывался.

А ещё Кайо вспоминал глаза дочки учителя. Маленькой юркой девочки с золотыми волосами. Ярко-зелёные, будто кошачьи. Их недолгие разговоры. Невыполнимые, но искренние обещания. Поцелуи в щёку, пока Форд обнимает на прощанье жену, а гвардеец делает вид, что смотрит в другую сторону. И грустно вздыхает о чём-то своём.

Когда девочка улыбалась Кайо, в зелёных глазах зажигались тёплые лампочки. Кайо видел теперь их во сне. Девочку звали Фэй. Шепча её имя, мальчик шёл по утрам на физподготовку. Вспоминая недолгие встречи, входил вечером в кабинет отца. Совсем как герой из книги о парящих небесных твердых перед страшным боем. Тот капитан не был рыцарем без сомнений, как в летописях о временах королей. Не был идейным борцом за благо города, как в учении о Настоящем Человеке. Он верил в то, что все люди мира связаны, как бы далеко друг от друга они ни находились, какие бы стены, баррикады и линии фронтов их не разделяли. Связаны с теми, кто жил задолго до них, и с теми, кто ещё не родился.

И ещё он любил. Кайо не понимал, что значит это слово. Но даже будучи взрослым словом, оно не кололо, как другие, а согревало. Терпеливо объяснявший значение каждого из них Форд в ответ на вопрос мальчика о любви лишь улыбнулся. Ведь, по его мнению, Кайо уже знал, что это.

Шепча имя Фэй, мальчик чувствовал, как распрямляются плечи.

Семь месяцев назад вместо привычных уроков отец посадил Кайо в автомобиль и куда-то повёз. Потом долго водил по коридорам незнакомого здания. Вытянувшиеся по стойке смирно солдаты открывали перед ними всё новые двери, пока они не очутились в тесной комнате. Отпустив дежурного, отец протёр запотевший монокль полой пиджака, жестом указал сыну на удобное кресло перед панелью какого-то прибора с длинными рядами кнопок и огней.

– Посмотри, – проговорил отец. – Видишь, кто там?

За стеклом на металлическом стуле с прямой спинкой сидел человек в испачканной полосатой робе. Осунувшийся, небритый. Со свалывшимися в грязные сосульки бесцветными волосами. Закованный в наручники, в ошейнике с красной лампочкой.

– Это Жак Дю Бенуа, – спокойно проговорил отец. – Сорок семь лет. Служил в армии Левенхардта пять лет, списан в запас в звании сержанта. Работал шахтёром двадцать три года. Знаешь, почему он здесь?

Кайо помотал головой.

– Он руководил отрядом террористов, устроивших в прошлом месяце серию взрывов в сборочных цехах. Тех самых, куда вы с господином Фордом ездили. Подговаривал рабочих к бунту против городских властей и многих обманом склонил на свою сторону. Вот его дело, ознакомься, если хочешь, – отец подтолкнул мальчику чёрную кожаную папку. – Жертвами взрывов стали двадцать шесть ни в чём не повинных рабочих конвейера, а этот горожанин лично убил шестерых охранников. Понимаешь, что это значит?

Кайо припоминал.

– По законам города Левенхардт горожанин Жак Дю Бенуа приговаривается к смертной казни через перелом основания черепа. Тебе, сынок, оказана честь оборвать жизнь этого опасного преступника ради сохранения мира и благосостояния для нас всех. Нажми на красную кнопку.

Мальчик посмотрел за стекло. На отца. На кнопку, с написанным на ней взрослым и колючим словом «ликвидация». Одним из тех, которые он впитал, но отказывался понимать. Снова на отца.

Молча помотал головой.

– Нет? – Маркес сверкнул моноклем. – Ты не помнишь, что написано в Учении о Настоящем Человеке? «Чти свой город и сограждан превыше всяких ценностей. Трудись усердно на благо и процветание города».

Кайо помнил.

– Этот преступник повинен в смерти тридцати двух человек. Слова нашего Учения для него – пустой звук. Жизни людей – ничего не значат. Неужели ты, будучи добропорядочным горожанином, допустишь, чтобы он и дальше творил подобные вещи? Чтобы сбивал других с правильного пути ложью и запугиванием?

Кайо смотрел в лицо отца, изрезанное глубокими морщинами, в цепкие и холодные серые глаза. Он знал, что за этим последует. Но всё же не мог. Сама мысль была противна честному мальчишескому сердцу. Глядя за стекло на преступника, которого город осудил на смерть, он видел перед собой человека. В грязной робе. С нечесаными жидкими волосами. Измождённого заключением. Но такого же человека, как и он сам. Как его отец. Как зеленоглазая Фэй.

Террорист вперил невидящий взгляд в пол под своими ногами. Мальчик не мог понять, но Жак, отдавший половину жизни своему городу в рудничной пыли, тосковал о прожитых днях. Когда шахтёров уважали и ценили за их тяжкий труд, а не погоняли дубинками, как животных. Когда одну из ярких шумных машин, носившихся по улицам, мог позволить себе любой. Когда дети плескались в лужах на тротуаре, стоило молодым мамашам посмотреть в другую сторону, а не зубрили наизусть

слова Учения о Настоящем Человеке. Когда на Площади, перед Дворцом Единства, в котором пожизненно поселился отец Кайо, продавали мороженое.

Вовсе не идея светлого будущего, не ненависть к Маркесу или городу заставили его поднять мятеж. Это были отчаяние и нужда. Жак Дю Бенуа не хотел ни бунтовать, ни отнимать жизни, знал с самого начала: путь убийцы и террориста приведёт его в камеру смертников. А после – на эшафот. Так должно было случиться. И о том, что меняющийся на глазах родной и любимый город не оставил ему выбора, Жак Дю Бенуа горько сожалел.

Мальчик не мог этого понять. Но от взгляда на приговорённого, на безжалостный ошейник и красную кнопку жгло под грудиной.

– Они отказываются работать на благо нашего города, – не поведя и бровью, проговорил отец. – Взрывают конвейеры, убивают честных горожан. Знаешь, что потом будет? Вооружённое восстание. Десятки тысяч смертей. Упадок, от которого город будет оправляться десятилетиями. Соседи давно поглядывают на наши шахты, и стоит дать слабину – нас прожуют и выплюнут. Но прежде вот такие вот придут к нам домой и убьют тебя. Ты это понимаешь? Жми.

Кайо помотал головой.

Пальцы, обтянутые кожей перчатки, вцепились в непослушные волосы на его затылке. Со всего размаху лоб мальчика впечатался в кнопку с надписью «ликвидация» на приборной панели. Рывком отец снова поднял его голову.

– Смотри. Вот что по закону положено в нашем городе за терроризм и попытку саботажа военной промышленности. Помнишь наш девиз? «Людам – город! Городу – службу! Горожанам – по заслугам!» Ты должен сильным быть и не бояться руки испачкать. Жалость оставь до спокойных и мирных времён. По-другому не выжить. Все умрём, и Левенхардт с землей сровняют. Этого хочешь?

Больше всего на свете Кайо хотел забыть взгляд Жака Дю Бенуа. Бывшего шахтёра. Отчаявшегося, сбившегося с пути горожанина. Террориста и убийцы, которому город воздал по заслугам.

Книга про капитана дирижабля и даже воспоминание о Фэй больше не могли помочь Кайо уснуть.

– Посмотри вниз, Кайо, – шепнул отец, положив руку ему на плечо. – Посмотри, кто здесь, сынок.

Мальчик сглотнул слюну и нехотя глянул вниз.

Площадь была полна людей. Не тех, какими маленький сын первого военного советника лорд-мэра Маркеса Райта запомнил их шесть лет назад. У этих не было лиц. Только бесформенные вязаные шапки – все одной масти, тяжёлые и душные ватники, штопанные суровыми нитками. Они жались друг к другу под сыпавшимся снегом небесами, к развернутым перед лестницей Дворца Единства оборонительным укреплениям, из-за которых в них целились закованные в броню великаны.

Сын лорд-мэра Маркеса Райта глядел на перестроенный Левенхардт, на вытопанные солдатскими сапогами клумбы и газоны, на тихие пустынные улицы и патрулирующие их броневики. На солдат в экзоскелетах. На оружие, обращённое против простых горожан. На парящий над Дворцом Единства артиллерийский дирижабль. И тот день казался ему полузабытым сном. Будто его вообще не было. Как и матери, державшей его тогда за руку.

Кайо глядел вниз, на эшафот, возведённый прямо перед входом во Дворец. На людей, выстроенных там в две шеренги по трое. А его отец в гробовой тишине обращался к толпе безликих.

– Сегодняшний день, дорогие сограждане, войдёт в историю Левенхардта как переломный, – гремели динамики. – Мы долго этого ждали. Долго шли по лезвию штыка. Я искренне благодарю всех, стоящих сейчас на этой площади, рабочих, трудящихся на заводах, шахтёров, в недрах земли добывающих топливо для наших печей и руду для плавлен. Их жён и детей. Каждого честного жителя нашего любимого города. Ведь благодаря вашей службе, вашей твёрдости, самоотверженности и отваге, Левенхардт всё ещё стоит. Террористы и убийцы старались вас запугать, но ваши сердца не ведали страха. Подстрекатели и обманщики толкали вас прочь с верного пути, но ваша вера в общее дело была твёрже стали. И сегодня благодаря вам, дорогие сограждане, мы празднуем окончательную победу над общим врагом. Слава Левенхардту!

Толпа отозвалась бесцветным нестройным криком.

– Сегодня перед вами предстанут последние из террористов. Дезертиры. Предатели родины. И сегодня город воздаст им за все преступления, как того требуют наши законы и убеждения.

Кайо глядел вниз, не различая ни единого слова отца.

– Эрнесто Паллада, также известный, как Энергичный Эрни. Глава подпольной террористической группировки. Его преступлениям против города и народа нет числа. Моррис Стивенс Нортон – правая рука Эрнесто. Анри Лафайет – шпион и дезертир, бывший член личного состава гвардии. А также предатели, укрывавшие их от правосудия, распространители ложных ценностей и запрещённой литературы...

В первой шеренге из трёх человек стоял высокий, худощавый и смуглый мужчина с буйной косматой гривой нечесаных кудрей. Рядом – его товарищ. Крепко сбитый, коротко стриженный и бородатый. Справа от него – угрюмый и небритый гвардеец. Тот самый, всё время дежуривший подле Кайо, куда бы тот ни отправился. Только без бронежилета. Без красного берета и пистолета у пояса. А позади них – семья в полном составе. Широкоплечий мужчина с длинной косой, даже после заключения, многократных избиений и под прицелом карабинов не утративший утончённости. Его жена – миниатюрная женщина, волосы которой прежде чем свалиться в грязные космы, отливали золотом. И девочка. Тощая и низкая. В висевшей на ней мешком полосатой робе. С дорожками слёз на

грязных щеках, блестящими в свете прожекторов. Кайо глядел на неё, не в силах отвести взгляд.

К горлу мальчика подступила тошнота.

Последние семь месяцев отец возил его в тюрьму каждую неделю. Избивал. Морил голодом. Не позволял спать. Всё, что нужно было сделать – нажать на красную кнопку. Когда мальчик сдался, ни одни штаны на нём уже не держались. В ремне пришлось проделать три новых дырки. А от густых непослушных кудрей осталась жидкая пакля. Он больше походил на скелет, чем на живого ребёнка, но, чтобы вывести сегодня перед толпой, его старательно отмыли, нанесли на щёки румяна, замазали впадины под глазами.

Огюстэна Форда и его семью Кайо больше не видел. До сегодня.

– ...Этот сорняк, проросший на благодатной почве нашего города – причина ужасающих событий последних лет. Из-за него честные горожане были обмануты, из-за него горели и взрывались наши дома. По его вине братья убивали братьев, дети убивали отцов, а отцы – детей! Но сегодня мы вырвем его с корнем! Мы отпразднуем нелёгкую победу в кровопролитной войне против страха и лжи. Сегодня и каждый день после Левенхардт сможет спать спокойно, и это заслуга каждого! Пусть огонь войны, который эти преступники так старательно разжигали, навсегда очистит наш любимый город!

Мягко развернув сына к себе, Маркес протянул ему раскрытую ладонь.

Осколочная граната наступательного типа РГН-20. Кайо видел, что она делает с людьми. Что он сам делал. Хотел забыть. Не выходило. Отец протягивал ему этот маленький, бесконечно тяжёлый комок пламени и шрапнели на глазах у безликой толпы. Протягивал с мягкой улыбкой на морщинистом и колючем лице, которой Кайо так не хватало в раннем детстве. Улыбался, но глаза были всё те же. Холодные и цепкие.

Он хотел, чтобы Кайо сделал это снова. С единственным другом, по которому отчаянно тосковал. С его молодой женой, лицо которой каждый раз приходило на ум, когда мальчик тщетно пытался вспомнить мать. С девочкой, о встрече с которой он мечтал последние, длинные, как жизнь, месяцы.

Мальчик смотрел в ответ. Совсем недолго, но ему показалось, несколько часов. Потом глянул вниз, на безликую толпу. На эшафот.

Глаза девочки, поднявшей голову, маленькой, хрупкой, но понимавшей впятеро больше взрослых колючих слов, чем Кайо, показались ему ярче прожекторов. Узкие сгорбленные плечи расправились.

Кайо не думал о том, что случится с ним. С обречёнными людьми на эшафоте. С городом. Он едва стоял. Едва мог думать. Просто взял гранату из руки отца, выдернул чеку и стиснув побелевшими пальцами, вытянул над макушками приговоренных.

– Повторяй за мной, – велел отец, поднеся микрофон поближе. – «Людам – город».

- «Людам – город», – скрипучим шёпотом отозвались динамики.
- «Городу – службу», – кивнув, продолжал Маркес.
- «Городу – службу».
- «Горожанам – по заслугам».

Пересохшие, растрескавшиеся губы Кайо растянулись в тёплой улыбке.
– «Горожанам – по заслугам».

Он не увидел, как обломки гранитных перил и разбитый монокль падают на ступени лестницы следом за отлетевшим спусковым рычагом. Не увидел, как безликая толпа одномастных вязаных шапок вскипает точно разгневанный штормом океан. Не увидел вскинутого к балкону лица Эрнесто, хищно скалящего зубы в безумном хохоте, ловящего пули обтянутыми кожей ребрами. И, конечно же, он не увидел смерть Левенхардта. Долгую, мучительную смерть города, раздираемого на куски гражданской войной, где на одной стороне маленького мальчика, которому не суждено было повзрослеть, клеймили страшнейшим из предателей, а на другой – превозносили, как величайшего из героев.

Он стоял у штурвала дирижабля, пришвартованного к шпилью Дворца Единения. В белом парадном мундире. В капитанской фуражке, с саблей и пистолетом у пояса. Его рука лежала на рукояти машинного телеграфа, матрос был готов отдать швартовы, но было ещё рано.

Ведь он прибыл сюда лишь ради одного. Снова взглянуть в её искристые глаза цвета молодой листвы. Обвить руками её тонкую талию, вдохнуть запах золотых волос, подхватить и закружить так, чтобы трепетал подол невесомого белоснежного платья. И больше никогда не отпускать.

Необъятно-яркие свежие небеса примут их в свои просторы. Все до одной парящие твердыни распахнут перед ними двери. Ведь они будут вместе. До самого конца.

Кайо сдержит каждое из искренних обещаний. Как и Фэй.
Невесомая крохотная туфелька коснулась дубовой доски.

Наталья КОЛЕСОВА

Моя жена – чужая

Утро всегда начинается одинаково.

Хлопанье дверей, шум воды в ванной, шлёпанье босых ног; невнятные ругательства, сопровождающие неожиданно возникающие на пути утром углы и косяки. Алиса приближается ко мне точно маленький квартирный тайфун. Но я-то уже наготове! После вовремя подsunутых свежесваренного кофе и эклера жена потихоньку выходит из предутреннего сумеречного состояния и принимает человеческий облик. Ну... относительно.

Человеческий.

Даже начинает разговаривать. Пока в телеграфном стиле.

– Спалось? – интересуется она.

– Спалось, – соглашаюсь я, подливая кофе.

– А я?

– И ты. Спала... Иногда.

Информация, выдаваемая в столь малых дозах, усваивается утром ею гораздо легче. И уж явно сейчас не стоит рассказывать, как сны, увиденные моей женой, обладающей безграничной фантазией, отразились и на её ночном облике. Нет, я вовсе не возражаю против прекрасной феи, стыдливо прикрывающейся прозрачными крыльями – нашего захватывающего дух полёта я не забуду никогда. Ну вот сыплющая искрами зеленоватая чешуйчатая особь... эээ..., особа! Конечно, огнетушитель всегда под рукой, то есть под кроватью, аптечка в прикроватной тумбочке, и вообще, главное – успеть вовремя её разбудить... И я успеваю.

Пока.

Алиса всё-таки что-то понимает. Морщится. Ворчит:

– Полнолуние...

– Оно, – охотно соглашаюсь я. Я же говорю, что по утрам благоразумно стараюсь с ней не спорить. И не рискну напомнить, что и другие ночи мало чем отличаются от нынешней. Позже, где-то ближе к вечеру, я расскажу, и мы вместе посмеёмся. А может, ей приглянется образ феи, как понравился мне?

К сожалению, Алиса не любит повторяться. Плагиатить саму себя, как она говорит. Хотя почему – к сожалению? Змея, обвившаяся в полночь вокруг моего торса, конечно, очень символична, эротична и прекрасна – на картинах Вальехо – но в собственной постели производит... неизгладимое впечатление. «Неизгладимое», как дразнит теперь Алиса.

– Алисочка, ты ничего не забыла? – спрашиваю я, когда жена слезает с кухонного диванчика.

– Спасибо! – автоматически отзывается она.

– И это тоже. А ещё... – я показываю вниз. В распахнувшемся халатике видны её белые стройные ножки, ниже лодыжек заканчивающиеся лохматыми звериными лапками с внушительными когтями. Жена смотрит вниз, ставит ногу на пятку и говорит задумчиво:

– Педикюр давно не делала...

И, цокая когтями по паркету, мягкой кошачьей походкой удаляется из кухни. Так как её длинный пятнистый пушистый хвост подёргивается всё-таки нервно, я благоразумно не напоминаю и о нём.

Знаю, что не пройдет и часу (да, такой я оптимист!), как моя жена выпорхнет из спальни, накрашенная, благоухающая, в чём-то упомрачительно обтягивающем. Волшебная, как ночная фея, гибкая, как кошка, ядовитая, как змея, опасная и непостижимая, точно существо из ужастиков. Совершенно непонятная, просто существо из других измерений – космических, мистических?

Любимая.

Моя.

Подойдёт, поцелует.

Прижмётся.

Попрощается до вечера.

Перед тем, как захлопнется дверь, услышу, как соседка напротив скажет ей очередную утреннюю гадость.

Моя Алисочка очень терпеливая.

Но однажды всё-таки откусит ей голову.

И поделом.

Просто игра (Совсем не фантастика)

Наталья КОЛЕСОВА

Познакомимся?

Пора-пора уже. Вон большинство моих подружек давно успели замуж сбежать. Некоторые и не раз, будет о чём в старости вспомнить. Я решила действовать сразу на всех фронтах: на традиционном – объявления в газете, и современном – сайт знакомств. Перечла кучу анкет-объявлений, обсудила с подружками требования к кандидатам, сочинила себе миленькую рекламу...

Артём раскритиковал меня в пух и прах.

– Ну чё ты врешь, Павловна, чё ты всё врешь?

– Что вру-то?

– Где у тебя бюст третьего размера?

Я покосилась вниз и поспешила оправдаться:

– Вчера только купила бюстгальтер такого размера...

– Это размер кита-айский! – безжалостно резюмировал Артём. – А у тебя второй – не больше!

– Я не поняла, почему женщины обязательно должны указывать размер груди! – оскорблённо среагировала я. – Давайте уже и вы указывайте размеры своего пениса!

– А потому, Павловна, что бюст легко проверить сразу. А до пениса у тебя ещё и руки... то есть дело может и не дойти!

И Артём гнусно захихикал. Не знаю, почему я его терплю! С его вечно ехидной мордой, осмеиванием всего, что мне дорого... в том числе и моего бюста... с этим его «Павловна», которое он начал употреблять, когда я стала старостой группы. С тех пор уже десять лет прошло, а воз и ныне там. Артём, правда, уже пару раз успел жениться. И соответственно столько же раз развестись. Теперь вот решил из жалости обучить меня основам мужской психологии.

А по-моему – чтобы просто поиздеваться.

– Ну вот что ты написала, а?

– Чистую правду, – бурчала я.

– Зачем на сайте знакомств написала «для брака»?!

– А для чего я знакомлюсь, по-твоему?

– Нельзя сразу брать быка за рога... (за пенис, вставила я ехидно, но мысленно). Надо тонко, по-женски...

– Когда я написала по твоему совету «для секса», посыпались такие предложения, что аж монитор захотелось с мылом помыть! То им Госпожу подавай, то «золотой дождь»...

Даже не знаю, нужны ли мне в моём возрасте такие избыточные новые знания!

– Ну вот, полюбуйся! – я отодвинула Артёма от компа. – Ещё один придурок! Гляди, что пишет: «У меня длиной 25 см, толщиной 7!!!»

Артём неопределённо двинул бровями.

– Вот тебе и размеры, по заказу! И что ответишь?

– А вот так: «Не мой размерчик, маловат». И – удалить контакт!

– Не, ну не все же тут извращенцы...

– Демидов! Мне не надо по-быстрому перепихнуться! Я, знаешь, и поговорить, пообщаться хочу!

– Всё бы вам разговоры разговаривать... Можно и не по-быстрому, – проворчал Артём. – А что твой полковник?

Полковник — из другой оперы. Газетной.

Вдовец, разыскивающий себе достойную подругу жизни. У достоинств её было столько пунктов, что наш бравый полковник разработал анкету-картотеку: по военному чётко проставлял дату и время встречи и плюсы-минусы по искомым пунктам каждой кандидатки. Ежели количество плюсов превышало минусы, с претенденткой на его боевое сердце и упорядоченный быт полковник встречался в следующий раз. И так – уже третий год. Я оказалась для него сплошным минусом, о чём он не преминул сообщить сразу со всей военной прямоотой. Но так как офицерская честь не позволяет ему кинуть без помощи новобранца на поле брани... то есть, брака, весь вчерашний вечер он посвятил моему натаскиванию.

– Представляешь? – кипятилась я. – Самому уже 45, нет бы осчастливить женщину своего возраста, так он ищет 30–35, причём без детей, причём детей больше заводить не собирается, потому что своих вырастил! Всё картотекой хвалился – в каком она у него порядке, и как великолепно организована! Опыт передавал подрастающему поколению!

– А что ты возмущаешься? Каждый ищет, что ему нравится. Не всем же нужны вдовцы с малыми деточками!

Я вздохнула.

– Не травми душу, а?

Это он ещё про моё неудавшееся свидание. Пришёл на него мужчина лет на пять меня постарше. Может, даже и симпатичный, но уж очень заморенный. Оказался вдовцом с двумя девочками – тринадцати и трёх лет. Я, как могла, мягко, объяснила, что не того я ищу. Мужчина только вздохнул, сказал покорно: «извините», – и ушёл. А я ещё долго смотрела ему вслед и почему-то чувствовала себя очень виноватой.

– Павловна! – с восторгом говорил Артём. – Теперь я знаю, как растопить твоё принципиальное сердце: народить детей и предложить их тебе на воспитание!

– Тебе это не грозит! – огрызнулась я. – Ты их даже делать не успеваешь – так быстро убегаешь в даль светлую!

Артём вздохнул, поднимая хитрые глаза горе.

– Да, женщины разбили всю мою жизнь... Не верю я им больше...

– И поэтому каждый день в «курилке» ты им об этом сообщаем!

– Да ладно тебе! Пошли завтра с пивасиком в спортивный клуб?

Я вздохнула. Предложение заманчивое, но...

– Свидание у меня завтра.

– С кем это? Почему не отчиталась?!

С самого начала Артём взял меня под свой контроль: «Ты ж, Павловна, прохиндея от нормального мужика не отличишь!» Я особо и не сопротивлялась: надо же с кем-то обсуждать события. Задушевная подружка в отъезде, мама... ну мама есть мама – она обеими руками за моё семейное счастье, но в любое время готова мне подробно и обстоятельно объяснить, почему это счастье у меня состояться не может. Такое вот совмещение несовместимого...

– Какой-то Саша, позвонил по объявлению в газете. Предложил встретиться меня после работы. Поговорим, друг на друга посмотрим...

– Удобно летом знакомиться, никуда вести, трагиться, не надо – можно и в парке на скамеечке поговорить. Надо взять на заметку!

Я глянула с подозрением: в голосе Артёма слышалась издёвка.

– Ты ж сам говорил: никаких претензий при первой встрече!

– Я говорил – букетов нечего ждать! Что вас, женщин, вечно на цветах клинит? Ну сама подумай – так и будешь потом с этим венчиком целый вечер болтаться! Или завянет или забудешь где-нибудь...

– Нет, ну из машины-то он должен был элементарно выйти, меня встретить? А не сидеть развлекаться: бибикать и фарами подмигивать? Дискотечная цветомузыка, ей-богу!

– Ну... мог бы и выйти, – уступил Артём – редкое событие. – Жопу размять.

Это мы ещё про одно моё неудавшееся знакомство, если кто не понял...

Впрочем, и Сашок оказался неудачным. Больше всего его расстроило проживание со мной моих родственников – а он-то был готов уже ко мне перебраться. Прямо сейчас. Ибо с женой он разошёлся, с родителями разругался, и жил практически в своём капитальном гараже.

– Сейчас! – сказала ему и я и сделала ручкой.

Дома я обнаружила Артёма, роющего в моём компе. Мама с бабушкой в Демидове просто души не чают, привечают и пускают – а тот, ласковый и наглый кот, принимает от них угощение и внимание. Мне же, мелкой и слабо лающей дворняжке, от этого котяры достаются только шлепки и шипение.

– Ты совсем обнаглел, в моей личке шариться? – вяло возмутилась я, выдирая у него из зубов половину гигантского бутерброда.

– А там какие-то тайны? Ты что, Павловна, на старости лет занялась виртуальным сексом?

- Занялась бы, да и виртуальным-то не с кем!
- Ну как? Мудак? – спросил Артём рифмованно.
- Ага, – вздохнула я. – Ну такой... мелкий. Ленивый.

– А говорила, на сайте нормальных мужиков нет. Глянь, пишет, разговаривает, под одеяльце тебе сразу не предлагает...

Я поглядела. Этот контакт возник пару дней назад и пока, действительно, был вполне приличен. Да ещё и с отличным чувством юмора. Что бы я кому не говорила, какие б качества в мужчине не перечисляла, на одном из главных мест всё равно остаётся умение меня рассмешить.

– Ну да, тьфу-тьфу-тьфу...

– Что, – обречённо спросил Артём, – у тебя и завтра свидание?

Не любят мужчины менять своих привычек! А Демидов привык чуть ли не каждый день отираться у нас в квартире – благо, живёт по соседству. А я тут, видите ли, отвлекаюсь на совершенно посторонних мужиков...

– Да, – я оживилась. – Подвезёшь до Центра? А то я с работы не успеваю...

– Ну давай, может, глянешь на него – и сразу обратно? Тогда успеваем на матч.

Я закатила глаза: у меня тут, понимаешь ли, судьба решается, а этот всё о матчах! Хотя да, не успеваю я следить за счётом в последнее время.

– В плэй-офф-то мы попадаем?..

– ...И что это ты кофту с таким вырезом напялила? – требовательно спросил Артём следующим вечером, когда мы поехали – в его машине на моё свидание.

– А что? В прошлый раз я оделась пристойно – сказал, старая дева. Сам же учил, надо выглядеть сексуально!

Артём скривился:

– Ну не все же сиськи наголо!

Я озадаченно опустила глаза. Вырез как вырез. Просто шуба по сравнению со многими нынешним жарким летом...

– Нет, Демидов, а тебе-то какое дело до моего выреза?

Артём помолчал, поглядывая по сторонам. Сознался неохотно:

– Я от дороги отвлекаюсь.

Я поражённо всплеснула руками, поворачиваясь к нему всем корпусом.

– Ты-ы?!

Всем давно известно, что женщин как женщин Артём начинает воспринимать только с 3-го размера бюста. А ещё лучше с 4-го. «Тебя не интересует, есть ли у девушки мозги, доброта, порядочность!» – бушевала я. «А зачем они ей нужны, – искренне удивлялся Артём, – если у неё сиськи 5-го размера!» Обе прошлых жены, кстати, соответствовали этому его высокому стандарту.

– А чё я, не мужик что ли? – оскорбился Артём. – Это только ты не...

– Приехали, – перебила я его.

– Ну чё... подождать тебя? Может, там с первого взгляда видно, что он мудак?

– Нет. Я намерена воспользоваться своим вырезом на всю катушку, – я демонстративно потянула блузку пониже. – Если уж даже ты соизволил его заметить...

– Ой-ой-ой! Эммануэль на пенсии, блин! Удачи в разврате!

Муд... то есть, мужик пришёл в трико.

Нет, я всё понимаю – отсутствие букетов, наличие картотеки, но трико... Мама меня воспитала странно: она всегда уверяла, что встречаются по одежке. Его мама, видимо, учила совершенно другому.

Здрасьте, очень приятно... Парень огляделся:

– Ну что, куда пойдём?

Я махнула рукой на кофейню через дорогу.

– Может, туда?

– Ну конечно, – сказал он, – ты тут все значные места знаешь!

– ...Мне нравится этот мужик!

– С ума сошёл?! Весь вечер он молчал, приходилось говорить и спрашивать мне одной. Потом расплатились – каждый за себя, мне двух рублей не хватило, а он доплачивает и говорит: «Это тебе за приятный вечер!» Представляешь?

Артём сказал, не оборачиваясь:

– Да я не про твоего кофейного! Вот пишет. Нормально же, да?

Я заглянула через его плечо.

– Ну... да.

– Может, ты пару дней отдохнёшь от своих му... этих? Виртуально поконтачишь?

– Ну давай. Хотя этот наверняка тоже в трико, с диваном и картотекой...

– Вот и общайся. Я тут пару вечеров занят буду, если что – звони.

– Ладно. Что, опять грудастенькая?

Артём помялся на пороге. Сказал затруднённо:

– Ну так, средне...

Я округлила глаза:

– Стареешь, Демидов?! Тебе начинают нравиться и другие женщины?

– Скажем, у них теперь тоже есть шанс!

Два дня по указанию своего личного брачного тренера я общалась с Безымянным. Мужчина мне, действительно, начал нравиться: юмор, мозги, эрудиция... Казалось, мы знаем друг друга тысячу лет – я начинаю, он подхватывает, и наоборот...

И когда Безымянный предложил встретиться, я даже впала в лёгкую панику. Позвонила Артёму:

– Демидов, мы завтра вечером встречаемся!

– Да ну?

– Что мне надеть? Как себя вести?

Его голос был отвлечённым:

– Во всех ты, душенька, нарядах хороша... Не напрягайся. Думаю, он обрадуется, если ты вообще без ничего заявишься...

– Издеваешься? Он сказал, будет на машине... Куда мне предложить ему пойти?

– Да он сам всё предложит! Не паникуй. Я же говорю: нормальный парень!

Не паникуй! Я так не нервничала даже перед первым опытным знакомством!

Когда машина, стоявшая среди других у универсама, пару раз подмигнула мне фарами и из неё вышел мужчина, я разнервничалась до дрожи коленок.

Безымянный стоял перед зажжёнными фарами, и я видела только, что он нервно похлопывает по бедру розой на длинном стебле – точно раздражённый кот – хвостом. Цветку грозило безвременное осыпание, поэтому шаг пришлось ускорить.

– Добрый вечер!

– Добрый.

Я взяла протянутую розу и ткнулась в неё лицом.

– Познакомимся? – предложил мужчина, протягивая руку.

Я вздохнула.

– Познакомимся. Я Настя.

– Очень приятно. А я Артём.

– А мне-то как приятно!

– Ты догадалась?

– Да. Вчера.

– И всё-таки пришла?

– А как же! Ты же сам мне велел ходить на все свидания! А вот зачем ты пришёл?

Артём вздохнул и огляделся. Признался.

– Знаешь, Насть, у меня уже галлюцинации: мне всё время кажется, что у тебя бюст 3-го размера!

– Разберёмся! – уведомила я, побыстрее подхватывая его под локоть. – Разрешите пригласить вас в спортбар? Матч начинается!

В требованиях в моей анкете написано: для брака, для секса, для дружбы. Последнее у нас уже есть. Может, доберёмся и до первых двух?

Валерий КОЛОТВИН

Встреча

Размеренная спокойная жизнь – жизнь без потрясений, без существенных изменений, нарушавших её однообразное течение, – похожа на смерть. Она день за днём, час за часом убивает человеческий мозг, приучая его к бездеятельности, к лени. Потом умирают чувства, притуплённые и истощившиеся. Потом умирает душа. И это уже конец.

Но самое страшное – это то, что смерть души, в отличие от смерти тела, приходит незаметно, она подкрадывается тихонько, на цыпочках, и умирающий сам не замечает, что умирает, и нет никакой возможности его спасти. Да и сам он не хочет никакого спасения. Зачем? Зачем спастись

от любимой семьи, от хорошо оплачиваемой чистой работы, от замечательных сервизов и замечательных гарнитуров, от прекрасного хрусталя и прекрасного удобного, мягкого дивана. Как же можно спастись от тёплого уютного дома, пусть небольшого, но своего, в одном из лучших районов города. И остаётся только опустить руки, отдаться течению, решить, махнув на всё рукой, что кривая вывезет, что всё как-нибудь само собой образуется. А жизнь идёт. Время проходит неумолимо, год за годом, а кривая не вывозит, само собою ничего не образуется и не устраивается, только становится всё хуже и хуже. Это как трясина. Она затягивает всё глубже и глубже. Тухлая грязь подступает к горлу, засасывает, наполняет всё твоё существо, и от неё уже никуда не деться, потому что она уже становится частью твоего существа, она от тебя уже совершенно неотделима.

Гиольмар глубоко затаился в последний раз и, опустив стекло, бросил окурочек в темноту. Маленький светлячок огонька метнулся, прочертив короткий зигзаг, и погас. Освещение в кабине Гиольмар включать не стал, и в ней теперь стоял зеленоватый полумрак – светились циферблаты на приборном щитке. В этом слабом неестественном свете всё в кабине казалось призрачным и нереальным. Гиольмар положил руки на руль и пошевелил пальцами. Это были чужие руки. Он чувствовал их и понимал, что они не могут быть чужими, и в то же время что-то внутри него отказывалось верить в то, что эти бесплотные, словно освещённые изнутри, полупрозрачные пальцы имеют к нему какое-то отношение. Он заворочался на сиденье, чтобы отогнать странное ощущение, и зачем-то включил фары. Из темноты выплыли стволы ближайших деревьев, кусочек поляны, полуголые ветви кустов. Всё остальное терялось, словно в тумане, за колышущимися занавесками мелкого частого дождя. Гиольмар откинулся на сиденье и снова задумался.

Но допустим, что ты нашёл в себе силы вырваться из цепких лап размеренности и однообразия, допустим, что ты нашёл в себе мужество избавиться от спокойствия и довольства, что в этом случае ты получаешь взамен. Смятение. Бесконечные поиски истины, которой, возможно, не существует. Непонимание и неприятие окружающих. Их равнодушие, их ненависть, их обидную жалость. Но самое главное – это никогда не прекращающаяся глухая тоска по неизвестно чему, вечная неудовлетворённость и не знающие покоя мысли.

Гиольмару вдруг снова отчаянно захотелось курить. Он потянулся было за сигаретой, но, вспомнив, что курил совсем недавно, понял, что просто нервничает, и сейчас же посмотрел на часы. Времени ещё оставалось много, даже слишком много. Предстояло ещё целых два часа томительного ожидания. Курить захотелось сильнее.

Надо выйти и пройтись, подумал он, подышать свежим воздухом. Хватит вариться в собственном соку.

Он приоткрыл дверцу и стал выбираться из машины. Брюки сейчас же стали влажными в мокрой траве, дождь закапал на плечи. Гиольмар распустил галстук и, скомкав, сунул его в карман, потом расстегнул верхнюю пуговицу

и глубоко вздохнул. За шиворот с воротника стекла вода, холодная струйка ужом поползла между лопатками. Но во всём этом: в этой влажности, в этих холодных каплях, в этом холодном воздухе – была какая-то свежесть, которой он давно уже не испытывал. Ему вдруг стало хорошо и легко.

– Всё будет хорошо, всё будет хорошо... – несколько раз повторил он про себя, вслушиваясь в свои ощущения и с тревогой ища остатки тоски и безнадёжности, – всё будет хорошо.

Он медленно пошёл в темноте, протянув перед собой руку, чтобы не наткнуться на дерево, и всё же наткнулся на толстый, мокрый, шершавый ствол. Наткнулся боком, больно ободрав щёку, но только засмеялся и двинулся дальше, на ощупь находя дорогу. Ему вдруг захотелось увидеть звёзды, и он высоко запрокинул голову, подставив лицо дождю, но звёзд, конечно, не было, да и быть не могло. Жаль, подумал он, и сам усмехнулся своему ребячеству. А хорошо бы всё-таки, если бы не было дождя и туч, а были бы звёзды и была бы не эта промозглая сырость, а была бы тёплая летняя ночь. Мы остановились бы где-нибудь на обочине и отошли от дороги. Она стала бы показывать мне звёзды и созвездия и называть их по именам и ласкать их имена губами, а я бы смотрел на неё, на её глаза и губы и на её руки и думал бы только о ней, не потому, что я не люблю звёзды, а потому, что самая яркая и красивая звезда – это она, и не надо других звёзд. Он представил себе вокзал...

...Вокзал. Большие наполненные людьми залы. Все чего-то ждут, куда-то торопятся. Кто-то спит в кресле, положив голову на ещё не просохший рюкзак. Кто-то куда-то уезжает. Кто-то кого-то провожает. Гул, шарканье ног, усталый голос репродуктора. Сонная продавщица за полупустым газетным киоском.

Потом – нависший над влажно блестящими рельсами мост. Тревожный шум поездов. Первая платформа, восьмой путь. Ожидание, ожидание, ожидание. Нет от него никакого спасения. Лица, лица, тучи, силуэты. Всё мелькает, всё сливается, смешивается, и вот уже летит тебе навстречу многоцветный многозвучный поток, поток-вихрь. Навстречу сверху, навстречу снизу, навстречу сзади, со всех сторон. Тебе страшно тесно в этом нескончаемом потоке людей, лиц, туч, неопознанных предметов, теней. Душно, тревожно. Сердце стучит и внутри тебя, и одновременно где-то вокруг; и поток пульсирует вместе с ним в одном стремительном будоражащем ритме. И всё, что ты видишь и слышишь, независимо от рвущегося куда-то в тебе и вне тебя потока вдруг начинает корчиться и извиваться в том же бешеном ненормальном ритме, ритме твоего сердца. И начинается первобытный, дикий, древний, как жизнь, танец смерти и надежды. Танец веры и страха. На краю обрыва, на пылающих углях, на острие меча. И вдруг в какофонию брызжущих шумов врывается гудок. Ещё далёкий и чуть слышный. Но уже ясно, что это за гудок, и всё остальное, всё, кроме этого далёкого гудка, отступило куда-то прочь. Остался только он и приближающийся поезд. Твой поезд и её поезд.

Вот он уже останавливается, замедляет свой ход. Вот он уже остановился. И снова забилось сердце, и несколько раз взметнулся поток. Идут люди, их много. Разные люди: красивые и некрасивые, злые и добрые, усталые и бодрые. Шагают, бредут, семянят торопливо. Не те люди. И наконец маленькая, незаметная, одинокая в толпе фигурка, единственная. Она. Она. В этом нет сомнения.

Гиольмар медленно пошёл ей навстречу, ещё боясь поверить, но уже не сомневаясь, что да, это она, пошёл, не смея поднять глаз и удостовериться в этом. А когда всё же усилием воли подавил в себе страх и взглянул перед собой, то увидел, как она, улыбаясь, идёт навстречу ему, и ощутил, какая она вся тёплая и живая, настолько живая, что слышно, как течёт кровь в тонких голубых жилках её рук.

С каждым шагом всё ближе и ближе. Всё теплее. Нежнее.

– Здравствуй, – сказал он тихо, протягивая к ней обе руки.

– Здравствуй, – сказала она и протянула свою маленькую мягкую ладошку.

На мгновение ему показалось, что её пальцы дотронулись до его обнажённого сердца. Но он сделал над собою усилие и сказал, загораживаясь словами от чего-то ослепительного, огромного:

– Давай чемодан. Ты, наверное, устала?

– Нет, что ты, – ответила она, безропотно отдавая чемодан. – Нисколько. Я даже хорошо выспалась. – Она улыбнулась.

Некоторое время они шли молча. Гиольмару вдруг стало казаться, что если он скажет хоть слово, то всё исчезнет, растворится, как волшебный дворец из сказки, как заколдованный замок. Что любой звук разрушит это прекрасное мгновение, и он останется один на пустой и глухой привокальной площади.

– Что же ты молчишь? Рассказывай, как ты здесь?

– Ну, что рассказывать? – через силу сказал он. – Всё как всегда. В общем, хорошо.

Они снова замолчали оба и молчали, пока не дошли до машины, и Гиольмар, отворив дверцу, не спросил:

– Куда тебя везти?

– Домой, конечно. Мама будет беспокоиться, если я не приеду сейчас, я писала ей.

– Хорошо, – сказал он, усаживаясь за рулём.

Они и ехали также молча, как шли. Он лишь изредка оглядывался на неё и тогда чувствовал, как что-то тает внутри него, и сразу отворачивался, боясь, что закружится голова. Она смотрела в окно, продолжая чему-то улыбаться.

Попрощались они у подъезда как-то до обидного быстро, неловко. Так ничего и не сказав друг другу. Даже ни о чём не спросив. Только сейчас Гиольмар понял, как много он ждал от этой встречи и как всё неудачно и нескладно получилось. Как всегда, подумал он, и побрёл к машине, ощущая внутри неприятную пустоту.

Просто игра...

Как бы перехватить сотню с бабушкиной пенсии Машке на осенние сапоги. А если выгрести бутылки из-под пива с кладовки, отскрести, отмыть, отыскать, где их принимают за деньги, а не на обмен товара, может хватить на обеды в школе... И ещё...

Эти сложные расчёты прервал резкий голос прямо над её головой:

– Светлана Владимировна!

Вздрыгнув, она вскинула глаза, заполошно схватилась за раскрытую папку.

– Да?

– Отчёт отослали?

– Ещё нет...

– Когда будет готов?

– Ну-у...

– Вы знаете, что он должен быть отослан ещё вчера?

– Да, но...

– Вот и прекращайте витать в облаках и займитесь, наконец, своими обязанностями! Понимаю, что вы женщина одинокая, но на работе нужно думать о работе!

Добрый вечер, мрачно подумала она, глядя в спину уходящего начальства. Да что ж я всё время язык-то проглатываю? Данные дали всего полчаса назад, а на одну только обработку уйдет целый день... И какова стерва – как это ввернула насчет одинокости! П-проститутка старая! То ли настроение ей кто испортил, то ли снова сокращение намечается... Коллеги поглядывали кто с сочувствием, кто с усмешкой, но комментировать не пытались – Марковна стояла в дверях, с кем-то переговариваясь в коридоре. Ну ладно, выкинуть всё из головы, дожду сегодня как-нибудь, возьму домой наконец...

Она повернулась к компьютеру и поморщилась: опять Машка письма сбрасывает, лучше бы уроки до её прихода сделала! Нетерпеливо щёлкнула «вводом» – конверт раскрылся, описав плавную дугу, и в глаза бросилось напечатанное чёрным жирным шрифтом: «Кошка!»

Светлана Владимировна откинулась на спинку кресла, задумчиво разглядывая расплывающуюся, как клякса, слово. Отчёт мгновенно перестал для неё существовать – вместе со всем остальным миром. Из кляксы вновь появилось: «Кошка!», наплывая, заполняя весь экран, нетерпеливо, чуть ли не угрожающе.

«Yes».

«Игра 13-го. Игровое время: 1-2 суток. Полигон: комбинат. Тема: "Зона" АБС. Рекомендуемая литература: А. и Б. Стругацкие, Пикник на обочине. Оргвзнос: 100. Отказ: не принимается. Мик.»

Светлана сняла очки и устремила усталые, неопределённого цвета глаза на тёплое августовское небо. Трезвый Мик лаконичен до неприличия. Первое послание за несколько месяцев и ни здравствуйте тебе, ни до свидания, рассеянно раздумывала она, уже машинально прикидывая, какой 13-го будет день недели, можно ли забросить Машку бабушке на двое суток и...

И остановилась. Стоп, стоп, стоп. Ты уже в прошлый раз решила – всё, пора завязывать. Бабе под сраку лет, ребёнок на шее, лучше бы подработку нашла. А её – только пальцем помани – готова сорваться и нестись сломя голову на дурацкие игры, от которых нормальный человек только пальцем у виска покрутит – и плевать на дочкины сапоги, последние деньги спустит, чтобы провести пару-тройку дней в компании таких же идиотов...

Она говорила это себе и понимала – бесполезно, в воздух, в пустоту, потому что тело, уставшее, отупевшее от сидячих дней, месяцев, подбиралось, становилось настороженно-звериным, уже пальцы мягко постукивали по столу, вспоминая беззвучную азбуку; а сощуренные, словно ставшие зорче глаза следили, как на экране разворачивается следующее послание – кто-то упал на хвост мастеру, хакеры несчастные! – на этот раз без подписи: «Кошка! В этот раз я тебя уроку!»

Светлана Владимировна улыбнулась. Потянулась к клавиатуре медленно, со вкусом, с расстановкой, громко клацая клавишами, напечатала ответ из трёх вполне приличных букв, образующих ну очень неприличное слово...

Еле-еле уложив вяло сопротивляющуюся Машку – дочь зевала во весь рот и ныла только исключительно из природной вредности, – она долго и тщательно мыла посуду, упорно стараясь не смотреть в сторону компьютера и всё же то и дело кидая на мирно светящийся монитор быстрые «незначайные» взгляды. Какого рожна тебе ещё надо? Что тебе, персоналки мастера мало? Решительно повернувшись к экрану спиной, она поставила табуретку и достала с антресолей старую спортивную сумку. Села тут же на пол, неторопливо доставая прикиды. Кольчуга из ковровых колец в полный рост... ведь таскала же на себе такую тяжесть, уму непостижимо... первый деревянный меч... Есть же коллекционеры, которые с руками отрывают реликвии первых Хоббитских Игрищ – музей, слышно, организуют да книги пишут – продать, что ли? А если сюда прибавить плату за тренажёры, посещение через знакомых ментов стрелкового тира... Надо завтра пристрелять пневматику, да и побегать по вечерам бы не мешало – совсем закисла. Где-то тут была схема комбината с прошлогодней игры... Пожалуй, надо смотреть туда, припомнить, что там к чему... Ага, вот она! Не сводя глаз со схемы, она машинально натягивала кошачий прикид – пятнистые штаны, чёрную водолазку, камуфляжную куртку со множеством карманов, высокие ботинки, ремни, перчатки... Поднявшись, вышла в коридор, к большому зеркалу, на ходу надевая маску.

На неё смотрела Кошка. Гибкая, чёрная, сильная. Повернулась медленно, поблескивая зелёными в прорезях маски глазами, внимательно оглядывая

себя: слава Богу, не расплылась, никаких лишних складок и чёрт с ней, с зарядкой... Она присела, пружиня, на шпагат, сделала несколько разных гере – нигде не жало, не тянуло, не мешало, не давило... Сзади пискнул компьютер, у Светланы ёкнуло сердце. Махом оглянувшись, уставилась на экран. Подошла, как загипнотизированная. Коротко вздохнув, нажала «ввод». Может, это опять Мик... или... На экране таяла улыбка.

«Кошка, здравствуй. Набираю команду. Идёшь?»

Она оперлась о стол рукой с зажатой в ней маской и отпечатала – с жутковато-сладким чувством, похожим на то, с которым бросаешься в ледяную воду.

– Иду.

С Улыбкой они играли второй год – до того в миковских «игрушках» Кошка переходила из команды в команду, а то и вовсе была вольным стрелком, одиночным ролевиком – по своему желанию или хотению Мика-мастера, любящего перетасовывать людей и смотреть, что из этого получится. Собственно, этого парня Кошка и не помнила – каждый игровой сезон приходила куча новичков и большинство из них ничем особенным не выделялось... После окончания «Бури в пустыне», как пышно обозвал свою игру Мик – обыкновенную «войнушку» с террористами, арабами, ЦРУшниками, КГБшниками, заложниками, похищенным атомным оружием и прочими прелестями – Кошка забрела в Перекрёсток. Вообще-то она редко это делала: послеигровое обсуждение зачастую превращалось в натуральные разборки вплоть до мордобитья... Но в этот раз Игра получилась на диво и разбегаться просто так не хотелось. А посему народ засел в ролевушном кабаке-клубе, делясь впечатлениями и претензиями. Как водится, последних было больше, и когда Кошка с ЦРУшниками явилась в Перекрёсток, там уже стоял вселенский ор – враждующие стороны обвиняли друг друга в несоблюдении правил и недосчёте «хитов» – игровых жизней – и все дружно нападали на «мастеров-козлов». Мик, не потерявший энергии и сил за несколько месяцев подготовки к Игре, успешно отбрехивался, подмастерья обижались и орали «сам дурак!», кто-то спал, кто пил, кто-то обменивался адресами – словом, всё было, как обычно.

ЦРУшники подались резко вправо – к спасённым заложницам, – и, сравнив их хорошенькие рожицы со своей грязной кошачьей мордой, Кошка пошла к своему столу у стойки – оттуда был виден весь Перекрёсток. Вправду сказать, мнение о ЦРУ у неё сложилось препоганое – команда была сборной, с бору по сосенке, склочной, без конца боровшейся за лидерство; удивительно, как они не перебили друг друга ещё до встречи с террористами – и Кошка была рада от них отдохнуть. Хотя она не относилась к «загруженным» игрокам, которые полностью включались в Игру и которых после её окончания приходилось чуть ли не под локотки водить в туалет и обеспечивать им прочие жизненные надобности, в этот раз Кошка выложились здорово и единственное, что ей сейчас было нужно – еда, пиво и молчание.

Вообще-то стол был мастерский, но Мик сейчас был занят перетягиванием с игроками, да и питал к Кошке некоторую слабость, а посему она, бесцеремонно сдвинув посуду, кинула на сиденье куртку и сумку и пошла к стойке. Барменша Катя – Кэтти – была женоненавистницей. А так же ненавистницей домашних животных. Увидев, что неприятный ей экземпляр, единый в двух лицах, приближается к её драгоценной особе, Кэтти немедленно повернулась к залу обширным задом. Кошка оперлась об исписанную автографами стойку, разглядывая этот зад и раздумывая лениво, что будет, если пухнуть в него: может, похудеет? Двое парней, разговаривающих неподалеку, мельком взглянули на Кошку, один – светловолосый – кивнул, здороваясь. С запозданием Кошка кивнула тоже: явно не из игроков-ветеранов, а с новыми она была плохо знакома. Парень позвал:

– Эй, Кэтти, хозяйюшка!

Та мгновенно развернулась.

– Нам повторить, а девушке... что тебе?

– Пиццу и пиво.

– Пиццу и пиво, – повторил парень.

Кэтрин стрельнула карим глазом.

– Домашним животным вход воспрещён, – она налила парням по полстакана и катнула по стойке еле успевшей поймать заказ Кошке. Закончила мрачно:

– Штраф – столик.

– Мик заплатит, – уведомила Кошка, убираясь на своё место.

Уплетая пиццу, разглядывала Перекрёсток. Известный клуб ролевиков никогда не пустовал: здесь собирались на «загруз» перед Игрой, на обсуждение – после и на тусовки – вместо. После прогремевшего на полстраны миковского «Маскарада» у игроков, в нём участвовавших, стало хорошим тоном приходиться сюда в масках, потом эта мода перекинулась и на молодёжь, и на остальные миковские игры. Хотя за окнами был день, здесь всегда царил задымлённый полумрак и несмотря на то, что в Перекрёстке постоянно хлопали двери, воздух сюда почти не проникал и пахло здесь книгами, дымом, кожей, металлом... Светлане Горецкой стало бы дурно, а Кошка тащилась от этих запахов, как натуральная кошка – от валерьянки. Здесь пахло Игрой...

– Можно?

Кошка подняла глаза – давешний парень. Кивнула с некоторой настороженностью: судя по прикиду, он был одним из террористов, которых и замочили ЦРУшники. Пришёл права качать? Парень сел, поставив перед собой бутылку «Балтики», закинул руку за спинку и стал смотреть на Кошку. Кошка стала давиться, а устав это делать, сказала невежливо:

– Ну?

– Классно играешь, Кошка.

Кошка хлопнула пару раз глазами и, согласно кивнув, облизала пальцы.

– Меня зовут Улыбка, – сказал парень, зорко высматривая встречную улыбку.

Кошка пожала плечами.

– Бывает...

– Я капитан террористов.

Она взглянула с интересом: что-то такое Мик говорил об их командире... Хвалил. Парень как парень – рост средний, телосложение среднее, подбородок крепкий, глаза в прорезях маски кажутся тёмными, волосы густые, светлые... Парень, поглядывая по сторонам, хлебнул пивка.

– Удачная игрушка, да?

– На диво, – хмыкнула Кошка.

– Ты, говорят, на всех миковских играх была?

– Не считала.

Кошке хотелось спать, хотелось молчать, и она вовсе не собиралась быть любезной – если Улыбка пришёл потрепаться, пусть ходит мимо... Но Улыбка и сам не казался очень разговорчивым, и Кошка настолько свыклась с его молчанием, что даже не поняли смысла услышанного:

– Что?

– Пойдёшь к нам в команду? – Улыбка отставил бутылку и подался к ней через стол. – Костяк более-менее один: я, Шустрик, Арнольд, Хан, Рагнар... Сыгрались. Пойдёшь к нам?

Кошка машинально взяла его бутылку, хлебнула. Улыбка внимательно следил за ней сквозь прорези маски.

– С чего это вдруг?

– Я же говорю – играешь здорово. Понравилась.

– Кому?

– Нам, – терпеливо сказал Улыбка. – Давай в следующий раз... что там у Мика? «Мауи»?.. к нам. Может, сыграемся.

Кошка двинула бровями, автоматом допивая его пиво: звали её не в первый раз, но редко в сложившуюся команду – характер у неё был не сахар и язык не мёд. Уж слишком Кошка любила гулять сама по себе. Но и отказывать особой причины не было: всем известно, что новички – народ «энтузиазивный», ответственный и играет честно. А уж какой Улыбка капитан – посмотрится.

– Ну ладно. Интернетовский адрес у Мика. – Кошка встала. Машка, наверное, уже заждалась. – Пока.

Улыбка – господи ты боже мой, джентльмен! – поднялся тоже.

– Тебе в город? Хочешь, подбросим?

– Сама доберусь.

Она пошла к выходу.

– Кошка!

Оглянулась.

– Сыграемся! – сообщил ей Улыбка, подымая бутылку, словно тост.

Кошка махнула рукой.

– Увидим...
Сыгрались.

Она уже в который раз вытряхнула сумку, раздумывая, что оставить. Удивительно, как много требуется вещей, хотя собираешься всего-то на два-три дня... Слава Богу, не в лес, как вспомнишь эти рюкзаки да чехлы с мечами... Будут местные и несколько команд из ближайших городов. На регионалку не тянет, да Мик, похоже, и не шибко стремится – последняя игра на полигоне в этом году, разве что кто из мастеров пожелает сделать «павильонку»... Ломая голову над неразрешимой задачей – брать резиновые сапоги или нет – Светлана рявкнула в трубку не вовремя зазвонившего телефона:

– Да! О, Серёж, привет...

– Слушай, – бодро сказал ей нынешний... как это у Хмелевской... хахаль? – Я завтра спихну своих на дачу. День куда-нибудь Машку, я к тебе приеду. Что брать? Шампанское, вино? Слушай, приготовь мясо по-французски, оно у тебя обалденно выходит...

Она слушала и всё больше ощущала себя преступницей.

– Ой, Серёж, я завтра не могу... и в воскресенье. Меня не будет в городе. Понимаешь, очень важная встреча...

– Так отмени! – нетерпеливо сказал он. – Я же отменил. Ну, Свет, в кои-то веки подвернулась такая возможность, а ты... Светик, я соскучился, очень соскучился. Давай, отменяй всё, хорошо? Свет, ну что за дела, я с таким трудом всё устроил...

Ну да, думала она, слушая его терпеливо-раздражённый голос. Наконец-то выделили мне время между своей семьёй и субботним футболом, а я, сволочь неблагодарная, не виляю хвостиком и не визжу от радости...

– Нет, Серёж. Извини. Я не могу. Правда, не могу.

Пауза.

– Да? Ну ладно. Я всегда готов для тебя на уступки, а ты мне навстречу идти не хочешь. Ну что ж... счастливо отдохнуть. Пока.

– Пока, – сказала она в загудевшую трубку.

Похоже, личная жизнь опять насмарку... А, да провались эти проклятые сапоги, не сахарная, не растаю!

Стол у стойки был занят – обернулись все разом, словно их окликнули или они оборачивались на каждый хлопок двери? Чувствуя, как на её лице расцветает неудержимая улыбка. Кошка, кивая по сторонам, дошла до своей команды. Шустрик ухватил её за ремень, притянул, приподнялся, смачно чмокнул. Кошка демонстративно вытерла рот. Обошла Арнольда, вяло пошевелившего в знак приветствия пальчиками. Тот, слегка повернувшись, сказал гнусаво:

– Мальчик, уступи леди место...

Сидевший на её месте парень легко выпрыгнул со скамьи, сказав на ходу:

– Привет, Кошка!

Кошка, мотнув головой, села. Продолжая разговаривать с соседним столом. Улыбка стягивал перчатку. Протянул руку, крепко пожав кошкину ладонь.

– Арнольд, детка...

Арнольд медленно встал и с отсутствующим видом приволок от стойки пиццу. Не спрашивая, налил Кошке полстакана, плеснул понемногу в остальные. Кошка огляделась.

– А где Хан?

– Не будет, – доложил Шустрик. – У него дочка родилась. Рыжая!

Кошка невольно заинтересовалась. Хан был черноволосым азиатистым парнем.

– Да ну? В кого?

– В соседа! Так что он пока из дому ни ногой! Носится с бутылочками, сосками, пелёнками... Папаша!

– Семья как гибель толкинизма! – мрачно резюмировал Арнольд боднув своим стаканом стакан Кошки. – Поехали – за новорожденную Аньку Игоревну!

Парни общались и по жизни, но Кошка, хоть и испытывала лёгкую зависть и ностальгию по тусовочности первых игровых лет, поддерживать отношения не стремилась – отчасти из желания как-то упорядочить свою жизнь (как же, ведь Роман не одобряет!), отчасти из-за некоторого возрастного комплекса: игроки, как правило, были много моложе... Правда, иногда болтала с ними по сети – особенно часто с неутомным Шустриком.

– Сунули нам замену, – сообщил Арнольд, вкусно закусывая. – Новичка. Улыбка в жребий вытянул, пальцы бы ему пообрубать до самых колен... У Мика новые заморочки – сопляка в нагрузку.

Сам Арнольд играл второй год и на том основании считал себя ветераном. Здоровенный парень с белыми коровьими ресницами и почти бесцветными глазами. Кошка боялась, что так и не привыкнет к его гнусавому тонкому голосу. Привыкла.

– И как нарузка?

– А вон она... – с отвращением сказал Арнольд. Шустрик пропел, глядя через плечо:

– Мы не хиппи, мы не панки...

– Хай! – весело сказал парень, бросая у стола задрипанный рюкзак.

– И тебе хай, – вежливо согласился Шустрик. – Вот это наше подрастающее поколение, Кошка.

Кошка прикусила щеку. Цветастые джинсы, бесчисленные – по локоть «фенечки», серьги в ушах, бандана поверх длинных нечёсанных волос... Вот приведёт однажды дочь такое сокровище, подумала Светлана. Отпад, подумала Кошка.

– О! – сказал парень радостно. – Кошка! Ты, говорят, в спецназе служишь?

Арнольд подавился очередной котлетой и часто заперхал. Кошка гулко хлопнула его по чугунной спине.

– И что?

– Круто! – парень увалился рядом с Шустриком, не сводя с неё расширенных глаз. – Это ты в прошлый раз Дэна урыла?

– Это какого? – заинтересовался Шустрик. – Их же на Игре, как собак нерезаных!

– Попробуй всех урой, – поддержал Арнольд.

– Ну этого, как его... с Н-ска...

– А, этого! – пренебрежительно махнул рукой Шустрик. – Да наша Кошка его одной левой!

– Одним плевком! – поддакнул Арнольд.

Кошка посмотрела на Улыбку. Капитан сидел, прислонившись спиной к стене, поглядывая то на зал, то на свою команду. И молчал.

Кошка протянула руку, и Улыбка привычно полез за сигаретами. Новичок его опередил – сунул в ладонь Кошки помятую пачку.

– Угощайся!

Она понюхала сигарету и посмотрела на Улыбку. Тот взял пачку и сунул в карман своей куртки.

– У-уй! – сказал парень, тараща глаза.

– Торчать будешь после Игры! – спокойно сообщил Улыбка. – Играешь натрезвяк.

– Нет, ты чё, мент, или кто? У вас что тут? Детский сад, что ли?

– Ясельки, – ласково сказал Шустрик, пока Улыбка с отсутствующим видом застёгивал клапан кармана. – Будешь хамить капитану, до Зоны не дойдёшь. Имя у тебя есть?

– Антон, – пробурчал парень. – Энтони.

– Какой ты, на хрен, Энтони, Лох ты! – информировал Шустрик. – И Лохом останешься до конца Игры. Понял?

Кошка наконец прикурила сигарету от улыбкинской зажигалки. Затягиваясь, пригляделась – капитан, слегка засмуцавшись, потёр левое ухо. Блеснули две серьги – гвоздик и колечко.

– Ну и ну, – только и вымолвила Кошка.

– А у нас теперь униформа такая, – сообщил Арнольд. – Я вот решил кольцо в нос вставить.

– Ты и так гундосишь.

– Я не гундосю! – с достоинством возразил Арнольд. – У меня французский прононс!

– Прононс у него...

– И вместо кошачьего отряда нас будут называть голубым отрядом, – заметил Шустрик.

– Отряд голубых, – мечтательно сказал Арнольд.

– Армия любовников, – в тон ему произнёс Улыбка.

– Вы как хотите, а я не пидор! – обиделся, а то и встревожился Лох. Шустрик начал оглядывать его с преувеличенным интересом.

– Да? Будет время проверить...

Лох отскочил от него, как ошпаренный.

– Бутылку возьми! – крикнул ему вслед Шустрик. – Обмоем твоё вступление в армию любовников!

И тут же сунулся к Улыбке.

– Дай затянуться!

– Слыхал – после Игры, – сказал Улыбка.

– Да дай, не жопься, я быстро!

– Вонять будет, – сказала Кошка.

– Непедагогично, – заметил Арнольд.

– Да ни хрена он не учует! Видали у него зрачки? Ну, быстро!

Улыбка достал сигарету, прикурил, медленно затянулся и отдал Шустрику. Тот сделал несколько глубоких быстрых затяжек и сунул Арнольду. Арнольд поднял широкую ладонь.

– Пропускаю.

– Кошка?

Она с сомнением повертела сигарету. Анашу она не курила. Да и вообще не курила – по жизни. Затянулась. Передала Улыбке. Он отдал Шустрику. Воровато оглядываясь, тот быстренько докурил и помахал в воздухе рукой, символически разгоняя приторно-сладкий дымок.

– П-педагоги, – проворчал Арнольд.

– Ш-ш-ш, – шикнул Шустрик, – мастер говорить будет!

К стойке и вправду выбрал Мик. Был он, как обычно, огромен, грузен и бородат. Привалившись спиной к стойке, Мик с минуту смотрел в зал. Уяснив, что большинство не соизволило обратить на него внимание, он поднял лапу и гаркнул:

– Нарр-род!

Игроки не сразу, но поутихли, в зале послышалось дружное движение: кто поворачивался, кто вставал, кто проходил ближе...

– Рад вас всех видеть!

– У-у-у!

– Хай-хай!

– И мы, Мик!

– На Игру заявилось порядка восьмидесяти человек. Играем, как вы знаете... надеюсь, что знаете... по «Пикнику...» Стругацких. Полигон площадью десять на пятнадцать, игровое время – сутки-двое. Общая игровая задача – обнаружение Золотого Шара. Большинство сталкеров – новички. Лишь у ветеранов есть карты Зоны, но далеко не полные. Команды, заботьтесь о проводнике или будете безвылазно сидеть в Стране мёртвых. Пребывание в ней, кстати, шесть часов.

– У-у-у, Мик!

– Жестоко, мастер!

– Ничего-ничего, учитесь ценить жизнь – свою и чужую. Напоминаю, что можно вынести из Зоны помимо Шара: чёрные брызги, зуду, пустышку, ведьмин студень, смерть-лампу... образцы на стойке. Дорога проверяется

гаечками, число которых ограничено. Новичкам рекомендую поучиться в школе Стервятника... то бишь меня... за умеренную плату, разумеется. Господа сталкеры, за вами будут охотиться полицейские, если поймают – срок отсидки четыре часа. Не забывайте и про ловушки – жгучий пух, комариная плешь, мясорубка... Если кто угодил в ведьмин студень – не обессудьте – за полчаса не доберётесь до врача – милости просим в мертвятник. Время в Зоне тоже ограничено – не надейтесь зависнуть там на весь световой день, через четыре часа загнётесь. Ученые Института – ваш командный мастер Синди, прошу любить и жаловать. И ещё раз о Правилах – Правила надо знать.

– Вот это что-то новенькое! – заметил Улыбка. – Покажите мне хоть одного игрока, который бы до конца изучил Правила...

– Или мастера! – поддержала Кошка.

– А вообще – как сыграете, такую и получите Игру! И запомните: на этой Игре мастера – не козлы!

Бросив этот последний лозунг во взревший народ, Мик повернулся к своему столу. Втиснулся между Кошкой и Арнольдом, подвигался, умащивая мощные телеса, похлопал приветственно соседку по загривку и сказал с удовольствием:

– Привет отряду кошачьих!

– Класс млекопитающих, подкласс хищников... – пробормотал выжатый Арнольд, пытаясь втиснуть назад свою задницу. – Мик, тебя так много, а ты ведь ещё и не пил...

Кончилось всё тем, что ворчащий Арнольд притащил стул и уселся в торце стола. Образовался тёплый круг, в котором немедленно появились новая бутылка, раскрытые банки консервов и даже притащенная неведомо кем трёхлитровая банка огурцов.

– За мастера, за мастера, – приговаривал Шустрик, разливая. – За нашего великого – во всех отношениях – мастера!

Зазвенели дружно сдвинутые стаканы. Шустрик выдрал водку из поднятой руки Лоха.

– Пионерская норма!

– Они теперь не пионеры! – заметил шумно хрустевший огурцом Мик.

– Они теперь эти... как их... скауты! Ты скаут, ребёнок?

– Я трезвенник! – мрачно сказал Лох, наблюдая, как исчезает одержимое его стакана в шустриковской глотке.

– Эт-то правильно! – одобрил Мик. – На Игре надо быть трезвым и злым.

– Тогда ты, Мик, – рассудительно сказал Арнольд, – много не пей. А то будешь с похмелюги трахать нас всяческими способами.

– Я – с достоинством объявил Мик, – ориентации не менял. Вот с Кошкой я бы с великим удовольствием!

Кошка ещё скучающе вела глазом, а сидевший напротив Шустрик, откинувшись назад, описал ногой в старой кроссовке дугу в миллиметре от миковской физиономии. Поднялся ветер.

– Базар фильтруй, Мик, – сказал вполне миролюбиво, – а то как бы тебе бороду не обрили!

– Кстати, – сказал рослый парень, остановившийся у стола с бутылочкой пива, – а как у нас отыгрывается изнасилование?

Кошка откинула голову, окидывая его взглядом: волевая челюсть, крепкий лоб...

– Мик, а как у нас отыгрывается отрезание яиц?

Первым ухнул Мик. Потом заржал весь стол. Парень – делать нечего – усмехнулся тоже, постоял ещё, выжидая приличествующую паузу, и отошёл.

Игра, как обычно, началась до Игры. Уже заключались пакты о ненападении, скупщики сулили большие барыши, уже дипломат и интриган Шустрик уходил и говорил с известными и неизвестными людьми; возвращался очень довольный, вклинивался в беседу, выпивал и снова исчезал. Мик только отмахивался от игроков, пытающихся что-то уточнить у него по Правилам:

– К командным мастерам, дети мои, к мастерам!

В голове было пусто, звонко и гулко. Кошка вертела стакан и размышляла, почему такие дозы не валят её с ног. Обычно ей хватало одной рюмки.

– А помнишь, – говорил Мик, приобняв её за плечи, – первые Хоббитские? Ельфы...

– Пильфы, – отсутствующе вставил Улыбка.

– ...орки, Фродо, – зажмурившись, мечтательно продолжал Мик. – Колечко... песня! Эх, где наши годы молодые!

Кошка на самых первых ХИ не была, но коль пришла мастеру охота поностальгировать, слушала с удовольствием.

– То-то я смотрю, ты точно такие игры и делаешь! – язвительно заметил Арнольд, у которого алкоголь наконец добрался до головы и начал портиться характер. – Гибрид «Зарницы» с п-пейнтболом!

– А что? Игры всякие нужны, игры всякие важны... Пусть человек лучше здесь оторвётся, чем на твоей башке в подворотне!

– Психотерапевт ты наш! Бла-адетель! – пропел вернувшийся Шустрик.

– Понимаешь, – говорил Улыбка, потирая покрасневшее ухо, – у меня такая работа... в общем, я всегда должен быть в форме.

Кошка кивнула.

– Метрдотель?

Улыбка хмыкнул.

– Ну, где-то рядом... – ей пришлось податься через стол, потому что над левым ухом продолжали дискутировать два гиганта.

– А мне это уже – вот где! Особенно после Игры – так, знаешь, хочется что-то изменить...

Кошка знала. Два года назад после Игры она наконец подала на развод с Романом и, как ни странно, до сих пор об этом почти не жалела.

– Ну вот и... – Улыбка вновь потёр ухо. Кошка отвела его пальцы.

– Спиртом протирай.

– Водкой можно?

– Хоть пивом

Пьяная идиотка, подумала Кошка, обнаружив, как уютно устроилась её рука в улыбкинской тёплой, бьющей током ладони. Правда, дальше самокритики дело не пошло...

– Ну и как на это посмотрели на твоей работе?

Он засмеялся:

– Радостно!

Кошка представила, как приходит на работу в ярко-розовых «бермудах» и ядовитой «кислотке» с вырезом до пупа и завистливо вздохнула:

– Везёт же некоторым! У нас сурово – юбка до колен, чулки.

Капитан медленно улыбнулся:

– Чулки? Чулки – это здорово...

Кошка встретила с ним глазами и, чтобы отвлечься, прислушалась к общему разговору. Общий разговор меж тем катился по излюбленной колее – а почему же мы всё-таки играем?

– В жизни скучно, – говорил Мик, хрустя огурцом. («Говори за себя» – вставка от Арнольда.) – Хочется адреналинчику. А повысить можно по-разному. Геймы компьютерные адреналин повышают? Повышают. Удовлетворение есть? Есть – если выиграешь. Жизненный тонус – ноль. Или вот, к примеру, дали тебе по башке в подворотне...

Улыбка хмыкнул:

– Видно, часто ему в подворотне прилетает!

– Оно и заметно! – поддержала Кошка.

Мик продолжал:

– ...Адреналин? Повысился. Удовлетворение? Есть – если ты мазохист. Жизненный тонус? Нулевой. И что мы имеем в итоге?

– А в итоге мы имеем тебя, Мик, и твои «Зарницы!» – сообщил вновь объявившийся Шустрик. – Будь здоров! Хорошо, что тебя по жизни никто как следует не удовлетворяет!

– А ты зачем на Игры ездишь, Арнольдик?

Арнольд подумал, повёл могучим плечом.

– Здесь можно побыть совсем другим человеком.

– А есть ещё такая болезнь, – услужливо сообщил Шустрик, – раздвоение личности. Шизофрения называется.

Мик поскрёб волосатую шею.

– В своё время знакомые мне такой диагноз и ставили. А потом мне в голову пришла такая интересная мысль: а может, мы-то нормальные, а вокруг одни психи?

– Жить, – сказал Шустрик глубокомысленно, – нужно играя и играть живя.

– Ну совсем-то другим не получается... – с сомнением заметила Кошка.

– Да? – сказал Улыбка. – У меня, например, по жизни очень скверный характер. Просто стержозный.

– У тебя? – неподдельно изумилась Кошка. Улыбка был из тех редких капитанов, которые в случае проигрыша не обзывают свою команду козлами и

идиотами, не напрягают демонстрацией своей власти и излишней опекой. Кошка поглядела на потолок, подумала и, перегнувшись через стол, спросила:

– А веришь, что я по жизни очень закомплексованная и нерешительная девушка?

Улыбка, подавшийся ей навстречу, беззвучно засмеялся – в полумраке блеснули белые ровные зубы:

– Что девушка – верю!

Кошка перехватила взгляд Арнольда на их сцепленные руки и внутренне ошетибилась – пьяный Арнольд начинал язвить всё, на чём фокусировался его взгляд. Но Арнольд, на удивление, промолчал. Выступил обнявший Кошку за плечи Мик:

– Ох, народ, за что же я вас так люблю? Ведь я же вижу вас всего несколько раз в году!

– За то и любишь, – сказала Кошка.

И вот они лежали мордой в землю – кто молча, кто вполне внятно матерясь – попасть на «сковородку» после хорошего получасового броска безо всяких происшествий по «надёжной» улыбкинской карте...

Кошка лежала там, где её застал возглас Улыбки – спрятав под себя руки, натянув на голову воротник куртки и одним глазом поглядывая на братьев-сталкеров. Шустрик вертелся, действительно как уж на сковородке, непрерывно ругая Мика, так их уевшего, и время от времени зверски шипел на пытавшегося поднять голову Лоха. Арнольд лежал молча и монументально. Улыбку, упавшего первым, не было видно из-за его мерно дышащей груди... Могло быть и хуже – в конце концов, лежишь на сухой земле, на листьях, чёрт подери, опять яичники застудишь... И ради того, чтобы полежать мордой в землю на заброшенном комбинате в окружении здоровенных придурков, платишь такие деньги, кидаешь дитя родное, едешь чёрте куда, наплевав на работу и личную жизнь, и...

– Подъём! – сказал Улыбка, и Кошка одним прыжком оказалась на ногах.

– Все живы? – осведомился севший Арнольд Улыбка, морщась, разглядывал «сковородку» – выжженный круг травы.

– У меня правая рука поджарилась. У Лоха – левое ухо...

– А чё?

– Башкой вертеть не будешь, вот чё! – разъяснил Шустрик.

– ...рекомендую перевязать. А у Шустрика... – Шустрик, отряхивающий штаны, замер. На лице капитана появилась коварная ухмылка.

– ...обгорело причинное место...

– Кошка, перевязки! – немедленно сказал Шустрик, расстёгивая пряжку ремня. Кошка наклонила голову и стала смотреть с подчёркнутым интересом. Пальцы Шустрика двигались всё медленнее...

– Тоже ёрзал, как уж на сковородке, – проворчал Улыбка. – Ладно, задница у тебя обгорела.

Лох безуспешно пытался обмотать ухо и краснел от натуги, и Арнольд, всё ещё сидевший на земле, некоторое время наблюдал за ним, потом сжалился:

– Подь сюда, скаут... – и щедрой рукой намотал Лоху на голову белоснежный чепчик. Держась за поясицу, Шустрик бродил вокруг, охами и вздохами демонстрируя свои страдания. Улыбка, орудуя зубами и левой рукой, ловко перематывал правую. Когда она догадалась подойти, осталось только закрепить бинт. Завязать узелок. Кошка осталась стоять рядом – Улыбка вопросительно вскинул глаза, отразившие небо бабьего лета.

– А я, значит, нигде не обгорела?

Улыбка посмотрел на «сковородку».

– Ты – и Арнольд – были на границе круга, – сказал спокойно. – Если хочешь обгореть, в следующий раз падай удачей – в центр.

– Извини, – сказала Кошка, чувствуя себя глупо.

– Нет проблем.

– Эй, Кошка, недовольна? – крикнул Шустрик. – Хочешь, задницами махнёмся?

– Мне своя больше нравится.

– И мне тоже, – охотно согласился Шустрик.

Кошка решила не уточнять, о какой из двух возможных идет речь.

– Ну ни хрена себе Мик даёт! – восхищался Шустрик. Вертолёт кружил над ними уже минут десять, словно пёс на поводке: заметят, считай себя покойником. – Вот, где наши сотенки!

– А если в винт камнем? – предложил Лох.

– А если по ушам? – спросил Шустрик.

Кошка покосилась на Улыбку – тот, казалось, дремал, прикрыв лицо локтем. Сорвала травинку и сосредоточенно пощекотала подбородок капитана. Тот отмахнулся лениво – раз, другой – потом угол его рта пополз вверх и, не раскрывая глаз, Улыбка попытался перехватить кошкины пальцы – та едва успела отдёргнуть руку. Шустрик наблюдал за ними, положив подбородок на сложенные друг на друга кулаки. Вздохнул:

– Чисто дети!

И немедленно уполз щекотать уснувшего Арнольда.

– Извини, Улыбка, – проныл Арнольд. Он сидел, прислонившись спиной к стене, и уныло смотрел на свои длинные вытянутые ноги. Четверо стояли перед ним и хмуро взирали на них же. Ноги до колен были заляпаны синей краской. Арнольд вломился в «ведьмин студень».

– Так, – сказал Улыбка и, вскинув руку, посмотрел на часы. – Ноги до колен парализованы. Если за полчаса не доставим к костоправу, Арнольд загноётся.

Кошка поглядела на кислые рожи сталкеров. Возвращаться никому не хотелось – Игра всего ничего, а тащить на себе громадного Арнольда, да ещё с риском попасть в ловушку или напороться на полицейских и загреметь на несколько часов в тюрьму или мертвятник... Шустрик присел было на край стены, но увидев обращённые на него взгляды, подскочил, как ужаленный, хватаясь за тощую задницу.

– Ое-ей! Волдырь лопнул!

Лох с удовольствием зафыркал. Улыбка поглядел на свою команду, на дорогу назад, пошурился на солнце и сказал:

– Ну, Лох отпадает...

Хоть и с неохотой, все согласились: для того, чтобы тащить Арнольда, нужно три таких Лоха.

– Спички у кого есть? Будем тянуть, – сказал Шустрик.

– Кто гаечку дальше кинет, тот и остаётся.

– Ну да! – заныл Шустрик. – Сам так целый месяц тренировался, а теперь нас строишь!

– А тебе кто не давал?

Впрочем, кинул Шустрик вполне прилично. Кошка смерила взглядом расстояние, вздохнула и бросила тоже. Оба смотрели на капитана. Улыбка повертел задумчиво в воздухе гаечку – и тоже кинул.

Смотреть пошли Улыбка с Шустриком. Кошка глядела на смирно помалкивающего Арнольда и прикидывала, как его придётся тащить – волокушу, что ли, делать? Улыбка нёс гайки за разноцветные ленточки, словно рыбий улов. Шустрик корчил неприятные рожи.

– Наловчилась, – злобно сказал Кошке и обратился к Арнольду – ну что, болезный, может, сам поползёшь?

Улыбка кивком подозвал Лоха, развернул карту.

– Пойдёте по этому маршруту. Здесь обращайтесь внимание на трещины. Кошка, смотри! Основное направление – на ту трубу.

– Какую? – хмуро спросила Кошка. Она не верила, что кинула гайку дальше всех, но больше не хотела выставлять себя подозрительной дурой.

– Их же тут до едрени фени...

– Вон та, с мозаикой. Там ждите нас. Часа через два должны обернуться.

– А если нет?

– Действуйте, как знаете.

Остающиеся помогли взвалить Арнольда на плечи – тот только вздыхал с подчёркнутой виноватостью.

– Найдёте Золотой Шар, – крикнул Шустрик напоследок, – пожелайте, чтоб Арнольд скинул килограмм тридцать!

Они провожали взглядом парней, ссутулившихся под тяжестью Арнольда – его ноги волочились по земле, иногда конвульсивно подёргиваясь, словно желая помочь, и вновь замирали.

– Они что, так его и потащат до самого конца? – с ужасом спросил Лох.

– А то! Играть так играть...

Кошка уже который раз оглянулась и остановилась. Притомившийся, а потому наконец заткнувшийся Лох немедленно рухнул на остаток железобетонной плиты.

– Привал?

Подпрыгнув, Кошка подтянулась на заржавленной лестнице и внимательно взгляделась в тропинку. Спрыгнув, вытерла пыльные ладони о пыльные же штаны и сказала, не слишком повышая голос:

– Может, хватит в «догоняшки» играть? Выходи!

Лох подскочил:

– Кто? Где?

– Держись подальше... – вполголоса приказала она. Из-за железнодорожной насыпи медленно поднялся парень, постоял, глядя на них. Развёл руки, демонстрируя открытые ладони, и медленно пошёл к ним. Перепачканные джинсы, серая куртка, серая маска, рюкзачок за левым плечом, на ремне болтаются гайки.

– Привет! – сказал, останавливаясь на дипломатическом расстоянии. – Можно мне с вами?

– А ты кто?

– Ланс.

– Оружие есть?

– Я сталкер мирный, – сказал Ланс, снимая куртку и встряхивая её. – Пусть парень меня обыщет.

По кивку Кошки Лох неуверенно приблизился, принялся охлопывать Ланса по бокам, ногам... тот поглядывал на него сверху дружелюбно и говорил Кошке:

– Сигурд на первой же «сковородке» спек-с... Ну всё? «Кулуарка» у меня за левым голенищем, можешь забрать...

– У кого карту брали?

Ланс хохотнул:

– У Стервятника, кого ж ещё! А мы, когда с Сигурдом узнали, что вы сюда идёте, думаем, дело верняк! А где ваши?

– Догонят, – хмуро сказала Кошка. Брать с собой Ланса не хотелось, но держать его за спиной...

– Хабар у нас поровну.

– Это ясно, – согласился Ланс. – Вот...

Он взялся за мешок, услышав приказ «медленно», успокаивающе кивнул. Преувеличенно тщательно начал развязывать и доставать из мешка хабар. Потом вытряхнул на землю «джентльменский набор»: банку сгужи, кружку с ложкой, белую повязку «мертвеца». Кошка ногой разгребла хабар: зуда, батаслет, батарейка...

– Делим на троих, остальное – по дошедшим, – Ланс задрал голову. – Ну, берёшь?

– Идём.

Спрыгнув, она свернула карту.

– Держитесь правее. Там на пригорке «комариная плешь».

– Там? – показал Лох.

– Да. Иди по стенке.

Лох послушно вспрыгнул на развалины стены, прошёл, балансируя, свернул за угол и скрылся из виду. Кошка вскарабкалась следом. Старые кроссовки чутко ощущали все впадины и выбоины, словно босые подошвы. Задержавшись на углу, оглянулась. Ланс стоял на стене, заглядывая вниз.

– А где плешь-то? Хоть посмотреть...

– Вон...

– Вот эта?

Кошка сделала несколько осторожных шагов назад.

– Видишь проплешину на пригорке?

– Где?

– Да вот же!

Дойдя до Ланса, Кошка наклонилась, показывая «выбритый» пригорок. Сталкер повернулся, качнулся, теряя равновесие, толкнул плечом Кошку – и та приземлилась на четыре кости прямёхонько на «комариновую плешь».

– Ну чего вы там? – спросил Лох, вновь появляясь на стене. Ланс стоял и, почесывая подбородок, смотрел вниз на Кошку.

– Кошка влипла, – сказал задумчиво.

– Во блин!

– Ну. Свалилась прямо на плешь. Одно мокрое место осталось...

Кошка медленно села, машинально отряхивая руки и колени. Поглядела на стоявших на стене парней. Лох, стараясь не смотреть на неё, спросил:

– Ну и что дальше?

– Хоронить там нечего. Пошли.

– А куда?

– Куда... Эй, а где карта?

– У неё была.

Ланс с досадой выругался.

– Ну хоть примерно дорогу знаешь?

– Вроде на ту трубу надо выйти...

– Пошли на ту.

Продолжая выгирать руки о колени, Кошка молча проводила их взглядом. Ланс оглянулся напоследок. Иди-иди... сталкер. Кошка легла спиной прямо на мягкую землю. Ногу за ногу стянула кроссовки. Пошевелила приятно попрохладневшими пальцами. Особо обидно не было, хотя она не ожидала попасть в трупятник так скоро... Заложив за голову руки, уставилась на медленно плывущие облака. А всё-таки нужно доверять чутью – не надо было брать с собой Ланса. Может, у него роль такая – мочить сталкеров-конкурентов? Под Стервятника косит... Лоха жалко. Или пацан ему не помеха? А вот с картой он прогадал...

На душе становилось все гадостней и гадостней. Игра – дело личное – и в пределах собственной роли ты можешь быть героем или подонком – как тебе в данный момент или вообще по жизни хочется. Только нарываться на второго отчего-то всегда неприятно... Это от привычки к командной игре. Раньше ты всегда была готова к бою и обороне...

Кошка села, натянула кроссовки, вытащила из кармана традиционный бинтик для белой повязки мертвеца – чтоб было видно издалека, что не стоит резать уже убитого, да и разговаривать себе во вред: уволокёт с собой в Страну мёртвых...

Кошка пошла, не разбирая, через кусты до хорошей дороги, которая когда-то называлась Доменной. Ветер, как обленившийся футболист, гонял туда-сюда листья, по асфальту змеились глубокие трещины. Кошка стянула маску, вытерла ею лицо и, вертя её на пальце, неспешно побрела в мертвятник... Мандос, как с первых ХИ традиционно называли владыку Страны мёртвых, встретил Кошку брюзгливо.

– Имя? – спросил хмуро, раскрывая уже порядком исписанную тетрадь.

– Кошка, – покорно сказала Кошка.

– Время смерти?

– Тридцать пять минут назад.

Мандос, шевеля губами, сделал сложный расчёт.

– Причина смерти?

– Комариная плешь.

– Иди, – Мандос мотнул головой. – Дрыхни.

Бодрствующие трупы встретили Кошку с полузлорадной приветливостью: если уж Кошка залетела в мертвятник в первую половину Игры, то им и сам Бог велел... Она рыскнула взглядом, своих не обнаружила и опрокинулась на свободную «пенку». Сосед, не прерывая игры в карты, мотнул бритой головой.

– Твои были.

– Кто?

– Арнольд с Улыбкой.

– А Шустрик?

– Арнольд, говорю, с Улыбкой... что ложишь, что? Арнольд от студня сдох, мужики напоролись на копов. Улыбку подстрелили. Шустрик удрал... ну куда, куда, глаза-то разуй!..

– На то он и Шустрик... – пробормотала Кошка и обнаружила перед собой раскрытую банку сгущенки. Рыжий желтоглазый парень присел рядом с ней по-турецки.

– От нашего стола вашему столу... – он махнул рукой в сторону валявшихся с голыми торсами трупов – те вяло пошевелили верхними конечностями. – Твои велели передать тебе пиво – сказали, что скоро загремишь к Мандосу – но мы его оприходовали. Так что извини... Нам через полчаса выходить. Кипяток в ведре. Мандос с глубокой похмелью злой и не кормит. Где попалась-то?

– На Плещи.

Парень уважительно присвистнул. Свист получился звонким и переливчатым. Труп, пластом лежавший неподалёку, поднял голову, пробормотал злобно: «Из могилы подымут, падлы...» По свисту Кошка узнала – Крис с Вольных Охотников.

– Без карты, что ли?

– В том-то и дело, что с картой... – пробормотала Кошка, открывая прижатую крышку сгущенки. В уме заново раскручивалась сцена на стене. Вот она подходит, наклоняется, Ланс разворачивается, из-под ног

падают крошки цемента, взмах левой рукой... толчок правой, несильный, вскользь... Вот теперь лежи и думай – случайно-неслучайно... Кошка задумчиво лизнула с ложки сгущу.

Крис явно переотдыхал – так и подпрыгивал от нетерпения, как маленький мяч – яркий, рыжий, упругий.

– Карту, поди, у Стервятника брали? Он, говорят, специально сталкеров на ловушки выводит. А слыхала, кто-то на границе Зоны рэкетом занимается? Сидят, ждут, когда сталкер с хабаром выйдет, раз-два – и готово... Много нашли?

– Да чего теперь... – сказала Кошка. Заметив её движение, Крис достал и прикурил две сигареты, отдал одну Кошке и стал рассказывать, как Вольные Охотники втроём загремели под смерть-лампу. Кошка облизывала ложку, запивая чуть тёплым чифиром, слушала вполуха, поглядывая на сутолку в трактире напротив. Прищурилась. Похоже, мелькнул Шустрик. На Игре зрение почему-то резко обострилось, и очки ей были практически не нужны. Точно, Шустрик. Лавируя между посетителями, он вылетел из-под брезентового навеса кабака, прижимая локтем какой-то свёрток. Мельком глянув на мертвятник, понёсся было дальше. Остановился на ходу, обернулся, вглядываясь. Кошка кивнула. Шустрик вскинул руку – помахать, спохватился и почесал затылок. Постоял, соображая, схватился за голову, изображая вселенскую скорбь, и пошёл дальше, но уже гораздо медленнее, оглядываясь на ходу. Кошка невольно начала улыбаться и наконец ощутила вкус сгущёнки.

– Охотники! – гаркнул Мандос. – Свободны!

– Пока, Кошка! – радостно сказал Крис, вскакивая. – Ни пуха тебе...

– К чёрту! – напутствовала Кошка, доскребая последнюю ложку. Улеглась на спину, задирая на животе майку. Не обгореть бы на солнце, хоть бабье, но всё же лето...

– Ну привет! – сказал он. – Долго же ты добиралась!

Кошка остановилась на приличном расстоянии, раздумывая, почему она совсем не удивилась при виде Ланса. Он сидел на стене, мотая ногами, и с явным удовольствием разглядывал её.

– Где пацан?

– В порядке ваш Лошонок, не бойся, – усмехнулся он. – Я его в кабак с хабаром послал.

– А сам остался организовать мне торжественную встречу? Или снова торжественные похороны?

– У меня есть карта с расположением Золотого Шара, – сообщил Ланс, спрыгивая со стены.

– Надо же, как тебе повезло.

– А перед Шаром стоит мясорубка.

– И что?

– А передо мной стоит отмычка. Сейчас её возьму и пойду Золотому Шару.

– А есть ещё такая птица, – сообщила ему Кошка словами Шустрика. – Называется Обломинго...

Он прыгнул. Кошка тоже, но недостаточно быстро. В миковских играх допускается физическое насилие – когда оно не переходит в мордобитье. Оно и не дошло. Ланс просто выкрутил руку Кошки, упираясь коленом в её спину и разговаривая вполне доброжелательно, искал в карманах веревку.

– Нет, ты скажи, зачем вы, бабы, лезете в мужские игры? Ну играй в салоны, в ХИ, наконец, что ты сюда-то лезешь? А раз лезешь – терпи! – он повыше заломил кошкин локоть, она чуть не взвыла, хватанув губами пыль с земли. Отплеываясь, скосила взгляд:

– Ты всех баб так не любишь? Или только мне... честь такая?

– А ты что думала – всех умнее, да? – сказал он, почти касаясь губами её уха. – Всех круче, да? Ты у меня на этой игре из мертвятника не вылезешь! Поняла?

Локоть пошёл ещё выше. Кошка поняла. Поняла только сейчас – плевать ему на Игру. Плевать ему на всё – кроме неё и себя. Он и на Игру приехал, наверное, только из-за неё... Что-то доказать – ей, а в первую очередь себе...

И с силой выбросив через плечо руку, вцепилась когтями ему в шею.

Когда он наконец поднялся, Кошка стояла в трёх шагах от него, сжимая в руке обломок кирпича. Её трясло – от ярости и страха, – но пальцы впились так, что кирпич стал просто продолжением руки.

– Ну, – сказала она, едва шевеля онемевшими губами, – ну, иди сюда. Иди.

Пот и кровь с рассечённой брови стекали на глаза, но она старалась не моргать, потому что боялась пропустить, когда он шагнёт вперёд. От скачущего в горле сердца и хриплого дыхания он как будто качался, казался то ближе, то дальше... Он шагнул, и она сделала шаг в сторону – длинный осторожный стелющийся шаг, удивившись мимолетно, что подкашивающиеся ноги ещё её слушаются. Они кружили и кружили – Ланс говорил что-то, но Кошка уже не слушала и только повторяла тихо и неспешно, одним дыханием, словно гипнотизируя себя или его: иди, иди...

Ланс услышал первым. Его взгляд метнулся влево-вправо, он выпрямился, отступая, и медленно выдохнул – облегчённо? – Кошка, не веря, не спешила повернуть голову, но наконец услышала тоже. Шаги и голоса приближались, из-за угла вывернули её парни.

– Ого, Кош... – возопил Шустрик и смолк, уставившись на застывшую в полуприседе Кошку с кирпичом в руке. Парень, стоявший напротив, отшагнул ещё раз, сказал оживлённо:

– Ну привет!

Шустрик шагнул мимо:

– Кошка... ты что?

Арнольд медленно опустил на землю сумку и посмотрел на Улыбку. Тот, едва взглянув на Ланса, наблюдал за Кошкой. Ланс хмыкнул, развёл руками:

– Вот... хотел вашу Кошку в плен взять. Бешеная она у вас какая-то!..

Капитан опустил глаза, разглядывая землю под ногами. Шустрик повернулся к Лансу.

– В плен? В плен, да?

Арнольд прошёл мимо, осторожно положил руку на кошкино плечо – и она только сейчас ощутила судорогу, сковавшую её плечи и руки, и осторожно вздохнула. Всё ещё глядя в землю, Улыбка задумчиво сделал шаг, другой, и вдруг молча кинулся на Ланса. Кошка ещё успела услышать чей-то вскрик, как Арнольд круто развернул её в противоположную сторону и, прижимая к твёрдому боку, потащил за собой, приговаривая:

– Идём, Кошка, идём, котёночек... Всё хорошо, да, котёнок?

Увёл за угол цеха, усадил, пожал плечо, не зная, что сказать. Пробормотал неловко:

– Схожу посмотрю, ладно?

Кошка тупо взглянула на мгновенно появившегося перед ней Шустрика. Сев перед ней на корточки, тот суетливо искал что-то в карманах.

– Вот с-сука... на, затянись... – он сунул в левую руку Кошки сигарету – та выпала. Шустрик тут же достал другую, прикурил от своей и осторожно вставил в распухшие губы Кошки. Кошка послушно затянулась, закашлялась, взяла сигарету трясущимися пальцами – безмянным и мизинцем, оберегая разбитые костяшки. Шустрик меж тем занялся её правой рукой, пытаясь разжать пальцы:

– Ну всё-всё, отпусти его...

Кошка с недоумением взглянула на свою руку, как на чужую, и кирпич тупо ухнул в землю. Шустрик метнулся до угла, постоял, вытянув шею. Вернувшись, вновь сел на корточки.

– Он что, больной, да? Ненормальный?

Кошка сморщилась, облизала солёные губы.

– Нет, – сказала – ему или себе. – Он нормальный. Вполне. На Игре мы такие, какими хотим быть. Какими разрешаем себе быть. Крутой мужик Ланс, которому когда-то – сама не помня когда и где – перебежала дорогу Кошка, и который не смог ни себе, ни ей этого простить. Если он и болен, то только мной...

Она подняла глаза и стала смотреть на небо, чтобы не смотреть на подошедшего Улыбку. Он сидел перед ней на корточках и молчал. Хорошо, что он ничего не говорил и не дотрагивался до неё – потому что бы тогда она постыдно и безудержно разрыдалась...

– Пошли, – наконец сказал Улыбка. – Шустрик нашёл Золотой Шар.

– Ну что, будем брать? – деловито спросил Шустрик. – Вчетвером мы его вмиг замочим...

– Погоди.

– Да чего годить? Говорят, эти ученые психи на подходе, а они собираются рвать Шар к чертям собачьим...

– Подожди, – сказал Кошка. – Так нельзя.

– Что нельзя? Как?

– Нельзя брать его грязными руками. Шустрик. Вот представь – замочишь ты этого бедного парня, придёшь к нему, весь такой крутой и... шустрый и скажешь: «Хочу!» И представь – только представь – что он тебе выдаст?

Шустрик смотрел на неё, сморщившись, и мрачнел прямо на глазах. Похоже, представлял.

– Если бы я его первой нашла, я бы, наверное, тоже начала всех отстреливать...

Шустрик хмуро посмотрел на Улыбку.

– Знаешь, – спокойно сказал он. – А ведь она права.

Заматерившись длинно и цветисто, Шустрик сплюнул:

– Вечно вы... всю Игру обломали! Какую Игру! Раз в жизни, нет, раз в жизни, а тут вы... ну что вылупились? Пойду хоть науку не подпущу!

Ругаясь и поскальзываясь на осыпавшихся камнях. Шустрик выбрался наружу. Было слышно, как, не скрываясь, он идёт вниз, покрикивая на ходу:

– Эй, братан, не стреляй, разговор есть!

Кошка с Улыбкой переглянулись. Вот за это я тебя и люблю, думала она. Арнольд длинно вздохнул и молча полез наружу.

– Ну что, пошли? – негромко спросил Улыбка. Как-то очень нерешительно. И так же нерешительно протянул руку.

Светлане довелось прочитать кучу дамских романов и вволю похихикать над историями о любви и страсти безумной и прочими женскими мечтаниями...

Прикосновение пальцев было как удар. Как взрыв. Только мгновение назад они были врозь – а через миг, ошеломлённые, – вместе, рядом, сплетённые объятиями, прикосновениями, поцелуями, и не было места словам, только бессмысленному шёпоту, губам, рукам, шелесту одежды...

Последними сорвали маски.

Она вышла на трассу, проходящую вдоль завода. Поглядела в обе пустые стороны. Это раньше здесь было очень оживлённое движение, а сейчас ей ничего не светило – разве что «маршрутка» часа через три или какой-нибудь не слишком упёртый дачник поедет домой не в воскресный, а в субботний вечер... Кошка пощурилась на садящееся солнце, перекинула через плечо сумку и зашагала к видневшимся на горизонте туманным домам города. Она шла, разгребая ногами негусто ещё нападавшую листву – листва шуршала и пересыпалась, наплывало что-то детское, далёкое...

По пути оглянулась только раз – на хлопки взлетевших над комбинатом ракет: Игра закончилась. «Игра окончена, спрячь в ножны свой клинок. Закончен бал, гасите свет, тушите свечи...»

Шум машины был слышен издалека. Кошка обернулась, прищурилась – машина, приближавшаяся к ней стремительно и мощно, к маханию рукой не располагала – а то, как в том анекдоте, морду набьют: «Ты где, сука, "шашечки" увидела?» Джип, однако, плавно снизил скорость и остановился перед отступившей Кошкой.

– В город? – осведомился водитель. – Садись, подвезу.

– У меня только десятка, – на всякий случай сказала Кошка.

– Да садись ты! – раздражённо сказал водитель.

Кошка уселась на переднее сиденье («Маша, не садись в машину к незнакомым дяденькам!»), кинула в ноги сумку и, посмотрев на плавно наплывающую дорогу, оценивающе взглянула на водителя. Совсем молодой мужик, лицо хмуроватое, похоже, не выпавшийся, и, похоже, мало обращающий внимание на свою пассажирку. Только похоже. Потому что, не отрывая глаз от дороги, поднял руку и повернул к Кошке зеркало заднего вида. Кошка взглянула и начала тереть щёку.

– Что, носом землю копала? – хмыкнул парень.

– Ну...

Похоже, он принял её за нетерпеливую дачницу, не дождавшуюся автобуса. А сам? На садовода-огородника он походил мало, да и, судя по внешности и машине, находился в том счастливом возрасте, когда на урожай и на дачу было категорически плевать. Кто-то из игроков? А чего он так сорвался? Судя по вчерашнему вечеру в Перекрёстке, игроки были не против провести сегодняшний так же. Да ещё и Игра закончилась неожиданно быстро, и никто не собирался домой.

В дружном молчании – похоже, парень тоже был не в настроении поддерживать беседу – они доехали до города.

– А вам куда? – с надеждой спросила Кошка: в ней внезапно включился режим жёсткой экономии – отдать десятку, да ещё двушку в трамвае за несколько остановок, которые она явно была не в состоянии проковылять самостоятельно – казалось ей сейчас просто кошунством.

– Под мост.

– И мне под мост, – согласилась Кошка. Джип нырнул под мост и плавно тормознул на перекрёстке. Кто-то возмущённо засигналил. Кошка, не глядя, показала средний палец, услышала фырканье водителя и, спохватившись, спрятала руки под себя. Рассеянно поглядывая по сторонам, вдруг встрепенулась. У дома напротив элегантный мужчина в сером плаще, опершись о дверцу, вручал букет роз женщине, сидевшей в чёрном «мерсе». За что и был удостоен благодарственного поцелуя в щёчку. Ах ты... Кошка, не раздумывая, вылетела из джипа, услышав за спиной: «Ты куда?..» И с лёту врзалась в помахивающего рукой мужика, припечатав его к стене рядом с дверью подъезда.

– Денег, значит, на сапоги дочери у тебя нет, а сотню на букет для твоих блядей у тебя запросто! – выпалила в лицо своего бывшего мужа, для убедительности встряхивая его чуть ли не на каждом слове.

– Светка!.. ты что, взбесилась?.. она не... Светка, да отцепись ты!

Роман был мужиком не хлипким, но оторвать сейчас её пальцы от своих лацканов был не в состоянии. Бывшая жена шипела ему в лицо, как змея:

– Денег, значит, не платят? В долгах, как в шелках, да?

– Свет, да успокойся ты! Ты же знаешь, у нас зарплату уже полгода...

– Да насрать мне на твою зарплату! Где машины алименты?

– Эй, братан, помощь не нужна? – услышали они радостное. Света оглянувшись, и, воспользовавшись этим, Роман стряхнул с себя её руки. Поправил сбившийся набок галстук. Щуплый тип, прислонившийся задом к машине, почтения не внушал – Роман открыл было рот, но разглядев марку, решил промолчать – чем чёрт не шутит...

– Отдам я тебе всё! – сказал с досадой. – Ну что ты, как маленькая, ей-богу! Вот дадут зарплату...

Светка отступила, измеряя его взглядом. В чёрных запylённых джинсах, чёрной водолазке, с растрёпанными волосами, с подсохшей ссадиной на губах, царапиной на обострившихся скулах... Такого он от неё не ожидал – ну просьбы, ну слёзы, ну скандалы, но чуть морду ему не набить... И глаза, как у дикой кошки... Приняла, что ли, для храбрости, и приехала со своим екарем разбираться?

– Слушай, – сказала она – уже совсем спокойно. – А знаешь, что сейчас бывает за сокрытие доходов?

– А? Ты о чём? – он вновь, уже ненужно, поправил ворот рубашки и галстук.

– Если, допустим, кто-нибудь позвонит – знаешь, сейчас анонимные звонки принимают – и подскажет, где и кем работает оформленный сторожем Роман Сергеевич Горецкий, а?

– И что будет?

– Ничего, родной мой. Ничего, кроме неприятностей, тебе не будет.

Он не стал ничего доказывать или убеждать, потому что не знал, как вести себя с этой взбесившейся кошкой. Потом он придумает...

– Деньги переведёшь на машинный счёт, – сказала его бывшая, влезая в гостеприимно распахнутую дверь джипа. – За восемь месяцев, не забудь!

– Я не найду сразу такую сумму, – вяло сказал он. Светка рассмеялась ему из машины смехом булгаковской Маргариты.

– В понедельник! – и эффектно хлопнула дверью. Ейный хахаль оторвал задницу от капота и, сказав радостно:

– До встречи, земляк! – сел за руль, на прощание отсалютовал пальчиками.

Кошка скользнула взглядом по унылой физиономии бывшего мужа – чего доброго, от озадаченности ещё и заплатит... Спрятала под себя трясущиеся от злости руки.

– Теперь куда? – спросил водитель. – Домой?

Кошка кивнула, рассеянно глядя перед собой.

– Муж? – небрежно поинтересовался он.

Кошка опять кивнула. Сказала с отвращением:

– Бэ/у.

– Ничего, мужик видный, – великодушно заметил водитель.

Кошка поглядела с яростью:

– Не понимаю! – сказала с отвращением. – Ну мало ли как ты с женой! Но ведь с ней остаётся ребёнок! Твой ребёнок! Что ж вы носитесь от него по всему свету, как чёрт от ладана!

Парень хмыкнул неопределённо, благоразумно не пытаясь отвечать за всю сильную половину человечества. Завернул к её подъезду. Кошка завозилась было, разыскивая по карманам червонец, но парень махнул рукой:

– Машке мороженого купишь.

– Ну тогда спасибо большое.

Он поглядел, как Кошка вылезает из машины и сказал неожиданно:

– Меня Саней зовут.

Она глянула настороженно.

– Спасибо... Саша.

Он вновь хмыкнул, уже веселее:

– Пока.

– До свидания.

Кошка кивнула уставившимся на неё соседкам, услышала за спиной шум отъезжающей машины и, только войдя в подъезд, поняла, что не говорила Сане свой адрес. Замедленно возилась с почтовым ящиком – ну надо же, успела раньше почтовых воров! – соображая, кто это был... Господи, Шустрик! Шустрик такой – без приколов, без подначек, хмуроватый, молчаливый... Шустрик на джипе! Вот тебе и маски, вот тебе и инкогнито! Они всё давно про тебя знают, ещё, поди, на улице каждый день сталкиваемся! Посмеиваясь и качая головой, она открыла гремящую дверь и, поставив сумку, огляделась. Отсутствовала всего-то один день, но как будто вернулась из другого мира. Как всегда после Игры всё казалось немного чужим и непривычным.

Не разбирая сумку, она вошла в ванную и медленно раздеваясь, глянула в зеркало. Остановилась с полустянутой с рук водолажкой. Придвинулась, рассматривая себя с серьёзным недоумением. Сияющие глаза, светящаяся изнутри, несмотря на пыль и ссадины, кожа... Господи, и это – секс, любовь в каком-то полуразрушенном складе с полужнакомым, в сущности, мужчиной, к которому испытываешь странные полужабытые чувства... И это она, не мыслящая секса без белых простыней и чистых, пахнущих только мылом тел...

Ероша мокрые волосы, она вышла на кухню, машинально включая чайник. Выглянула в окно. Нет, за Машкой она сегодня не поедет. Сейчас завалится и спать, спать, спать...

Загрузившийся компьютер требовательно запищал, и у неё ухнуло сердце. Медленно, очень осторожно, словно стараясь остаться незамеченной, она подошла к столу и так же медленно, почти нехотя, нажала ввод.

– Почему ты ушла? – спросил он.

Испугалась, честно призналась она. Испугалась того, что случилось. Испугалась того, что ушло. Испугалась того, что будет.

Она наклонилась и, наполовину веря своим словам, напечатала:

– Это Игра. Просто Игра. Только Игра. И для тебя – Игра.

Долгая пауза. Ответа не будет...

– Не решай – за меня.

Она стояла у окна, рассеянно водя пальцем по стеклу, не видя быстро синеющего вечера, и чувствовала себя по-дурачки, по-бестолковому счастливой...

Елена БРАЖНИКОВА

Записка без подписи

1

Записка вывалилась из тетради по информатике за пару минут до звонка на урок.

Бумажка и бумажка, мало ли какие обрывки с «мордами», как называет их мама, валяются у меня по всем учебникам и тетрадкам! Я подняла её исключительно потому, что наша информатичка Светлана Петровна просто трясётся над чистотой вокруг своих драгоценных компьютеров, и лишняя истерика по этому поводу была мне совершенно ни к чему. Машинально развернула сложенный вдвое листок перед тем, как выкинуть его в корзину, мельком глянула... И остолбенела. Крупными печатными буквами по диагонали страницы шли слова:

ЛЮСЯ! ЛЮСЕНЬКА... Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

Подписи, ясное дело, не было. Я быстро окинула взглядом наших бандерлогов. С них станется подкинуть такую писульку, а потом тихо угорать, наблюдая за моей реакцией. Развлеченья у них, типа, интеллектуальные.

Но всем было вроде бы не до меня. У Пашкиного стола сгрудились мальчишки, и, судя по отдельным репликам, он хвастался перед ними очередным ну, о-очень крутым уровнем очередной ну, о-очень крутой «игрушки». Две наши классные красавицы, Романова и Макагонова, сосредоточенно поправляли макияж, полностью отключившись от окружающего. Интересно, кто из них «на свете всех милее, всех румяней и белее»? Куча сумок, брошенная у двери, символизировала будущее присутствие их владельцев на уроке, хотя сейчас эти самые владельцы явно зависали в столовой и мною интересоваться никак не могли. Только Тарасик смотрел прямо на меня, но с таким отсутствующим видом, что заподозрить его в розыгрыше было невозможно.

Звонок завершал так, что я аж подпрыгнула. Топоча, как молодые кони, в класс ворвались опоздавшие, кое-кто на ходу ещё дожёвывал пирожок. Сумки мигом порасхватили, торопясь занять места за компами. На меня – ноль внимания, только Наташка, пробегая мимо, шепнула: «Ты чего такая красная?» Я ладошкой тронула щеку – точно, горит огнём, а я и не заметила. Хороша же я, наверное, – как помидор! И что теперь делать?

Тут в класс вошла Светлана Петровна, народ вытянулся по стойке «смирно» и слаженно гаркнул: «Здрась... Свет... Пет...!» Она поморщилась в ответ и махнула ручкой: «Садитесь, одиннадцатый «бэ»! И здравствуйте,

конечно! Ну-с, что вы там наваяли дома?» И всё понеслось по накатанной колее. Уютно светились экраны, еле слышно гудели вентиляторы, Светлана обходила всех поочередно, вглядываясь в развёрнутые на дисплеях диаграммы и время от времени ехидно их комментируя. А я всё никак не могла опомниться. Засунутая в карман записка была сродни пистолету: забыть невозможно, достать страшно, а руки сами тянутся. К счастью, меня Светлана проскочила быстро, глянула на экран, кивнула «Хорошо!» и перешла к Наташке, за которой ещё маячили Романова и Котляренко, так что десять минут на раздумья у меня точно были. Вот только думать-то совершенно не получалось. В голове слегка звенело, я тарасилась на дисплеи, но не понимала, что вижу. В глазах всё ещё стояли совершенно невозможные и всё же кем-то написанные слова:

ЛЮСЯ! ЛЮСЕНЬКА... Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

Кто? Кто это написал?!

В нашем классе пятнадцать девчонок и восемь парней, которые – по понятным причинам – не обделены женским вниманием. Есть несколько устойчивых парочек, которые смотрят друг на друга затуманенными глазами, ходят, держась за руки, и буквально едят из одной миски. Эти не в счёт. Остальные мальчишки изображают блуждающих форвардов, сегодня хихикая с одной, завтра улыбаясь другой, послезавтра строя глазки третьей. В результате бушуют такие страсти, бурлят такие водовороты, что Мексика отдыхает. Мне со стороны то забавно, то противно наблюдать, как девчонки выворачиваются наизнанку, чтоб привлечь внимание того же красавчика Пашки – высокого чернобрового блондина с насмешливыми серыми глазами – или Рода Котляренко (подпольная кличка «Урод»), габаритами и интеллектом лично мне напоминающего бегемота. Мне-то, слава Богу, всё это пока параллельно... То есть было параллельно до сегодняшнего дня! Ведь кто-то же написал: «ЛЮСЯ! ЛЮСЕНЬКА...»

КТО?!

Честно говоря, я плохо помню, как досидела до конца урока. Записка уже буквально жгла ногу через плотную джинсу. На автомате выключив комп, я сгребла свои вещи в рюкзак и одной из первых выскочила из класса, не став ждать Наташку, хотя домой мы обычно шли вместе. Но сегодня был не тот случай. Торопливо пройдя по коридору через весь этаж, я свернула на дальнюю лестницу, сбежала вниз до её конца и оказалась в небольшом полуподвальчике у запасного выхода. Здесь неярко горела маломощная лампочка, стояли какие-то коробки и вёдра, а все, кто стремился в раздевалку, проскакивали к ней по лестнице пролётом выше. Опять заверещал звонок. Я подождала, пока топот над головой стих, и достала записку.

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

Строчки никуда не делись. Буквы были немного неровные, видно, писавший нечасто использовал печатный шрифт. Ручка обычная, шариковая, синий стержень. Жаль, была бы гелевая, было бы проще вычислить автора, – гелевые у нас не в ходу. Я прислонилась к стене, голова закружилась.

Меня! Кто-то! Любит! Я вдруг обнаружила, что губы сами расплываются в дурацкой улыбке. Нет, ну надо же! Вот так живёшь и ничего о себе не знаешь! И что с этим делать? Рассказать Наташке, – может, что посоветует? Или самой попробовать вычислить автора? Ну, хорошо, допустим, вычислю, – и что потом? А если это Котляренко?! Эта неожиданная мысль привела меня в чувство. Беспричинная радость слегка поджала хвост и озабоченно захлопала глазами. А, может, ну его, этого автора? Ну, любит – пусть любит, я-то не люблю... неизвестно кого! Жила же без особых забот, – ну, и буду жить по-прежнему! Но где-то в глубине души я твёрдо знала: жить по-прежнему больше не получится.

...Двое парней, лениво болтавших ногами на подоконнике третьего этажа, соскочили на пол и приникли к стеклу. Тонкая фигурка в чёрном, взмахнув рыжеватой гривой волос, сбежала по ступенькам крыльца. В школьном дворе было пусто. Золотистые листья, медленно кружась, падали на выщербленный асфальт. Девочка оглянулась, достала из кармана листок бумаги, что-то прочитала – было видно, как шевелятся губы, сунула обратно в карман и лёгкой стремительной походкой пошла к автобусной остановке.

– Ну, всё, рыбка клюнула! – с усмешкой сказал один из парней. – Видал, как она её перечитывает? Процесс пошёл!

– Может, зря мы это, а?.. Она вообще ничего, нормальная девка. Реветь будет, – нехотя сказал второй. – Может, плюнем?

– Не ссы, гуманист! Поплачет – перестанет. Зато приобретёт жизненный опыт. Потом ещё мне спасибо скажет! Пошли ко мне, я тебе та-акую штуку покажу, – подхватив сумку с подоконника, первый двинулся к лестнице. Второй постоял ещё секунду, глядя в окно, – и пошёл следом.

2

Божественный запах жарящихся тефтелек чуть не сбил меня с ног, когда я открыла дверь. На кухне шипело, шкворчало и стреляло.

– Кто та-ама? – пропел мамин голос, что означало, что она в хорошем настроении и приветствует посетителей.

– Это я, почтальон Печкин! – сообщила я и отправилась в свою комнату переодеться. После многолетних битв и военных компаний маме всё же удалось приучить меня переодеваться в домашнее, приходя с улицы. Вернее, я поняла, что легче нырнуть в любимую футболку и штаны, чем из раза в раз доказывать родительнице, что мне всё равно, школьная на мне одежда или нет. В некоторых вопросах родители бывают упрямы, как ослы. Я, впрочем, тоже.

Вымыв (из тех же соображений) руки, я вошла в кухню, плюхнулась на табурет у двери и тут же стащила ещё дымящуюся тефтелю из противня, где они ожидали запекания в духовке. Мама переворачивала очередную партию на сковородке и на мои действия не среагировала.

– Уф! – Она повернулась ко мне, круглолицая, румяная, волосы стянуты яркой косынкой, пальцы в муке – обваливала тефтельки. – Привет, Крошка Лю!

– Привет, Мама Кенга! – отозвалась я привычно.

В детстве я была без ума от Винни-Пуха и его друзей. Родители столько раз читали мне эту книгу вслух, что к школе я могла цитировать её страницами. Но особенно милым мне казался Крошка Ру, может, потому что был маленьким и слабым, а может, потому что не любил рыбий жир, который я тоже терпеть не могла. В общем, я требовала, чтобы меня называли Крошка Лю, и, забравшись к маме на колени, заворачивала на себя полы её халатика и воображала, что сижу в кармане Мамы Кенги. Я выросла, прозвище осталось, и это единственный вариант моего имени, который меня не раздражает.

– А салат будет? – спросила я и потянулась за второй тефтелей, тут же схлопотав от мамы шлепок по руке.

– Будет, будет... И кофа тебе будет, – мама ещё одним шлепком пресекла новый набег на тефтельки, – и какава... Люська, перестань! Недожаренные нельзя, сто раз говорила!

Она осторожно переложила в противень дымящиеся мясные шарики со сковороды, закрыла его листом серебристой фольги и, обмяв фольгу по краям, ловко поставила в духовку. Стол сразу осиротел, а вот духовка оживилась и тихонечко загудела.

– Давай работай! – подбодрила я её, и мама обернулась ко мне от раковины, где гремела посудой.

– Что?

– Мам, тебе в школе признавались в любви? – брякнула я с разгона. В принципе, я ничем не рисковала. Как говорит бабушка, в нашей семье у всех мысли идут противоположным зигзагом, и в любой момент можно услышать от родителей высказывание типа «кто знает, сколько зубов у крокодила?» или «что-то я забыл, в каком году приняли Великую Хартию вольностей?», или «чему там равно ускорение свободного падения?» Подразумевается, что ответить должна я. Зато и мне дозволяется спрашивать о чём угодно, и родители стараются ответить точно и доходчиво, а главное – честно, даже если вопрос, мягко говоря, «скользкий». Дед ворчит, что меня «расповадили», что «тормозов у ребёнка нет» и что «хлебнёт она горя со своим языком», но я не обращаю внимания. Дед всегда ворчит, чтоб я не догадалась, как он меня любит, а я это давно поняла и помалкиваю.

– Хм... Хороший вопрос! – мама прикрутила краны, чтоб не так шумела вода, и движение намыленной губки в её руках стало замедленно-плавным.

– Ты знаешь, да! Я почти забыла... Как-то классе в восьмом, зимой, вечером нам позвонили. А телефон стоял в прихожей, из моей комнаты до него было ближе всего, так что трубку обычно брала я. И вот я взяла трубку, говорю «алло!», а мне в ответ мальчишеский голос: «Я тебя люблю! Приходи к школе через полчаса!»

Мама с мечтательным выражением лица сунула тарелку под струю воды.

– Ну?!

– Что ну? – Она поставила чистую тарелку на сушилку и взяла следующую.

– И что дальше-то?!

– Ну, и я, конечно, не пошла. Поздно было, темно, а главное, побоялась я, что это розыгрыш, что приду, а из-за угла компания выскочит и будет надо мной смеяться. Самолюбивая была очень, страшно боялась в глупое положение попасть. Так и не знаю, кто мне тогда звонил...

Мамин голос стал напряжённым, она повернулась ко мне спиной и сильнее загремела посудой в раковине.

Я сидела, ошарашенная. Ничего себе! Второй виток спирали, что ли? Мушкетёры двадцать лет спустя? История повторяется?

– И тебе не хотелось узнать, кто это? – вопросы прямо подпрыгивали у меня на губах.

– Хотелось, конечно. – Мама в последний раз вытерла пустую раковину тряпкой, промокнула руки полотенцем и присела к столу на табуретку. – Конечно, хотелось! – повторила она медленно и серьёзно посмотрела на меня.

– Понимаешь, Лю, бывают поступки, которые могут изменить судьбу, и человек не всегда понимает, что именно сейчас он принимает такое решение. Сама подумай: если бы я тогда не испугалась возможного розыгрыша, поверила мальчишке, пошла на это свидание, – вдруг бы я нашла свою «вторую половинку»? И влюбилась бы по уши? И всё было бы совсем по-другому: может, и в город другой бы уехала, и замуж за другого вышла бы, и было бы у меня сейчас пятеро детей?..

– А разве папа не твоя «вторая половинка»? – по-дурацки спросила я.

Мама покачала головой.

– Не в этом дело. Папа – это уже другая, взрослая любовь и совершенно иная история, потом как-нибудь тебе расскажу. А вот перед тем мальчишкой я долго чувствовала себя виноватой, сама не знаю, почему. Может, потому, что просто отвергла его, не разобравшись, не оставила выбора ни себе, ни ему. Нельзя принимать решения сгоряча или наобум или, вот как я тогда, – вслепую. Много можно сломать, о чём потом пожалеешь.

Мама повернулась к плите и всплеснула руками.

– Караул! А тефтели-то!

Пока она спасала заветный противень, я потихоньку улизнула к себе. В мыслях был полный сумбур. Получается, надо всё же вычислить автора записки? Чтоб не маяться потом, как мама, – видно же, что она расстроилась от неожиданного воспоминания. Вот только пока я в полном ауте, вообще не понимаю, с чего начать.

...Весь вечер мальчишка бродил около телефона. Вариант с сотовым он сразу откинул: плёвое дело определить, кто звонил. «ВКонтакте» светиться не хотелось, да и не факт, что она поверит сообщению. Оставался допотопный домашний телефон, а голос можно и изменить. Номер он списал из

классного журнала ещё в прошлом году, – так, на всякий случай. Пару раз он даже поднимал трубку, но на звук далёкого гудка сразу пересыхало во рту, и заготовленные слова улечивались из головы. Измучившись вконец, он написал на бумаге крупными печатными буквами: «НЕ ВЕРЬ ЗАПИСКЕ, ЭТО ЛОВУШКА», сунул её в карман школьного рюкзака и, надев наушники, очертя голову, кинулся в грохочущий виртуальный мир «Кризиса-2».

3

Пашка Синельников привязался ко мне на большой перемене, когда я, умяв большое яблоко в качестве перекуса, уютно устроилась за своей партой с книжкой. Строго говоря, это, конечно, не парта, а стол, но почему-то так сложилось, что и учителя, и мы сами по-прежнему называем наши «посадочные места» партами. Мне нравится: звучит немного старорежимно, зато очень по-школьному. Но стоило мне только перевернуть пару страниц, как на соседний стул приземлился Пахан (ник у него такой), да ещё и с разговором, – на моей памяти, первым за всё то время, что я здесь учусь. Ясно было, что «это «в-жж-ж» неспроста», так что я слегка подобралась, хотя выражение лица сохранила каменное.

Начал он банально до невозможности.

– Привет, Синицына! Что читаем?

Я молча повернула к нему титульный лист.

– Роман Злотников. «Царь Фёдор: ещё один шанс». История, что ли?

– Ага, – мрачно подтвердила я. – Любовная.

– Ух ты, – восхитился Пашка. – А я думал, ты и слов-то таких не знаешь!

– Знаю, знаю, – огорчила я его. – Я ещё много других слов знаю, например: отстань, отвянь и не пошёл бы ты!

Синельников слегка разозлился, – слышно было по голосу, – но почему-то сдержался.

– Да ладно, – вполне миролюбиво продолжил он. – Я вообще-то по делу.

Это было что-то новенькое, так что я даже оторвалась от книги и подняла на него глаза.

Пашка внимательно смотрел на меня и, похоже, немного нервничал. Серые глаза в густых тёмных ресницах на загорелом лице казались слишком светлыми, странно-светлыми под тёмными бровями, и это было... красиво.

Поймав себя на такой мысли, я рассердилась и излишне резко спросила:

– Чего уставился?

– А у тебя глаза зелёные... надо же! Никогда раньше не видел, – тихо и как-то замедленно ответил он, и я растерялась.

Пашка в нашей параллели сльвёт главным «мачо» и обычно ведёт себя совершенно по-другому: осыпает очередную «цель» пошленькими комплиментами, отбирает у неё школьную сумку и потом прыгает перед ней, как павиан, – «не поймаешь – не отдам!», локтями всех распахивая, плюхается рядом с ней в столовой, ерошит ей волосы, приобнимает за плечи на глазах у всех, ну, и всё такое, – а дурища прямо тает от счастья и глядит на него влюблёнными глазами. Недели две-три «сладкая парочка»

бывает неразлучна, но потом Пашка внезапно остывает и начинает смотреть на вчерашнюю подружку, как на стенку. Если девчонка пытается за ним бегать и качать права, Синельников не стесняется открыто послать её далеко и лесом. Если делает вид, что всё нормально, – на таких он просто не обращает внимания. Но кое-кто (Ленка Ермакова, например) до сих пор продолжает безнадежно издали следить за ним глазами побитой собаки и на что-то ещё надеяться. Я лично видела не меньше четырёх таких историй и никаких тёплых чувств к Пашке не питаю. Но сегодня он был прямо на себя не похож, и я вдруг подумала: «А что, если записка от него?!»

– Дело говори, – буркнула я, чувствуя, как начинают пылать кончики ушей.

Пашка тряхнул головой, будто отгоняя что-то, и привычно сощурился.

– Вот ты, Синицына, у нас всё знаешь, – начал он придурочным голосом, – вот объясни ты мне, дубине необразованной, почему в японских анимэшках все герои ходят с разноцветными волосами?

Я покосилась на него с подозрением. Ну да, я прибываю по анимэшкам и особой тайны из этого не делаю, но и не кричу об этом на каждом углу. Откуда Синельников знает? И какая ему, на фиг, разница, почему у героев разноцветные волосы? Вопрос на уровне девчонки-третьеклашки, впервые увидевшей анимэ. И что за подвох может скрываться за этим вопросом?

Пашка терпеливо ждал, что опять же было для него не характерно. Я решила перестраховаться.

– Понимаешь, Павел, – начала я задушевным голосом, – есть в Интернете такая поисковая система, Гугл называется. Закидываешь в неё запрос, и она тебе всё объясняет. Доходчиво так, простым языком, чтобы мозг не перегрелся, если, конечно, есть чему перегреваться... Вот и погугли, если интересно! – рывкнула я неожиданно, так что Пашка даже отшатнулся. – А я не справочник!

Я демонстративно уткнулась в книжку, украдкой из-под ресниц наблюдая за его реакцией.

Вопреки ожиданиям, Синельников опять повёл себя нетипично: не растерялся, не обозлился, даже душой меня не назвал. Просто, как говорит дед, «увял с лица», помолчал и ответил так, что я чуть не упала:

– Жаль... А я хотел с тобой новое анимэ посмотреть... А то я не всё понимаю... Синичка.

И ушёл к своей парте на «камчатке». Тут зазвенел звонок, в класс вломилась толпа наших из столовой, загрохотали по столам учебники, – и всё стало поздно.

– Похоже, вы всё-таки дура, Людмила Алексеевна! – сказала я себе. – А вдруг это и вправду ОН?

...В дальнем углу класса, для вида усиленно обмахивая ресницы кисточкой для туши, за этим разговором внимательно следила симпатичная пухленькая брюнетка. Слов она не слышала, но лица видела отлично. За началом диалога она наблюдала с ехидной улыбочкой, но ближе к концу внезапно заволновалась.

Когда парень, сначала отшатнувшись, затем сказал рыжеволосой девчонке несколько слов и с наигранной беспечностью ушёл, она поджала губки и проводила его глазами. Потом опять вернулась к рыжеволосой. Окинув её недобрый взглядом, брюнетка швырнула в раскрытую косметичку тушь и зеркальце, достала блеснувший стразами мобильник и принялась отбивать что-то на клавиатуре сверкающими красным лаком ноготками.

4

Я, конечно, не Пушкин, но тоже люблю осень. Даже холодную, дождливую, с пронизывающим ветром, свирепым, как серый волк. Пусть на улице промозгло и уныло, зато какая красота сидеть дома под тёплым пледом, тихонько слушать музыку в наушниках и с удовольствием поглядывать на оконное стекло, которое кто-то снаружи как будто щедро поливает из душа! А уж золотая осень, как сейчас, – это вообще «именины сердца»! Я могу часами бродить по улицам и переулкам, усыпанным разноцветными листьями, бездумно сидеть на скамейке в парке, глядя на беготню малышей и слушая басистое воркование голубей, тоже довольных тёплой погодой, и мне волей-неволей вспоминается всё тот же Пушкин: «Уж небо осенью дышало...», «Роняет лес багряный свой убор...», «Мне грустно и легко, печаль моя светла...» Впрочем, последнее уже не из той оперы, хотя всё равно в тему, потому что загадочный автор записки по-прежнему не выходит у меня из головы.

Прошло уже два дня, а он больше никак себя не проявил. Конечно, если это не Пашка, попытку которого пообщаться я так сурово обломала. Сто раз уже об этом пожалела, но ведь не пойдёшь же извиняться!

Ясно, что если подходить к делу логически, то нужно провести анализ возможных кандидатур и откинуть лишние варианты. Тот, кто останется, и будет автором записки. Элементарно, Ватсон! Другой вопрос, что я не слишком хорошо знаю свой класс, поскольку учусь в нём меньше года.

Мы переехали в Остров перед самым Новым годом. Ну, то есть тогда-то он был новым, а сейчас он текущий. Раньше мы жили в Сибири, в райцентре под Красноярском, но у мамы вдруг началась аллергия на холод, да такая, что она просто задыхалась, глотнув холодного воздуха. Летом ей стало получше, но следующей зимой она чуть не умерла от бронхоспазма, и врачи сказали, что единственный выход – менять климат. Мама места себе не находила, считая себя виноватой, но папа поставил вопрос ребром: хочет ли она умереть, чтоб мы без неё тоже умерли? Услышав «нет», сказал, чтоб она не маялась дурью, притащил старый атлас автомобильных дорог, и мы начали искать «землю обетованную». Сложность была в том, что мама наотрез отказалась перебираться совсем на юг, где зима мягкая и дождливая. «Зима без снега, – мама жалобно смотрела на нас, – да я просто умру там от тоски!» Нам тоже было сложно представить зиму без лёгкого морозца, весело щиплющего нос и щёки, без синей лыжни в сосновом бору, без пухлых, как подушки, сугробов под окнами, так что мы решили перебраться куда-то на южный Урал, где зима потеплее и

покороче. «Остров», – прочитал на карте папа и поднял на нас глаза. «Класс! – завопила я. – Будем островитянами!» И мама кивнула головой.

Сборы и всяческая переписка заняли всю весну, лето и большую часть осени.

Провожать нас явился весь мой класс, и я, как не крепилась, постыдно разревелась прямо на перроне. Правда, в поезде быстро успокоилась, так как впереди ждал неведомый **Остров**.

На самом деле всё оказалось гораздо проще и совсем не так, как мечталось. Город назывался вовсе не **Остров**, а **Остров**. Вроде бы во времена Демидовых здесь ковали сабли для уральских казаков, и, видно, острые были сабельки, раз прозвание осталось. Семейных финансов хватило на среднюю «двушку» в старом доме со стенами в четыре кирпича и подоконниками такой ширины, что на них можно было лежать, что я немедленно и опробовала. Мама пошла работать корректором в местную типографию (вообще-то она «литератор», в смысле, закончила литфак, но посреди учебного года мест в школах не было), а папа устроился в частное охранное предприятие, – уж не знаю, кого или чего они там охраняют. Я после зимних каникул отправилась в ближайшую школу, оказавшуюся гимназией № 2, где меня «посадили» в десятый «бэ» класс. И вот тут уж я села, так села!

Во-первых, я не выношу быть в центре внимания. А здесь на меня тарачились целый класс, да ещё на каждом новом уроке кто-нибудь обязательно докладывал учителю: «А у нас новенькая!», – и приходилось знакомиться ещё и с учителем и отвечать, как попугай, на дурацкие вопросы типа «И откуда же ты приехала? А почему?» или «Что у тебя было по математике – литературе – химии – биологии – английскому – обществознанию?» (нужное подчеркнуть). О настоящей причине переезда я особо не распространялась, просто сообщала, что родители нашли здесь работу. С оценками было хуже. Когда я в шестой раз сказала: «Пять», – в классе началось нехорошее перешептывание. Общее мнение выразила Наташка, с круглыми глазами спросившая меня на перемене: «Ты что, ботаничка?» «Кто?!» – теперь уже я вытаращила глаза. «Ну, ботаничка, ботан, зубрилка, отличница!» – весь класс столпился около нас, с интересом прислушиваясь. «А-а! – с облегчением сказала я, наконец-то въехав в смысл вопроса. – Нет, у меня четвёрки по русскому и по географии». Как я теперь понимаю, только это меня и спасло. Наши бандерлоги почему-то считают, что заниматься на одни пятерки могут только зубрилы и учительские подпевалы, а «на-армальный пацан» или «ку-ульная чувиха» так ломаться не будут, им это «фиолетово». Домашнее задание для них – «фуфло», поднять руку, чтоб ответить на вопрос учителя, – всё равно, что устроить стриптиз на Красной площади, а вот часами зависать в «ВКонтакте» – это глубоко интеллектуальное занятие и вообще признак культурного человека. Короче, всю третью четверть я пребывала в глубокой депрессии, чувствуя себя Максимом Каммерером на планете Саракш. Если бы не Наташка, за парту с которой меня посадили, впору было бы удавиться.

Наташка оказалась весёлой, добродушной и компанейской, – короче, няшной девчонкой, без закидонов и растопыривания пальцев. Занималась она неплохо, но без фанатизма, потому что давно решила, что после школы пойдёт учиться на парикмахера и станет лучшей сначала в городе, а потом в стране. В качестве тренировки она делала причёски каждому, кто на это соглашался, а так как к десятому классу через её руки прошли практически все, то я для неё оказалась находкой и подарком. В первый же мой школьный день она уговорила меня остаться после уроков и «поработать над имиджем», что вылилось в кучу мелких косичек по всей голове, замысловато переплетённых и схваченных разноцветными резиночками. Мама ахнула, увидев меня, и сказала, что я напоминаю ей дикобраза, собравшегося на бал в африканское посольство. Разбирала я это художество битый час, поскольку идти в таком виде в школу согласился бы только маньяк, но Наташка совсем не обиделась, а радостно заявила, что у неё возникла новая идея стильной стрижки, которая мне точно пойдёт... ну, и всё такое.

В общем, мы подружились, стали вместе ходить из школы-в школу, обмениваться дисками и записями, делать друг другу макияжики, а также обсуждать школьные дела и одноклассников.

Вот Наташка-то меня и просветила насчёт группировок внутри класса, способов самозащиты, границ нейтральных территорий и прочих жизненно важных вещей. С её помощью, порой довольно активной («Вали отсюда! Я кому сказала, отстань от Люськи! Не даст она тебе списать домашку, а я в глаз точно дам!»), к концу учебного года я заняла в классе нишу девицы умной, но не от мира сего, а иногда и прибабахнутой, так что ко мне обращались в основном за помощью на контрольных да иногда в спорных вопросах по истории или литературе. Свой прежний класс я вспоминала с ностальгической грустью, как давно прошедшее детство, – наивное, лопухое и доверчивое. С нынешними одноклассниками приходилось держать ухо востро, постоянно быть готовой к подвоху и не забывать, что в борьбе за существование выживает сильнейший. «Се ля ви», – как говорят французы.

После летних каникул меня встретили уже как свою. Наташка, уезжавшая на лето к родне, с визгом кинулась на шею, мальчишки заинтересовано окинули взглядом, и даже подружки-соперницы Романова и Макагонова удостоили снисходительным «Привет!» Сентябрь стоял солнечный и тёплый, учителя после лета как будто подобрели, и всё было бы замечательно, если б не эта записка! Попробовать собрать образцы почерка у мальчишек, что ли? Или всё-таки посоветоваться с Наташкой? Она-то всех чуть не с детского сада знает...

...Телефон тихо звякнул: пришла эсмэска. «Люська клеится к Пахе. Надо поговорить. Жди у раздевалки после уроков».

5

На литературе, пока ГЛ пыталась добиться от Котляренко определения метафоры, я шепнула Наташке: «Есть разговор! Секретный». У той сразу

загорелись глаза: «О чём?!» Я мотнула головой: «Потом, после уроков. Пойдём, посидим в «Галактике», ладно?» Наташка часто-часто закивала и только открыла рот, чтоб ещё что-то спросить, как раздался голос бдительной Галины Леонидовны: «А вот сейчас нам Мартынова и приведёт пример метафоры, она уже его придумала!» «Румяной зарёю покрылся восток», – быстро шепнула я.

«Румяной зарёю...» – промямлила несчастная Наташка, приподнимаясь из-за парты. «А Синицына добавит!» – тут же объявила безжалостная ГЛ. «Ледяной взгляд, смертельная скука, стойкий оловянный солдатик!» – оттарабанила я с места, преданно глядя на классную. Та хмыкнула, покачала головой и вновь повернулась к Котляренко: «Понял, горе моё? Садись, ещё раз спрошу на зачёте! А сегодня мы займёмся повторением эпитетов и олицетворений...» Как утверждает ГЛ, именно на терминологии и «режутся» на экзамене по литературе, поэтому половину сентября мы, откровенно тоскуя, занимались повторением и зазубриванием признаков и отличий всевозможных литературоведческих терминов, – как будто найдётся идиот, чтоб выбрать литературу на ЕГЭ! Даже я на это не способна.

Остаток урока мы просидели тихо, как мышки, лишь бы не привлечь ещё раз внимание ГЛ. Вообще-то она неплохая тётка, главное – с юмором, но язык у неё, как бритва, и она может тебя так припечатать, что потом над тобой неделю будет ржать весь класс, а то и параллель, так что после нескольких «показательных порок» охоту нарываться отшибло даже у самых «крутых». В обычное время, то есть, когда всё идёт более-менее нормально, ГЛ не особо к нам пристаёт, лишь бы учились без двоек да на дежурства приходили вовремя, но где-то раз в четверть на наш класс сваливается МЕРОПРИЯТИЕ, и тут её просто сносит с катушек.

Актив класса немедленно усаживается за «мозговой штурм», где после всеобщего ора отфильтровываются более-менее разумные идеи, реализация которых в диктаторской манере возлагается на подходящих – по мнению ГЛ – исполнителей. Оставшиеся счастливицы служат рабочими лошадками, массовой, «принеси-подай-не трожь!» и «мальчиками для битья». ГЛ бегаёт взвинченная, требует, чтоб всё было сделано «ещё вчера», свирепствует на уроках и, видимо, питается только валидолом. Когда МЕРОПРИЯТИЕ, наконец, удаётся свалить с плеч (что удивительно, всегда успешно!), наша классная расслабляется и вновь становится милой и улыбочивой дамой среднего около пенсионного возраста, которую мы, в общем, любим. В этом году нам «светит» «Осенний бал» в конце октября, и ГЛ уже начала нервно подрагивать щекой.

Вчера я весь вечер просидела в Сети, искала зацепку для проведения почерковедческого анализа. К сожалению, оказалось, что для анализа годится только так называемая «скоропись», когда буквы плавно соединяются в слова и предложения, да и то нужны, по меньшей мере, несколько строчек, а лучше страница текста. Информации по печатным буквам набралось с гулькин нос, но и та ничего не прояснила.

Вот как прикажете понимать фразу: «Использование печатных букв вместо письменных означает движение к новым взглядам»?! Или «Использование в почерке печатных заглавных букв характеризует человека как творческого, изобретательного, имеющего гибкий ум и восприимчивость». Приятно, конечно, что тебе пишут записки «та-а-кие люди», но вопроса это не снимает.

И я решила рассказать всё Наташке. Вдвоём будет легче что-нибудь придумать. В «Галактике», небольшом кафе возле парка, среди дня нам никто не помешает и ничего не подслушает.

Обществознание – последний урок – неожиданно отменили, что-то там случилось с учителем, но на радостях никто особо не вникал: не часто нам так везёт. Уже через минуту в школе из наших не осталось никого. Пробившись сквозь толпу галдящих малолеток у раздевалки, мы с Наташкой тоже получили свои куртки и выскочили на улицу. И тут же нам в глаза плеснуло стайей солнечных зайчиков: это мальчишки, притаившись за кустом сирени, устроили «световую атаку». «Ах, вы так! – завопила Наташка и, размахивая курткой, кинулась к ним. – Ну, всё, вам не жить!»

Я бежала следом, хохоча и щурясь, и тоже что-то вопила. Рюкзак прыгал за спиной, я сдёрнула его и метнула, как нунчаки, не особо целясь, в спины убежавших. И, как всегда в таких случаях, попала!

– Ох, ничего себе! – сказала одна спина сдавленным голосом, и убежавший повернулся. Я встала на месте, как вкопанная. Это был Пашка.

Наташка впереди с визгом наскокивала на Котляренко, а тот хохотал басом и пытался поймать её за руки. Я беспомощно огляделась по сторонам.

Рядом никого не было. Мы уже выбежали на аллею, ведущую к школе, в этот неурочный час она была пуста. Пашка, исподлобья поглядывая на меня, молча отряхивал куртку.

– Извини, я не хотела, – неловко сказала я. – Сильно больно?

– У тебя там что, кирпичи? – спросил он в ответ.

– Ну-у, почти. Учебники называются. – Я подобрала рюкзак с земли, стряхнула прилипшие листья и взвесила в руке. Тянуло килограммов на пять плюс ускорение... Мне стало по-настоящему жалко Пашку.

– Давай, потру! – предложила я искренне. – Мне мама в детстве всегда ушибленное место тёрла, и, правда, легче становилось!

Пашка стоял, с непонятным выражением глядя на меня. Я опять растерялась, не зная, как выйти из дурацкой ситуации. То ли он ещё злится, то ли обиделся?

– Аригато, Синицына-тян! Выживу, – сказал он наконец. – Не могу сказать «Люся», получается чёрте что. Ты в курсе, что в японском нет звука «л»? И как тебя тогда называть?

– Можно Мидори, – неожиданно выдала я свою страшную тайну. – Это героиня одного анимэ, ты видел? Могу дать посмотреть, если хочешь.

Мы как-то незаметно пошли рядом, не особо торопясь и искоса поглядывая друг на друга. Пашка, когда не придурился и не строил из себя супермена, оказался «няшным куном», как говорят у нас в Сообществе. Он рассказал,

что запал на анимэ после подаренного на день рождения «гаремника». Сначала вообще въехать не мог в отношения героев, потом стало интересно, а во всех ли японских школах так, – ну, и пошло-поехало. О Сообществе он знает, переписку на форуме читает, но сам пока помалкивает, – «не хочу идиотом выглядеть», коротко пояснил он.

Я задумчиво кивнула: всё знакомо. Я тоже больше всего боюсь показаться дурой или неумехой и поэтому предпочитаю сидеть в своей раковине и не высовываться, – ну, разве что поболтать с Наташкой или родителями, которые и так меня знают, как облупленную.

В итоге в «Галактику» мы завалили четвером. Взяли колу, соки в картонных коробочках, «охотничью» пиццу, наполовину состоявшую из помидор, а напоследок – мороженое. Котляренко при близком знакомстве оказался не совсем дураком. Во всяком случае, армейские анекдоты он травил на редкость артистично. Наташка от смеха едва со стула не свалилась, а когда мы с Пашкой начали её спасать, то стукнулись лбами, и тут уже под стол упали все трое. Род сидел за столом с невозмутимой мордой и басом говорил: «Ну, как дети прямо! Мне за вас стыдно!» Разогнал нас по домам только звонок моего мобильного.

– Люсь, ты где? Марш домой немедленно! – ясно, как будто из-за соседнего столика, раздался голос мамы. Народ примолк. – У меня суп на плите, а меня на работу срочно вызвали, спецвыпуск вычитать.

– Сейчас приду, – не вдаваясь в подробности, сказала я и встала. Комментарии были излишни. Пока парни выбирались из-за стола, Наташка подскочила ко мне и зашептала в ухо: «А разговор?!»

– Давай завтра, – предложила я, поднимая и впрямь словно кирпичами набитый рюкзак. Я внезапно устала, как после контрольной, и настроение упало ниже плинтуса.

– Может, тебя проводить? – неожиданно предложил Пашка, и Котляренко бросил на него быстрый взгляд.

– Мне близко, – отрицательно мотнула я головой. – Всем пока. И это... спасибо за компанию, – закончила я неловко.

– Взаимно, – прогудел Род. – Служба эскорта. Обращайтесь.

...Бутылка опять пошла по кругу. Кто-то подкинул пару веток в костёр, – не для тепла, потому что сентябрьский вечер был ещё по-летнему тёплым, а просто так, инстинктивно. Пламя весело затрещало, как будто засмеялось, – и компания пьяно заулыбалась в ответ. Парнишка сидел здесь уже пару часов и давно перестал отслеживать, кто уходит, кто приходит. Главное, вокруг были люди, а не стены. Даже лучше, чем просто люди – пацаны, такие же, как он или чуть постарше. И разговоры были реально мужские: про машины, футбол, компьютерные «игрушки», теперь вот – про девчонок. Он с удивлением услышал собственный голос. Голова «плыла».

– Теоретически любую девчонку можно раскрутить на секс, если умеючи к ней подойти. Кого-то надо лишь немного пообжимать – и всё, она сама к тебе п-придет, т-тёпленькая. Кому-то требуется ухаживание по п-полной

программе: за ручку подержаться, цветы-букетики, с-стихи под луной, – с такими сложнее, н-но опять же нич-чего невозможного. А кто-то ведётся на умные разговоры, на душевную тонкость, – а итог тот же самый, т-точно вам говорю! Наук-кой ус-становлено: не бывает фригидных баб, – бывают неумелые мужики! – с пьяной удалью провозгласил он и снова глотнул из бутылки.

– А это ты, что ли, умелец? – лениво произнёс один из собравшихся. – Теоретик, блин!

– А спорим! – Парень запетушился. – А спорим, я любую девчонку за месяц уговорю!

– И целку?

– И целку!

– Да у них в классе и целок-то уже, поди, не осталось! – заржали остальные. – Там уж и бодаться-то не из-за кого!

– А новенькая? Эт-та...Синицына! Какая она после лета вернулась! Ну, спорим?!

– Спорим!

– Замётано!

6

С Наташкой долго объясняться не пришлось. Я молча сунула ей уже изрядно потрёпанную записку, лаконично добавив: «Нашла три дня назад в тетрадке».

Она впилась в записку глазами, охнула, перевернула, поднесла к носу, понюхала и, по-моему, даже собиралась её лизнуть, но передумала, заметив мой насмешливый взгляд. Вместо этого на меня обрушилась лавина слов.

– Люська, это от кого?! Не знаешь? Класс!!! В какой тетрадке? А почему сразу не сказала?! – тут она слегка надулась, но быстро сменила гнев на милость. – И что, больше ничего? И не подходил к тебе? Вот дурак! А ты сама на кого думаешь?

И прочее в том же духе.

Когда Наташка слегка успокоилась, я объяснила ей, что приняла записку за розыгрыш и не стала гнать волну, чтоб не лохануться. Распечатки из Интернета об определении характера по почерку Наташка быстро просмотрела и откинула в сторону.

– Нет, это ерунда, так не определишь, – задумчиво сказала она. – Кто же это может быть? Ну-ка, расскажи ещё раз, как ты её нашла!

Я добросовестно описала пресловутую перемену. Ясности это не добавило. Обычно, если кабинет закрыт, все мы кидаем сумки на пол у двери и отходим посидеть и поболтать на подоконниках, так что теоретически кто угодно мог выцепить мой рюкзак из общей кучи, сунуть записку в тетрадь, которую я вкладываю в учебник, щёлкнуть замками и вернуть, «как бул~~о~~». Никто бы не обратил внимания, и я – первая. Но почему тогда он больше никак себя не проявляет? Или это всё-таки Пашка? Или Котляренко? Или Тарасик?!

Я, задрав ноги на подлокотник, валялась на диване и грызла яблоко, Наташка вертелась в моём компьютерном кресле: вж-жик – в одну сторону, вж-жик – в другую. Яблоки она не любила и грызла сушку.

– Давай рассуждать логически, – вещала она. – Может это быть Вовка Сердюк? Правильно, не может! Потому что кроме Анютки никого в упор не видит. По тем же причинам отпадают Грищенко и Сергеев, – уже больные, лечению не подлежат. Значит, остаются Синельников, Котляренко, Тарасик, Сашка Лихачев и Антон Весёлкин. Они все были в тот день, ты не помнишь? Ладно, это можно выяснить по журналу. Если все были, тогда надо искать самого подозрительного!

Я подумала и рассказала ей про Пашку с его дурацким вопросом.

– Вот зуб даю – это он! – Наташка даже в кресле подскочила от возбуждения. – Чего он к тебе пристал с этими анимэ? И чего это они нас вчера в кустах дожидались?!

– А вдруг Котляренко? – возразила я для очистки совести, хотя мне тоже казалось, что записку написал Пашка, – ну, вернее, мне *хотелось*, чтоб это был он.

– Мне-то лапшу на уши не вешай, – фыркнула Наташка. – Котляренко! Да он в жизни до этого не додумается, а тебя он, по-моему, вообще боится!

– Меня?! – я удивлённо воззрилась на неё с дивана. – С чего это?

– Ты умная сильно, – без обиняков пояснила Наташка. – А он простой парень, и интересы у него простые: футбол, киношка хорошая, музыка забойная, стрелялки. Он с тобой и заговорить о чём не знает. Боится опозориться.

Я сидела, озадаченная.

– И что, многие так меня боятся?

– Да почти все... кроме меня, конечно! – Наташкины глаза сузились в щёлочки, как будто она начинала злиться. – Ты прямо как во сне живёшь! То ты сидишь, в книжку уткнувшись, то лекцию вместо простого ответа выдаёшь, то улыбаешься презрительно, – кому охота связываться, чтоб ты его дураком выставила? Вот и записку без подписи подкинули! Может, человек по тебе давно сохнет, а подойти не решается!

– А как же тогда Синельников? – спросила я, улучив минуту, когда Наташка глотнула воздуха.

– А что – Синельников?! Он, может, опять ваньку валяет, супермена из себя строит, мать в отъезде, гуляй – не хочу, а всех остальных девчонок он уже перебрал!

– И тебя? – спросила я небрежно, изо всех сил пялясь на стенку. Наташка умолкла.

Я осторожно покосилась на неё. Наташка в комочек собралась на стуле, уткнув лицо в колени. Я замерла, уже ругая себя за длинный язык. Прошло минуты две или пять, – не знаю, но они тянулись, как час.

Наташка подняла голову и потянулась на стуле, развернувшись, как кошка после сна. Глаза у неё были сухие и блестящие.

– И меня, – спокойно сказала она. – Только это ещё до твоего приезда было, в девятом классе. Он меня тогда целоваться научил. По-взрослому.

– И всё? – я залилась краской, но удержаться не могла.

– А что ещё? Я с ним не спала, если ты об этом, – будничным тоном пояснила Наташка. – Да и никто не спал, по-моему, девки больше треплются, чтоб другим завидно было. А, может, он сам такие слухи распускает и потом развлекается, когда девчонки из-за него друг другу волосы рвут, как Макагонова с Ермаковой.

– С Ленкой?! – поразилась я. – Она же тихая, не видно и не слышно.

– Так не она и начала. Пашка возле Ленки на физкультуре покрутился, на канат помог вскарабкаться, на шведской стенке рядом потёрся, – а Макагонова прямо в раздевалке Ленке в волосы вцепилась и давай трясти, и ревет, и орёт невесть что, – еле растащили. Ленка потом две недели с поцарапанной физией ходила, а Макагонову к директору вызывали, только она молчала, как партизан. Пару ей за поведение вlepили, и на этом всё кончилось. А Паха с того дня ни на одну из них не смотрит, вот и весь результат!

– Офигеть! – других слов у меня просто не нашлось.

– Ага! – согласилась Наташка. – Так что ты имей в виду: если это Синельников, то он тебе просто голову дурит, а потом ручкой помашет и привет! Да ты сама видела!

– А если не Синельников?

– Тогда не знаю, – задумалась Наташка. – Остальные-то парни у нас вроде нормальные. Родька, помнишь, в кафе?.. «От меня и до другого дуба», – ой, не могу, ха-ха-ха! – залилась она таким неудержимым хохотом, что я тоже засмеялась.

Проохотавшись и вернувшись «к нашим баранам», мы решили, что надо ждать развития событий, если оно, конечно, будет, это развитие. А если это была просто подначка, то я проявила себя очень достойно, на провокацию не поддаюсь и оставила неизвестного любителя розыгрышей с носом. Так ему и надо! На этой жизнеутверждающей ноте мы почувствовали настоятельную потребность подкрепить наши молодые растущие организмы, совершили набег на кухню и, изрядно опустошив холодильник, уселись за уроки. На завтра нам был обещан тест по литературе и контрольная по физике, – и вот где после этого гуманное отношение к детям?!

– ...Мало тебе одного раза? – недовольным тоном спросила крепко сбитая крашеная блондинка, сосредоточенно пристраивая на голову модную кепку. Повернувшись вправо-влево перед зеркалом и критически фыркнув на своё отражение, она, наконец, взглянула на подругу. – Или охота, чтоб вообще из школы выперли? Тогда ты своего Паху только в бинокль видеть будешь, по большим праздникам... если повезёт. До тебя не доходит, что ли: кобель твой Пашка! Две недели поматросит и бросит, за новой юбкой побежит. Тебе с ним на необитаемый остров нужно попасть, чтоб он только на тебя смотрел.

– Не хочешь, не ходи, – угрюмо ответила та. – Сама справлюсь.

Отвернувшись, она упёрлась головой в стенку и закрыла глаза.

– Он мой, мой! Он мой! – голос у неё задрожал.

– Ты ревёшь, что ли, Наташка? – блондинка обернулась. – Вот дура! Да он мизинца твоего не стоит! Не реви, а то краска потечёт! – Она неловко обняла подругу и потащила её к выходу, стараясь загородить от чужих глаз.

– Плюнь, не реви! Попортим Люське морду, он на неё и не взглянет, весь тебе достанется, ешь его с маслом! Не реви, говорю!

7

Перед последним уроком Котляренко притащил стопку сданных сегодня утром дневников и бухнул её на учительский стол.

– Бандерлоги! – провозгласил он. – Слушайте меня, бандерлоги! Хорошо ли вам слышно?

Народ зашумел и стал подтягиваться к столу.

Род прижал дневники внушительным кулаком и заявил:

– С каждого дневниковладельца – рупь! В пользу голодающих... меня, а то все силы подорвал, таская ваши двойки!

Народ зашумел сильнее, указывая Котляренко самые нетрадиционные маршруты его дальнейшего передвижения.

– Родик, – томно сказала Романова, – у меня нет рубля, можно, я тебя взамен поцелую?

– Десять раз! – согласился Род и картинно раскрыл ей объятия.

Воспользовавшись моментом, наши кинулись к столу, и парочку просто смело волной народного ликования. Впрочем, ликование быстро пошло на спад, так как ГЛ, верная себе, выставила в дневники поголовно все «неуды», снабдив часть из них обращением к родителям. Судя по задумчивым лицам одноклассников, добрая половина из них занялась придумыванием «отмазки» для предков. Я подождала, пока ажиотаж схлынет, и подошла к столу без особых опасений, поскольку в последние дни меня просто не спрашивали.

Вторая записка лежала в дневнике, который я получила после проверки. На этот раз буквы шли горизонтально:

НЕ ВЕРЬ ЗАПИСКЕ! ЭТО ЛОВУШКА!

Меня опять как будто по голове мешком стукнули. Захлопнув дневник и изо всех сил стараясь казаться невозмутимой, я пошла к своей парте. Как нарочно, сегодня Наташка с третьего урока отпросилась у ГЛ в зубной кабинет, и мне не с кем было даже поделиться. Нет, ну что же это такое?! Какая ловушка?! Зачем предупреждать о ловушке, если ты сам писал первую записку? А если не писал, то откуда о ней знаешь? И какая может быть ловушка в записке?!

Географию я просидела, как на иголках, прокручивая в голове все возможные объяснения, и так ни к чему и не пришла. Мне страшно хотелось сравнить первую записку со второй, но условий не было никаких. Звонок прозвучал для меня сигналом спасения. Я первой выскочила из класса и помчалась в своё убежище под лестницей. Трясушимися руками достав из потайного кармана рюкзака первую записку, я приложила её ко второй.

На первый взгляд сходство было полным: те же прямые, чуть дрожащие линии, те же восклицательные знаки. Я стала сравнивать записки по буквам. Случайно или нарочно, но одноименных букв в обеих записках оказалось всего шесть, и вот тут-то и стало заметно различие. Поперечные палочки у «Н» и «А» во второй записке были явно ниже, чем в первой. Значит, её писал кто-то другой! Но зачем? И откуда он знает про первую? И знает ли автор первой записки про вторую?

Убрав записки в рюкзак, я побрела вверх по ступенькам. Я настолько задумалась, перебирая в уме варианты, что вообще не смотрела по сторонам, и только толчок в плечо заставил меня поднять голову.

– Смотри, куда прёшься! – процедила сквозь зубы плотная девчонка с полузнакомым лицом, вроде бы она была из параллельного «А» класса. – Это ты Сеницына?

– Я, а что? – удивилась я вопросу.

– Разговор к тебе есть, пошли отойдём.

Не дожидаясь моего ответа, она развернулась и двинулась за угол раздевалки. Там, в полутёмной небольшой рекреации, в которую выходили двери вечно закрытых школьных мастерских, обычно было пусто. Я машинально пошла за ней, не понимая, зачем я ей понадобилась.

– Эй, погоди! А в чём дело-то?

Девчонка скрылась за углом, и я прибавила хода.

Едва я завернула за угол, как споткнулась о подставленную ногу и чуть не полетела кубарем. Пытаясь сохранить равновесие, я согнулась и выставила вперёд руки. За них тут же кто-то рванул, так что меня развернуло и больно приложило об стенку. Кто-то невидимый, но очень сильный сзади давил мне на шею, заставляя опустить голову и упереться лбом в штукатурку. Я попробовала дёрнуться, но меня держали за вывернутые назад руки, было очень больно, и я перестала вырываться.

– Вы что, сдурели? За что?! – я пыталась разозлиться, но сама слышала, как жалко звучит мой голос. От неожиданности и боли я испугалась до тошноты. Коленки дрожали и подгибались.

– За то! – Кто-то подошел со спины и негромким, но злым голосом говорил мне прямо в ухо.

– Ещё раз подойдешь к Синельникову – синяками не отделаешься. Руки-ноги переломаем или кислоты в лицо плеснём, на всю жизнь уродиной станешь.

– Поняла, дрянь? – На шею надавили сильнее, так что я пробороздила стенку лбом. – Поняла?!

– Поняла... – Губы почему-то не разлеплялись, и голос сипел. – Вы ещё... его... на цепь... посадите... чтоб... не убежал!

Давить на шею мне перестали, зато вцепились в волосы и дёрнули так, что голова мотнулась назад, а я взвыла. Ещё один удар снова приложил меня об стенку, теперь уже правой скулой, с которой, судя по ощущениям, снесло кожу напрочь. Я рванулась, но за руки меня держали по-прежнему,

не давая повернуться. За спиной творилось что-то непонятное. Похоже, там тоже кого-то удерживали, слышались возня и придушенные крики типа «убью... тварь, пусти... дрянь!»

И тут, как гром среди ясного неба, среди этого ужаса прозвучал звонкий детский голос:

– А это вы зачем её держите?

– Уходим! – услышала я и вдруг оказалась свободной. Я попыталась быстро обернуться, чтоб увидеть хоть спины убежавших, но меня шатнуло в сторону, ноги подкосились, и я сползла по стенке на пол. Слёзы брызнули из глаз сами собой.

Когда я прорыдалась и открыла глаза, передо мной стоял тощенький мальчишка лет восьми и задумчиво разглядывал мою физиономию.

– Ты кто? – спросила я первое, что пришло в голову.

– Я Паша Антипов, – солидно представился он. – Я из продлёнки первого «Б».

– И *ты* Паша?! – меня пробил истерический смех. Мальчишка ничего не понял, но тоже засмеялся. Когда мы успокоились, он с любопытством спросил:

– А тебя за что били?

– Не за что, а по чему, – буркнула я, кое-как поднялась (всё болело) и протянула ему руку:

– Спасибо тебе, Паш, ты меня очень выручил.

Малёк с серьёзным видом пожал мне ладонь и ответил:

– Не за что. В беде надо людям помогать.

Потом помялся и сказал:

– Ну, я пойду, ладно? А то мне ещё в туалет.

– Иди, иди, – согласилась я и полезла за зеркалом. Лучше бы я этого не делала...

– ...Галь, ну что ты с ума сходишь? Ну, проведёте вы этот «Осенний бал», в первый раз, что ли? – Седоусый мужчина у плиты напоминал домашний вариант Санта-Клауса: яркие голубые глаза в смешливых щёлочках, солидный животик, упрятанный под цветастый фартук, а вместо посоха в руке – блестящий половник, которым он что-то помешивал в кастрюльке. – Сядь на место, что ты по кухне мечешься!

Худощавая моложавая дама в стильных домашних брючках и тунике дёрнула плечом, но команды послушалась, пристроившись на табуретку у холодильника.

– Ты не понимаешь, это же особенный бал! Последнее наше мероприятие в школе! По нему нас запомнят! И я хочу, чтоб запомнили надолго. Надо придумать что-то особенное, яркое, чтоб каждого захватило!

– Дискотека инопланетян? Шоу бродячего зоопарка? Пижамная вечеринка в сумасшедшем доме? – Бросая идеи, мужчина сменил половник на нож и начал бойко крошить морковь.

как правило, обрабатывались перекисью водорода, так что ощущения мне были хорошо знакомы. Стоически вытерпев санобработку в мамином исполнении, я хотела уже улизнуть к себе, но мама твёрдой рукой перенаправила меня на табуретку у стола.

– Посиди-ка минутку. Во-первых, выпей вот это. – Она достала из холодильника пузырёк, плеснула воды в чашку и отмерила двадцать капель. Запахло валерьянкой, ментолом и ещё чем-то больничным. По запаху я опознала мамины капли «от сердца» и безропотно выпила.

– Во-вторых, ты, может, расскажешь, что всё-таки случилось? – Она неожиданно тяжело опустилась на другую табуретку и, накапав себе тех же капель в опустевшую чашку, выпила тоже.

– Поскользнулся. Упал. Очнулся – гипс, – пробурчала я, стараясь на неё не смотреть.

– Пока ещё нет, но следующий раз может закончиться и гипсом, – тихо сказала мама. – Люсь, я не прошу выдавать мне ваши страшные тайны, предавать кого-то и так далее, но ты же должна понимать, что если дело дошло до мордобоя, то это уже не шутки. Такое нельзя спускать, иначе эти подонки могут войти во вкус, почувствовать свою безнаказанность. Бить девчонку, Боже мой! Да в моё время самому отпетому хулигану это даже в голову не пришло бы!

– Оно и в наше не пришло, – ответила я, не поднимая головы. – Меня девчонки били. И держали тоже девчонки. И я не знаю, кто, потому что так держали, чтобы не увидела. И голоса я не узнала. И вот как ты их будешь искать?! – Я подняла лицо и взглянула на маму.

У неё в глазах стояли слёзы, а губы дрожали не хуже моих. Я бросилась к ней, мы обнялись и дружно заревели.

По-видимому, совместный рёв успокаивает женщин лучше, чем лекарства. Во всяком случае, минут через пять меня перестало трясти мелкой внутренней дрожью, и я начала хоть что-то соображать.

Маму тоже отпустило, поскольку, в последний раз шмыгнув распухшим носом, она сразу накидала план дальнейших действий.

– В школу ты дня три не пойдёшь, я потом напишу, что у тебя поднялась температура, и я оставила тебя дома. Нечего тебе светиться с подранной физиономией на радость всякой швали. Потом, если синяки ещё не сойдут, подмажешься моим тональным кремом. Когда папа вернётся с дежурства, обрисуешь ему ситуацию, и пусть объяснит тебе, как надо было действовать, чтоб больше так не попадаться, и пару приёмов пусть покажет, лишними не будут. С Галиной Леонидовной я сама поговорю. Поговорю! – прикрикнула она на меня, увидев, как я вскинулась. – Она ваш классный руководитель, она обязана об этом знать! Случись что серьёзное, с неё первой спросят, а ваш подростковый кодекс чести на подонков по определению не распространяется. Может, ты и убийцу покрывать будешь, если он из «своих» окажется?!

– Я же всё равно никого не узнала!

– Тем более не о чем беспокоиться! – отрезала мама. – Садись поешь и дуй к себе, а то моя нервная система от споров с тобой разрушается со страшной силой. Спи, ешь, читай, смотри анимэшки. На три дня у тебя каникулы.

Оставшуюся часть дня я просидела в своей комнате. Точнее, не просидела, а в основном провалялась на диване, разглядывая стены и потолок. Слез уже не было, даже и обиды особой не осталось, а было только огромное недоумение: как так можно?! Это же нелепо, глупо, в конце концов! Ну, ладно, допустим, побили они меня в кровь, допустим, запугали, – мне что, на Пашку теперь вообще не смотреть, не разговаривать, отворачиваться и уходить, если он ко мне подойдет?! Или сказать ему открытым текстом: «Ой, Пашечка, мне тут пообещали руки-ноги из-за тебя переломать, я с тобой говорить не буду, боюсь!» Они вообще, как себе это представляли? И какой смысл бить меня, если, судя по всему, сам Пашка кого-то из них игнорирует? Он после этого любовью заплыает, что ли? Вот же дуры! Клинические. Мечта психиатра.

Я ещё раз со вздохом оглядела себя в зеркало. Левый глаз заплыл под замечательным фингалом, на лбу серия царапин, на правой скуле приличная ссадина. Мама права, в таком виде в школу лучше не ходить. Привяжусь с расспросами, как да почему, – не отвяжешься. Ну, и вообще...

Во мне стала разгораться «спортивная» злость. Вот из принципа, как вернусь в школу, первая к Синельникову подойду. Я ему анимэшку обещала? Вот и принесу! Будут мне ещё указывать, с кем ходить, с кем нет! Рабов себе заведите, им указывайте, а я – свободный человек, и лезть в свою жизнь не позволю!

Накручивая себя, я металась по комнате, как вдруг зазвонил телефон.

Мама взяла трубку, послушала, крикнула «Люсь, тебя!» и ушла посмотреть свой турецкий сериал по телевизору.

– Алё! – хмуро сказала я. – Слушаю.

– Привет, Люсь! – бодро затараторила трубка Наташкиным голосом. – А мне зуб выдрали, представляешь? И совсем не больно, только укол больно, а потом ни чуточки. А доктор мне сказал: «Откройте рот, сейчас вылетит птичка!» Мне так смешно стало, а смеяться не могу, щёку вообще не чувствую, тут он дёрг! – и зуб мне показывает! Он молодой такой, чернявый, я ещё подумала: «И зачем он пошел в дантисты?» Алё, ты слушаешь?

– Ага! – Мой голос неожиданно захрипел. – Только я тут заболела, температура и вообще... горло, завтра не приду. Скажешь ГЛ?

– Конечно, – заверила меня Наташка и снова начала трещать про своего дантиста, чем-то потрясшего её воображение. Я слушала в пол-уха, пытаюсь решить для себя, рассказывать ли Наташке про сегодняшнее происшествие. Пока, наверное, нет, а то проболтается. Вот когда приду в класс, тогда всё ей расскажу и покажу вторую записку. Ой! Я про неё почти забыла со всеми этими событиями. А, может, «ЛОВУШКА» – как раз это самое?

Тогда я вообще ничего не понимаю. Голова внезапно заболела, как будто в ней щёлкнули выключателем.

– Наташ, давай всё завтра, а? – попросила я. – Что-то мне совсем фигово.

– Ладно-ладно! – заторопилась Наташка. – Ты там давай лечись! Бай-бай!

Я вернулась к родному дивану, обняла подушку и закрыла глаза. И сама не заметила, как уснула.

...В кухне гремела посуда и слышались весёлые голоса, мужской и женский.

Парень замер в прихожей, не зная, то ли исчезнуть, пока не заметили, то ли всё же зайти поздороваться. Мать он не видел неделю и успел соскучиться.

Его колебания прервали быстрые шаги: в прихожую, пританцовывая, вошла миловидная женщина.

– Павлик! Солнышко! – Тёплые руки обняли его за шею, тёплые губы осыпали лицо мелкими поцелуями. – Как я соскучилась! Ты в порядке? Не болел? Денег хватило? Да что мы тут стоим, пойдём скорее!

Мать взяла его за руку и, как маленького, завела в комнату. Там у стола стоял молодой, моложе матери, мужчина слегка потёртого вида. «Метр восемьдесят, довольно крепкий, руки загрубевшие, морда... смазливая, – быстро прикинул парнишка. – Опять!»

– Знакомьтесь, мальчики! – С немного неуверенной улыбкой мать по очереди взглянула на обоих.

– Это мой сын, Павлик, – она ещё раз притянула его к себе и взлохматила ему волосы, чего он терпеть не мог. – Моя надежда и опора!

– А это... дядя... да нет, какой он тебе дядя! Это просто Митя, мой хороший друг! У нас с ним всё серьезно, правда, Мить? – Мать перебежала к «хорошему другу» и прижалась уже к нему.

– Ясное дело! – согласился тот, по-хозяйски приобняв её за плечи. – Серьезнее не бывает. Дом без мужика сирота, правда, Паш? Чего молчишь? Или не нравлюсь?

Мальчишка опустил глаза, про себя досчитал до десяти и снова взглянул на «просто Митю».

– Да нет, приятно познакомиться. Вы у нас жить будете?

– Там видно будет, – неожиданно отказался Митя. – У меня и своя квартира имеется. Ну, если у нас всё сладится, тогда перееду, а нет – так разбежимся.

– Я тебе разбежусь! – не то в шутку, не то всерьёз мать шлёпнула его по плечу ладошкой. Митя начал ловить её за руки, она, смеясь, отбивалась.

Мальчишка постоял ещё секунду, глядя на них, и молча пошёл в свою комнату.

Закрыл за собой дверь, бросил на пол рюкзак и подошёл к столу. Выдвинув ящик, он порывлся в наполнявших его бумагах и достал фотографию. На фото темноволосый светлоглазый мужчина и очень похожий на него пацанёнок лет пяти держали за лапки мартышку в юбочке и гофрированном воротнике. Оба улыбались во весь рот и по виду были совершенно счастливы.

Оказывается, сидеть дома безвылазно – удовольствие никакое. Сначала я, конечно, с утра понежилась в постели, уютно закутавшись в одеяло и лениво переползая мыслями с одного на другое. Как ни странно, вчерашнее ЧП мне не снилось и не вспоминалось. Я думала о новых анимэ, которые хвалили на нашем форуме, о последнем письме от деда («Ох, надо бы к нему съездить на каникулах!»), о том, чего бы такого вкусенького зажевать на завтрак... Дома было тихо. Родители ушли на работу, домашних животных мы пока не завели, соседей из-за толстых стен отродясь слышно не было. Где-то далеко за окном взрыкивала машина, – забуксовала, что ли? – потом и она замолкла. Когда от тишины стало звенеть в ушах, я решительно спрыгнула с дивана и раздёрнула шторы.

День, как нарочно, был солнечным и ярким. Сейчас бы в парк или в лес, побродить, побегать, покричать, покидаться охапками листьев в... Пашку.

Я отчётливо поняла, что мне хочется делать всё это не одной, а вместе с ним. Или чтоб он сидел рядом, а я на него смотрела. Просто смотрела – и всё. Потому что он красивый. И умный. И вообще...

Я невидяще уставилась в зеркало в ванной.

Идиотка. Влюбилась. Такая же дура, как все. Ещё одна «девочка-на-две-недели». А потом?

В зеркале неожиданно отразилась моя физиономия: тёмные полосы подсохших царапин, начинающий зеленеть синяк под глазом, лохматые после сна волосы, припухшие губы вареником. Кому я такая нужна? Да он обо мне через день забудет! Вот и успокойся! Вот и ладненько! Переживёшь.

Я на полную мощность открыла холодную воду и стала плескать её в лицо. Скоро ладошки заledenели, щёки загорелись огнём, а зубы заныли. Б-р-р-р! Средство оказалось радикальным, и ненужные мысли сами улетучились из головы. Вытираться пришлось осторожно, ссадины всё ещё болели. Я щедро намазала их каким-то чудо-кремом, выданным вчера мамой, и пошла скорее на кухню, чувствуя, что умираю от голода.

Потом я посидела за компом, почитала «программного» Горького, потыкала кнопки на пульте телевизора. По «ящику» шли утренние шоу из серии «что купить-где купить, что носить-куда носить» и прочий околочелтурный бред.

Вот кто, интересно, смотрит все эти «Предсказания Нострадамуса», «Битвы экстрасенсов» и «Дом-2»? Откуда у них такие рейтинги, что они упорно держатся в сетке программ? Или родители правы, и всё нацелено на оболванивание народа? Поскольку ответа у меня не было, я выключила телик и начала нарезать круги по квартире. День едва перевалил за два часа.

У наших сейчас идёт последний урок, вроде бы история. Кто-то наверняка мается у доски с датами: меня нет, и подсказать некому. Наташка сосредоточенно рисует в тетрадке очередной вариант очередной стрижки. Род периодически клюёт носом и, вздрогнув, тарашит глаза, чтоб его не засекали. Романова любит своим маникюром, а Макагонова

– своей ножкой, выставленной в проход между партами. Пашка... – я, как наяву, представила его насмешливую улыбку и прядь волос на лбу.

Почему одни люди нравятся, а другие нет? Ведь тот же Олег Тарасик вполне ничего себе, и умный, и руку вовремя подаст, и дверь придержит, и не трепло, как Пашка, а вспомнить о нём нечего, весь он правильный и скучный, словно шар. А Пашка... Я поискала сравнение. Он не шар, не куб, не пирамида, он... вообще не геометрическая фигура. Он... как огонёк, яркий, ласковый, а потянешься поближе – может укусить за пальцы, а то и сжечь. Я вспомнила Ленку Ермакову и поёжилась. Что же тогда, я – бабочка, летящая на пламя? Далее следовал вполне логичный вывод, что я – насекомое, и мозгов у меня, по-видимому, столько же...

Но тут раздался звонок в дверь.

Я открыла, не спрашивая, убеждённая, что это мама, – и обалдела. На пороге стояла Наташка. Наверное, при взгляде на меня она обалдела тоже, поэтому первую минуту мы молча тарасились друг на друга, как на привидение. Потом она шагнула в прихожую и захлопнула дверь.

– Значит, ангина? – риторически спросила она, беззастенчиво пляясь на мои ссадины. – Горло у нас болит? Язык отсох, совесть атрофировалась? Или это бандитская пуля?! Ты уж скажи, поделись боевым опытом!

Между делом Наташка разулась, сняла куртку и напрямик отправилась в мою комнату. Я поплелась за ней.

– Ты что, вправду язык проглотила? – Наташка плюхнулась в компьютерное кресло и требовательно воззрилась на меня. – Давай рассказывай!

И я рассказала. Про вторую записку, про встречу в раздевалке, про то, как меня били. Наташка сидела притихшая и только время от времени ойкала.

– Сильно болит? – спросила она, когда я замолчала.

– Да нет, средне, выглядит страшнее, – честно ответила я. – Скорее, обидно.

– Ну, ничего себе дела! – Наташка соскочила с кресла и забегала по комнате. – Голливуд отдыхает! Я что-то о таком ещё не слышала в нашей школе.

Она остановилась и внимательно посмотрела на меня.

– Что делать будешь?

Я пожала плечами.

– Ничего. Отсижусь и приду в школу. Я же всё равно не знаю, кто это был. Да если бы и знала... Морду в ответ, что ли, бить? Или в суд подать? А доказательства?

– Ну да, малёк на доказательства не потянет... – задумчиво сказала Наташка. – Но ведь ту девчонку, что тебя окликнула, ты узнаешь?

– И что? Она отопрётся, и опять ничего не докажешь. Да ладно, расскажи лучше, что там сегодня было!

– Ой, ты не поверишь! – Наташка оживилась. – У ГЛ очередная гениальная идея. На той неделе на классном часе у нас будет типа репетиция к «Осеннему балу» – салон литературных героев. Все должны выбрать себе героя из книг, подготовить узнаваемый костюм и номер.

– Какой номер? – не поняла я.

– Ой, ну что-нибудь: песню, танец, стих, пантомиму, даже карточные фокусы можно или мудрые изречения, – в общем, на что фантазии хватит. ГЛ будет играть хозяйку салона, а мы гости. Котляренко согласился быть мажордомом, будет всех объявлять.

– Бред! – искренне сказала я. – Я не пойду.

– Не пойти нельзя, под угрозой расстрела. ГЛ на полном серьёзе пообещала, что всем не явившимся выставит по пять «неудов» по литературе и всякие другие репрессии тоже. Народ сначала разорался, а потом примолкли, задумались. Прикинь, Романова заявила, что будет Красной Шапочкой! Или Джульеттой!

– Можно ещё Бабой-Ягой, – съехидничала я. – Тоже литературный персонаж.

– Нет, Бабой-Ягой я сама хочу, – заявила Наташка. – Я уже прикинула, как возрастной грим сделать, да и с костюмом не заморачиваться! А ты кем будешь?

– Человеком-невидимкой, – брякнула я, чтоб она отвязалась. Потом подумала и кивнула сама себе: точно, Человеком-невидимкой. Повязки на лице и руках, громадные чёрные очки, – для моей поцарапанной физиономии как нарочно придумано! Чёрный костюм, мужская шляпа – у папы возьму, – белые бинты – страшноватенько получится! Пи-кант-нень-ко.

Наташка недоверчиво покосилась на меня, выразительно покрутила пальцем у виска, но спорить не стала. Подхватив со стола обе записки, она потащила их к окну, чтобы сличить.

– Дело ясное, что дело тёмное, – сообщила она через пару минут. – Ничего не понимаю. Может, всё-таки розыгрыш? Если первую записку писал один, а вторую – другой, то, получается, об этом знают, как минимум, двое. О какой тогда любви речь?!

– **Тебе** же я рассказала, – напомнила я ей. – Может, ОН тоже решил с другом посоветоваться?

– Ага, а тот решил тебя предупредить, чтоб ты не верила! Хороший друг, главное, – верный! Нет, Люська, точно розыгрыш! Наплюй и забудь!

Наташка небрежно бросила листки на подоконник и повернулась ко мне.

– А насчёт этой девчонки, ну, посылной, я, кажется, поняла... – медленно сказала она. – Такая невысокая, плотная, стрижка «лесенкой», волосы с оттеночным мелированием?

– Вроде да, – неуверенно ответила я, слабо представляя себе, чем «оттеночное» мелирование отличается от обычного.

– Это Дашка Круглова, из «ашек». Наташки Макагоновой подружница, – добавила она, заметив, что я не въезжаю.

– Нет! – ахнула я.

– Да! Точно она! Больше некому.

Всё сразу встало на свои места: и побои, и угрозы. У Макагоновой совсем снесло крышу от ревности, если она пошла на такое. На минуту мне стало

её жалко: что с ней будет, если узнают? Нет, ещё хуже: что с ней будет, если узнает Пашка?!

– Откуда она узнала о записке? – услышала я свой собственный голос.

– Ниоткуда, – отрезала Наташка. – Ей и без записки хватило. Да и с чего ты решила, что записка от Пашки? Розыгрыш это, зуб даю!

– Ну... да, – согласилась я, пытаюсь собраться с мыслями. Такие шекспировские страсти не укладывались в голове. – Ну, и что мне теперь делать, Нат?

– Снять штаны и бегать, – буркнула Наташка, а когда я вытаращила на неё глаза, пояснила:

– Ничего не делать. Как жила, так и живи. Только одна нигде не ходи, меня зови. К двум не привяжусь, побоятся.

– А с Пашкой как?

– О, чёрт! Дался он тебе! Тоже никак, сама не подходи, и всё!

Звучало разумно. Если надо, он ко мне первый подойдёт, а бегать за ним я всё равно не собиралась. А если не подойдёт, то тем более говорить не о чем. Значит, зря мне «морду лица» начистили, поторопились. Я невесело усмехнулась: бедному Ванношке везде камушки! А, ладно, пошло всё на фиг! Надо перечитать «Человека-невидимку», толку будет больше!

Я решительно повернулась к Наташке.

– А не забациать ли нам яишенку с помидорами, Ната-тян?

– А забациать! – легко согласилась она, и мы пошли на кухню.

– ...Во-первых, надо было правильно заворачивать за угол, не так... – мужчина подошёл к дверному проёму, шагнул в него, повернулся и скрылся в коридоре, – а вот так!

Он вернулся в комнату, вновь пошёл к двери, но за пару шагов до неё развернулся боком и вошёл в дверной проём лицом к направлению поворота.

– Видишь, подходишь к углу не по прямой линии, а по дуге, и разворачиваешься лицом к повороту. Тогда ты, прежде чем завернуть за угол, сможешь увидеть, что там. Понятно?

Девочка, внимательно наблюдавшая за его перемещениями, утвердительно кивнула.

– Второй момент. Если ты всё же расслабилась и засаду не отследила, вот тебе уже дали подножку и ты летишь... – повинуюсь жесту мужчины, девочка подставила ему ногу, он изобразил, что споткнулся и начал падать руками вперёд, но не стал пытаться удержаться на ногах, а перекатился через голову и мгновенно встал в явно боевую стойку. – Проще всего уйти в кувырок, нападающий этого не ждёт, ты сбиваешь ему захват, а у тебя появляется время встать на ноги и оценить обстановку.

– Я так не смогу, – покачала головой девочка. – И вообще всё было неожиданно, я даже сообразить ничего не успела.

– Ну, ясно, такой навык требует тренировки, это я тебе уже профессиональный приём показываю, – согласился мужчина.

– Тогда самое простое, но обычно тоже хорошо помогающее. Заламывай мне руки за спину!

Девочка подошла к мужчине со спины и неловко завернула ему руки за спину.

Он внезапно всем телом осел вниз. Девочка, не ожидавшая этого, слабо вскрикнула, и пальцы у неё разжались. Мужчина тут же вскочил на ноги.

– Поняла? Если тебя уже схватили, не трепыхайся попусту, падай под ноги, нападавший либо сам тебя отпустит от неожиданности, либо ты его свалишь с ног, и он рефлекторно разожмёт руки. Давай, ещё раз заломи мне руки!

Девочка действовала уже увереннее и, заломив его руки за спину, вцепилась в них изо всех сил, даже пальцы побелели. Но мужчина не стал вырываться, а, слегка согнувшись, неожиданным резким движением пнул её пяткой чуть выше щиколотки.

– Ой-ёй! – взвела девчонка, выпустила руки и, присев, начала растирать пострадавшую ногу.

– Тоже хороший способ, – невозмутимо прокомментировал мужчина. – Это я ещё легко пнул и босиком. А в тяжёлом ботинке, да с силой, да умеючи, в этом месте можно и ногу сломать. Но лучше всего, конечно, не попадать в ситуации, когда эти навыки могут понадобиться. И не ходить никуда с малознакомыми людьми! Или хотя бы смотреть, куда идёшь, как я тебе показал.

– Ага, а ещё лучше превентивно всех поубивать и ходить спокойно! – проворчала девочка, поднимаясь с пола. – Это же в школе было! Кто знал-то!

– Ладно, не бурчи, – миролюбиво предложил ей отец. – Давай всё снова. Работаем!

10

На моё появление в школе никто особо не отреагировал. За три дня плюс выходные царапины полностью зажили и корочки с них отшелушились, ссадина на скуле хорошо подсохла, уменьшилась в размерах и приобрела вид «случайной». Опухоль под глазом тоже сошла, а её сине-зелёный цвет перешёл в бледно-жёлтый, который я полвоскресенья тренировалась замазывать маминым кремом-пудрой. В общем, если специально не вглядываться, то ничего не заметишь. Так, во всяком случае, утверждала Наташка, которая оценивала мои успехи в маскировке.

Больше всего я боялась встречи с Пашкой. Макагонова меня тоже, конечно, волновала, но не так. А вот Пашка... Я страшно боялась, что как только он меня увидит, так сразу всё поймёт: и то, что я в него влюбилась, и то, что думала о нём почти постоянно все эти дни, и то, как мне его не хватало... И самое страшное: что он всё это поймёт – и улыбнётся. Такой спокойной, уверенной, *хозяйской* улыбкой. И тогда – конец. Потому что этой улыбки я ему простить не смогу.

Но всё оказалось гораздо проще, чем я себе представляла: в понедельник Синельников вообще не пришёл на занятия. Первые два урока я только

что не подпрыгивала при звуке открывающейся двери, и лишь на химии на вопрос учителя Род сообщил, что Пашка уехал с матерью на какое-то разбирательство в суде и сегодня его не будет. Я пришла в себя и, наконец, смогла нормально осмотреться в классе.

Как ни странно, Макагонова держалась тише воды, ниже травы. На меня не смотрела и даже с девчонками не болтала, а на всех переменах уходила из класса и возвращалась со звонком. Остальные же оживлённо обсуждали приближающийся «салон графини Разумовской», – такое официальное наименование получила бредовая идея ГЛ. Мнения, как всегда, разделились: часть народа, в основном девчонки, говорила, что это классно, маскарадов у нас сроду не было, и вообще интересно посмотреть, кто кем будет. Другие, в основном, мальчишки, называли идею ГЛ «полным отстоем» и «отрыжкой социализма» и заявляли, что она годится только для старшей группы детсада. Оставшиеся помалкивали в тряпочку, то ли опасаясь высказать свое мнение, то ли вовсе его не имея. Но, судя по отдельным репликам, почти все готовили какие-то костюмы, а, может, и номера. М-да, энергию бы ГЛ, да в мирных целях...

От костюма Человека-невидимки мне всё же пришлось отказаться. Разубедила меня мама, с которой я поделилась этой блестящей, на мой взгляд, идеей. Маме же она категорически не понравилась, и часть её доводов заставила меня задуматься. Во-первых, сказала мама, зачем превращать себя в мумию по собственному желанию? А первая ассоциация при виде сплошных повязок будет именно с мумией, про Человека-невидимку вспомнят единицы, если вообще кто-то, и прозвище может приклеиться очень быстро. Во-вторых, кто и когда будет эти самые повязки бинтовать? У Наташки свой грим сложный, ей будет не до меня, самостоятельно это сделать очень затруднительно, а к кому-то ещё я за помощью точно не обращусь. В-третьих, под повязками очень жарко, в тёмных очках и шляпе вечером почти ничего не будет видно, – и смысл городить огород? Чтобы сидеть, обливаясь потом, полуслепой, а в результате ещё и заработать жуткую кличку до окончания школы? И главное, добавила мама, зачем выбирать костюм, который тебя не то что не красит, а откровенно уродует?! Чтоб порадовать кого-то своей дурустью?

Ну, на счёт «не красит» я бы с ней ещё поспорила, но вот «технические» сложности меня действительно озадачили. Моя отсидка дома оставляла мне уйму свободного времени, и как-то раз я попробовала забинтовать себе хотя бы лицо. Оказалось, что это адская работа! Бинт постоянно путался, отверстия для глаз получились какие-то косые и разновеликие, вся голова бугрилась перекрутками, без которых бинт решительно отказывался вообще держаться! То, что получилось в итоге почти двухчасового труда, представляло собой зрелище явно не для слабых нервов. В общем, от идеи пришлось отказаться, а жаль!

Мама, с её литфаковским прошлым, предложила Джен Эйр, тем более что недавно по телеку как раз повторяли соответствующий фильм. Я

отказалась наотрез: уж лучше Машей-без-Медведя! После того, как я последовательно отвергла «прекрасную каталонку» Мерседес, бывшую невесту графа Монте-Кристо, Скарлетт О'Хара, Клеопатру и кучу других романтических образов, мама пришла в ярость и сказала:

– Ну, и оставайся, как есть – Люсей Синицыной, – и мстительно добавила, – ученицей третьего класса!

Я подумала – и согласилась.

Книжку Ирины Пивоваровой «О чём думает моя голова. Рассказы Люси Синицыной, ученицы третьего класса» я впервые услышала в исполнении родителей, когда мне было лет пять. Причём читали они её вместе: всех мальчишек озвучивал папа, а всех девчонок – мама. Тогда-то я, ещё совсем малявка, просто покатывалась со смеха, слушая Люсины рассуждения о жизни и одноклассниках. Научившись читать, я с удовольствием перечитала знакомые рассказы и втайне гордилась, что меня зовут точно так же, как такую замечательную девочку. Всё рухнуло в одночасье, когда в пятом классе я дала почитать эту книжку своей тогдашней подружке Оксанке Пономаревой. Та прочитала, рассказала Кате, Катя – Светке, Светка – Костику... Через пару дней, когда я пришла в школу, меня встретили дружным воплем: «Привет с далёкого севера! Как поживает ваш муж Синдибобер Филимондрович?» И сколько я не пыталась объяснить, что книжка не про меня, никто меня и слушать не желал. На уроках мне слали дурацкие записки про Колю Лыкова, на переменах просили поиграть на скрипке, шептали «Яло-кво-кыл!» и прикладывали палец к губам, короче, так задразнили, что домой я прибежала в слезах и кинулась к маме с криком: «Зачем вы меня так назвали?! Я не хочу быть Люсей Синицыной!» Мама утешала меня, как могла, а потом поговорила с нашей учительницей по литературе, и та на внеклассном чтении устроила обсуждение этой книги. Сначала все хихикали, но урок есть урок, и постепенно смех утих. А в итоге выяснилось, что на самом деле героиня книги всем очень понравилась и все хотели бы с ней дружить. И вообще, что книжка хорошая, и умная, и весёлая, и учит людей понимать и много ещё чему. В конце урока учительница сказала, что не легко жить с таким именем, потому что оно ко многому обязывает, – тут народ зашушукался и стал посматривать на меня с сочувствием. И на этом все дразнилки кончились. И всё пошло по-прежнему, только я стала умнее, а сочетание «Люся Синицына» стараюсь не употреблять без крайней необходимости. Или «Люся», или «Синицына», – вот так как-то.

В качестве имиджа литературного героя «Люся Синицына» подходила вполне: у ГЛ не будет повода придраться, уж она-то книгу наверняка читала, а с точки зрения костюма особых заморочек тоже не было, почти все девчонки выпускного класса приходят на «последний звонок» в винтажных нарядах а ля школьная форма, соорудить его можно за полдня. Чем я, собственно, и занималась в последние дни моих вынужденных

каникул. И даже придумала номер – стихотворение Агнии Барто «Мы с Тamarой ходим парой». Пусть народ вспомнит детство!

...Парень стоял, прислонившись к стволу берёзы, прикрытый от взглядов старым кустом сирени, и наблюдал за суматохой на школьном крыльце. Двери школы то и дело открывались, выпуская то стайку галдящей малышни, то группки шести- и семиклассников, то женщин разного возраста, как правило, в сопровождении любимого чада. Потом крыльцо как-то резко опустело, и только ветер неумолимо пытался загнать вверх по ступенькам сухие листья. Подросток потянулся, поделал махи руками, попрыгал с ноги на ногу и снова прислонился к берёзе, не проявляя никаких признаков раздражения. Судя по хмурому лицу, думы у него были не весёлые.

Дверь школы бабахнула так, что чирикавших на асфальте воробьёв как будто ветром сдуло. На крыльцо спиной вперёд вывалился высокий парень, энергично боксирующий сразу с двумя оппонентами. За ними с хохотом выпорхнули девицы в стильных курточках и ботиночках, следом потянулись романтические парочки и, наконец, крыльцо опять опустело. Парнишка подобрался и удвоил внимание.

Минут через пять на крыльцо вышли две девчонки, – одна, рыжевато-русая, повыше, вторая, пепельноволосая, чуть пониже. Они о чём-то говорили. На последней ступеньке замедлили шаги, дружно засмеялись, кивнули друг другу – «пока!» и разошлись в разные стороны. Пепельноволосая бодрой рысцой побежала в проход между окружавшими школу пятиэтажками, высокая неторопливо побрела к автобусной остановке.

Парень ещё раз огляделся вокруг – площадка перед школой вновь опустела, – и вышел из-за кустов. Догнать рыжеволосую было делом двух минут.

– Люсь, погоди! – окликнул он со спины. Девчонка вздрогнула и обернулась.

– Хай, Мидори-тян! – сказал он и улыбнулся.

11

Великий день наступил. Сегодня ГЛ даже отпустила нас с литературы, «чтоб отдохнули и подготовились получше», как она заявила. Насколько я понимаю, все, кто хотел, уже подготовились, но спорить, конечно, никто не стал. Я тоже пошла домой, в первый раз за эту неделю – одна.

Все последние дни я ходила, словно во сне. Утром Пашка поджидал меня на остановке, и мы ехали в школу вдвоём, а после уроков то один, то вместе с Родом он ненавязчиво пристраивался к нам с Наташкой, и как-то так выходило, что всей компанией мы доходили до моего дома, где мне оставалось только попрощаться. Он не забирал у меня рюкзак, не пытался меня лапать, самым большим его комплиментом за это время было: «Ты лохматая, как белка после дождя!» По утрам после ставшего привычным: «Привет, поехали?» – он начинал пересказывать сюжет очередной просмотренной анимэшки и рассуждать о диких или не диких, с его точки

зрения, обычаях и характерах японцев. Я в основном отмалчивалась или хмыкала. Пару раз, не выдержав, я кидалась в спор и, забывшись, поднимала на него глаза: он смотрел, прищурившись, непонятно, и я опять поскорее пряталась в свою раковину. «Рак-отшельник!» – вечно сердится мама, когда в незнакомой компании я сижу, как язык проглотив, и стараюсь не отвечивать.

Наташка пробовала приставать ко мне с расспросами, но быстро отстала, получив в ответ красноречивый взгляд. Какие расспросы?! Я сама не могу в себе разобраться. Мне хочется, чтоб Пашка был всегда рядом, – и в то же время я цепенею при мысли, что он вдруг попробует меня обнять. В классе мне периодически кажется, что за моей спиной девчонки переглядываются и понимающе усмеваются: ну, вот и до Синицыной очередь дошла! Попалась, птичка! В такие моменты я смотрю на Пашку злым взглядом и демонстративно отворачиваюсь к Наташке. Потом мне становится стыдно. Кидает в жар и в холод. Ни с того ни с сего ладони становятся влажными, а речь спотыкается на ровном месте. И так же внезапно, от одной его улыбки или просто звука голоса меня охватывает счастье, огромное и беспричинное! Кто бы рассказал раньше – ни за что бы не поверила.

Свою «школьную форму» я отгладила ещё вчера. Ничего особенного: тёмная юбка чуть выше колена, белая блузка-рубашка из маминых запасов и самый писк – чёрный школьный фартук, который мама скроила и сшила собственноручно. Когда я вечером влезла во всё это, заплела волосы в две косы и с маминой помощью уложила их в «корзинку» на затылке, мама едва не прослезилась. Во всяком случае, глаза у неё подозрительно заблестели, а голос задрожал.

– Вот так и не заметишь, как дочка невестой станет!

– Заметишь, заметишь! – утешающее пробормотала я, разглядывая себя в зеркале.

Смотрелось забавно. Белые лопухастые банты на голове в сочетании с формой и красным галстуком на груди делали меня похожей на Алису Селезневу в фильме «Гостя из будущего». Выглядела я максимум шестиклассницей, и от этого ощущения были довольно странные: вроде я – и не я. Но уродливым это точно не было.

В школе мы должны были собраться к семи вечера. ГЛ заранее предупредила, что на переодевание и грим даст не больше получаса, а потом кто не успел, тот опоздал! Нужно было ещё подойти к Роду и сообщить ему, под каким именем тебя объявлять, – эти имена хранились в страшной тайне, так что даже ГЛ их не знала.

Я переделась дома, влезла в старый мамин плащ, который висел на мне, как на вешалке, зато отлично всё скрывал, пониже опустила капюшон и отправилась на «бал» так, чтоб войти в школу минут за десять до начала.

Сюрпризы начались уже в вестибюле.

– На классный час? К Разумовской? – спросил меня на входе широкоплечий охранник. – Фамилию, пожалуйста!

Он сделал пометку в списке и пояснил:

– Если просто раздеться надо, костюм готов, то в свою обычную раздевалку и потом в актовЫй зал. Если надо переодеться, то девочки – в кабинет литературы.

– А мальчики? – поинтересовалась я.

– А мальчики – в раздевалку спортзала.

Пожав плечами, я отправилась по коридору. В раздевалке висели куртка Наташки и клетчатое пальтишко Ани Беркетовой, значит, эти двое были уже в костюмах. Пристроив свой плащ на крючок, я поднялась по лестнице на второй этаж, к актовому залу. У дверей в настоящем бархатном кафтане с золотым позументом стоял незнакомый седоватый мужчина, больше всего похожий на принаряженного гнома из «Белоснежки». В руках он вертел посох явно из комплекта Деда-Мороза.

– А где Род? – спросила я, даже не поздоровавшись от удивления.

– Я за него, – приосанился мужчина и, заметив моё недоумение, неожиданно подмигнул. – Переодевается твой Род, смена состава. Ты кто будешь, красавица? Как выкликать?

– Люся Синицына, ученица третьего класса, – на автомате оттарабанила я, теряясь в догадках, кто этот дядька. – А... заходить можно? Там уже есть кто-нибудь?

– Сейчас объявим честь по чести – и зайдёшь! – сообщил дядька, расправил плечи, зашёл в актовЫй зал и гулко стукнул посохом об пол.

– Мадемуазель Люсья Сьиницина, гимназистка! – громко объявил он и отступил в сторону, освобождая мне проход. Я глубоко вдохнула и переступила порог.

В зале было полутемно и как-то... необычно. Лампы горели только за кулисами небольшой сцены и в дальних углах, на оконных шторах и занавесе были прикреплены вырезанные из бумаги изображения старинных шандалов со свечами. Тихонько играла музыка, какую-то неопределённо знакомую классику. Простые деревянные стулья, на которых мы рассаживались на торжественных мероприятиях, сегодня были сдвинуты по несколько штук вместе и задрапированы чем-то типа старых штор, так что получились узенькие диванчики, стоявшие полукругом перед сценой, оставляя свободным широкий проход. У самой сцены в роскошном кресле с гнутыми ножками нервно обмахивалась веером наша ГЛ – в натуральном бальном платье с голыми плечами и бархоткой на шее! Я настолько поразилась, что встала столбом посреди прохода.

– О, que charmant! Я очень рада вас видеть, мадемуазель Люси! – Галина Леонидовна вспорхнула с кресла и двинулась мне навстречу.

– Прелестный, прелестный наряд! Он, вероятно, задуман как иллюстрация? – чирикала она, крепкой рукой подхватив меня под локоть и направляя к одному из диванчиков.

– Э-э... да! – промямлила я, сообразив, что ГЛ не знает моего номера.

– Я... э-э... прочту стихи... о школе.

– Magnifique! – одобрила ГЛ. – S'il vous plait!

Кивком указав мне место, она поспешила к дверям, где снова грохнул об пол посох Деда-Мороза. Я завертела головой, высматривая Наташку. Они с Аней, хихикая, уже махали мне с противоположного конца диванного полукруга. Мама дорогая! Наташка выглядела точно, как бабка-ёжка в мультике «Летучий корабль». Аня, похоже, была лисой Алисой, во всяком случае, у неё на голове красовалась шапочка с ушками, а на шее – роскошный воротник из рыжей лисы. Мне неожиданно стало весело. Я засмеялась, помахала в ответ и с интересом начала рассматривать постепенно подтягивающихся бандерлогов.

...Он спешил. Он очень спешил, потому что дел ещё было полно, – вагон и маленькая тележка. Что-то нужно было придумать на ноги: не в кроссовках же идти! Голову нужно было помыть и по-быстрому высушить маминым феном. Отглаженная с вечера рубашка висела на плечиках вместе с чёрным шёлковым шарфом, из которого предстояло соорудить галстук. И жрать хотелось невообразимо, надо обязательно перекусить, а то забурчит в животе в самый неподходящий момент... Поэтому он не сразу даже понял, когда его окликнули:

– Синий! Эй, Синий! Куда несёшься?

Его ощутимо толкнули в плечо, тогда он, наконец, остановился и глянул на наглеца. Это был Колян из пятнадцатого дома, рано вымахавший восьмиклассник, ничем не примечательный, кроме, разве что, умения ловко и точно подбивать камешками голубей, которых он затем продавал бомжам «на мясо». Натолкнувшись на свирепый взгляд, Колян сразу струсил и отшатнулся.

– Ты чё, Синий, я кричу-кричу...

– Чего надо? – хмуро спросил мальчишка и разжал кулаки. – Я тороплюсь.

– Тебе... ну, это... Кошак передавал... ну, мол, передай привет и спроси, когда должок, мол, отдаст, – затараторил Колян, явно обрадовавшись.

– Какой ещё должок? У меня с Кошаком дел нет.

– А... это, айфон! Ну, за девчонку! Сказал, мол, или слово пусть держит, или он сам ей про ваш базар расскажет! Ну, чтоб знала, – Колян предусмотрительно отступил ещё на шаг и шмыгнул носом.

Мальчишка молчал.

– И, это... сроку тебе неделя, как вы на месяц спорили. Вот. И чё мне Кошаку сказать? – Колян опять забеспокоился, не понимая, в чём дело.

Мальчишка молчал, и только костяшки пальцев, снова сжатых в кулаки, побелели.

12

Я вылетела за дверь и увидела давешнего «гнома» в кафтане с позументами. Он откинулся на спинку стула и, похоже, дремал, однако на звук шагов открыл глаза и удивился:

– Ты куда так рано? Или не понравилось?

Я мотнула головой и выдавила:

– Нет, нормально... Мне... надо.

– А-а... Ну, иди, иди! – «Гном» снова закрыл глаза и слегка всхрипнул. Я пробежала по коридору к параллельной лестнице и замерла на площадке, прислушиваясь.

Дверь актового зала грохнула, послышались голоса. Я, не дожидаясь, чем дело кончится, быстро скинула школьные «балетки» и на цыпочках понеслась наверх. На площадке четвёртого этажа, совсем задохнувшись, я на секунду замерла, привалившись к стенке. Сердце колотилось, как барабан.

– Люся! Ты где? – тихонько позвали снизу. Меня прямо затрясло. Я рукой зажала рот, чтобы не вскрикнуть, и старалась дышать беззвучно.

– Люся?! – Пашка постоял ещё минуту, тоже прислушиваясь, и побежал по ступенькам вниз. Я на цыпочках зашла в тёмный коридор, пробралась в рекреацию и без сил опустилась на подоконник. Голова плыла, в ушах звенело.

А как здорово всё началось!..

...В принципе, так уже не раз бывало: наши бандерлоги сначала встречали очередную идею ГЛ возмущёнными воплями, стёбом и прочей обструкцией, били себя пятками в грудь, уверяя, что «никогда!» и «ни за что!», а потом как-то незаметно оказывалось, что все уже что-то делают, копошатся, видоизменяют-переигрывают, ГЛ железной рукой проводит основную линию, а в итоге получается очень даже «не хило» и «Голливуд отдыхает». Так вышло и на этот раз.

Актовый зал постепенно заполнялся. Дядька-дворецкий от души бил посохом по полу и зычно выкрикивал новые имена.

Следом за мной, как всегда, вместе пришли Юля-большая в костюме Золушки и Юля-маленькая – Красная шапочка. Явился Род, по пояс голый, обмотанный красным шарфом по талии, на руках – металлические браслеты откровенно байкерского вида, назвался Конаном-варваром. Я одобрительно хмыкнула: похож, и новая кличка точно пристанет. Ленке Ермаковой очень шли распущенные светлые волосы, перехваченные головной повязкой с височными кольцами. Как я поняла, она была Сольвейг. Макагонова мела пол цыганскими юбками и звенела бижутерией, пытаясь тряхти плечами, – изображала Кармен. Накрашена она была похлеще Леди Гаги, но смотрелась классно, – нехотя призналась я самой себе. Потом толпой завалили мальчишки: д'Артаньян, Владимир Дубровский, кот Базилио, Верная Рука-друг индейцев. Пришла Ольга Васильченко – Джен Эйр (я вспомнила мамины уговоры и усмехнулась). Антон Веселкин принёс гитару – а я и не знала, что он играет! – и был аттестован как Денис Васильев, гусарский поручик. Галина Леонидовна только рот открыла, когда он щёлкнул перед ней каблуками и расцеловал обе ручки. Антон подмигнул народу и подсел к Романовой-Наташе Ростовской.

Посох грохнул об пол в очередной раз: появилась Татьяна Ларина, больше известная как Ирка Комарова. ГЛ отправила её на диванчик к гусару и Романовой. Дядька-дворецкий снова выкрикнул: «Татьяна Ларина, дворянка!» – и, видно, сообразив, запоздало добавил: «Э... Ивановна!»

Бедную Полину встретили сдержанными смешками, а ГЛ устроила её подальше от Ирки. Когда же «Татьяна Ларина, дворянская дочь!» прозвучало в третий раз, в зале начался хохот. Я тоже хохотала и пропустила появление Пашки. Он уже раскланивался с ГЛ, когда до меня дошло, что высокий парень с бледным напряжённым лицом в шёлковой белой рубашке, чёрном платке на шее, чёрных брюках и сапогах – это Пашка. Он был сам на себя не похож. ГЛ тоже что-то заметила, потому что, подняв руку, пощупала ему лоб, как у больного. Пашка отрицательно покачал головой и криво улыбнулся. Я чуть не подскочила на месте, мысленно крича «Я здесь!», но тут к нему подошла Макагонова, взяла за руку, начала разглядывать ладонь и водить по ней пальцем, типа «гадать» – и Пашка улыбнулся уже нормально, а я закусила губу и начала разглаживать на коленях свой фартук.

– Привет! – на диванчик рядом со мной плюхнулся Олег Тарасик, одетый один-в-один, как Пашка, только рубаха у него была чёрной. Сговорились они, что ли?

– Ты кто? – спросил он весело, кивком указав на мою школьную форму.

– Люся Сеницына, ученица третьего класса, – нехотя ответила я, чувствуя себя полной дурой.

– Круто! – одобрил он. – А я капитан Немо.

На мой взгляд, на Немо он ни капельки не походил, но я не стала его разочаровывать.

– Как тебе вообще? – он помахал в воздухе рукой.

– Вроде ничего. Забавно. А ты что будешь делать? Стихи читать? – спросила я.

– Нет, зачем? Я буду фокусы показывать. Он же из Индии, капитан Немо, а там факиры, вот я и решил.

– А ты умеешь?

– Хочешь, покажу? – Тарасик провёл ладонью у меня перед глазами, сжал руку в кулак, пробормотал «ахалай-махалай» и разжал пальцы. На его ладони лежал кусочек шёлка, золотистый с зелёной каймой. – Бери, это тебе.

– Здорово! А как ты?.. – я в изумлении подняла на него глаза и засмеялась. – Никогда не понимала фокусов!

– Потом объясню. Тш-ш... Слушай, ГЛ говорит.

Действительно, Галина Леонидовна, она же графиня Разумовская, с жаром и в самых изысканных выражениях приветствовала нас на маскараде, вернее, на карнавале, так как масок не было ни у кого. Нам сообщили об ожидающих впереди сюрпризах, игре в «фанты» (совсем уже!), а также о прибывших на бал знаменитых исполнителях («Мы к вам заехали на час! Привет, бон жур, хэлло-о!») и конкурсе на лучшую фразу об осени (ну да, это же репетиция к «Осеннему балу!»).

– А теперь – вальс! – Галина Леонидовна махнула веером в сторону кулис, за которыми явно прятался музыкальный центр с диджеем, и в зале

завучала смутно знакомая и почему-то щемлящая душу мелодия, – Штраус, Чайковский?

Народ сидел на местах, как пришитый.

– Танцуют все! – ГЛ отчаянно пыталась спасти положение, улыбаясь и делая руками приглашающие пассы. Я уставилась в пол, чтоб не смотреть на её унижение, и вдруг услышала шёпот Тарасика: «Пойдём, Люсь?»

Он уже встал и по всем правилам предлагал мне руку.

– С ума сошёл?! В таком платье?! – зашипела я в ответ.

– Наплевать! Пойдём! – он схватил меня за руку и поднял с диванчика. Его правая рука подхватила меня чуть ниже лопаток, левая сжала кисть, и – раз, два, три! – он повёл меня по залу широкими плавными кругами. Я вцепилась в его плечо, привстала на цыпочки... и ноги сами сделали всё остальное. Вообще-то папа дома учил меня танцевать вальс, но одно дело дома, а совсем другое – здесь, на глазах у всех, впервые, в обнимку с парнем, да ещё в юбке, которая категорически для вальса не предназначена!

– Так и будешь танцевать, зажмурившись? – услышала я насмешливый голос Олега и открыла глаза.

Оказалось, танцевали мы уже не одни. Антон Веселкин кружил Романову с видом профессионального танцора. Вовка Сердюк-Базилио с Аней Беркетовой-Алисой выделяли какие-то танцевальные фигуры, умудряясь попадать в ритм. ГЛ учила вальсировать Верную Руку-Макса Грищенко, который покорно отступал, наступал и пытался крутить её на месте. Я перевела глаза на своего партнёра и виновато сказала:

– Я тебе, поди, все ноги истоптала?

– Я мечтал об этом всю свою сознательную жизнь! – сообщил в ответ Олег, и мы засмеялись. И дальше болтали уже просто так, пока музыка не кончилась, и он не повёл меня на место. Народ шептался, пересмеивался, кое-кто показывал танцорам оттопыренные большие пальцы, и вообще обстановка явно разрядилась.

ГЛ не зевала и тут же ухватила бразды правления.

– Друзья! Я недаром говорила вам о сюрпризах! К нам прибыл гость из далёкой таинственной Индии! Принц Даккар, более известный европейцам как капитан Немо, познакомит нас с искусством знаменитых индийских факиров!

Олег, только что пристроившийся рядом со мной на диванчике, подскочил, как ошпаренный, и прошипел сквозь зубы что-то явно нецензурное.

– Ни пуха! – шепнула я и получила в ответ нервное «К чёрту!» Народ загомонил погромче, пока Олег, нахлобучивший какой-то тюрбан, вытаскивал из сумки свои «волшебные» принадлежности. Я поискала глазами Пашку и с облегчением увидела его в компании мальчишек: они оживлённо болтали о чём-то, тыкая пальцами в гитару Антона. Внезапно грохнули по ушам какие-то трубы, все от неожиданности заткнулись, и «факирские» фокусы начались.

Потом Вовка Сергеев от лица Владимира Дубровского прочитал из Пушкина «Я вас люблю! Хоть я бешусь...» ГЛ прямо расцвела и с чувством чмокнула его в лоб. Потом все тянули номера из пакета и по ним искали себе пару (я похолодела, представив, что моей парой будет Макагонова, но пронесло!), и в этих парах учились танцевать польку, – занятие настолько идиотское, что все ржали, как дураки, и я в том числе. Наскакавшись, мы упали на диваны, и дядька-дворецкий разносил бокалы с холодной газировкой. Потом Антон Веселкин, тряхнув кудрями, взялся за гитару и, задорно поглядывая на ГЛ, выдал:

Опять скрипит потёртое седло,
И ветер холодит былую рану...

– Пора-пора-порадуемся на своём веку! – грохнули все хором знакомый припев, а после песни захлопали, засвистели, затопали ногами.

Первоначальный порядок полетел ко всем чертям, народ уже тусовался вовсю, и только Галина Леонидовна ещё пыталась соблности видимость бала. Я видела, как она поспешно ушла за кулисы, видно, чтоб переговорить с диджеем, но тут на мой диванчик снова плюхнулся Тарасик.

– Хочу свалить! – сказал он. – Уже тоска. Ты как? А то давай вместе!

– А как же номер? – брякнула я, хотя номер был здесь совершенно не при чём.

– Ты думаешь, кто-то будет тебя слушать?! Ну, хочешь, я послушаю... только потом, ладно? Надо рвать когти, пока ГЛ не вернулась! – Олег потянул меня за руку, вставая.

– Уже уходите? – с интонацией винни-пуховского Кролика очень неприятным голосом осведомился Пашка, появившись, как из-под земли. – Мне кажется, или дама против?

Я ещё раз поразилась их нечаянному сходству: оба высокие, тонкие, в тёмных брюках и сапогах, только Синельников блондин в белой рубашке, а Тарасик брюнет и в чёрной. Мальчишки стояли, как петухи, обжигая друг друга взглядами.

– Всё нормально, – быстро сказала я. – Я просто... подышать хотела!

– Успокойтесь, капитан Блад! Этот приз вам не взять! – внезапно ухмыльнулся Тарасик, снова цапнув меня за руку, так что я невольно дёрнулась.

– Пусти её, ты! – Пашка будто взбесился. Он рванул мою руку из пальцев Олега и так двинул того в плечо, что Тарасик отлетел в сторону.

– Паша!!!

– Синельников!!!

– Вы чё, пацаны?!

Тарасик неловко поднялся с пола, пошевелил плечом, болезненно сморщился и внезапно остро взглянул на Пашку.

– Она твоя, что ли?! Купил её?! За сколько?! А ты знаешь, Сеницына, ведь он...

Пашка молча бросился на него и сбил с ног. К ним сейчас же кинулись подбежавшие парни, начали растаскивать, кто-то из девчонок завизжал,

от сцены спешила ГЛ с белым, как стенка, лицом. А над залом плыли негромкие аккорды «Вальса цветов» Чайковского.

...В учительской пахло лекарством. Невысокая худощавая женщина, закрыв глаза, массажировала себе виски, откинувшись в старом кресле. Седоусый мужчина в совершенно неуместном здесь камзоле с позументами ходил из угла в угол и утешающе гудел:

– Галь, да плюнь, успокойся! Ну, подумаешь, пацаны из-за девчонки сцепились! Да это нормально! Не напились же, не ширялись, не поубивали никого! Завтра помирятся... а не помирятся, так разбегутся, делов-то куча!

– Дел, – всё так же не открывая глаз, поправила женщина. – Не «делов», а «дел».

– Ну, пусть «дел»! Чего убиваться-то?

– Ты не понимаешь! – Женщина открыла глаза и резко выпрямилась в кресле. – Как ты не понимаешь?! Они не просто из-за девчонки подрались, там что-то ещё, а я не знаю, что! И все молчат, будто языки проглотили!

– Галь, ты ведь не господь бог, чтоб всё знать-то! – резонно заметил мужчина. – И не скажет тебе никто ничего, я бы и сам не сказал в этом возрасте. Это их дела, и они сами их решат.

– Они решат! – голос женщины язвительно взлетел. – Они нарешают! Им всего-то семнадцать, и большая часть без царя в голове! Они друг друга поубивают и в колонию сядут, а я буду им передачи носить! Ты вот не знаешь, что девочку эту, Синицыну, неделю назад избили ни за что, а я знаю! А теперь Тарасик! А завтра Романова!

Голос женщины сорвался, и она всхлипнула. Мужчина шагнул к ней, чтоб обнять, но в этот момент дверь приоткрылась и в учительскую заглянула девчужка с потёками грима на лице.

– Здравь... Галин... Леонид... – затараторила она, глотая слоги. – Люсь... дома, я ей на мобил... – недоступен, я на домашний... мама трубку взяла. Я типа срочно уточнить по физике, а мама... «она вроде заснула, будить не хочу, давай завтра». В общем, порядок, не беспокойтесь. Я побегу, ладно? До свиданья!

Девочка исчезла, за дверью послышался топот, потом лёгкий взвизг и смех.

Двое взрослых молча смотрели друг на друга.

13

Увидев меня на пороге, мама прибавила глаза:

– Что-то ты рано... Случилось что?

– Голова заболела, – буркнула я, старательно выпутываясь из плаща. – Я лягу, мам, ладно?

– Цитрамон съешь! – мама, может, и привязалась бы ко мне, но из зала как раз послышалось жизнерадостное скандирование: «Это – "Голос"!», и она вернулась к телевизору.

Я зашла в ванную вымыть руки, повернула кран и застыла, уставившись на хлынувшую воду.

В голове было пусто. Ну, вот вообще ни одной мысли. Перед глазами всё ещё стояло лицо Пашки, когда он ударил Тарасика, – жёсткое, беспощадное... и какое-то потухшее. До меня только сейчас дошло, что раньше я никогда не видела драк вблизи. Так, тычки и пихания плечами наших мальчишек на переменах да изредка фингал под глазом у ещё недавно целого «героя». Но чтобы так... совсем рядом... из-за меня... Это, оказывается, страшно! Меня опять пробил озноб.

Я поспешно намылила руки, сполоснула их, плеснула воды в лицо, ещё и ещё раз, и, мазнув по лицу полотенцем, выскочила из ванной. В своей комнате я прикрыла дверь, быстренько разделась и юркнула под одеяло с головой. Там, в тёплой, тёмной, немного душной тесноте мне стало легче. Там была только я: моё тело, моё дыхание, – и не было причины дрожать и всхлипывать.

– Уеду к деду. Прямо на осенних каникулах. Буду играть с ним в шахматы и ходить в лес. Уеду! Уеду! – твердила я сама себе, пока совсем не задохнулась под одеялом. Пришлось высунуть нос наружу, и тут же, как будто дожидаясь этого, зазвонил телефон. Я услышала мамин голос, дверь в мою комнату приоткрылась.

– Люсь, ты спишь? – тихонько позвала мама и, не получив ответа, вернулась к телефону. – Она вроде заснула, давай завтра, Наташ! Утро вечера мудренее. Спасибо, и тебе спокойной!

Мама положила трубку и ещё немного постояла у телефона. Я прямо видела эту её задумчивую гримаску: губы сжаты и немного вытянуты вперёд, глаза прищурены, лицо хмурое. Мама терпеть не может чего-то не понимать, всеми способами старается докопаться до сути, но уж будить меня из-за этого точно не станет. Так что есть время до завтра, чтобы придумать, что ей соврать.

Я люблю своих родителей. Можно сказать, мне с ними повезло. Они не просто нормальные: не алкаши, не деспоты, не невротики, а с ними ещё и интересно, и поговорить можно, и поспорить, и подлизнуться при необходимости.

Но есть вещи, которых они не понимают просто потому, что в «их время» такого не было. И есть вещи, которые хоть тогда и были, но сейчас воспринимаются совершенно по-другому. И, наконец, есть вещи, которые я просто не хочу ни с кем обсуждать, – ни с мамой, ни с Наташкой, ни с кем!

Я сама должна разобраться. Сама понять. Сама решить. «Кто, если не я?» – я усмехнулась неожиданной ассоциации и поудобнее повернула подушку. Как там боролась с неприятными мыслями Скарлетт? «Я подумаю об этом завтра».

Утром я проснулась поздно и одна в квартире. Отец был на дежурстве, мама оставила на кухонном столе записку из серии «суп в холодильнике-вымой посуду-у меня дела», так что фактически я была вольна, как ветер. Задумчиво жуя огрызок колбасы, я смотрела в окно и прикидывала возможные варианты действий. Можно позвонить Наташке и узнать, чем всё кончилось. Можно позвонить Пашке, сказать ему, что он дурак, и попытаться выяснить, отчего он взбеленился. Можно вообще не трепыхаться,

залезть в Инет, отключить внешние раздражители типа телефона и смотреть любимые анимэ до посинения. Можно выкинуть всё из головы и просто пойти погулять в парк, что сам Бог велел в такую классную погоду...

При свете солнца все вчерашние страсти казались какими-то не настоящими. Ну, будто это не со мной, а в кино. Правда, что ли, в парк пойти? Я натянула джинсы, кроссовки, стянула с вешалки любимую чёрную куртку и вышла из дома.

Сюрприз номер раз: у подъезда на скамейке сидел Тарасик. Увидев меня, он вскочил и замялся, не зная, видимо, что сказать. Я тоже растерялась и от растерянности не особо любезно буркнула:

– Ты чего здесь?!

– Я... – на Тарасика было жалко смотреть. – Я... тебя ждал. Чтобы поговорить. Здравствуй, Люсь! – спохватился он, постепенно приходя в себя.

Последнее я проигнорировала и сразу перешла к сути.

– Ну, вот она я. Говори, раз дождался.

Тарасика это явно задело, он сразу выпрямился и заговорил суше, без романтических придыханий.

– Я хотел... извиниться. За вчерашнее.

– Ты?! Ты-то причём? – я обалдела на него уставилась. Это уж совсем какой-то Рауль де Бражелон, благородство до идиотизма!

Олег огляделся и просительным тоном сказал:

– Люсь, пойдём куда-нибудь! Мне нужно тебе много чего рассказать, а здесь... – он снова повертел головой, – неудобно, люди ходят... и вообще.

Я пожалала плечами: пойдём – так пойдём, и молча двинулась к парку.

Сюрприз номер два: вдоль залитой солнцем улицы ощутимо тянул ветерок, уже не тёплый, а вполне себе предзимний, зябкий, пронизывающий. Я поёжилась и засунула руки в карманы. Тарасик молча шагал рядом, наверное, собирался с мыслями.

В парке было пустынно, только по главной аллее степенно вышагивали мамы с колясками, выгуливали младенцев. Я сразу свернула направо. Там за поворотом аллеи была куртина старой сирени с лавочкой – и на солнце, и за ветром, сразу согреется. Села на скамейку, приглашающе махнула Тарасику рукой – прошу вас, сэръ! Он осторожно опустился рядом и сразу же страшно заинтересовался своими руками: начал сгибать и разгибать пальцы, сцеплять их в замок, потирать и потряхивать, – как будто никогда их не видел и будто за этим мы сюда и пришли. Я взглянула на него вопросительно и для полной ясности добавила:

– Ну и?..

Тарасик в последний раз крепко сжал пальцы, так что проступили суставы, и неожиданно спросил:

– Люся, ты Пашку... любишь?

«Да! Нет! Тебе-то какое дело?! Мы за этим сюда пришли?» – вихрем пронеслось у меня в голове. Я лихорадочно соображала, что ответить, и, наконец, выбрала самое нейтральное:

– А что, это важно?

– Да, – твёрдо сказал Тарасик. – Если любишь – это одно, а если нет – совсем другое.

– Две большие разницы, как говорят в Одессе, – тихонько пробормотала я и попросила:

– Олег, давай ты мне просто расскажешь, что хотел, а углубляться... не будем.

Тарасик опять согнулся, опершись локтями о колени, и всё так же разглядывая свои руки, начал охрипшим голосом:

– Мы с Синельниковым живём в соседних домах. Дома старые, их ещё пленные фрицы строили, стоят под углом друг к другу. А напротив – гаражи, тоже старые, и ряд тополей...

Я сидела, не понимая, к чему такое длинное вступление. Мы в Сибири тоже собирались ватагами, бродили по окрестностям, жгли в укромных местах костры и пекли в них картошку, – да кто этого не делал! Я даже головой помотала, чтобы сосредоточиться на том, что говорил Олег.

– ...Я стоял за тополями, от костра меня не было видно, но слышно было всё. И Пашка на тебя поспорил с Кошаком, это один парень, приبلатнённый, не то рэкетир, не то... не знаю, в общем, да неважно!

– Как поспорил? – тупо спросила я, отказываясь верить тому, что слышу.

– Ну, как на девчонок спорят! Если он тебя... если он с тобой...

Тарасик начал заикаться.

– Если у него получится тебя... соблазнить, – Олег еле выговорил это слово, – то он выиграл. А если нет, то он отдаёт свой айфон Кошаку. Вот.

– Соблазнить, – повторила я. – То есть... трахнуть?

– Люся!

– А ты всё это слышал и решил меня предупредить? Мило. Спасибо большое.

– Люсь, я давно хотел тебе сказать! Я за Пашкой следил, я видел, как он тебе записку подсунул! Я сначала позвонить тебе хотел, но как такое по телефону... Я тебе записку написал, про ловушку. Ты получила? Люся, ты получила записку про ловушку?!

Я смотрела на вскочившего Олега, как будто из другой галактики.

– Записку? Да, получила, – ответила я механически, пытаясь поймать ускользающую мысль. – Только это всё равно.

– Что всё равно?

– Всё. Поздно, Олег, раньше надо было.

– Но он же тебя предал! Он на тебя спорил! Он подонок!

– А чем ты лучше? – устало спросила я и встала. – Не ходи за мной. Я видеть тебя не хочу.

...Мобильник лежал на ладони. Девочка бездумно водила по нему пальцем, следуя округлым линиям пластика. Потом открыла крышку, нажала пару кнопок, приложила телефон к уху.

– Алло! Привет, Наташ! Да всё нормально, ерунда, это я с перепугу убежала! А когда все разошлись?.. Понятно. А как ГЛ? Ну, можно было ожидать. Слушай, погоди, у меня зарядка заканчивается, а я спросить хотела. Ты Пашкин адрес знаешь? Улица Котовского, дом пять, первый подъезд, второй этаж направо? А номер не помнишь? Точно направо? Ну ладно, пока! Не надо со мной идти, сама разберусь. Позвоню-позвоню. Пока!

Крышка захлопнулась. Девочка сунула телефон в карман куртки, минуту постояла на месте, покивала каким-то своим мыслям и пошла по аллее, не особенно торопясь, изредка подпинывая ворохи листьев ногами.

14

Дом номер пять оказался приземистой двухэтажкой с пятнами обвалившейся штукатурки и до сих пор сохранившимися печными трубами. «Неужели и сейчас топят?» – подумала я, но вообще-то меня это совершенно не интересовало. Я огляделась. Во дворе никого не было. Справа от меня за линией старых высоченных тополей просматривались те самые гаражи. Я, было, повернула к ним, но остановилась, поняв, что тяну время.

Теперь я сама не знала, зачем пришла. Плюнуть Пашке в лицо? Дать по физиономии? Потребовать объяснений? А смысл? Я же всё равно его люблю! Даже сейчас, после слов Олега! И пришла я, чтобы он мог оправдаться, чтоб я поверила, что всё это не важно и что всё останется по-прежнему. Мне внезапно захотелось завывать в голос, как воют на похоронах, когда слов уже нет. Глотнув воздуха, я вошла в подъезд, – как будто нырнула в тёмную воду.

Звонок булькнул чуть дребезжащий «бим-бом» и сразу смолк. Я нажала кнопку ещё раз. Тишина. Я опять подняла руку к кнопке, – и тут дверь открыли. В полутьме прихожей стоял Пашка – бледный, непривычно взъерошенный, в спортивной майке с голыми плечами и в «трениках».

– Проходи, – сказал он, ничуть не удивившись, и, развернувшись, пошёл вглубь квартиры. Я захлопнула дверь и пошла за ним.

В дальней комнате, видно, его собственной, Пашка сразу отошёл к окну и прислонился к такому же широченному подоконнику, как у меня. В комнате, которую я невольно окинула взглядом, была почти идеальная чистота, только на столе громоздились учебники, какие-то журналы, валялись ручки, торчали из-под книг провода, – в общем, царил знакомый творческий беспорядок. Тёмные шторы, постеры над низкой тахтой, стойка для дисков в углу. Пашка внезапно сорвался с места и выкатил из-за стола компьютерный стул.

– Садитесь, мэм! Чай, кофе? – Лёгкая улыбка на мгновение сделала его почти прежним Пашкой. Я молча покачала головой.

– Понятно, – угаснув, сказал он и снова отошёл к окну. – Но ты всё равно садись... – Он замялся, не зная, как меня назвать, и так и не закончил фразу.

Я села, чувствуя себя деревянной куклой. С минуту мы молча смотрели друг на друга.

– По-нят-но, – повторил Пашка, только медленно, как будто его тоже не слушался язык. – Кто тебе рассказал, Тарасик? Ну, кто же ещё! Он у нас мальчик правильный!

Пашка отвернулся к окну и шёпотом выдал тираду слов, для моего слуха явно непредназначенных. Повернулся ко мне снова.

– Зачем ты пришла? Сказать мне, что я сволочь?! Так я и сам это знаю. Или дать мне по морде? На, бей, пожалуйста!

Он метнулся от окна, опустился передо мной на корточки и подставил лицо.

– Ну, ударь меня, ударь!

Я, отшатнувшись, вскочила. Стул поехал назад на колёсиках, я потеряла равновесие, и Пашка, тоже вскочив, подхватил меня, чтоб не упала. Я уткнулась носом в твёрдое плечо, Пашкины руки обняли меня тёплым кольцом, он тёрся лицом о мои волосы и бормотал: «Люся, Люся, Люся!» Голова у меня закружилась, колени стали ватными. Горячими, чуть шершавыми губами он трогал моё ухо, спустился к шее, – по ней побежали ознобные мурашки, он прижимал меня всё крепче – «Люся, Люся, Люся!», мне уже чудилось, что сейчас мы загоримся...

– Пусти! – я вырвалась, оттолкнула его и, тяжело дыша, схватилась за спинку стула. Пашку трясло, грудь у него ходила ходуном.

– Люся!

– Ты спрашивал, зачем я пришла? – меня как будто прорвало, слова лились сами, я их не подбирала, не думала. – Я пришла сказать, что ты выиграл. Иди, скажи своему Кошаку или кому там, что ты выиграл! Или им надо, чтобы я сама сказала? Пошли, я скажу! И что ты меня трахнул, скажу, и лапать себя позволю, чтоб убедились! Ты ведь этого хотел: чтобы ты – герой и мачо, и круче тебя только яйца?!

Я не помню, что я ещё кричала. Пашка стоял с потрясённым лицом, никогда у него такого не видела. Когда слова закончились, из меня как будто вышел весь воздух, как из проколотого воздушного шара.

– Я пойду, – охрипшим голосом сказала я и повернулась к двери.

– Подожди, – сказал Пашка. – Я тебя люблю.

Я даже не повернулась. Я стояла, смотрела в пол и просто слушала, что он говорит. Слова доходили до меня, как сквозь ватную подушку, и всё равно царапали, словно наждак. Всё было так просто, так понятно! Как в кино. Вот только почему я снова чувствовала себя избитой?

...Когда Пашка был в седьмом классе, от них ушёл отец. Нашёл молоденькую куклу, как объяснила мать. Она всё не могла успокоиться, плакала, злилась, начала метаться: сегодня один мужик, завтра другой... А отец от «молоденькой куклы» через год тоже ушёл, нашёл ещё одну. И Пашке начало казаться, что всё, о чём в книжках пишут: высокие чувства, любовь, верность – всё враньё, нет никакой любви, только так – перепихнуться и разбежаться. Пацаны тоже твердили: «Секс, секс!», рассказывали невероятные истории, и хотелось быть не хуже других. Ну, и забавно

было, как девчонки от пары слов головы теряли. Сам-то он не терял никогда. Пока не появилась я...

Пашка замолчал на пару минут, видимо, ожидая моей реакции. Я медленно повернулась. Он шагнул ко мне.

– А айфон я Кошаку ещё вчера отдал, перед балом этим. Я сам хотел тебе рассказать, чтоб ты от меня узнала! Люся, я, правда, не знал, что так бывает! Что я тебя... полюблю!

Последние слова он произнёс удивлённо, как будто сам себе не верил. И я не поверила тоже.

– НИКОГДА. КО МНЕ. НЕ ПОДХОДИ! – сказала я мёртвым голосом. – Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ.

И, неловко размахнувшись, дала ему пощёчину.

Дверь квартиры громыхнула за моей спиной. И только тут полились слёзы.

...Вечером, не зажигая света, обнявшись, на диване лежали женщина с девочкой и говорили о планах на лето. Голоса их звучали полусонно: время всё-таки было позднее.

– Копии аттестата после выпускного разошлю по институтам и давай, мам, махнём хоть на недельку к деду. Там уже грибы пойдут, земляника, в тайгу закатимся, – ты, я и папа! И никто нам больше не нужен, правда?

– Никто, – согласно кивнула головой женщина, но в темноте грустная усмешка тронула её губы, и они беззвучно добавили «пока».

А под окном, на расчищенном от листьев куске асфальта мальчишка выводил краской из баллончика огромные буквы:

ЛЮСЯ! ЛЮСЕНЬКА! Я ПРАВДА ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

А листья всё летели.

Наталья КОЛЕСОВА

Поминки

Сняв плащ, она нерешительно пошла вдоль столов. Люди, в основном мужчины, сидели тихо, переговаривались негромко. Кое-кто кивал ей. Зря она постеснялась надеть форму. В пиджаках-костюмах здесь было всего-ничего...

– Аня! – от дальнего стола взметнулась рука, и она с облегчением поспешила на зов. Соболев подвинулся, чтобы она могла сесть рядом. Обнял за плечи.

– Привет!

– Привет, – слабо улыбнувшись, она кивнула сидящим за столом. Кое-кто взглянул с недоумением.

– Здравствуй, Ань, – сказал сидевший за Соболевым Сергей Вешкин. Она пожалала протянутую через стол пятерню бородатого Коли Мичмана и посмотрела в центр зала. Там, на столе стояла большая фотография Жени Фогта, перед ней – свеча, стакан водки и кусок хлеба на нём.

– Не успела на похороны, только сегодня сообщили, – сказала, извиняясь.

– А чего там смотреть-то? – мрачно сказал сидевший наискось седой парень. – В цинковом...

Она окинула рассеянным взглядом стол – блины, кутья, рыба, нераспечатанная водка...

– Сейчас Палыч подойдёт, и начнём, – сказал Соболев. – Чего, Оль?

Он отодвинулся, оборачиваясь, и ей стало холодно от отсутствия тяжёлой тёплой руки на её плечах – и от ледяного взгляда подошедшей женщины.

– Здравствуйте, – пробормотала Аня.

Ольга едва кивнула и обратилась к Соболеву:

– Ну и где ваш Лачугин? Сколько ещё ждать? Мать же не железная... и Лариса еле на ногах держится.

Соболев посмотрел на часы, переглянулся с друзьями.

– Ну ладно. Давайте начинать.

Соболев встал и сказал. Говорить он умел хорошо и сказал всю правду – и то, как Женю любили, и то, какой геройский Женя был парень, и что остались у Жени большая мать, молодая жена и двое девчонок-пацанок... Аня слушала, глядя в стакан, который парни, по-свойски, налили ей полный. Выпила следом, села за стол – подавальщица разлила всем супа. Соболев подцепил полную ложку кутьи.

– Третий за полгода, – сказал Леша Генкин.

– Ещё мало, – подхватил седой, – помнишь, в прошлом году нашу машину...

Она ела, прислушиваясь к разговорам. Народ был ещё тих, переговаривался негромко, больше про Женю, но не пройдёт и полчаса...

Когда поднялась Лариса, она посмотрела, и больше глаз не подымала – невелика радость любоваться на чужое горе. Сидела, рассматривая свои руки и слушая сбивчивые слова. Хорошо, когда человек может сказать. Или хотя бы плакать.

Седой потянулся через стол, наливая ей треть стакана.

– Нормально?

– Да...

– Ну что, за Женьку?

Мужики едва не чокнулись машинально, но вовремя спохватились.

– Как живёшь-то, Анна? – спросил Коля Мичман, закусывая.

Она пожала плечами.

– Живу...

– Всё училка?

– Всё училка.

– С их зарплаты с голоду не дохнешь? – спросил через Соболева Вешкин.

Она похлопала себя по животу.

– Зато лишний вес сбрасывать не надо. На шейпинг не трачусь.

– На хрена тебе ихний шейпинг? – заявил Мичман. – И без того всё при тебе – и титьки, и жопа!

Она перехватила совершенно одинаковые откровенные взгляды мужчин и посмотрела в сторону, скрывая усмешку. Второго такого мастера на комплименты ещё поискать... Круче только Семицвет.

– Мэр квартиру обещал, – сказал Соболев, мотнув головой на родственников.

– Было бы сказано, забыть недолго...

– Палыч проследит. Ты-то, правда, как?

– Лучше, чем он, – теперь она мотнула головой на фотографию.

– Я серьёзно, Ань...

– Хочешь и надо мной шефство взять? Квартира у меня есть.

– На работе не обижают?

Она хмыкнула.

– В школе-то? Обычные бабские разборки. Гадюшник. Что, морды пойдёшь бить?

– Не-а. Приедем пару раз на джипах – даже бабы зауважают...

– У тебя же «жигуль»!

– У Витька попросим!

Аня посмотрела на соседний стол. Обычное дело. После войны часть подалась в менты, часть – в братки. Витёк – огромный, погрузневший, в хорошем костюме с кучей наград на нём, – кивнул ей и, встав, поволок за собой стол вместе со всей нехитрой поминальной снедью. За ним, ворча и посмеиваясь, потянулись мужчины.

– Здорово, Анют, – придавив двух соседей, Витёк смачно чмокнул её в губы. – Всё хорошеешь!

– Это я-то? – не поверила она.

Витёк покрутил в воздухе рукой.

– Ну, в смысле... волосы отрастила. И вообще. Всё в порядке? Никто не наезжает?

Она посмотрела на него. На Соболя. В мужиках неожиданно проснулся инстинкт защитников. Наверное, у неё сегодня какой-то очень сиротский вид.

– Нет, Вить, не наезжает.

– Кто обидит...

– Сразу к тебе.

Витёк кивнул с чувством выполненного долга.

– Точ-на. Давайте за Женьку, а?

Выпили за Женьку. Вспомнили и снова выпили.

Потом пришел Палыч – майор Андрей Павлович Лачугин. Постоял, разговаривая с родственниками, пошёл по залу, то и дело останавливаясь то с тем, то с другим.

– Ого-го! – сказал Соболев, уже не понижая свой зычный голос. – Вот и наш майор пожаловал! Андрей Палыч, ну их, к нам, к нам просим!

Они шумно поднялись, Лачугин пожал руки мужчинам. Повернулся к Ане.

– Анна Васильевна...

Хотел пожать руку и ей, но спохватился, приложился губами к запястью.

– Как жива-здорова?

– Спасибо, хорошо.

Лачугин оглянулся – от соседнего стола ему уже тащили стул. Похоже, центром сегодня будут они. Сколько она его знала, майор всегда выглядел подтянуто и элегантно – даже там, в горах...

– Палыч, ты с ними был?

– Нет, у меня командировка через неделю, – сказал Лачугин, как всегда, неспешно и негромко. – Может, будь я с ними...

– Может, и тебя бы тогда сегодня поминали. Выпей, Палыч, легче станет...

Она так и не могла определить, чем – но Лачугин притягивал людей, как солнце – подсолнухи. Вот и сейчас народ подтягивался со всего зала – поговорить и поглядеть...

Ушли родственники. После их проводов народ заметно оживился. Шепнув Соболеву: «держи место», она пересекла зал и, миновав курящих в холле мужчин, зашла в туалет. Когда мыла руки, вошли женщины. Она узнала голос жены Соболева – Ольги.

– Никак я этого не пойму! – раздражённо говорила та. – Что значит – «боевая подруга»?

– То и значит, дорогая моя, – значительно отвечала вторая.

– Я ему сколько раз говорила, а он только смеётся! Видала? Сегодня – не успела войти – и уже висит на шее... Это на поминках-то!

– Ты знаешь, по-моему, она просто ненормальная! Ну какая нормальная баба пойдет в спецназ или как это там у них называется? Или мужика ищет – тут-то с её внешностью шансов никаких, а там на безрыбье... А, может, она из этих, ну как их... телом женщина, а...

«Ненормальная», продолжая машинально греть руки под жиденькой струйкой воды, подняла голову и посмотрела на себя в зеркало.

– Гермафродитка, что ли?

– Нет, и не «розовая»... Ну эта...

Она, глядя в зеркало, ждала установки очередного своего диагноза. Волосы, действительно, отросли, и шрама практически не было видно. Глаза с расширившимися зрачками сейчас казались очень большими и очень тёмными. Нижняя губа прикушена, в правом углу рта морщинка из-за привычки кривовато улыбаться. Она и сейчас усмехнулась – себе в лицо – аккуратно закрутила кран, неторопливо стряхнув руки, вытерла влажным уже полотенцем и вышла из-за прикрытия кабинки. Ольгина собеседница, очень милая дама средних лет, поперхнулась от неожиданности. Соболева тоже опешила, но тут же приняла вызывающую позу, готовясь к скандалу. Аня прошла мимо – неспешно и спокойно, точно их не было вовсе – но Ольгина подруга неожиданно шархнула в сторону, влипавшись плечом в косяк. Она подавила желание сказать ей «Ав!» в лицо. Вышла, аккуратно закрыв за собой дверь.

Бедный Соболек. Неудивительно, если он скоро тоже начнёт от неё шархаться...

Она завернула за угол – и едва сама не шарахнулась. Ну да, давайте сегодня все ко мне, все ко мне!

– Здорово, – сказал Семицвет, или, если угодно, Семицветов Игорь Сергеевич, неспешно вынимая изо рта сигарету.

– Здоровее видали, – со вздохом отозвалась она. Оглядела опустевший холл с двумя креслами, диваном и кадкой с какой-то гигантской зеленью. – Дай сигарету.

– Ты же не куришь, – заметил он, доставая пачку.

– Курю – с этой минуты. На лёгкие перешёл?

– А я бросаю...

Она прикурила от его зажигалки – Семицвет смотрел недоверчиво, подозревая подвох, – оглянулась и села в кресло. Семицвет постоял, подумав; сел в соседнее. Вытянул и скрестил ноги.

Из туалета вышли женщины; усиленно их не замечая, двинулись в зал. Семицвет посмотрел им вслед, и на губах его зазмеилась такая знакомая и такая ненавистная ей усмешечка.

– Это же соболевская баба? То-то я смотрю, ты с такой перекошенной морд... лицом вышла!

– Мордой лица... – пробормотала она, затягиваясь. Семицвет смотрел на неё сбоку неодобрительно.

– Видел тебя на неделе, – сказал неожиданно. – К остановке подходила с мужиком каким-то...

– И хорошо?

– Что – хорошо?

– Хорошо подходила?

– Ничего. Красиво. И мужик у тебя смазливый.

Мужик, и правда, был ничего, только вовсе не «у неё». Но уточнять она не собиралась.

– Не из наших? – небрежно спросил Семицвет. Она поглядела.

– Из каких это – «ваших»?

– Чего гонишь-то? Я же ясно спросил! – та-ак, надолго его не хватило. Не проходило и нескольких минут после любой их встречи, как начинали лететь искры.

– Тебе-то что? – спросила Анна, собираясь встать. Семицвет лениво протянул руку – пальцы сомкнулись на её запястье, словно наручник – не слишком тесный, совсем не болезненный, но по прочности – как настоящий. Она так удивилась, что и не попыталась высвободиться. Осталась сидеть, глядя на него с ожиданием.

– Погоди, ну... – увещевающе сказал Семицвет. – Я же не со зла. Я к тому, чтоб ты смотрела, кто там и что... А то, может, морда у него ничего, а сам гнида-гнидой...

Всё больше удивляясь, она склонила голову набок.

– Правда, тебе-то что, Семицветик?

– Ну как... – он рыскнул по сторонам зеленоватыми узкими глазами. – Ты мне вроде как родная...

Аня дар речи потеряла, а Семицвет продолжал бубнить:

– Если б кто из наших, мы бы тебе про него всё мигом узнали: где, как, что... А то какой-то левый...

– А кто из наших-то? – спросила она, кусая губы, чтобы не рассмеяться. – У тебя кто-нибудь на примете есть?

– А что, кроме твоего Соболя уже и мужиков других нет? – огрызнулся Семицвет.

– Нет, почему, ещё Палыч, но он уже женатый. Может, пройдемся по списку?

– По какому списку? – не понял Семицвет.

– Списку кандидатов, – пояснила она. – Будешь давать им характеристику. «Характер выдержанный, нордический...»

Семицвет глянул, как рублём одарил. Пора убираться – от греха подальше. Хорошо, в холл вышел громадный Мичман.

– Опять дерётесь? – спросил миролюбиво. – Идите, а то водка кончится.

Прочувствовав этот довод, Семицвет разжал пальцы. Она машинально потёрла запястье.

– Больно, что ли?

– А то нет! – огрызнулась она так же машинально. Держал её Семицвет очень аккуратно.

– Ну, прости, не хотел.

Что-то был сегодня Игорь Семицветов само дружелюбие, и Анна не знала, как себя с ним вести. Не помнила.

А ведь когда-то были они троём не разлей вода: Соболев, Семицвет и она...

Её стул, конечно, был занят. Соболев увидел её, вспомнил, оглянулся и, разведя руками, похлопал себя по коленке. Она живо представила себе выражение лица Ольги – нет уж, я лучше пешком постою!

– Пропустите-пропустите! – Семицвет втискивался в тесное пространство у стола со стулом над головой. – Освободите место для детей и инвалидов!

– И кто из вас дитё, а кто инвалид?

– Инвалид я! – объявил Семицвет. – Всегда был слаб на голову! Плесните чуток для профилактики обострения!

С трудом расчистили место. Костя похлопал себя по колену:

– Аньк, садись ко мне на одно полужопие, удобней будет.

– Ещё чего! – немедленно окрысился Семицвет. – Размечтался! Ваши кони тихо ходють!

В результате пришлось устроиться на коленях у Самоцвета. Она старалась не обращать внимания на руку, обнявшую её талию, – похоже, он боялся, что она соскочит и убежит. Куда? Тут повернуться-то невозможно – кругом локти и плечи. Семицвет налил себе, ей, Косте, соседу слева, которого она не знала.

– Давайте. За Жеку.

Замахнув стакан, сосед повернулся к ней – громадный, и как только такой на броню взлазит...

– Это ты, значит, и есть соболевская Анька?

Она почувствовала, как напряглась рука Семицвета. Допив, аккуратно поставила стакан и сказала безразлично:

– Анька-то я Анька. Только фамилия у меня другая.

Тот поспешно выставил здоровенную ладонь:

– Без обид! Я ничего такого...

– А раз ничего, – вставил Семицвет, – так за базаром следи! Анька у нас резкая, да и я не мягче.

Сосед с удивлением воззрился на него.

– Зема, да ты чё? Я с девушкой знакомлюсь, а не с тобой! Ань, меня Вадим зовут.

Она кивнула.

– Хау ду ю ду?

– И хаю, и дую, – подмигнул ей Вадим. – Ты, правда, что ли, теперь спиногрызов английскому учишь? Возьмёшь ещё одного?

– Нужен ты ей был... – проворчал Семицвет, и потому она тут же дружелюбно кивнула:

– Позвони, поговорим.

– Щас, я телефончик... – засуетился Вадим, отыскивая салфетку.

– Телефоны кому попало раздаёшь, – бурчал ей в шею Семицвет.

– Не кому попало, – невинно возразила она. – НАШИМ.

– Аня, как дела?

Здрав голову, она оглянулась.

– А, Олеж! Ничего. Как рука?

– Видишь? – он сжал-разжал пальцы. – Через две недели на комиссию.

А ты то лекарство достала?

Она хмыкнула, выразительно потёрла пальцами.

– Тут и доставать не надо, бабло плати!

– В Москве, говорят, дешевле.

– Так то в Москве...

– Какое лекарство? – спросил над ухом Семицвет. Мысленно чертыхнувшись, она дёрнула плечами.

– Такое.

– Какое лекарство? – повторил он свирепо, встряхнув её малость.

– Да врач назначил, – неохотно сказала она.

– И что?

– Что – что? Накоплю – куплю.

– Анька, ты дура! – сказал он с яростью. – Я тебя сам убью!

– Вот спасибо, отмучаюсь...

– На, – он завозился, достал и шлёпнул перед ней на стол записную книжку. – Пиши название и сколько надо.

Почти прижавшись щекой к её щеке (что её очень отвлекало), Семицвет смотрел, как она выводит буквы.

– Поди, даже Соболю не сказала? – спросил мрачно.

– А чего ему говорить, у него своих хлопот полон рот.

– Ну ладно, мне, что ли, не могла позвонить?

Аня едва не рассмеялась. Семицвет иногда звонил ей, и тогда телефон начинал дымиться – каждый разговор их напоминал спарринг: удар – ответ, удар – ответ. Не раз и не два она бросала трубку, не зная, плакать или смеяться, и зачем он звонил ей вообще... Жаловаться Семицвету? Нет уж, увольте!

Дописав, она машинально пролистнула книжку и сразу же наткнулась на свою фамилию. Телефон. Адрес.

Изумлённо обернулась:

– У тебя и адрес есть?

– И «мыло» твоё, – буркнул он, выхватывая книжку.

– И чего не приходил?

– А ты звала? – окрысился он.

Что-то не замечала она раньше за Семицветом такой церемонности...

– Ладно. В следующую командировку мы через Москву. Найду.

– Ну... спасибо, – неловко сказала она.

– Не булькает! – отозвался он. – А Соболю я заग्रивок взгрею.

– За что это?

– Знает же, что ты упёртая! Сдохнешь – не попросишь! В следующий раз буду сам узнавать...

– Заткнись, а? – пробормотала она. – Выпей вот.

Семицвет выпил. Сколько она помнила, пил он много, но почему-то почти не пьянел.

– Когда летите?

– Через месяц. Может, кому привет передать?

– Ага. Горячий и пламенный.

– Что горячий – это точно, – ощерился Семицвет. – Не бойсь, передадим. За Жеку. За тебя.

– Эй-эй-эй, – она подтолкнула его локтем. – Я-то живая, если ты ещё не заметил.

– Это ты сейчас... – покрутив, он поставил пустой стакан на стол, – живая. А когда мы с Сободем тащили тебя от той «зелёнки»...

Она смотрела на свои руки. Боль. Страх. Бессилие. Мозг, задыхающийся в предавшем его теле...

– Я живая, – повторила она, словно убеждая в этом его. И себя. – Тебя тогда тоже ранило. Я не знала.

– Да какое там – ранило! – он махнул рукой. – Зацепило. Раны и морщины украшают труп мужчины!

Юмор у Семицвета всегда был на уровне: «Маленький мальчик нашёл пулемёт – больше в деревне никто не живёт».

– Мы всей палатой ваши передачи слопать не могли – тащили на целую роту, – вспомнила она.

– Ты бы тогда себя видела! Бинты, нос и глаза... поневоле весь магазин купишь. А сейчас, – он двинул ногами, словно взвешивая, – ничего, справная...

Она засмеялась.

– Это ты как определил? На взгляд или на ощупь?

Семицвет осторожно притянул её поближе.

– Да я бы с удовольствием пощупал, так ты же мне все руки повыдёргиваешь!

– Так ты и испугался!

Он громко выдохнул ей прямо в ухо.

– Аньк, я ж боюсь тебя до смерти!

Она засмеялась – Семицвет взглянул близко и как-то обиженно – и она вдруг почувствовала себя неловко. Похлопала его по руке.

– Да ладно, Семицветик! Не бойся, не трону я тебя!

– А ты тронь. Сопротивляться не буду.

– Прямо так лапки задерёшь и сдашься?

– Тебе – прямо щас.

Как-то слишком серьёзно он это говорит. Аня поморгала. Начинала кружиться голова. И не потому, что она выпила. Это...

– Пусти-ка меня!

– Эй, ты куда? Ань, ты чего?

Поспешно перебирая руками по плечам, рукам, головам, наступая на ноги и перебираясь через колени – мужчины смеялись и ругались и отодвигались – она выбралась из плотного ряда сидящих у стола. Спотыкаясь на ровном месте, торопливо шла к выходу: он качался, делался то дальше, то ближе, то вообще растягивался в стороны. Звон в ушах нарастал. Не хватало ещё грохнуться у всех на глазах. Опозориться перед Сободем, Палычем. Семицветом...

Она таки добралась до туалета. Цепляясь за расшатанную раковину, плескала в лицо холодную воду. Повернулась к распахнувшейся двери, уже почти ничего не видя – в глазах стремительно темнело.

– Аньк, да ты чего... – сказал Семицвет сквозь звон. И ещё она услышала его «оп-ля!», когда он подхватил её почти у самого пола.

– Вот так, – сказал он.

– Отпусти меня, – вяло сказала Аня. – Всё нормально.

– Вижу, как нормально.

Семицвет опять мягко привалил её за плечи на диван. Потёр её холодные руки, пристально вглядываясь в лицо. Он казался потрясённым.

– Ты чего это... падаешь? Пойду Серого притащу, если не нажрался ещё до зелёных соплей.

– Да не надо...

– Заткнись, а? Лежи так! Лежи! Я быстро. Олька, смотри, чтоб она не вставала!

Только сейчас Аня заметила стоявшую неподалеку Ольгу. Семицвет унёсся, и Аня мимолётно почувствовала фельдшеру Серёге: сейчас его поймут, повяжут, доставят...

– Ты не беременна?

– Чего?

– Я когда Гошкой ходила, то и дело в обморок падала. Ещё и живота не было.

Она завозилась и села на диване. Провела ладонью по мокрому лицу. Пробормотала:

– Было б от кого ещё...

Ольга постояла, глядя по сторонам и сжимая в руке стакан.

– А от моего? – спросила глухо.

Она замерла на секунду-другую, потом опустила голову между ног – голова продолжала кружиться, пол – плыть.

– А твой здесь при чём?

– Ты скажи, есть между вами что? Или нет, а? Я ж так больше не могу! Я же что-нибудь...

Она поглядела исподлобья. Ольга стиснула стакан так, что за бедную посудину было страшновато – хорошо, столовский, крепкий. Аня трудно вздохнула и выдохнула:

– Ду-ура! Он же тебя любит!

Снова наклонила голову. В ушах звенело, как будто ей отвесили хорошую оплеуху. Диван тяжело просел – Ольга плюхнулась рядом.

– Что – совсем-совсем ничего?

– Совсем-совсем, – сказала она сквозь зубы себе в колени.

– И правда! – схватилась Ольга. – Ты же девка свободная. Вон какая боевая, на фига тебе женатый, с довесками! Вон гляди, Игорь Семицвет об тебя все глаза обмозолит! Да и Валерик Громов холостой...

На радостях она готова была сосватать Ане весь белый свет.

– Угу, – буркнула невеста на выданье, – а ещё Андрюха развёлся... Оль, да успокойся ты! Ничего нет, и ничего не будет! Ясно?

– Нет, ну правда? – никак не успокаивалась Ольга. В голосе – облегчение пополам со страхом. Аня откинулась на спинку дивана, закрыла глаза. Не хотелось смотреть на Ольгу, да и на весь белый свет – тоже. Боль усиливалась.

– Правда-правда, – сказали рядом. – Уймись ты, наконец, з-зараза! Принеси лучше минералки.

– Ага, я сейчас, Игорек, Аня!

Диван вздохнул освобождённо и тут же снова осел.

– Серый уже под столом. Ты как?

– И давно ты здесь? – спросила она, не открывая глаз.

– С начала допроса.

– Мог бы и спасти.

Смешок.

– Зачем? Мне и самому интересно!

Аня сказала кое-что. Семицвет рассмеялся. Подвигался, устраиваясь поудобнее, твёрдое бедро коснулось её ноги.

– И часто ты в обмороки плюхаешься?

– Первый раз.

– Угу...

Аня помолчала и добавила:

– В этом году.

– А в прошлом?

– Чаще. Выпила, наверное...

– И курила.

– Да иди ты... – беззлобно сказала она. Открыла глаза. Семицвет сидел, в точности повторяя её позу – руки на животе, ноги вытянуты, голова на подголовнике. Смотрел искоса.

– Ну что смотришь? Не пройду я комиссию, да.

– А как ты на своих курсах тогда самооборону преподаёшь?

– А ты откуда знаешь?

Она видела, что вопрос ему не понравился. Семицвет потёр ухо.

– Да знаю...

– На курсах я в обморок не падаю, – сказала она. Подумала и добавила, – и вообще не падаю. Голова закружилась, понял?

– Понял, не дурак... Дурак бы не понял.

– И вообще, чего это ты тут сидишь? Там водка кончается.

– Кончится – ещё купим, – сказал Семицвет просто. – Вон Витёк вообще к себе уже зазывает. Обещает царские хоромы и питье рекой.

– А баб?

– А баб – нет, – с сожалением сказал Семицвет. – Повод не тот.

– Будто тебе когда повод нужен был...

Он вдруг обиделся.

– Аньк, ты чего! Я ж тебя никогда не окучивал!

– Ни разочка! – подтвердила она. – Как получил плюху – с тех пор ни разу.

– Так это когда было! – он потёр ухо. – Я уже и забыл...

– Напомнить? – готовно предложила она, Семицвет поспешно вскинул ладони.

– Видишь мои руки? Во-от они где!

– Вот минералочка! – пропела вернувшаяся Ольга. – Аня, ты как?

– Тебя только за смертью посылать! – буркнул Семицвет.

– Ну что, Ань, получше?

Она отвела взгляд. Ольга заглядывала ей в глаза и только что хвостом не виляла.

– Давай-давай, топай отсюда! – скомандовал Семицвет. – Там Соболёк без присмотра остался!

– Грубый ты, Семицвет, – вздохнула Аня, когда Ольга послушно «утопала».

– Ну. Пить будешь?

– Давай.

Семицвет набулькал в стакан. Аня пила глоточками. Пить не хотелось, голова кружилась, но болела уже меньше. Рисковать вставать она пока не хотела. Да и вообще ничего не хотела – просто сидеть здесь... хоть бы и с Семицветом. Тот сделал большой громкий глоток из пластиковой бутылки. Покосился. Увидел, как губы Ани дрогнули в улыбке, и мгновенно широко ухмыльнулся в ответ.

– Ты это... давай больше без обмороков, – предупредил. – У меня нервы, знаешь, какие слабые!

– Все, завязала!

– Может, тебя домой доставить?

Аня вздохнула.

– Посижу ещё. Тебе что, не терпится от меня отделаться?

– Так я это... в порядке шефской помощи.

Он осторожно положил холодную руку на её лоб.

– Башка раскалывается, наверное, да?

Аня хотела привычно огрызнуться-отшутиться, но встретила его сочувственный взгляд и не нашла, что и как ответить. Слабо боднула лбом его ладонь.

– Бывало и хуже.

В его хищном лице что-то дрогнуло. Семицвет предупредил быстро:

– Ты только спокойно, ладно?

Сгреб её руки за запястья одной рукой. Пока Аня недоумённо тарасилась, наклонился и поймал губами её рот. Целовал жадно, сильно, даже больно – словно после долгой разлуки, словно изголодался, давно представляя, как всё это будет. Аня могла только хватануть воздуха, когда он, наконец, чуток отодвинулся. Семицвет тоже дышал тяжело, глядел близко «плывущими» глазами.

– Руки... – пробормотала она.

– Что?

Она пошевелила пальцами онемевших рук.

– Руки пусти... идиот.

Он поглядел вниз. Пробормотал:

– Только не убивай меня сразу, хорошо?

Разжал пальцы. Аня уже привычно тёрла запястья.

– Дурак. Синяки же будут.

– Ну, извини.

– Ты чего... вдруг?

– Не вдруг.

– Не вдруг?

– Не вдруг, – упрямо повторил Семицвет.

– Слушай, Цветик-Семицветик, – она пыталась говорить с привычной насмешкой. Не получалось. Губы горели. – Мы с тобой уже сколько друг друга знаем?

– Ну?

– Что сегодня-то приключилось?

– Я думал, ты на Соболя запала... – Он вдруг окрысился. – А ты, типа, не видела, что я вокруг тебя круги наматываю?

Ей вдруг стало смешно.

– А я-то думаю, что это вокруг меня такое мелькает? Аж в глазах рябит!

– Аньк... – сказал он тяжело. – Анька, я ж тебя... да я за тебя...

Она взглянула, испугалась и спешно закрыла ему рот рукой. Семицвет прижал и поцеловал ладонь. Несмело провел рукой по её голове.

– Отросли... – сказал невнятно, всё ещё ей в руку. – Хорошо.

Жёсткие пальцы сжались, крепче обнимая её шею. По позвоночнику словно прошёл нервный ток.

– Хватит болтать! – строго сказала она и взяла Семицвета за уши. – Хватит!

– Ага! – моментом согласился он.

– ...Ого!

Придавивший её Семицвет не сразу, но отодвинулся и, моргая, она увидела вывалившую из столовой толпу.

– Ого-го-го! – одобрительно гаркнул Коля Мичман. – Договорились наконец-то!

Аня села прямее, высвобождаясь из рук нехотя отпустившего Семицвета. Глянула исподлобья. Соболев смотрел на них, прикусив губу. Неожиданно кивнул и показал большой палец.

– Мы по домам! – сообщил Витёк, ухмыляясь. – Анют, подбросить?

– Ты же в драбадан... – пробормотала она, неловко поднимаясь. Свирепо глянула на поддержавшего Семицвета – тот и не подумал отпустить её локоть.

– Обижа-аешь! – загрохотал Витёк. – До «драбадана» мне ещё как до Луны пешком! Да у меня и водила за рулем!

– Без тебя доберёмся, – сказал Семицвет. Аня покосилась. Он на неё не смотрел. На лице его горел тёмный румянец – наверное, такой же, как у неё самой.

– Ну... тут дела семейные! – сказал кто-то ясным голосом. Мужчины, закуривая, посмеиваясь, и с любопытством поглядывая, шли к выходу. Кое-кого вели под руки – водки на поминках был явный перебор. Аня смотрела им вслед, потому что не хотела смотреть на остановившегося рядом Соболева.

– Пока, Аня, – сказал он, и пришлось всё-таки посмотреть. Соболев жал руку Семицвета. За мужнин локоть крепко держалась Ольга. Глядела с жадной радостью.

– До свиданья, Ань!

– До свиданья, – кивнула она. Соболев неожиданно наклонился и поцеловал её в щёку.

– Пока.

– Пока...

– Игорёк, ты заходи к нам! – сказала Ольга. – И ты, Ань.

Она от неожиданности моргнула и машинально кивнула. Ага. Ждите. Пироги пеките...

Оба одновременно оглянулись на опустевшие двери столовой. Поглядели друг на друга. Аня шевельнула локтем, опять пытаясь стряхнуть крепкую руку Семицвета.

– Может, уже отпустишь меня?

– Нет, – с непривычной серьёзностью сказал он. – Не отпущу. Никуда я тебя уже не отпущу, Анька.

Ей вдруг стало смешно.

– А плащ можно надеть?

– О! – сказал он, удивившись. – Забыл! Щас!

Анна вышла на крыльцо – народ расходиться и разъезжаться не спешил. Переговаривался. Курил. Она подняла голову. В лицо летел ночной дождь. Говорят, в день, когда хоронят хорошего человека, всегда идёт дождь...

– Вот, – сказал Семицвет. Практики в подавании женщинам плащей было у него явно маловато. Аня терпеливо справлялась с ускользящими рукавами. Семицвет, натягивая куртку, заглянул ей в лицо и спросил озабоченно:

– Ты чего? Плачешь, что ли?

– Дождь... – ответила она.

Последний звонок (Новелла для сценария)

Ольга БЕЛОУСОВА
Евгений ГРЕП

Последний звонок

Привет! Сегодня дождь и скверно,
И мы не виделись, наверно,
Сто лет...

Из песни

Летний школьный двор, последняя линейка, бежит по кругу девочка-первоклассница и звенит колокольчик. Они стоят рядом, глазастая девушка с длинной косой и высокий паренек с чуть заметным шрамом на лице. Она в нарядном платье, он в костюме. Последний звонок...

«Прости...»

С унылой однотонностью звуки сирен уплывали в город за окном. Вместе с ними уносились и остатки сна. Девушка смотрела грустно, понимая, что сейчас Дэн уйдет.

«Прости...»

Дэн рывком, будто его дёрнула пружина, сел в кровати и секунду невидящим взглядом разглядывал на стенку шкафа перед ним. Оттуда, уже который год, с мудрым прищуром глядел Виктор Цой, лоя глянецом блики от солнечных утренних лучей. Ни он, ни старая знакомая комната за ночь ничуть не изменились. Всё те же, потемневшие от времени обои, кровать, письменный стол... Монитор подмигивал зелёным огоньком, компьютер тихонько гудел вентилятором. Рядом с клавиатурой, как обычно, гора дисков и пара чашек с остатками кофе.

Привычным жестом Дэн погладил шрам на щеке. Кровать тянула обратно, полежать немного. Будильник, как назло, больше пяти минут молчать не собирался. Взвесив все «за» и «против», Дэн решительно откинул одеяло и встал. По дороге в туалет мягко повело в сторону, но он всё же сохранил равновесие, лишь остановился на секунду.

Отражение в зеркале над полочкой со щёткой и мылом оценивающе глянуло на Дэна и явно сделало выводы не в его пользу.

– Сам такой, – сообщил ему Дэн и взял зубную щетку.

Сон беспокоил его, потому что нёс в себе что-то важное... Но снов Дэн не запоминал. И вообще, страдал забывчивостью.

«Вы очень безответственный человек, Денис, – говорил ему когда-то шеф, – Вы забываете о данном обещании буквально тут же, ещё честно глядя в глаза собеседника! Соберитесь, пейте йодомарин, записывайте, в конце концов!» Это было давно, теперь шеф уже такого не говорит, только смотрит. Заходит в кабинет и смотрит. А потом начинает ругаться. Ругается он, не повышая голос и крайне редко, но когда это всё-таки происходит, чувствуешь себя в подвешенном состоянии целый день.

Дэн даже застонал, не переставая надраивать зубы. Рабочая неделя только началась, а уже хотелось на выходные... А ещё лучше – в отпуск! Несбыточные мечты...

– Чёрт!

В прихожей грянул телефонный звонок. Дэн, прямо с зубной щёткой во рту, выскочил в прихожую и сорвал трубку с аппарата.

– Алло?

В ответ лишь недоумённая тишина.

– Алло?! – сказал Дэн уже раздражённо.

– Алё! – прорвало, наконец, трубку противным старушечьим голосом.

– Алё! Кто это?..

– А вам кого нужно? – вкрадчиво поинтересовался Дэн.

– Алё! Вам рыбу завезли?

– Ага, – согласился Дэн. – Акулу. Торопитесь, пока ещё живая, – и положил трубку.

Рыбные покупатели пёрли особенно плотно по выходным, когда Дэн наслаждался утренними часами покоя. Может, стоило открыть рыбный магазин и получать прибыль? Дэн хмыкнул и пошёл завершать водные процедуры.

Секунд десять Дэн колебался перед возникшей дилеммой. Вымыть кружку или нет. Потом вздохнул и взял чистую, налил туда кофе и поставил её на стол рядом с другими, уже испачканными. Каждая из кружек имела жизнеутверждающую надпись. На одной был нарисован кофейник, и буквы вокруг него гласили: «Работа не волк...». На второй грустный тип в наколках сообщал, что нет в жизни счастья. На той, что принёс сейчас Дэн, изрекалось почему-то: «Дороги, которые мы выбираем».

Одежда располагалась в самых разнообразных, порою, неожиданных, местах. Рубашку Дэн вчера даже умудрился погладить, так что хоть с этим проблем не возникло.

«Пора... Нас ждут великие дела...» Страшно не хотелось покидать такую родную квартиру, но долг обязывал. С другой стороны, очень хотелось заработать много-много денег. Вот только работать при этом не хотелось... «Тунеядец...» – с грустной самокритичностью охарактеризовал себя Дэн.

Когда он уже стоял на лестничной площадке и закрывал входную дверь, телефон зазвонил опять. Сначала Дэн стоял в бездействии и желал, чтобы эта машинка замолчала, потом смирился и повернул ключ в обратную сторону.

– Рыбный магазин, – едко сообщил он абоненту на том конце провода.
– Всегда в продаже свежие пираньи.

– Слушай, остряк, ты почему ещё дома?! – спросил Макс угрожающим голосом.

– Потому что кто-то должен был ответить на этот идиотский вопрос, – Дэн был сама любезность. – Чего тебе?

– Ты хоть знаешь, сколько времени?

Дэн выглянул в комнату. Будильник показывал семь сорок пять.

– Ну, без пятнадцати, а что?

— А то, что шеф рвёт и мечет!

Дэн помолчал, потом осторожно спросил:

– А чего это он? Ну, опоздаю минут на десять, в первый раз что ли?

– Идиот! А техучеба у нас какого?!

– Ну, двадцать пятого мая... – Дэн даже пожимал плечами, при чём тут техучеба, когда сегодня только... Взгляд на календарь освежил память, – Ох!..

– Вот тебе и «ох»!

– Ладно... – грустно решил Дэн. – Нагоняем больше – нагоняем меньше... В первый раз что ли?

– Ну, смотри... Я тебя предупредил, – в трубке заныли гудки.

«А время-то идёт!»

Дэн бежал по лестнице большими скачками и чуть не сбил с ног грузно поднимающуюся навстречу соседку с мусорным ведром в руке.

– Оболтус! – обругала его та.

– Пардон, тетя Валь... Доброе утро!

– Доброе... – донеслось ему вдогонку. – Дверью не хлопай!

Но дверь всё-таки хлопнула.

Аля проспала. Ей снова снилась бесконечная дорога, по которой бежал смешной лохматый пес. И Аля тоже бежала, совершенно не чувствуя усталости. Бежала, бежала... И проспала.

Будильник, заведённый на шесть часов, предполагал утреннюю зарядку, хороший завтрак и тщательно наложенную косметику. Однако подняться по звонку Аля, как ни уговаривала себя, всё же не смогла. Когда снилась эта дорога, подъёмы давались Але особенно тяжело. В семь ноль-ноль на полную громкость включился телевизор – маленький сюрприз для любителей долгого сна. Аля подскочила на кровати, и, отчаянно ругаясь, заметалась по квартире. Тут же, естественно, всплыла масса мелких, очень несвоевременных проблем. Ноги цеплялись за все встречные острые углы, на колготках обнаружилась стрелка, а на лучших туфельках – отвалившаяся набойка.

– Что такое не везёт, и как с этим бороться, – пробормотала Аля, натягивая зелёное форменное платье. – Осталось только на развод опоздать для полного счастья...

Глаза покрасились, на удивление, быстро. Помада завалилась куда-то в глубину сумочки и после недолгих лихорадочных поисков Аля решила смириться с мыслью о её потере. Расчёска запуталась в коротких, очень густых тёмных волосах. Ощутимой разницы между «до» и «после» попытки причесаться, Аля не заметила. Взъерошив волосы, она в очередной раз глянула в зеркало и засмеялась:

– Пойду на бал лохматая!

Настенные часы показывали семь тридцать пять, когда Аля, подхватив сумочку и плеер, выскочила, наконец, из дома. И тут же вернулась. Аккуратно, чтобы не порвать последнюю пару колготок, присела на корточки, нащупала под диваном мобильник, потом выключила телевизор и рванула обратно к двери.

– Чёрт! Чёрт-чёрт-чёрт!

За спиной щёлкнул замок.

– Надеюсь, теперь-то я всё взяла, – спросила Аля у окружающих её стен. Стены не ответили. – Ладно, что не взяла, то забыла!

Стук каблучков эхом рассыпался по подъезду.

Город уже проснулся. Район, усыпанный тополями и старыми кирпичными «хрущёвками», был заполнен утренними звуками. Пение птиц вплетало лишь робкую ноту в мелодию гула машин, шарканья ног, разговоров людей и многих других похожих звуков.

Дворовые тополя купались вершинами в небесной синеве, но обычной радости Дэну не доставили. Вообще, двор тяготил, и Дэн побыстрее выскочил на улицу, завернув за угол собственного дома. Край глаза схватил бело-синюю табличку с надписью «ул. Танкистов, 60».

По тротуару двигались люди, немного, но все торопились, наверное, тоже опаздывали. Дэн даже немного повеселел, сообразив, что он не одинок, и кому-то, возможно, попадёт ещё больше, чем ему... Впрочем, что толку-то? Дэн вздохнул. На работу всё равно не хотелось...

Машин оказалось ещё меньше, чем людей. Дэн легко пересёк проезжую часть, трамвайную линию и нырнул в кусты.

Парк принял его в себя, как пылинку, оглушил темнотой и шелестом молодой листвы. Он был очень старым, этот парк. Тополя потемнели от времени и совершенно не пушились, кое-где ветер даже поломал великанов. Дэн помнил, как в детстве они с ребятами играли в этих местах в прятки. Парк был заброшен уже тогда.

Тропинка вела насквозь и почти не петляла. С той стороны тянулась другая улица, только без трамвая. Зато по ней ходил нужный автобус. Если идти быстрым шагом, то Дэн выйдет туда через минуту...

Народу в парке, конечно же, не было... То есть почти не было, лишь какой-то старичок в болоньевом плаще, фетровой шляпе и очках с толстой оправой вёл на поводке маленькую беспородную собачку. Дэн отступил с тропинки в траву, пропуская парочку. Собачка деловито обнюхала его ботинки и утащила старичка дальше.

В деревьях показались просветы. И вместе с шумом машин прилетел совершенно неуместный звонок трамвая. «Что за ерунда! – удивился Дэн, – Какой там может быть трамвай?!»

Однако когда он вывалился из кустов, перед ним оказалась старая знакомая улица Танкистов. И дом его был на месте, и трамвай уходил куда-то по рельсам...

«Бред!.. – Дэн помотал головой, – Наверное, я не там свернул...» Хотя, свернуть, конечно же, было невозможно. Тропинку Дэн помнил почти столько же, сколько и себя, и мог пройти по ней с закрытыми глазами...

Оставалось только пожать плечами и двинуться обратно, чтобы пересечь всё-таки парк.

Старик оказался на месте и теперь уже в свою очередь пропустил Дэна. Собачка бегала где-то в кустах. Дэн почти пробежал мимо, чтобы оказаться все на той же улице...

«Эк меня крутит! Может, это какой-то знак? Или я всё ещё сплю?» Дэн ущипнул себя за руку и ощутил реальную боль. «Не сплю... Надо же...»

– Бред, – решил Дэн вслух.

– Для спорта, у вас не слишком подходящий костюм, – заметил Дэн старичок, когда тот опять проходил мимо.

Дэн остановился и внимательно его оглядел. «А это мысль, – решил он, – если я неадекватно воспринимаю реальность, то, может, мне поможет тот, кто воспринимает её адекватно?»

– Скажите, вы случайно не психиатр?

– Нет, – старичок улыбнулся. – Я строитель... То есть был когда-то. Теперь-то я на пенсии...

– Жаль... А мне сейчас бы пригодился психиатр.

– А что, собственно, у вас случилось?

– Да вот... Добраться до работы не могу...

– А куда вам надо?

– В центр...

– Ну, тогда вам нужно либо на маршрутку, «пятёрку», либо на трамвай. Только на трамвае пересадку делать нужно...

– Это я и сам отлично знаю...

– Тогда в чём же проблема?..

Дэн взял старичка за рукав и попросил:

– Пойдёмте, я вам покажу...

– А это далеко? – испугался старичок. – А то у меня Бернар... это моя собачка...

– Это рядом, – заверил его Дэн, – ваш Бернар не успеет вас потерять.

По тропинки они опять дошли до края парка.

– Вот, скажите, как, по-вашему, называется эта улица?

– По-моему? – старичок улыбнулся. – По-моему, это улица Танкистов.

А по-вашему?

– И по-моему тоже, – Дэн вздохнул, – а теперь пойдёмте в другую сторону?

– Зачем?

– Пойдёмте, пойдёмте... Там будет кое-что интересное.

Где-то вдалеке залаяла собака.

– Бернар?! – встревожено позвал старик, но ответа не было, – сейчас, подождите... Я только собачку свою приведу...

Дэн подождал немного, потом пожал плечами и пошёл на трамвай...

У подъезда топталась стайка школьников, наряженных в старую, советскую ещё форму с белыми фартучками и белыми же бантами в смешных косичках. Аля замерла в дверях, пытаясь понять, по какому поводу столь странное собрание и что оно ей напоминает?..

– Доброе утро, Алина Александровна!

Нестройный хор девчоночьих голосов вывел Алю из секундного оцепенения.

– Здравствуйте, девочки, – она торопливо улыбнулась, пытаясь прорваться сквозь не по-утреннему шумную компанию. – Чего это вы сегодня все такие?..

– Так последний звонок же! – радостно оповестила Света Марченко, лучшая Алина ученица. Было время, когда Аля преподавала в школе...

– Ой, мамочка, как время быстро летит! – засмеялась Аля, с облегчением вспоминая, что когда-то... не так давно, между прочим! всего-то десять лет назад, она сама стояла на своей последней школьной линейке в таком же вот форменном платье.

– А вы к нам придёте? – спросили из-за спины.

– Нет, девочки, не приду... С работы не отпустят...

– Жалко-о!

– И мне тоже! – соврала Аля. Ей не было жаль. Она не любила последний звонок.

– Алин Александр-рна, а вам идёт форма!

– Спасибо, Света... Ладно, девочки, мы потом поговорим, я опаздываю...

– Как всегда! – прокомментировали бывшие Алины ученицы.

– Как всегда, как всегда... – согласилась она, слишком занятая желанием успеть на работу, чтобы обращать внимание на их шутки. – Хорошо вам погулять!

Аля бросилась вперёд, надеясь нагнать упущенные возле подъезда секунды. В голове настойчиво крутилась одна-единственная мысль: какой дурак придумал утренние совещания?

Стучали колеса на стыках рельс, убаюкивали. Дэн сидел у окна и зевал, боясь заснуть. Потому что, если он заснёт, то ему станет наплевать и на шефа, и на работу, и на отчёт... Потому что отчаянно таращил глаза и выглядел при этом донельзя удивлённым.

Полная пожилая дама рядом с ним увлечённо разгадывала кроссворд. На сидении впереди расположилась парочка. Девушка положила голову на плечо парню, и это просто выводило из себя Дэна. Не потому что она девушка, а потому что она спала!

– Молодой человек! Не подскажите, перевод с латыни слова «фатум»?
«Судьба...» – подумал Дэн машинально, до него не сразу дошло, что обращаются к нему. Дама рядом требовательно смотрела на него, и пришлось неохотно ответить:

– Не знаю... – в эти слова была вложена вся неприязнь, которую Дэн успел накопить с момента пробуждения.

Даму, впрочем, это совсем не смутило:

– А я знала!.. Но вот, забыла... Кстати, а по гороскопу вы кто?

«Не люблю таких людей... – подумал Дэн. – Ведь видит, что у меня нет настроения разговаривать».

– Ну, всё-таки!

– Зачем вам это?

– Да, понимаете, кого сегодня не спрошу, у всех сегодня гороскоп удачный! Меня, например, ожидает удача в карточной игре! Так кто вы?

– Человек разумный. Прямоходящий. Холостой.

Дама сокрушённо покачала головой:

– А вот это зря! Вам обязательно нужно жениться...

– Спасибо, – едко поблагодарил Дэн. – Я уже два раза.

– Могу поспорить, вы овен! – сообщила Дама, провела пальцем по газетной странице и радостно воскликнула: – Надо же! Вас сегодня на работе ждёт удача!

«И очень большая, – мысленно решил Дэн. – Шеф ругается редко, так что схлопотать от него – это нужно определённое везение...»

– Спасибо, – на всякий случай поблагодарил Дэн, – теперь я могу жить спокойно.

Дама подскочила:

– Ой! Моя остановка! – и побежала к выходу.

– Вот только я не овен, – тихонько сказал ей вслед Дэн.

Девушка на переднем сидении сладко потянулась, потом опять прильнула к парню. Чтобы не смотреть на неё, Дэн закрыл глаза. Через минуту он уже спал, бессильно свесив голову на грудь.

Парк, весь в цветущих одуванчиках и тополином пухе, просыпался вместе с первыми прохожими. Аля торопливо шагала по знакомым с детства дорожкам, обдумывая предстоящий разговор с шефом: «Главное, не нервничать, не заводиться... Всё равно они сделают по-своему... Надеюсь, витрины уже привезли... Если сегодня экспозицию монтировать не начнём, потом мне в институте ночевать придётся... ребятам-то что, они всё равно в казарме живут...»

Остановка находилась за углом парковой ограды. Сквозь просвет деревьев Але было видно, как к ней подъехал заветный автобус, и как, толкаясь, в него полезли люди.

– Блин!

Зная по опыту, что этот автобус является последним, на котором ещё можно успеть на работу, Аля прибавила скорость, подлетела к широко

распахнутым створкам дверей, поставила ногу на подножку и бросила контрольный взгляд на табличку с номером маршрута. Номер был не её.

– Зашибись!

Аля отпрыгнула в сторону и сделала вид, что так всё на самом-то деле и задумывалось. Впрочем, делать вид было особенно не перед кем. На остановке, помимо набитого людьми автобуса, остались только она да лохматого вида пёс возле жёлто-красной деревянной скамейки. Автобус тронулся. Аля проводила его долгим взглядом. Несколько пассажиров у окон ответили ей ехидными усмешками.

– С каких это пор шестьдесят второй стал здесь ходить? – поинтересовалась Аля у пса. Пёс ехидно залаял в ответ.

Аля огляделась и тихонько захихикала.

– Вот это да!.. Остановка-то не моя! Дожилась...

Отсмеявшись, глянула на часы. Семь сорок восемь.

– М-да... на развод, совершенно однозначно, не успела, – и с тяжёлым вздохом Аля полезла в сумочку за мобильником. Два длинных гудка, потом сонный женский голос:

– Говори!

– Наташ, это я...

– Ну?

– Я опаздываю. Задержусь, в общем. Прикроешь?

– Пять баксов.

– Шесть. Буду через полчаса.

– Давай.

– Ты классный начальник!

– Я знаю.

Короткие гудки. Аля ещё несколько секунд тупо смотрела на экран мобильника, потом бросила его обратно в сумку, достала наушники и включила плеер.

– И вьётся впереди Дорога Сна-а-а...

Музыка вытеснила из головы все нужные и не очень мысли. Подпевая плееру, Аля снова пересекла парк, автоматически свернула направо, потом налево. Обогнула обелиск и огромный цветник в форме звезды. За цветником виднелись полянки одуванчиков в бурно разросшемся лесочке и камень-памятник погибшим революционерам. Аля грустно засмеялась, вспомнив детские истории о захороненных в парке героях, погибших от рук плохих людей. Она тогда читала книги о мушкетёрах и верила, что все люди вокруг – сильные, смелые и верные слову. Каблук попал в выбоину на асфальте, Аля чертыхнулась, отвернулась от камня и детства, и свернула по тропинке направо, рассчитывая выйти к своей остановке.

– Та-ак...

Пейзаж был знаком. Жёлто-красная скамейка, лохматый пёс. Автобус номер шестьдесят два, в который по ступенькам медленно поднимался какой-то мужчина.

– Ни разу не терялась в городе, – произнесла вслух Аля. Из-за музыки в плеере её голос звучал немного громче, чем нужно. – Ни в чужом, ни, тем паче, в своём собственном.

Она сняла один наушник, подошла к автобусу и, заглянув внутрь, без особой надежды спросила у водителя:

– А пятнадцатый здесь, совершенно случайно, не ходит?

– Нет. И не ходил никогда, – буркнул кто-то из пассажиров заведомо известный Але факт. Водитель даже головы не повернул. Зачем? Зелёное форменное платье Али ассоциаций с гаишниками не вызывает, так что можно власть и проигнорировать. Когда ещё случай представится?

– Та-ак... – пробормотала Аля, снова возвращаясь в парк. Один наушник остался болтаться на плече. Во втором между песнями возникла пауза. В образовавшейся секундной тишине откуда-то из-за спины донеслись рёв двигателя отъезжающего автобуса и ехидный лай собаки. – Ладно, мы пойдём другим путём...

Когда трамвай в очередной раз качнуло, Дэн несильно стукнулся головой о спинку кресла впереди и проснулся. Зевая, огляделся, не соображая, где же он всё-таки. «Почему трамвай? Ах да... Но где, чёрт возьми, мы едем?»

– Извините, – спросил Дэн проходившего мимо кондуктора. – Какая следующая остановка?

– Конечная, – был ему лаконичный ответ.

– А мы, что, повернули?

Кондуктор грустно оглядела Дэна:

– Юноша, вы пьяны?

– Однако сядил я в трамвай, который шёл в другую сторону...

На это кондуктор лишь пожала плечами и пошла дальше.

«Бред, – решил мысленно Дэн, – не мог же я проспать целый круг?! Или мог?»

Трамвай остановился, двери разъехались, приглашая выйти. Что Дэн и сделал.

Он отлично помнил это место.

Трамвайные пути здесь заканчивались кольцом, обвивающим краснокирпичную будку, вокруг рос мелкий ивняк, прорезанный не асфальтированной дорогой. Если идти в одну сторону, то попадёшь в частный сектор, потом выйдешь уже к цивилизованному микрорайону... С другой стороны, кажется, болотце, но Дэн этого не проверял... Когда-то именно на этой остановке он выходил и брёл к своему лучшему другу Лёхе. Который, кстати, очень даже мог быть сейчас дома, потому что работал в пожарной части...

На поясе запищало и засветилось мертвенно-синим светом. Дэн снял мобильник, посмотрел на экран, скривился и нажал кнопку:

– Ну?

В динамике где-то далеко пел Цой:

«... Одеялом лоскутным на ней город в дорожной петле...»

Знакомый голос с напором зачастил:

– Слушай, у тебя в том отчёте двенадцать ошибок! Центральное требует переделать, так что ты, уж будь добр, поставь у шефа печать и подымайся ко мне... Я тебя жду!

– И давно?

– Что «давно»? – удивился голос.

– Ждёшь давно?

– Слушай, кончай прикалываться!

– Да я и не прикалываюсь, – Дэн грустно вздохнул. – Я заблудился...

– Ты... что?! Ты где сейчас?!

– Ну... – Дэн огляделся. – Тут кругом ивы, рельсы...

– Какие ещё, к чёрту, рельсы?!

– Ржавые... – Дэн улыбнулся. – Знаешь, Макс, тебя сегодня на работе ждёт счастье.

– С чего ты взял?

– Потому что ты – овен.

– Сам ты овен!.. – обиделся Макс и разъединился. Цой замолчал...

Дэн повесил телефон обратно на пояс и грустно сообщил в никуда:

– Я не овен... Я – баран... Где тут мои ворота?

Вслед за жёлтой пятиэтажкой появилась вторая такая же.

– Здесь должна быть стоматология, – уверенно проговорила Аля, заворачивая в арку. – На что спорим?

Но во дворе дома вместо стоматологии стояла школа. Да-да, школа! Ошибиться Аля никак не могла, даже если бы очень захотела. Здесь она училась десять лет, а потом, уже после окончания университета, преподавала сама. Каждая кочка, каждое деревце на школьном дворе были ей знакомы.

– М-да... Три – ноль в чью-то пользу.

На крыльце толпились мальчишки и девчонки, которых Аля на заре своей преподавательской карьеры учила истории. Издалека они напоминали наряженных кукол: фартуки, бантики, шарики, цветы... Гул голосов перекрыл требовательный звонок. Последний для сегодняшних выпускников.

– Ур-ра-а! – кричали ученики.

– Ура, – пробормотала Аля, поворачивая обратно к арке. – Наверное, надо перестать слушать музыку и подумать о чём-то серьёзном. О работе, например. Интересно, а куда делась стоматология? Мне же в понедельник к врачу на приём...

Аля сняла наушник, подумала немножко и надела его обратно. «Предай ненужное земле...» – пел плеер в такт её шагам.

– Лёш, привет...

– Хай, Дэн... Чего хотел?

– Ты сейчас дома?

– Дома, а что?

– Да я возле твоего подъезда стою... У меня небольшая проблема.

– Ну, ты поднимайся.

– Хорошо...

Дэн опустил руку с телефоном и поглядел вверх. Свечка панельной девятиэтажки втыкалась в небеса, возвышаясь над всеми остальными домами района. Больше всего она напоминала Дэну пастуха, среди стада жёлтых, красных и серых овец. Нарядная, как медаль, табличка на стене сообщала, что это «ул. м. Конева, д.35». В детстве Дэн думал, что «м» – это от имени, например, Михаил, и очень удивлялся, почему же её пишут строчной.

Этот дом был, как родной, и окна девятого этажа оставались всё такими же... Что-то защемило в груди. Потому что... потому что места здесь напоминали о детстве... А там, в тех годах, осталась Аля...

Дэн помотал головой и взялся за дверную ручку. Взгляд невольно уткнулся в скрещенные кости и череп, нарисованные каким-то умником красной краской. Линии потекли, искажая рисунок. К тому же череп прикрывала бейсболка, и в зубах дымилась сигарета...

Внутри подъезд сильно изменился. Стены были исписаны и изрисованы, исчирканы ботинками. Один след даже обнаружился на потолке. Запах стоял тяжёлый и противный... Всё это отторгало, гнало прочь. Дэн понял, что его накрывает ощущение какой-то беспомощности, и поскорее нажал на кнопку лифта. Осторожно нажал, чтобы подпалённая зажигалкой кнопка не провалилась.

Внутри тоже надписи. «До чего же противное место, – Дэн весь сморщился, – раньше было не так. Как давно я здесь не был...» Он нажал на цифру «девять», и лифт с лязгом тронулся. Дэн зевнул и устало привалился к исписанной стенке.

Когда движение закончилось и двери раздвинулись, проём открыл вид на намалёванную на извёстке красную «восьмерку», освещаемую косым светом из подъездного окошка. «Странно, – подумал Дэн, – неужели выше не поднимается?» Он опять надавил кнопку, и лифт ещё целый этаж шёл вверх, но когда двери открылись опять, взору предстала всё та же лестничная площадка.

– Бред...

Дэн ради интереса понажимал на другие кнопки, но результат неизменно оказывался тем же.

– Понятно, – Дэн усмехнулся. – Так вот как это действует... Вот как начинается...

Он вышел на площадку и пошёл пешком... Но лестница, которая вела вверх, привела сначала на седьмой этаж, потом на шестой. «Так дело не пойдёт!» – сказал себе Дэн. Для разнообразия он пошёл вниз, но шестой этаж сменился пятым, пятый четвёртым... На третьем Дэн устало остановился и сел на корточки возле стены.

Телефон зазвонил.

– Ну? Ты где? – нетерпеливо спросил Лёха.

– Где-то в городе, – вяло ответил Дэн, ему хотелось закрыть глаза и не видеть ничего. – Леш... У меня большие проблемы... Я, кажется, схожу с ума...

– Серьёзно? – Лёха недоверчиво хмыкнул.

– Не знаю... Не с чем сравнить, раньше-то я был здоровым... Это так необычно... Совсем не страшно...

– Стоп! Ты сейчас где?

– Да в твоём подъезде... Представляешь, никак выше восьмого этажа подняться не могу...

– Ты на каком этаже?

– На третьем... Кажется... Я уже не уверен...

– Жди меня там, я сейчас спущусь!

– Ладно...

Дэн с надеждой прислушался, но нигде в пустом подъезде не отворилась и не хлопнула с лязгом дверь...

Он поднялся, подошёл к окошку и выглянул на улицу. Из окна открывался прекрасный вид на Красную площадь. Дэн не стал это даже мысленно комментировать, лишь зажмурился и отошёл. Подъездная тишина, прерываемая лишь звуками его движений, стала давить. Минуту Дэн ждал, потом позвонил Лёхе. Ответом были лишь долгие гудки...

«Спокойно! – попросил себя Дэн. – Сейчас мы осторожно отсюда выберемся...»

Но третий этаж всё никак не хотел выпускать пленника, оставаясь всё так же третьим. «Спокойно!.. Спокойно!..»

Дэн не выдержал и побежал. Бежал долго, остервенело, пока не выскочил из пахучей темноты подъезда на солнечный свет. И чуть не застонал – его окружали одни многоэтажные дома-мамонты, среди которых чувствуешь себя особенно маленьким. Ржавая табличка на стене дома, из которого выскочил Дэн, утверждала, что это дом номер 53 на улице имени маршала Жукова...

Вместо парка за углом жёлтой пятиэтажки обнаружилась широкая улица. Табличка на стене дома гласила «Пр-т Ленина, б». Аля оглянулась, облегчённо вздохнула.

– Ленина... Как я сюда умудрилась выйти? Впрочем, это уже вопрос восемнадцатый! Так, вот от этого перекрёстка налево будет рынок, значит, остановка – направо...

Но направо оказалась жёлто-красная скамейка и облезлый пёс. Аля обречённо повернула налево. Несмотря на ранний час, на улице уже было полно спешащих по своим делам людей.

– Это какая улица? – спросила на всякий случай Аля у продавщицы мороженого, раскладывающей ценники в витрине. Та неприязненно оглядела девушку, недоумённо пожала плечами:

– Вчера была Ленина.

– Спасибо.

«Вчера дорога от моего дома до института занимала двадцать минут. А сегодня я уже час брожу, а ещё даже до остановки не добралась...», – думала Аля, бредя по обочине проезжей части навстречу потоку машин. Пересекла площадь, на которой справа возвышался памятник Ленину, а слева, за трамвайными путями – дворец культуры. Знакомая до боли картина. Аля шла вперёд, не оглядываясь, и поэтому не заметила, как за площадью проспект почему-то сделал резкий поворот куда-то в бок. Аля сообразила, что попала в незнакомое место только когда упёрлась в кирпичную стену.

Пока она недоумённо потирала лоб в пустой попытке понять, что же произошло и как она здесь оказалась, в сумочке зазвонил мобильник.

– Здесь не было тупика, – сообщила Аля телефону.

– Подскажи, когда смеяться, – посоветовал ироничный женский голос из трубки.

– Не знаю, – призналась Аля. – Я почему-то не могу найти свою остановку.

– А у вас драпчик есть? – ехидно поинтересовался голос. – А расцветочка как, весёленькая?

– А?

– Вот и я о том же самом, – глубокомысленно подытожил голос. – Советь поимей, Алька! Ты обещала ещё вчера диски принести!

– А-а...

— Только не говори, что ты их дома оставила!

– Даха, я понимаю, что для тебя сейчас диски – самый актуальный вопрос, – согласилась Аля. – Ты мне скажи лучше, с каких это пор Ленина стали перегораживать кирпичными стенами?

– Кирпичными?

– Угу.

– Из красного кирпича?

– Угу.

– Не знаю. Вот если бы из жёлтого...

Аля зло отключила мобильник, бросила его обратно в сумку.

– Мне бы твоё чувство юмора, – сообщила она небу, развернулась и отправилась из тупика обратно. Удивительно, но на проспект Ленина Аля вышла практически сразу. По проезжей части всё тем же монотонным, грохочущим, словно водопад, потоком мчались десятки машин. И памятник Ленину был на месте, в центре площади. Только вот за трамвайными путями вместо дворца культуры появилось серо-синее суперсовременное здание кинотеатра.

– «Пламя», – пробормотала удивлённо Аля. – М-да... В кино, что ли сходить?

Мимо медленно проплыла маршрутка с надписью «я люблю свой город» на затемнённых окнах и жирным красным номером «15» на лобовом стекле.

– Эй! – закричала Аля возмущённо. – Это же мой автобус! Стой!

Автобус, естественно, не остановился. Зато стали останавливаться проходящие мимо люди. Аля, заметив повышенное внимание к собственной персоне, передёрнула плечами и гордой походкой направилась к кинотеатру.

– Мы, офицеры, тоже человеки, – сообщила она сама себе. – И всё человечье нам не чуждо.

Заведение именовалось «Пельменная». Внутри «Пельменная» оказалась нормальной столовой с системой самообслуживания, разбросанными по залу столиками и народом рабочего вида.

– Есть какая-либо вероятность, что здесь принимают пластиковые карточки? – спросил Дэн у продавщицы, молодой полноватой девушки.

Девушка покачала головой и молча показала на окно, через которое на другой стороне улочки зеленела вывеска банка.

– Пять минут назад этого не было, – Дэн вздохнул. – Я, пожалуй, не буду рисковать. Дайте мне вот этих пельменей... И чай.

– Двадцать один пятьдесят, – равнодушно ответила продавщица.

Дэн открыл кошелёк и извлёк из него последний полтинник. Ссыпал сдачу, выданную почему-то мокрыми пятаками, назад, и стал обладателем порции жёлтых пельменей. Огляделся. Пустых столов в «Пельменной» не наблюдалось. Дэн несколько секунд оглядывал зал, потом выбрал самый приличный, на его взгляд, столик, за которым сидел только один человек, и решительно двинулся вперед.

– Привет... – сказал мужик, выбранный Дэном в соседи.

– П-привет...

Борода, плотное брюхо, майка с какой-то тяжёло-металлической группой.

– Не присматривайся, не узнаешь. Я полгода назад кабель у вас тянул в конторе... Ты сидел за столом справа от входа. Весь такой важный...

– Наверное, задумчивый? – поправил Дэн.

– Наверное... – согласился мужик и протянул руку, – Серёга.

– Денис...

– Жена ушла?

Дэн проглотил пельмень и удивлённо уставился на соседа.

– Давно уже... Это так заметно?

Мужик широко и довольно улыбнулся.

– Тогда у тебя было кольцо, а сейчас нет...

Лицо Серёги вдруг стало совершенно серьёзным.

– Моя тоже ушла... Вот, обедаю теперь тут.

– Бывает...

– И дочку забрала... Она у меня только-только в школу пошла... Сегодня у выпускников на последнем звонке будет с колокольчиком бегать.

Они молча доели пельмени, потом Дэн спросил:

– Слушай, Серёга... Ты мне помочь не можешь?

– Если деньгами, то извини...

– Нет... Ты помнишь, где я работаю? Не проводишь меня туда?

– А у тебя что, амнезия? – ухмыльнулся Серёга. – Да без проблем. Тут недалеко, минут десять хода...

Они двинулись к выходу. Дэн шёл первым.

– Эй, мужчина! Вы тарелочку-то отнесите на место!

– Я сейчас... – сказал Серёга за спиной и, прежде чем Дэн успел что-то предпринять, закрыл дверь.

– Чёрт! – Дэн рванул дверную ручку, влетел впельменную... Только это была уже вовсе непельменная. Огромный зал железнодорожного вокзала, заполненный народом. Гул сотен голосов напоминал шелест ветра... Дэн бессильно зарычал.

Отчаянно сигналив, по центру проспекта пронеслась скорая помощь. За ней, перебивая сиреной даже музыку в плеере, – гаишники. Аля инстинктивно отпрыгнула в сторону, проявив разом все свои спортивные таланты и отработанные рефлексы. Потом усмехнулась:

– Прям Москва, блин. Только кремлёвских стен и не хватает.

Светофора и пешеходной зебры поблизости, естественно, не обнаружилось, поэтому для перехода дороги необходимо использовать всю свою ловкость и смекалку. Аля, лавируя между машинами, успешно преодолела полосу препятствий. Подняла голову, но вместо ярких афиш кинотеатра обнаружила Колесо Обозрения. В кассу рядом с аттракционом выстроилась длинная очередь из девчонок и мальчишек, провожающих сегодня свой последний звонок.

– Ой! Алин Александрна! – радостно завопили из очереди. – А вы же сказали, что на работу идёте?

– Я передумала, – отшутилась Аля, обнаружив источник голоса. Её ученицы, успевшие уже сменить форменные платья на красивые, наверняка очень дорогие наряды, приглашающе замахали руками.

– Идите к нам! Хотите покататься?

– Обожаю чёртово колесо, – призналась Аля. Встала в очередь, невольно прислушиваясь к разговорам вокруг.

– Я уезжаю сразу после выпускных экзаменов, – грустно произнёс девичий голос за спиной Али.

– Удачи! – с плохо скрытым сожалением ответил мужской.

– Спасибо...

«Останови её, она же хочет этого! Вы хотите этого оба!»

Но никто никого не остановил. Очередь быстро продвигалась вперёд, и уже через несколько минут Аля обнаружила себя в кабинке высоко над землёй. Девчонки смеялись, высунув головы из окошек, вдыхали острый аромат чистого майского неба и делились впечатлениями о прошедшем празднике. Аля замерла, околдованная картиной раскинувшегося внизу города.

В сумке вдруг проснулся мобильник. «Начальство... – обречённо определила по мелодии Аля. – А я всё ещё не в институте...» Она попыталась проигнорировать звонок, но телефон продолжал надрываться

наимерзейшим звоном. Девочки-выпускницы с интересом наблюдали за внутренней борьбой их бывшей учительницы.

– Да? – обречённо сказала Аля в трубку.

– Ты где?

– Над городом.

В этот момент кабинка зависла на самой середине круга.

– Загадывайте желание... – зашумели девочки.

«Хочу попасть на работу», – подумала Аля.

– Чудесно, – с сарказмом отметили в трубке. – А должна быть в кабинете у Петровича.

– Знаю. Наташ... ты не согласишься...

– Не поверю!

– Я потерялась...

Некоторое время в трубке переваривали сообщение.

– Я сейчас ставлю тебе методический день. Отсыпайся и завтра с утра – с отчётом к начальнику.

«Чтобы отоспаться, надо вернуться домой. Не уверена, что у меня это получится...», – подумала Аля, а вслух сказала:

– Спасибо, Наташ! Ты классный начальник.

– Я это уже слышала, – заявили в трубке и отключились.

– А как проходил ваш последний звонок, товарищ капитан? – спросила Света Марченко, дождавшись окончания разговора.

Аля вздрогнула, потом пожала плечами:

– Как и у всех. Фартуки, банты, первоклассница с колокольчиком. На линейке награждали самых талантливых и отличившихся выпускников школы...

– А вы в кафе потом ходили?

– Нет... Мы ходили в парк. Ели мороженое и очень много смеялись. А потом много плакали.

– Плакали? А чего плакать-то?

– Наверное, потому, что мы боялись, что больше никогда не увидимся...

– Ой, ну вы скажете тоже! В одном городе же живём! Мы вот решили, что будем каждый год двадцать пятого мая собираться в школе!

– Следующее двадцать пятое мая будет уже совсем другим для каждой из вас, девочки. Поверьте мне, старой перечнице.

– Какая же вы старая?

Аля засмеялась.

– А что вы слушаете, Алина Александровна?

Она поправила наушник.

– Менестрелей...

– И о чем они поют?

– О чем могут петь менестрели, девочки? О любви, конечно.

Опять звонил телефон.

– Да...

- Дэн, ты где?! Что случилось?!
- Это я бы и сам хотел знать...
- Ты почему не на работе?
- Надоела...
- Дурак! Шеф тут по потолку вышагивает...
- Скажи ему, что я на больничном...
- Да что случилось-то? Ты, правда, заболел?
- Ага... Головой...

Разговор прервался. «Аккумулятор разряжен» радостно сообщил телефон. Дэн сел в кресло в зале ожидания и закрыл глаза.

На стене кассы, той самой, в которой ещё десять минут назад продавали билеты на чёртовое колесо, а теперь почему-то – билеты театральные, висел огромный рекламный плакат. Три богатыря возле серого булыжника. В руках у каждого по банке пива. На камне надпись: «Налево пойдёшь – ничего не найдёшь, направо пойдёшь – всё, что есть, оставишь, прямо пойдёшь – к нам придёшь». Аля пошла прямо. Узкая тропинка увела её в лес. Пахло молодой хвоей и землёй. Где-то настойчиво стучал по стволу дятел. Через пару десятков метров из-за деревьев вырисовался жилой дом, к фасаду коего приросло крыльцо и вывеска: «Пиво – только для тебя».

– Такое чувство, будто бы я ещё не проснулась, – пробормотала Аля, решительно поднимаясь по ступенькам крыльца. – А раз я ещё не проснулась, значит, могу позволить себе напиток.

В баре было темно и пусто. Аля уселась за угловой столик в самом конце зала. Посмотрела в окно. Там, за стеклом, на смутно знакомой площади работал фонтан. В его брызгах зависла шикарная радуга. Аля пожалала плечами. Подошел официант с огромной запотевшей кружкой пива. С грохотом бухнул кружку на стол, исподтишка поглядывая на погоны посетительницы. Аля заметила взгляд и нахмурилась:

- Проблемы?
- Нет, – официант испарился.

Аля зацепила обратно на ухо второй наушник, закрыла глаза и, отгородившись таким образом от всего мира, жадно принялась за пиво. Первый глоток, самый большой, самый приятный, доставил массу удовольствия. Почему-то захотелось курить, хотя курить Аля совершенно не умела. Пытаясь отвлечься от назойливых мыслей, она стала вслушиваться в голос у себя в голове. Но вместо музыки из плеера почему-то доносился пронзительный звон колокольчика. Аля открыла глаза, судорожно сдёрнула наушники, недоумённо огляделась по сторонам. В баре было все так же тихо и темно. За окном играли брызгами всё тот же фонтан и та же радуга. Из болтающихся на шее наушников доносилось: «Я бы думал, что пьян, так испил лишь студёной воды...»

- М-да... – пробормотала Аля, поднимаясь. – Кажется, мне пора... куда-то...
- Проходя мимо стойки бара, бросила на неё полтинник.
- Спасибо. Хорошее у вас пиво...

Уже открывая дверь, Аля услышала за спиной недоумевающий голос бармена:

– У нас же нет пива...

За дверью вместо фонтана или, хотя бы, леса, оказалась жёлто-красная скамейка и лохматый пёс.

– Автобус, значит, уже ушёл, – задумчиво подытожила Аля, выходя на улицу.

Пёс приветливо залаял.

Железнодорожные пути, заброшенный цех, лес труб на горизонте... Дорога, зажатая двумя заводами, переваливалась через небольшой автомобильный мостик с коричневыми, в пятнах ржавчины, перилами. На мосту, облокотившись о перила, стоял Дэн. Он упорно пытался увидеть внизу хоть что-нибудь. Но с его стороны моста там был лишь туман.

– Ты заблудился?

Дэн резко обернулся. Перед ним стояла девочка-первоклассница, та самая, из недавнего сна. Смешные косички, школьная форма, колокольчик в руке.

– Да... Заблудился, – согласился Дэн. – Уже лет десять, как заблудился.

И передёрнул плечами, подумав вдруг, какой странный он дал ответ.

– Тебе было плохо?

– Сначала да... – честно признался Дэн. – А потом я постарался забыть.

– Но ведь ты не забыл?

– Нет, как видишь...

– Тогда иди! Не стой на месте!

– Но я никак не могу дойти...

– Всё равно иди!

Девочка повернулась и ушла в поднявшийся из-за перил туман. Где-то недалеко тихо звякнул школьный звонок...

– Устала я что-то, – сообщила Аля псу, пытаясь присесть на жёлто-красную скамейку. Пёс угрожающе зарычал, и Аля подскочила.

– Нельзя? Почему?

Всё ещё рыча, пёс схватил её за край форменного платья и потащил к парку.

– Да не хочу я туда! – попыталась возразить Аля, но быстро поняла, что спорить с собакой бесполезно, и перестала сопротивляться. – Эй! Ты, часом, не бешенный?

Пёс проигнорировал её высказывания.

– Ладно-ладно! Всё! Отпусти! Пошла... Пошла я уже... Допилась... с собакой разговариваю...

Пёс остановился возле чугунной ограды, на самой границе между улицей и парком. Аля, тяжело вздохнув, шагнула вперёд, к клумбам, деревьям и обелиску.

Дэн вышел из автобуса и огляделся. Неподалеку, возле переулка рабочие устанавливали знак «Стоп!». Впереди маячил парк, не тот, что

возле его дома, другой, огороженный чугунной оградой, с обелиском, клумбой в форме звезды и потёртыми скамейками. Знакомый такой парк...

– Давно я здесь не был...

В парке оказалось непривычно многолюдно. В поисках свободной от веселящейся молодежи скамейки, Дэн шёл всё дальше и дальше. Скамейка обнаружилась в самой глубине. Дэн опустился на крашенное деревянное сиденье, откинулся на спинку и, с облегчением вздыхая, закрыл глаза. Справа послышалось:

– Вот так-так...

Дэн за прошедший день удивлялся столь часто, что чужие восклицания вместо обычного здорового любопытства вызывали у него только раздражение.

– Свободно? – спросил тот же голос. Красивый женский голос, принадлежащий, как определил Дэн, не открывая глаз, красивой молодой женщине.

– Угу, – ответил Дэн.

– Сесть можно?

Женщина была явно чем-то раздражена и удивлена.

– Можно, можно... – разрешил Дэн и добавил, больше для себя: – Если осторожно...

– С-спасибо, – с издёвкой процедила Аля, опускаясь на скамейку. – Вы чрезвычайно любезны...

Дэн приоткрыл правый глаз, покосился на девушку, отметив сначала форменное платье, затем капитанские погоны, ремень плеера на плече, короткую стрижку и насмешливые голубые глаза.

– Привет, – сказала Аля, стягивая наушники.

– Привет, – равнодушно ответил Дэн. Мимо скамейки продефилировала группа девочек, слишком взрослых, слишком ярко покрашенных для строгой школьной формы и бантов на модных стрижках. Они оглядели Дэна заинтересованными кокетливыми взглядами, зашушукались, засмеялись...

– Наивные, — заметила Аля с сожалением. Дэн нахмурился, пожал плечами, не слыша ни этого хихиканья, ни её замечания.

«Прозвенел звонок – и разлетелись в разные стороны. Привет! Пишите письма, шлите деньги!»

«А ты и письма даже не написал...»

«Я написал, но оно вернулось... Наверное, адрес перепутал... Ты тоже не писала!»

«Потому, что не писал ты! Девушки, они, знаешь ли, очень гордые... и им нравится, когда за ними ухаживают...»

Дэн обернулся к своей соседке. Внезапно обрушилось узнавание:

– Алька?! Ты?!

– Я... – согласилась Аля. Вежливо улыбнулась одними губами. – А это – ты... Я сначала глазам не поверила...

– Откуда? Я... знаешь... тебе идёт форма... Алка... Надо же! Алка... Здравствуй!

Как всегда, когда от него требовалось красноречие, Дэн растерялся.

– Ну, здравствуй ещё раз... – улыбнулась Аля чуть шире, пытаясь скрыть смущение и непонятную даже для самой себя радость. Дэн, занятый только своими чувствами, её переживаний не заметил.

– Ты извини, эта форма... погоны... Тебя не узнать...

– Я так сильно изменилась? – спросила Аля кокетливо. И тихонько засмеялась, почувствовав, как в ней проснулись, казалось, давно уже умершие женские инстинкты.

– Да нет... то есть, да!

– А ты не изменился...

Они замолчали. Потом Аля кивнула на выпускников, облепивших все парковые скамейки, сказала с лёгкой завистью:

– Счастливые...

– Почему? – не понял Дэн.

– Они же думают, что смогут пережить всё это снова. Через год, через два. Не знают, что последний звонок бывает только раз. Без дублей.

– Мы разве не такими были?

Аля прижала руку к груди, словно клянясь:

– Я – однозначно была. Только вот жизнь очень быстро обратное объяснила...

– Я тебя в этом парке первый раз поцеловал, – сказал Дэн невпопад. Аля покраснела и принялась оглядываться. Потом спросила совершенно о другом:

– Видишь там, слева, белый камень?

Дэн недоумённо оглянулся.

– Не вижу. А что?

– В детстве я носила к нему по весне одуванчики.

– Зачем?

– Ну... он же поставлен в память павшим борцам за революцию... героям... Я в героев верила.

Дэн хотел было что-то сказать, но не сказал. Над скамейкой снова воцарилось молчание. Аля решила первой:

– Станный сегодня день... Сначала вся эта путаница... Теперь вот ты...

– Да... – согласился Дэн, не слыша её, и не зная, с чем он, собственно, соглашается.

«Ты красивая...»

«Спасибо...»

Дэн вздохнул, произнёс вслух:

– Мне почему-то казалось, что мы должны встретиться. Пусть не сегодня, не сейчас, но обязательно должны...

– Ага! – насмешливо кивнула Аля, внезапно затосковав по разрушенному ею же самой молчанию. Она поняла вдруг, что порой молчание бывает дороже всяких слов.

– Хорошо, что это произошло сейчас, – продолжал Дэн. Ему молчать совершенно расхотелось. Хотелось выговориться, но вот только он не знал, как и о чём следует говорить.

– Ага!

– Что ты все "ага" да "ага"! — рассердился Дэн.

– Ага.

– Знаешь, ты тогда уехала, потом я...

Аля встала, сделала шаг в сторону. Дэн удержал её за руку. Аля вырвалась, глянула удивлённо:

– Ты чего?

– Боюсь, ты сейчас исчезнешь... – признался Дэн.

– Куда? – ещё больше удивилась Аля, потом вдруг увидела до боли знакомого лохматого пса, и испуганно опустила обратно на скамейку. Дэн пса не заметил.

– Аля... Я все эти десять лет будто спал, а сейчас вот проснулся... А ты?

– Что я? – переспросила она машинально, стараясь не смотреть в сторону вальяжно развалившейся среди одуванчиков собаки.

– Как ты жила?

– Прекрасно жила. Закончила универ, вернулась сюда, устроилась в институт, звание получила. Потом кандидатскую защитила. Теперь вот, – Аля хмыкнула, с тайной гордостью кивнув на погоны, – капитан... Родине служу... курсантов учу...

– Чему учишь?

– Истории, конечно, я же историк, – она задумалась на мгновение, потом добавила: – Не самый плохой, между прочим.

– Значит, жизнь удалась? – с сарказмом спросил Дэн.

– Угу.

Снова молчание.

– Ну а у меня всё, как у всех... – сообщил Дэн, убедившись, что Аля не собирается сама ни о чём его спрашивать. – Институт, работа одна, потом другая... И жена... Одна... Потом другая...

– Я знаю.

– Что?

– Про жён знаю.

– Откуда?

– Добрые люди донесли.

Дэн хмыкнул.

– Донесли?... Понятно... Хорошее слово.

– Это профессиональное... Как правильно? Деформация по профессиональному признаку. Я ж в системе служу.

Некоторое время Дэн задумчиво разглядывал парк, потом перевёл взгляд на девушку.

– Знаешь, Аля, а ты всё-таки сильно изменилась...

– Жизнь заставила.

«Ты красивая».

«Спасибо».

– Мне нужно тебе сказать... Я хотел... Ещё тогда, на последнем звонке.
Но не решился...

– Да?

Аля смотрела внимательно и серьёзно, так серьёзно, что Дэн смутился и оборвал сам себя:

– Впрочем, наверное, сейчас об этом не стоит.

Аля пожала плечами.

– Не стоит, так не стоит.

«Ты снова уходишь от решения».

«Прости».

– Ты ведь довольна своей жизнью?

– Ещё бы.

В её голосе слышалась плохо скрытая горечь.

– Ты неубедительно врёшь.

– Я учусь.

– А я учусь не врать.

– А ещё ты скромный, белый и пушистый.

– Ну-у...

– Ты много говоришь о себе, – Аля уже не пыталась скрыть горечь в словах. – Прямо как муж мой бывший. Вот интересно, почему мужчины так любят заниматься самолюбованием?

– Ты выходила замуж? – с ревностью поинтересовался Дэн. Аля ревность проигнорировала.

– Не тебе же одному развлекаться!

– Да... Наверное, это справедливо, – с трудом выдавил из себя согласие Дэн. – И как?

– Чудесно. На всю жизнь усвоила урок.

– Я тоже.

Тишина.

– Откуда в нас столько жестокости?

– Извини....

– И ты извини.

Аля засмеялась, сбрасывая с себя ненужное оцепенение и раздражение.

– Ты ничего мне не должен, Дэн.

– Что?

– Ты ничего мне не должен.

Аля отвернулась, и Дэн повернулся следом.

На поляне среди одуванчиков стояла девочка-первоклассница, пришедшая сюда то ли из чьего-то сна, то ли из чьего-то прошлого.

– Я любил тебя, Аля, – решительно сказал Дэн. – Любил тогда. И люблю сейчас.

Аля замерла, произнесла, не оборачиваясь:

– Тебе следовало сказать это раньше.

– Я знаю, – Дэн легонько коснулся её плеча. – Посмотри на меня. Пожалуйста.

Аля прореагировала не на просьбу, на прикосновение. Обернулась, оперев взгляд в колени, в судорожно сжатые кулачками ладошки.

– Прости меня, – Дэну очень хотелось разжать её ладони, но протянуть к девушке руку он не решался. Поэтому просто продолжал говорить. – Я струсил. Я очень боялся, что ты будешь надо мной смеяться. И... ты уезжала учиться. Я не хотел испортить тебе жизнь.

– Как всё у нас по-дурацки вышло... – прошептала Аля. Подняла голову.

– Согласен.

В этот момент Дэн, наверное, согласился бы с любым её утверждением. Потому что он знал, что она скажет потом. Обязательно скажет...

– Я тоже тебя люблю. Но, знаешь, роль Онегинской Татьяны мне всегда была противна. Что за глупость – признаваться первой?

Они улыбнулись друг другу, легко, открыто, как улыбаются только по-настоящему влюблённые.

– Так много людей здесь сегодня... – Дэн огляделся. – Я уже и забыл, как он выглядит, этот парк...

– А я через него всё время на работу хожу...

– Этот белый камень... Вон тот?

– Да...

– Пойдём? – он протянул ей руку.

– Пойдём... – она вложила в его руку свою, окинула взглядом парк. На полянке напротив, там, где недавно валялся лохматый пёс, остались смятая трава и жёлтые одуванчики. Много-много жёлтых одуванчиков.

– Держи, – это Дэн, словно читая её мысли, нарвал цветов.

Аля благодарно приняла смешной букетик и торжественно возложила его на камень поверх таблички «Павшим героям».

«Наверное, уже можно снова поверить в героев?»

«Можно, можно».

Аля осторожно коснулась шрама на щеке Дэна.

– До завтра?

– До завтра...

Она развернулась и ушла. По тропинке через парк, огибая цветники, скамейки, веселящуюся молодёжь и вечно спешащих, раздражённых случайных прохожих. Направо, потом налево. Чугунная решётка ограды. Ещё раз направо...

На остановке стоял автобус номер пятнадцать.

– Денис?

Дэн неохотно обернулся.

– Серёга?

Серёгу было не узнать. Он сбрил бороду и помолодел. А ещё у него под мышкой был вызывающе зажат букет алых роз.

- Ты что, на похороны? – спросил удивлённо Дэн.
- Нет, – Серёга улыбнулся. – Лучше! Я к жене!
- Так вы вроде развелись?
- Ну и что?! – Серёга улыбнулся ещё шире.
- Да ничего, удачи!
- И тебе тоже!

Маленькая девочка в школьной форме и лохматый пёс неторопливо обогнули знак «Стоп» и исчезли в переулке.

Авторы и произведения

Агеев Семён Артёмович родился 10 августа 1995 года в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришёл в марте 2018 года.

Детская книжка (рассказ) – публикуется впервые.

Подделка (повесть) / Семён Агеев ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2019. – 104 с.

Белоусова Ольга Александровна родилась 9 мая 1977 г. в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришла в ноябре 2002 г. Член Союза писателей России (2008 г.)

Падала с неба звезда (рассказ) / Ольга Белоусова // Губернские ведомости. – 2003. – 31 января (№ 17). – С. 3; *то же Пролог. Молодая литература России* : сб. прозы, поэзии, критики и публицистики. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 15–19; *то же Альманах клуба «Контакт»* / сост. – Н. Калашников. – Новокузнецк, 2003. – № 4. – С. 64–66; *то же Люди в квадрате* : проза «Контакта» / сост. Н.Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 200 – 202.

Посмотри мне в глаза (повесть) // **За стеной ; Посмотри мне в глаза** : повести / Ольга Белоусова ; [отв. за вып. – Калашников Н.Н.] ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2015. – 116 с.

Последний звонок (новелла для сценария) (в соавторстве с Е.Грепом) – публикуется впервые.

Берзина Светлана Афанасьевна родилась в селе Нарым Томской области. В КЛФ «Контакт» – с апреля 1978 года. Организатор и долгое время вице-президент КЛФ «Контакт».

Парк орхидей (новелла) // **Измышлизмы** : новеллы / Светлана Берзина ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк: «Ник без Company», 2017. – С. 39–43.

Бражникова Елена Кирилловна родилась 5 июля 1959 года в г. Прокопьевске. В КЛФ «Контакт» пришла осенью 1986 года.

Записка без подписи : повесть / Елена Бражникова; Центр. гор. б-ка им. Н.В.Гоголя; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2018. – 54 с.

Бурмин Пётр Сергеевич родился 12 июня 1933 г. в селе Солоновка Алтайского края. В КЛФ «Контакт» пришел в 2001 г.

Мощность звездолета: две человеческие силы (из цикла «Истории, рассказанные навигатором Вис Лотом») (рассказ) // **Жизнь на бочке с**

порохом : фантаст. рассказы / Бурмин Петр ; сост. и отв. за вып. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – С. 4–8; *то же Двери* : рассказы «контактовцев», не вошедшие в «Кузнецкую крепость» / сост. – Калашников Н.Н. – Новокузнецк, 2018. – С. 52–56.

Головков Александр Анатольевич (15 июня 1957 г., Новокузнецк – 30 января 1999 г., Новокузнецк). В КЛФ «Контакт» пришел в 1980 г.

Блондинка (рассказ) // **Фантастика–91**. – М., 1991. – С. 249–256; *то же* Новокузнецк без политики. – 1994. – 15–21 июля (№ 16). – С. 7; 22–28 июля (№ 17). – С. 7; 29 июля–4 августа (№ 18). – С. 7; 12–18 августа (№ 19). – С. 7; *то же* Сельские вести. – 1994. – 5 октября (№ 77). – С. 4; 12 октября (№ 79). – С. 4; 19 октября (№ 81). – С. 4; *то же* Франт. – 1997. – 27 ноября (№ 66). – С. 24–25; *то же Битва за рай* : рассказы / Александр Головков. – Новокузнецк, 2008. – С. 6–13; *то же*: // Огни Кузбасса. – 2009. – № 1. – С. 96–101.

История любви (рассказ) // Сельская правда. – 1983. – 29 октября (№ 130). – С. 4; *то же Альманах клуба «Контакт»* / сост. – Н. Калашников. – Новокузнецк, 1986. – № 1. – С. 3–4; *то же* Кузнецкий рабочий. – 1991. – 22 мая (№ 87). – С. 4; *то же* Кузнецкие вести. – 1999. – 10 марта (№ 19). – С. 3; *то же* Сельские вести. – 2000. – 28 января (№ 10–11). – С. 8; *то же Люди в квадрате* : проза «Контакта» / сост. – Н.Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 10 – 12; *то же Интерпресскон-2005*. Микро [подборка мини-рассказов, номинируемых на премию «Интерпресскон»]. – СПб., 2005; *то же* Кузнецкий рабочий. – 2017. – 1 июля (№ 60). – С. 16; *то же Этот сладкий процесс познания* : новокузнецчане – номинанты премии «Интерпресскон» по разделу «Сверхкороткий рассказ» ; сост. Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2017. – С. 10–11.

Греп Евгений Викторович родился 22 апреля 1979 г. в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришёл в 1997 г.

Звёздочка (рассказ) // **Альманах клуба «Контакт»** / сост. – Н. Калашников. – Новокузнецк, 2003. – № 4. – С. 2–12; *то же Наброски с невозможного* : фантаст. рассказы / Е. В. Греп. – М., 2004. – С. 3–29.

Мне бы так, или Сказка про принцессу и прекрасного принца / Евгений Греп, Сергей Симкин // Курсив № 1 : (лит. приложение к газете «Курсор»). – 2001. – Февраль (№ 2.) – С. 2; *то же* Курс. – 2002. – 15 февраля (№ 7). – С. 4; *то же Путиами старых сказок* : старые сказки, легенды и истории языком нашего времени / сост. и отв. за вып. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – С. 28–29.

Такая работа (рассказ) / Евгений Греп // Сельские вести. – 2004. – 30 апреля (№ 53–54). – С. 6; *то же* под заглавием «Обычная профессия» // Полдень, XXI век. – 2009. – Май (№ 3). – С. 133–138; *то же* (под заголовком

«Такая работа») **Двери** : рассказы «контактовцев», не вошедшие в «Кузнецкую крепость» / сост. – Калашников Н.Н. – Новокузнецк, 2018. – С. 41–45.

Последний звонок (в соавторстве с О.Белоусовой) – публикуется впервые.

Дворцова Надежда Ивановна родилась 5 мая 1965 г. в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришла в октябре 2003 г.

Долгая, долгая любовь (рассказ) // Сельские вести. – 2006. – 4 августа (№ 88–89). – С. 6; *то же* **О доброте** : рассказы / Надежда Дворцова / сост. – Калашников Н.Н. – Новокузнецк, 2008. – С. 4–6; *то же* **Новокузнецкий Литературный Альманах**. – Новокузнецк, 2008. – С. 56–58; *то же* **Двери** : рассказы «контактовцев», не вошедшие в «Кузнецкую крепость» / сост. – Калашников Н.Н. – Новокузнецк, 2018. – С. 65–67.

Дударенко Ольга Сергеевна родилась 20 августа 1983 г. в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришла в сентябре 1999 г.

Прилетит летающая тарелка (рассказ) // Кузнецкий рабочий. – 2012. – 1 ноября (№ 128). – С. 10; *то же* **Тропинка в лесу** : проза «Контакта» / сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В.Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – С. 25–28.

Егоров Константин Кузьмич родился 13 февраля 1969 года в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришел в 1999 г. Член Союза российских писателей (2021 г.)

Как Адам Еву нашёл // Сказка про то, как Адам Еву нашёл : (версия современного исследователя) / Константин Егоров // Двенадцать месяцев. – 1998. – № 2. – С. 30; *то же* под заголовком «Адам и Ева» // **Курьи ножки солнышка** : сказки / Константин Егоров – Новокузнецк, 2003. – С. 19–22. – На тит. л.: К 25-летию КЛФ «Контакт».

Ерофеева (Порошина) Александра Евгеньевна родилась 26 сентября 1988 года в г. Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришла в марте 2006 г.

Приворот : (рассказ) / Александра Порошина // Горст. – 2010. – Февраль. – С. 149–159; *то же* Усятская россыпь. – 2010. – Май (№7). – С. 42–43.

Жилинина Наталья Александровна родилась 6 декабря 1981 г. в Праге в семье военного офицера. В Новокузнецке живёт с 1999 года. В КЛФ «Контакт» пришла в мае 2009 года.

Драконовские меры (рассказ) // **Время для драконов** : конкурс КЛФ «Контакт» ; [отв. за вып. – Калашников Н.Н.] ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – С. 19–23; *то же* **Неспящая** : рассказы и эссе / Наталья Жилинина ; сост. – Н.Н. Калашников ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – С. 4–8.

Письмо незнакомке (рассказ) // **Неспящая** : рассказы и эссе / Наталья Жилинина ; сост. – Н.Н. Калашников ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя,

Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – С. 34–38.

Загнухин Сергей Владимирович родился 23 октября 1962 года в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришёл летом 2003 года.

Есть многое на свете... (рассказ) // **Время выбирать** : проза «Контакта» / сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В.Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – С. 25–31.

Три... м-м-м... чудака и одна девушка [рассказ] // **Три желаньца** : рассказы / Сергей Загнухин ; сост. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2008. – С. 15–17; *то же* под заголовком «Пиг, Ма, Лион и прекрасная Галатея» // **Пути старых сказок** : старые сказки, легенды и истории языком нашего времени / сост. и отв. за вып. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – С. 54–56.

Исакова (Соболева) Ольга Петровна родилась 1 марта 1977 года в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришла 2004 году.

В её жизни появился он! : [рассказ] / Ольга Соболева // Сельские вести. – 2006. – 28 апр. (№ 47–48). – С. 6.

Калашников Николай Николаевич родился 9 февраля 1951 г. в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришёл в апреле 1978 г.

В данной книге – составитель, библиограф, выпускающий.

Калашникова Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» – с 2011 года. Член Союза российских писателей (2021 г.)

Квэнтале о Мелькоре и Лютиэн (рассказ) // **Цена одной песни** : фанфики по вселенной Дж.Р.Р. Толкина / Надежда Калашникова ; Центр. гор. б-ка им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – С. 4–17.

Король и шут [сказка] / Надежда Калашникова // Союз писателей. – 2012. – № 8–9. – С. 44–47; № 10. – С. 18–22; *то же* **Король и шут и другие сказки для детей от семи до семидесяти** / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2014. – С. 4–25; *то же* **Шутов не нанимают...** : сказки / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2019. – С. 104–127.

Мечта дракона (сказка) // **Время для драконов** : конкурс КЛФ «Контакт» ; [отв. за вып. – Калашников Н.Н.] ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк,

2015. – С. 23–38; *то же Мечта дракона* : сказка / Надежда Калашникова ; [отв. за вып. – Калашников Н.Н.] ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 20 с.; *то же Шутов не нанимают...* : сказки / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2019. – С. 150–167.

Сказка в сумерках (сказка) // Огни Кузбасса. – 2018. – № 4. – С. 99–104; *то же Шутов не нанимают...* : сказки / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2019. – С. 184–150.

Я была богом [рассказ] / Надежда Калашникова // **Король и шут и другие сказки для детей от семи до семидесяти** / Надежда Калашникова ; сост. [и отв. за вып.] – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2014. – С. 27–30; *то же Шутов не нанимают...* : сказки / Надежда Калашникова ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2019. – С. 146–194.

Карпова Надежда Александровна родилась 6 ноября 1981 года в г. Тейково Ивановской области. В Новокузнецке живёт с августа 1994 г. В КЛФ «Контакт» пришла в 1999 г.

Карнавал (повесть) // **Карнавал** : повесть / Надежда Карпова ; отв. за вып. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2008. – 48 с. – На тит. л.: К 30-летию КЛФ «Контакт».

Почти человек (отрывок из романа «Кровь Хранителя») // **Тропинка в лесу** : проза «Контакта» / сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – С. 28–36.

Колесова Наталья Валенидовна родилась 6 октября 1964 г. в г. Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришла в 1991 г. Член Союза российских писателей (2021 г.)

Двери : [рассказ] / Наталья Колесова // **Тропинка в лесу** : проза «Контакта» / сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – С. 3–11; *то же Двери* : рассказы «контактовцев», не вошедшие в «Кузнецкую крепость» / сост. – Калашников Н.Н. – Новокузнецк, 2018. – С. 30–38; *то же* Огни Кузбасса. – 2018. – № 4. – С. 107–112; *то же* Притяжение (Ростов-на-Дону). – 2019. – № 1–2. – С. 48–60; *то же* Кузнецкая крепость : альманах. – Новокузнецк, 2018 [факт. – 2019]. – С. 110–115; *то же* // **Там, за зеркалом** : [сб. рассказов] / сост. – М. Гелприн, Е. Щетинина. – М. : Т8 RUGRAM, 2019. – (Зеркало). – С. 115–125.

Любимый враг (повесть) // **Любимый враг** : повесть / Наталья Колесова ; отв. за вып. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011. – 72 с.

Моя жена – чужая (рассказ) / Наталья Колесова // Кузнецкий рабочий. – 2014. – 9 октября (№ 116). – С. 7; *то же Тропинка в лесу* : проза «Контакта» / сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В.Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – С. 12–13; *то же Интерпресскон-2017*. Микро : [подборка рассказов, номинируемых на премию «Интерпресскон» в номинации «Микрорассказ»]. – СПб., 2017; *то же Этот сладкий процесс познания* : новокузнецчане – номинанты премии «Интерпресскон» по разделу «Сверхкороткий рассказ» / сост. Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2017. – С. 46–47.

Познакомимся? (рассказ) – в бумаге публикуется впервые.

Поминки (рассказ) // Огни Кузбасса. – 2007. – № 3. – С. 37–47.

Просто игра (рассказ) // **Люди в квадрате** : проза «Контакта» / сост. Н.Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 95–126; *то же Реальность фантастики*. – 2006. – № 5. – С. 64–89; *то же Просто игра* : рассказ / Наталья Колесова ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – 32 с.

Самый лучший техник (повесть) // **Альманах клуба «Контакт»** / сост. – Н. Калашников. – Новокузнецк, 2003. – № 4. – С. 12–38; *то же Самый лучший техник* : повесть / Наталья Колесова ; [отв. за вып. – Калашников Н.Н.] ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2014. – 40 с.

Колотвин Валерий Викторович родился 12 июня 1961 г. в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришёл в 1978 г. Член Союза российских писателей (2021 г.)

Встреча (рассказ) // **Альманах клуба «Контакт»** / сост. – Н. Калашников. – Новокузнецк, 1986. – № 1. – С. 9–12; *то же Время выбирать* : проза «Контакта» / сост. – Калашников Н.Н.; Центр. гор. б-ка им. Н.В.Гоголя; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – С. 3–6.

Колотвина Марина Юрьевна родилась 7 ноября 1962 г. в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришла в 1983 г. Член Союза российских писателей (2021 г.)

МК. **Древо**. 2006. 50,3 x 45,2. Холст, акрил.

МК. **Из пены морской**. 2006. 74 x 55. Холст, акрил

Нестеренко Олег Владимирович родился 12 ноября 1984 г. в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришёл в сентябре 1999 г.

Апока Vera (сказка) // **Альманах клуба «Контакт»** / сост. – Н. Калашников. – Новокузнецк, 2003. – № 4. – С. 50–64; *то же Сказки*

королевства Мелдор / Олег Нестеренко ; ил. автора ; ЦГБ им. Н.В. Гоголя, КЛФ «Контакт». – Новокузнецк, 2003. – С. 34–58.

Оршанская Дарья (Греп Дарья Михайловна) родилась 16 февраля 1988 года в г. Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришла летом 2005 г.

Машенька (повесть) – публикуется впервые.

Глава из повести «Машенька» («Сделать выбор») // **Счастье на развес** : проза «Контакта» / Центр. гор. биб-ка им. Н. В. Гоголя; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: «Ник без Comrani», 2018. – С. 37–40.

Рыжкова Дарья Викторовна родилась 6 января 1988 года в г. Осинники. В КЛФ «Контакт» пришла в 2002 году.

К дракону! (рассказ) // (под заголовком «Напрасная жертва») Запасный выход. – Новокузнецк, 2009. – Май–сентябрь (№ 3). – С. 12–13; *то же* под заголовком «К дракону!» // **Интерпресскон-2012**. Микро : [подборка рассказов, номинируемых на премию «Интерпресскон» по разделу «Микрорассказ»]. – СПб., 2012; *то же* **Путями старых сказок** : старые сказки, легенды и истории языком нашего времени / сост. и отв. за вып. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – С. 26–27; *то же* Кузнецкий рабочий. – 2012. – 22 ноября (№ 137). – С. 10; *то же* **Этот сладкий процесс познания** : новокузнецчане – номинанты премии «Интерпресскон» по разделу «Сверхкороткий рассказ» / сост. Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2017. – С. 34–36.

Соколов Юрий Юрьевич родился в 1975 г. Живёт в Новокузнецке. В КЛФ «Контакт» пришёл летом 2010 г.

Удалённый контакт : рассказ / Юрий Соколов // **Двери** : рассказы «контактовцев», не вошедшие в «Кузнецкую крепость» / сост. – Калашников Н.Н. – Новокузнецк, 2018. – С.4–29; *то же* : современная проза / Юрий Соколов // Кузнецкая крепость : альманах. – Новокузнецк, 2018 [факт. – 2019]. – С. 91–105.

Тараканов Сергей Борисович родился 3 апреля 1952 г. в Свердловске. В КЛФ «Контакт» пришёл в ноябре 1986 г.

Грехопадение Адама : [рассказ] // **Цена души** : рассказы / Сергей Тараканов ; сост. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2008. – С. 17–23; *то же* **Цена души** : рассказы / Тараканов Сергей ; сост. и отв. за вып. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Изд. 2-е, испр. – Новокузнецк, 2010. – С. 17–23; *то же* **Цена души**: рассказы / Сергей Тараканов ; сост. и отв. за выпуск – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение

Централиз. библиотечная система им. Н.В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Изд. 3-е, исправленное. – Новокузнецк, 2011. – С. 17–23; *то же Цена души* : рассказы / Сергей Тараканов ; сост. и отв. за вып. – Калашников Н.Н. ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Изд. 4-е, дополненное. – Новокузнецк : [б. и.], 2013. – С. 17–23.

Чернышева Анна Анатольевна родилась 1 мая 1975 г. в Новокузнецке. Член КЛФ «Контакт» с 2001 года.

Босиком за Василисой (сказочная повесть) // **Люди в квадрате** : проза «Контакта» / сост. Н.Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 275 – 289; *то же* сказка / Анна Чернышева // **Пути старых сказок** : старые сказки, легенды и истории языком нашего времени / сост. и отв. за вып. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Централизованной библиотечной системы им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – С. 29–41.

Будни волшебника : (сказка) // **Сотворить маленькое чудо...** : рассказы, сказка, миниатюры / Анна Чернышева ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2017. – С. 30–40.

Кто есть кто (рассказ) // **После дождя** : рассказы / Анна Чернышева ; сост. и отв. за вып. – Калашников Н.Н.; Муницип. учреждение Централизованной библиотечной системы им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2010. – С. 28–42; *то же Сотворить маленькое чудо...* : рассказы, сказка, миниатюры / Анна Чернышева ; сост. – Калашников Н.Н.; Центр. гор. б-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк : [б. и.], 2017. – С. 17–30.

Шабалдин Константин Алексеевич родился 13 октября 1967 года в Новокузнецке. Член КЛФ «Контакт» с лета 2016 года.

Кимберлитовая кикимора : [рассказ] / Константин Шабалдин // Уральский следопыт. – 2021. – № 8. – С. 72–84.

Составил Н.Калашников

Содержание

Карнавал (НФ)

Наталья КОЛЕСОВА	
Самый лучший техник	3
Ольга БЕЛОУСОВА	
Падала с неба звезда	36
Пётр БУРМИН	
Мощность звездолёта: две человеческие силы	38
Сергей ЗАГНУХИН	
Есть многое на свете... ..	43
Надежда КАРПОВА	
Карнавал	49
Семён АГЕЕВ	
Подделка.....	92
Константин ШАБАЛДИН	
Кимберлитовая кикимора	191

Приворот (Почти не фантастика)

Александр ГОЛОВКОВ	
Блондинка.....	207
Светлана БЕРЗИНА	
Парк орхидей	215
Константин ЕГОРОВ	
Как Адам Еву нашёл	220
Сергей ТАРАКАНОВ	
Грехопадение Адама	222
Наталья ЖИЛЯНИНА	
Письмо незнакомке	226
Ольга ИСАКОВА	
В её жизни появился Он!	231
Ольга ДУДАРЕНКО	
Прилетит летающая тарелка	236
Александра ЕРОФЕЕВА	
Приворот	238
Семён АГЕЕВ	
Детская книжка	245
Наталья КОЛЕСОВА	
Моя жена – чужая	253

Просто игра (Совсем не фантастика)

Наталья КОЛЕСОВА	
Познакомимся?	256
Валерий КОЛОТВИН	
Встреча	261
Наталья КОЛЕСОВА	
Просто игра... ..	265
Елена БРАЖНИКОВА	
Записка без подписи	290
Наталья КОЛЕСОВА	
Поминки	334

Последний звонок (Новелла для сценария)

Ольга БЕЛОУСОВА, Евгений ГРЕП	
Последний звонок.....	348

Авторы и произведения.....	372
----------------------------	-----

Литературно-художественное издание

Как Адам Еву нашёл

«Контактовцы» о любви

Сборник повестей и рассказов

Книга вторая

*Составление, вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

На первой странице обложке – картина Марины Колотвиной
«Из пены морской». 2006. 74 x 55. Холст, акрил

Тираж 40 экз.

– Я любил тебя, Аля, – решительно сказал Дэн. – Любил тогда. И люблю сейчас.

Аля замерла, произнесла, не оборачиваясь:

– Тебе следовало сказать это раньше.

– Я знаю, – Дэн легонько коснулся её плеча. – Посмотри на меня. Пожалуйста.

Аля прореагировала не на просьбу, на прикосновение. Обернулась, уперев взгляд в колени, в судорожно сжатые кулачками ладошки.

– Прости меня, – Дэну очень хотелось разжать её ладони, но протянуть к девушке руку он не решался. Поэтому просто продолжал говорить. – Я струсил. Я очень боялся, что ты будешь надо мной смеяться. И... ты уезжала учиться. Я не хотел испортить тебе жизнь.

– Как всё у нас по-дурацки вышло... – прошептала Аля. Подняла голову.

– Согласен.

В этот момент Дэн, наверное, согласился бы с любым её утверждением. Потому что он знал, что она скажет потом. Обязательно скажет...

– Я тоже тебя люблю. Но, знаешь, роль Онегинской Татьяны мне всегда была противна. Что за глупость – признаваться первой?

Они улыбнулись друг другу, легко, открыто, как улыбаются только по-настоящему влюблённые.

Белоусова О., Грех Е. Последний звонок

Издательство «Ник без Compani»